Ş 82
Я-498

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ЯКУТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

2010-043-19

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Серия основана членом-корреспондентом Российской академии наук А.Б. Сокоевым

Том 27

САХА
ТӨРҮТ ОСТУОРУЙАЛАРА

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2008

Я 82.3(2=Як)-442
Я-498

ЯКУТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Новосибирская гос. обл. научная библиотека
2010-04319
Р-28
820=
+ 1 КД

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В подготовке серии участвуют

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ-МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

•

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ

ИНСТИТУТ АЛТАИСТИКИ им. С.С. СУРАЗАКОВА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

ТУВИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

•

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА

•

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ (АКАДЕМИЯ) им. М.И. ГЛИНКИ

•

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н.А. Алексеев (зам. главного редактора), *Э.Е. Алексеев*, *А.Е. Аникин*,
В.М. Гацак (зам. главного редактора), *А.П. Деревянко* (главный редактор),
В.В. Илларионов, *А.С. Каргин*, *М.Г. Кондратьев*, *Е.Н. Кузьмина* (ответственный секретарь),
В.А. Роббек, *Е.К. Ромодановская* (зам. главного редактора), *В.М. Санги*,
Ю.И. Смирнов, *Ю.И. Шейкин*

Художественное оформление серии

А.А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СО РАН

ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА

Вступительные статьи

Ю.И. Смирнова, *Н.В. Емельянова*, *А.С. Ларионовой*

Составление и подготовка якутских текстов

В.В. Илларионова, *Ю.Н. Дьяконовой*, *С.Д. Мухоплевой*, *Л.Д. Нестеровой*
при участии *Т.В. Илларионовой*, *Н.В. Павловой*, *Л.Ф. Рожиной*

Сверка якутских текстов

Н.А. Дьяконовой, *С.Д. Мухоплевой*
при участии *Н.В. Павловой*, *Е.Н. Протодьяконовой*, *А.А. Федоровой*

Перевод текстов на русский язык

А.А. Билюкиной, *Ю.Н. Дьяконовой*, *С.Д. Мухоплевой*, *Л.Д. Нестеровой*
при участии *Н.В. Павловой*

Нотные записи

А.С. Ларионовой, *Л.Г. Ильиной-Гольштейн*

Комментарии, примечания, словари, указатели

В.В. Илларионова, *С.Д. Мухоплевой*
при участии *П.Н. Дмитриева*, *Н.В. Павловой*

Составление компакт-диска

А.С. Ларионовой

Подготовка мастер-диска

Г.А. Петрова

Редакторы

Ш.К. Третьякова (перевод) при участии *А.А. Гриневич*
Е.Н. Кузьмина (научный аппарат)
Г.Е. Солдатова (музыковедческий раздел)

УДК 398
ББК 82.3Як
Я49

Рецензенты
доктор филологических наук *Л.Л. Габышева*
кандидат филологических наук *В.М. Никифоров*

Утверждено к печати Ученым советом Института филологии СО РАН

Ответственные редакторы тома
Н.В. Емельянов, *Ю.И. Смирнов*

Исследования осуществлены при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002–2006 гг., № 2006-РИ-112.0/001/357 (государственный контракт № 02.445.11.7401) и программы Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ НШ-8418.2006.6

Том издан при финансовом содействии Президиума Сибирского отделения Российской академии наук

Якутские народные сказки / Сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, Я49 С.Д. Мухоплева и др. — Новосибирск: Наука, 2008. — 462 с.; ил. + компакт-диск. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27).

ISBN 978–5–02–028691–7.

Том представляет собой вторую после издания, предпринятого Г.У. Эргисом, крупную научную публикацию якутских народных сказок. Он включает 36 текстов, отобранных из архивных записей ЯНЦ СО РАН, ранних публикаций, а также из материалов комплексных фольклорных экспедиций ОИИФиФ и ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР по районам Якутии (1986, 1987 гг.). Большинство текстов печатается впервые, среди них 10 — по фонозаписи. Впервые издаются сказки с песенными вставками.

Вступительные статьи раскрывают жанровое своеобразие и музыкальные особенности якутских сказок, историю их собирания и изучения. Исследование иллюстрируется живым звучанием образцов, помещенных на компакт-диске. Том содержит научный аппарат и фотоиллюстрации.

Книга предназначена для фольклористов, этномузыковедов, этнографов, краеведов и всех интересующихся народной культурой.

ТП 2001–I–№ 246

УДК 398
ББК 82.3Як

© Российская академия наук, 2008
© Институт филологии СО РАН. Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Основана в 1981 г., 2008
© Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2008
© Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, 2008
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2008

ISBN 978–5–02–028691–7

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Это — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов, а избранные памятники, представляющие вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т.е. произведения памятные и значимые и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстает в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Отправным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) записи и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т.е. оставаясь в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия двуязычная. Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли (обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей). При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыкальные особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии призваны точно документировать публикацию, снабдить текст и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом (а также в музыковедческой статье), либо в особом приложении. Все специальные условные обозначения оговариваются в конце музыковедческой статьи. В нотных записях фиксируются все основные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение. Не поддающиеся нотированию специфические элементы интонирования (тембр и т.п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений начиная с томов 11, 18, 20 и далее — компакт-диск. Но бывают случаи, когда фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому произведению или варианту.

Фоноприложение иллюстрирует самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Книги серии печатаются на единой основе — гарнитуре В.В. Лазурского. Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национального алфавита и шрифтов для ряда бесписьменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших изданий советского времени (в том числе двуязычной академической серии «Эпос народов СССР» (ныне «Эпос народов Европы и Азии»), выпускаемой Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН) и зарубежных публикаций.

В состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» входят следующие книги (в ходе подготовки к печати их названия уточняются):

Алтайский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды, предания

Бурятский фольклор (в 7 т.)
«Аламжи Мэргэн». Героический эпос
«Осодор Мэргэн». Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды, предания

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Сказки волшебные. О животных
Сказки легендарные. Бытовые
Лирические песни
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Эвенский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

Якутский фольклор (в 6 т.)
«Кыыс Дэбилийэ». Героический эпос
«Могучий Эр Соготох». Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Эскимосов азиатских
Юкагирский

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Первый цикл

Эвенкийские героические сказания. 1990 г.
Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн». 1991 г.
Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. 1991 г.

Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». 1993 г.

Бурятские волшебные сказки. 1993 г.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных. 1993 г.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Легендарные и бытовые. 1993 г.

Тувинские народные сказки. 1994 г.

Предания, легенды и мифы саха (якутов). 1995 г.

Второй цикл

Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». 1996 г. Т. 10

Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу. 1996 г. Т. 11

Тувинские героические сказания. 1997 г. Т. 12

Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры. 1997 г. Т. 13

Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. 1997 г. Т. 14

Алтайские героические сказания. 1997 г. Т. 15

Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». 1997 г. Т. 16

Шорские героические сказания. 1998 г. Т. 17

Фольклор удэгейцев: Ниманку, тэлунгу, ехэ. 1998 г. Т. 18

Третий цикл

Фольклор долган. 2000 г. Т. 19

Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые. 2000 г. Т. 20

Алтайские народные сказки. 2002 г. Т. 21

Русский семейно-обрядовый фольклор. 2002 г. Т. 22

Фольклор ненцев. 2001 г. Т. 23

Обрядовая поэзия саха (якутов). 2003 г. Т. 24

Фольклор юкагиров. 2005 г. Т. 25

Мифы, сказки, предания манси (вогулов). 2005 г. Т. 26

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Бурятский героический эпос «Осодор Мэргэн»

Обрядовая поэзия и песни эвенков

Обрядовая поэзия алтайцев

Мифы, предания, легенды тувинцев

Фольклор шорцев

Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока

Обрядовая поэзия и песни тувинцев

ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ

У якутов, как и у любого другого народа, сказки всегда были непременными и любимыми фольклорными произведениями. Они давали пищу для ума и отраду для сердца, доставляли наслаждение звучанием, красочностью и даже роскошью описаний, удивительной точностью словесных оборотов. «Сказку слушают с раннего вечера и до "предутреннего сна", то есть подряд тринадцать-четырнадцать часов. (Богачи иногда заставляли рассказывать сказки подряд по трое суток с короткими перерывами для сна и еды.) Слушают все с затаенным дыханием, сильно увлекаясь и стараясь не проронить ни одного слова. А ведь якуты, вообще, довольно апатичный народ... Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный, прекрасный мир чарующих грез... А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех: у него даже глаза закрыты, чтоб окончательно отрешиться от "грешной" земли с ее злободневными дрязгами и прозой... В глазах слушателей сказочник совершенно преобразился: это не прежний знакомец Уйбаан, а какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом», — так выразил свои впечатления от слушания сказок А.Е. Кулаковский [37, с. 379–380], поэт и один из первых якутских языковедов и фольклористов.

«Прежде всего нужно помнить, что сказки составляют для якутов несомненную историческую истину. Они служат у них главным родом поэзии, главным средством просвещения, они идут рядом с их поверьями и обычаями, они по возможности осмысливают последние, они служат главным источником для объяснения всех явлений жизни и в то же время главным средством для укрепления якутов в шаманстве и суеверии. Бесчисленное множество собственно якутских сказок относится к прародителям рода человеческого вообще и якутов в особенности, а также к происхождению разных животных» [85, с. 372]. «Если бы собрать только одни якутские сказки, которые еще живут в настоящее время в устах

якутов, то и в них одних можно бы было найти довольно данных для истории умственного развития якутов, — заключал И.А. Худяков в конце 60-х гг. XIX в. и признавался, столкнувшись с этим огромным богатством. — К сожалению, и в этом отношении наши материалы не могут быть достаточными» [85, с. 371].

СОБИРАНИЕ

Перечень лиц, когда-либо собиравших якутские сказки, невелик: он занимает всего две страницы в справочных материалах второго тома сказок, опубликованных Г.У. Эргисом [89, т. 2, с. 272–273], и может быть дополнен несколькими именами собирателей как старых (Г.В. Ксенофонтов, П.А. Ойунский), которых Эргис почему-то не включил в перечень, так и тех, кто записывал сказки после 1967 г., после выхода в свет названного тома.

Именно И.А. Худяков (1842–1876) стал первооткрывателем якутских сказок. Уже известный собиратель и исследователь русского фольклора, автор многих просветительских книжек для народа Иван Александрович был и видным участником революционного движения первой половины 60-х гг. XIX в. Это он вложил пистолет в руку Д.В. Каракозова, и хотя следствию под председательством графа М.Н. Муравьева, получившего прозвище Вешателя, не удалось раскрыть все связи и подлинную роль Худякова, тем не менее оно сумело внушить суду свои представления об опасности Худякова и его отправили в ссылку в Верхоянск, отделив от других участников судебного процесса. Вегетарианец Худяков, оказавшийся в Верхоянске, испытывал постоянные лишения и притеснения и не боролся за собственное выживание. Он пренебрег своим здоровьем и даже жизнью и предпочел открыть якутский мир сначала для себя, но, конечно же, и в надежде на то, что его труды дойдут до ученого мира. Из написанных им за очень короткий срок работ сохранились всего две рукописи, не считая «Опыта автобиографии», однако даже они поражают объемами замеченных и записанных Худяковым фактов материальной и духовной жизни якутов. Для этого нужно было прежде всего овладеть якутским языком, и ученый быстро освоил его в такой степени, что этому и по сей день удивляются просвещенные якуты.

До ссылки Худяков как собиратель охотно записывал русские сказки. Как исследователь он привлекал еще сказки других славян, а также немцев, финнов и других народов. В ссылке он занялся записью якутских сказок и, вероятно, мечтал приготовить исследование их в сравнительном

плане. По нашим подсчетам, Худякову удалось записать несколько более 20 сказок, судя по рукописям без каких-либо сведений о рассказчиках. Тяжелое заболевание прервало его плодотворную работу. Это случилось, по-видимому, в 1869 г.

Лишь с 80-х гг. XIX в. собирание якутских сказок получило продолжение. Им иногда занимались политические ссыльные: В.Л. Приклонский, Е.Д. Борисов, Н.А. Виташевский, М.П. Овчинников, В.Л. Серошевский, Э.К. Пекарский и др. (об этом см. [88, с. 40–43, 47]). Почти все они, кроме Пекарского и в отличие от Худякова, неважно усвоили якутский язык и, очевидно, поэтому записывали обычно немногие, а то и единичные тексты скорее как образцы языка или как выражение общественных представлений.

На рубеже XIX–XX вв. среди якутов уже были люди, способные оценить значение сказок и заниматься их собиранием. А.Е. Кулаковский, кажется, первым из них обратил внимание на сказки. Правда, его интересовали по преимуществу тексты, содержащие этиологические мотивы, и он записал таких произведений, по меньшей мере, полтора десятка.

В 20-е гг. XX в. поэт, крупный деятель нарождавшейся якутской национальной культуры и, видимо, первый организатор процесса становления гуманитарных наук в Якутии П.А. Ойунский, не раз слышавший сказки, воспроизвел их по памяти и записал в своей литературной обработке. Он не пренебрегал и сказками очевидного русского происхождения: среди сохранившихся записей есть тексты об Александре Македонском и Соломоне Мудром.

Увлеченный идеей восстановления истории якутов по фольклорным преданиям, Г.В. Ксенофонтов попутно также собирал сказки. По данным Г.У. Эргиса, он записал в 20-е гг. XX в. 50 сказок [88, с. 87].

В 1930-е гг. собирание сказок стало развиваться. В нем зачастую принимали участие местные жители, прежде всего учителя и школьники. Обычно они записывали только образцы. С их участием А.А. Саввин сумел собрать на

Собиратель якутского фольклора Андрей Андреевич Саввин (1896–1951).

Вилюе в 1939 г. 72 сказки [88, с. 82], что, наверное, можно считать еще непревзойденным якутским рекордом.

В 1940-е гг. сказки продолжали понемногу записывать в разных поселениях. Положение изменилось с 1950 г., когда Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории поручил Г.У. Эргису (1908–1968), получившему начальную филологическую подготовку в Казанском педагогическом институте, возглавить проведение собирательской работы. Накануне Великой Отечественной войны он закончил аспирантуру в Киеве. С его участием в 1950–1960-е гг. было сделано немало новых записей сказок в разных местах Якутии. Процесс собирания, похоже, нарастал, однако безвременная кончина Г.У. Эргиса прервала его. И снова, как в 1930-е гг., собирали сказки по преимуществу любители.

В 1980-е гг. собиранием сказок недолго занималась подававшая большие надежды Ю.Н. Дьяконова, однако местонахождение ее записей остается неизвестным. С того же времени и, надеемся, по сей день собирает народную прозу на родном Вилюе В.В. Илларионов. Он составил перечень записей сказок, собранных со времени Эргиса и до наших дней и хранящихся в фольклорном архиве Якутского филиала СО РАН. По его сведениям, последние 30 с небольшим лет в Якутии записывали в среднем не более 5 сказок в год.

Располагая опубликованным Эргисом [89, т. 2, с. 267–271] перечнем записей по сказочникам, текстов за 100 лет (со времен Худякова и до 60-х гг. XX в.) и перечнем записей, охватывающим последние 30 лет, составленным В.В. Илларионовым, мы совместили их по районам, учитывая только паспортизованные записи, сделанные на территории Якутии.

Итак, на северо-западе Якутии, на Анабаре и Оленеке записано всего 16 текстов. На Вилюе с густым якутским населением сделано записей больше, чем где-либо:

Районы	Число записей
Сунтарский	36
Нюрбинский	7
Верхневилюйский	13
Вилюйский	75
Всего...	131

Меньше, как ни странно, собрано сказок на Лене:

Районы	Число записей
Ленский	2
Орджоникидзевский	47

Якутск и окрестности	3
Мегино-Кангаласский	52
Горный	7
Намский	1
Кобяйский	11
Жиганский	1
Булунский	3
Всего...	127

В поселениях на Алдане с притоками текстов записано меньше:

Районы	Число записей
Усть-Майский	4
Амгинский	14
Чурапчинский	17
Таттинский	40
Алексеевский	11
Усть-Алданский	7
Всего...	93

На Яне собрано сказок меньше, чем одним Худяковым:

Районы	Число записей
Верхоянский	9
Усть-Янский	4
Всего...	13

Внимание к записям сказок на Индигирке было большим:

Районы	Число записей
Оймяконский	2
Момский	29
Абыйский	51
Аллаиховский	2
Всего...	84

На Колыме сказок записывали немного:

Районы	Число записей
Верхнеколымский	17
Среднеколымский	24
Нижнеколымский	10
Всего...	51

Таким образом, по местностям физических и паспортизованных записей насчитывается 515. Это число, конечно, незначительно. Оно, на-

верное, может увеличиться за счет текстов, хранящихся в иных, чем Рукописный фольклорный фонд, учреждениях как в Якутске, так и у частных лиц. Ряд непаспортизованных текстов, возможно, удастся привязать к каким-то местам благодаря сопоставлению со сходными паспортизованными записями. Пока же приходится работать прежде всего и главным образом только с 515 сказками.

Не следует думать, что кажущееся большим число записей в одном районе полно представляет местный репертуар. В некоторых случаях это выявляется без труда. Так, в Орджоникидзевском районе, по левобережью Лены чуть выше Якутска, из 47 записей 24 принадлежат одному сказочнику и еще 11 — другому. Следовательно, на долю обоих приходится две трети записей. В Абыйском районе на Индигирке из 51 текста 26 рассказаны одним человеком. Так как сказки записаны по преимуществу от одного-двух рассказчиков и не подтверждены вариантами из тех же мест, всегда останутся сомнения в местном происхождении этих материалов. Собиратели, очевидно, избегали записывать варианты одной и той же сказки в одном месте, между тем без фиксации множества вариантов одной сказки, равно как и любого другого фольклорного текста, ее история бытования на местной почве не раскроется.

Нет уверенности в том, что сказочный репертуар где-либо среди якутов выявлен с удовлетворительной полнотой. Всюду он, несомненно, был значительно богаче, а кое-где, полагаем, и теперь богаче, чем это удалось установить. Из-за неполного выявления местных репертуаров очень трудно или совсем невозможно проследить историю их формирования и, в частности, движение текстов или, иначе, обмен текстами между жителями разных мест.

Без знания истории бытования отдельных сказок и местных репертуаров мы не сможем, последовательно продвигаясь в глубину минувших времен, прийти к тому, чтобы показать, каким был состав якутской сказочной традиции в начале XVII в., когда на Лену и Вилюй двинулись первые русские отряды. Это остается недостижимой мечтой.

ПУБЛИКАЦИИ

Перечень публикаций якутских сказок дан во втором томе сказок Г.У. Эргиса [89, т. 2, с. 274–281] и к нему почти нечего добавить (см. также список литературы в нашем томе). Он незначителен и представлен популярными изданиями, в которых сказки подвергались литературной обра-

ботке, отчего они утратили объективную значимость и могут привлекаться разве что в исключительных случаях. Здесь остановимся лишь на нескольких изданиях, безусловно этапных.

В первую очередь нужно назвать «Верхоянский сборник» И.А. Худякова [15]. Спасенный от неминуемой гибели благодаря стечению обстоятельств и усилиям нескольких доброжелателей (очень кратко об этом см. [16, с. 156–160]) и, вероятно, не полностью уцелевший этот сборник помимо других материалов содержит 11 якутских сказок и 2 длинные «русские» сказки «Илья Муромец», «Старец Пилигрим», записанные от якутов. Все сказки переведены на русский язык Худяковым. Спустя несколько лет Э.К. Пекарский сверил тексты сборника с рукописью и пришел к заключению, что издатели при редактировании текста рукописи ухудшили его [50, с. 197–205]. Они воздержались от публикации якутских оригиналов фольклорных произведений. Эту работу позже выполнил Пекарский [48]. Недоступные для широкого круга пользователей русская и якутская части «Верхоянского сборника» до сих пор не соединены в одно издание (его готовил было Пекарский), отвечающее современным правилам академической науки. Воздавая должное трудам Худякова, составители нашего тома включили в его состав четыре записи «верхоянского мученика» (см. тексты 4, 9, 19, 28), еще о нескольких записях говорится в примечаниях (к текстам 5, 7, 13, 18, 29), что позволяет заметить их положение среди других вариантов соответствующих сказок.

Помимо сказок в «Верхоянском сборнике» Худяков располагал и другими записями. Это становится ясным из «Краткого описания Верхоянского округа» [85], рукопись которого также была спасена от гибели стараниями нескольких доброжелателей (кратко об этом см. [16, с. 158–160]) и только благодаря усилиям подготовивших ее к изданию Г.У. Эргиса, Н.В. Емельянова и П.Е. Ефремова и благоприятной поддержке В.Г. Базанова, занимавшегося изучением деятельности Худякова, была издана в 1969 г. и стала настольной книгой для якутоведов. В частности, фольклорист без труда заметит, что Худяков в изобилии приводит цитаты, чаще краткие, реже обширные, и из таких сказок, каких нет в «Верхоянском сборнике». Среди них есть даже два довольно полных пересказа. Одному из них — «Жеребец и бык» — соответствует вариант, помещенный в нашем томе (см. текст 6). Другой напоминает русскую сказку типа «Мороки» (СУС 664 и производные) и вместе с тем он оригинален по содержанию и выглядит эволюционно более ранним, чем русские формы. За его редкостью приводим пересказ Худякова: «Случается иногда, что

2 Заказ № 61

Новосибирская гос.
обл. науч. библиотека

Якутский фольклорист, доктор филологических наук, член Главной редколлегии серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» Николай Васильевич Емельянов (1921–2001).

Выдающийся знаток якутского языка и фольклора, этнограф и фольклорист Андрей Александрович Попов (1902–1960).

колдун сделает наговор на одного человека, а вместо него погибает другой; это бывает большею частью в том случае, если погибший был тезкой тому человеку, на которого сделан наговор. "Однажды, — рассказывал мне якут, — рассердился на меня один человек, а я не знал, что он колдун. Уснули мы, и только что я заснул, как и увидал сон. И чувствую я, что вот лежу на такой кровати и в таком доме, будто по ногам моим в углу *билирика* с шумом зажурчала речка. Вот увидал я ее, около нее тальник, деревья, я вырезал-сделал (рыбий) заездок, поставил морду. Вот пришел один пребольшой таймень, но побоялся моего заездка. Я и подумал: "Ткнуть бы его (тайменя) ножом-пальмою!" Оглянулся: есть пальма. Схватил я ее и ткнул тайменя, а он и поплыл вверх и перепрыгнул через мой заездок, так и хочет на меня упасть, я отстранился. А он перепрыгнул через изголовье кровати и проскочил прямо внутрь человека, лежавшего на смежной кровати (*кэтэҕэриин*). Посмотрел я, а изнутри (этого человека) высунулись черви, ящерицы. И в ту же минуту, когда увидел я, что таймень пал на соседа, сосед вскричал и сам от своего крика проснулся, и я тоже. А я, было, думал, что вижу наяву (действие колдовства). "Ведь

это сон!", — подумал я. Вот уснули мы. Утром, вставши, я рассказал этому человеку свой сон, он мне сказал на это: "Ведь этот человек, что вчера на тебя рассердился, — колдун. Верно, хотел он (таймень) тебя съесть, да меня съел! Право, худо же ты видел во сне!". Уехал я оттуда, потом летом слышу: заболел этот человек животом и помер!"» [85, с. 305].

Долгое время якутский фольклор, включая сказки, оставался неизвестным читателям. Лишь в 1936 г. в Ленинграде вышел сборник «Якутский фольклор» [91], составленный А.А. Поповым, будущим видным этнографом. Тираж в 3500 экземпляров сделал сборник доступным для многих людей. К сожалению, сборник был небольшим по объему, содержал образцы переведенных на русский язык текстов эпических сказаний, преданий и других фольклорных произведений и только 6 сказок (седьмой текст «Омоллон» относим к числу преданий, осложненных сказочными мотивами). Почти все тексты сборника были внове даже узким специалистам. Так слегка приоткрылись врата к богатству якутского фольклора. Почин А.А. Попова, однако, не получил поддержки в виде новых, более представительных и действительно научных изданий якутского фольклора, выпущенных в Ленинграде или Москве.

Между тем в Якутии заметное распространение получили книги на якутском языке, к примеру сборники Д.К. Сивцева — С. Омоллоона. Один из них — «Якутские сказки» — вышел двумя изданиями (1940 и 1954 гг.) [67, 68], другой — «Якутский фольклор» — был предназначен в качестве школьной хрестоматии и выпускался в 1947, 1970 и 1996 гг. [70, 71]. Заметное место в нем занимал раздел сказок, начинавшийся с текста «Жеребец и бык» и заканчивающийся пространным переложением «Бовы Королевича», почти забытого русскими. Фольклорные произведения Д.К. Сивцев дал в своей литературной обработке, что допустимо для популярной книги, но неприемлемо для научного издания. Не одно поколение якутских школьников усваивало сказки помимо родной местной традиции и по сборникам Сивцева или подобным им, о которых здесь не упоминаем. Так сюжеты или версии сказок из сборников Сивцева и других изданий получали вторичную фольклоризацию, вытесняли из бытования местные формы или дополняли местный репертуар там, где ранее они не бытовали. Эти сказки стали хрестоматийными.

Только в 60-е гг. XX в. появилось первое крупное научное издание якутских сказок [89]. Оно было осуществлено якутами. Ведущую роль в его подготовке сыграл Г.У. Эргис. Ему помогали этнограф Н.М. Алексеев и фольклористы А.Л. Новгородова и С.П. Ойунская. Здесь выделим незабвенную А.Л. Новгородову, неизменную сотрудницу Эргиса. Она казалась

Хранитель Рукописного фольклорного фонда Анастасия Лаврентьевна Новгородова (1916–2001).

вечной хранительницей Рукописного фольклорного фонда. В этом двухтомном издании все или почти все выполнено впервые. Какие бы недостатки или упущения сегодня мы в нем ни находили, на все укоры и замечания можно спокойно отвечать: таков был уровень тогдашней советской фольклористики. Для Якутии он сразу оказался высоким.

Достоинство сборника состоит в том, что сказки опубликованы на якутском языке с подстрочным переводом на русский язык. Будь сказки напечатаны только на якутском языке, они оказались бы трудными для восприятия даже лицам, имеющим тюркские корни и страстно ищущим в якутском фольклоре подтверждение своим прапратюркским теориям. Если бы эти сказки вышли только на русском языке, всегда оставались бы сомнения в точности передачи частей текстов. Естественный язык оригинала являет миру свою подлинность, а подстрочный перевод должен только удостоверять ее. Тем достигается мера, которую превыше всего ценили еще древние греки.

По числу текстов (132) сборник остается самым крупным и, следовательно, самым представительным печатным собранием якутских сказок. Уже поэтому он — обязательный источник для пользователей, заинтересовавшихся якутскими сказками. Во втором томе сборника помещены важные справочные материалы. Просматривая перечень лиц, записывавших якутские сказки, приходим к выводу, что большая часть записей была сделана людьми, не подготовленными к быстрой записи. В те далекие времена тексты писались под диктовку, тогда как настоящий сказочник не способен диктовать. Диктуя, он теряет ритм, сбивается, пропускает словесные обороты и даже эпизоды. Он начинает пересказывать сказку, что можно обнаружить в ряде текстов, включенных в сборник. Видя огрехи своей записи, любитель-записыватель произвольно или непроизвольно вынужден исправлять их. Если он делает это без участия рассказчика и тем более усердствует в этом, то полученный текст следует

признавать самозаписью собирателя. Достоверность записей якутских сказок еще следует подтвердить исследователям.

В перечне лиц исполнителей довольно много людей названы сказочниками, что приходится принимать на веру, поскольку от них зачастую записывали по одной-две и не более пяти сказок. Если эти люди действительно были сказочниками, то скромное число записей от них означает, что собиратели фольклора, очевидно, в силу разных причин не могли или не старались получить полные репертуары исполнителей. Отсутствие репертуаров якутских сказочников очень обедняет представление о масштабе сказочной традиции в Якутии, о мастерстве рассказчиков, о стиле самих сказок.

Справочные материалы в двухтомном собрании Эргиса не утратят значения до тех пор, пока на смену им не будут созданы более совершенные указатели и перечни. В истории молодой якутской фольклористики сборник Эргиса — бесспорно, этапное событие.

После его выхода следовало бы ожидать уже серию подобных сборников, однако этого так и не произошло. Много лет спустя на смену Эргису пришла Ю.Н. Дьяконова. Она участвовала в нескольких фольклорных экспедициях и постепенно увлеклась сказками. Увлечение переросло в серьезные научные занятия, которые прервала неожиданная смерть. Уже после смерти Ю.Н. Дьяконовой стараниями ее новосибирских коллег и прежде всего С.П. Рожновой увидело свет единственное монографическое исследование якутских сказок «Якутская сказка: (Русско-якутские взаимосвязи)», подготовленное в очень важном межэтническом плане. В приложении [26, с. 107–175] приведены переводы 10 сказок из архивных источников (за исключением текста № 9, источник которого не указан) Рукописного фольклорного фонда (по указателю Эргиса соответственно № 126, 112, 218, 130, 154, 124, 106, 117, 222). Впервые в истории якутской фольклористики тексты сопровождены подробными аналитическими комментариями.

Исследовательница якутских сказок и фольклора старожилов Русского Устья Юлия Назаровна Дьяконова (1953–1986).

КЛАССИФИКАЦИЯ

Фольклорная классификация — это разделение материала одного отрезка времени по характерным историческим признакам. В отношении народной прозы — это разделение ее на соответствующих уровнях повествования: устойчивые словосочетания, типические места, мотивы, сюжеты и их контаминации, разновидности и виды (жанры). Как и у других народов, у якутов существовала народная классификация фольклора. Не исключено, что старинные названия для различных видов народной прозы сохранились до сих пор, детального опроса по местностям Якутии никто не проводил.

Просвещенные собиратели — политические ссыльные или местные записыватели, — ограниченные узким кругом исполнителей и известной им книжной традицией, настаивали, естественно, на одном-двух терминах народной прозы, которые им были известны. Объективно все мнения о том, как называть якутские сказки [88, с. 210–211], в конечном счете сводились к вопросам, какими обобщенными терминами обозначить весь массив сказок. Вместо последовательного выявления народной классификации были разные суждения о том, как же назвать все сказки: *олонхо* ли, сблизив или отождествив их с эпическими сказаниями, *кэпсээн* 'рассказ, сказ' или *остуоруйа* (от рус. история). В сущности, эти мнения были малозначимы, а теперь с утверждением названий утратили смысл. Для сравнения напомним, когда русские эпические песни были известны лишь по немногим образцам, а об их народных названиях (старина, стих) никто не знал, некий человек, прославивший себя фальсификацией русских эпических текстов, предложил термин «былина», позаимствованный из «Слова о полку Игореве» («Начати же ся той песни не по былинам сего времени...») — и термин был принят всеми, он благополучно утвердился и в науке, где употребляется чаще народных названий. Подобных случаев немало.

Так произошло и в Якутии. Начиная с 30-х гг. XX в. настойчивое употребление термина «остуоруйа» в популярных изданиях, как и в сборниках А.А. Попова и Д.К. Сивцева, привело к тому, что у просвещенных якутов он превратился в обычное название любых сказок. В народе же, по признанию Эргиса, кэпсээн и остуоруйа воспринимаются как синонимы [88, с. 210], но, повторяем, при этом надлежащих опросов относительно народной классификации не проводилось.

С научной точки зрения все виды и разновидности якутских сказок отвечают общепринятым научным терминам. Подобно многим народам

якуты также знают сказки о животных, волшебные, новеллистические, легендарные, бытовые, анекдоты, докучные и кумулятивные. Принимая во внимание продолжительность процесса оформления разных видов сказок, можно полагать, что все виды и разновидности якутских сказок сложились к началу XIX в., когда их заметили любознательные просвещенные люди.

Самым примечательным в сказочном репертуаре якутов видится сравнительно большой удельный вес этиологических сказок или иных сказок с этиологическими мотивами: по указателю Эргиса это № 17, 21–29, 34–42, 46, 48, 50, 53, 54, 57, 60, 64–67, 69, 71, 73–75 (несколько образцов есть и в нашем томе, см. тексты 3, 4, 6, 8 и др.). Помимо названного выше варианта сказки о жеребце и быке эти тексты можно дополнить примерами, приведенными И.А. Худяковым: «Но все объяснения происхождения животных и человека, конечно, сверхъестественные и чудесные. Так, в одной сказке одна из прародительниц людей образовалась по воле богов из хвоща-травы. Лошадь залягала до смерти злую дьявольскую дочь, но плоть и кровь ее остались на земле и, сделавшись всеми червями, молью и гадами, ходят до сих пор. Шишки на хвостах у всех лисиц и волков образовались оттого, что хвост их когда-то был приморожен к проруби. Морские рыбы с обратной чешуею образовались из дьявольской дочери, разорванной надвое. Маленькие куропатки — из двух гноин, упавших из глаз старухи Симэхсин. Почему журавль редко показывается в Верхоянском округе, а сыч здесь зимует — об этом целые сказки. Едун хотел убить пташку, но лишь способствовал образованию множества пташек. Жаворонка по его пению якуты постоянно называют "священником птиц" (*көтөр кынаттаах аҕабыта*) или "небесным попом" (*халлаан аҕабыта*).

"Когда, — говорят якуты, — господь бог устраивал мир, он дал кулику-самке четырех птенцов, а кукушке восемь. Кулик-самка попросила у бога и себе столько же, но тот отказал. "Чем мне иметь только четырех птенцов, лучше мне провалиться с неба!", — сказала она и упала на землю с куличьим криком. И до сих пор, летая, они вскрикивают таким образом".

Или вот, напр[имер], миф общеизвестный и вполне достоверный для якутов: "Был один якут-мальчик, воспитанник по обложению наслега, лет десяти. Пошел он однажды с коромыслом и двумя ведрами за водой. Вышел к воде, а в это время месяц только что стал показываться на небе. Этот воспитанник стоит и плачет: "Мучение мое, наказание! Бесконечные мои труды!". Взглянул он на месяц и сказал: "Чтобы вместо этого быть мне духом солнца и месяца!". Тут месяц и солнце вдруг спустились с неба и стали друг у друга отнимать мальчика. А около воды рос невысокий

тальник. В испуге мальчик влез на талину вместе с ведрами. Так месяц вырвал мальчика вместе с талиной и взял к себе. И теперь он живой на месяцу, стоит на талине, упершись на нее одною ногою и держа рукой коромысло. Зимой его видно (т.е. тень лунных гор)"» [85, с. 372].

«В Эгинцах ту же историю рассказывают несколько иначе. Была одна сирота-девочка. Жена ее старшего брата варит щи из сухой рыбы, накрошив еще древесной мезги. Мезга у них не смешивается с рыбой, плавает поверху, они черпают сверху одну мезгу, кормят сироту. Сварят потом мясную похлебку с мезгой, мясные куски у них наверх выплывают, а вся мезга на дно оседает. Они черпают мясо сверху, едят сами, а одонки дают сироте. (В другом варианте: старшая сестра крошит конский волос и этим кормит младшую.) Сирота у них сильно худеет. Пошла она за водой с коромыслом. Подошла к воде, схватилась за сухой тальник и плачет: "Если б вместо этого была бы я духом месяца-солнца" (*Бу кэриэтин ый-күн иччитэ буоллардын*). Тут спускаются оба, и месяц, и солнце, спрашивают: "Кого ты раньше назвала: солнце или месяц?". От солнца ужасно горячо, от месяца прохладно. Сирота обернулась к месяцу; месяц ее и прилепил к себе. Тут солнце сказало: "Во весь свой век уничтожайся ты вместе с ущербом месяца и полней вместе с полнолунием!"» [85, с. 373].

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Систематизация фольклорного материала призвана показать многообразие вариантов, версий и контаминаций, изменчивость текстов произведений во времени, переход из формы в форму, от поколения к поколению и в пространстве от места к месту расселения носителей данной фольклорной традиции. Способов систематизации может быть множество, что определяется поставленной целью [79, с. 3–15].

Опыт систематизации якутских сказок был осуществлен Г.У. Эргисом и его сотрудниками. Он представлен в том же втором томе [89, с. 159–266]. Для его подготовки за образец был взят указатель Н.П. Андреева [10], которым тогда широко пользовались. Несовершенство указателя Андреева предопределялось системой А. Аарне, жесткой и закрытой. В ней на один уровень повествования ставились независимо от степени сложности мотив, сюжет и контаминация. Смешение и отождествление разных уровней повествования усугублялись крайне скупыми или очень отрывочными аннотациями (пересказами текстов), что приводило к частым ошибкам обращавшихся к нему исследователей и составителей сборников сказок.

Пытаясь соотнести якутские сказки с восточно-славянскими формами, отмеченными в указателе Андреева, Эргис и его сотрудники, навер-

ное, быстро увидели, что сравнительно близкие или сходные якутские соответствия обнаруживаются реже, чем частичные или преобразованные. Возможно, поэтому любой текст якутских сказок был принят за самостоятельный сюжет. Столь сильное допущение привело к тому, что один и тот же сюжет, получивший разное оформление в многосоставных сказках, был разнесен по различным «сюжетам» якутского указателя и его нужно долго отыскивать, чтобы подобрать все приведенные в указателе конкретные сказочные формы определенного типа. К примеру, сказочный тип «Три подземных царства» (AT, СУС 301 и производные) в указателе Эргиса более или менее полно обнаруживается в текстах 92–94, 96, 97, 105, 127, 182, 194, 225; сказочный тип «Брат и сестра у ведьмы» (AT, СУС 327 и производные) частично определяется в якутских сказках № 79, 83, 84, 213, 215. И таких случаев немало.

Преодолевая жесткость примененной системы, Эргис и его сотрудники увеличили число тематических рубрик в разделах волшебных и бытовых сказок. Они расширили содержание аннотаций, что надо считать главным достоинством указателя: благодаря этому действительные сюжеты якутских сказок опознаются чаще, чем восточнославянские сюжеты в указателе Андреева.

Единичными текстами, реже немногими вариантами в якутском указателе представлено 78 форм сказок о животных, 209 форм волшебных сказок и 113 форм бытовых сказок и «потешных рассказов». Несколько лет спустя Эргис привел иные цифры, при этом он уже отличал отдельную запись от сюжета, но не раскрыл свое понимание сюжета [88, с. 216, 226, 228]. Увеличение числа записанных сказок о животных (99 номеров) и бытовых сказок (224 номера) можно объяснить прибавлениями благодаря собирательской работе. Пока что мы еще не знаем точный сюжетный состав якутских сказок.

Указатель Эргиса для своего времени был серьезным достижением. Он вместе с тем и единичный пример, не поддержанный в других республиках Сибири. Теперь этот указатель нуждается в основательном обновлении.

ИЗУЧЕНИЕ

Собирание, публикация, классификация, систематизация — все эти виды работ также суть разные способы изучения фольклорных текстов.

Когда собиратель способен по первым фразам текста отличить местную форму от сказки книжного происхождения, когда он, записав текст в естественном исполнении, расспрашивает об истории его бытования,

о его реалиях и персонажах, выясняет отношение рассказчика и слушателей к поступкам персонажей, просит рассказчика описать каких-либо диковинных персонажей типа якутского Монгуса, он выступает исследователем в полевых условиях.

Когда фольклорист отбирает для печати достоверные записи и сопровождает их аналитическими размышлениями и справочным аппаратом (различными словарями и указателями), он проводит исследование.

Определяя принадлежность текста к фольклорному классу и четко выделяя среди сходных произведений варианты, версии и контаминации, он, конечно, тоже проводит исследование.

Систематизируя многообразие изменчивых форм, фольклорист готовит взятый материал для исследования его на глубину минувшего времени и ареальность.

Все эти действия часто неосуществимы, а то и недостижимы. Тексты нередко записывались чисто механически, степень их достоверности не выявлялась, печатались они по усмотрению публикатора и без обязательного аппарата, их нередко не умели правильно классифицировать и не хотели систематизировать.

Первым исследователем якутских сказок был И.А. Худяков. Он широко использовал собранные им и, может быть, только прослушанные сказки в «Кратком описании Верхоянского округа» [85]. С помощью цитат из сказок он раскрывает представления якутов о себе и об окружающем их Среднем мире, о Верхнем и Нижнем мирах. С привлечением сказок он описывает быт якутов и их отношение к домашним животным, обряды и шаманские действа. Он неравнодушен и к изображению в сказках социальных отношений. Несколько сдержаннее он использует художественные средства сказок, хотя его книга написана выразительным языком. Иными словами, Худяков обозначил многие важные исследовательские темы и попытался изучить некоторые направления в пределах доступного материала. Почин Худякова долго не получал подкрепления.

Многие десятилетия о якутских сказках писали в самом общем плане, с редкими или немногими вставками в виде пересказов доступных текстов. Эта очерковая традиция была прервана «Якутскими сказками» Г.У. Эргиса главным образом благодаря представительному корпусу текстов и справочным материалам. Спустя несколько лет Эргис воспроизвел свою вступительную статью сборника в обновленной редакции [88, с. 210–232]. Надо думать, что он просто не успел создать монографическое исследование.

И только в 1982 г. В.П. Еремеев [28] попытался решить одну из тем, поднятых Худяковым. Он написал очень беглый очерк о мифологических

персонажах, однако осталось неясным, отобразился ли в сказках хотя бы один мифологический персонаж по всем местам расселения якутов, в каких типах сказок он встречается и т.д. Использование любительски выбранных примеров не дает научного решения. Одной из неотложных задач якутской фольклористики остается составление мифологического словаря, где бы привлекались произведения всех фольклорных жанров и сведения из нефольклорных источников: после его создания научное освещение мифологических представлений якутов станет само собой разумеющимся.

Судя по опубликованной посмертной статье, другую тему Худякова решилась развивать Ю.Н. Дьяконова. Чувствуется, что, накопив много фольклорного материала, она рассмотрела лишь некоторые факты. Здесь, видимо, сказались внешние обстоятельства. Осталось неизвестным, одинаково ли отображается в сказках какой-либо один обряд в разных местах расселения якутов, существуют ли параллельные обрядовые формы и перенесения и пр. Если Худяков мог проводить изыскания только в Верхоянском округе, то нынешние исследователи обязаны не ограничиваться произвольным подбором примеров из двух-трех мест расселения якутов. Объективированную истину можно получить только после прослеживания фольклорного факта по всем населенным пунктам.

Такого рода попытку и предприняла Ю.Н. Дьяконова [26]. Она знала, что начиная с Худякова едва ли не все, знакомившиеся с якутскими сказками, заговаривали о русском влиянии на них. Категоричнее других был Д.К. Сивцев, в хрестоматии 1970 г. поделивший якутские сказки на собственно якутские, объякученные и «русские заимствования» [71], под чем, видимо, подразумеваются кальки, переводы на якутский язык с большей степенью зависимости от переводимого русского текста. Молодая исследовательница собрала большой материал и во многих случаях проследила, что при сохранении сюжетной основы русских сказок усваивалось и перерабатывалось якутами, а что (персонажи, реалии) оставалось непереведенным и выдавало источник происхождения. Свое внимание она уделяла по преимуществу волшебным сказкам, отобразив суммарные итоги исследования в виде двух перечней сказочных типов. Один из них [26, с. 100–102] показывает распространение заимствованных волшебных сказок по районам записи. В другой перечень, содержащий «русско-якутские сказочные параллели» [26, с. 102–106], к сожалению, без привязки к местам записи, включены, помимо волшебных, сказки о животных и бытовые. Эти материалы предложены впервые.

Независимо от Ю.Н. Дьяконовой мы провели свои изыскания по указателю Эргиса и можем подтвердить результаты, полученные ею. Больше

того, мы можем значительно удлинить перечень якутских сказок, испытавших русское влияние или идущих от русского первоисточника. Русские элементы якутских сказок обусловлены не одним длительным совместным обитанием. Не секрет, хотя об этом почему-то не любят даже упоминать, что многие мелкие группы русских успешно ассимилировались и растворились среди якутов: давно исчезли вилюйские казаки, русские на Яне, верхней и средней Колыме, ямщики ленских станов, принудительно расселявшиеся крестьяне, многие ссыльные. С XVII в. русские принимали участие в становлении единого якутского народа, и это историческое явление пора признать.

Ассимилируясь, русские старались сохранить свои представления, верования и тексты. Они калькировали тексты и передавали их якутам — таково, быть может, основное включение русских текстов в якутскую фольклорную традицию на протяжении долгого времени, кое-где даже в XX в. Могучая стихия якутского фольклорного языка при этом возобладала.

Примечательно, что одна и та же русская сказка в разных местах предстает в различных якутских версиях (см., например, выше отсылки на сюжеты типа СУС 301, 327). Это означает, что в каждой местности якуты по-своему воспринимали и ассимилировали заимствованные тексты, и побуждает говорить о том, что вопросы русского влияния еще далеки от исследовательского завершения. Нужно раскрыть подробности процессов заимствования и якутизации. Работы этого рода необходимы также для того, чтобы, освобождая якутский сказочный репертуар от заимствованных текстов и их составных частей, получить корпус собственно якутских сказок и раскрыть сказочные репертуары якутов накануне появления русских на Вилюе и Лене. Свободными от русского влияния видятся следующие сказочные формы по указателю Эргиса: из сказок о животных — № 17, 21–25, 27, 28, 32–40, 46, 48–50, 53, 54, 56, 60, 64–69, 72–76; из волшебных — № 80, 81, 85–88, 90, 95, 100, 136, 141, 142, 178, 183, 244, 246, 267, 273, 275–280, 286; из бытовых сказок — № 296–298, 317, 330–341, 343–357, 360-372, 375, 377, 383, 388, 391, 393, 397. Многие из них существуют всего в одной-двух записях и, следовательно, нуждаются в подтверждении. И все же именно среди них предстоит в первую очередь выявлять собственно якутские сказки. Этими текстами, разумеется, не исчерпываются источники для восстановления старинного репертуара якутской сказочной традиции. Сказки, испытавшие русское влияние, остаются важным документом, выделением из них собственно якутских сюжетов еще не занимались.

Художественный мир якутских сказок не исследовался фольклористами. Ряд его деталей впервые раскрывается и объясняется в примечаниях к сказкам нашего тома, но еще не составлены подробные перечни изобразительных средств, без чего нельзя изучить материал этого рода.

Красочность якутских сказок была отмечена еще И.А. Худяковым. В не дошедшей до нас целиком сказке «Алып Туйгун» он приводит, в частности, обширные цитаты с описанием идеального, по мнению сказочника, мира якутского героя. Это и местоположение, и жилище с его убранством и утварью, и окружающая природа: «Вот если сверху живет он, возникая, увеличиваясь, под звенящим широким небом с девятью подпорами, с тридцатью ременными петлями (скобами). А если снизу живет он, возникая, увеличиваясь, над незыблемой широкой пропастью. Живет славный знаменитый Алып Туйгун с младшим его братом Алып Хара на земле (среднем месте) с убывающею болотною водою, с закатывающимся солнцем, с восходящим полным месяцем, среди людей со свободно двигающимися головами, узко подпоясанных посредине, имеющих гнущиеся суставы... Имел он (Алып Т[уйгун]) тридцатигранный сквозной серебряный дом...» [85, с. 391], «...светящийся из-за девяти дневных переходов девятиклыкастого (т.е. медведя, волка и т.п.) самца в зрелом возрасте, обмазанный в три ряда серебром. Когда Алып Туйгун повернулся и посмотрел внутри дома, внутренние столбы (поддерживающие потолок юрты) были из богатого дерева, стены — из многого дерева, матица — из хорошего дерева, потолок — из многого дерева. Его почтенная широкая печка была подобна тому, как бы госпожа барыня, надевши нараспашку доху из жеребячьей шкуры и смотря к западу, влетела (в юрту) и встала, не застегнувшись. Его широкий почтенный шесток был подобен ничком положенному туловищу (без ног и головы) девятитравого вполне развившегося телом жеребца. Ниже его серебряный пол был подобен коже трехгодовалого сохатого, растянутой по первому (осеннему) озерному льду, замороженной и выскобленной. Его серебряный стол был подобен разостланному и мелко исписанному листу бумаги русского человека. Выше было серебряное блюдо, подобное трехтравому сохатому с отрубленной головой и ногами, растянутому горизонтально. Были золотые ложки, подобно обделанной затылочной кости умной лисицы, золотые вилки, подобно выскобленной язычной кости стерха самки, сковорода из серебра под чернью, подобно внутренней перепонке шеститравого жеребца, когда ее держат растянутою горизонтально. По сю сторону был у него *хаппахчы*

(чуланчик) с побрякушками, подобно стоя играющим головою и ногами восьми белым жеребенкам, привязанным за голову к ремню, золотые кройма кровати, подобно чисто белой жирной кобыле с притянутой набок головою. Кровать его была узорчата, постель шахматно полосатая, одеяло шашечное, подушки дорогие. Когда встал он, посмотрел на левую сторону: была у него полка-прибаутница, насмешливый югях, а далее прибаутник — скотский хлев. Когда посмотрел он на восточную сторону: была почтенная тяжелая дверь, наколоченная-сделанная семью пожилыми старухами-женщинами из восьми медвежьих самцовых шкур. Ниже был большой почтенный порог, подобно растянутому ничком шеститравому табунному быку с отрубленными головой и ногами. Далее — серебряные сени, подобно прибежавшей в запуски лошади со светлыми напликами (лошади), на которой ездят лишь верхом и для веселья; были серебряные двери, со стуком отворяемые восьмью юношами, далее было толстое прясло, со стуком отодвигаемое девятью юношами. Гладкосеребряное надворье, (столь гладкое), что на нем девятигодовалый конь не может удержаться на ногах, подобно лошади с веселыми напликами (употр[ебляется] для верховых увеселительных поездок), вскачь прискакавшей за дневной переезд. Гладкий серебряный снежный мусор, на котором скользит ногами восьмигодовалый конь. Было девять отборных господ коновязей, подобно девяти господам в дохах из волчины, говорящим по-человечески, молвящим по-якутски. Два столба с колышками, подобно двум девицам, держащим двух стерхов навзничь за обе ноги и заставляющим их дрыгать (ногами). Был высокий лабаз, подобно восьми четырехгодовалым сохатым, стоящим и нюхающим. Когда посмотрел он в сторону, было девять пустых пней, подобно девяти беловатым волкам, стоящим, воя и смотря кверху на небо» [85, с. 200]. «...Когда (вышедши из дома) посмотрел он на восток, была там роща из сухих берез, подобно восьми госпожам женщинам, одетым в платья с серебряными украшениями, стоящим и тянущимся захватившись двумя пальцами, смотря на летний восход солнца, махая к себе руками (призывая благодать), смеясь и играя. Когда повернулся он, посмотрел еще на восточную сторону, было там блестящее поле, подобно растянутой "рубашке" (внутреннему жиру) жирной кобылы. Далее было поле мягкое, как жир, далее: медкое (?) поле, а еще далее молочное озеро, не покрывающееся пенками. А над ним было дерево, взбираясь на которое засыпают-проветриваются люди. А под деревом был белоглиняный дом для валяния (животных). А за всем этим были почтенные лесистые горы, подобные двум табунным быкам, ставшим для того, чтобы бодаться. Было восемь торчащих каменных гор, подобных

двум самцам-медведям, выбежавшим из лесу, подравшимся, сорвавшим друг другу косматую шкуру шеи (бок), покрывшимся темною кровью и отправившимся в темные каменные горы. Был горбатый темный лес, подобно девяти голубоватым оленям, бегущим рысью друг за другом. Был темный лес, подобный семи бело-пеганым оленям, бегущим рысью друг за другом. Когда посмотрел он на южный конец: были там обрамляющие вокруг горизонт белые горы, подобно бегущим белым оленям. По сю сторону их были высокие рощи, подобно девяти толстым, неуклюжим, не понимающим по-якутски солдатам, стоящим на карауле у кладовой с саблями, думая, что придут мошенники, сделают беду. Были осиновые деревья, подобно шаману Кынапу, хвастающемуся перед народом. Был мелкий ерник, подобно семи пожилым старухам, бегущим и волочащим за собой ремешок обуви. А еще ближе были серебряные кочки, подобно отрубленной и стоймя поставленной голове шамана Болчонгнура. (В середине) было важное дерево с восьмисложными ветвями, с листьями и хвоями, протянувшимися от Татты, с господами шишками, подобно богатому человеку, стоя держащему вверх дном стакан-чорон с девятью кольцеобразными возвышениями и махающему им, с листьями, подобно стоящему старинному Нарахе-шаману, держащему за железную рукоятку навзничь бубен с деревянным кругом, обтянутый кожей годовалого теленка, и ударяющему в него: "*дыгыр, дыгыр...*", с золотою корою, с серебряною мезгою, с древесиною из серебра под чернью. Святая желтая божественная жидкость переливалась вниз, подобно жемчугу русского человека, навздеванному на нитку, а снизу святая желтая божественная жидкость подымалась кверху, подобно вздымающейся лежавшей жирной чисто белой кобыле, ею-то напивался проголодавшийся, от нее-то полнел, ел голодный, отогревался озябший; это был дорожный завтрак для верхового, была ночевка для пешего. Когда посмотрел он, желая узнать, где оканчивается верхний конец этого дерева: проросло оно сквозь голубое небо, видимое якутам, сквозь чисто белое лучезарное светлое небо, через белое небо трех рядов и на восточной его стороне сделалось главной коновязью из серебра под чернью у Белого господа бога с молочно-каменным седалищем. Когда посмотрел он, думая: "Куда-то прирос нижний конец (дерева)?", спустился он, сделался ысыахным колом госпоже Коровнице (Ынахсыт). Умозаключил (Алып Т[уйгун]): "Это, должно быть, сосредоточие моей восьмигранной местности!"» [85, с. 391–392].

Сказочник владел обширным набором изобразительных средств. Легко и точно выбирая объекты для любования, он прекрасно знал, что и как следует описать, и с удовольствием нанизывал череду словосочетаний

и типических мест, из которых вдруг рождалась живая образность описываемого. Этот замечательный мастер, конечно, не знал, как определяли и выделяли неведомые ему гиперболы, метафоры, сравнения и прочие поэтические обороты, но свободно пользовался ими. Приведенные отрывки из сказки «Алып Туйгун» свидетельствуют о превосходной развитости и продуктивности якутской сказочной традиции XIX в.

Нанизывание словесных оборотов характерно для якутских сказочников. Оно может быть длиннее или короче, однако неизменно обнаруживается едва ли не в каждой, хорошо рассказанной и записанной сказке. При этом и Верхний мир, куда помещен Айыы Тойон, которого Худяков в переводах именует Белым господом богом, оказывается похожим на идеальный Средний мир, где надлежит благоденствовать якутам: «С молочно-каменным подножием, с двухгодовалыми кобылами и коровами, Белый господь бог, с туманом из якутского масла, с творожной грязью, с молочным озером, с лужами из отстоявшегося кумыса, с болотистой водою из горького кумыса, с весенней водою (от растаявшего снега), из только что почерпнутого молока, с масляными местами, с непрорубаемыми лесами, с непроходимыми травами, с неубывающей водою» [85, с. 281]. Так описывается небесное обиталище в другой не дошедшей до нас целиком сказке «Семиженый сирота Бяйбялин». Русские «молочные реки с кисельными берегами» выглядят предельно скромно по сравнению с якутской жаждой благоденствия.

Как и русские, якутские сказочные герои легко общаются с верховными небожителями (подробнее о них см. в примечаниях к текстам нашего тома). Более того, они роднятся с ними, а порою даже наставляют их. Уезжая из родного дома, Бяйбяйлин поручает заботы о нем небожительнице: «Дух вселенной, госпожа с лицом, покрытым веснушками, с вогнутым станом, с белоснежным телом, с белоснежными волосами! Высунься ты до грудных сосцов и стой же, слушай обоими твоими большими чуткими ушами: если прийдет кто есть (т.е. погубить домашних), отстраняй и прогоняй его. Голодных и тощих корми. Не отодвигай толстое твое прясло, не растворяй толстую твою дверь!» [85, с. 287].

Якутский сказочный герой никогда не забывает приносить жертвы духам местности или животным-покровителям, при этом он совсем по-сказочному создает то животное, которое решил принести в жертву: «Алып Туйгун вырвал у лошади из хвоста три волоса, трижды плюнул и бросил, приговаривая: "Будьте вы четырехгодовалым жеребцом с продольною светлою полоскою посередине носа, с напликами (пятнами) на плечах, а вдоль спины с полосою, подобной поводу!" Когда три волоса обра-

тились в такого жеребца, Алып Т[уйгун] привязал его к дереву, на котором сидел родившийся орел, и сказал: "Да будет это тебе дорогим подарком, большим моим пожертвованием, получай ты коня такой масти для счастья будущих поколений!"» [85, с. 271].

Наряду со стремлением к благоденствию якутский сказочный герой, естественно, думает о продолжении рода. Тема добывания невесты красной нитью проходит через множество сказок, по преимуществу волшебных. Иногда эта мысль передается весьма выразительно: «Однажды утром, — говорит сказка (из числа недошедших полностью в записи Худякова. — *Ю. С.*), — сын их не ел обыденную пищу, не разговаривал с родителями, сердился. Они спросили его: "Что с тобою, голубчик?" — "Да ведь все породы бегающих зверей имеют жеребцов и самок; все роды крылатых имеют самцов и самок. Только я в продолжение своей жизни все обнимал свою локтевую кость. Пары мне не стало: обнимал поперек толстые колени, камусная постель стала холодною; шерстяной коврик прохладным; кровать, сложенная неправильно, мучительной. Седло мое — подушка стала устаточна; доха-покров неплотной, шуба малополезной. Я нуждаюсь в равном друге, лежащем (со мною) на постели. Нет у меня госпожи жены, лежащей на левой стороне"» [85, с. 179].

В заключительной части этой же редкой сказки красочным образом объясняется происхождение одного из свадебных запретов: «Родители стали отпускать свою дочь с женихом и говорят: "Возьмите себе платья и скота, что вам понравится". На это дочь отвечала: "У жеребят я возьму только узду, у телят — нарыльник, из посуды — хамыйах (ложку)!". Взяли и поехали. Тут жеребята сказали: "Если пошла наша узда, зачем мы останемся?". И все жеребята пошли за своею уздою. Тут кобылы сказали: "Когда пошли наши дети, и мы не останемся". Пошли за жеребятами. А жеребцы сказали: "Мы не остаемся от своего табуна". А телята сказали: "Когда пошел наш нарыльник, зачем же мы останемся?". Быки сказали: "Мы не остаемся от коров". Весь скот и пошел. Чашка сказала: "Я не остаюсь от хамыйаха". Пошла за хамыйахом. Пища сказала: "Я не остаюсь от посуды". Имущество сказало: "Мы не остаемся от пары, от подобного себе". Люди сказали: "Мы не лишаемся имущества, не остаемся от своего скота". Все и пошли за невестой. Остались дома отец и мать, да старуха-служанка Симэхсин-Эмээхсин. Вышла эта старуха на крышу и зажгла огонь, достигающий до неба, и сказала: "Девушка! Родители твои горят: взгляни левым глазом!". На это девушка взглянула краем левого глаза. Половина скота, богатства, сытости оторвались, остались от нее и воротились домой. Поэтому-то до сих пор девушка, уезжая из от-

3 Заказ № 61

цовского дома, не должна оглядываться, потому что тогда назначенное ее счастье должно остаться (у родителей)"» [85, с. 168].

Из сказки в сказку переходят некоторые персонажи, ставшие постоянными: это бесчисленные старушки, одинокие или с единственным ребенком, часто безымянные или отличающиеся друг от друга разве что именем; это сообразительные служанки; это Хара Хан (букв.: Черный Хан; эпитет «черный» у тюрок издавна был идеальным этническим цветом), богатый сосед с детьми и домочадцами, а не правитель вопреки титулу, чье значение позабыто якутами; это девушки самые прекрасные на свете, нередко волшебного происхождения и наделенные каким-либо чудесным даром.

Главный этнический герой разных сказок — Мэргэн (Бэргэн). Его нарицательное имя в значении «меткий стрелок, охотник» свидетельствует о южно-сибирском происхождении: у бурят, алтайцев и других родственных народов герой с таким именем выступает не только в сказках, но и в эпических песнях. Будущие исследования, возможно, позволят открыть в сказках о Мэргэне частицы того наследия, которое якуты принесли на берега Лены.

В собственно якутских сказках нет упоминаний об иноземных царствах или королевствах. Согласно им, Средний мир населен лишь якутами. В нем сказочные герои постоянно сталкиваются с *абаасы*, обитателями Нижнего мира, впрочем, часто имеющими жилища и в Среднем мире. *Абаасы* — исконные и постоянные противники настоящих людей — якутов.

Термин *абаасы* Худяков (а вслед за ним и другие лица) переводит как «дьявол», что нужно считать анахроничным перенесением. Вместе с таким переводом исподволь и обязательно навязываются христианские представления, не свойственные собственно якутским сказкам.

Исключительное, поразительное по буйству воображения описание сказочного *абаасы* приводит Худяков из какой-то недошедшей до нас сказки: «Длиною в один аршин, половина рожа, половина туша, в дохе из жертвенной шкуры, наколенники из шкуры "скотского падежа и голодовки", туго обвитый с мышек до пояса небесным плотным гладким железным ремнем; с обезображенным лицом, подобно луже на круглом поле (с озером) в ненастье, с плешиной, подобно вывороченному заржавленному красно-медному котлу, а вокруг этой плешины несколько железных волос, подобно мелкой чаще; вздутые глаза, как крученые железные кольца лошадиных удил, нос с желваком, как голень хорошей лошади,

губы с перехватами, как лед, нагроможденный к январю месяцу у проруби богатого человека; над губами черная с проседью борода, подобно хвосту и гриве гнилой жертвенной шкуры, несколько неправильных зубов, как расщепанные и обгорелые пни, оставленные старинными жителями; в левой руке у него был кожаный четвероугольный звонкий буланый бубен, подобно большому глубокому озеру, только что подернувшемуся льдом, а в правой руке ворчливо стучащая смоленная палка (к бубну), подобно отрезанной отдельной кости сохатого» [85, с. 292].

В таком или подобном, но более кратком описании *абаасы* черты «дьявола» не обнаруживаются. Однако *абаасы* родствен дьяволу тем, что он тоже извечный носитель зла, в чем порою сам же и признается: «Я и себе самому добра не делаю, а делаю зло, хотя и знаю, какой это грех и какое за это наказание. Видишь, я не одет, у меня нет лошади и наружности порядочной я не имею, а все оттого, что никому никогда добра не делал. Нынче я уже стал таким человеком, что никому не могу сделать добра!» [85, с. 291].

Сказочные герои всюду сражаются с *абаасы*. Убив *абаасы*, герой «обыкновенно сожигает его на большом огнище в продолжение семи суток, но и после того все-таки остаются некоторые остатки дьявольских костей. Герой собирает эти последние, намелко мелет их между двумя камнями, бросает в восьмипроточное море, да еще сучит в море, а дьявольские остатки все-таки обращаются в лягушек, разных червей и гадов, продолжают ходить по земле и служить пищею новым дьяволам» [85, с. 292].

К неизменным сказочным противникам помимо *абаасы* относится также Мангыс (см. о нем и в примечаниях к текстам нашего тома). Он фигурирует реже, чем *абаасы*, но в разных сказках его постоянно наделяют такими отрицательными признаками, как устрашающий вид, обжорство и даже людоедство. Наряду с этим сказочники, насколько известно, не описывали внешний вид Мангыса и другие его атрибуты, а собиратели не спрашивали их об этом, что затрудняет решение вопроса о происхождении и эволюции этого образа.

Во многих волшебных сказках и некоторых других хорошо просматривается ритмичность исполнения. Она достигалась с помощью упоминавшегося приема нанизывания: чем активнее сказочник пользовался традиционными устойчивыми словосочетаниями и типическими местами, тем лучше его сказка оформлялась как ритмизованная проза. Независимо от того, включались или не включались в ритмизованную ткань песенные вставки (образцы сказок с такими вставками (тексты 7, 21, 26)

см. в нашем томе), сказка начинала походить на *олонхо* (эпическое сказание). И это не случайность, не произвол отдельных исполнителей. Один и тот же сказитель помнил тексты разных жанров и владел фольклорным языком, во многом общим для *олонхо* и тематически близким сказкам. Исполнитель, знающий эпические песни и сказки, всегда, если считал нужным, использовал в разных текстах вариации одних и тех же словосочетаний и типических мест, это было нормой.

Постоянному сближению эпических сказаний и сказок, порой почти до неуловимой грани, способствовали также мифологические представления о трех мирах Вселенной, некоторые общие мотивы, сюжеты и образы. Верхоянские якуты не обманывали Худякова, называя повествовательные тексты общим именем *олонхо* и разделяли их условно, отличая больше по скорости исполнения: сказки они именовали «пешим *олонхо*». Такое же народное мнение о части сказок позже обнаруживали и кое-где еще (на Вилюе и др.).

Довольно долго сближению или отождествлению сказок с *олонхо* способствовали и просвещенные якуты, поскольку в работах, написанных и опубликованных на русском языке, они применяли термин «сказка» к любым повествовательным произведениям. Так, приведенную в начале нашей статьи цитату А.Е. Кулаковского об исполнении сказок современные якутские фольклористы склонны связывать исключительно с *олонхо*, но и не отвергают возможность длительного в прошлом исполнения многосоставных сказок.

Ю.И. Смирнов

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ ЯКУТОВ*

В дооктябрьский (дописьменный) период сказки бытовали под различными наименованиями: *кэпсээн, кэпсэл* 'рассказ, сказ', *олонхо, остуоруйа, устуоруйа* [53, стлб. 1037, 1038, 1818, 1889]. В современном якутском литературном языке их принято обозначать термином *остуоруйа* (от рус. история), который утвердился в 20–30-х гг. XX в., когда стали составляться учебные пособия и сборники по фольклору.

Первый собиратель и исследователь якутского фольклора И.А. Худяков в книге «Краткое описание Верхоянского округа» не отделял сказки от *олонхо*, рассматривая их как единый жанр [85, с. 365–373]. В «Верхоянском сборнике» 8 сказок помещены вместе с текстами *олонхо* в одном разделе [88, с. 210]. Видимо, на такой подход И.А. Худякова к сказкам и *олонхо* в значительной степени повлияло то, что верхоянские якуты различали два вида *олонхо*: *ырыалаах олонхо* '*олонхо* с пением', т.е. собственно *олонхо*, и *ырыата суох олонхо* '*олонхо* без пения', т.е. сказки [88, с. 211]. Именно такое понимание дает современная верхоянская сказительница Д.А. Томская, относя сказку «Славный Юджюйэн» к *олонхо*. Северные якуты и долганы (родственная якутам народность) различают *ырыалаах олонхо* '*олонхо* с пением', *һатыы олонхо* букв.: 'пешее *олонхо*' и даже 'детское *олонхо*' — детскую сказку [15, с. 73]. Как видим, И.А. Худяков следовал терминологии верхоянских якутов — одной из локальных групп. Однако все же одну сказку «*Кетер кынаттах*» («Летающие крылатые») [15, с. 78, 73–79] он определил как *кэпсии* 'рассказ, сказ', что дает нам возможность предположить, что не все сказки в то время верхоянские якуты относили к *олонхо*.

---

* Статья представляет собой незавершенный труд ушедшего из жизни доктора филологических наук, члена Главной редколлегии серии, руководителя якутской школы фольклористов Н.В. Емельянова.

В.Л. Серошевский, отбывавший в 80–90-х гг. XIX в. ссылку в Верхоянском, Колымском и Якутском округах, различал сказки и *олонхо*, которые он называл якутскими былинами. В книге «Якуты» он писал, что «сторья (история), которая, в сущности, не что иное, как русская объякученная сказка...» [72, с. 582]. И далее, по Серошевскому, «сторьи якуты считают если не чистой "правдой", то "полуправдой"» и в доказательство ссылаются на то, что «"они в книгах написаны и купцы их знают" (Намск. ул., 1890)» [72, с. 582]. Героями этих произведений выступали иногда «действительно исторические лица — Петр Великий, Александр Македонский...» [72, с. 582]. В силу этой причины, считал исследователь, такие сказки стали называться «сторьями».

В.Л. Серошевский кроме «сторья» выделял собственно якутские сказки — *кэпсээн*: «Самые остроумные якутские к ä п с ä н ь, в которых больше всего заметно отличие от с т о р ь и и о л о н г о (былины), это — сказки из животного мира» [72, с. 583]. В качестве примера *кэпсээн* он привел аллегорическую сказку с острой социальной направленностью «Крысий голова, война птиц и четвероногих» [72, с. 583]. В дореволюционных публикациях якутских сказок В.Л. Приклонского, М.П. Овчинникова, И. Гамова, Н.А. Виташевского и Э.К. Пекарского сказки также не отделялись от *олонхо* и публиковались под одним общим названием.

Э.К. Пекарский в статье «Якутская сказка» [52], вышедшей в начале 1930-х гг., подводя итог изучению якутских сказок в дореволюционный период, определил четыре основных жанра якутского фольклора. Следуя якутской народной терминологии, это *былыр*, *устуоруйа*, *кэпсээн* и *олонхо*. По Пекарскому, *былыр* (*былас*) обозначает жанр исторических преданий и рассказов; *устуоруйа* представляет собой заимствованные русские сказки, *кэпсээн* — собственно якутские сказки, но «сильно русифицированные» [52, с. 424–425].

Таким образом, Э.К. Пекарский отделил сказки от преданий (*былыр*), с одной стороны, и от *олонхо* — с другой. Однако при терминологической передаче на русский язык сказки и *олонхо* стали обозначаться общим понятием «сказка». Э.К. Пекарский писал: «Оговоримся, что под сказкой мы будем подразумевать различные виды якутской народной словесности, имеющие элемент фантастики» [52, с. 423].

Г.У. Эргис, проанализировав историю терминологического обозначения жанра сказок, указал, что в якутоведческой литературе вплоть до 1930-х гг. при передаче на русский язык якутских понятий «кэпсээн», «остуоруйа» и «олонхо» употребляется общий термин «сказка». Корни такого расширительного толкования сказки, по его мнению, лежали в

сложившейся в то время практике публикации фольклорных произведений без разделения их на жанры [88, с. 210–211].

Утверждению в качестве окончательного названия жанра якутских сказок термина «остуоруйа» способствовали вышедшая в свет в 1923 г. хрестоматия «Ааҕар кинигэ» («Якутская хрестоматия») под редакцией С.А. Новгородова [1], сборник «Якутский фольклор» А.А. Попова, опубликованный в 1936 г. [91], книга «Саха сэһэннэрэ» («Якутские предания и сказки»), составленная и изданная в 1938 г. Ф.С. Андросовым [69], сборник сказок Д.К. Сивцева — Суорун Омоллоона, опубликованный в 1940 г. [67], книга «Саха норуотун айымньыта» («Творчество якутского народа»), составленная и изданная в 1942 г. Г.М. Васильевым и Х.И. Константиновым под общей редакцией В.Н. Чемезова [66], и хрестоматия Д.К. Сивцева — Суорун Омоллоона «Саха фольклора» («Якутский фольклор»), опубликованная в 1947 г. и переизданная в 1970 г. [70, 71].

Большую роль в якутском сказковедении сыграла научная публикация Г.У. Эргиса «Якутские сказки» [89]. В двух томах, вышедших в 1964 и 1967 гг., представлено 132 текста якутских сказок на языке оригинала и в русском переводе. Ко второму тому приложен Указатель сюжетов якутских сказок. В современном якутском сказковедении сказки, как и в фольклористике других народов, делятся на три основные группы: о животных, волшебные и бытовые.

Сказки о животных. Условность выделения сказок о животных в особую группу отметил В.Я. Пропп. Он писал, что сказки о животных могут быть отнесены и к волшебным сказкам, и к кумулятивным, и к нравоучительным [59, с. 299].

В указателе сюжетов якутских сказок Г.У. Эргиса выделено 78 сюжетов сказок о животных, из них указателю Аарне-Андреева соответствуют 26 сюжетов, остальные представляют собой тексты с оригинальными мотивами.

Сказки о животных можно разделить на две группы: 1) сказки, в которых персонажами выступают только животные; 2) сказки, в которых персонажами являются животные и люди.

Во многих сказках завязкой сюжета служит мотив дружбы и совместной жизни. Происхождение этого мотива связано с традиционным укладом жизни якутов, в котором существовал обычай совместного проживания двух семей *чуккаахтаспыта* (правильно: *дьуккаахтаспыта*) [57, с. 340]. Чаще всего этому обычаю следовали бедные семьи, которым было легче совместно пережить долгую зиму.

Публикуемая в настоящем томе сказка «Медведь и лиса» («Эһэ уонна саһыл») (текст 1) — одна из самых распространенных и популярных. Предложенный к публикации вариант состоит из двух самостоятельных сюжетов, контаминированных последовательно.

Завязкой первого сюжета служит конфликт между зверями, проживающими совместно. Характеры животных уподоблены человеческим, но это уподобление не опосредованное. Во второй части сказки антропоморфизм зверей углубляется. Так, лиса предстает мстительной, хитрой, а медведь — доверчивым, простоватым тугодумом. Концовка сказки носит дидактический характер, она объясняет причину конфликта, произошедшего из-за несхожести их повадок.

Сказка «Лиса и журавль» («Саһыл туруйа икки») (текст 2), состоящая из двух частей, имеет одно целостное сюжетно-композиционное развитие. Завязка сказки основана также на мотиве совместного проживания. Только в данном случае она носит неравный характер: у лисы запас пищи невкусный, непитательный, тогда как у журавля — богатый и калорийный. Первая часть сказки построена на троекратном повторе одного и того же мотива, разворачивающегося в диалогах между персонажами. В них раскрывается сущность лисы и журавля. Образ лисы показан одним выразительным словом *ньылирыс*, от *ньылай*, что значит: «делать льстивое-ласковое движение». Одно это слово емко воспроизводит и звериные повадки лисы, и манеру льстивого хитрого персонажа. Слово *кэкэрдээн* (от *кэкэй* 'откидывать назад шею, затылок') зримо передает осанку и манеру держаться самодовольного, тупого человека, в этой сказке тугодума-журавля.

Вторая часть произведения строится на кумулятивном развитии событий, причем при повторении эти события происходят в обратной последовательности. Содержание сказки носит дидактический характер, наглядно показываются взаимосвязь и причинность событий, а также необратимая сила сказанного слова, особенно заклинания и проклятия. В финале причинность событий превращается в рок, определяющий неизбежность судьбы, — постулаты традиционной концепции жизни якутов. В содержание сказки также вкрапливается этиологическое объяснение того, как лисица стала рыжей.

Некоторые якутские сказки имеют общие черты со сказками других народов. Это, видимо, свидетельствует об их единых генетических корнях. Так, например, сказка «Птица Тюёнэн с четырьмя яйцами» («Түөт сыымыыттаах Түөнэн кыыл») (текст 3) сходна с бурятской «Смерть лисицы» («Үнэгэн эзын үхэл») [12, с. 297–300]. Только в бурятской сказке вместо

птицы Тюёнэн слабым персонажем выведена сорока-белобока. Лиса угрожает сороке: «Коновязь злато-серебряную твою / Забодаю-разобью, / Кочковато-бугристую землю твою / Исцарапаю, распорю, / Волнистую воду твою / Я выпью разом всю» [12, с. 298]. Таким образом лисица выманивает у сороки по одному яйцу. Если в якутской сказке советчиком и помощником попавшей в беду птицы выступает бурундук, то в бурятской — мифическая птица Хан Хэрдэг. Концовка якутской сказки содержит этиологический мотив о том, как у бурундука спина стала полосатой. Бурятская же сказка заканчивается гибелью лисицы.

В сказках о животных отражаются не только характеры и взаимоотношения людей, но и коллизии общественной жизни якутского народа. Еще В.Л. Серошевский предположил, что «под видом перелетных птиц...» на примере сказки «Чирок и беркут» описывается «разведывание и заселение новых мест якутами» [72, с. 583]. И действительно, сюжет сказки о поисках земли, пригодной для жизни птичьего сообщества, перекликается с преданиями о легендарных первопредках якутов Омогой Баае и Эллэй Боотуре, первыми переселившихся из Прибайкалья в бассейн р. Лены. Основными персонажами сказки, помещенной в том «Чирок и беркут» («Чаркый икки барыллыа (икки)») (текст 4), являются птицы чирок (*чаркый*) — маленькая утка с красивым оперением, и беркут (так переводит И.А. Худяков якутское слово *барыллыа*, у Э.К. Пекарского слово *барыллыа* означает «белохвостик, орлан» [53, стлб. 385]; *лахаатта* — «маленькая невзрачная короткая утка», иначе называемая *богоргоно* [53, стлб. 1471]. Образы птиц переданы с высокой художественной силой. Характеры персонажей соответствуют внешнему виду, повадкам и образу жизни птиц. И в то же время в их обликах угадываются человеческие типажи. Так, беркут (*барыллыа*) — крупный хищник с темно-бурым оперением, живущий уединенно в лесной и горной местностях и редко прилетающий в Якутию, оказывается *тойоном*, заботящимся только о себе и о своем семействе, ему чужды общественные интересы. Чирок (*чаркый*) — быстрокрылая утка с красивым оперением — показан любовником жены беркута. Его похождения перерастают в большой общественный скандал, описание которого в сказке в свою очередь сменяется трагикомической сценой выборов в *тойоны* глупого самодовольного журавля, устроившего самосуд над маленькой невзрачной уткой (*лахаатта*). Эта подвергшаяся нападкам журавля утка разрешает споры, кого избрать *тойоном*, тем самым избавляя птиц от верной гибели. Сказки о собрании птиц имеются и у бурят. Но в этих сюжетах бурятские сказки ограничиваются лишь эпизодом самосуда журавля, который собрал птиц

со всего мира, захотев стать их царем. Бурятское название побитой птицы *буксэргэнэ* напоминает якутское *богоргоно*.

Сказка «Кто первым увидит восход солнца» («Күн тахсарын хайабыт урут көрөр») (текст 5) — образец сказки-аполога. В ней маленькая мышка выходит победителем в споре с огромным лосем. Оказывается, что самое главное в жизни не рост и величина, а ум, приобретенный опыт и наблюдательность.

У якутов много этиологических сказок, объясняющих появление тех или иных отличительных признаков зверей и птиц. Многие из них трансформировались из мифов, утративших свой сакральный смысл и превратившихся в развлекательные детские сказки. Так, сказка «Жеребец и бык-пороз» («Атыыр уонна атыыр оҕус») (текст 6) объединила мотивы христианской и якутской мифологий, а сказка «Лягушка-госпожа» («Баҕа баһылык») (текст 7) представляет собой развлекательный вымысел, рассчитанный на детей. Она интересна своей композицией и мелодикой. В ней все монологи персонажей поются.

Глубокую мифологическую подоснову имеет сказка «Пташка и *мангыс*» («Чыычаах икки маҥыс икки») (текст 9), в которой появляется трехголовое чудовище-людоед *мангыс* (*маҥыс*, *моҥус*, *могус*). (Более подробно о *мангысе* см. в разделе о волшебных сказках.) Кроме того, в ней необычна диалогическая композиция, построенная на кумулятивном принципе развертывания сюжета.

Имя персонажа старухи в сказке «Старушка Тээллэй» («Тээллэй эмээхсин») (текст 10) можно рассматривать двояко — и как обычное имя, и как имя, содержащее аллегорию. Возможно, первоначальный смысл сказки сводился к объяснению краткости жизни гриба. Текст замечателен тем, что он является образцом произведений переходного типа с персонажами растительно-животного эпоса к произведениям углубленно-персонифицированным. Старушка Тээллэй (от *тэллэй* 'гриб вообще' [53, стлб. 2629]) и ее дочь Кунаах (*кунаах* 'древесный гриб, чага' [53, стлб. 1216]) уже приобрели человеческий облик, они ведут образ жизни, присущий людям. Однако повествование заканчивается их гибелью, что не согласуется с традиционно-оптимистическим настроем сказок. В мотиве гибели старушки Тээллэй и ее дочери просматриваются реликты эпоса о растительном мире, недолговечности жизни некоторых видов флоры.

Образ старушки Тээллэй постепенно перерастает в образ «маленьких людей» из волшебных сказок. В подтверждение этой мысли можно привести сказку «Старушка Тогонохон» («Тогонохоон эмээхсин»), где главный персонаж уже утратил свое «растительное» имя Тээллэй 'Гриб', а пред-

стает перед нами как старушка Тогонохон (от слова *тогонох* 'локоть'), она так же, как и старушка Тээллэй, погибает из-за козней своей соседки девицы Сасылыкаан букв.: 'лисичка'. Таким образом, видим, что здесь меняется только имя, а мотив недолговечности флоры, воплощенный в этих сюжетах, остается неизменным. Однако изменение имен говорит о тенденции развития этих образов к образам волшебных сказок, в которых появляются старушки Чаачахаан-Чаачахаан и Таал-Таал.

В сказках, повествующих об отношениях людей и животных, последние сохраняют свои традиционные сказочные черты: лиса хитра и коварна, волк глуп и жаден. В сказке «Волк и старик» («Бөрө уонна оҕонньор») (текст 11) раскрывается разное отношение людей к диким и домашним животным. Диких животных человек должен остерегаться, а о домашних — заботиться. В содержании сказки просматривается несколько идей: во-первых, дикие звери всегда остаются дикими, и человек должен остерегаться их; во-вторых, нужно бережно относиться к домашним приученным животным, которые, как и люди, в молодости сильны, а в старости слабы. В этом нравоучительный смысл сказки. Незавидная судьба старых собаки и коня — это упрек людям, бессердечно относящимся к своим четвероногим друзьям и помощникам.

Волшебные сказки. В «Сюжетном указателе» Г.У. Эргиса учтено 208 вариантов волшебно-фантастического содержания. Сюжетный состав волшебных сказок якутов разнообразен и во многом совпадает с сюжетным составом сказок других народов Сибири.

У якутов широко распространены произведения, построенные на конфликте «маленьких героев» с чудовищем-людоедом. Героями становятся неприметные персонажи из низших слоев общества — беднячка Чаачахаан, старушка Таал-Таал, рыбак Лыыбара и другие, в повседневную жизнь которых вторгаются злые волшебные силы в образе чудовища-людоеда *мангыса*. Слово *мангыс* (*маҥыс*) в сказках встречается в различных вариантах: *монгус* (*моҥус*), *могус* (*моҕус*, *могус*) в зависимости от диалектных особенностей. Г.У. Эргис предполагает, что *могус*, *мангыс* и *мангадхай* являются поздними вариантами единого образа древней мифологии тюрков и монголов. В якутском языке *моҕус* (*моҥус*), *маҕыс* (*маҥыс*) означает «обжорливый, ненасытный» [53, стлб. 1577]. В сказке нарицательное существительное *мангыс* переходит в собственное имя чудовища, отличительной чертой которого является огромный рост и прожорливость. Если в сказках о животных, например «Пташка и *мангыс*» («Чыычаах икки маҥыс икки») (текст 9), облик чудовища не определен, то в волшебных сказках он более персонифицирован, у него есть жена и дети,

он живет по соседству с «маленькими героями». К имени Мангыс часто добавляется постоянный эпитет *алаа*, который становится частью его имени: Алаа или Ангаа (Ангаа) Монгус. *Алаа* обозначает «близорукий», «разноглазый»; *ангаа* (*анаа*) — «очень большой», «крупный»; *ала* — «бросающийся в глаза», «отменный, явный» [53, стлб. 62].

Сказка «Чаачахаан-Чаачахаан» (текст 13) начинается так: *Чаачахаан-Чаачахаан олорбута эбитэ үһү* 'Жила, оказывается, Чаачахаан-Чаачахаан, говорят'. Тавтология в имени сразу определяет добродушно-ироническое отношение к главному персонажу. Такой настрой еще более усиливается перечислением имен членов ее семьи: муж — *Хабах Бас* 'Пузырь-голова', дочь — *Кыл Кюёмэй* 'Волосяное Горло', старший сын — *От Сото* 'Травяные Голени' и младший — *Сэбирдэх Тюёс* 'Листовая Грудь'. Завязкой служит радостное событие в их жизни — забой откормленного быка, достигшего таких огромных размеров, что он не помещается ни в изгороди, ни на поле. Здесь подчеркнут контраст между огромным быком и его слабыми немощными владельцами-людьми, что является одним из основных художественных приемов волшебной сказки. Радостное событие сменяется горестной печалью — погибает вся семья Чаачахаан-Чаачахаан. Но гибель семьи в ходе повествования воспринимается слушателями не как трагедия, а как ожидаемое явление, следствие чудес, происходящих в сказке. Согласно стилевой особенности сказок, главный персонаж не горюет по поводу утраты семьи, ее заботит лишь мясо забитого быка, что и служит конфликтом сюжета. Художественные законы исполнения волшебных сказок не позволяют останавливаться на деталях, на подробном описании психологического состояния персонажей. Главное в волшебной сказке — развертывание чудесных событий. В рассматриваемой сказке это: обязательное троекратное приглашение Чаачахаан-Чаачахаан братьев *могусов*, отказ двух первых чудовищ, согласие третьего, угроза самой Чаачахаан-Чаачахаан и избавление ее от беды.

В сказке «Лыыбара» (текст 15) герой в отличие от Чаачахаан имеет волшебные предметы: серебряную лодку и золотые весла. Монгус заманивает его с помощью волшебства в ловушку. Сюжет сказки развивается по кумулятивному принципу: ожидающий смерти Лыыбара советует сначала откормить его, а затем отправляет Монгуса за острым ножом. В дальнейшем нанизывается в возрастающем порядке цепь отсылок: сперва Монгус идет за булатным ножом, который оказывается тупым, затем за точильным камнем, после чего за жеребцом, чтобы везти точильный камень, за волосяной веревкой, которая находится на другом берегу реки. Переправляясь через реку, Монгус тонет.

Эта же сказка известна и как «Старуха Тэбэнэкээн» («Тэбэнэкээн эмээхсин») [89, т. 1, с. 125–129]. Кумулятивное действие в ней ограничивается поиском точильного камня. Обычно главным персонажем подобных сказок выступают представители бедных слоев общества.

Сказки о «маленьких людях» и чудовище Монгусе имеют древнюю основу, принадлежащую к общему монголо-тюркскому фольклорному наследию (ср. [43, т. 2, с. 99]). Якутские сказки сохранили древнюю структуру волшебных сказок, хотя, видимо, и утратили некоторые их компоненты. Сюжет еще не усложнен воображаемым миром, пространство действия персонажей неопределенное, время ограничивается событием, происходящим в повествовании. Однако в сказках присутствует мотив имущественного неравенства людей. Неимущие персонажи, живущие в страхе перед чудовищами, становятся обладателями их богатства, что и является наивным выражением народного чаяния о социальной справедливости.

К волшебным сказкам относится кумулятивная сказка «Старушка Таал-Таал» («Таал-Таал эмээхсин») (текст 14). Она строится на основе широко распространенного мотива: «кто сильнее». Экспозицией сказки служит желание старушки покататься на льду. Поскользнувшись, она разбила себе таз. Кумулятивная цепь развития событий завязывается неожиданным для такого начала обращением старухи ко льду, виновнику ее несчастья: *Муус-муус, бэркин дуо?* 'Лед-лед, разве ты самый сильный?' (текст 14, бл. 2). С таким же вопросом Таал-Таал обращается к солнцу, туче, ветру, лесистой горе, мышке-землеройке и, наконец, выясняется, что самый сильный — это человек. Поскольку старушка сама человек, она без помощи других отрывается ото льда. Настоящую сказку можно отнести к самым ранним типам волшебной сказки. По своему содержанию и сюжетно-композиционному построению она не соответствует классической модели волшебной сказки. Основные компоненты волшебства здесь только намечены. Запрет не сформирован отчетливо, он лишь угадывается и представляет собой практический опыт: опасно ходить по голому, еще не покрытому снегом льду. Нарушение персонажем сказки этого житейского предупреждения приводит к беде. Дальнейшая цель действий старухи Таал-Таал направлена на поиски чудесного спасителя (помощника) или дарителя жизни.

Развязка многих вариантов оптимистична, однако есть варианты, когда старушка Таал-Таал погибает на льду, никем не спасенная, и вопрос «кто же самый сильный?» остается невыясненным. В других вариантах сказки «Старушка Таал-Таал» объединены два сюжета «маленький человек и чудовище» и «кто самый сильный» так же, как и в сказке «Чаача-

хаан-Чаачахаан» (текст 13), но в последней это сделано в порядке «обратной» композиционной контаминации, т.е. в сказке «Чаачахаан-Чаачахаан» сюжет «кто самый сильный» предшествует сюжету «маленький человек и чудовище», а в вариантах сказки «Старушка Таал-Таал» первый из названных сюжетов следует за вторым.

Цикл о «маленьких героях» в нашем томе завершается сказкой «Старушка Ньыы-Ньыы» («Ньыы-Ньыы эмээхсин») (текст 16). Она замечательна тем, что композиционно строится не только на повторах, но и на контрастах. Так, старуха Ньыы-Ньыы живет в стране, где нет зимы, но тут же в сказке говорится: *...бууһа тоҥор, ото хагдарыйар* '...вода ее замерзает, трава увядает' (текст 16, бл. 1). Хотя она очень богата, но тут же становится бедной и беспомощной. Изображение бытовых событий, например сенокоса, сменяется описанием чудес: самые обыкновенные предметы (вода, щуки, утиные яйца, камень, кочерга, шило) помогают Ньыы-Ньыы освободиться от чудовища. Неполноценность ее семи сыновей и семи дочерей заключается только в их плешивости. Развязка перекликается с мотивом спасения погибшего персонажа в бурятской сказке «Агу-Ногон-Абаха», записанной М.Н. Хангаловым в 80-х гг. XIX столетия у бурят Балаганского ведомства [84, с. 110]. В ней героиня находит кости своего брата, проглоченного Мангатхаем, разрезав большой палец на правой руке чудовища. В якутской сказке Ньыы-Ньыы по совету соседа-головы тоже разрезает большой палец левой руки убитого ею Мангыса, из которого появляются целыми и невредимыми ее дети и весь проглоченный чудовищем скот. Этот мотив, видимо, общий и очень древний для обоих народов остался неизменным, но в якутской сказке фантастика более гиперболична, чем в бурятской сказке.

Сказочный вымысел приобретает новые качества в сюжетах о чудесной супруге. Остановимся подробнее на сказке «Старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами» («Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин») (текст 18) в исполнении знаменитого олонхосута Н.А. Абрамова — Кыната. Она является одной из лучших по содержанию и художественной завершенности. После традиционного сказочного зачина: *Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин диэн баар үһү* 'Есть, говорят, старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами' — описывается местность, где она живет. Это описание почти совпадает с эпической картиной страны героев *олонхо*. Наподобие священного дерева-страны *олонхо* в стране Бэйбэрикээн: *Биэт <илимэ> алааһыгар хабыллар саалыгар сэттэ салаалаах тиэрэ нэл бэстээх* 'Прямо посреди *алааса* Биэт[илимэ] стоит у нее широкая раскидистая сосна с семью ветвями' (текст 18, бл. 1).

Завязка сюжета начинается с дивной картины появления на востоке перистого облака. После обильного дождя на глазах у старухи вырастает волшебная трава, которая позже превращается в прекрасную девушку.

Сюжетное развитие сказки основывается на мотиве сватовства. Однако сватовство в этой сказке — не героическое, а более близкое к обычному бытовому. Если в *олонхо* героическое сватовство к предназначенной судьбой невесте совершается по воле божеств, то в сказке жених встречается с девушкой случайно, влюбляется в нее с первого взгляда и сватается.

Если в *олонхо* жених — богатырь, избранник божеств, а невеста — дочь родоначальника другой страны, т.е. жених и невеста равные по социальному статусу персонажи, как и следует быть будущим родоначальникам людей, то в сказке жених — сын богатых людей, охотник, а невеста — приемная дочь бедной одинокой старушки, живущей недалеко от богатых соседей. Героическое сватовство в *олонхо* совершается по установившемуся эпическому стереотипу и невеста добывается богатырем в единоборстве с соперниками. В сказке женитьба происходит согласно традиционному свадебному обряду якутов: обязательное согласие на брак родителей жениха и невесты, сватовство через посредников и т.п.

Центральный персонаж сказки — невеста. В ее образе переплетаются сказочные и эпические черты. К сказочным чертам относятся отсутствие имени, чудесное «рождение» из травы, бедность воспитавшей матери, гибель и второе «рождение». К героиням *олонхо* ее приближают покровительство божеств и ее предназначение: *...аан дойдуга аччыгыйы улаатыннарарга, аҥаардаһы доҕордуурга айан-кэрдэн, анаан-минээн биэрдэхтэрэ* '...чтобы малого на земле взрастила, чтобы одинокий обрел подругу' (текст 18, бл. 22).

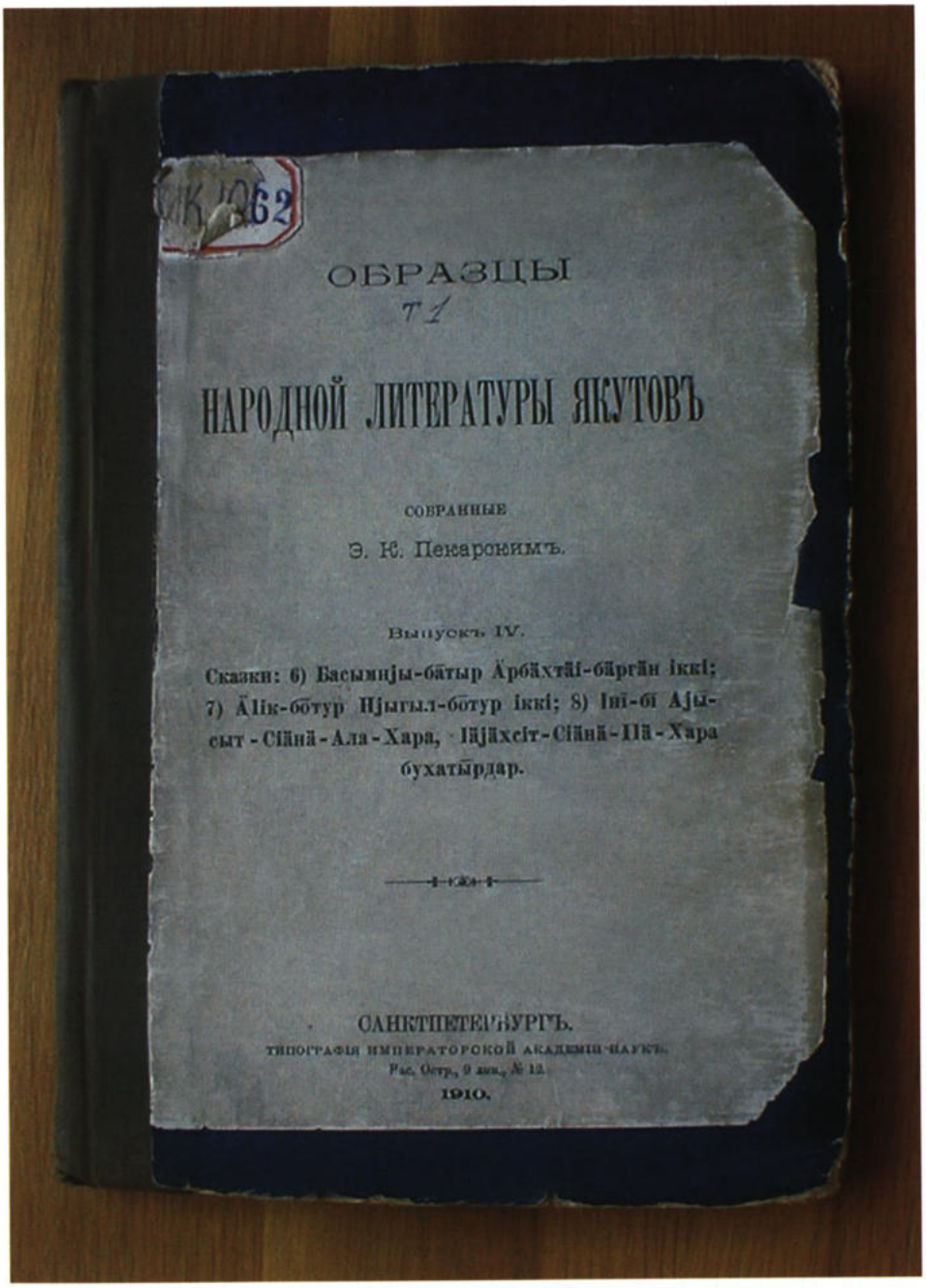
Очень художественно описывается контраст между собранным бедной старушкой приданым для дочери и богатым даром божеств — покровителей невесты, предназначенной для жизни на земле. Описание социальных отношений персонажей носит реалистический характер: любовь сына богачей к дочери бедной старушки переплетается с пренебрежительным отношением его к Бэйбэрикээн.

Другой вариант сказки «Старуха Бэйбэрикээн с пятью коровами» был впервые записан И.А. Худяковым и издан в переводе [15, с. 80–89]. Публикуемый в нашем томе вариант сказки по развитию сюжета близок к худяковскому варианту, но имеет и отличия. Прежде всего, в варианте И.А. Худякова отсутствует экспозиция и сказка начинается с завязки сюжета: старуха находит чудесную траву — хвощ, которая превращается в

чудесную девушку. Встреча жениха и невесты и сватовство в обоих вариантах совпадают. В худяковском варианте не выделяются социальные контрасты, хотя старуха Бэйбэрикээн требует уплаты калыма за невесту. Получив калым, старуха отпускает дочь с мужем. В дальнейшем разворачивается типичный сюжет волшебной сказки. В реальной жизни невеста отправляется из родительского дома в семью жениха в составе свадебного поезда. В сказке новобрачные едут одни, без сопровождающих. У невесты конь, как и в *олонхо*, владеет человеческой речью. По пути муж оставляет жену одну, а сам отправляется проверить самострелы, поставленные на лисиц (мотив отлучки). Перед отъездом он предупреждает жену, чтобы она от развилки дорог поехала в восточном направлении — там будут развешаны рысья и соболья шкуры, и запрещает ехать по дороге, ведущей на запад (мотив запрета). Жена нарушает запрет и это приводит ее к гибели. Сказочный персонаж Абаасы Кыыс 'Дочь Абаасы' убивает дочь старухи Бэйбэрикээн и выдает себя за нее. Герой принимает дочь *абаасы* за свою жену. Погибшая жена снова превращается в хвощ-траву.

В структуре повествования начинается второй круг сюжета о чудесном превращении хвоща-травы в женщину. В публикуемом варианте эта часть дается очень кратко. Этот круг более тесно связан с мифологией и как бы объясняет события, происходящие в первом круге. Фантастический характер повествования все более углубляется и принимает широкий эпический размах.

Если в первом круге чудесный конь был пассивен, то его активные действия служат завязкой второго круга. Конь на человеческом языке сообщает родоначальнику Харах Хаану, что дочь *абаасы* убила жену его сына и, обманом став его женой, осквернила его. В словах коня отражается резкое противопоставление людей эпических племен *айыы* — обитателей Верхнего и Среднего миров и *абаасы* — злых существ, обитателей Нижнего мира. Конь также говорит, что погибшая жена принадлежит племени *айыы*. О высоком происхождении жены знает и ее муж, сын Харах Хаан Тойона. Его жена оказывается дочерью младшего брата верховного божества Юрюнг Айыы Тойона — Джэллик Джесегей Тойона, божества птиц. Она со своими шестью сестрами спустилась на землю, превратившись в птиц-стерхов. Спустилась с ними и их воспитательница богиня Иэйиэхсит, покровительница людей Среднего мира. Из стерхов-птиц она выбрала самую лучшую и сказала ей о ее предназначении божествами быть человеком, стать якуткой и выйти замуж за сына Харах Хаан Тойона.



ОБРАЗЦЫ

Т 1

НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТОВЪ

СОБРАННЫЕ

Э. К. Пекарскимъ.

Выпускъ IV.

Сказки: 6) Басынҗы-бāтыр Āрбāхтāі-бāргāн іккі; 7) Āлік-бōтур Нҗыгыл-бōтур іккі; 8) Інні-бі Аҗысыт-Сійнā-Ала-Хара, Іҗāхсіт-Сійнā-Пā-Хара бухатырдар.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

Титульный лист издания.

Олонхосут и сказочница Дарья Андреевна Томская, г. Якутск.
Фото из личного архива информанта.

Интерьер богатой юрты. Рисунок Н.Н. Носова. *Фото А.Г. Леонтьева.*

Внутренний интерьер *урасы.* Картина И.В. Попова. Холст, масло. Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. *Фото А.Г. Леонтьева.*

Чабычах. Середина XX в. Береста, тальник, конский волос.
Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. *Фото А.Г. Леонтьева.*

Ымыйа. Середина XX в. Береста, тальник, конский волос.
Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. *Фото А.Г. Леонтьева.*

Тымтай. Конец XIX — начало XX в. Береста, тальник, конский волос, кожа. Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. *Фото А.Г. Леонтьева.*

Батас. Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. *Фото В.Е. Васильева.*

Лыжи охотничьи (*туут хайыһар*). Конец XIX в. Дерево, конская шкура, кожа.
Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. *Фото А.Г. Леонтьева.*

Алаас. Лето. Картина Е.И. Бурцевой. Холст, масло.
Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. *Фото А.Г. Леонтьева.*

Кэрэх. Картина И.В. Попова. Холст, масло. *Фото А.Г. Леонтьева*.

Богоргоно. Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. *Фото А.Г. Леонтьева*.

Лягушка-хвастунишка. Работа Ф.И. Маркова.
Мамонтовая кость, резьба, 5,5×8,0×2,5.

Девушки-стерхи. Работа Ф.И. Маркова. Мамонтовая кость, рельеф, 6,2×49,0×1,2.

Средний мир. Работа Ф.И. Маркова. Мамонтовая кость, рельеф.

Здесь прослеживается некоторое «противоречие»: в первом круге сюжета сватовство было случайным, а во втором — оно предопределено свыше. В стиле повествования, когда в одно целое объединяются героическое и сказочное, такое «противоречие», видимо, оправдано. Развязка сказки наступает почти как в *олонхо*: сын Харах Хаана и дочь старухи Бэйбэрикээн стали родоначальниками людей, потомки которых живут и сегодня.

В характеристиках женщины из племени *айыы* и женщины *абаасы* употребляется прием противопоставления (антитеза). Например, появление мнимой жены в доме мужа вызывает недоумение и огорчение, а настоящей жены — оживление и радость.

Старуха Бэйбэрикээн — сказочный персонаж, сходный с Таал-Таал и другими «маленькими героями» сказки. Она олицетворяет собой земную мать чудесной девушки, является заглавным действующим лицом, выступая только в экспозициях первого и второго кругов. Ее имя — Бэйбэрикээн — происходит от слова *бэйбэрий* 'ходить семенящими быстрыми шагами', обычно этим словом описывают походку детей или полных коротконогих пожилых людей с добрым нравом [53, стлб. 421]. Сказки часто называются по имени первого упоминаемого персонажа.

Главной героиней сказки является безымянная девушка, чудесным образом появившаяся в Среднем мире с божественным предназначением стать родоначальницей якутов. Сошествие ее с Верхнего мира, смерть от руки представительницы Нижнего мира и следующее затем воскрешение приближают ее к образам умирающих и воскресающих персонажей мифов многих народов мира. Целостную мифологическую основу мотива противопоставления девушки из племени *айыы* и девушки *абаасы* восстановить трудно. Образ девушки, воскресающей в виде травы-хвоща, видимо, уходит в какой-то забытый древний миф о растительном царстве (см. сказку «Старушка Тээллэй», текст 10).

Имя сына Харах Хаана Хараджын Мэргэн происходит от слова *хаардьыт* от *хаар* 'снег', по смыслу можно перевести «ходящий по снегу», и слова *бэргэн* 'меткий стрелок'. Его отличие от богатырей *олонхо* состоит прежде всего в том, что он — охотник, а не воин. Его отец Харах Хаан Тойон — распространенный персонаж якутских сказок, глава большой патриархальной семьи с многочисленными домочадцами.

В сказке упоминаются имена мифологических божеств: Юрюнг Айыы Тойона, Джэллик Джесегей Тойона, Иэйиэхсит и Айыысыт. Юрюнг Айыы Тойон 'Белый Творец Господин' — верховное божество, создатель мира и жизни на земле. Джесегей Тойон (Дьесегей) с эпитетом *күрүө* 'огород, загон' — это божество, ниспосылающее лошадей. Имя Джесегей (Дьесе-

гей) первоначально, как Айыысыт и Иэйиэхсит, было общим названием божеств, семи братьев, покровителей домашних и диких животных. Постепенно выделился Кюрюе Джесегей, видимо, главный из них — божество лошадей Джеллик 'бродяга', 'бродячий', 'своевольный' символически обозначает образ перелетных птиц. Упоминание в сказке забытого божества свидетельствует о ее древнейшей мифологической основе.

Сказка «Славный Юджюйэн» («Үчүгэй Үдьүйэн») (текст 19) по своей тематике близка к предыдущей сказке: в ней повествуется о женитьбе героя на девушке из Верхнего мира, но развитие сюжета уже другое. Славный Юджюйэн живет со своим младшим братом Худым Ходжугуром. Старший брат — охотник, кормилец семьи, младший — персонаж, «не подающий надежды». Таким он и остается.

Завязкой сюжета служит появление семи стерхов — небесных девиц, которые в отсутствие Славного Юджюйэна играют с его младшим братом. Так повторяется три раза. Превратившись в блоху, Славный Юджюйэн прячется и, когда стерхи прилетают в третий раз, нападает на одну из птиц. После того как Славный Юджюйэн ощипывает с нее пух, она становится женщиной. Здесь мы отмечаем два вида чудесного оборотничества: человек превращается в блоху, а птица — в женщину. Человек становится блохой, чтобы спрятаться. Такое превращение не связано с тотемистическими мифами, оно является лишь художественным приемом, возникшим, видимо, по аналогии и под влиянием мотива оборотничества. Превращение же стерха-птицы в женщину напрямую связано с мифами и поэтому имеет глубокие мифологические корни.

В отсутствие мужа женщина, вернув при помощи его младшего брата свое оперение и снова став стерхом, улетает на небеса. Славный Юджюйэн отправляется на ее поиски в Верхний мир, находит ее и, ощипав на ней весь пух, сжигает его. Это приводит к гибели женщины. С помощью трех небесных шаманок Славный Юджюйэн оживляет жену и счастливо возвращается в Средний мир.

Особенность этой сказки состоит в том, что действие героев и все события происходят самым чудесным образом. В ходе повествования мало обращается или остается без внимания их причинность: почему прилетели стерхи, почему женщина вернулась на небеса, почему она погибает, когда сгорел ее пух и т.п. Все это не объясняется, как будто слушатели это и так знают.

В данной сказке главный герой не совершает подвигов, мотив героического сватовства также отсутствует. Славный Юджюйэн — всецело сказочный персонаж, а его младший брат Худой Ходжугур — второстепен-

ный. Его образ остается неизменным на протяжении всего повествования. Видимо, древний сказочный сюжет брака земных людей с небесными божествами в этой сказке еще не подвергся влиянию глубоких социальных изменений родового общества.

Сюжет «о чудесной супруге» в якутском фольклоре представлен различными вариантами.

Есть он и в сказке «Заячий Хвост» («Куобах Кутуруга») (текст 20). Маленький человечек ростом с заячий хвост и его две жены, женщины *айыы*, голодают. Супруг обладает чудесной силой слова и ему прислуживает ветер. Он так мал, что убивает лося, пробравшись в его ухо. Герой умирает, утонув в топленом жире убитого им лося. Младшая жена, не заметив его, проглатывает вместе с жиром и чудесно зачинает ребенка. Сказка заканчивается рождением у нее сына.

В сказке «Хонолджуйа и Ымалджыйа» («Хонолдьуйа уонна Ымалдьыйа») (текст 21) сын и дочь престарелых родителей сочетаются браком с жителями Верхнего мира. Сын Хонолджуйа женится на птице-стерхе, а дочь Ымалджыйа выходит замуж за орла. В сказке заметно влияние русской сказочной традиции. Поиск невесты и жениха напоминает русскую сказку «Царевна-лягушка».

К сюжету о чудесном супруге можно отнести и сказку «Резвый Бегун Медвежий Глаз» («Эһэ Харах Дьэллик Сүүрүк») (текст 22). Ее начало почти новеллистическое. В ней рассказывается о том, как медведь воспитал заблудившегося мальчика. Этот мальчик перенимает медвежьи повадки. Далее следует его встреча со стариком — жителем Нижнего мира, с которым парень вступает в единоборство. Победа над могучим стариком завершается по его велению, женитьбой на девушке, живущей в доме из черного золота.

Имеются сказки, содержание которых свидетельствует о разложении сюжета «О чудесной супруге». В сказке «Сестры» («Аҕас-балыс») (текст 23) чудесная супруга-лягушка противопоставлена обыкновенной девушке, прошедшей трудные испытания. Две сестры, брошенные родителями в голодный год и заблудившиеся в лесу, переживают различные приключения. Глупая старшая сестра становится жертвой божества *абаасы*, а умная младшая сестра благодаря своей мудрости выходит победительницей в борьбе с волшебными силами. После странствий она попадает в дом мужчины с женой-лягушкой, где проявляет свои качества мастерицы. В финале она становится женой этого мужчины, а лягушка-жена погибает. Таким образом, происходит замена (или вытеснение) одного персонажа другим.

Среди волшебных сказок якутов большое место занимают сказки, заимствованные от русских. Г.У. Эргис отмечал: «Все заимствованные сказки якуты переделывают на свой лад, приспосабливают к местным житейским условиям, к своим бытовым понятиям. В якутский обиход прочно вошли и персонажи русских сказок: баба-яга, царь, царевичи и т.п.» [88, с. 226].

Бытовые сказки. В указателе сюжетов якутских сказок Г.У. Эргис выделил 122 сказки с реально-бытовым, новеллистическим и сатирическим содержанием (№ 288–400). Он писал: «У якутов широким распространением и любовью пользуются сказки о взаимоотношениях бедняков и богачей, о хитрых и ловких людях, об умном парне и находчивой девушке, о глупцах, дураках, о шаманах и попах, о чертях и богах, о несчастной доле, о счастье и т.д.» [88, с. 228].

Бытовые сказки отличаются от волшебных сказок сюжетом, образами и художественными приемами. Сюжеты и образы бытовых сказок строятся на основе реальной, повседневно-бытовой жизни народа. Они отражают общественные идеалы простого человека, мечты и чаяния людей труда, их отношение к действительности. Так в широко известной сказке «Оногостоон Чуокаан и Олоон Долоон» («Оноҕостоон Чуокаан икки Олоон Долоон (икки)») (текст 28) в записи И.А. Худякова главным героем выступает Олоон Долоон — одинокий бедняк, живущий в дружбе с женатым соседом Оногостоон Чуокааном. Сюжет сказки основан исключительно на семейно-бытовых событиях, которые обрамляются хозяйственно-бытовыми деталями. В экспозицию вписывается даже такое уточнение, как расстояние между усадьбами друзей, что указывает на обособленный характер расселения семейных хозяйств дореволюционных якутов.

Завязкой сюжета является любовная история, которая кончается весьма трагически. Олоон Долоон оказывается виновником всех бед, последовавших после драки его соседа и друга Оногостоон Чуокаана с любовником его жены, сыном Хаан Харахаан-*тойона*. Олоон Долоон убивает сына Харахаана, инсценирует его самоубийство. Он также повинен в гибели шаманки и ее детей. Однако в тоне повествования об этих трагических событиях не чувствуется осуждения Олоон Долоона. Наоборот, с симпатией и одобрением рассказывается о находчивых и остроумных действиях героя сказки, передается его умение находить выход из трудных обстоятельств. Такое безоговорочное расположение к персонажу-виновнику всех бед исходит из внутренних закономерностей бытовых сказок, идейно-тематическая направленность которых заключается в том,

что герой из социальных низов должен выйти победителем в борьбе с богачами. Олоон Долоон убивает сына богатого *тойона*, тем самым мстит за поруганную честь своего друга и благодаря своей хитрости уходит от ответственности. В сказке оправдывается убийство оскорбителя чести и восхваляется сообразительность героя.

Одним из интересных персонажей этой сказки является лиса-шаманка. В ее образе преобладают элементы чудесности. Ее дети имеют волчий и лисий вид, а их смерть напоминает смерть волка в известной русской сказке о лисе (волк у проруби).

Мотив умерщвления шаманки, раскрывающей тайные действия героя, встречается в фольклоре многих тюрко-монгольских народов. Так, в бурятском эпосе «Аламжи Мэргэн» сестра героя Агуй Гохон, выдававшая себя за брата-богатыря, почти такими же действиями умерщвляет шаманку, пытающуюся раскрыть ее обман [2, стк. 4195–4201].

Несмотря на появление в ходе повествования бытовой сказки персонажа из волшебной сказки общая жанровая направленность произведения не меняется. Лиса воспринимается всего лишь как имя шаманки, а дети-волки и лисицы — как обычные жадные дети шаманов, приученные к дармовым приношениям.

Начало сказки «Тутум Тюёкэй» («Тутум Түөкэй») (текст 29) напоминает экспозицию волшебных сказок. Крестьянин перед смертью запрещает трем своим сыновьям ходить с просьбами к богатому соседу Хара Хаану. Запрет старика сугубо житейский. После смерти отца голодные сыновья нарушают его. Вначале старший, а потом средний брат идут с просьбой о помощи к Хара Хаану и погибают. Только младший брат благодаря своему уму и сметливости остается живым. Он становится обладателем имущества богача. В действиях персонажей и происходящих событиях сказки отсутствует волшебство. Интересны имена братьев. Старшего зовут Харыс Тюёкэй: словом *харыс* обозначается мера длины, измеряемая расстоянием между большим и средним пальцами [53, стлб. 3376], *түөкэй* ‘плут, мошенник; лукавый, коварный’ [53, стлб. 2900]. Имя среднего Сюём Тюёкэй: от слова *сүөм* ‘мера длины, измеряемая расстоянием между большим и указательным пальцами’. Имя младшего брата Тутум Тюёкэй: *тутум* ‘мера длины, корх, высота кулака’ [53, стлб. 2873]. Однако значение имен в содержании сказки не раскрывается. Сказка имеет кумулятивную композицию троекратного повторения мотива посещения братьями дома Хара Хаана. В ней угадываются мотивы волшебной сказки: самый младший из трех братьев — самый умный, запрет отца и нарушение запрета сыновьями, вопросы и задания

Хара Хаана. Но все эти мотивы утратили волшебный смысл и приобрели житейско-бытовой характер. Сказка служит ярким примером трансформации волшебной в бытовую или новеллистическую сказку.

В собственно якутских бытовых сказках «неподающий надежды» младший брат превосходит старших братьев. В широко известной сказке «Мэник Мэнигийээн» (текст 30) традиционные семейно-социальные отношения якутов отражаются через гротескный образ младшего (в других вариантах старшего) брата. Два старших брата — умные, работящие, охотники, третий — ленивый дурак. Сказочники обычно его изображают косноязычным, шепелявым. Глупость его доходит до крайности: он убивает свою мать (братья сказали: *...батыйанан тыыннаагы, тугу көрөгүн дэ...* '...пальмой снеси голову всему живому...' (бл. 2)), при переходе вброд сдирает шкуру с ног коня из-за того, что, мол, он боится намочить свою обувь, раздает одежду качающимся от ветра деревьям, посчитав, что они этого просят, и т.п.

В отечественной фольклористике принято считать, что бытовая сказка не имеет ничего общего с первоначальным укладом жизни, хотя в отдельных случаях можно обнаружить очень древние реликты, но «бытовая сказка создавалась не при первобытно-общинном строе, а позже» [59, с. 251].

Младший брат в русских волшебных сказках предстает как «защитник старинного равноправия и этнических норм первобытно-общинной старины». Существует несколько вариантов концовки сказки о глупом Мэник Мэнигийээне. В одних младшие братья, возмущенные нелепыми выходками старшего брата, выгоняют его из дома, и это становится началом их счастливой жизни [89, т. 2, с. 73–76]. Такая развязка сюжета является чисто бытовой ситуацией. В другой сказке [89, т. 2, с. 63–70] мотивы переплетаются с мотивами волшебной сказки. Так, братья попадают в руки людоедки Джэгэ Бааба (заимствованное Баба Яга) и спасаются благодаря хитрости и силе младшего брата — глупца Мэник Мэнигийээна. Он в одиночку сражается с войском Баай Хара Хаана. Эта сказка по своему содержанию представляет собой переходный тип от волшебной сказки к бытовой.

В бытовых сказках героями выступают представители самого низшего социального слоя, Чээрэ Чээрэкээн, герой одноименной сказки, неимущий одинокий старик пытается выбраться из нищеты, но погибает (текст 31). Причиной его гибели служит не социальный конфликт, а скорее архаичный мотив родоплеменных распрей: Чээрэ Чээрэкээн пытается присвоить богатство *айыы уола* (дословно: сына *айыы*), т.е. человека из

племени *айыы*. К гибели старика приводит его злой умысел, направленный против человека, члена своего родного племени. Чээрэ Чээрэкээна, героя другой одноименной сказки, на путь обмана толкнуло бедственное положение. На старости лет его выгнал Баай Хара Хаан. Оставшись без работы и пропитания, батрак Чээрэ Чээрэкээн вначале обманывает своего хозяина, а затем хитростью и обманом женится на дочери богача и присваивает богатство купца [82, с. 29–34]. Старик Кээрэкээн, герой другой якутской сказки [82, с. 34–38], хитростью завладевает имуществом двух богатых соседей.

Сюжеты бытовых сказок разнообразны. В сказке «Вор Кутурук» («Кутурук Уоруйах») (текст 32) богатый человек заставляет своего соседа-вора показать свое мастерство. С восхищением рассказывается, как вор искусно обворовывает гостившего у него богача, как он крадет золотое кольцо и оставляет в простаках бая и его домочадцев. Вор в силу своего умения становится обладателем половины богатства богача. Герой сказки «Бедный крестьянин» («Дьаданы бааһынай») (текст 33), отправившийся странствовать из-за нищеты, встречает людей, которые пытаются впустить солнечный свет в дом без окон, мешками тащат дым из дома; людей, которые силятся загнать скот на крышу юрты, которые строят дом, пытаясь растянуть короткое бревно с помощью масла. Нищий крестьянин всем этим простодушным людям дает правильные советы, те в благодарность одаривают его, в конце сказки нищий становится зажиточным человеком.

С юмором рассказывается о забавном старике, имеющем трех жен и трех коров «Имеющий трех коров и трех жен старик Тээп-Тээп» («Үс ынахтаах, үс ойохтоох Тээп-Тээп оҕоньньор») (текст 34). Выше всего он ставит значение своего имени, но однажды забывает его. Ценой коров и жен пытается вспомнить имя. В конце концов старик погибает. Сказка лишена назиданий, но она имеет поучительное содержание.

В якутском фольклоре широко распространены сказки об умных девушках и невестах, о трудных задачах. К бытовым сказкам можно отнести сказки-анекдоты о «скромных» зятьях и застенчивых невестах, о скупых и хвастливых людях...

Н.В. Емельянов

* * *

Данный том является второй научной публикацией народных сказок якутов после издания, предпринятого Г.У. Эргисом [89]. Исходя из современных требований, предъявляемых к публикации фольклорного материала, и основных принципов академической серии «Памятники фолк-

лора народов Сибири и Дальнего Востока», при отборе текстов учитывались художественная ценность, содержательность, полнота и завершенность сюжета, а также такие важные критерии, как новизна публикуемого материала и наличие фонограмм. Так, в состав тома вошли 36 произведений, отражающих жанровое разнообразие якутских сказок: 12 текстов представляют образцы сказок о животных, 15 — относятся к волшебно-фантастическим сказкам, 9 текстов — образцы бытовых сказок, 22 текста издаются впервые, 14 наиболее примечательных образцов взяты из ранних публикаций. В дополнения включены два текста, являющиеся вариантами сказок, вошедших в основной корпус.

Сказки «Кто первым увидит восход солнца» (текст 5), «Лягушка-госпожа» (текст 7), «Почему у горностая хвост почернел» (текст 8), «Старушка Тээллэй» (текст 10), «Старушка Таал-Таал» (текст 14), «Старушка Ньыы-Ньыы» (текст 16), «Хонолджуйа и Ымалджыйа» (текст 21), «Резвый Бегун Медвежий Глаз» (текст 22), «Энгкээбил и Сээкэрэ» (текст 26) публикуются по фонозаписям, произведенным В.В. Илларионовым в 1985 и 1986 гг. Из них 8 фонозаписей были сделаны во время работы Комплексной экспедиции ОИИФиФ СО АН СССР и ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР по районам Якутии.

При подготовке материалов к печати было обращено особое внимание на сказки с песенными вставками (тексты 7, 21, 26), которые помещены на компакт-диске, прилагаемом к тому, чтобы дать читателю представление о звучании якутской сказки и манере ее исполнения. Расшифровки фонозаписей этих сказок, которые вошли в основной корпус текстов, были осуществлены фольклористами П.Н. Дмитриевым (текст 5), В.В. Илларионовым (тексты 10, 14, 16, 21, 22, 26). Песенные же части были расшифрованы этномузыковедами А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн (тексты 7, 21, 26).

Все тексты сопровождаются научно-справочным аппаратом, который дается в Приложении к тому. Книгу предваряют статьи двух авторов: Ю.И. Смирнова и Н.В. Емельянова. Поскольку статья Н.В. Емельянова была незавершенной из-за смерти автора, в дополнение к ней ответственным редактором тома Ю.И. Смирновым написана аналитическая статья, дающая сведения об истории собирания, публикации и изучения якутских сказок, их систематизации и классификации, художественном мире произведений.

Е.Н. Кузьмина

МУЗЫКА ЯКУТСКИХ СКАЗОК*

На протяжении долгого времени музыкальная сторона якутских сказок оставалась вне поля зрения фольклористов [89], хотя упоминание о поющейся сказке имеется еще в труде И.А. Худякова «Верхоянский сборник», написанном в конце XIX в. [15]. Публикуя широко распространенную в то время сказку «Старуха Бэйбэрикээн с пятью коровами» («Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин»), И.А. Худяков сообщил, что этот текст ему спели.

В экспедиционных отчетах А.А. Саввина также были указания на то, что в якутском детском фольклоре есть поющиеся сказки. Об этом исследователь слышал, например, от сказочника и олонхосута Г.Ф. Никулина из Абыйского улуса**.

В середине XX в. известный якутский фольклорист Г.У. Эргис утверждал, что сказка — это «прозаический жанр, рассказывается словами без пения» [89, т. 1, с. 10]. В то же время в цитируемое издание им включены сказочные тексты с песенными разделами [89, т. 1, тексты 40, 43, 52]. В этом двухтомном собрании песенные разделы встречаются преимущественно в волшебных сказках и их сюжетная функция каждый раз индивидуальна. Если в сказке «Лыыбырда» песня выражает настроение героя, то в сюжете «Старуха Хабарата и Алаа Монгус» («Хабарата эмээхсин уонна Алаа Моҕус») она непосредственно связана с действием: обжора Алаа Монгус, напевая песенку старухи Хабарата, обманывает и съедает ее детей. В сказке «Заячий Хвост» («Куобах Кутуруга») старик с помощью песни побуждает своих жен к действию.

---

* Написание статьи, расшифровка фонозаписей и составление компакт-диска производились в соответствии с планом подготовки тома в серии «Памятники фольклора...». Основные положения статьи опубликованы в монографии А.С. Ларионовой [40].

** *Саввин А.А.* Сказки. Отчет экспедиции 1938 года. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 675. — 551 с.

В ходе комплексных экспедиций в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986–1987 гг. исследователям удалось сделать аудиозаписи сказок с поющимися разделами. Так, в 1986 г. в Сунтарском улусе и Якутске В.В. Илларионовым были записаны от Г.Я. Иванова (1920 г. р.) сказки «Лягушка-госпожа» («Баҕа баһылык») и «Энгкээбил и Сээкэрэ» («Энгкээбил уонна Сээкэрэ») — в двух вариантах каждая; от С.Д. Кириллина (1924 г. р.) — сказки «Старушка Таал-Таал» («Таал-Таал эмээхсин»), «Хонолджуйа и Ымалджыйа» («Хонолдьуйа уонна Ымалдьыйа») и еще один вариант сказки «Лягушка-госпожа». В Нижнеколымском улусе от Н.К. Винокурова (1932 г. р.) произведены записи сказок «Чуучуйдаан», «От Сагынньах» («От Саҕыньньах») с песенными разделами. В 1987 г. в Якутске В.С. Никифорова и В.Н. Шевцов записали от С.Д. Кириллина 4-й вариант сказки «Лягушка-госпожа», варианты сказок «Хонолджуйа и Ымалджыйа» и «Старушка Таал-Таал», а также сказку «Ворон» («Суор») с песенными эпизодами. Таким образом, всего выявлено семь сюжетов поющихся сказок: «Старушка Таал-Таал» (2 варианта), «Лягушка-госпожа» (4 варианта), «Хонолджуйа и Ымалджыйа» (3 песни в двух вариантах), «Энгкээбил и Сээкэрэ» (2 варианта), «Чуучуйдаан» (2 варианта), «От Сагынньах» (1 вариант) и «Ворон» (1 вариант).

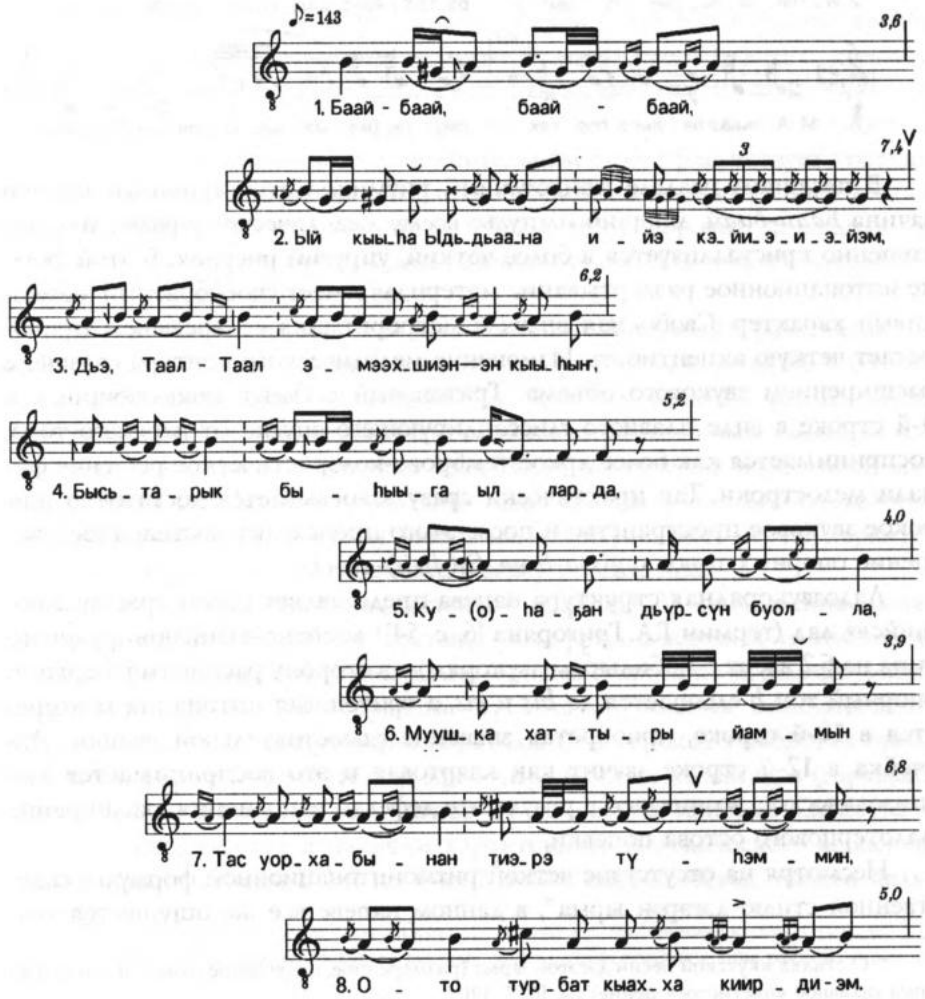
Бытование сказок с песенными вставками отмечено лишь в двух улусах Якутии: Сунтарском и Нижнеколымском, т.е. там, где якуты тесно контактируют с эвенами, эвенками и юкагирами — этносами, в фольклоре которых существует традиция пения в сказках. В центральных улусах, где проживает основная часть саха, поющиеся сказки не были обнаружены. Поскольку исполнители омузыкаленных сказок зачастую являются олонхосутами, в этом жанре присутствуют разнообразные стили народной музыки якутов.

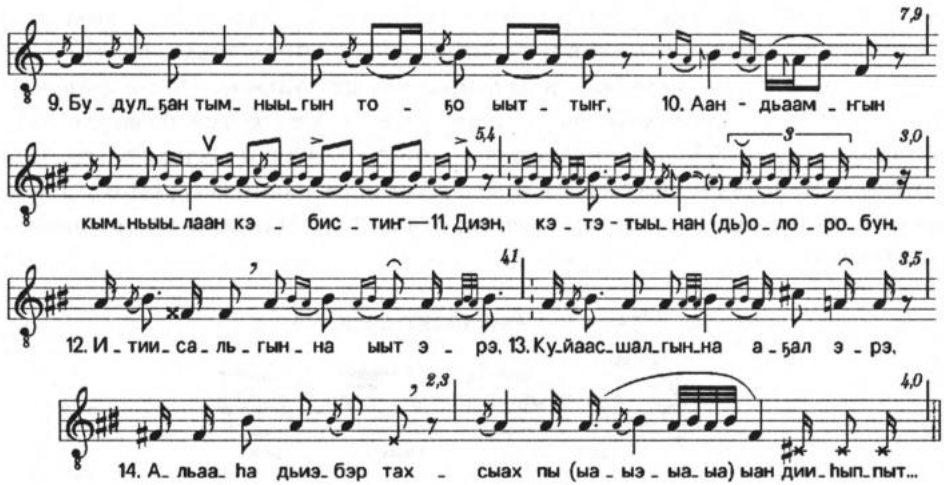
В основе данной статьи лежат фонозаписи сказок, произведенные в упомянутых выше комплексных экспедициях. Нотировки записей 1986 г. выполнены автором статьи совместно с музыковедом Л.Г. Ильиной-Гольштейн. Записи сказок, зафиксированных в 1987 г., расшифрованы автором.

Поющиеся разделы включаются в повествовательную ткань сказок эпизодически, но удельный вес их различен. В сказках «Старушка Таал-Таал» и «Лягушка-госпожа» вокальные части являются по сути переизложением речевого зачина, причем более протяженным. В остальных сказках присутствуют более короткие песни-вставки: в «Хонолджуйа и Ымалджыйа» — три песни (испрашивание благословения, заклинание, *тойук*), в «Энгкээбил и Сээкэрэ» — песня-плач как заключительный эпизод, в «Чуучуйдаан» — песенные реплики персонажа.

Вокальное интонирование сказки «Старушка Таал-Таал» (пример 1) усиливает динамичность ее композиции. Песня представляет собой обращение старушки Таал-Таал к девушке-месяцу Ульяне. После речевого повествования обстоятельства излагаются еще раз, более развернуто, в песенном разделе. По всей вероятности, такой повтор в песне от 1-го лица должен заставить слушателей проникнуться настроением героини, почувствовать безысходность ее положения, отчаяние и надежду на спасительные лучи солнца.

Пример 1 (компакт-диск, 7)





В песенном разделе прихотливый ритмико-интонационный контур зачина *Баай-баай*, дающий импульс всему мелодическому развитию, постепенно кристаллизуется в более четкий, упругий рисунок. В этой сказке интонационное развертывание материала имеет своеобразный, изменчивый характер. Свободная вначале метроритмика со временем приобретает четкую акцентность. Изменение мелодического контура связано с расширением звукового объема. Тритоновый сегмент, появляющийся в 4-й строке в виде плавного глиссандирующего спуска от верхнего тона, воспринимается как более яркое темброво-колористическое решение финали мелостроки. Так практически сразу завоевывается достаточно широкое звуковое пространство и после этого происходит постепенное смещение опорных тонов с *gis-a-h* на *fis*(*fisis*)*-ais-cis*.

Ладозвукорядная структура напева представляет собой «раскрывающийся» лад (термин Г.А. Григоряна [6, с. 54]) высотно-транспонирующего типа на б.2 вверх с мобильным звукорядом в сторону раскрытия. Верхний опорный тон *h* смещается до *his* и *cis*, а тритоновая интонация повторяется в 10-й строке, приобретая значение самостоятельной ячейки. Эта ячейка в 12-й строке звучит как квартовая и это воспринимается как эпизодическое, возникшее в результате дефекта исполнения, расширение малотерцового остова попевки.

Несмотря на отсутствие четкой ритмоинтонационной формулы, свойственной стилю дэгэрэн ырыа*, в данном напеве все же ощущается тен-

* О стилях якутской песни дэгэрэн ырыа (размеренное, подвижное пение) и дьиэрэтии ырыа (плавное «цветистое» пение) см. [6, 7, 39].

денция к формульности, что наиболее заметно в конце песенной вставки. В то же время звуковысотные параметры песни (подвижность и изменчивость звукоряда, смещение опорных тонов), а также особенности ритмики указывают на сходство с напевами *олонхо* в стиле дьиэрэтии ырыа.

Слогоритмическая структура стиха и напева в анализируемом примере не совпадает, так как в народно-песенной силлабике «размеры слоговой группы определяются не только количеством слогов, но и суммой их музыкального времени» [29, с. 16]. В связи с влиянием на текст музыкального времени слоговая структура стиха в напеве меняется. Так, стих «*Аан-дьаам кымньыылаан кэбистин*» в 10-й строке текста, представляющий собой восьмисложник со структурой (2+3+3), в напеве преобразуется благодаря появлению дополнительного слога (*ҥын*) с краткой заднерядной узкой гласной к слову «*Аан-дьаам*», отчего стих в напеве приобретает девятисложную структуру (3+3+3): «*Аан-дьаам(ҥын) кымньыылаан кэбистин*». В дополнительном слоге присутствует краткая переднерядная узкая гласная [ы], хотя в самом слове преобладает долгая переднерядная широкая гласная [аа]. Такое противоречие, по-видимому, связано с тем, что при пропевании в дополнительных слогах и огласовках* гласных переднего ряда больше.

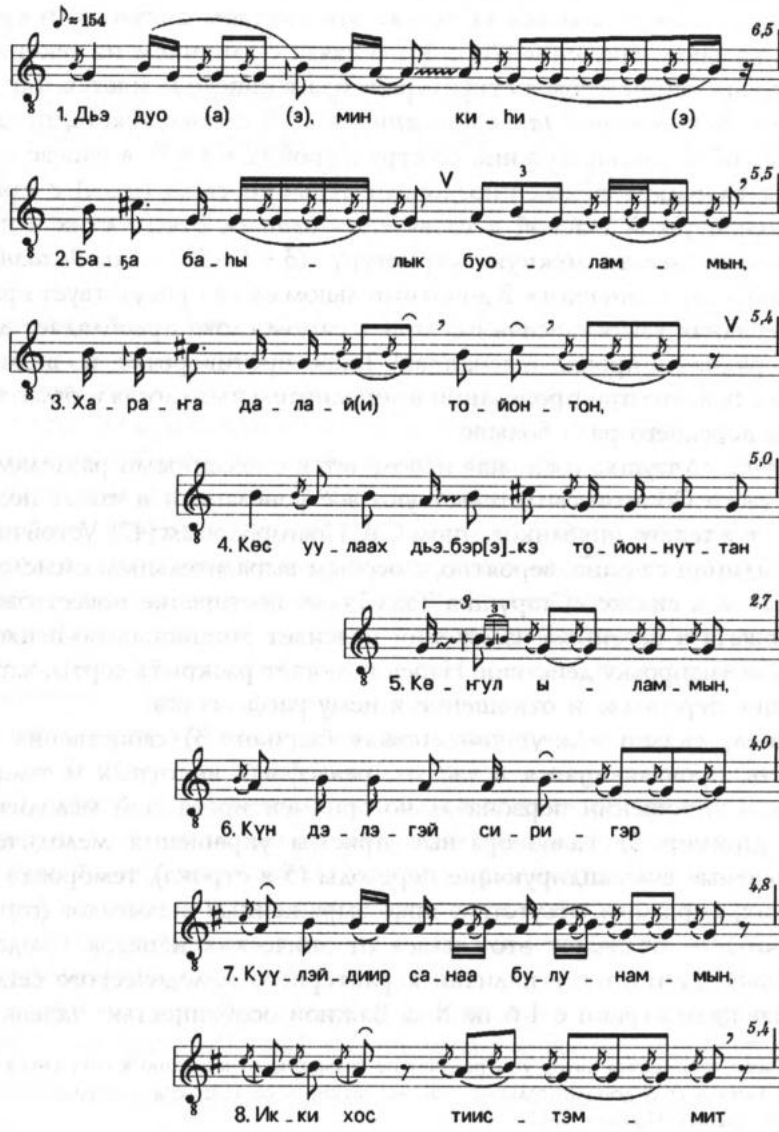
Сказка «Лягушка-госпожа» исполняется с песенными разделами довольно часто. Об этом свидетельствуют все фонозаписи, а также поэтический блок в тексте, опубликованном С.А. Новгородовым [47]. Устойчивость этой традиции связана, вероятно, с особым выразительным смыслом напева. Как и в сказке «Старушка Таал-Таал», повторение повествовательного сюжета в песенном изложении поясняет эмоционально-психологическую мотивировку действия. Напев помогает раскрыть черты, характеризующие персонаж, и отношение к нему рассказчика.

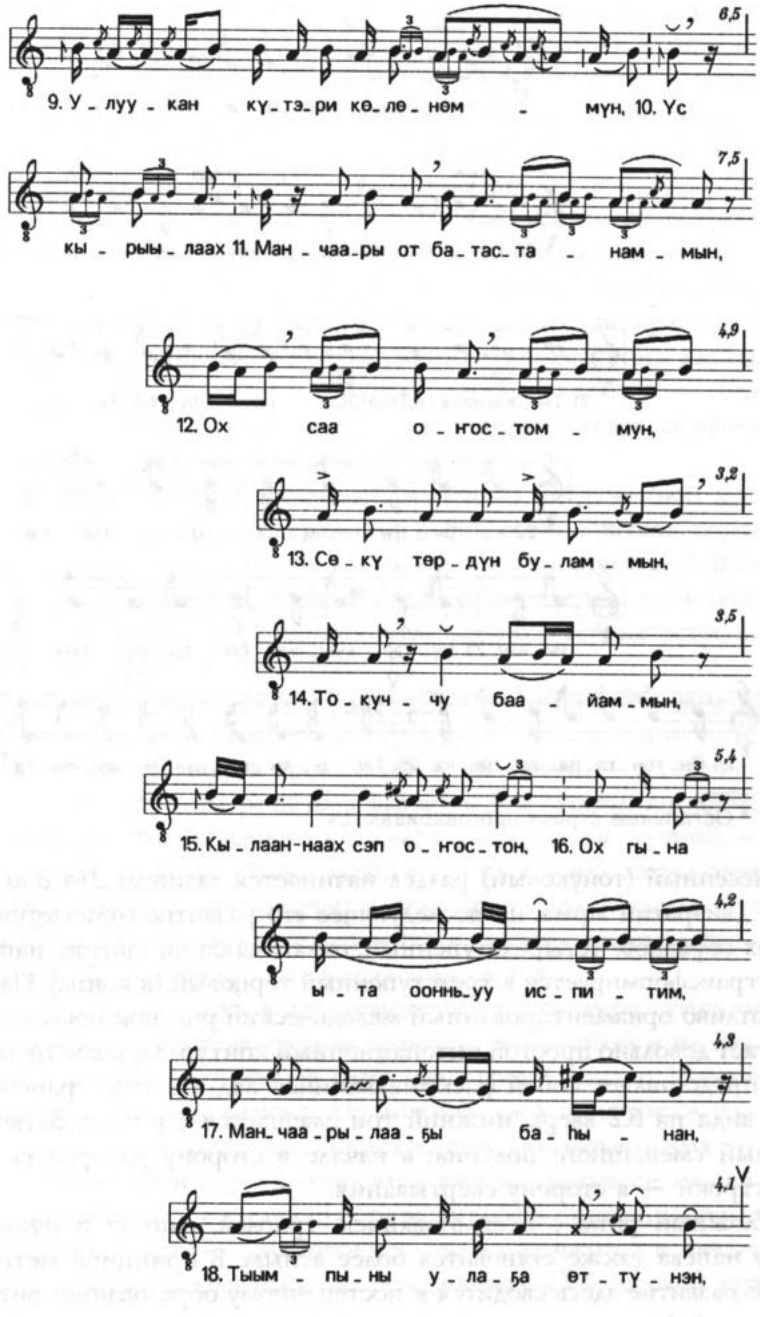
Напеву сказки «Лягушка-госпожа» (вариант 3) свойственна динамичность, проявляющаяся в частых, рельефных высотных и темповых сдвигах, в упрощении первоначально орнаментированной мелодической линии (пример 2). Разнообразные приемы украшения мелодического тона: плавные глиссандирующие переходы (5-я строка), тембровая орнаментация, форшлаги, отсутствие ярко выраженных кылысахов (горловых призвуков), — отличают этот напев от эпических напевов. Сходство с ними обнаруживается в наличии характерного мелодического сегмента, завершающего строки с 1-й по 8-ю. Важной особенностью напева явля-

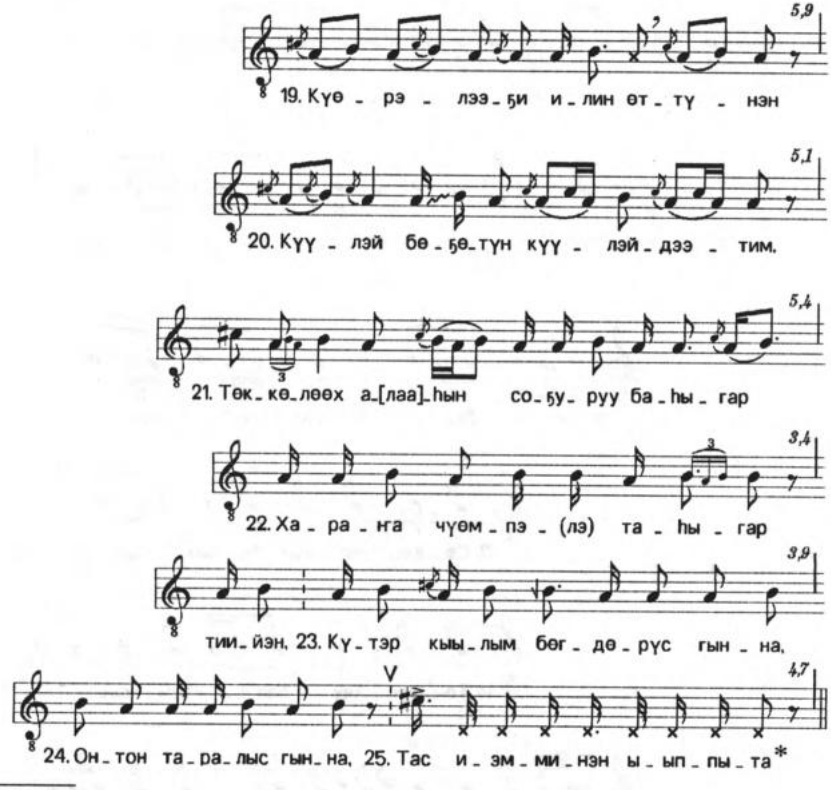
* Слово «огласовка» автор употребляет не только по отношению к согласным, но и к гласным, имея в виду дополнительные гласные звуки, появляющиеся при распевании нормативных гласных [Примеч. ред.].

ется ритмическая вариативность, частое использование акцентов, удлиняющих или укорачивающих реальное звучание. Наиболее ярко выраженные акценты отмечены в нотировке соответствующим знаком, большая часть оставлена без помет, так как не поддается точной нотации.

Пример 2 (компакт-диск, 3)




9. У - луу - кан кү - тэ - ри кө - лө - нөм - мүн, 10. Үс
кы - рыы - лаах 11. Ман - чаа - ры от ба - тас - та - нам - мын,
12. Ох саа о - ҥос - том - мун,
13. Се - кү төр - дүн бу - лам - мын,
14. То - куч - чу баа - йам - мын,
15. Кы - лаан-наах сэп о - ҥос - тон, 16. Ох гы - на
ы - та оонньуу ис - пи - тим,
17. Ман - чаа - ры - лаа - ҕы ба - ҕы - нан,
18. Тыым - пы - ны у - ла - ҕа өт - тү - нэн,



* Остальные строки проговариваются.

Песенный (тойуковый) раздел начинается зачином *Дьэ дуо* 'Ну вот' как в дьиэрэтии ырыа, но последующее его развитие отличается от эпических образцов. Четырехступенный, охватывающий тритон, напев (в начале) трансформируется в трехступенный терцовый (в конце). Начальный прихотливо орнаментированный мелодический рисунок постепенно приобретает довольно простой интонационный контур. Звуковысотная структура представляет собой раскрывающийся лад высотно-транспонирующего вида на б.2 вверх: нижний тон смещается с *g* на *a*. Звукоряд мобильный смешанного подтипа: в начале в сторону раскрытия, а после 21-й строки — в сторону свертывания.

Сложный ритм с использованием триолей, синкоп и пунктиров к концу напева также становится более ясным. В принципе метроритмическое развитие здесь сводится к постепенному образованию ритмоинтонационной формулы, которую по манере исполнения нельзя отнести ни

к дьиэрэтии ырыа, ни к дэгэрэн ырыа. К дьиэрэтии ырыа эта формула близка свободой метроритмики, отличие же заключается в четкой ритмической акцентности, интонационной простоте, отсутствии характерных для эпического песнопения кылысахов. Формула песни также отходит от стилистики дэгэрэн ырыа свободой метра, что не свойственно этому типу пения.

В данном напеве определенное место занимают распевы гласных звуков, видоизменяющих слово. Гласный звук в пении звучит иначе, чем в речевом потоке. В начальных словах *Дьэ дуо* дифтонг заднего ряда [уо] в нисходящей интонации *h–g* получает двойную огласовку краткими широкими гласными: при повторении нижнего опорного тона дважды — заднерядным [а], при переходе к верхнему опорному тону *h* — переднерядным [э]. Наблюдается тенденция к огласовыванию гласных переднего ряда гласными того же места образования.

К слогу [hи] в слове *киһи* 'человек' в финали, выраженной краткой узкой гласной переднего ряда [и], также добавляется краткая переднего ряда широкая гласная [э] с той же восходящей интонацией *g–h*. В такого рода огласовках распеваемые гласные звуки и дифтонги воздействуют на распев и в то же время под его влиянием меняют свои качественные и количественные характеристики (табл. 1).

Напеву соответствуют пяти – двенадцатисложные стиховые структуры вербального текста. Изменения структуры стиха в пении в сторону увеличения количества слогов происходят: в 1-й строке — в связи с огласовками гласных (об этом речь шла выше), в 3-й строке, где добавлена краткая узкая гласная переднего ряда [и] в слове *далай* 'пучина', в 22-й строке, где в слове *чүөмпэ* 'омут' появляется слог [лэ] (с переднерядной широкой гласной [э]). В добавленных слогах преобладают гласные переднего ряда. Стиховая структура изменяется в сторону уменьшения числа слогов в 4-й и 21-й строках из-за выпадения слогов.

Помимо трансформации в поющемся тексте структуры стиха внутри строки не совпадают синтаксические границы строк стиха и напева. Так, 10-я и 11-я строки объединены в одну мелострoку. Начало 16-й строки вербального текста в виде одно- и двусложного слов приходится на окончание предыдущей мелостроки. Последующие два двусложных и одно трехсложное слова 16-й строки относятся уже к следующей мелостроке. В 22-й строке встречается следующая разновидность смещения строк: финаль вербального текста — двусложное слово — относится к началу следующей мелостроки, мелодически она объединена с 23-й строкой вербального текста.

Таблица 1

Соотношение структуры стиха и напева сказки «Лягушка-госпожа» (вариант 3)

Строка	Строение		Ритмическая структура
	стиха	стиха в напеве	
1	5 (1+1+1+2)	8 (1+1+1+1+1+2+1)	Д К Д К Д СК СД К
2	8 (2+3+3)	8 (2+3+3)	СК К СК Д К Д Д К
3	8 (3+2+3)	9 (3+3+3)	СК СК К СК СК Д К К Д
4	11 (1+2+4+4)	10 (1+2+3+4)	Д К К СК К К СК СК К К
5	5 (2+3)	5 (2+3)	СК К Д К К
6	7 (1+3+3)	7 (1+3+3)	К СК СК К СК К Д
7	9 (3+2+4)	9 (3+2+4)	К К К СК К СК К Д Д
8	6 (2+1+3)	6 (2+1+3)	К К Д Д Д Д
9	10 (3+3+4)	10 (3+3+4)	СК К К СК СК СК СК К СД К
10	4 (1+3)	4 (1+3)	Д К К К
11	9 (3+1+5)	9 (3+1+5)	К К К К СК К Д Д Д
12	6 (1+1+4)	6 (1+1+4)	Д Д СК К Д Д
13	7 (2+2+3)	7 (2+2+3)	СК К К К СК К Д
14	6 (3+3)	6 (3+3)	СК К Д Д К Д
15	7 (3+1+3)	7 (3+1+3)	СК К Д Д К К Д
16	10 (1+2+2+2+3)	10 (1+2+2+2+3)	К СК Д СК К СК СК Д Д Д
17	8 (5+3)	8 (5+3)	К К СК К Д СК Д К
18	9 (3+3+3)	9 (3+3+3)	Д СК К СК СК К К К К
19	9 (4+2+3)	9 (4+2+3)	Д Д К К СК К К Д К
20	9 (2+3+4)	9 (2+3+4)	Д Д СК СК К Д К Д Д
21	12 (3+3+3+3)	11 (3+2+3+3)	К К Д К Д СК СК К СК К Д
22	10 (3+2+3+2)	11 (3+3+3+2)	СК СК К К СК СК СК К Д СК К
23	9 (2+2+3+2)	9 (2+2+3+2)	СК К СК К К СК К К К
24	7 (2+3+2)	7 (2+3+2)	К К СК СК К К Д

Примечания. В табл. 1–5: Д — долгий, СД — сверхдолгий, К — краткий, СК — сверхкраткий. К долгим мы относим слогоноты длительностью в четверть, к сверхдолгим — половинные, к кратким — восьмые, к сверхкратким — шестнадцатые.

Поскольку 25-я строка речитируется, а не пропевается, ее структура в таблицу не внесена.

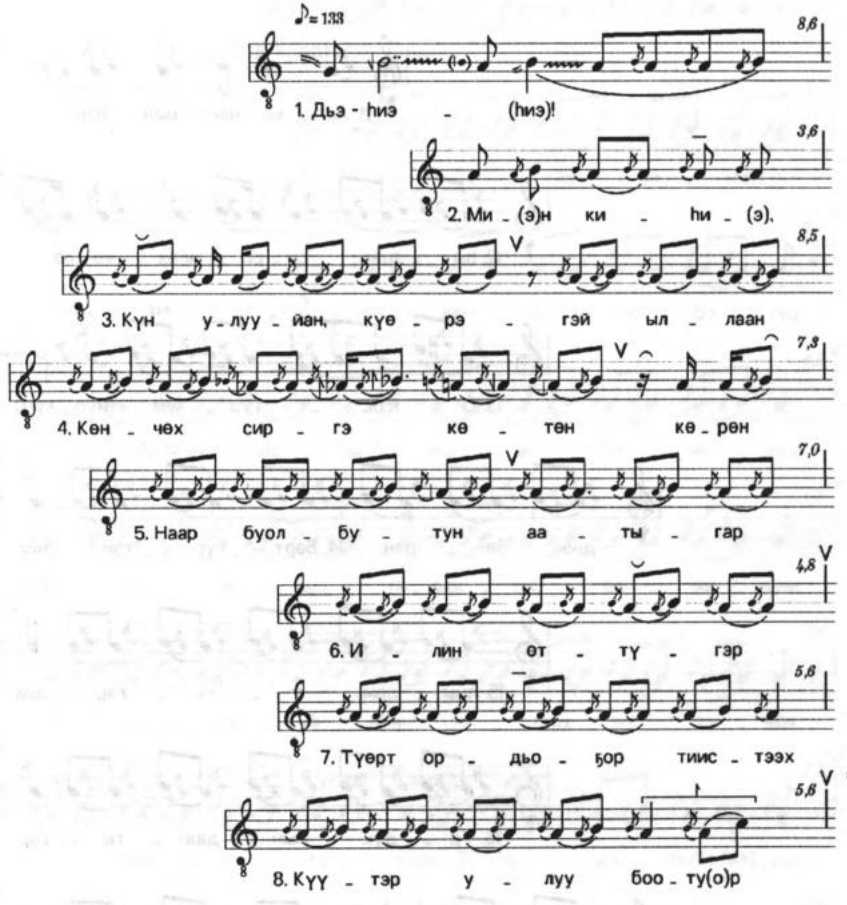
Сверхкраткие длительности присутствуют в каждой строке, придавая ритму ямбический контекст. Основу ритмики напева составляют, таким образом, сверхкраткие, краткие и долгие длительности. Сверхдолгая есть в данном напеве лишь в 1-й строке, что связано с характером распева.

В проанализированном примере мелодика песни непосредственно связана со стихом и в то же время влияет на структуру вербального текста, видоизменяя его в пении.

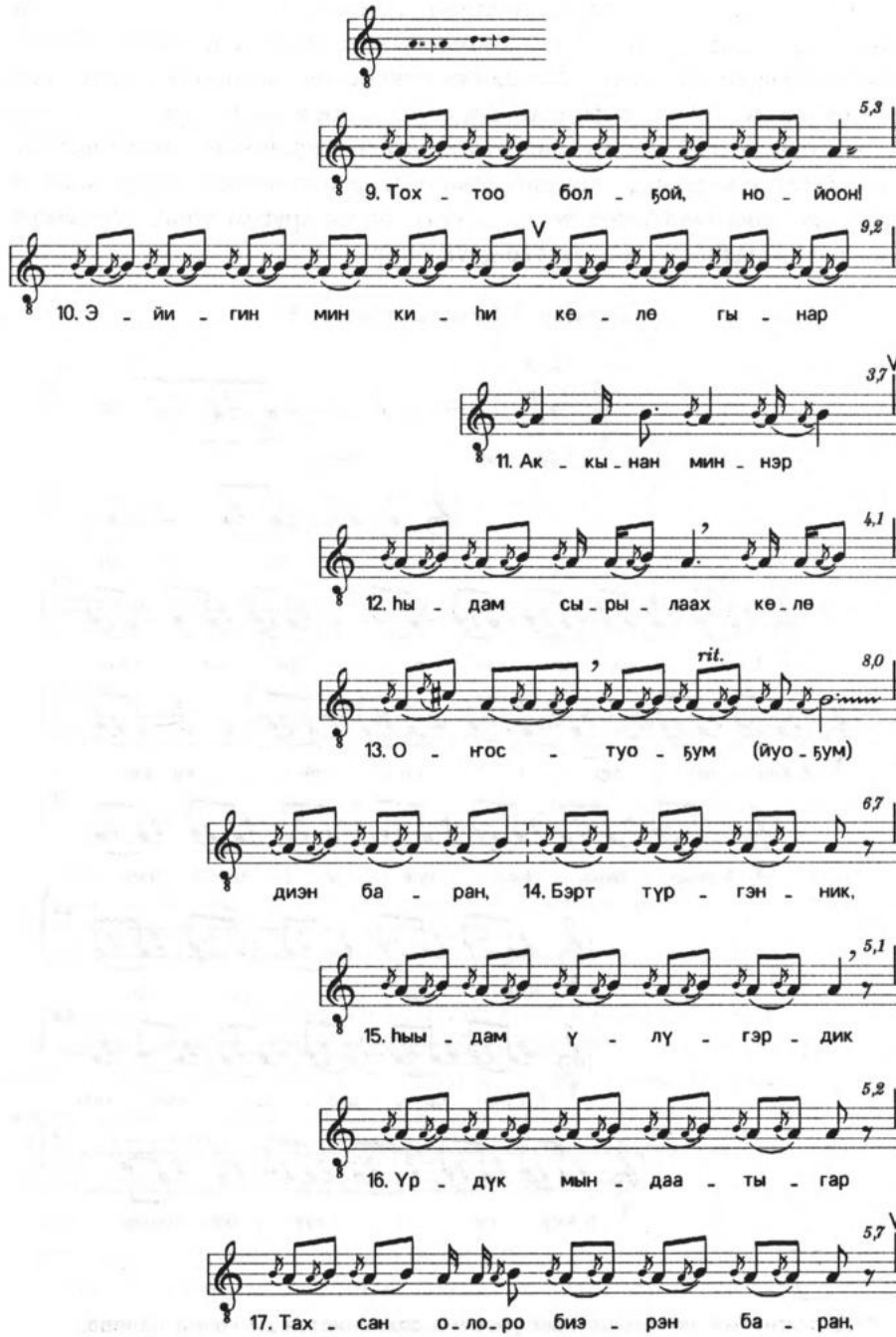
Интересно сравнить представленный вариант сказки «Лягушка-госпожа» с текстом, записанным позже от этого же исполнителя (пример 3). Данный образец отличается от предыдущего своей масштабно-

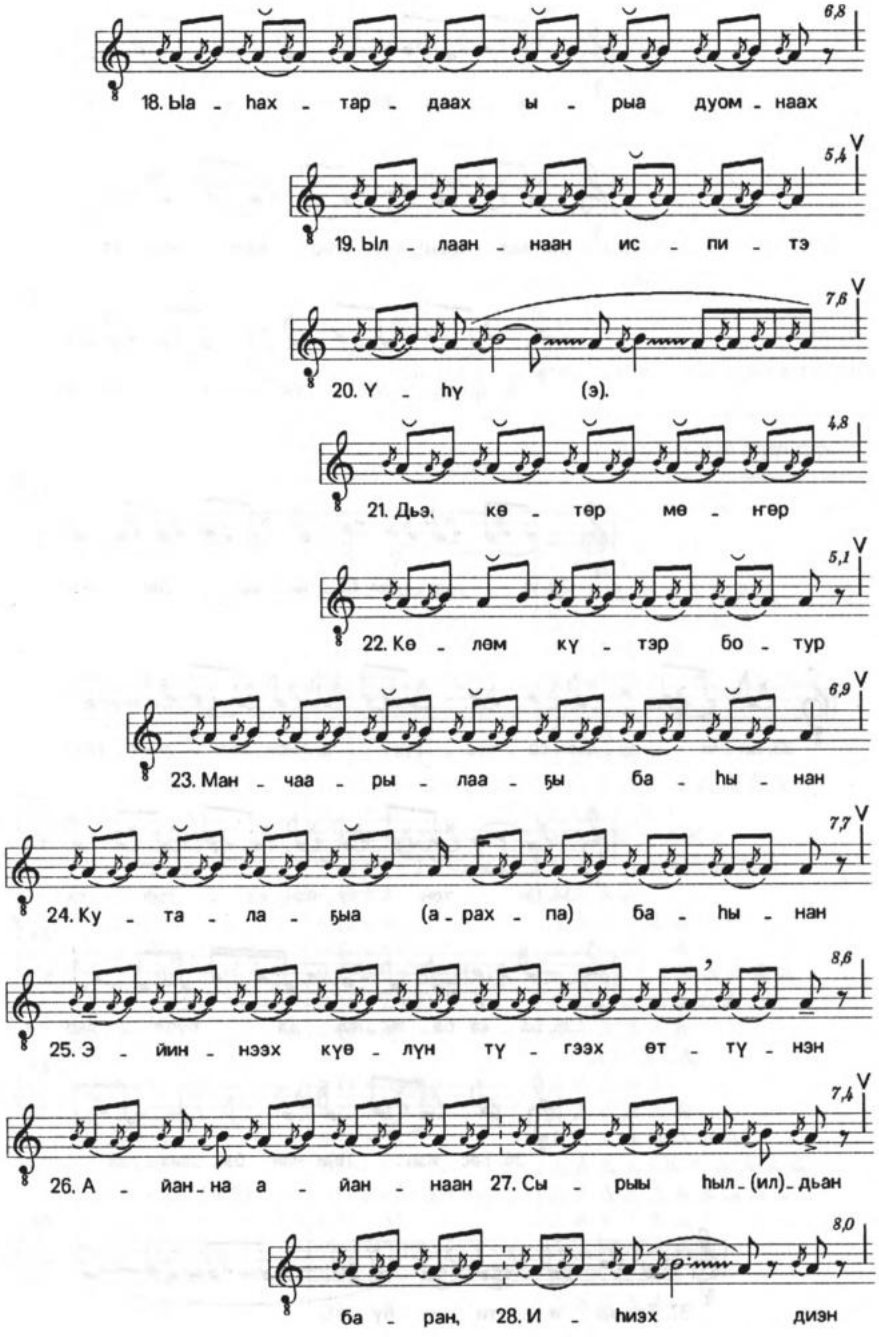
стью. Он исполняется в традиционной манере дьиэрэтии ырыа с характерным для данного стиля вступительным возгласом *Дьэ-һиэ*, однако в нем отсутствуют кылысахи. Мелодическую основу песни составляет большесекундовый дихорд. В финали 8-й строки после малотерцовой интонации звуковысотный уровень напева микроальтерационно повышается и сохраняется таковым до конца песни. Следует отметить, что строки попеременно заканчиваются то на одном, то на другом тоне, что говорит об их равнозначности в качестве двух опор.

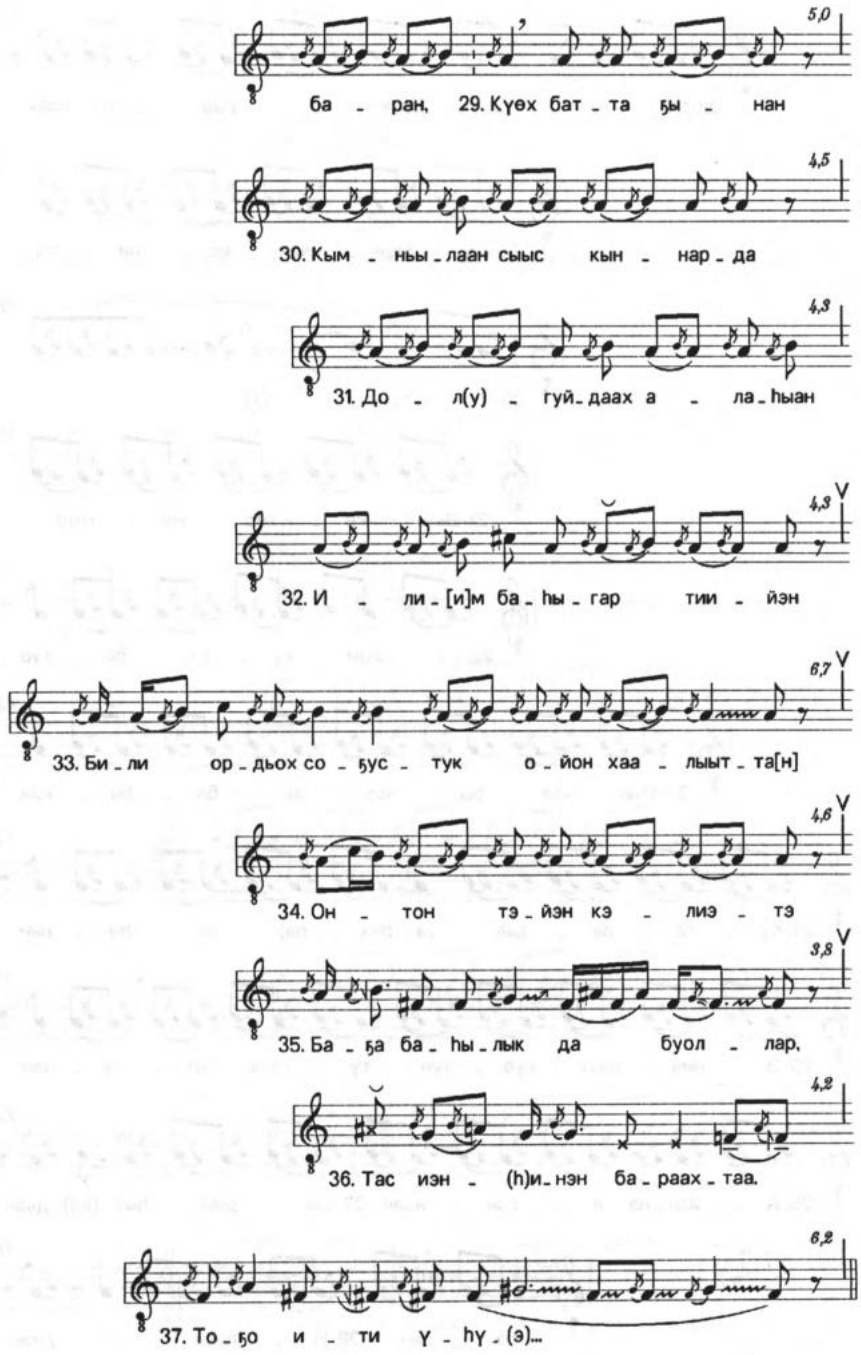
Пример 3 (компакт-диск, 4)



* Достигнутый звуковысотный уровень сохраняется до конца напева.


5,3
9. Тох - тоо бол - ҕой, но - йоон!
9,2
10. Э - йи - гин мин ки - һи кө - лө гы - нар
3,7
11. Ак - кы - нан мин - нэр
4,1
12. һы - дам сы - ры - лаах кө - лө
rit.
8,0
13. О - ҥос - туо - ҕум (йуо - ҕум)
6,7
диэн ба - ран, 14. Бэрт түр - гэн - ник,
5,1
15. һыы - дам ү - лү - гэр - дик
5,2
16. Үр - дүк мын - даа - ты - гар
5,7
17. Тах - сан о - ло - ро биэ - рэн ба - ран,


6,8
18. Ыа - һах - тар - даах ы - рыа дуом - наах
5,4
19. Ыл - лаан - наан ис - пи - тэ
7,6
20. Ү - һү (э).
4,8
21. Дьэ, кө - төр мө - ҥөр
5,1
22. Кө - лөм кү - тэр бо - тур
6,9
23. Ман - чаа - ры - лаа - ҕы ба - һы - нан
7,7
24. Ку - та - ла - ҕыа (а - рах - па) ба - һы - нан
8,6
25. Э - йин - нээх күө - лүн тү - гээх өт - тү - нэн
7,4
26. А - йан - на а - йан - наан 27. Сы - рыы һыл - (ил) - дьан
8,0
ба - ран, 28. И - һиэх диэн


5,0
ба - ран, 29. Күөх бат - та ҕы - нан
4,5
30. Кым - ньы - лаан сыыс кын - нар - да
4,3
31. До - л(у) - гуй - даах а - ла - һыан
4,3
32. И - ли - [и]м ба - ҕы - гар тии - йэн
6,7
33. Би - ли ор - дьох со - ҕус - тук о - йон хаа - лыыт - та[н]
4,6
34. Он - тон тэ - йэн кэ - лиэ - тэ
3,8
35. Ба - ҕа ба - ҕы - лык да буол - лар,
4,2
36. Тас иэн - (һ)и - нэн ба - раах - таа.
6,2
37. То - ҕо и - ти ү - һү - (э)...

В 20-й строке наблюдается вокализованный распев слова *Уһу*, который композиционно делит напев на две примерно равные части. В заключительной части с возникновением нисходящего квартового скачка *h—fis* (35-я строка) резко меняется интонационный и ритмический рисунок. Расширяется диапазон, звуковысотный уровень понижается, мелодия становится неустойчивой, появляются звуки речитативного характера.

Ритмическую структуру данного напева отличает наличие стабильного сегмента в виде распева двумя ровными восьмыми. Слогу текста соответствует либо один тон, либо распев восьмыми (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение структуры стиха в тексте и напеве сказки «Лягушка-госпожа» (вариант 4)

Строка	Строение		Ритмическая структура
	стиха	стиха в напеве	
1	2	3	4
1	2	3	К СД (СД СД)
2	3 (1+2)	5 (2+3)	К К Д К К
3	9 (1+3+3+2)	9 (1+3+3+2)	Д СК Д Д Д Д Д Д Д
4	8 (2+2+2+2)	8 (2+2+2+2)	Д Д Д Д Д Д СК Д
5	7 (1+3+3)	7 (1+3+3)	Д Д Д Д Д Д Д
6	5 (2+3)	5 (2+3)	Д Д Д Д Д
7	6 (1+3+2)	6 (1+3+2)	Д Д Д Д Д Д
8	6 (2+2+2)	7 (2+2+3)	Д Д Д Д Д Д (К К)
9	6 (2+2+2)	6 (2+2+2)	Д Д Д Д Д Д
10	10 (3+1+2+2+2)	10 (3+1+2+2+2)	Д Д Д Д Д Д Д Д Д Д
11	5 (3+2)	5 (3+2)	Д СК К Д Д
12	7 (2+3+2)	7 (2+3+2)	Д Д СК Д Д К К
13	7 (4+1+2)	9 (4+2+1+2)	Д Д Д Д К СД Д Д Д
14	4 (1+3)	4 (1+3)	Д Д Д Д
15	6 (2+4)	6 (2+4)	Д Д Д Д Д Д
16	6 (2+4)	6 (2+4)	Д Д Д Д Д Д
17	9 (2+3+2+2)	9 (2+3+2+2)	Д Д СК СК К Д Д Д Д
18	8 (4+2+2)	8 (4+2+2)	Д Д Д Д Д Д Д Д
19	6 (3+3)	6 (3+3)	Д Д Д Д Д Д
20	2	3	Д СД (СД СД)
21	5 (1+2+2)	5 (1+2+2)	Д Д Д Д Д
22	6 (2+2+2)	6 (2+2+2)	Д Д Д Д Д Д
23	8 (5+3)	8 (5+3)	Д Д Д Д Д Д Д Д
24	7 (4+3)	10 (4+3+3)	Д Д Д Д СК К Д Д Д Д
25	10 (3+2+2+3)	10 (3+2+2+3)	Д Д Д Д Д Д Д Д Д Д
26	6 (3+3)	6 (3+3)	Д К К Д Д Д
27	6 (2+2+2)	7 (2+3+2)	Д Д К К Д Д Д
28	5 (2+1+2)	5 (2+1+2)	Д СД Д Д Д
29	5 (1+4)	5 (1+4)	Д К К Д Д

Окончание табл. 2

1	2	3	4
30	7 (3+1+3)	7 (3+1+3)	Д К К Д Д К Д
31	6 (3+3)	7 (4+3)	Д Д К К Д К К
32	7 (2+3+2)	8 (3+3+2)	Д К К К К Д Д Д
33	12 (2+2+3+2+3)	12 (2+2+3+2+3)	СК К К К Д Д Д К К Д Д Д
34	7 (2+2+3)	7 (2+2+3)	Д Д К К Д Д Д
35	8 (2+3+1+2)	8 (2+3+1+2)	СК К К К Д Д Д Д
36	7 (1+3+3)	7 (1+3+3)	К Д СК К К Д Д
37	6 (2+2+2)	7 (2+2+3)	К Д К Д К К СД

Стиховые строки, включающие от 2 до 12 слогов, претерпевают модификацию в пении. Так, в зачине исполнителем дважды повторено слово *hиэ* сверхдолгими слогонотами в едином с первым словом распеве, поэтому в таблице ритмическая структура зачина отображена в виде СД (СД СД). Аналогичная картина наблюдается в 20-й строке, где окончание слова [h] огласовывается краткой переднего ряда широкой гласной [э]. Благодаря таким изменениям увеличивается слоговая структура стиха. Трансформация текста в сторону уменьшения слогов в строке происходит в связи с тем, что исполнитель опускает слог в отдельных словах. Как и в предыдущем примере, мелодика песни не только активно влияет на структуру стиха, но и модифицирует слова.

В песенном фрагменте доминируют долгие слогоноты, которые свойственны песням стиля дьиэрэтии ырыа. Во второй части наблюдается большее количество кратких и сверхкратких длительностей, что связано с появлением нераспетых слогов.

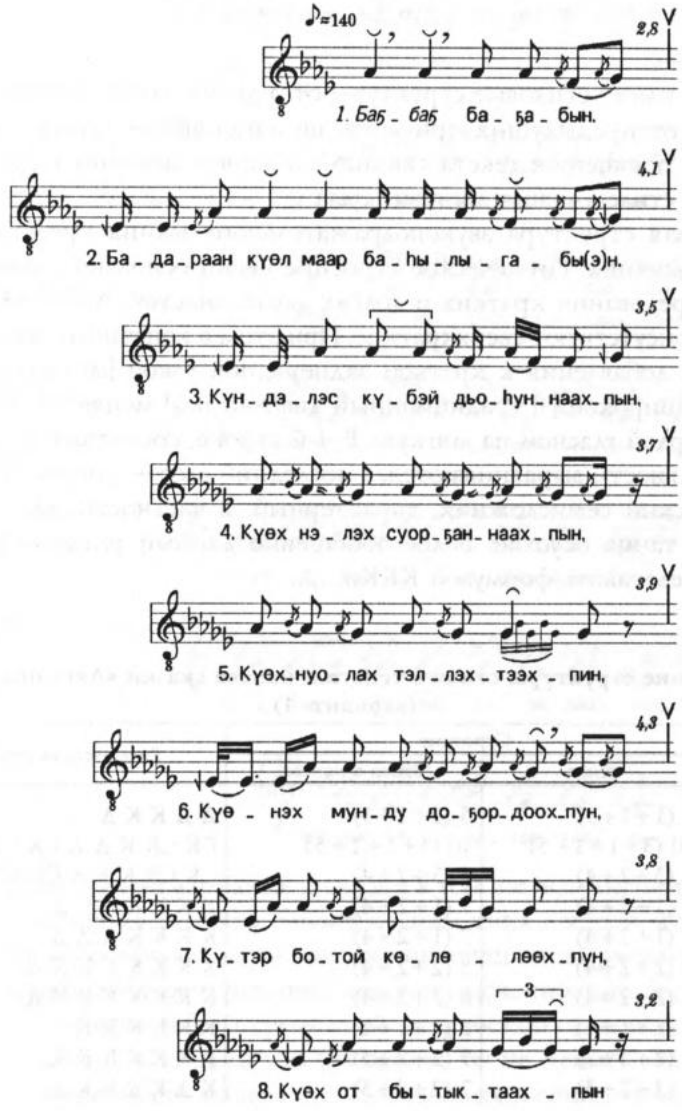
Сравнивая два варианта напева данной сказки, записанные от одного информанта, можно констатировать, что через достаточно долгий промежуток времени исполнитель видоизменяет не только стилистику и мелодику напева, но и стих одного и того же текста.

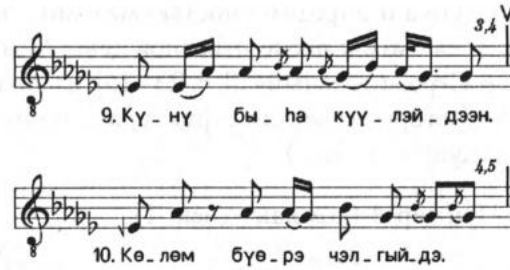
Насколько разными и схожими могут быть напевы в сказке «Лягушка-госпожа», позволяет убедиться песня, исполняемая Г.Я. Ивановым (вариант 1 и 2), — сказочником, представляющим ту же местную традицию.

Вариант 1 сказки (пример 4) открывается звукоподражательным зачином *Баҕ-баҕ*, имитирующим кваканье лягушки. Большую роль здесь играет тембровая окраска с фарингализацией и эффектом «запирания» звука после согласного [ҕ]. Во 2-й строке появляется начальный квартовый сегмент, удлиняющий мелострoку. Далее развивается зачинный элемент. С 6-й строки квартовый ход становится основной интонацией песни. Чет-

костью ритмического рисунка и определенностью мелодико-интонационного контура данный напев близок песне небесной девы Айыы-Умсуур из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» [8, с. 25–26], изложенной в стиле пения дэгэрэн ырыа. Слогоритмическая структура данного напева также отличается от предыдущей (табл. 3).

Пример 4 (компакт-диск, 1)





Напев имеет стиховые структуры от 5 до 10 слогов, которые в пении в отличие от предыдущих примеров не изменяются. Отсутствие трансформаций поющегося текста связано с тем, что песенный фрагмент исполняется стилем пения дэгэрэн ырыа.

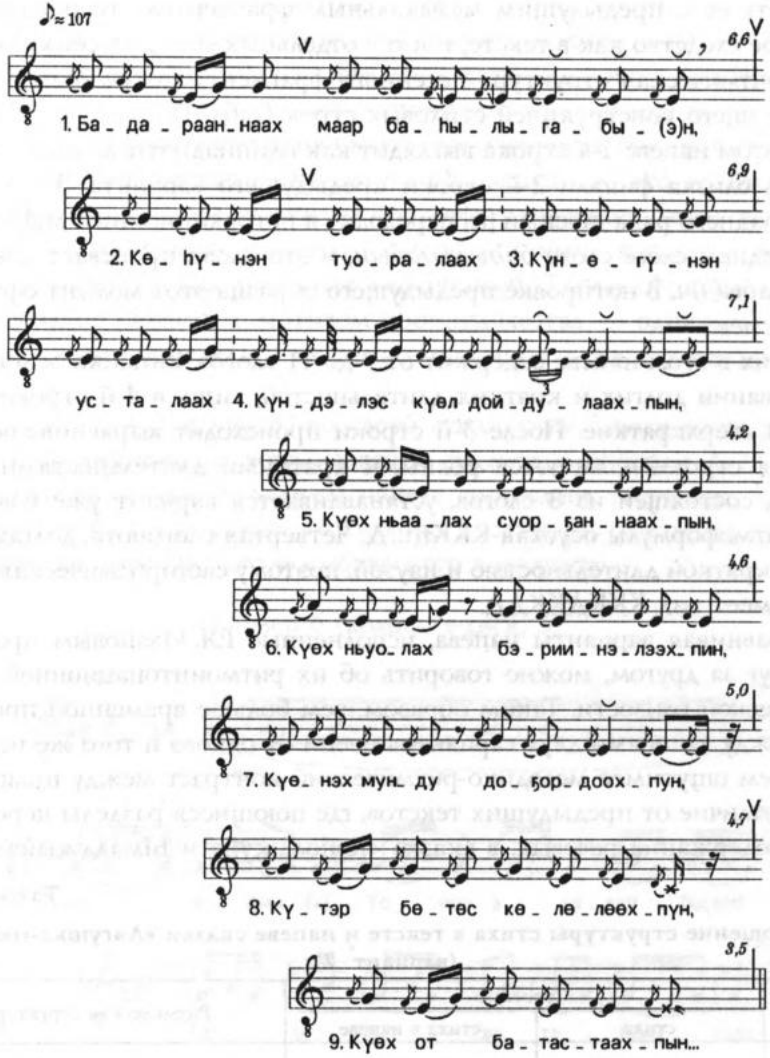
Слоговая структура звукоподражательного зачина представляет собой пятисложник. Ритмическое строение песни основано, главным образом, на чередовании кратких и долгих длительностей. Лишь во 2-й и 3-й строках присутствуют сверхкраткие. При этом в конечном слоге 2-й строки за счет добавления к краткой заднерядной узкой [ы] краткой переднерядной широкой [э] традиционный дифтонг [ыа] меняется на [ыэ] с заменой твердой гласной на мягкую. В 4-й строке, состоящей из семи слогов, длительности выравниваются, а последний слог — долгий: КККККД. Это тюркский семисложник, характерный, в частности, для якутского кругового танца осуохай. Более обобщенно данный ритмический модус можно представить формулой КККn...Д.

Таблица 3

Соотношение структуры стиха в тексте и напеве сказки «Лягушка-госпожа» (вариант 1)

Строка	Строение		Ритмическая структура
	стиха	стиха в напеве	
1	5 (1+1+3)	5 (1+1+3)	Д Д К К Д
2	10 (3+1+1+5)	10 (3+1+1+5)	СК СК К Д Д СК СК СК К Д
3	9 (3+2+4)	9 (3+2+4)	СК СК К К К СК СК К К
4	7 (1+2+4)	7 (1+2+4)	К К К К К К Д
5	7 (1+2+4)	7 (1+2+4)	К К К К К Д Д
6	8 (2+2+4)	8 (2+2+4)	К К К К К К К Д
7	8 (2+2+4)	8 (2+2+4)	К К К К К К К Д
8	6 (1+1+4)	6 (1+1+4)	К К К К К К
9	7 (2+2+3)	7 (2+2+3)	К К К К К К К
10	7 (2+2+3)	7 (2+2+3)	К Д К К К К Д

Пример 5 (компакт-диск, 2)



Инициаль напева варианта 2 сказки в том же исполнении (пример 5) по интонационному контуру близка песням типа дэгэрэн ырыа. Композицию напева составляет варьирование интонационно-ритмической формулы, отличающейся слогоритмической упорядоченностью. Звукоряд двухступенный в объеме м.3 с переменной опорностью ступеней (*e*—*g*). В 6-й строке появляется еще один тон (*a*), однако он не меняет ладовой структуры. Незавершенность напева, отсутствие выраженного заключения го-

ворят о том, что песня, по-видимому, была исполнена не до конца. Если сравнить ее с предыдущим музыкальным фрагментом, то обнаружится большое сходство как в тексте, так и в отдельных мелодических оборотах. Слогоритмическая структура песенного фрагмента также отличается от предыдущего конструкцией стиховых строк (табл. 4).

В этом напеве 1-я строка выглядит как одиннадцатисложник, хотя ее финаль близка финали 2-й строки предыдущего варианта. Здесь также узкий заднего ряда гласный [ы] переходит в нетрадиционный дифтонг [ыэ] в последнем слоге слова *баһылыгабын*, и это слово пропевается как *баһылыгабы(э)н*. В нотировке предыдущего образца этот момент оформлен как распев.

Стих в этом напеве содержит от 7 до 11 слогов. Ритмика основана на чередовании долгих и кратких длительностей, лишь в 4-й строке встречаются сверхкраткие. После 3-й строки происходит выравнивание: 3, 5, 8 и 9-я строки излагаются ровными краткими длительностями. В 7-й строке, состоящей из 8 слогов, устанавливается вариант уже известной нам ритмоформулы осуохая КККп...Д. Четвертая слогонота, долгая, образуется краткой длительностью и паузой, поэтому слогоритмическая структура имеет вид КККДККДД.

Сравнивая варианты напева, исполненные Г.Я. Ивановым практически друг за другом, можно говорить об их ритмоинтонационной и стилистической близости. Таким образом, чем больше временной промежуток между записями двух вариантов песни от одного и того же исполнителя, тем ощутимее мелодико-ритмический контраст между ними.

В отличие от предыдущих текстов, где поющиеся разделы пересказывают содержание речевых, в сказке «Хонолджуйа и Ымалджыйа» пред-

Таблица 4

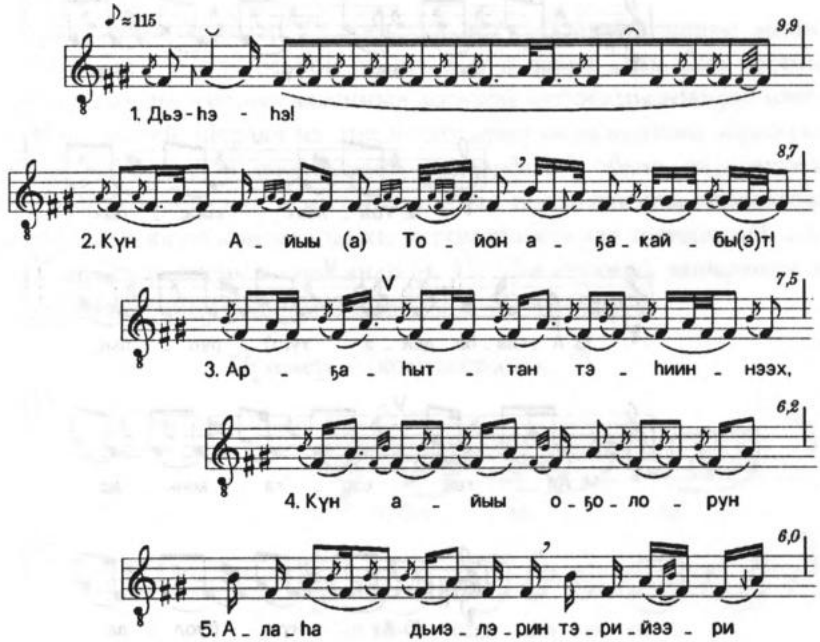
Соотношение структуры стиха в тексте и напеве сказки «Лягушка-госпожа» (вариант 2)

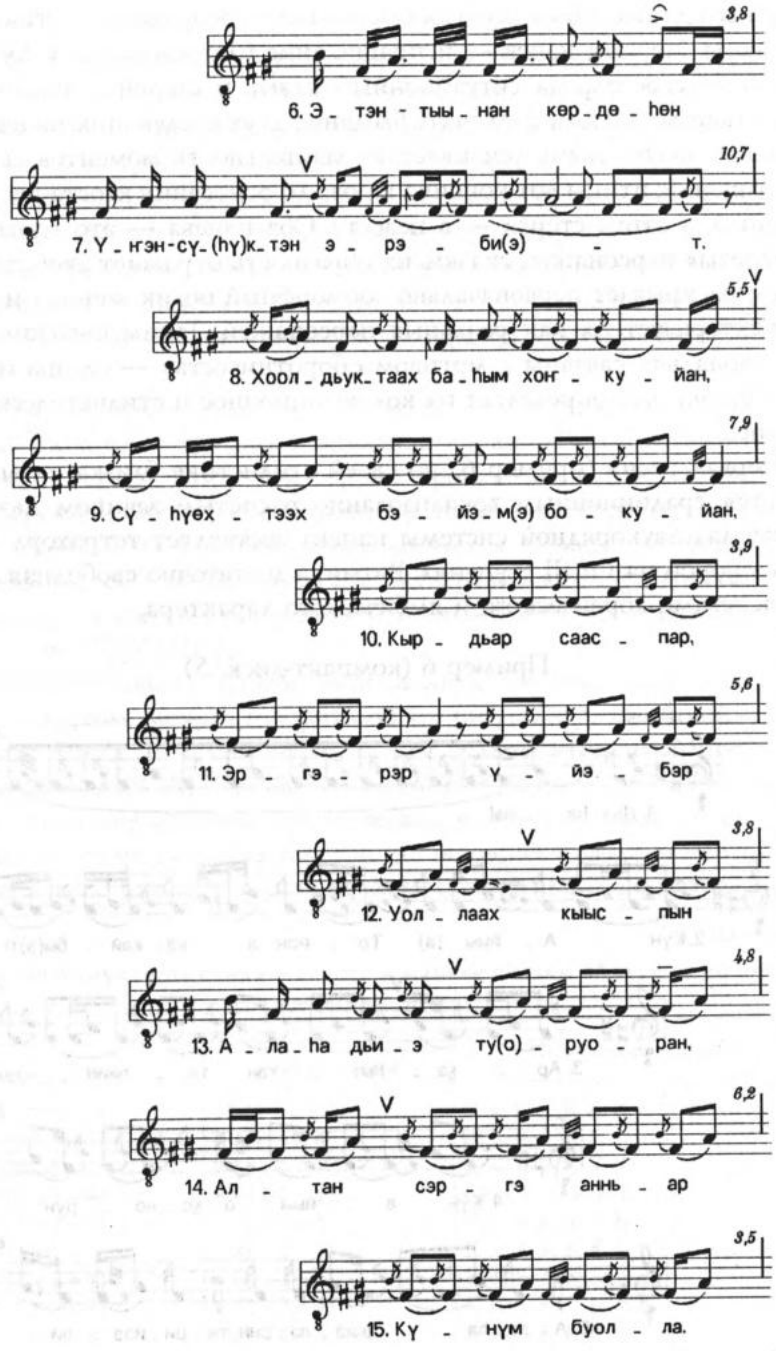
Строка	Строение		Ритмическая структура
	стиха	стиха в напеве	
1	10 (4+1+5)	11 (4+1+6)	К К К К К К К К Д К К
2	6 (3+3)	6 (3+3)	Д К К К К К
3	7 (4+3)	7 (4+3)	К К К К К К К
4	8 (3+1+4)	8 (3+1+4)	СК СК К К К К Д Д
5	7 (1+2+4)	7 (1+2+4)	К К К К К К К
6	8 (1+2+5)	8 (1+2+5)	К К Д К К К К К
7	8 (2+2+4)	8 (2+2+4)	К К К Д К К Д Д
8	8 (2+2+4)	8 (2+2+4)	К К К К К К К К
9	6 (1+1+4)	6 (1+1+4)	К К К К К К

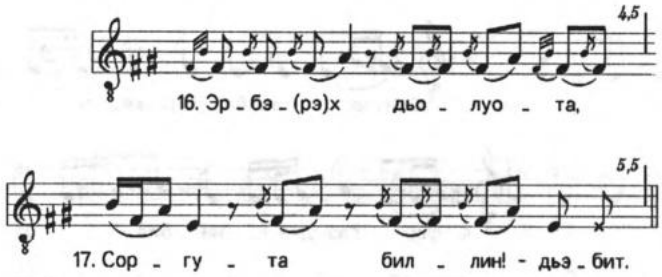
ставлены три песенных монолога основных персонажей — отца, жениха и невесты. Первый напев — испрашивание благословения у *Кюн Айыы Тойона* — своего рода ситуационный *алгыс* и сходен с аналогичными песенными вставками в *олонхо*. Введение двух следующих напевов в повествовательную ткань усиливает выразительность моментов сказочных превращений: птицы «от кончика клюва до основания хвоста пестрой» — в жениха, а затем стерха — в невесту. Оба напева — это музыкальные «портреты» персонажей сказки: их образность отражает двойственность героев, раскрывает первоначально зооморфный облик жениха и невесты и характеризует их как реальных персонажей. Таким образом, напевы функционально связаны с мотивом оборотничества — одним из основных в сказке, что определяет их композиционное и стилистическое своеобразие.

Первая песня (пример 6) по своей стилистике близка *алгысу* и начинается традиционным вокализованно распетым зачином *Дьэ-(һэ-һэ)*. Основу ладозвукорядной системы напева составляет тетрахорд *fis–gis–a–h* с опорой на I и III ступенях. Ритмика достаточно свободная с частыми распевами хореического и ямбического характера.

Пример 6 (компакт-диск, 5)




6. Э_ тэн - тыы_ нан көр_ дө_ һөн
7. Ү_ нэн-сү_(һү)к_ тэн э_ рэ_ би(э) _ т.
8. Хоол_ дьук_ таах ба_ һым хоҥ_ ку_ йан,
9. Сү_ һүөх_ тээх бэ_ йэ_ м(э) бо_ ку_ йан,
10. Кыр_ дьар саас_ пар,
11. Эр_ гэ_ рэр ү_ йэ_ бэр
12. Уол_ лаах кыыс_ пын
13. А_ ла_ һа дьи_ э ту(о)_ руо_ ран,
14. Ал_ тан сэр_ гэ аннь_ ар
15. Кү_ нүм буол_ ла.

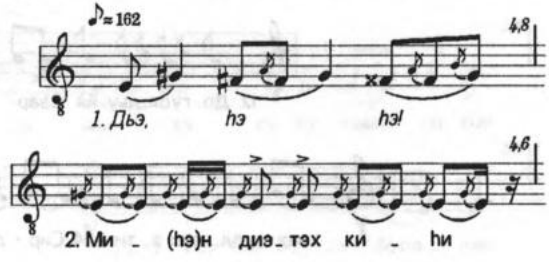


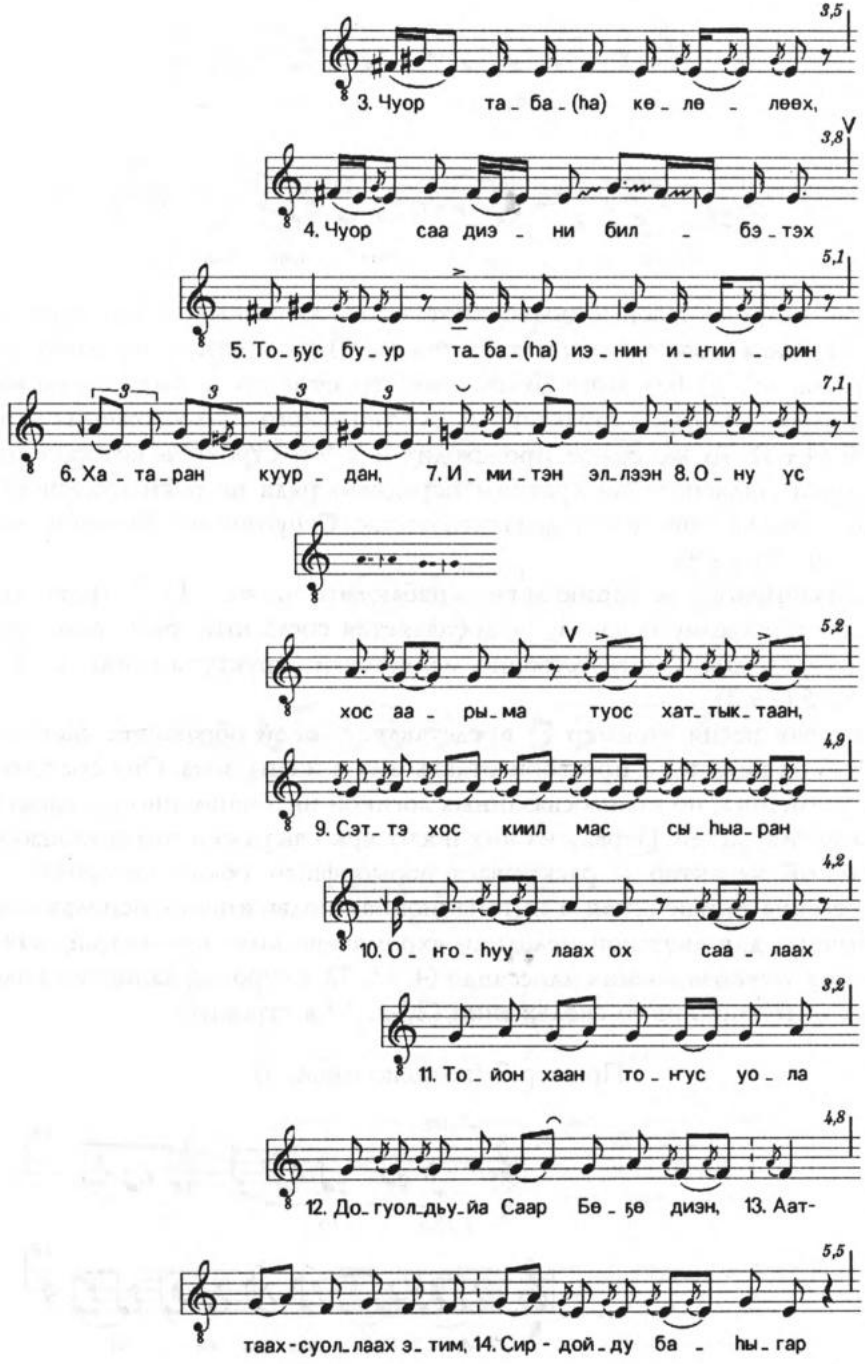
Распеваемые гласные подвергаются разнообразным огласовкам. Так, в 7-й строке в слове *сүктэн* появляется слог [hү] с краткой переднего ряда узкой гласной [ү]. Без этого добавления строение стиха было бы не восьми-, а семисложным с характерной для тюркского стихосложения структурой (4+3). То же самое происходит и в 9-й строке, в которой из-за огласовки согласного [м] кратким переднего ряда широким гласным [э] в слове *бэйэм* образуется девятисложник: *Сүһүөхтээх бэйэм(э) бокуйан* — 9 (3+3+3).

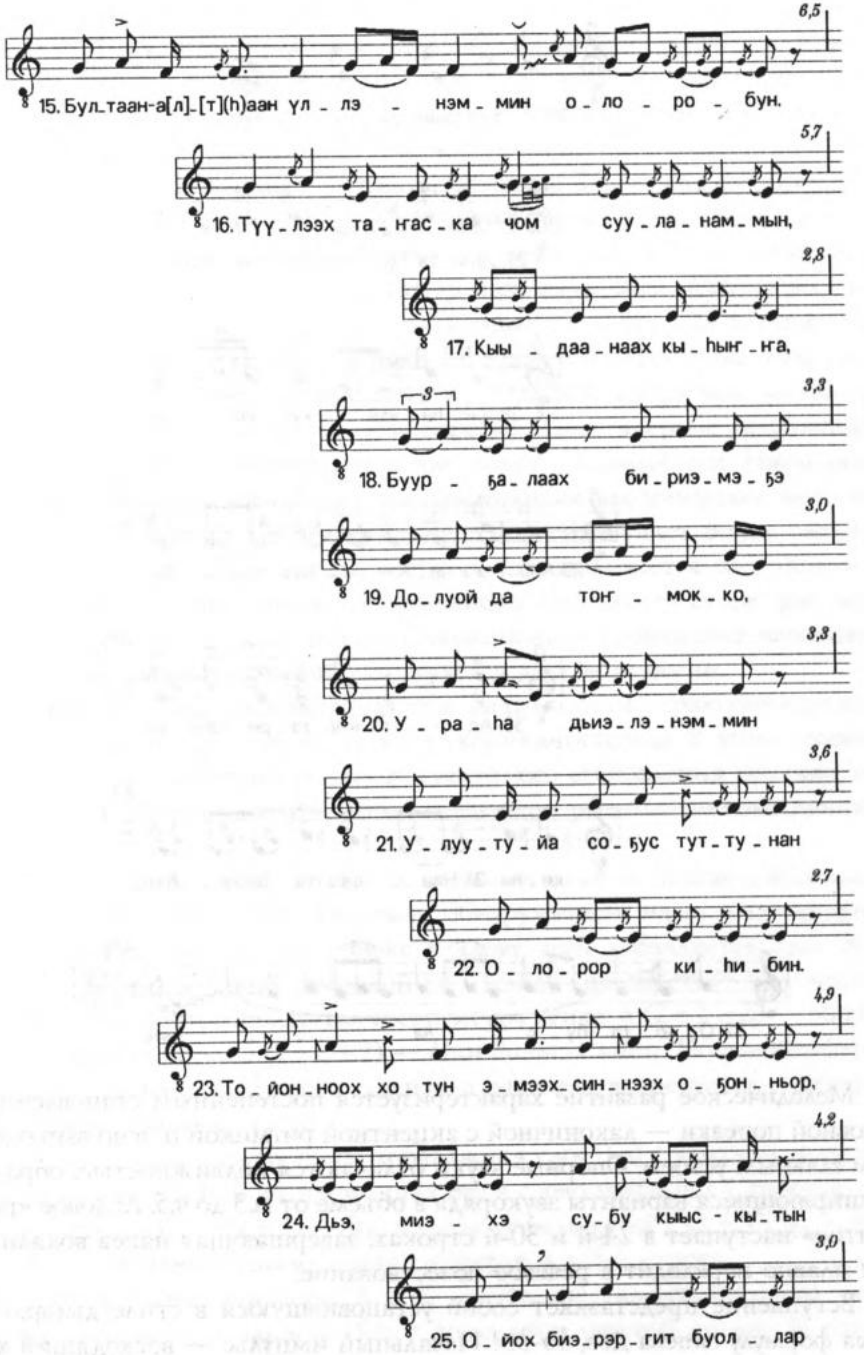
Аналогичную ситуацию можно наблюдать также в 16-й строке, где к долгому широкому гласному [э] добавляется согласный [р] и слово *эрбэх* звучит *эрбэ(рэ)х*. Соответственно меняется и структура стиха: 6 (3+3) вместо 5 (2+3).

Вторая песня (пример 7) представляет собой обращение жениха к родителям невесты с просьбой отдать ему в жены дочь. Она состоит из двух различных, но взаимосвязанных логикой интонационно-ритмического развития частей. Первая из них носит ярко выраженный звукоизобразительный характер и раскрывает зооморфный облик персонажа. Ей свойственна ритмическая и интонационная подвижность, использование необычных для якутской мелодики «хроматических» интонаций, особых приемов звукоизвлечения: глиссандо (4, 15, 32-я строки), запирания звука (27-я), интонационного скольжения (20-я, 30-я строки).

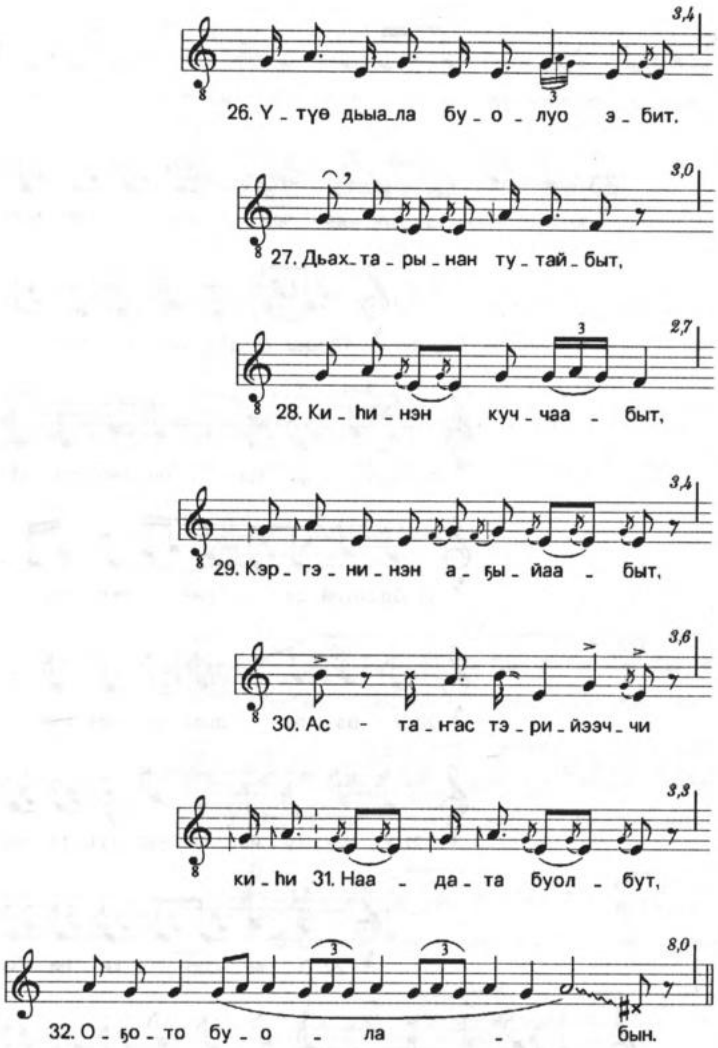
Пример 7 (компакт-диск, 5)




3. Чуор та_ба_(һа) кө_лө_ лөөх,
4. Чуор саа диэ_ни бил_ бэ_тэх
5. То_ҕус буур та_ба_(һа) иэ_нин и_ҥии_ рин
6. Ха_та_ран куур_дан, 7. И_ми_тэн эл_лээн 8. О_ну үс
хос аа_ры_ма туос хат_тык_таан,
9. Сэт_тэ хос киил мас сы_һыа_ран
10. О_ҥо_һуу_лаах ох саа_лаах
11. То_йон хаан то_ҥус уо_ла
12. До_гуол_дьу_йа Саар Бө_ҕө диэн, 13. Аат-
таах-суол_лаах э_тим, 14. Сир-дой_ду ба_һы_гар


6,5
15. Бул_таан-а[л]_[т](h)аан үл _ лэ _ нэм _ мин о _ ло _ ро _ бун.
5,7
16. Түү _ лээх та _ ҥас _ ка чом суу _ ла _ нам _ мын,
2,8
17. Кыы _ даа _ наах кы _ һыҥ _ ҥа,
3
3,3
18. Буур _ ҕа _ лаах би _ риэ _ мэ _ ҕэ
3,0
19. До _ луой да тоҥ _ мок _ ко,
3,3
20. У _ ра _ һа дьиэ _ лэ _ нэм _ мин
3,6
21. У _ луу _ ту _ йа со _ ҕус тут _ ту _ нан
2,7
22. О _ ло _ рор ки _ һи _ бин.
4,9
23. То _ йон _ ноох хо _ тун э _ мээх_ син _ нээх о _ ҕон _ ньор,
4,2
24. Дьэ, миэ _ хэ су _ бу кыыс _ кы _ тын
3,0
25. О _ йох биэ _ рэр _ гит буол _ лар

6 Заказ № 61



Мелодическое развитие характеризуется постепенным становлением основной попевки — лаконичной с акцентной ритмикой и ясно выраженным главным устоем. Опорные звуки отличаются подвижностью, образуя расширяющиеся варианты звукоряда в объеме от м.3 до ч.5. Ладовое «раскрытие» наступает в 24-й и 30-й строках; завершающая напев вокализация плавно переходит в речевое повествование.

Вступление представляет собой установившуюся в стиле дьиэрэтии ырыа формулу запева *Дьэ, һэ-һэ!* Начальный импульс — восходящий ход

на 6.3 (*e–gis*) как бы дает тонус дальнейшему развертыванию материала. Центробежная сила верхнего опорного тона (*gis*) возрастает с каждым его повторением, доходя до необычной для якутской народной музыки полутоновой интонации (*fisis–gis*). Ямбичный ритм инициали мелостроки развивается в последующем изложении материала.

На репетиции нижней опоры (*e*) основана 2-я строка. Музыкальный материал с 3-й по 25-ю строки — это своеобразная разработка, в которой со временем происходит становление основной попевки: исполнитель как будто производит мелодический отбор. Так, начальную интонацию формулы, которая в основном виде устанавливается лишь в 26-й строке песни, можно уловить уже в 5-й строке. В начале 6-й строки она выделяется из общего контекста повторением нисходящей квартовой интонации триолями в коротком временном отрезке. Здесь впервые появившийся звук (*a*) постепенно утверждается как новый опорный тон. Нисходящая квартовая интонация в 18-й строке приобретает вид инициали мелостроки основной попевки. Начиная с 8-й строки наступает поиск ритмического контура формулы напева, который устанавливается окончательно в 18-й строке, приближаясь к свойственному песням стиля дэгэрэн ырыа. С 8-й строки происходит микроальтерационное повышение звуковысотного уровня напева, который сохраняется до конца песни.

Такой же вид раскрывающегося лада высотно-транспонирующего типа выявлен в варианте 4 сказки «Лягушка-госпожа». В этом песенном разделе сказки заметен процесс постепенного становления попевки, стилистически близкой дэгэрэн ырыа, благодаря ритмико-интонационному развитию.

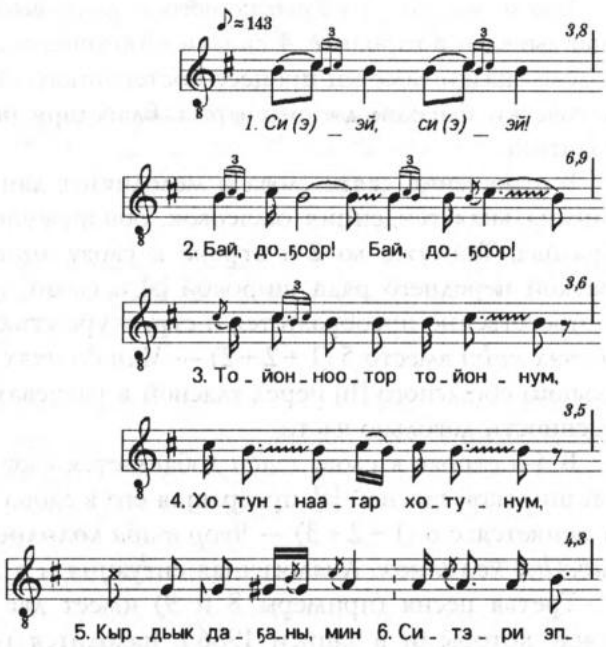
В отношении связи слова и мелодики в данном напеве наблюдается оригинальная тенденция огласовок, обнаруженная нами в предыдущих образцах. Так, уже во 2-й строке к слову *мин* добавляется слог [hэ] с краткой переднего ряда широкой [э] и слово приобретает вид *ми(hэ)н*. Соответственно преобразуется и структура стиха: 6 (2+2+2) — *Ми(hэ)н диэтэх киһи* вместо 5 (1+2+2) — *Мин диэтэх киһи*. Появление фарингального согласного [h] перед гласной в распевах встречается в якутской песенности довольно часто.

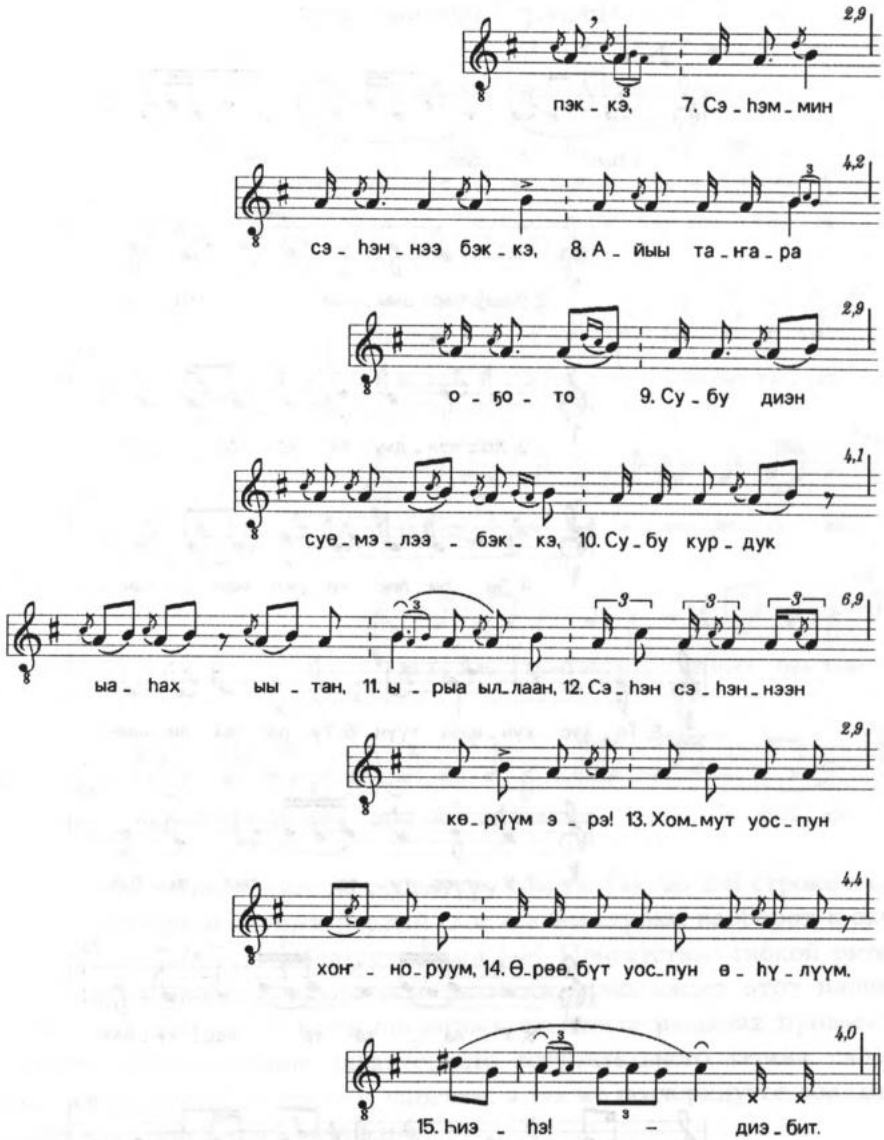
В 3-й строке к слову *таба* добавляется слог [ha] с краткой заднерядной широкой гласной [a], превращая его в слово *таба(ha)*. Строение стиха меняется: с 6 (1+2+3) — *Чуор таба көлөлөөх* на 7 (1+3+3) — *Чуор таба(ha) көлөлөөх*. Аналогичная ситуация и в 5-й строке.

Третья песня (примеры 8 и 9) имеет две самостоятельные части, между которыми в записи 1986 г. находится речевой раздел (в записи

1987 г. этот речевой раздел отсутствует). Первая часть музыкального портрета стерха-невесты состоит из 13 музыкальных строк и, так же, как предыдущий песенный раздел, звукоизобразительна. Это наблюдается уже во вступлении, основанном на большесекундовой интонации в синсемантических слогах *Сиэй-сиэй*. Начальная интонация как бы задает тон всему напеву. Образ стерха создается сочетанием таких выразительных средств, как характерный синкопированный ритм и богато орнаментованное расцвечивание интонационного контура попевки, придающее ей особую мягкость, подвижность и красочность. В 5-й строке появляется нисходящий тритоновый скачок от невокального звука *cis* к нижнему опорному тону *g*, который, микроальтерационно повышаясь, приводит к основной опоре *a*. Таким образом, нижний опорный тон охватывает зону в объеме большой секунды *g—a*. С этого момента происходит постоянное несовпадение строк музыкальной и вербальной частей напева. Идентичность структуры и логики развития с предшествующим напевом определяется преобразованием первоначального остова попевки, его звуковысотного контура, исчезновением «цветистости» мелодической линии, смягчением синкопированного ритмического рисунка.

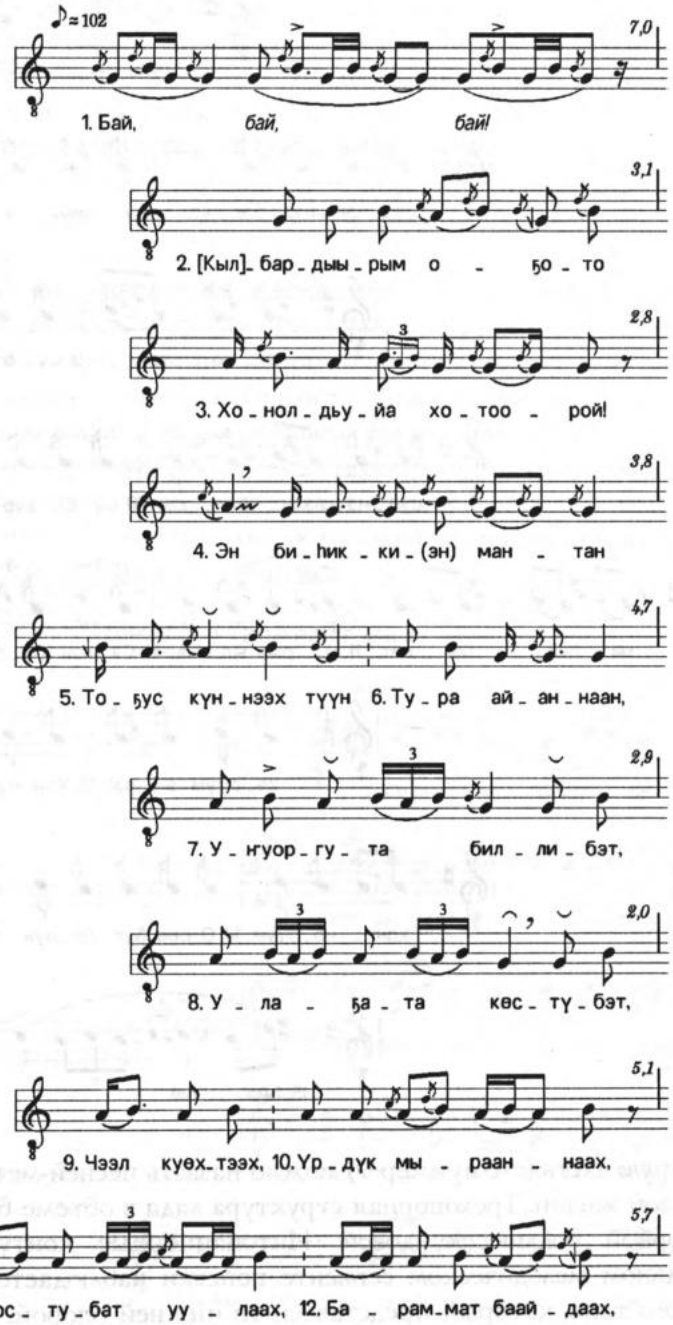
Пример 8 (компакт-диск, 5)

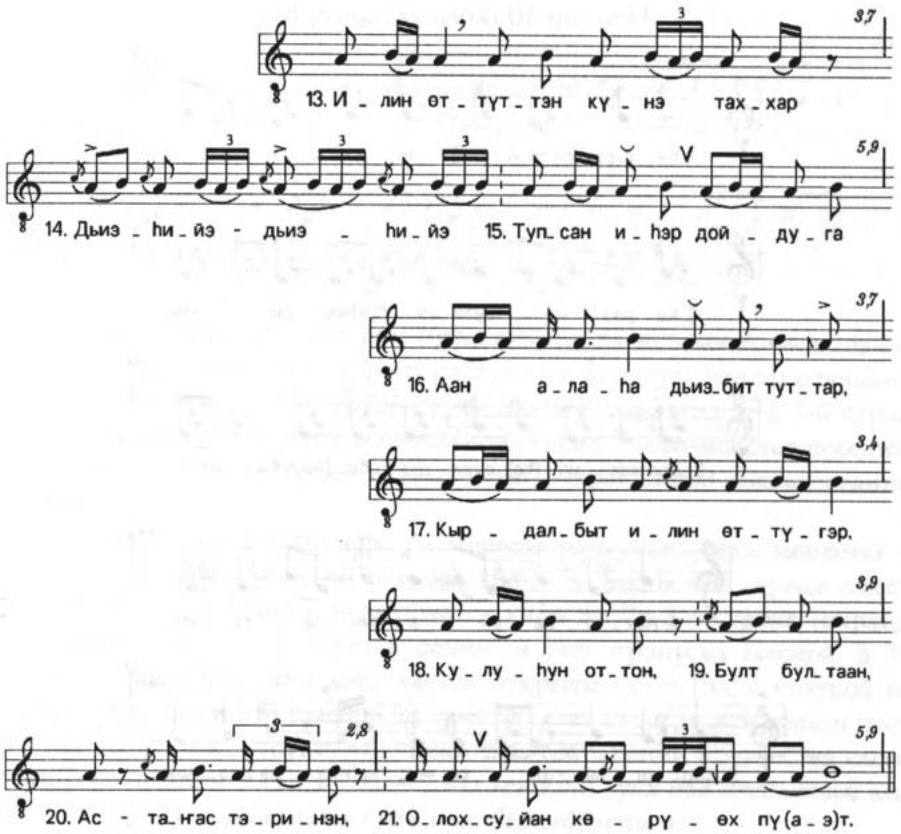




Вторую часть (см. пример 9) можно назвать песней-мечтой о будущей счастливой жизни. Трехопорная структура лада в объеме б.3 сужается до двухопорной большесекундовой. Интонационные контуры смягчены. В финальном мелодическом сегменте попевки наблюдается чередование конечного тона, который представлен то нижней опорой, то верхней.

Пример 9 (компакт-диск, 5)

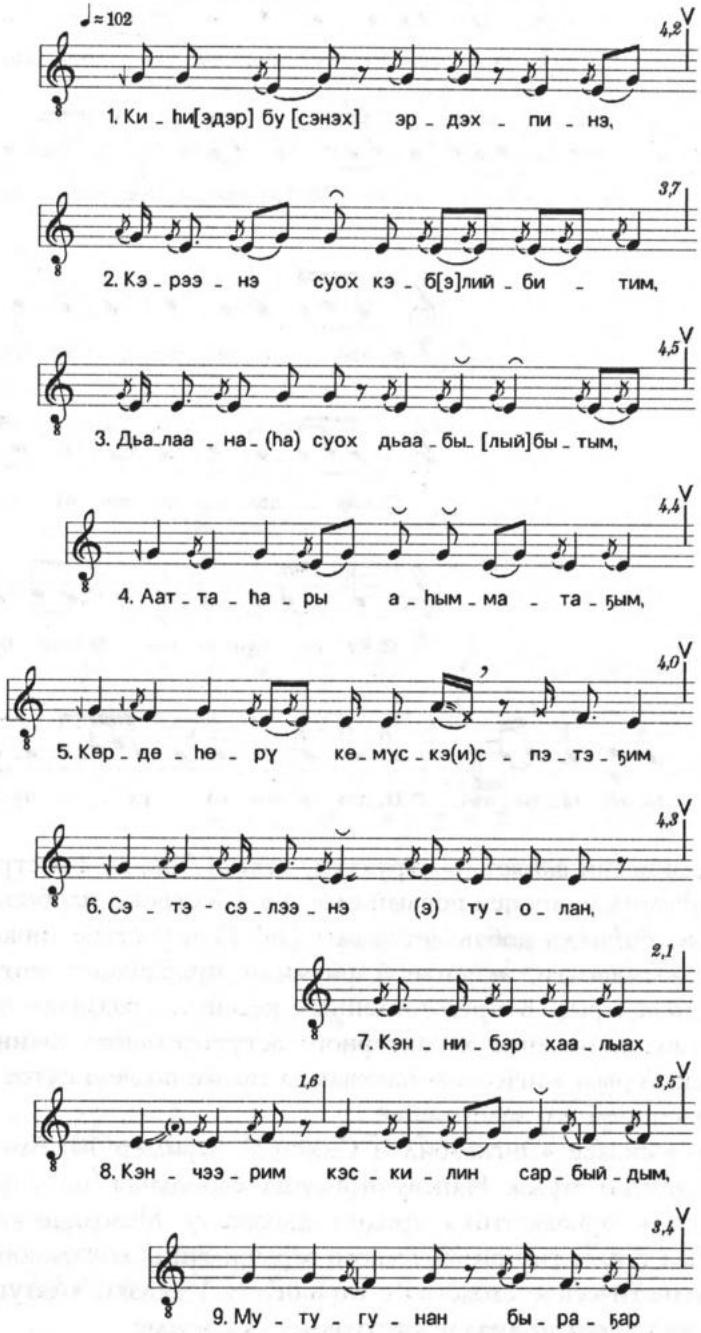


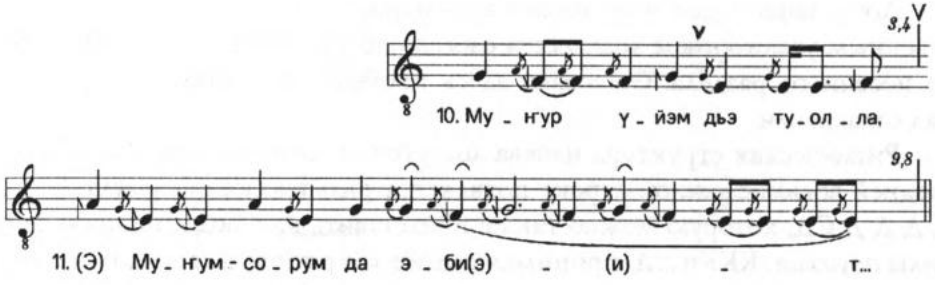


Мелодия песни влияет на структуру текста. Так, во 2-й строке в слове *кылбардыырым* опущен первый слог, а в 4-й строке, наоборот, к окончанию слова *биһикки* добавляется слог [эн]. Присутствие гибкой ритмической вариативности, акцентной ритмики приближает этот напев к стилю дэгэрэн ырыа. В представленных песенных разделах привлекает внимание видоизменение характерного вступительного зачина, свойственного некоторым эпическим напевам, а также подчеркнутое вокализируемой каденцией его завершение.

Песня в сказке «Энгкээбил и Сээкэрэ» (пример 10) близка стилю пения дьиэрэтии ырыа. Напеву присуща свободная метроритмика, а его тембровая орнаментика сродни кылысаху. Мелодический контур 1-й строки, а также тип ритмического варьирования начального сегмента имеют стилистическое сходство с вариантом 1 сказки «Лягушка-госпожа»: эти два напева принадлежат одному сказителю.

Пример 10 (компакт-диск, 6)





Ладовая структура мелодии представлена раскрывающимся ладом с мобильным звукорядом в сторону раскрытия. Звукоряд напева с переменными опорами *e* и *g* претерпевает изменения с дихорда *e–g* 1-й строки к тетрахорду *a–g–f–e* в заключительной строке. Заканчивается песенный раздел, как и в предыдущей сказке, богато украшенной вокализованной каденцией.

В данном напеве благодаря различного рода огласовкам меняется не только структура стиха, но и слова (табл. 5). Так, в 1-й строке вместо слова *эдэр-сэнэх* в пении используется *киһи бу*. Во 2-й строке сокращается количество слогов стиха в пении за счет пропуска гласной. В 3-й строке к слову *дьалаана* добавляется открытый слог [ha] с краткой переднего ряда широкой гласной [a], вместо слова *дьаабылыйбытым* поется *дьаабыбытым*. Структура строки при сохранении количества слогов трансформируется: 9 (4+1+4) — *Дьалаана(ha) суох дьаабыбытым* вместо 9 (3+1+5) — *Дьалаана суох дьаабылыйбытым*.

Таблица 5

Соотношение структуры стиха в сказке «Энгкээбил и Сээкэрэ»

Строка	Строение		Ритмическая структура
	стиха	стиха в напеве	
1	8 (2+2+4)	7 (2+1+4)	К К СД Д Д Д Д
2	9 (3+1+5)	8 (3+1+4)	СК К Д К К Д Д Д
3	9 (3+1+5)	9 (4+1+4)	СК К К К Д Д Д Д Д
4	9 (4+5)	9 (4+5)	Д Д Д Д К К Д Д Д
5	10 (4+6)	10 (4+6)	Д Д Д Д СК К Д СК К Д
6	8 (2+3+3)	9 (2+3+1+3)	Д Д СК К Д К К К Д
7	5 (3+2)	5 (3+2)	К СК Д Д Д
8	9 (3+3+3)	9 (3+3+3)	Д Д Д Д Д Д Д Д Д
9	7 (4+3)	7 (4+3)	Д Д Д Д СК К К
10	7 (2+2+1+2)	8 (2+2+1+3)	Д Д Д Д Д СК К К
11	7 (2+2+1+2)	8 (1+2+2+1+2)	Д Д Д Д Д Д Д СД

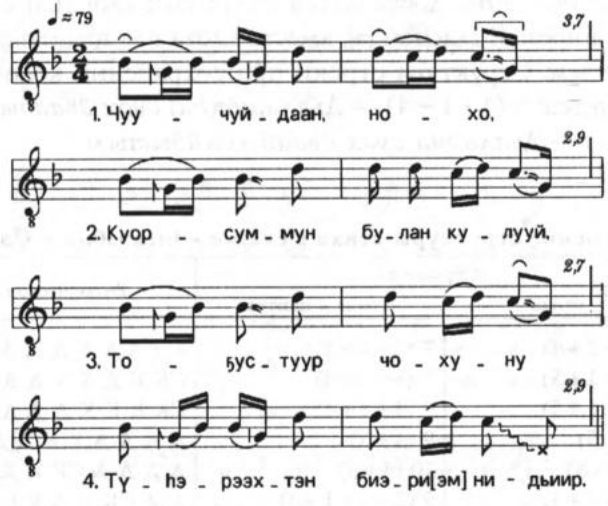
Добавление слога и огласовки вокализированного распева с соответственным увеличением количества слогов наблюдаются в последней строке песенного раздела. Огласовка здесь происходит краткими переднего ряда гласными.

Ритмическая структура напева достаточно разнообразна. Лишь в последней восьмисложной строке появляется ритмическая формула Д Д Д Д Д Д Д СД, которую можно также представить как модификацию формулы *осуохая*: KKKn ... Д, принимая долгие за краткие, а сверхдолгие — за долгие.

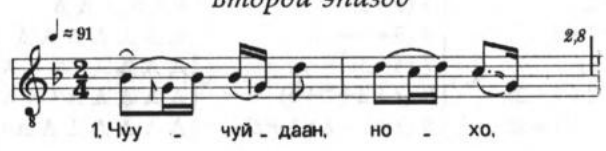
Включение песенных разделов в сказку «Чуучуйдаан» (пример 11) обусловлено сюжетом. Напев непосредственно вплетен в повествовательную ткань. В нем просьба стерха-женщины выражена музыкальными средствами, что соответствует якутской традиции исполнять подобные песни-обращения в вокальной манере. С точки зрения стилистики обращает на себя внимание отсутствие орнаментальных элементов, за исключением внутрислоговых распевов и нисходящих глиссандо.

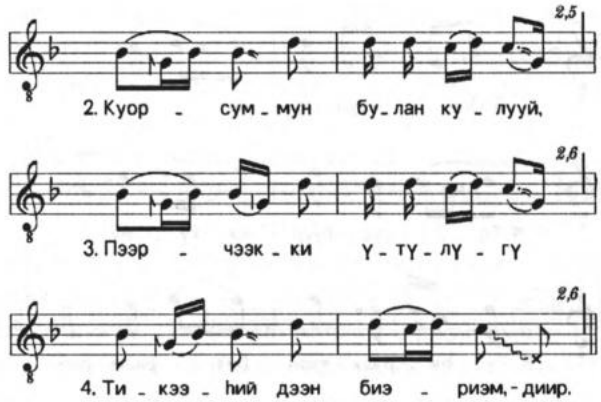
Пример 11 (компакт-диск, 8)

Первый эпизод

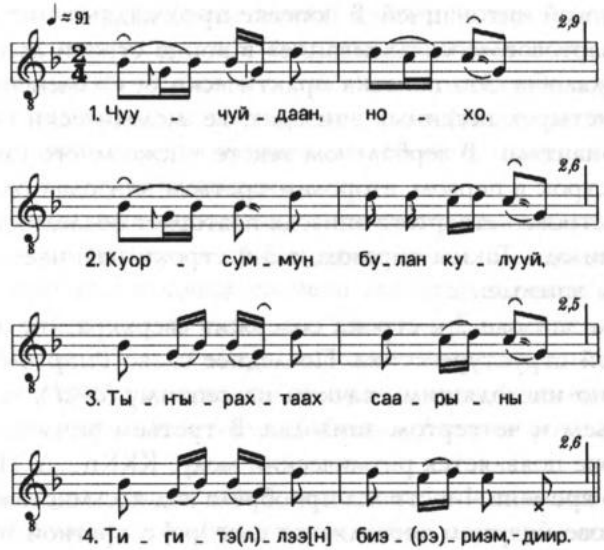


Второй эпизод

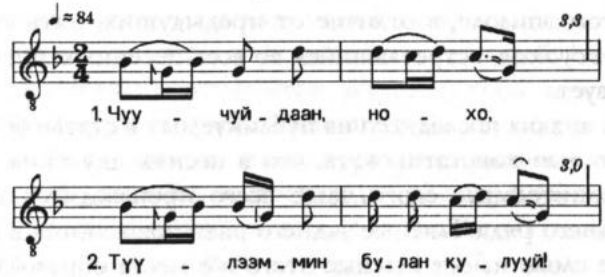


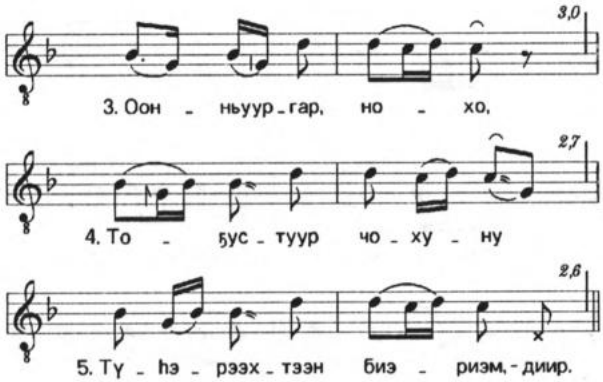


Третий эпизод



Четвертый эпизод





Напев основан на четырехступенном звукоряде в объеме ч.5 с начальной малотерцовой интонацией. В попевке преобладают интонации покачивания, а квартовое «соскальзывание» в конце строки ассоциируется с интонацией жалобы. Эта попевка практически без изменений присутствует во всех четырех песенных эпизодах, т.е. мелодически они являются близкими вариантами. В вербальном тексте также много сходного: слова двух первых строк в первом, втором и третьем эпизодах одинаковы, последняя (5-я) строка четвертого эпизода повторяет последнюю (4-ю) строку первого эпизода. Таким образом, с 3-й строки начинается варьирование в каждом эпизоде.

Во втором эпизоде 3-я строка содержит сверхкраткие длительности в семисложной структуре стиха. Последнее слово *диир* 4-й строки высотно выделено нисходящим скачком на септиму (*c—d*), такая же концовка в третьем и четвертом эпизодах. В третьем эпизоде в 3-й семисложной строке появляется ритмический модус КККn...Д. Под влиянием музыкального времени 4-я строка приобрела вид восьмисложника за счет того, что в слове *биэриэм* добавляется слог [рэ] с краткой переднего ряда широкой гласной [э]: 8 (2+2+3+1) — *Тиги тэл(л)ээ биэ(рэ)риэм, — диир.*

В четвертом эпизоде, в отличие от предыдущих, пять строк. Ритмический модус *осуохая*, встречавшийся во всех песенных эпизодах сказки, здесь отсутствует.

Завершив анализ последнего из публикуемых в статье образцов, можно с уверенностью констатировать, что в песнях якутских сказок огласовки и дополнительные слоги чаще всего производятся при помощи гласных переднего ряда. Гласные заднего ряда появляются в них в случае, если основное слово имеет гласные этого же места образования.

Напев сказки «Чуучуйдаан» своей камерностью и приглушенностью, плавным перетеканием из тона в тон в финали попевки близок северной манере исполнения. Сказка записана в Верхоянском улусе, поэтому на нее могла оказать влияние песенная культура соседних северных этносов. Так, в юкагирском фольклоре песни встречаются в сказках о животных и птицах и близки по функции напеву сказки «Чуучуйдаан». Например, речитатив из сказки о зайчике «звучит от лица старушки и представляет ее прямую речь, в которой содержится ее просьба-обращение к зайчику вернуться назад» [32, с. 39].

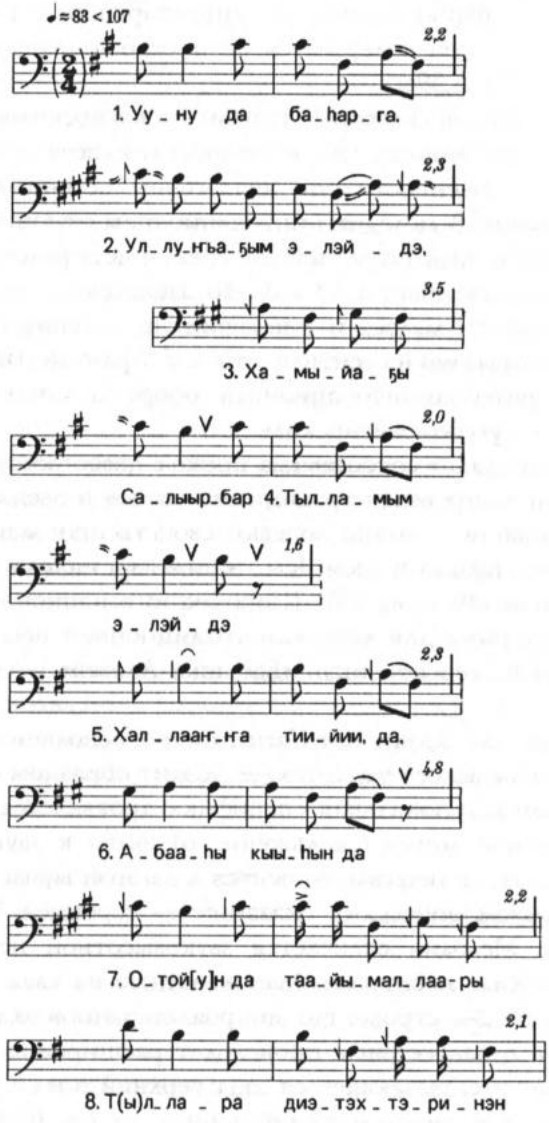
Сравнивая якутские сказочные напевы с юкагирскими, можно отметить следующее. Опубликованным юкагирским напевам [31, 32] присуща краткость, по протяженности они аналогичны песенным вставкам из сказки «Чуучуйдаан». В мелодико-интонационном отношении они отличаются от якутских, хотя также имеют трех- и четырехступенную основу и их объем не превышает ч.5. Сходство наблюдается также в отсутствии орнаментальности мелоса и в наличии скольжения от тона к тону (подобно соскальзыванию на септиму от *c* к *d* в финали рассматриваемой сказки). Только ритмико-интонационные обороты данных речитативов можно отнести к сугубо юкагирским.

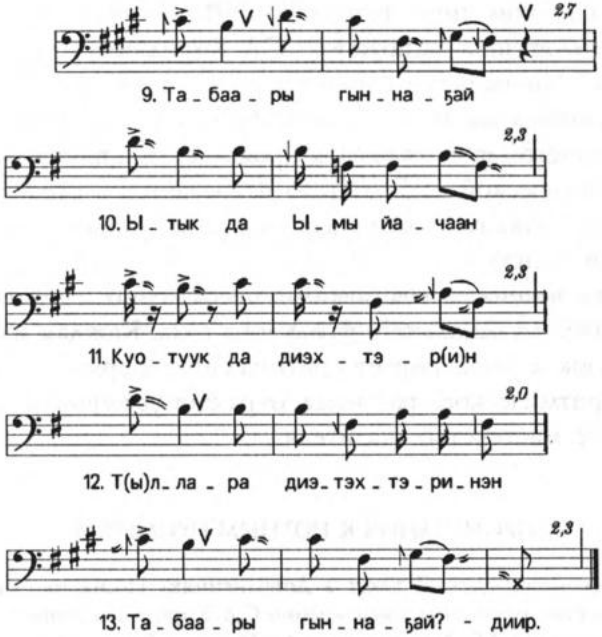
Сказка «Чуучуйдаан» сопоставима также с повествовательным фольклором и другими жанровыми традициями эвенов и эвенков. Так, нисходящее соскальзывание в конце попевки свойственно эвенским нимкан, hиргэчэн, бэбэчэн, hээдьэ и икэн (см., например, напевы эвенской икэн «Туҕэниду иманра» [49, с. 38–39]). Широкие интонационные ходы на ч.5 и ч.4, малохарактерные для якутской традиционной песенности, также обнаруживаются в эвенской икэн «Бабушка Алазея» («Аласай упэ») [49, с. 50].

Песенный эпизод сказки «От Сагынньах» в исполнении Н.К. Винокурова из Нижнеколымского улуса также служит образцом североякутского пения (пример 12). Локальная специфика проявляется здесь в характере интонационной линии (скольжение от звука к звуку) и простоте метрики. Напев стилистически относится к дэгэрэн ырыа и связан с традиционным образом эпических сказаний — героиней Нижнего мира Абааһы Кыыһа. Мелодия отличается звуковысотной неустойчивостью, достаточно широким амбитусом. Малозаметные на слух изменения наблюдаются уже во 2-й строке, где микроальтерационно повышается *cis* и понижается *a*. В дальнейшем происходит расширение звукового пространства по типу раскрывающегося лада: верхний тон *cis* достигает уровня *d* в 8-й строке, а нижний *fis* опускается до *f* в 10-й, хотя затем и

возвращается к слегка пониженному *fis*. Частые скольжения, акцентность инициального тона, синкопированный ритмический рисунок в начале строки, «проглатывание» гласных звуков — яркие черты музыкального образа персонажа.

Пример 12 (компакт-диск, 9)





Напевы других сказок, приведенных в данной статье, особенно те, что были записаны в Сунтарском улусе в 1986 г., представляют собственно якутскую, точнее вилюйскую, стилистику пения. В манере их исполнения ощущается влияние известного в Якутии народного певца С.А. Зверева.

Как следует из анализа песенных разделов якутских сказок, в них присутствуют два основных стиля пения: дьиэрэтии ырыа и дэгэрэн ырыа. Однако некоторые образцы в этом отношении многоплановы. Отдельные сказки можно с определенностью отнести к тому или иному типу пения. Так, сказки «Чуучуйдаан», «Лягушка-госпожа» (вариант 1) четко соотносятся с дэгэрэн ырыа, а напев сказки «Энгкээбил и Сээкэрэ» и вариант 4 сказки «Лягушка-госпожа» представляют собой типичный дьиэрэтии ырыа. Напевы же таких сказок, как «Старушка Таал-таал», «Лягушка-госпожа» (вариант 3), вторая и третья песни «Хонолджуйа и Ымалджыйа», относятся к так называемому промежуточному типу [6, с. 15]. Стилевая неоднозначность может быть связана также и с тем, что «строгих границ между двумя типами пения не существует» и «многие песенные жанры, в зависимости от конкретных условий исполнения, местных традиций или просто по стечению достаточно внешних обстоятельств (вплоть до сиюминутного настроения певца), могут реализоваться либо в

одном, либо в другом типе пения» [8, с. 7]. Яркий тому пример — две записи сказки «Лягушка-госпожа» от С.Д. Кириллина из пос. Кутана Сунтарского улуса. Манера исполнения сказки в записи 1986 г. стилистически неоднородна, запись же 1987 г. демонстрирует стиль дьиэрэтии ырыа.

Стилевая многомерность сказок проявляется и внутри одного текста. Явление стилистической «модуляции» встречается в сказках «Старушка Таал-Таал», «Лягушка-госпожа» (вариант 3) и «Хонолджуйа и Ымалджыйа» (вторая песня).

В сказках с песенными вставками, несомненно, представлено стилевое разнообразие музыкального фольклора саха. Каждая из проанализированных сказок демонстрирует оригинальные формы ладоинтонационного и метроритмического развития, отражая устойчивость традиции и индивидуальное мастерство сказителя.

ПРИМЕЧАНИЯ К НОТНЫМ ПРИМЕРАМ

Пример 1 (компакт-диск, 7, текст в Дополнениях). Песня из сказки «Старушка Таал-таал» («Таал-Таал эмээхсин») в исполнении С.Д. Кириллина. Запись В.В. Илларионова, 1986 г.* Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

Пример 2 (компакт-диск, 3, текст 7). Песня из сказки «Лягушка-госпожа» («Баҕа баһылык») (вариант 3) в исполнении С.Д. Кириллина. Запись В.В. Илларионова, 1986 г. Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

Пример 3 (компакт-диск, 4). Песня из сказки «Лягушка-госпожа» («Баҕа баһылык») (вариант 4) в исполнении С.Д. Кириллина. Запись В.С. Никифоровой и В.Н. Шевцова, 1987 г. Расшифровка А.С. Ларионовой.

Пример 4 (компакт-диск, 1). Песня из сказки «Лягушка-госпожа» («Баҕа баһылык») (вариант 1) в исполнении Г.Я. Иванова. Запись В.В. Илларионова, 1986 г. Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

Пример 5 (компакт-диск, 2). Песня из сказки «Лягушка-госпожа» («Баҕа баһылык») (вариант 2) в исполнении Г.Я. Иванова. Запись В.В. Илларионова, 1986 г. Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

Пример 6 (компакт-диск, 5, текст 21). Первая песня из сказки «Хонолджуйа и Ымалджыйа» («Хонолдьуйа уонна Ымалдьыйа») в исполнении С.Д. Кириллина. Запись В.В. Илларионова, 1986 г. Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

Пример 7 (компакт-диск, 5, текст 21). Вторая песня из сказки «Хонолджуйа и Ымалджыйа» («Хонолдьуйа уонна Ымалдьыйа») в исполнении С.Д. Кириллина. Запись В.В. Илларионова, 1986 г. Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

Пример 8 (компакт-диск, 5, текст 21). Третья песня (1-й фрагмент) из сказки «Хонолджуйа и Ымалджыйа» («Хонолдьуйа уонна Ымалдьыйа») в исполнении С.Д. Кириллина. Запись В.В. Илларионова, 1986 г. Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

* Все аудиозаписи выполнены в ходе комплексных экспедиций ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР, ФК СК СССР 1986–1987 гг.

Пример 9 (компакт-диск, 5, текст 21). Третья песня (2-й фрагмент) из сказки «Хонолджуйа и Ымалджыйа» («Хонолдьуйа уонна Ымалдьыйа») в исполнении С.Д. Кириллина. Запись В.В. Илларионова, 1986 г. Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

Пример 10 (компакт-диск, 6, текст 26). Песня из сказки «Энгкээбил и Сээкэрэ» («Эҥкээбил уонна Сээкэрэ») в исполнении Г.Я. Иванова. Запись В.В. Илларионова, 1986 г. Расшифровка А.С. Ларионовой и Л.Г. Ильиной-Гольштейн.

Пример 11 (компакт-диск, 8, текст в Дополнениях). Песня-диалог из сказки «Чуучуйдаан» («Чуучуйдаан») в исполнении Н.К. Винокурова. Запись П.Н. Дмитриева, 1987 г. Расшифровка А.С. Ларионовой.

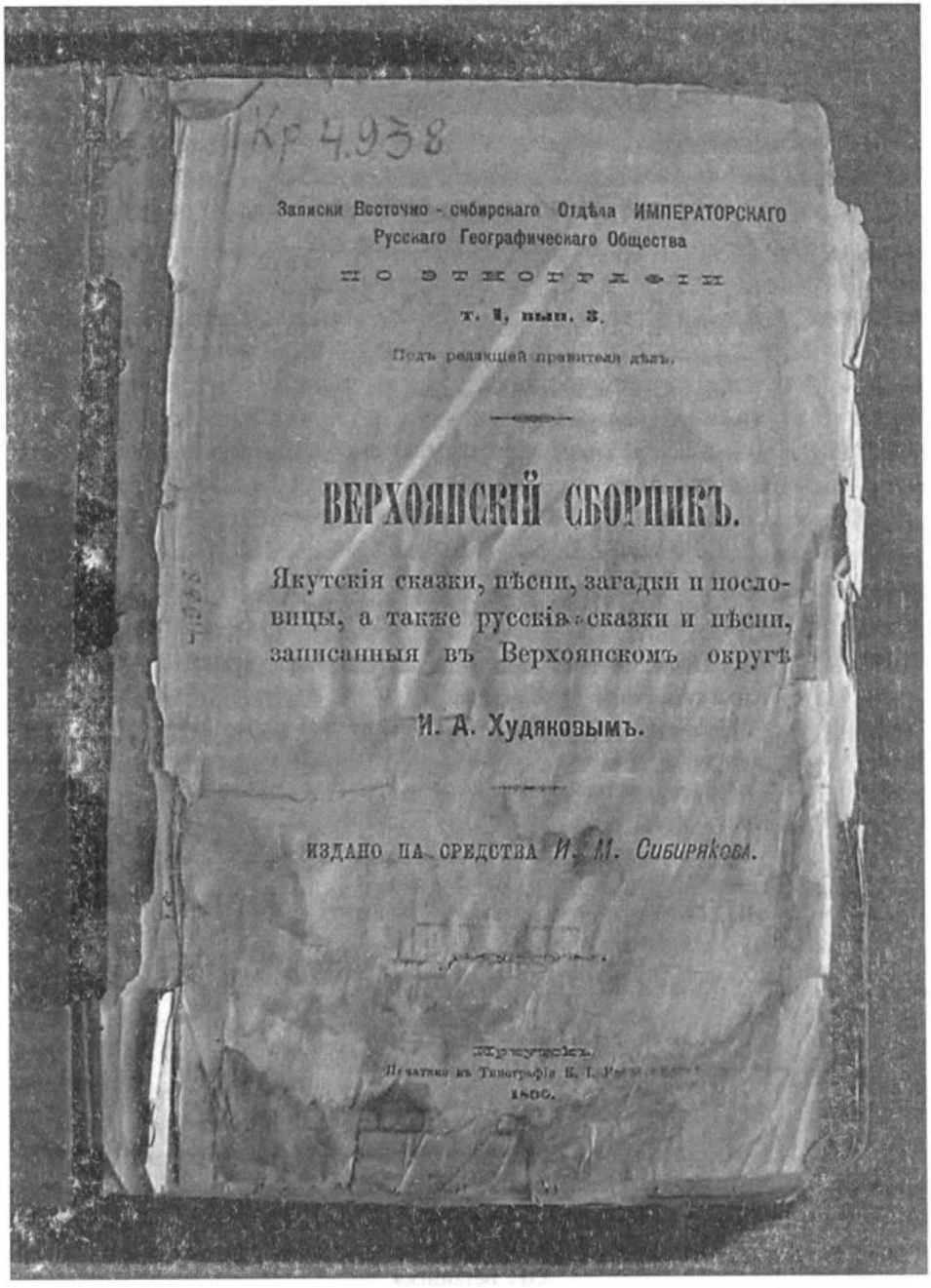
Пример 12 (компакт-диск, 9, вариант текста 25). Песня из сказки «От Сагынньах» («От Саҕыньыньах») в исполнении Н.К. Винокурова. Запись П.Н. Дмитриева, 1987 г. Расшифровка А.С. Ларионовой.

А.С. Ларионова

СВЕДЕНИЯ О ТЕКСТАХ И ПРИНЦИПАХ ИХ ПУБЛИКАЦИИ

В данный том вошли 4 сказки (тексты 4, 9, 19, 28) в записи И.А. Худякова, опубликованные под редакцией Э.К. Пекарского в «Образцах народной литературы якутов» [48]. Текстологическая работа редактора, характеризуемая точностью и глубокой продуманностью исходных принципов, проанализирована в работах И.В. Пухова и П.А. Слепцова [61, 63, 76]. Оба автора в целом не отрицают трансформацию устных текстов в сторону «олитературивания». Однако, как писал И.В. Пухов, «заслуга Пекарского в том, что он *не уничтожал первоначальный текст записи*, его можно легко восстановить и сравнить с исправлением редактора» [63, с. 173]. При работе над текстами неправильно написанные и замененные им слова он давал в сносках, а внесенные новые слова и слоги заключал в квадратные или круглые скобки. Так, к опубликованным в «Образцах» сказкам Э.К. Пекарский сделал 29 различных исправлений, замечаний, вариантов, вопросов. «"Образцы" Э.К. Пекарского — это и фольклорная публикация, и факт письменного литературного языка (на его начальном этапе) в подлинном смысле слова», — констатирует П.А. Слепцов и приходит к выводу, что в тогдашней культурно-исторической ситуации редактор совершил своего рода скрытую кодификацию зарождающихся норм письменно-литературного языка [76, с. 47–48]. Во избежание нивелировки первоисточников и для ознакомления читателя с работой Пекарского как редактора мы сочли необходимым сделанные академиком сноски с пояснениями исправлений первоначальных текстов И.А. Худякова дать в примечаниях к национальному тексту.

В «Образцах народной литературы якутов», как и «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского, была использована академическая система письма, орфография О.Н. Бётлингка с некоторыми отступлениями. В основу своей транскрипции (алфавита) О.Н. Бётлингк положил русский алфавит с добавлением дополнительных букв для некоторых специфических звуков (подробнее см. [76, с. 27–33]). Э.К. Пекарский в своих работах не только отличал [*j*] как самостоятельный согласный [*й*], но параллельно с этим использовал его как



Обложка издания.

2) Көтөр кынаттаах.

(Капсі).

Көтөр кынаттаах Бүстаах баҕаҕалга үөскәбіттәр үсү. Ҷә, кысын кәллә: тітіріәбіттәр, өлбү гыммыттар. Ўгүө тојоннорун выбардаспыттар. Сорохторо әппіттәр:

— «Туруја тојон буоллун!» — діін.

Оны боҕорҕоно-кус әппіт:

— «Бісігі хас ысбітаҕын әјы бара сырыттахпытына — өлүсүбүт даҕаны!»

Турпән-кус туран дәлбі тәпсән кәспіт боҕорҕоно-кусу:

— «Сыраі-харах ҷондојон тојон буолуо суох кісі дү?..»

Куба-көтөр тојону булбут, бастән выбардата:

— «Сыраі-харах ынырыктыјан тојон ҷүсүннәх кісі буолбат дү?»

Сөбүлэмміттәр, тојон гына выбардан кәспіттәрә: күн аныгытыгар дылы тојон буолан сыҷјар.

Турпән-кус боҕорҕонону үс сыл тоххору сүгә сыҷјар гына ҷүлләбіт тојоп.

— «Мін хамәндабыттан асылыгым кімії?» — дііп выбардаппыт.

Опуоха туллугу біәрбіттәр:

— «Кәлә-бара асылык гын!» — дііп.

Ҷә, бу чаркыі-кусу сір көрдөтө ыппыттар. Чаркыі туран көрдү[1]) сатән бараҥ булбатах.

Хаханы ыппыттар сір көрдөтө. Бу хахан сыҷјан баран кәлбіт.

— «Хаптан даҕаны булбатым» — діібіт.

---

1) Въ подл.: көрьдё.

Фрагмент сказки «Пернатые» («Көтөр кынаттаах») в академической транскрипции О.Н. Бётлингка.

знак для смягчения согласных [*н, д, л*]. Учитывая это, мы звук [*j*] последовательно передаем знаком [ь], например *муньах, дьөксө, сыльан*, избегая вариаций в передаче: *муньах — мунньах, дьөксө — дөксө, сыльан — сылдьан*, что встречается в переизданиях текстов.

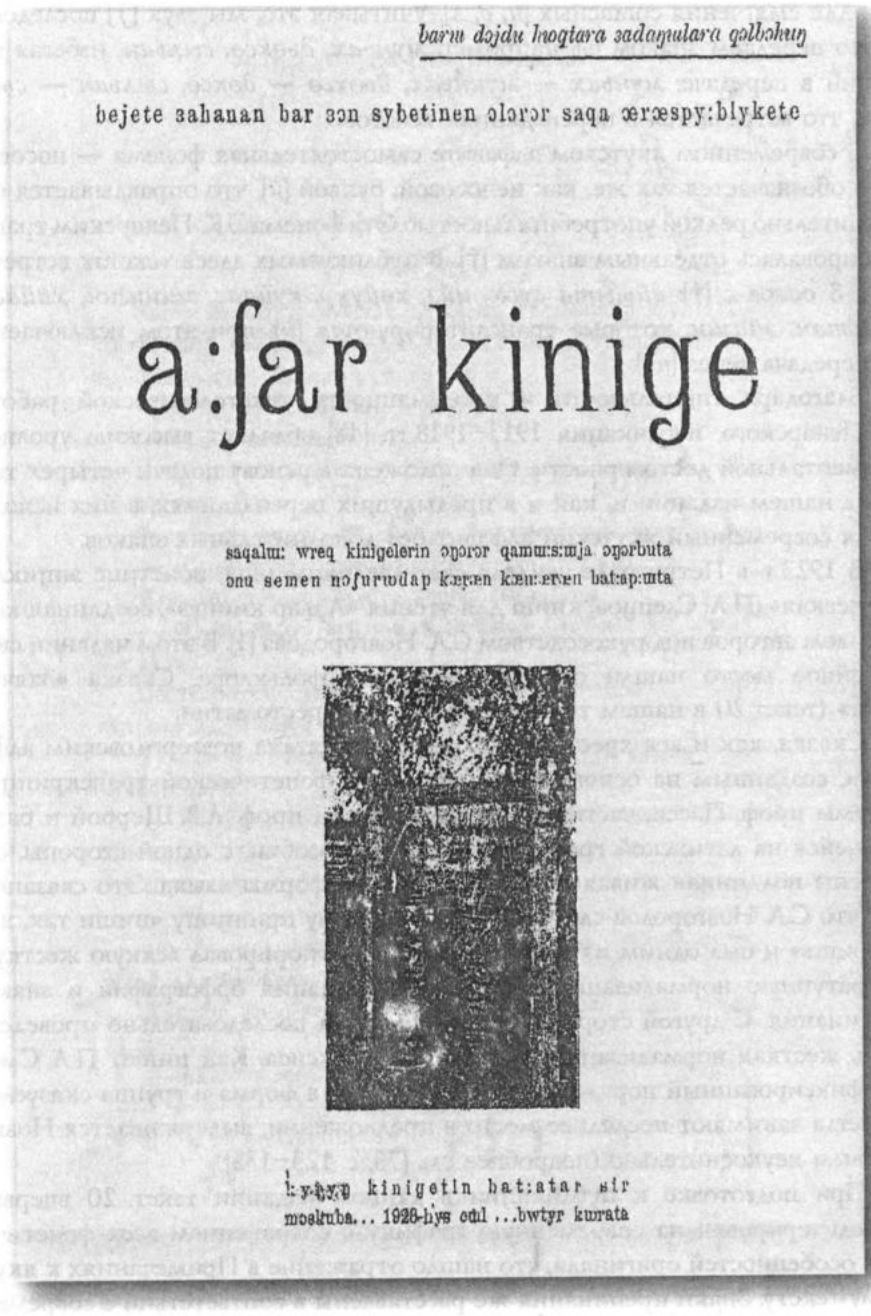
В современном якутском алфавите самостоятельная фонема — носовой [†] — обозначается так же, как неносовой, буквой [*й*], что оправдывается его сравнительно редкой употребительностью. Эта фонема Э.К. Пекарским транскрибировалась отдельным знаком [†]. В публикуемых здесь текстах встречаются 8 основ с [†]: *айыыта суох, ийэ, көйүүр, куйаас, мийигин, хайаан, ыйыстан, эйигин*, которые транслитерируются [*й*], при этом исключается его передача через [*нь*].

Благодаря тщательности и продуманности текстологической работы Э.К. Пекарского, публикация 1913–1918 гг. [48] обладает высоким уровнем документальной достоверности. Она положена в основу подачи четырех текстов в нашем издании и, как и в предыдущих переизданиях, в них используется современный якутский алфавит без дополнительных знаков.

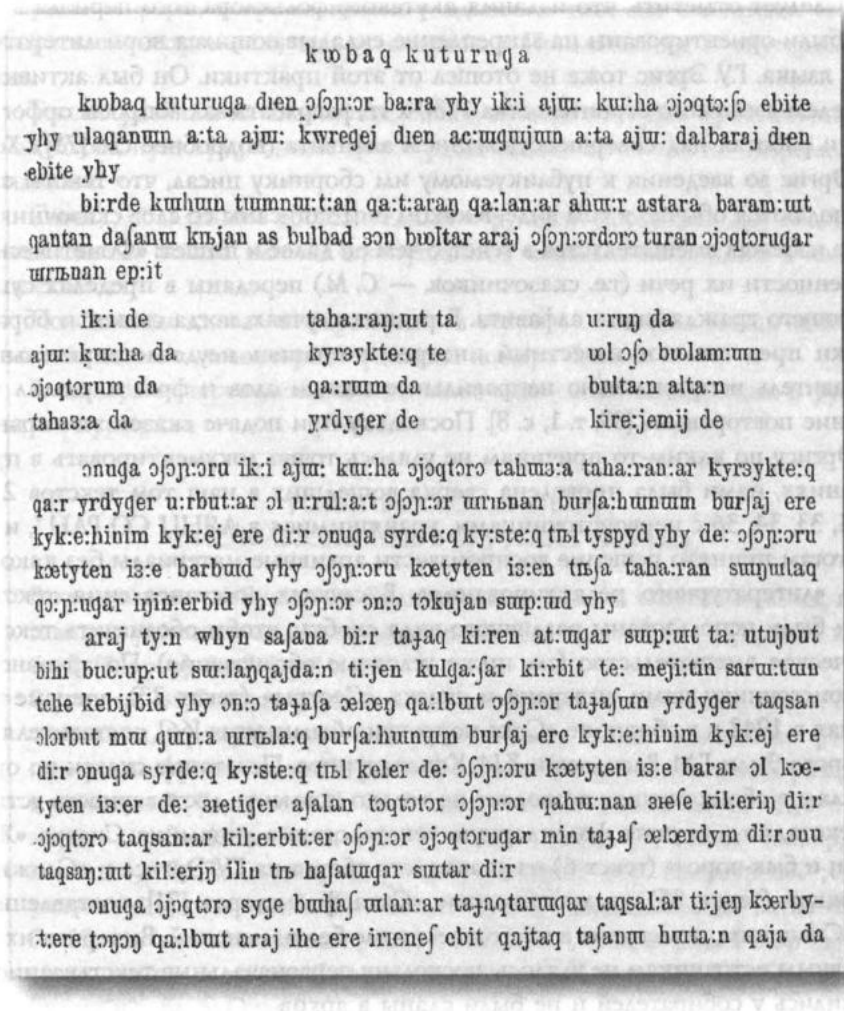
В 1923 г. в Петрограде увидела свет «великолепная, поистине энциклопедическая» [П.А. Слепцов] книга для чтения «Ааҕар кинигэ», созданная коллективом авторов под руководством С.А. Новгородова [1]. В этом издании свое достойное место нашли образцы якутского фольклора. Сказка «Заячий Хвост» (текст 20 в нашем томе) взята из этой хрестоматии.

Сказка, как и вся хрестоматия, была напечатана новгородовским алфавитом, созданным на основе Международной фонетической транскрипции системы проф. Пасси, частично переработанной проф. Л.В. Щербой и базирующейся на латинской графике. В учебном пособии, с одной стороны, сохранены подлинная живая речь и диалектные формы языка. Это связано с тем, что С.А. Новгородов следовал фонетическому принципу «пиши так, как говоришь» и был одним из тех, кто нарочито игнорировал всякую жесткую литературную нормализацию вплоть до отрицания орфографии и знаков препинания. С другой стороны, в пособии была последовательно проведена очень жесткая нормализация на уровне синтаксиса. Как пишет П.А. Слепцов, фиксированный порядок слов, где глагольная форма и группа сказуемого всегда занимают последнее место в предложении, выдерживается Новгородовым неукоснительно (подробнее см. [76, с. 123–133]).

При подготовке к публикации в данном издании текст 20 впервые транслитерирован на современную графику с сохранением всех фонетических особенностей оригинала, что нашло отражение в Примечаниях к якутскому тексту. Знаки препинания же расставлены в соответствии с современной пунктуацией.



Титульный лист первой Якутской хрестоматии.



kɯobaq kuturuga

kɯobaq kuturuga dıen ɔʃɔɲ:ɔr ba:ra yhy ik:i ajɯ: kɯ:ha ɔjɔqtɔ:ʃɔ ebite yhy ulaqanuun a:ta ajɯ: kwregej dıen ac:ɯqɯjɯn a:ta ajɯ: dalbaraj dıen ebite yhy

bi:rde kɯhuun tuumnɯ:t:an qa:t:araŋ qa:lan:ar ahɯ:r astara baram:ɯt qantan daʃanɯ kɲjan as bulbad ɔɔn bɯltar araj ɔʃɔɲ:ɔrdɔrɔ turan ɔjɔqtɔrugar ɯrɲuan ep:it

ik:i de	taha:raŋ:ɯt ta	u:ruŋ da
ajɯ: kɯ:ha da	kyrɜykte:q te	ɯl ɔʃɔ bɯlam:ɯn
ɔjɔqtɔrum da	qa:rɯm da	bulta:n alta:n
tahaɜ:a da	yrdyger de	kire:jemij de

ɔnuga ɔʃɔɲ:ɔru ik:i ajɯ: kɯ:ha ɔjɔqtɔrɔ tahɯɜ:a taha:ran:ar kyrɜykte:q qa:r yrdyger u:rbut:ar ɔl u:rul:a:t ɔʃɔɲ:ɔr ɯrɲuan burʃa:hɯnɯm burʃaj ere kyk:e:hinim kyk:ej ere di:r ɔnuga syrde:q ky:ste:q tɲl tyspyd yhy de: ɔʃɔɲ:ɔru kætyten iɜ:e barbɯd yhy ɔʃɔɲ:ɔru kætyten iɜ:en tɲʃa taha:ran sɯŋɯlaq qɔ:ɲ:ugar iŋiŋ:erbid yhy ɔʃɔɲ:ɔr ɔn:ɔ tɔkujan sɯp:ɯd yhy

araj ty:n whyn saʃana bi:r taɟaq ki:ren at:ɯgar sɯp:ɯt ta: utujbut bihi buc:up:ut sɯ:laŋqajda:n ti:jen kulga:ʃar ki:rbit te: meji:tin sarɯ:tɯn tehe kebijbid yhy ɔn:ɔ taɟaʃa œlœŋ qa:lbɯt ɔʃɔɲ:ɔr taɟaʃɯn yrdyger taqsan ɔlɔrbut mɯ qɯn:a ɯrɲla:q burʃa:hɯnɯm burʃaj ere kyk:e:hinim kyk:ej ere di:r ɔnuga syrde:q ky:ste:q tɲl keler de: ɔʃɔɲ:ɔru kætyten iɜ:e barar ɔl kætyten iɜ:er de: ɜɐtiger aʃalan tɔqtɔtɔr ɔʃɔɲ:ɔr qahɯ:nan ɜɐʃe kil:eriŋ di:r ɔjɔqtɔrɔ taqsan:ar kil:erbit:er ɔʃɔɲ:ɔr ɔjɔqtɔrugar min taɟaʃ œlœrdym di:r ɔnu taqsaŋ:ɯt kil:eriŋ iliɲ tɲ haʃatɯgar sɯtar di:r

ɔnuga ɔjɔqtɔrɔ syge bɯhaʃ ɯlan:ar taɟaqtarɯgar taqsal:ar ti:jeŋ kɔerbyt:ere tɔŋɔŋ qa:lbɯt araj ihe ere iɲɛneʃ ebit qajtaq taʃanɯ hɯta:n qaja da

Фрагмент сказки «Заячий Хвост» («Куобах Кутуруга») в транскрипции С.А. Новгородова.

Первое крупное научное издание якутских сказок, о котором читатель более подробно может узнать из вступительной статьи, было осуществлено под руководством Г.У. Эргиса в 1964 и 1967 гг. [89]. Из него в наш том вошли семь текстов (2, 3, 6, 24, 33, 34, 36). Ссылки на архивные номера единиц хранения текстов 2, 3, приведенные в томе, не совпадают с указанными в издании Г.У. Эргиса, так как они изменились в ходе инвентаризаций, проведенных в АЯНЦ.

Следует отметить, что издания якутского фольклора того периода в целом были ориентированы на закрепление складывающихся норм литературного языка. Г.У. Эргис тоже не отошел от этой практики. Он был активным деятелем языкового строительства 1930-х гг., разрабатывал вопросы орфографии и работал над совершенствованием алфавита (подробнее см. [75]). Хотя Г.У. Эргис во введении к публикуемому им сборнику писал, что тексты сказок подаются обычно в том виде, в каком они записаны со слов сказочников, он не избежал вмешательства в текст, о чем он далее и пишет: «Фонетические особенности их речи (т.е. сказочников. — *С. М.*) переданы в пределах существующего гражданского алфавита. В редких случаях, когда сюжет и образы сказки представляют известный интерес, но запись неудовлетворительная, составитель исправил явно неправильные записи слов и фраз и удалил излишние повторения» [89, т. 1, с. 8]. Поскольку при подаче сказок эти правки Г.У. Эргису по каким-то причинам не удалось точно документировать в примечаниях, нами была проведена сверка вошедших в наш том текстов 2, 3, 6, 24, 33, 34, 36 с первоисточниками, хранящимися в АЯНЦ СО РАН*, и по ее итогам принято решение воспроизвести архивные материалы без какого-либо «литературного редактирования». В случаях восстановления текстов нами были использованы различного вида скобки, чтобы обозначить текстологическое вмешательство (см. ниже условные обозначения). По архивному первоисточнику нами выверена и сказка «Сестры» (текст 23), впервые изданная в 1942 г. в сборнике «Саха норуотун айымньыта» [66], составителями которого были Г.М. Васильев и Х.И. Константинов. Печатание сказок по оригиналам в обоих случаях позволяет не только повысить достоверность устного текста, но и изучать фольклорную текстологию в динамике. Сказка «Жеребец и бык-пороз» (текст 6) из указанного сборника Г.У. Эргиса и «Сложная дележка» (текст 35) из хрестоматии «Саха фольклора» [71], составленной Д.К. Сивцевым, помещены в настоящем томе без изменений. Выверить их по архивным источникам не удалось, поскольку первоначальные тексты записей хранились у собирателей и не были сданы в архив.

Тексты 11, 15, 30, 31, записанные в 1936, 1938 и 1940 гг., переведены с латинской графики на современную. Рукописи расшифровок звукозаписей 9 сказок, включенных в наше издание, тоже хранятся в АЯНЦ СО РАН.

В соответствии с принципами Серии архивные рукописи воспроизведены в томе без изменений: сохранена специфика диалектов, оставлены лексические, фонетические, синтаксические особенности текстов, а также индивидуальный стиль сказывания и характер устной речи. В текстах сохранены

---

* Основателем рукописного фонда этого архива был сам Г.У. Эргис.

и варианты форм, встречающиеся у одного и того же сказителя. Описки собирателей исправлены, что отмечается в Примечаниях к якутским текстам.

Тексты разбиты на смысловые блоки, номера которых проставлены слева на полях, пунктуационные знаки расставлены в текстах по современным правилам.

Слова, добавленные составителями в русских переводах для восстановления смысла текста или же пропущенные исполнителем, даны в квадратных скобках.

Поясняемые слова и выражения в текстах отмечены звездочкой (*), в примечаниях и комментариях указаны номера блоков.

В словарь непереведенных слов включены слова, выделенные в русских текстах курсивом.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ЯКУТСКИХ ТЕКСТАХ

[ ] В квадратные скобки нами были вписаны слова и словосочетания, помогающие уточнить смысл предложения. См. текст 3, бл. 1: [Түөнэн кыыл]; бл. 2: [биэрэр]; бл. 3: [эрэ] и т.д.

<> В угловые скобки заключены многочисленные буквы, слоги, слова, словосочетания, пропущенные собирателем, или плохо слышимые фонемы при расшифровке магнитофонной ленты. Так сделали в целях разгрузки примечаний. См. текст 11, бл. 2: тайахтан<ан>, халы<ы>н, <дуо>; бл. 3: курду<к>; бл. 4: сиибиг<н>; бл. 5: от<ут>, бара<н>, ый<ы>таллар, сордон<он>; бл. 7: дьүүллэ<э>; бл. 8: истэҕин<э>, биэрээр<эй>; бл. 9: үнсүөх<х>э, ким<и>; бл. 11: <миэхэ тиийэр>, сыдьдьабы<н>; атах<таах>; бл. 12: ыл<ын>ыахтааххын; бл. 13: Сahы<л>, сиэ<х>; бл. 14: эр<э>, Охсуоххуна<н>, а также Дополнения, сказку «Старушка Таал-Таал», бл. 1: hуоҕу<н>, бл. 6: Ото<й>.

// Двумя косыми чертами обозначены сокращения, сделанные собирателем в самой рукописи. К примеру, текст 14, бл. 1: Т/аал/-Т/аал/ э/мээхсин/; бл. 2: диэб/ит/; бл. 3: күн-к/үн/, б/уоллаххы/на, Б/ылыт/-б/ылыт/, б/эр/т буол/ла/ҕа; бл. 4: Б/ылыт/-б/ылыт/, б/эрки/н, Б/ылыт/-б/ылыт/, б/ылыт/-б/ылыт/, Т/ыал/-т/ыал/, буол/ла/ҕа; бл. 5: Т/ыал/-т/ыал/, д/иэби/т, Т/ыал/-т/ыал/, д/иэби/т, т/ыал/-т/ыал/, буо/лла/ҕа, д/иэби/т; бл. 6: д/иэби/т, О/йуур/, х/айа/, д/иэби/т, буол/лаххы/на; бл. 7: д/иэби/т, д/иэби/т.

( ) В круглых скобках сохранены слова, взятые в круглые скобки в первоисточнике (архивной записи или публикации). Например, см. текст 3,

бл. 7: (дьураа); текст 4: «Чаркый икки барыллыа (икки)»; текст 6: (Кыһын уһаабыта, сайын кылгаабыта); текст 9, бл. 1: (суоҕа); бл. 3: (таһааран); бл. 4: (күнү); бл. 5: (чачып), («чып-чап» гынан); текст 11, бл. 15: (этин).

С.Д. Мухоплева

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

ХАМСЫЫР ХАРАМАЙ ТУҺУНАН ОСТУОРУЙАЛАР

1. ЭҺЭ УОННА САҺЫЛ

1 Былыр эһэ уонна саһыл буоланнар туох да алыс* доҕордуу эбиттэр. Олорор олохторугар, сылдьар сырыыларыгар, бултуур бултарыгар кыттыгас эбиттэр. Кыһын буоллар эһэ утуйар, оттон саһыл буоллар утуйбат. Онон эһэ доҕоругар саһылга этэр:

— Эн кыһын ханна да барыма. Суолгун көрөн, сонордоон кэлэн өлөрүөхтэрэ. Онон миигин кытта утуй, — диир.

— Суох. Ханна да барыам суоҕа. Эрэн. Доҕорбун эйиигин бараан кэбиһиэм дуо? — диир саһыл.

2 Эһэ утуйар. Саһыл буоллар утуйбат, куруук айдаара-мэнигилии сылдьар, эһэҕэ биэрбит бигэ тылын кэспэт. Ол да буоллар салгыҥҥа тахсыан олус баҕарар. Аанын аһан, таһырдьа уһун күн устатын тухары сүүрэр-көтөр, дьиэтигэр ыкса түүн кэлэр. Күн аайы ол курдук күүлэйдиир.

3 Арай биирдэ алыс айдааран, эһэтин уһугуннаран кэбиспит. Дьиэтигэр кэлбитигэр, эһэ туран саһылы иэнин тириитин хараҕар көллөрөр*, таһыйар. Онтон ыла саһыл күүлэйдээбэккэ, биир сиргэ сытар. Сыккырыыр сырдык тыына, үккүрүүр үрүҥ дууһата эрэ, саһыл барахсан тулуйубунна* кыһыны туоруур.

4 Саас буолар, эһэ арҕаҕыттан тахсар.

— Дьэ, күүлэйдээ, дьэ, оонньоо! Оонньуур-күлэр кэм билигин буолла, — диир эһэ.

Ол курдук иккиэн сылдьаллар. Эһэ туох да алыс үгүрүөттэн соһуйар, куттанар, онно саһыл күлэн быар аҕай буолар*. Ол аайы эһэ уордайан, саһылы өлөрбөт эрэ, таһыйан. Төрүт саһыл эһэни кытта бииргэ сылдьарыттан, тулуйарыттан аахар. Эһэттэн хайдах гынан куотар ньыматын булунар-толкуйданар.

Арай биирдэ саһыл эһэҕэ этэр:

— Эһээ, доҕоор, эн туохтан куттанаҕын? — диир.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. МЕДВЕДЬ И ЛИСА

1 В старину медведь и лиса были очень большими друзьями. И в жизни, и в делах, и на охоте действовали сообща. С наступлением зимы медведь засыпает, лиса же не спит. Потому медведь говорит своей подруге лисе:

— Ты зимой никуда не ходи. Увидят твои следы — по следам придут и убьют. Поэтому спи со мной, — говорит.

— Нет, никуда не пойду. Поверь. Тебя, своего друга, разве брошу? — говорит лиса.

2 Медведь засыпает. А лиса не спит, все ходит, шалит-шумит, [но] данного медведю твердого слова не нарушает. И все же очень хочется ей выйти на воздух. Отворит дверь и весь долгий день носится-резвится снаружи, к себе домой только глубокой ночью приходит. Каждый день так гуляет.

3 И однажды до того расшумелась, что разбудила своего медведя. Когда вернулась домой, медведь-то лису высек — шкуру спины глазам показывает*. С тех пор лиса не гуляет, лежит на одном месте. С едва приметным светлым дыханием, с чуть теплящейся белой душой* лиса-бедняжка в нетерпении зиму [еле] пережила.

4 Наступает весна, медведь из своей берлоги выходит.

— Ну гуляй, ну играй! Играть-веселиться сейчас пора наступила, — говорит медведь.

Вот они вдвоем ходят. Медведь очень боится бекаса, пугается его, от этого лиса до колик в печени покатывается со смеху. На это медведь каждый раз гневается, чуть не до смерти лису избивает. Не может больше лиса ходить вместе с медведем — кончилось терпение. Обдумывает-ищет способ, как сбежать от медведя.

И вот однажды лиса говорит медведю:

— Медве-е-дь, друг, ты чего боишься? — говорит.

— Мин саамай улаханнык ити дулҕа быыһыттан «ньаас» диэн баран көтөр кыылтан* куттанабын уонна туохтан да куттаммаппын, — диир эһэ.

— Сөп. Мин саамай улаханнык куттанабын икки атаҕынан хаамар туора харахтаах кыылтан*, — диир саһыл.

— Оо! Улаата, куттаныах сир баппатаҕа. Туора харах мин уруум эбээт. Аан маҥнай мин туора харах этим, онтон эһэ буолтум, — диир эһэ.

5 Саһыл туран эһэни күлүү гынар:

— Кирдьик, эн туора харакха майгылыыгын: бааданнаан уонна киҥин да бэт, онон миигин өлөрөн кэбиһиэҥ, — диир.

— Мин тылбыттан таҕыстаххына, кирдьик да, өлөрүөм. Сэрэнэр буол, — диэбит эһэ.

— Чэ эрэ, эһэ! Эн туора харахтан куттаммат эбиккин. Биириҥэн, уруун, онон туора харахтары, хайа баҕарар күүскүнэн да, албаскынан да кыайар кыахтааххын. Онтон мин туора харахтан куттанабын. Эн туора харахтары бултаа. Мин буоллар эн куттанар «ньаас» диэччини бултаһыам. Хайабыт элбэҕи бултуур эбит, — диир саһыл.

— Саамай сөпкө эттиҥ, саһыл. «Ньаас» диэччини элбэҕи бултаатаххына, миэхэ куттал аҕыйыыр. Оттон мин туора хараҕы бултаатахпына, эйиэхэ да, миэхэ да куттал эмиэ аҕыйыыр. Хата, эн баҕайы хаһан «ньаас» диэччини бултуур үһүгүн! Мин буоллар соруннарбын эрэ быраап, бултуур киһи буолуом, — диир эһэ.

Ол курдук сүбэлэһэллэр, сүбэлэрин түмүгэр: аны тоҕус хонугунан бу миэстэҕэ көрсүөх буолаллар. Иккиэн икки анаы бултуу арахсаллар.

6 Эһэ туора хараҕы бултуу барабын диэн, ол күнүгэр туора харакха бултатан, бултуохтааҕар бэйэтэ бултатар. Оттон саһыл буоллар «ньаас» диэччини бирээмэ биир сүүһү бултуур.

Тоҕус хонуга ситэн, эһэтин көрсүөх буолбут сиригэр кэлбитэ — эһэтэ бүгүн да суох. Күүтэр, күүтэр, эһэтэ мэлигир да мэлигир. Онтон туран саһыл эһэтин суолун суоллуур. Эһэтин туора харах өлөрбүтүн билэн-көрөн баран, эһэ уҥуоҕун үрдүгэр иилээн кэбиһэр. Онно биир эһэ көрөн турар эбит. Ол эһэ саһылга өстүйбүт. Онтон ыла саһыллаах эһэ доҕордоһуулара бүппүтэ үһү.

— Больше всего я боюсь вот этого зверя, вылетающего из кочек с криком «*ньаас*», — а больше ничего не боюсь! — говорит медведь.

— Ясно. А я больше всего боюсь шагающего на двух ногах поперечноглазого зверя, — говорит лиса.

— О-о! Ну и ну, нашла кого бояться. Поперечноглазый ведь мой родственник*. Вначале я был поперечноглазым, потом стал медведем, — говорит медведь.

5 Лиса-то над медведем давай насмехаться:

— И вправду смахиваешь ты на поперечноглазого: ступаешь грузно, очень вспыльчивый, так можешь и убить меня, — говорит.

— Если ослушаешься меня, и вправду убью. Берегись, — сказал медведь.

— Вот что, медведь! Оказывается, ты не боишься поперечноглазого. Перво-наперво, [он] твой родственник, поэтому ты поперечноглазых всяко — хоть силой, хоть хитростью — сможешь одолеть. А я поперечноглазого боюсь. Ты охоться на поперечноглазых. Я же буду охотиться на того, кого ты боишься: на кричащего «*ньаас*». Посмотрим, кто из нас больше добудет, — говорит лиса.

— Верно сказала, лиса. Если много добудешь кричащих «*ньаас*», то для меня опасности станет меньше. А если я добуду поперечноглазого, то опасности станет меньше и для тебя, и для меня. Однако тебе ли, такой, добыть кричащего «*ньаас*»! Мне же стоит только захотеть, стану добытчиком, — говорит медведь.

Все же договорились, что встретятся на этом месте через девять дней. С тем и разошлись охотиться в разные стороны.

6 Медведь хотел было добыть поперечноглазого, но в тот же день сам стал добычей поперечноглазого. А лиса кричащих «*ньаас*» прямотаки сотню добыла.

Когда истек девятый день, пришла на то место, где условилась встретиться с медведем, — а медведя-то сегодня и нет. Ждет, ждет, а медведя ее все нет и нет. Пошла тогда лиса по следам своего медведя. Обнаружив-узнав, что поперечноглазый убил ее медведя, помочилась на медвежьи кости*. Тогда это увидел, оказывается, один медведь. Тот медведь лису невзлюбил. С тех пор, говорят, дружбе лисы и медведя пришел конец.

1 Саһыл биир уһаат лыыбалаах, туруйа биир тымтай хайахтаах. Саһыл биир уһааттаах лыыбатын үөллээн иһэллэр. Биирдэ саһыл үөрэтин үөллээн баран, таһырдьа ньылырыс гынан хаалар. Туруйа кэкэрдээн туран, үөрэтин иһэн баран, утуйан хаалар. Сассыарда* туран, туруйа уотун оттон эрдэҕинэ, саһыл ньылырыс гына түһэр.

Туруйа:

— Хайа, саһыал, ханна бара сырыттың?

Саһыл:

— Харах Хаан улахан киниитэ* төрүөн*, көтөҕөөччү-баабыскаһыт буола сырыттым.

Туруйа этэр:

— Тугу олордо?

Саһыл:

— Ээй, кыыс.

Туруйа:

— Аата ким буолла?

Саһыл:

— Ортолоон-Ортолоон Огдоччуйа буолла.

2 Нөҥүө киэһэ саһыл үөрэтин үөллээн, оҥорон баран, таһырдьа ньылырыс гынан хаалар. Туруйа кэкэрдээн туран, үөрэтин иһэн баран, утуйан хаалар. Сассыарда туран, уотун оттон эрдэҕинэ, саһыл ньылырыс гына түһэр.

Туруйа:

— Хайа, саһыал, ханна бара сырыттың?

Саһыл:

— Ээй, Харах Хаан орто киниитэ төрүөн, көтөҕөөччү-баабыскаһыт буола сырыттым.

— Хайа тугу төрүөтэ? — туруйа этэр.

— Ээ, кыыс, — саһыл туран.

— Аата ким буолла? — туруйа этэр.

Саһыл туран:

— Сик-Сик Сиксиллээйи буолла.

3 Киэһэ саһыл үөрэтин үөллээн, оҥорон баран, таһырдьа ньылырыс гынан хаалар. Сассыарда туруйа туран, уотун оттон эрдэҕинэ, саһыл ньылырыс гына түһэр.

Туруйа:

— Хайа, саһыал, ханна бара сырыттың?

1 У лисы ушат мелкой рыбы*, у журавля *тымтай* с *хаяком*. Едят они похлебку из лисьего ушата. Как-то раз, приготовив похлебку, лиса выскользнула на улицу. Вытянув шею, журавль выпил свою похлебку и заснул. Когда поутру журавль принялся разжигать огонь, лиса проскользнула [в дом].

Журавль:

— Ну, лиса, куда ходила?

Лиса:

— Старшая невестка Харах Хаана рожала, я там бабкой-повитухой была.

Журавль сказал:

— Кого родила?*

Лиса:

— *Ээй*, девочку*.

Журавль:

— Какое имя дали?

Лиса:

— Авдотья Серединка-На-Половинку* дали.

2 Следующим вечером, сварив, приготовив похлебку, лиса выскользнула на улицу. Вытянув шею, журавль выпил свою похлебку и заснул. Когда поутру журавль принялся разжигать огонь, лиса проскользнула [в дом].

Журавль:

— Ну, лиса, куда ходила?

Лиса:

— *Ээй*, средняя невестка Харах Хаана рожала, я там бабкой-повитухой была.

— Ну, кого родила? — журавль говорит.

— Ээ, девочку, — лиса-то.

— Какое имя дали? — журавль говорит.

Лиса говорит:

— Трях-Трях Трясушка дали.

3 Вечером, сварив, приготовив похлебку, лиса выскользнула на улицу. Когда поутру журавль принялся разжигать огонь, лиса проскользнула [в дом].

Журавль:

— Ну, лиса, куда ходила?

Саһыл:

— Ээй, Харах Хаан оччугуй киниитэ төрүөн, онно көтөҕөөччү-баабыскаһыт буола сырыттым.

Туруйа:

— Хайа тугу олордо?

Саһыл туран:

— Ээй, кыыс.

Туруйа:

— Аата ким буолла?

Саһыл:

— Кирээ-Кирээ Кирээһэ буолла.

4 Лыыбалара бүтэн хаалар.

Туруйа:

— Бар, саһыл, хайаххын киллэр эрэ, сиэхпитин.

Саһыл ньыларыс гынан тахсар. Саһыл көтөн киирэр:

— Тымтайын кураанах турар!

Туруйа:

— Тууй-иэ, түөкүн, тоҕо кураанах буоларый?! — диэн бээтэ* кэ-кэрдээн тахсар. Тымтайын тумсугар иилэн киллэрэн, дар гыннаран кэбиһэр.

— Тууй-иэ, түөкүн, бэйэҥ сиэн кээһэн* баранҥын! — Туруйа этэр. — Түүкүдүйэ* сылдьаҕын, — диэн туруйа саһылы тумсунан иилэн ылан уокка быраҕар.

5 Саһыл убайан* кытыаланан тахсан, атах балай сүүрэр. Харах Хаан үмэрэдийбэт* үүт көлүйэтигэр тиийэр.

Саһыл:

— Харах Хаан үмэрэдийбэт үүт көлүйэтэ, уоппун умуруор, — диир.

Үмэрэдийбэт үүт көлүйэ:

— Ээй, эн уоккун умуруоруохтаа'ар*, балыкпын иитэ сатаан, бэйэм кыараҕаспын.

Саһыл:

— Харах Хаан аҕыс уон оҕуһа уугун супту уулааннар, балыгын атан өлөн хаалыахтын! — дии-дии атах балай кытыаланар.

6 Харах Хаан аҕыс уон оҕуһугар тиийэр.

Саһыл:

— Харах Хаан аҕыс уон оҕуһа, уоппун умуруорун!

— Ээй, оҕустар, бээбит оту кыайан булан сиэбэккэ, бээбит ыксары* турабыт, эн уоккун умуруоруохтааҕар.

Лиса:

— *Ээй*, младшая невестка Харах Хаана рожала, я там бабкой-повитухой была.

Журавль:

— Ну, кого родила?

Лиса говорит:

— *Ээй*, девочку.

Журавль:

— Какое имя дали?

Лиса:

— Скряб-Скряб Поскребушка дали.

4 Мелкая рыбка у них кончилась.

Журавль:

— Сходи-ка, лиса, принеси мой *хаяк*, давай поедим!

Лиса выскользнула. Тут же лиса [обратно] вбегает:

— Твой *тымтай* стоит пустой!

Журавль:

— *Тууй-иэ*, обманщица, отчего ему быть пустым?! — сказал и, вытянув шею, вышел сам. *Тымтай* клювом подцепил, принес и [перед ней] брякнул.

— *Тууй-иэ*, обманщица, сама же и съела! — журавль сказал. — Ходишь притворяешься! — сказал журавль, лису клювом подцепил и в огонь бросил.

5 Загоревшись, лиса выскочила и побежала, куда ноги несут. Прибегает к незатягивающемуся пенкой молочному озерку* Харах Хаана.

Лиса:

— Незатягивающееся пенкой молочное озерко Харах Хаана, потуши на мне огонь! — говорит.

Незатягивающееся пенкой молочное озерко:

— *Ээй*, где уж мне потушить на тебе огонь — не успеваю свою рыбу прокормить!

Лиса:

— Пусть восемьдесят быков Харах Хаана твою воду выпьют и твоя рыба задохнется! — приговаривая, побежала, куда ноги несут.

6 Прибегает к восьмидесяти быкам Харах Хаана.

Лиса:

— Восемьдесят быков Харах Хаана, потушите на мне огонь!

— *Ээй*, мы, быки, сами не можем найти и наесться травы, сами едва стоим — где уж нам потушить на тебе огонь.

Саһыл:

— Харах Хаан аҕыс кыйаар* кыталык кыыһа, тоҕус субан туруйа уола эһигини ураҕаһынан бата сылдьан* кырбаатыннар! — дии-дии атах* балай кытыаһынна.

7 Харах Хаан аҕыс кыйаар кыталык кыыһыгар, тоҕус субан туруйа уолугар тиийэр саһыл:

— Харах Хаан аҕыс кыйаар кыталык кыыһа, тоҕус субан туруйа уола, уоппун умуруорун!

Харах Хаан уола-кыыһа:

— Ээй, эн уоккун умуруоруохтааҕар, бээбит үлэбитин кыайбакка ыксары турабыт.

— Харах Хаан ураҕаһынан бата сылдьан кырбаатын!

8 Харах Хаан оҕоньньорго* тиийэр:

— Харах Хаан оҕоньньор, уоппун умуруор!

— Ээй, эн уоккун умуруоруохтааҕар бэйэм хаһабын кыайбакка олоробун.

— Хаһаҕын үһүктаах тумустаах күүдээктэр* суптурута сүүрдүннэр!

9 Үһүктаах тумустаах күүдээктэргэ тиийэр:

— Үһүктаах тумустаах күүдээктэр, уоппун умуруорун!

Үһүктаах тумустаах күүдээктэр:

— Бээбит сыллааҕы хаһааспытын булбакка, ыксаа сылдьабыт*, эн уоккун умуруоруохтааҕар.

10 Саһыл тыаҕа сүүрэн тахсар.

— Былыт, быһын! Халлаан, хайын! — диэн хаһыытыыр.

Самыыр диэн баҕайы түһэр, уота умуллан хаалар, кыһыл саһыл буолан, тыаҕа сүүрэр.

11 Күүдээктэр Харах Хаан хаһатын суптурута сүүрэллэр. Харах Хаан оҕоньньор уолун-кыыһын киирэн, ураҕаһынан бата сылдьан кырбыыр:

— Саһыл уотун умуруорбаккаҕыт, хаһабын үһүктаах тумустаах күүдээктэргэ суптурута сүүртүгүт!

Харах Хаан уола-кыыһа:

— Саһыл уотун умуруорбаккалар, биһигини аҕабытыгар ураҕаһынан баттара сылдьан кырбаттылар! — диэннэр, аҕыс уон оҕуһу ураҕаһынан бата сылдьан кырбыыллар.

Аҕыс уон оҕус:

— Саһыл уотун умуруорбакка, биһигини бу уолга-кыыска ураҕаһынан баттара сылдьан кырбатта! — диэннэр, үрэмэдийбэт үүт көлүйэ

Лиса:

— Пусть восемь небесных стерхов-дочерей, девять вольных журавлей-сыновей* Харах Хаана погонятся за вами и жердиной вас изобьют! — приговаривая, побежала, куда ноги несут.

7 Прибегает лиса к восьми небесным стерхам-дочерям и девяти вольным журавлям-сыновьям Харах Хаана:

— Восемь небесных стерхов-дочерей и девять вольных журавлей-сыновей Харах Хаана, потушите на мне огонь!

Сыновья-дочери Харах Хаана:

— *Ээй*, где уж нам потушить на тебе огонь — сами едва стоим, не можем с работой справиться.

— Пусть Харах Хаан погонится за вами и жердиной вас изобьет!

8 Прибегает к старику Харах Хаану:

— Старик Харах Хаан, потуши на мне огонь!

— *Ээй*, где уж мне потушить на тебе огонь — сам сижу, свой брюшной жир не могу поднять.

— Пусть остромордые мыши-землеройки твой брюшной жир насквозь прогрызут!

9 Прибегает лиса к остромордым мышам-землеройкам.

— Остромордые мыши-землеройки, потушите на мне огонь!

Остромордые мыши-землеройки:

— Не можем запасы сделать на год, торопимся — где уж нам потушить на тебе огонь.

10 Лиса побежала к лесу.

— Туча, прорвись! Небо, расколись! — кричит.

Тут пошел сильный дождь, огонь погас, порыжевшая лиса в лес убежала.

11 Мыши брюшной жир Харах Хаана насквозь прогрызли. Пошел старик Харах Хаан за сыновьями-дочерьми гоняться и жердиной их избивать:

— Огонь на лисе не потушили, дали остромордым мышам-землеройкам мой брюшной жир прогрызть!

Сыновья-дочери Харах Хаана:

— Огонь на лисе не потушили, заставили нашего отца нас жердиной избить! — сказав, пошли за восьмьюдесятью быками гоняться и жердиной их избивать.

Восемьдесят быков:

— Огонь на лисе не потушило, дало этим сыновьям-дочерям нас жердиной избить! — сказав, к незатягивающемуся пенкой молочно-

уутун аҕыс уон өттүттэн киирэннэр супту уулааннар, үүт көлүйэ уута уолан, балыга быстан өлөн хаалар.

Харах Хаан аҕыс кыйаар кыталык кыыһа, тоҕус субан туруйа уола уһуктаах тумустаах күүдээктэр хаһаастарын түөрэ хостоон, күүдээктэр быстаран өлөллөр.

3. ТҮӨТ* СЫЫМЫЫТТААХ* ТҮӨНЭН КЫЫЛ

1 Саамнай* үөккэ [Түөнэн кыыл] төрөн* сыпбыт* үһү. Онно биир кугас саһыл кэлбит, ол кэлэн үөһэ хантас гына түспүт уонна эпбит:

— Түөт сыымыттаах Түөнэн кыыл, дьэ, хомуруо* хонуугун хомуру ыстыам, сыа сыһыыгын быһа ыстыам, саамнай үөккүн самнары тардыам суоҕа буоллар, биир сыымыккын түһэрэн кулу! — диир.

Түөт сыымыттаах Түөнэн кыыл, ытаан-ытаан баран, биир сыымытын түһэрэн биэрбит. Ону саһыл хар-кур ыстаан сиэн баран, баран-баран хаалбыт*.

2 Түөнэн кыыл ытыы олорбут. Биир хоммутун гэннэ* эмиэ кэлэр били саһыл. Ол кэлэн баран эмиэ этэр:

— Хомуруо хонуугун хомуру ыстыам, сыа сыһыгын быһа ыстыам, самнай үөккүн саамнары тардыам, үс сыымыккын сиэн барыам суоҕа буоллар, биир сыымыккын түһэрэн кулу! — диир.

Түөт сыымыттаах Түөнэн кыыл, ытаан-ытаан баран, биир сыымытын түһэрэн [биэрэр]. Саһыл баран-баран хаалар. Били түөт сыымыттаах Түөнэн кыыл ытыы-соҥу олорбут. Биир хонон баран эмиэ кэлбит. Саһыл ол кэлэн эмиэ оруккутун* курдук этэн, куттаан, эмиэ ылаан барбыт.

3 Түөнэн эрэйдээх биир сыымытын гытары хаалан олордоҕуна, моҕотой оҕоньньор* кэбит*.

— Түөнэн кыыл, тоҕо ытыы-соҥу олороҕун? — диир.

Түөнэн этэр:

— Биир саһыл кэлэн, түөт сыымыпбыттан, хомуруо хонуугун хомуру ыстыам, сыа сыһыыгын быһа ыстыам, саамнай үөккүн саамнары тардыам — диэн куттан, үс оҕобун сиэн барда, — диир. — Баара [эрэ] биир оҕом баар, — диир.

Моҕотой оҕоньньор этэр:

— Ээ, акаары, саһыл баран хаһан бачча бэйэлээх буору алдьатан, бу турар үөтү тоҕо тардан сиэҕэ диэн, оҕоҕун биэрэҕин! — диир. — Аны кэлэн көрдөтөҕүнэ этэр: «Сыа сыһыбын быһа ыстатаргын —

му озерку с восьмидесяти сторон подошли, до дна его осушили: молочное озерко обмелело, тут вся его рыба от голода и подохла.

Восемь небесных стерхов-дочерей, девять вольных журавлей-сыновей Харах Хаана откопали запасы остромордых мышей-землероек, мыши от голода и погибли.

3. ПТИЦА ТЮЁНЭН С ЧЕТЫРЬМЯ ЯЙЦАМИ

1 Высиживала, говорят, на старой иве птенцов [птица Тюёнэн]. Тут пришла одна рыжая лиса, задрала морду и говорит:

— Ну, птица Тюёнэн с четырьмя яйцами, если ты не хочешь, чтобы я твою сугробистую поляну сжевала, чтобы твою тучную долину* сгрызла, чтобы твою старую склонившуюся иву свалила, сбрось-ка одно свое яйцо! — говорит.

Поплакала-поплакала птица Тюёнэн с четырьмя яйцами и сбросила одно свое яйцо. Лиса его с хрустом сжевала и убралась.

2 Сидит птица Тюёнэн, плачет. Через сутки опять пришла та лиса. Пришла и снова говорит:

— Если не хочешь, чтобы я твою сугробистую поляну сжевала, чтобы твою тучную долину сгрызла, твою старую склонившуюся иву свалила и ушла, съев три твоих яйца, сбрось-ка одно свое яйцо! — говорит.

Поплакала-поплакала птица Тюёнэн с четырьмя яйцами и сбросила одно свое яйцо. Лиса ушла-убралась. Сидит та самая птица Тюёнэн с четырьмя яйцами, плачет-рыдает. А [лиса] переночевала и опять пришла. Придя, лиса снова, как прежде, сказала, пригрозила и опять забрала яйцо.

3 Сидит бедняжка Тюёнэн, оставшись с одним яйцом, тут приходит старик бурундук.

— Почему, плача-рыдая, сидишь, птица Тюёнэн? — говорит.

Тюёнэн говорит:

— Приходила одна лиса, грозилась, что сугробистую поляну сжует, мою тучную долину сгрызет, мою старую склонившуюся иву свалит и из четырех моих яиц трех птенцов моих съела и ушла, — говорит. — Остался у меня всего один птенец, — говорит.

Старик бурундук говорит:

— Ээ, глупая, как же ты поверила, что лиса столько земли сроет, эту иву свалит, а [тебя] съест. И ты своего птенца ей отдаешь! — говорит. — Если опять придет и станет просить, скажи: «Если сможешь

ыста, хомуруо хонуубун хомуру ыстаатаргын — ыста, самнай үөпбүн саамнары тартаргын — тарт диэр». Сөп дуу? — диир, баран халар.

4 Нөгүө* күнүгэр саһыл эмиэ кэлэр. Ол кэлэн, эмиэ орут этэрин курдук этэн туран, биир оҕотун көрдүүр.

Түөт сыымыттаах Түөнэн кыыл этэр:

— Саамнай үөпбүн самнары тарт, хомуруо хонуубун хомуру ыстыаҥ буоллар — ыста, сыа сыһыбын быһа ыстыаҥ буоллар — ыста, оҕобун сиэҥ буолар — сиэ, — диир.

Саһыл сарыылыыр, сири тарбыр, үөтү тардар. Хайан кыайардаах буолуой — кыайбат. Ол сылдьан илин тиийһин ойо ыстан кэбиһэр, онон эмтэгэй тиистээх саһыл буолар.

— Дьэ, түөт сыымыттаах Түөнэн кыыл, эйигин ким сүбэлэтэ? Араааһа, моҕотой оҕоньньор сүбэлэтэҕэ буолуо, — диир, баран хаалар.

5 Саһыл ол баран, моҕотой оҕоньньорго тийэр.

— Дьэ, оҕоньньор, эн биһи тимир биһиккэ бигэһиэх эрэ, — диир.

Моҕотой оҕоньньор:

— Чэ'рэ*, — диир.

Тимир биһиккэ тийэн бигэһэллэр.

Саһыл этэр:

— Эһээкэ*, мин орут сытыым, — диир.

— Чэ, сыыт, — диир.

Саһыл сытар. Балай эмэ буолан баран:

— Эһэкэн, өлөрү гынным, туруора оҕус! — диир.

Моҕотой оҕоньньор туруоран гэбиһэр саһылы.

Саһыл:

— Аны эн сыт эрэ, — диир.

Оҕоньньор сытар. Ол сыпбытын гэннэ тимир быаннан* кэлгийэн баран, саһыл этэр:

— Чэ, бэрт киһи эн турар иниҥин? Түөт сыымыттаах Түөнэн кыылы сүбэлэн биир оҕотун сиэпбэтиҥ, — диир уонна баран хаалар.

6 Моҕотой оҕоньньор өлөр күнэ кэлэр. Бэркэ ысаан* сыттаҕына, Түөнэн кыыл оҕотун батыһыннаран кэлэр. Ол кэлбитигэр этэр:

— Дьэ, эйигин сүбэлэбит буруйбар саһыл кэлгийэн барда. Хайдаах быһыыгын? — диир.

мою тучную долину сгрызть — сгрызи, если сможешь мою сугробистую поляну сжевать — сжуй, если сможешь мою старую склонившуюся иву свалить — свали». Согласна? — сказал и ушел.

4 На следующий день лиса опять пришла. Пришла и снова, как прежде, говорит, опять одного ее птенца просит.

Птица Тюёнэн с четырьмя яйцами говорит:

— Мою старую склонившуюся иву свали, если сможешь, мою сугробистую поляну сжевать — сжуй, если сможешь, мою тучную долину сгрызть — сгрызи, если сможешь, моего птенца съесть — съешь, — говорит.

Лиса визжит, землю скребет, иву тянет. Откуда ей одолеть — не одолеет. Оттого, что так делала, свои передние зубы обломала, стала лисой с щербатыми зубами.

— Ну, птица Тюёнэн с четырьмя яйцами, кто тебе дал совет? Наверное, старик бурундук насоветовал, — сказала, ушла.

5 Отправилась тогда лиса, пришла к старику бурундуку.

— Ну, старик, давай-ка с тобой в железной колыбели* покачаемся, — говорит.

Старик бурундук:

— Ну давай, — говорит.

Пошли к железной колыбели, качают друг друга.

Лиса сказала:

— Дедушка, я первой лягу, — говорит.

— Давай ложись, — говорит.

Лиса легла. Немного погодя говорит:

— Дедушка, помираю, быстрее подними! — говорит.

Старик бурундук поднял лису.

Лиса:

— Ну теперь ты ложись, — говорит.

Старик лег. Едва он лег, железной веревкой его привязав, лиса говорит:

— Ну, удалец, ты, верно, [сам] встанешь? Птице Тюёнэн с четырьмя яйцами насоветовал, не дал мне ее последнего птенца съесть, — сказала и убежала.

6 Старику бурундуку смертный час приходит. Он уж было совсем отчаялся, когда явилась, ведя за собой своего птенца, птица Тюёнэн. Когда пришла, [он] говорит:

— Ну за то, что я тебе посоветовал, лиса привязала меня и ушла. Как освободишь? — говорит.

Түөнэн кыыл тумсунан били тимир быаны быһа аалан, оҕоньньору ыытан кэбиһэр.

7 Моҕотой оҕоньньор саһылга абарар. Биирдэ саһыл муньньаҕа буоларын истэр моҕотой оҕоньньор, ол истэн саһыл муньньаҕар барар. Туох баар аан дойду бурҕа эмэҕин хоньньугар симинэн тийэр. Ол, ол тийэн саһыл муньньаҕын оттотугар киирэн эккириир. Онно эмэҕэ бурҕаҥныыр, онно саһыллар бары күлэллэр. Онно көрдөҕүнэ: биир эмтэҕэй* тиистээх саһыл айаҕын саба тутта-тутта күлэр. Ону оҕоньньор кэтэҕин аһыттан ылан баран, үөт-тараҕынэн* таһыйар. Ол таһыйан өлөрө сыһар.

Онтон саһыл куотан халар. Онтон кэрэмэс саһыл үөскэбит үһү, түүтэ харарбытынан.

Моҕотой оҕоньньор кэлгиллибит быата быһыта кирбит сиринэн атын эт үөскэн, түүлэнэр кэмигэр атын (дьураа) түү үүммүт үһү. Моҕотой төрдө оҕоньньор эбитэ үһү, былыр.

4. ЧАРКЫЙ ИККИ БАРЫЛЛЫА (ИККИ)

1 Соҕуруу дайдыга* көтөрдөр осустумалаан*, улахан муньах онгорбуттар:

— Сирбит-дайдыбыт сайыныгар итиитэ, куйааһа бэрт, уута суох буолан хаалар, төрүүр (уурар) сымыыппыт барыта сытыйан өлөн хаалар! Биһиги тойоммутун талан баран[1], ыытыаҕыҥ[2] хоту дики* сирдайды көрдөтө! — диэн.

Үмүөрүһэн-муньустан, барыллыаны талбыттар:

— Кураанахха, уута да суох дайдыга түһэр көтөр буоллаҕыҥ, сүүрэр да атахтааҕынан[3], көтөрүнэн (дэ) аһылыктаныах киһи буоллаҕыҥ, улаханҥынан даҕаны, кэрсиэҕинэн* даҕаны барыбытынааҕар ордук буоллаҕыҥ, — эн бардаҕын! — диэтилэр.

Барыллыа — хатынын, оҕолорун кытта бырастыылаһан-бырастыылаһан баран — көтөн барыйбыт.

2 Барыллыа тойон баартын кэньэ* чаркый диэн ааттаах, дьаабыта суох аччыгый, бэрт эрэ диэн үчүгэй куорсуннаах түүлээх кус, барыллыа хатыныгар иньигэр-кэньигэр түһүтэлээбит. Арай маны хатын бэлиэтии көрөн сарыйбыт үһү. Чаркый сорукка сылыаҕын* суһал бэйэлээх киһи буолбут, сырыытыгар сыыдам[4] эрэ диэн бэйэлээх киһи буолбут. Онтон хатын атас-доҕор туттан[5], арай таптаан кэбиспит, арай көрсүүлэһэн кэбиспит. Чаркыйга — дьол: сыл тохору* хатын эрэ буолан олор!

Птица Тюёнэн перетерла клювом ту железную веревку и освободила старика.

7 Затаил старик бурундук обиду на лису. Как-то раз прослышал старик бурундук о том, что будет лисья сходка, и отправился на эту лисью сходку. Приходит, набив за пазуху мелкой древесной трухи со всего света. Вот, приплясывая, входит в середину лисьего сборища. Тут из него посыпалась труха, отчего все лисицы засмеялись. Тогда он увидел: одна лиса со щербатыми зубами смеется, прикрывая рот. Старик схватил ее за загривок и стал бить ожигом. Так бил, что чуть не убил.

Лиса оттуда сбежала. После, говорят, пошли лисы-сиводушки с потемневшим мехом.

В тех местах, где веревка впивалась в тело старика бурундука, наросло новое мясо и (полосами) выросла на нем, говорят, шерсть другого цвета. Оказывается, говорят, этот старик был предком бурундуков в давние времена.

4. ЧИРОК И БЕРКУТ

1 В южной стране птицы, собравшись, устроили большую сходку.

— Наша земля-страна летом слишком жаркая, знойная, засушливая — все яйца (что мы откладываем) протухают, пропадают! Выберем себе господина и пошлем-ка его искать землю-страну в северной стороне! — сказали.

Собравшись-сбившись в кучу, выбрали беркута*:

— Ведь ты — птица, которая может опуститься в засушливом, безводном месте; ведь ты — существо, которое может питаться и четвероногими (и) птицами; ведь ты и величиною, и мудростью всех нас превосходишь — ты и отправляйся! — сказали.

После долгих прощаний со своей женой и детьми беркут полетел, отбрасывая огромную тень*.

2 После того, как беркут-*тойон** улетел, очень маленькая утка по названию чирок — утка, у которой лишь красивое оперенье, — стала увиваться вокруг жены беркута. И вот, заметив это, *хатын* дала, говорят, [ему] поручение. Чирок оказался расторопным малым на посылках, оказался проворным малым в делах. Тогда *хатын* сделала его своим приятелем-товарищем, а тут вдруг и полюбила, и вот вдруг вступила с ним в любовную связь. Чирку — счастье: целый год живи мужем *хатын*!

3 Төгүрүк сыл буолан баран, барыллыа тойон көтөн барыйан тиийэн кэл*. Бу кэлбитигэр, көтөр кынаттаах ааттаах дьон бары мустубуттар:

— Алаатыка, толонноох тойоммут хайа эрэ майгылаах тылы-өһү аҕалла? Хайа эрэ майгылаах сиргэ сырытта? Истэ тардыахпыт этэ! — дии-дии.

— Дьэ, тойоммуот, хайтах* туох майгылаах сиргэ-дайдыга баран кэллин? — диэбиттэр.

— Эчикийэ, сыбыс-сымыйанан бара сылыыбыппын: маска олорор көтөр олоруоҕун биир мас суох дайдыта ибит*, ууга устар көтөр биир устуох дайдыта — дьорооно*, күөлэ суох! Аан туманынан, тыалынан-халырыгынан өрө тутан эргиппит сир ибит! — диэбит барыллыа.

4 — Тыый, ноко, киэр бар! Эрим кээлтэ! — диэбит барыллыа хатын чаркыйга, көтөн тарыпынайан кэлбитигэр.

— Хата, ол иһин мин кэллим бу: «Ханна баартай?» — диэн миньигин* осустумаҕа ким дэ ыйытыа суоҕа. Хата бырастыылаһан, кэриэс-хомуруос таптаһарбытын таптаһан арахсыах, — диэн чаркый барыллыа улахан бэйэлээх уйатыгар тахсан, хатынын кытта угураһаһыллаһа*, таптаһа һыппыт.

Арай барыллыа тойон көтөн төннөн иһэрин көр.

— Тыый, ханна барыамый-кистэниэмий? Көттөхпүнэ — көрүөҕэ! — диэ чаркый.

— Ыл, ити уйа аннынааҕы мутукка олор, билигин харанга — харалҕан көтөр көрүө суоҕа, — диэбит барыллыа хатын.

Чаркый мутукка иҥнэ түһэн олор.

5 Барыллыа тойон көтөн кэлэн, дьахтарыгар эппит:

— Чэй, доҕор, оҕолорун атаҕын оҥор-тэрий! Ол хоту дики сир туох-та* аатыттан үтүө сир ибит: сөрүүнэ дэ соччо, маһа да соччо, хорҕойуохха тааһа даҕаны соччо, сүүрэр атахтааҕа, булла-булуута* даҕаны соччо.

— Төһө дьон баран эрэллэр? — диэ барыллыа хатын.

— Суох!.. Мин кинилэргэ: «Куһаҕан бэйэлээх, туох-та тулуйуо суох, тымныытынан, тыалынан эргийбит сир», — диэбитим. — Мин кинилэргэ тоҕо[6] этиэмий? Биһиги бэйэбит баран, тойон-хатын буолан, көҥүллүк үөскүөхпүт буоллаҕа диэн, — диир барыллыа тойон санаата.

6 Иньэ гынан баран, тыаһа дьахтар угуруур-таптыыр майгылаах. (Сыл туххары көрсүбэтэх киһи хайыаҕай?) Маны истэн баран, чаркый күнүлүү санаабыт. (Сыл тухары дьахтар гыммыт киһи эмиэ буруйа

3 Ровно через год беркут-*тойон*, отбрасывая в полете огромную тень, возьми и прилети. Когда он прилетел, весь летающий птичий народ собрался, приговаривая:

— *Алаатыка*, что за вести принес наш светлый *тойон*? В какой же такой земле побывал? Услышать бы скорее! — говорят-говорят.

— Ну, наш *тойон*, в какой же такой земле-стране ты побывал и вернулся? — спросили.

— *Эчикийэ*, напрасно-зря побывал: садящейся на дерево птице ни одного дерева нет сесть — такая страна, оказывается; плавающей по воде птице ни одной ложбинки, ни одного озера нет поплавать — такая страна! Густым туманом, ветрами-вихрем окруженная земля, оказывается! — сказал беркут.

4 — *Тыый, ноко*, уходи прочь! Муж пришел! — сказала [тем временем] беркут-*хатын* припорхнувшему чирку.

— Вот потому-то я и здесь: обо мне никто на сходке не спросит: «Куда делся?» Лучше расстанемся, предавшись на прощанье, как раньше, любви — на долгую память! — сказал чирок, забрался в огромное гнездо беркута и там со своей *хатын* стал целоваться-обнюхиваться, миловаться.

Вдруг заметил он, что летит, возвращается, беркут-*тойон*.

— *Тыый*, куда же спрятаться-деться?! Взлечу — увидит! — сказал тут чирок.

— Давай вот на сук под гнездом садись, сейчас темно — близорукая птица не увидит, — сказала беркут-*хатын*.

Чирок, уцепившись за сук, возьми и сядь [на него].

5 Прилетев, беркут-*тойон* своей женщине сказал:

— Ну-ка, подруга, обувай детей! Та земля в северной стороне, оказывается, самая прекрасная земля: и прохлады вдоволь, и деревьев вдоволь, да и камней укрыться вдоволь, да и зверья, добычи вдоволь.

— Сколько народа собирается отправиться? — спросила тут беркут-*хатын*.

— Нет! Я им сказал: «Сквернейшая, с нестерпимым морозом, окруженная ветрами земля», — зачем мне им говорить? — Мы сами отправимся, господином-госпожой став, вольготно тогда умножим [свой род], — слышен голос беркута-*тойона*.

6 А после этого [послышался] звук: как будто [кто-то] целует-ласкает женщину. (Целый год не видевший [женщины] человек что же станет делать?) Услышав это, чирок заревновал. (Целый год ее любив-

суох.) Күнүүлүү санаан, «чус!» гына ыһыытаан баран, көтөн «тирт» гынан хаал. Мантан барыллыа тойон соһуйан «һуй!» диэн өрө көтө түспүтүгэр, уйата самнан, суугунаан түспүт.

— Ити туох саҥатай? — диэн ыйытар дьахтарыттан.

— Туох саҥатай? — диир дуу? Мутук тостон түспүтүн тыаһа буолбат доо? — диэн саҥарар дьахтар.

— Оннук ибитэ дуу? — диир барыллыа тойон.

7 Сасыарда муньах буолбутугар чаркый тиийэн кэпсиэбит:

— Субу курдук үтүө сир үһү хоту дики баар.

— Ону эн туоҕунан биллэҕиҥий? — диэбиттэр.

— Мин барыллыа тойон уйатын анныгар: «Дьахтарыгар, бэйэ, тугу кэпсиир ибит?» — диэн киирэн олордохпуна, кэпсиэбитэ. Дьөксө уйата самнан түспүтэ — онон бэлиэтин билиҥ! — диэбит чаркый.

— Кирдьигин буоллаҕына, арай атын мааны көтөрү талан ыытыахпыт буоллаҕа арай. Бачча тэриллэн баран, хаалларыахха сатаммат.

8 Барыллыа тойон арай хааман налыйан кэлбит.

— Хайтах туох хоннуҥ, кырдьаҕас? — диэн ыйыппыттар барылара.

— Уйам самнан түстэ, — диэбит барыллыа тойон.

Онуоха:

— Чаркый кирдьик эппит буоллаҕа! — диэн имнэниһэн кэбиһэн баран, муньах дьон тыл эппиттэр:

— Дьэ, ити, тойоммут барыллыа кырдьаҕас: «Туох даҕаны тулуйан олоруо суох дайдыта», — диэн кэллэҕиҥ. Биһиги маны үөрэ истибэтибит: санаабытыгар, хайтах даҕаны ол онно үчүгэй сир буолуох тустаах этэ. Эн төһө дө үтүөнү баҕаартын иньигэр, баҕардаҕына, таба көппөтүҥ буоллаҕа. Бу сөрүүн салгын кэлэр сирин дики бардахха, хайтах даҕаны үчүгэй сир баар буолуоҕа. Биһиги атын мааны көтөрү ыытыах санаалаахпыт; иньэ гыннаҕына — эн тойонуҥ солотуттан үһүлларгын атаҕастана истиэҥ дуо? Ыйаах оччо буоллаҕа диин, — дэсиспиттэр.

— Хайдах атаҕастаныамый? Атаҕастаныахха сир суох, — диэбит барыллыа.

9 Онуоха бары көтөр ааттаах, түүлээх кынаттаах дьон туруйа дики эргийэн баран, эппиттэр:

— Эн буоллаҕыҥ, туруйа тойон, ытык кырдьаҕас, биһигиттэн үтүөбүт: көтөрүҥ даҕаны үчүгэй, дьүһүҥҥүнэн даҕаны бэркин; бэйэҥ

ший человек тоже не виноват.) Ревнуя, вскрикнул «*чус!*» — и тут же взлетел. От этого беркут-*тойон* вздрогнул, вскрикнув «*суй!*», взметнулся — гнездо его с треском свалилось.

— Чей это голос? — спрашивает у своей женщины.

— Что, говоришь, чей голос? Разве это не звук обломившегося и упавшего сука? — так говорит женщина.

— Может и так, — говорит беркут-*тойон*.

7 Наутро чирок, придя на сходку, поведал:

— Вот такая превосходная земля, говорят, есть в северной стороне.

— Как ты об этом прознал? — спросили.

— Когда я, забравшись под гнездо беркута-*тойона*, сидел и думал: «Постой-ка, что же расскажет своей женщине?» — [он взял и] рассказал. К тому же гнездо его свалилось — по этой примете узнаете! — сказал чирок.

— Если это правда, тогда может быть выберем и пошлем другую уважаемую птицу, а? Столько готовились, оставлять так нельзя.

8 Вдруг, степенно вышагивая, появился беркут-*тойон*.

— Как ночевал, старец? — спросили [его] все.

— Гнездо мое свалилось, — сказал беркут-*тойон*.

На это:

— Чирок, значит, правду говорил! — перемигнулись, и такое слово собравшийся народ произнес:

— Ну вот, господин наш беркут-старец, вернувшись, [ты] сказал: «Это страна, в которой никто не сможет выжить». Нерадостно нам это слышать: по нашему разумению, там обязательно должна быть хорошая земля. Хоть ты и хотел сделать добро, может, как раз туда ты и не попал. Если отправиться в ту сторону света, откуда приходит прохладный ветерок, там обязательно должна быть хорошая земля. Думаем мы послать другую уважаемую птицу. Если так поступим — не обидишься ли, услышав, что будешь снят с должности *тойона*? Таков ведь закон, — сказали хором.

— На что же буду обижаться? Обижаться тут не на что, — сказал беркут.

9 Тогда весь пернатый крылатый народ, что зовется птицами, обращаясь к журавлю, сказал:

— Ты ведь, журавль-*тойон*, почтенный старец, самый благородный из нас, и летаешь хорошо, и видом своим прекрасен, ты ведь

кураанах даҕаны сиргэ түһэр көтөр буоллаҕын, үөнү-көйүүрү даҕаны сиигин. Онтон уу буоллаҕына — атаҕын туххары кэһэ сылһан эмиэ аһыан. Иньэ гыннаҕына — биһиги эйигин талабыт тойонунан даҕаны, бу сири дэ баран көрөн кэлэргэ.

— Ээк, үчүгэй, бардаҕым; талбыккытыгар махтанабын, — диэбит туруйа.

10 Иньэ гынан баран, муньахтаан турар дьон ортотугар киирбит. Оччоҕо лахаатта диэн ааттаах кус баара үһү — куһаҕан, куччугуй, кылгас богдо. Ол кус туран эппит:

— Алаатыка! Осустумалаан туран, сүүмэйдээн таллахтарын көтөр саамай толкута суоҕун!.. Ити кыыл атаҕа эрэ үһунунан, киэһэ-сасырда ыһыыта эрэ мэнигинэн, улаханынан, моойно эрэ куохайбытынан сүөһү диин. Ити кыыл иһигэр мэйиитигэр туох өй-санаа баар буолуоҕа диэ саныыгыт?.. Мин санаабар, ити кыыл, биир ханнык эмэ алчахтаах*, тыймыттаах күөлгэ тиийэн баран, онно аһаан, куолахтаан-куолахтаан баран кэлиэҕэ!

Маны истэ түһэн баран, туруйа туран, сапта түс лахаатта үрдүгэр. Сапта түһэн, тэһитиэҕэ доо? Турбат гына табыталын*, атаҕын тостурута кырбаан, тыынын быһаары гыммытыгар, дьон быыһаан ыл.

11 Лахаатта тыына эрэ хаалан баран, санара сыппыт:

— Алаатыка, абытайбын-халахайбын! Алаатыка, мунмун-сорбун! Осустума ортотугар ким даҕаны, хайа да тылы этэрэ көнүлэ, буруйдаах тылы тылласпыта дьонунан таҕыстаҕына, буруйугар туруоҕа, — диэн маны этэллэрэ ини? Көрүҥ, талбыт киһигит кэрсиэтин, көхсө киэҥин! Алаатыка, өлөрдөҕө абатын!

— Кирдьик даҕаны, сымыйанан ити курдук дьүүллээтин, тойоммуот: син буруйа тахсыах этэ буоллаҕа диин... Биһиги дьөксө эйигин таһааран кэбиһиэхпит (этэ), атын ааньа суох! — дэһиспиттэр.

Онуоха лахаатта часкыйа сыппыт:

— Алаатыка, абаларын! Ким даҕаны ааньа суох дииллэрэ баар эбэт! Көрбөккүт доо — ол олорор ааттыын-баҕастыын тойон — тойон обургуну? Ким кини курдук ырааҕы көрүүһү? Ким кини курдук үрдүктүк көтүүһү? Ким кини курдук кэрсиэ киэҥ санаалаах баарый? Сорох иһиги анардас тумсугут да үһунугар сөрөнө сылһыахкыт.

— Кирдьик даҕаны, ити баар эбэт, төрүт-уус үтүөбүт-маныбыт, кэрсиэбит-күүстээхпит! Кирдьик даҕаны[7], кини сылһыбатын ким сылһыаҕай? Кирдьик даҕаны[8], кини көрбөтөҕүн-тойоннооботоҕун ким тойоннуоҕай?.. Кинини таллахпыт, кинини көрдөстөхпүт! — дэсиһэн, суугунаһан тойону талан ыыппыттар.

можешь и на сухую землю опуститься, и насекомыми питаться. А если вода — сможешь найти пропитание, ступая по воде длинными ногами. Поэтому мы выбираем тебя *тойоном* и тем, кто отправится, осмотрит ту землю и вернется.

— Ну хорошо, отправлюсь; благодарю, что выбрали, — сказал журавль.

10 А затем вошел в круг собравшегося народа. Говорят, была тогда утка по названию *лахаатта* — невзрачная, маленькая коротышка. Та утка вдруг сказала:

— *Алаатыка*! Собрали общую сходку и из всех птиц выбрали самую бестолковую!.. У этой птицы только и всего, что ноги длинные, а утром и вечером бестолково вопит, а рост большой, а шея вытянутая. Какой же, думаете, ум-разум есть в голове у этой птицы?.. По-моему, добравшись до первого озера с лягушками да ящерицами, эта птица свой зоб там набьет и вернется!

Выслушав это, журавль как напал на *лахаатту*! Напав, неужто не осилит? Избил ее так, что она не могла стоять, крылья и ноги ей переломал, собирался и жизни лишить, да народ спас.

11 Лежит *лахаатта*, еле дышит и говорит:

— *Алаатыка*, мочи нет, больно! *Алаатыка*, горе-мучение мне! Говорят, на общей сходке кто угодно какое угодно слово волен говорить, а если скажет неправедное слово и это навредит людям, то он должен за это ответить, не об этом ли речь? Полюбуйтесь, какой умный, спокойный выбранный вами человек! *Алаатыка*, обрек на погибель!

— В самом деле, напрасно ты, наш *тойон*, так поступил: если бы она возвела на тебя напраслину, это бы раскрылось... Мы тебя оставили бы, другого порядочного нет! — заговорили все разом.

Лежит *лахаатта*, визжит:

— *Алаатыка*, горе вам! Надо же такое сказать, что нет другого порядочного! Разве не видите вон сидящего *тойона*-молодца — *тойона* и по имени, и по всему прочему*? Кто же еще увидит так далеко, как он? Кто же еще полетит так высоко, как он? Кто же еще есть с таким спокойным-рассудительным нравом, как у него? Кое-кто из вас живет, спотыкаясь о собственный клюв*.

— И вправду, ведь есть у нас самый знатный-родовитый, самый благородный-почтенный, самый мудрый-сильный! И вправду, если он не долетит, кто тогда долетит? И вправду, если он не увидит и не рассудит, кто тогда рассудит?.. Значит, выберем его, попросим его! — пошумев-погалдев, выбрали *тойоном* [орла] и отправили его.

9 Заказ № 61

Тойон көтөн кыскыйан кэлэн, бу сирдэри көрөн баран, төннөн тиийэн кэпсиэбит:

— Суманнык* үтүө, биир да оҕо өлүө суох, биир да сымыыт сытыйыа суох сирэ, — диэн.

12 Дьэ, арай, барылара кэлээри суугунаспыттарыгар, лахаатта диэн көтөр:

— Мин манна соҕотоҕун хааллахпына — өлүөм суоҕа доо? — диэн буол.

Ону барылара муньахтаан туран дьаһайбыттар:

— Лахаатта диэн көтөрү онно даҕаны барарыгар, онтон даҕаны манна кэлэригэр туруйа көхсүгэр олордо сырыттын: буруйдаах, илиитин-атаҕын тоһуппут кини баар! — диэн.

Туруйа манна ааньа кэлбэт буолта онтон. Барыллыа ол тохоруттан кистэнэн ойуурга саһа сыльар. Онтон лахаатта, аата боҕорҕоно аны, кини манна кэлбэт.

Дьэ, ити итинэн бүттэҕэ.

5. КҮН ТАХСАРЫН ХАЙАБЫТ УРУТ КӨРӨР

1 Онтон ханна баҕарар көтөр-сүүрэр барыта син мөккүөрдээх-иккиэрдээх олоххо үөскээн кэлбит эбит, сир-халлаан үөскүөҕүттэн. Ол быһыытынан арай биирдэ хоҥкучах баҕайы үрэххэ киирэн туран, тайахтаах кутуйах көрсүспүттэр. Сарсыарда күн тахсара буолан, халлаан сырдаан турар эбит. Бу турар бириэмэтигэр:

— Үһүн сотолоох киһи күн тахсарын урут көрөрө буолуо. Куччугуй сордоох онтон хойут көрөрө буолуо буолан баран, дьэ мөккүһэбин: дьэ мин урут көрөрүм буолуо, — диэн.

— Киммилээр*, онтон үһүн сотом да көмөлөһөн, хара тыа баһын курдары көрөн, мин урут көрөрүм буолуо, — диэн. Улахан мөккүөр буолар.

2 Бу мөккүөргэ буоллаҕына, кутуйах өйдөөҕүн өйдөөх, арҕаа тыа баһын көрөр эбит. Арҕаа тыа баһын көрдөҕүнэ буоллаҕына, күн сарданата ойуур төбөтүгэр тыгар эбит. Тайах буоллаҕына, били күн тахсар сирин — илин диэки көрөр эбит. Онто буоллаҕына били халдьаайы сирэйэ кинини бүөлээн, күлүктээн турар эбит. Кутуйах буоллаҕына:

— Оо, хайа, улуу тайах обургу, күн таххарын көрдүҥ дуо, эн обургу-у? Хата, мин былыр көрөн тураахтыыбын. Онон көр эрэ, көр эрэ!

Со свистом [рассекая воздух], орел осмотрел те земли, вернулся и рассказал:

— Это такая прекрасная земля, что ни один детеныш не погибнет, ни одно яйцо не протухнет, — сказал.

12 И вот, когда все зашумели, [собираясь] лететь, птица по названию *лахаатта* возьми и скажи:

— Разве я не умру, если останусь здесь одна? — сказала.

Тогда всей сходкой решили:

— Птицу по названию *лахаатта* и туда, и обратно пусть несет на спине журавль: это он виновник, сломавший ее руки-ноги! — сказали.

Поэтому журавль редко сюда стал прилетать. Беркут же с тех пор прячется, живет, скрываясь в лесу. А *лахаатта* теперь *богоргоно*, она сюда не прилетает.

Ну на этом, значит, и конец.

5. КТО ПЕРВЫМ УВИДИТ ВОСХОД СОЛНЦА

1 Со времен сотворения земли-неба все птицы-звери появляются на свете, как и везде, со спорами-раздорами, оказывается. Вот потому-то и встретились однажды, спустившись в долину речки с высокими крутыми берегами, мышь и лось. На рассвете, перед восходом солнца, небо посветлело, оказывается. В это время [мышь]:

— Существо с длинными ногами восход солнца, верно, раньше увидит. А маленький горемыка, верно, позже увидит, но все же поспорю: вот я, наверное, раньше увижу, — говорит.

— Кто зна-а-ет, может и вправду длинные ноги помогут мне: глядя сквозь верхушки дремучего леса*, я, наверное, раньше увижу, — говорит [лось]. Большой затевается спор.

2 А мышь — недаром смышленая — во время этого спора на запад на верхушки леса посматривает, оказывается. Когда на запад на верхушки леса смотрела, лучи солнца верхушки леса осветили, оказывается. А лось на восток, откуда восходит солнце, смотрит, оказывается. А там-то [небо] высокий берег заслоняет-затемняет, оказывается. Мышь же:

— О-о, ну-ка, почтенный лось-молодец, увидел ли ты, молоде-ец, восход солнца? А я уже давно стою и вижу. Смотри-ка, смотри-ка туда!

Тайахха* көрдөрбүтэ, били мас төбөтүгэр күнэ хайы үйэҕэ тыган турар эбит буоллаҕа.

Инньэ гынан төһө да үрдүк сотолоох буоллар, күн таххарын тайаҕа көрбөтөх. Быыкаа от-мас төрдүгэр олороччу кутуйах урут көрөн үөрүүлээх-кыайыылаах буолбута үһү диэн.

6. АТЫЫР УОННА АТЫЫР ОҔУС

(Кыһын уһаабыта, сайын кылгаабыта)

1 Аан дойдуну айан баран, таҥара киһиттэн ыйыппыт:

— Кыһыны уһун гынабын дуу, сайыны уһун оҥоробун дуу? — диэн.

Онно киһи эппит:

— Ити мин доҕотторбуттан, атыыртан уонна атыыр оҕустан ыйыт. Кинилэр тугу диэллэринэн буоллун, — диэн.

2 Таҥара атыыртан ыйыппыт:

— Эн кыһын уһун буолуон баҕараҕын дуу, сайын уһуон баҕараҕын дуу?

Онно атыыр эппит:

— Сайын уһун буоллун, кыһын мин туйаҕым туура тоҥоро бэрт.

3 Онтон таҥара атыыр оҕустан ыйыппыт:

— Эн туох диигин, кыһыны уһун гынабын дуу, сайыны уһатабын дуу?

Атыыр оҕус эппит:

— Эн кыһыны уһат, миэнэ сайын куйааска муннум сытыйар, — диэбит.

4 Дьэ таҥара кыһыны уһун оҥорбут, сайыны кылгас гыммыт.

Онтон кыыһыран атыыр туран атыыр оҕуһу муннуга тэппит — илин тиийһин көтүрү тэппит. Атыыр оҕус атыыры ойоҕоско кэйбит — үөһүн дьөлө аспыт. Дьэ онтон ыла сылгы сүөһү үөһэ суох буолбут, ынах сүөһү илин тиийһэ суох буолбут.

7. БАҔА БАҺЫЛЫК

1 Дьэ баҕа баһылык диэн олорбут. Көлөтө буоллаҕына, көлгөмө буоллаҕына, уу кыыла, от-мас төрдө аһылыктаах күтэр кыыл көлгөмнөөх буолан үөскээбит. Ол сылдьан кини дьэ туран биирдэ улахан күтэри тутан ылан, муннуттан үүттээн, ат гынан миинньэн, көлө

Показала лосю, что солнце, оказалось, уже взошло, осветив верхушку того дерева.

Так лось, хоть и имел длинные ноги, восхода солнца не увидел. Маленькая же, под корнями трав-деревьев живущая мышь, раньше увидев, радовалась победе, так говорят.

6. ЖЕРЕБЕЦ И БЫК-ПОРОЗ*

(Как зима стала длиннее, а лето короче)

1 Сотворив весь мир, бог у человека спросил:

— Мне зиму сделать длинной или лето сделать длинным? — сказал.

На это человек ответил:

— Спроси у моих друзей — жеребца и быка-пороза. Как они скажут, пусть так и будет, — сказал.

2 Бог у жеребца спросил:

— Хочешь, чтобы зима была длинной, или хочешь, чтобы лето было длинным?

На это жеребец ответил:

— Пусть лето будет длинным, зимой мои копыта насквозь промерзают.

3 Потом бог у быка-пороза спросил:

— А ты что скажешь, зиму сделать длинной или лето продлить?

Бык-пороз ответил:

— Ты зиму продли, в летнюю жару у меня нос мокнет, — сказал.

4 Тогда бог зиму сделал длинной, а лето сделал коротким.

Из-за этого жеребец рассердился и лягнул быка-пороза в нос — верхние зубы ему выбил. А бык-пороз боднул жеребца в бок — желчный пузырь ему проткнул. Вот с тех пор у лошадей нет желчного пузыря, а у рогатого скота нет верхних зубов.

7. ЛЯГУШКА-ГОСПОЖА*

1 Ну вот, жила лягушка-госпожа. А в упряжке у нее упряжным скотом* водяной зверь: [лягушка] выросла, имея упряжным скотом крысу-зверя, питающуюся корнями растений. Жила она так: как-то раз поймала огромную крысу, ноздри ей проколов, конем сделала,

оҥостон, ырыаланан-тойуктанан, ыаһаҕыран-сэһэннэнэн айгыстан бөҕө сылдьыбыт үс дойдуну үрдүнэн хаамтаран, аан дойдуну барытын кэрийтэрэн. Ол сылдьан маннык диэн ырыалаах буола испит:

2 1 — Дьэ дуо, мин киһи
Баҕа баһылык буоламмын,
Харана далай тойонтон,
Көс уулаах дьэбэрэкэ тойоннуттан
5 Көҥүл ыламмын,
Күн дэлэгэй сиригэр
Күүлэйдиир санаа булунаммын,
Икки хос тиистэммит
Улуукан күтэри көлөнөммүн,
10 Үс кырыылаах
Манчаары от батастанаммын,
Ох саа оҥостоммун,
Сөкү төрдүн буламмын,
Токуччу баайаммын,
15 Кылааннаах сэп оҥостон,
Ох гына ыта оонньуу испитим,
Манчаарылааҕы баһынан,
Тыымпыны улаҕа өттүнэн,
Күөрэлээҕи илин өттүнэн
20 Күүлэй бөҕөтүн күүлэйдээтим.
Төккөлөөх алааһын соҕуруу баһыгар
Харана чүөмпэ таһыгар тиийэн,
Күтэр кыылым богдорус гынна,
Онтон таралыс гынна,
25 Тас иэмминэн ыыппыта.
Онтон бэттэх
Мин тас иэним дьураалаах,
Харалаах, өссө кыһыллаах.

3 Онон баҕа оннук ойууланан турар, күн уота сиэн диэн буолар.

8. КЫРЫНААС КУТУРУГА ТОҔО ХАРАЛАММЫТА

1 Кырынаас* былыргыттан уоруйах. Уоруйах буолан, биир ыалга киирэн, өтөр-өтөр уоран, сөһүөктэн хаһаммыт арыыларын сиир идэлээх.

— Туох бэйэлээх уоран, бу арыыбытын сиир баҕайыный?! Кутуйах да буолбатах быһыылаах, — диэннэр, сүрдээҕин кэтэспиттэр-манаспыттар.

верхом сев, в упряжную скотину ее превратив, разъезжала, забавляясь, с песней-*тойуком*, с рассказами, со многими благопожеланиями. Три мира* проехала, всю землю объехала. Разъезжая так, вот с такой песней ехала:

2

1 — Вот я какая,
Лягушкою-госпожою став,
У *тойона* темного омута,
У *тойона* болотной воды,
5 Позволение получив,
По земле со щедрым солнцем
Прогуляться надумала,
С двумя рядами зубов*,
Огромную крысу запрягши,
10 Из трехгранной
Травы-осоки *батас* сделала,
Лук сделала,
Корень сорной травы* отыскав,
Согнувши его, связав,
15 С острием оружие смастерила,
Стрелой из него стреляя, ехала, забавлялась.
В верховьях Манчаарылаах,
По дальней стороне Тыымпы,
По восточной стороне Кюёрэлээх
20 На очень многих гуляньях гуляла.
На южной окраине *алааса* Тёккёлёёх,
Достигнув темного омута,
Крыса-зверь споткнулась,
Потом кувыркнулась,
25 Меня на спину опрокинула.
С тех самых пор
Моя спина в полоску —
Черную и еще красную.

3 Вот так лягушка стала разукрашенной, говорят, что на солнце загорела.

8. ПОЧЕМУ У ГОРНОСТАЯ ХВОСТ ПОЧЕРНЕЛ

1 Горностай — вор с давних пор. Раз он вор, то, наведываясь в одну семью, имел привычку время от времени тайком съедать припасенное в сусеке масло.

— Кто же такой крадет и съедает наше масло?! Вроде не мышка, — так говоря, долго подстерегали-караулили.

2 Арай биирдэ сөһүөктэрин аспыттар — кырынаас куоппут. Маныаха дылы кырынаас мап-маҥана эбитэ үһү.

— Бу хара түөкүн киирэн, уоран сиир эбит, — диэннэр, эмиэ биир бириэмэҕэ хоруолаах үөт түрэхтэрин тутан тураннар, эмээхиинэ* аспыт, оҕонньоро тоһуйбут. Бэлиэлээх таххан истэҕинэ, бэлиэлээх кыанарын кыанар сулбу көтөн истэҕинэ, сөһүөк кытыытыгар кыһарыйан, үөт түрэҕинэн кутурук быһаҕыһыгар тарпыт.

3 Онтон ыла ити бэлиэлээх кутуруга үөт түрэх хоруотун курдук хара буолта үһү.

9. ЧЫЫЧААХ ИККИ МАҤЫС[1] ИККИ

1 Чыычаах икки маҥыс икки баар үһү. Дьукаакы* буолан олорбуттар. Куйаас кэлбит.

— Сиигирдэҕим[2] үһү, — диэбит маҥыс.

— Сөтүөлээ дээ, — диэбит чыычааҕа.

— Ууга өлөн хаалыам суоҕа буоллаҕа дуу?

— Оттон[3] туттус даа!

— Илиибэр быһа киириэ суоҕа дуу?

— Үтүлүктэн дээ!

— Үтүлүгүм илийэн хаалыаҕа (суоҕа) буоллаҕа дуу?

— Таһааран хатаран кэбис, дээ!

— Тоһута хатыа суоҕа буоллаҕа дуу?

— Имиттэн кэбис, дээ!

— Хайаан хотон имитиэмий?

— Балталаан кэбис дээ!

— Бай! Хайыта баран хаалыа суоҕа дуо?

— Тиктэн кэбис дээ!

— Иньэ илиибин суптурута киириэ суоҕа дуу?

— Сүүтүктэ кэтэн кэбис дээ!

2 — Кириэһин, иҥин-иҥин тыллаах абааһы! Сиэн кэбиһиэм эбэт! — диэн, маҥыс чыычааҕы хабан ылан, тимир үтэһэҕэ үөлэн кэбис.

— Маҥыс, бустум-бустум. Эргит дээ! — диэбит чыычаах.

Онуоха эргитэн биэрбит маҥыс.

— Маҥыс, бустум-бустум! Сиэ-сиэ! — диэбит чыычаах.

3 Ону маҥыс ылан, бүтүннүү ыйыстан кэбиһэн баран, үтэһэтин салыы олорбут.

2 И вот как-то раз сусек открыли — выбегает горностай. До той поры, говорят, горностай был белым-белым.

— Оказывается, это черный разбойник, забираясь, крадет и съедает [масло]! — так сказав, один раз взяли ожиг в саже: старушка открывает, а старик встречает. Когда горностай* выбегал, горностай, ловкий из ловких, проскользнув, выскакивал, — прижав его к краю сусека, [старик] ожигом задел половину хвоста.

3 Вот с тех пор, говорят, хвост горностая стал черным, как сажа на ожиге.

9. ПТАШКА И *МАНГЫС*

1 Были, говорят, пташка и *мангыс*. Жили вместе в одном доме. Наступила жара.

— Вспотел-то я как, — сказал *мангыс*.

— Ну искупайся, — ответила пташка.

— Не утону ли в воде?

— Ну ухватись за осоку!

— Не врежется ли в руку?

— Ну надень рукавицы!

— Не намокнут ли мои рукавицы?

— Ну отнеси да высуши!

— Не рассохнутся ли?

— Ну разомни!

— Как же смогу размять?

— Ну побей молотом!

— *Бай*! Не разорвутся ли?

— Ну зашей!

— Не проколет ли иголка руку?

— Ну надень наперсток!

2 — *Кириэсин*, всякие разные слова у *абаасы*! Съем-ка тебя! — сказав, *мангыс* схватил пташку ну и насадил ее на железный рожон.

— *Мангыс*, поджарилась-поджарилась я! Поверни же! — сказала пташка.

Тогда *мангыс* ее повернул.

— *Мангыс*, поджарилась-поджарилась я! Съешь-съешь! — сказала пташка.

3 *Мангыс* ее снял, целиком проглотил, сидит, свой рожон облизывает.

— Сытыйдым-сытыйдым! Тахсан киирэн (таһааран) кэбис, — диэбит чыычаах, маҥыс иһин дьөлө тарбыы-тарбыы.

— Сууй-йэ! Кириэһин иҥин-иҥин тыллаах абааһы! — диэн, тахсан киирэн кэбиспит төҥүргэс төрдүгэр.

4 — Маҥыс-маҥыс ыта, кэлэн сиэ! Хатан хаалаары гынным, — диэбит чыычаах.

Ыт кэлэн, биирдэ ыйыстан кэбиспит.

— Маҥыс-маҥыс ыта, сытыйдым! Таһааран кэбис, — диэбит чыычаах, ыт иһигэр сытан.

Маны ыт төҥүргэс төрдүгэр тахсан киирэн кэбиспит.

— Айыыта суох бэрт буолар ибит! Бу аныаха дили сырдыгы (күнү) көрө сыттаҕым! — диэн, хараҕын кылаччы көрө сыппыт.

5 — Сууй-йэ! Кириэһин, иҥин-иҥин тыллаах абааһы! Бэйэ, мин эйигин тутуугун тутуом, — диэн, маҥыс бүтүн арбайы төрүттэри баҕастары түөрэ тардан ылан, күүһүн мунунан түһэрбит ыт киитин төбөтүн үүтүн[4] устун.

Онуоха ол ыт киитэ үлтү баран, халлаан түөрт муҥнугар «чалып (чачып)» диэн («чып-чап» гынан), көтөр иҥин[5] араахынайа буолан — көппүт үһү. Маҥыс халлааны көрөн баран:

— Кириэһин, иҥин-иҥин буолар абааһы! — диэн хаалбыт үһү[6].

10. ТЭЭЛЛЭЙ ЭМЭЭХСИН

1 Былыр биһиги Сахабыт сиригэр киһи-сүөһү кэнэнин эрдэҕинэ, Тээллэй эмээхсин диэн олорбута эбитэ үһү. Биир кунаак кыыстаах, күөрт ыттаах, биэс ынахтаах, саһылыкаан албын диэн ыаллаах эбит.

2 Биирдэ Тээллэй эмээхсиҥҥэ хоно кэлбит. Ол хоно кэлбитигэр Тээллэй эмээхсин:

— Ыалым, саһылыкаан албын, олоҥхолоо эрэ, — диэбит.

Ону буоллаҕына:

— Биир ынаххын биэрэр буоллаххына олоҥхолуом этэ, — диэбит.

— Дьэ биэриэҕим, олоҥхолоо, — диэбит.

Онно бу курдук олоҥхолообут:

— Тээллэй эмээхсин тэллэрис,
Кунаак кыыс кунгкус,

— Сгнила-сгнила я! Сходи на двор (выпусти), — сказала пташка, царапая-царапая живот *мангыса*.

— *Сууй-йэ*! *Кириэсин*, всякие разные слова у *абаасы*! — с этими словами сходил у основания пня.

4 — Собака *мангыса-мангыса*, приди, съешь! Засыхаю, — сказала пташка.

Собака пришла и разом проглотила.

— Собака *мангыса-мангыса*, сгнила я! Выпусти, — сказала пташка, лежа в животе собаки.

Тогда собака сходила у основания пня.

— Хорошо быть без греха, оказывается! Вот до сих пор жива: лежу, вижу свет (солнца), — приговаривая, лежала, смотрела, поблескивая глазками.

5 — *Сууй-йэ*! *Кириэсин*, всякие разные слова у *абаасы*! Погоди, уж я за тебя возьмусь, — сказав, *мангыс* целый куст со всеми корнями выдернул и со всего маху опустил в самую середину собачьего помета.

Тогда тот собачий помет, раскрошившись, превратился в разных птиц и со звуком «*чалып* (*чачып*)» (щебета «*чып-чап*») разлетелись они во все четыре стороны неба, говорят. *Мангыс* глянул на небо:

— *Кириэсин*, всякой всячиной стал *абаасы*! — и с этими словами, говорят, остался.

10. СТАРУШКА ТЭЭЛЛЭЙ

1 В старину, когда на нашей якутской земле люди-скот были доверчивы, жила, говорят, старушка Тээллэй. Были у нее, оказывается, одна дочка-грибок, желто-серая собака, пять коров и соседка лисичка-обманщица.

2 Однажды [та] приходит ночевать к старушке Тээллэй. Когда пришла ночевать, старушка Тээллэй:

— Соседка моя, лисичка-обманщица, сказывай-ка *олонхо*, — сказала.

На это:

— Если дашь одну свою корову, буду сказывать, — сказала.

— Ну отдам, сказывай, — сказала.

Тогда вот так сказывала:

— Старушка Тээллэй пластом,
Дочка-грибок ничком,

Күөрт ыт күөкэрис,
Аҕыс баҕана адаарыс,
Тойон өһүө тоҥхос,
Биэс ынах бэриэнньик, — диэн. Биир киэһээҥи итинник бүппүт.

3 Онтон буоллаҕына, сарсынын киэһэтигэр, ынаҕын илдьэн эҥиннээн баран, иккис киэһээтигэр эмиэ киирбит.

— Хайа, ыалым олоҥхолоо эрэ, — диэбит.

Ону буоллаҕына, эмиэ бээһээ киэһээҥҥитин курдук ис хоһоонноон:

— Тээллэй эмээхсин тэллэрис,
Кунаак кыыс куҥкус,
Күөрт ыт күөкэрис,
Аҕыс баҕана адаарыс,
Тойон өһүө тоҥхос,
Биэс ынах бэриэнньик, — диэбит.

4 Иккис хонугун утуйан баран эмиэ кэлбит үһүс киэһэтигэр. Онно эмиэ эмээхсинэ эппит:

— Хайа, олоҥхолуугун дуо бу киэһэ эмиэ? — диэбит.

— Олоҥхолоон, олоҥхолоон ынах биэрэр буоллаххына, — диэбит.

— Тээллэй эмээхсин тэллэрис,
Кунаак кыыс куҥкус,
Күөрт ыт күөкэрис,
Аҕыс баҕана адаарыс,
Тойон өһүө тоҥхос,
Биэс ынах бэриэнньик, — диэн үһүс* ынаҕын илдьэн, дьиэтигэр баран хаалар.

5 Онтон эмиэ төннөн кэлэр ол киэһэ. Тээлэй эмээхсин этэр:

— Олоҥхолоо эрэ, — диир.

Ону буоллаҕына:

— Олоҥхолуубун, ынах биэрэр буоллаххына, — диир.

— Ээ, биэриэм, биэриэм, — диир.

— Тээллэй эмээхсин тэллэрис,
Кунаак кыыс куҥкус,
Күөрт ыт күөкэрис,
Аҕыс баҕана адаарыс,
Тойон өһүө тоҥхос,

Желто-серая собака клубком,
Восемь столбов вразброс,
Главная матица в наклон,
Пять коров в придачу, — [вот так] сказывала. Так закончилось [сказание] в этот вечер.

3 А потом, на следующий вечер, уведя корову и закончив с делами, на второй вечер [лиса] опять пришла.

— Ну, соседка, сказывай-ка *олонхо*, — сказала [старушка].

На это опять теми же словами, что вчера вечером:

— Старушка Тээллэй пластом,
Дочка-грибок ничком,
Желто-серая собака клубком,
Восемь столбов вразброс,
Главная матица в наклон,
Пять коров в придачу, — сказала.

4 Два раза переночевав, на третий вечер снова пришла. Тут старушка опять сказала:

— Ну будешь в этот вечер снова сказывать *олонхо*? — сказала.

— Буду сказывать, буду сказывать, если отдашь одну корову, — сказала.

— Старушка Тээллэй пластом,
Дочка-грибок ничком,
Желто-серая собака клубком,
Восемь столбов вразброс,
Главная матица в наклон,
Пять коров в придачу, — сказала и ушла домой, уводя третью корову.

5 А потом в тот же вечер опять возвращается. Старушка Тээлэй говорит:

— Сказывай-ка нам *олонхо*, — сказала.

На это:

— Буду сказывать, если отдашь корову, — говорит.

— *Ээ*, дам, дам, — говорит.

— Старушка Тээллэй пластом,
Дочка-грибок ничком,
Желто-серая собака клубком,
Восемь столбов вразброс,
Главная матица в наклон,

Биэс ынах бэриэнньик, — диэн, төрдүс* ынаҕын илдьэ баран хаалар.

6 Баран хаалан баран, эмиэ бэһис киэһэтигэр эмиэ кэлэр. Бэһис киэһэтигэр кэлэн баран:

— Дьэ олоҥхолуубун, — диир.

— Олоҥхолуугун дуо? — диэбитигэр:

— Олоҥхолоон, олоҥхолоон, — диир. — Ыһах биэрэр буоллаххына, саатар эрэ дуо! — диир.

Эмиэ бэһис ынаҕын биэрэргэ хандарааттаһан*, олоҥхолуубун диир бу курдук:

— Тээллэй эмээхсин тэллэрис,
Кунаак кыыс куҥкус,
Күөрт ыт күөкэрис,
Аҕыс баҕана адаарыс,
Тойон өһүө тоҥхос,
Биэс ынах бэриэнньик, — диэн, бэһис ынаҕын илдьэ баран барар.

Ол түүн Тээллэй эмээхсин дьиэтин-уотун түннүгүн-үөлэһин ынах сааҕынан сыбаан, тоҥоттоон кэбиспитэ.

7 Сарсыарда кунаак кыыс туран уотун оттоору гыммыта — уота умайбат, таһырдьа тахсаары гыммыттара — ааннара аһыллыбат. Сол курдук Тээллэй эмээхсин, кунаак кыыс, күөрт ыт — барыта өлөнсүтэн, суох буолан хаалбыттар.

8 Онтон Тээллэй эмээхсин баайын байан, тотун тотон, саһылыкаан албын күн бүгүнүгэр диэри олорбута эбитэ үһү.

11. БӨРӨ УОННА ОҔОННЬОР

1 Былыр биир сиргэ арай биир оҕонньор баар үһү. Бу оҕонньор суоччоҕотох* үһү — оҕо да, ойох да суох. Туга да суох буолан, чугастаанҕы ыаллыттан умналаан ылан, онон аһаан иитинэр эрэйдээх үһү. Чугас соҕус кини олорор сириттэн биир бөлөх ыал баарыттан сотору буола-буола баран умналаан, тыҥалаһан-туйахтаһан, ону сүгэн аҕалан, бэйэтин дьиэтигэр аһаан иитиммитэ буолар эбит. Бу да буоллар бэйэтэ син балаҕаннаах.

2 Арай бииддэ* бу ыаллыттан умналаан сордонон, хааҕа сээкэй кыраны булбутун сүгэн баран, тайахтан<ан> бөкөйөн истэҕинэ, кэнниттэн туох да кэлбитин билбэтэ, арай биирдэ тыас тыаһа тигиниир-

Пять коров в придачу, — сказывает и уводит четвертую корову.

6 Уходит, на пятый вечер опять приходит. На пятый вечер, придя:

— Ну буду сказывать *олонхо*, — говорит.

— Что, будешь ли сказывать *олонхо*? — когда спросила:

— Буду сказывать, буду сказывать, — говорит. — Как же, конечно, если отдашь корову! — говорит.

Опять, уговорившись, что дадут пятую корову, согласилась сказывать вот так:

— Старушка Тээллэй пластом,
Дочка-грибок ничком,
Желто-серая собака клубком,
Восемь столбов вразброс,
Главная матица в наклон,
Пять коров в придачу, — сказывает и уводит пятую корову.

В ту же ночь старушка Тээллэй, залепив окно [и] дымовое отверстие коровьим навозом, выморозила свое жилище-очаг.

7 Утром дочка-грибок встала, хотела развести огонь — огонь не разгорается, хотела выйти во двор — дверь не открывается. Вот так старушка Тээллэй, дочка-грибок, желто-серая собака — все умерли-пропали, их не стало.

8 Богатством старушки Тээллэй обогатившись, достатком ее довольствуясь, лисичка-обманщица, говорят, до сегодняшнего дня жила, оказывается.

11. ВОЛК И СТАРИК

1 В старину в одной местности жил, оказывается, один старик. Этот старик, говорят, был одинокий — ни ребенка, ни жены у него нет. Ничего не имея, питался-кормился, говорят, бедняга, тем, что выпрашивал у ближних соседей. У большой семьи, жившей поблизости от его жилища, время от времени он выпрашивал легкие-копыта, взвалив на спину, приносил домой и этим пытался прокормиться, оказывается. Хоть и так, все же был у него свой балаган.

2 Вот как-то раз, когда старик, согнувшись, неся на спине суму со всем, что с трудом выпросил у этих соседей, с палочкой шел — сзади кто-то его нагнал, он не разобрал, кто. Только вдруг что-то загрохо-

гэ дылы гынна да — оҕоньньор сиргэ кэлэн хаалы<ы>н байдыын төкүнүс гына түстэ. Арай бу сытан көрдөҕүнэ, үрдүгэр биир сүрдээх сүүнэ торҕоннообут сур бөрө кэлэн, таҥнары өҥөйөн турар эбит. Оҕонньор ыксыыр:

— Дьэ бүттэҕим, сиэтэҕэ, аны кэлэн киһи буолуом <дуо>? — диир уонна бөрөттөн көрдөһөр бу курдук диэн:

— Дьэ, хара тыа адьырҕата, эн үһүн суолгун уймаабытым* суоҕа, эн кэтит суолгун кэспитим саастаах үйэбэр суоҕа. Миигин сиэмэ, миигин да сиэн, син да сиэн, улаханнык туһаныаҥ суоҕа. Дьэ, ааттаһабын-көрдөһөбүн! — диэн.

3 Оччотоонуга былыр киһи-сүөһү маннай үөскүүрүгэр киһи-сүөһү тэҥҥэ кэпсэтэллэрэ, түөт атаҕтаахтар* эмиэ киһи көрдүк саҥараллара үһү. Онон бөрө икки, оҕонньор икки, икки киһи көрдүк, кэпсэтэн барбыттар.

Бөрө оҕонньорго бу курду<к> диэбит:

— Дьэ, мин эйигин сибилигин хайаан да сиибин. Бу тоҕус аттаах тоҕус* эр бэрдэ дьон, тоҕус түүннээх күн буолла бу миигин эккирэппиттэрэ, өлөрөөрү. Билигин эккирэтэн субу чугаһаатылар, онон эйигин сиэммин, мин өл хабан барыах кэриҥнээхпин!

— Кэбис, чэ инньэ диэмэ, сиэмэ, ааттаһабын, — диир оҕонньор эрэйдээх.

4 — Чэ, арай мин эйигин ыытыам этэ, арай бу миигин эккирэтэн иһэр тоҕус аттаах дьон өлөрөллөрүттэн быыһаан хаалларгын. Ол эрэ үтүөтүгэр-өҥөтүгэр, арай, сиэм суоҕа этэ, — диир бөрө.

— О, хайтах* диэн эттэҥий ити?! Ол тоҕус аттаах дьон күүстэриттэн күүһүм ордук, өйдөрүттэн өйүм ордук буолан, өйдөрүн сүүйэн быыһаан хаалыам ду, эбэтэр эн күүскүттэн күүстээх, эн атаҕыҥ быһыйыттан быһый буоламмын быыһыам, эйигин өрүһүйүөм ду? Дьэ ити хайтах да сытаммат* суолу эттиҥ, кэбис миигин сиэмэ, көрдөһөбүн-ааттаһабын! — диир.

— Чэ, оччоҕо сибилигин мин манна сииби<н>! Эн быыһыргын соруннаххына, хайаан да быыһырдаахха. Хайтах быыһаабат буолуоҥуй?! — диир бөрөтө.

— Дьэ, оччоҕо эн бэйэҥ сүбэлээ, ол көрдүк* хайтах быыһаан ылардаахпын, — диир оҕонньор.

— Чэ, оччоҕо үтүөнү үтүөнэн боруостуоҥ буоллаҕына — сөп. Эн бу көрдүк гын. Ити* хааҕар ылан миигин ук уонна тиһэн баранҥын сүгэн кэбис. Онуоха миигин эккирэтэн иһэр дьоннор ситтэхтэринэ

тало, тут же старик со своей сумой-поклажей кубарем покатился на землю. И вот лежит и видит: стоит, склонившись над ним, оказывается, огромный голодный волк. Старик испугался:

— Вот и конец, съест ведь, теперь-то пропаду, — сказал и вот так просит волка:

— Ну, хищник черного леса, по твоей длинной тропе я не ходил, никогда в жизни твою широкую тропу не топтал. Не ешь меня. Ну съешь меня, ну хоть и съешь, большой выгоды не получишь. Ну прошу-умоляю! — говорит.

3 В старину, когда человек и животные только появились, человек и животные говорили одинаково, четвероногие разговаривали, говорят, так же, как люди. Поэтому волк и старик стали разговаривать, как два человека.

Волк так сказал старику:

— Ну я тебя сейчас непременно съем. Вот за мной уже девять суток гонятся, чтобы убить, вот девять лучших всадников на девяти конях. Уже догоняют, вот-вот настигнут меня, поэтому съем тебя — я должен, подкрепившись, бежать!

— Ну постой, не говори так, не ешь меня, прошу! — говорит бедный старик.

4 — Ну, пожалуй, я отпустил бы тебя, если бы ты спас меня от преследующих девяти всадников, пытающихся меня убить. Только за такое добро-благодеяние я бы, пожалуй, не съел, — говорит волк.

— О, что же такое говоришь? Разве моя сила больше силы тех девяти всадников, разве мой ум изворотливее их ума, чтобы я мог их перехитрить и спасти [тебя], разве я сильнее тебя, разве мои ноги проворнее твоих, чтобы я мог выручить и спасти тебя? Просто невозможные вещи ты говоришь, нет, не ешь меня, прошу-умоляю! — говорит.

— Ну тогда я тебя тут же съем! Если уж постараешься спасти, обязательно должен спасти. Отчего же не спасешь?! — говорит ему волк.

— Ну тогда ты сам посоветуй, вот как, каким образом мне тебя спасти, — говорит старик.

— Ну если ты за добро отплатишь добром, — согласен. Ты вот как сделай. Посади меня в эту свою суму, завяжи ее и взвали [на

10 Заказ № 61

уонна ыйыттахтарына: «Бөрөнү билбэтим», — диэн мэдьдьэһэн кэбис.

5 — Дьэ сөп, буоллун, — диир оҕонньор уонна санныттан хаатын түһэрэн, тиһигин сүөрэн, хаа айаҕын атытан биэрэр бөрөҕө. Бөрө хааҕа иһигэр киирэн халаачыктанан, түүрүллэн-түүрүллэн баран, сытан кэбиһэр. Ону оҕонньор тиһэн баран (торҕоннообут бөрөҕө туох баар буолуой, толору от<ут> муунта суох эбит, быһыыта) тулуппакка сүгэн кэбиһэр уонна тайахтанан баран, бара<н> иһэр. Онно өр гыммакка эрэ тоҕус ат, тоҕус киһи, бөрөнү эккирэтэн иһэр дьоннор, ситэн тиийэн кэлэллэр уонна оҕонньортон ый<ы>таллар:

— Хайа, оҕонньор, бөрөнү көрдүҥ дуо, хайа диэки барда? Бу эккирэппиппит тоҕус түүннээх күн буолла!

Оҕонньордоро өс саҕа буолар:

— Суох, бөрөнү көрбөтүм*. Бөрөлөөххүт эрэ туохтааххыт, бу дьүһүннэнэн иһэр киһи тугу көрүөмүй, бэйэм умналаан сордон<он>, нэһиилэ тайаҕынан тэптэрэн иһэр киһи?

— Ээ, дьэ оччоҕо бу кэннибитигэр хаалбыт курунгар туораан хаалбытын көрбөтөх буоллахпыт, оччоҕо бургуйбут буоллаҕа. Чэ, төннүөҕүҥ* кэбис! — дэһэн баран, аттары эргитилиннэри тардан баран, көтүтэ тураллар төттөрү.

6 Оҕонньор билии дьон көстүбэт буолалларын кытары, хаатын санныттан түһэрэн, тиһигин сүөрэн, бөрөтүн таҕаарар уонна этэр:

— Чэ, эйигин өлөргүттэн быыһаатым, үтүө оннугар — үтүө.

Бөрөтө дөксө ордук сиэри гынар, дөксө ордук кыыһырыы бөҕөнү кыыһырбыт, абарыы бөҕөнү абарбыт.

— Икки атахтаах таах түөрт атахтаах оҥорбут үтүөтүн сааһын тоҕору билбитэ диэн суох! Оннооҕор буолуох үтүөнү оҥортордо ини, ол гынан баран биирдэ да билбэт, онон мин эйигин сиибин хайаан да, — диир тыллаах киһи буолла.

Оҕонньор ааттаһан хара сор буолар:

— Сиэмэ да сиэмэ! Туох буруйбар сиигин? — диэн.

Дьэ ону биирдэрэ:

— Сиибин да сиибин, билигин дьэ сиэҕим, — диэн буолбут.

Онтон оҕонньор туран этэр бу курдук диэн:

— Кэбис, эн биһи үнсүөх, дьоҥҥо сыаналатыах, эн миигин баттаатын, төһө эмэ үтүөнү оҥорторон бараҥҥын, үрүҥ тыыҥҥын өрүһүйбүтүм кэннэ. Чэ барыах, кими көссөбүт да дьүүллэтиэхпит!

спину]. Когда преследующие меня люди догонят и станут выспрашивать, отрицай, говоря: «Не знаю волка».

5 — Ну ладно, пусть будет так, — говорит старик и, сняв с плеч суму, развязав завязки, распахивает перед волком суму. Волк в суму залезает, сворачивается калачиком, свернувшись-завернувшись, укладывается. (В голодном волке что же будет? — и полных тридцати фунтов нет, оказывается.) Тогда старик завязывает [суму], кажется, с легкостью взваливает ее на спину и с палочкой идет дальше и дальше. Тут вскоре девять человек — люди, преследовавшие волка на девяти лошадях, догоняют и спрашивают старика:

— Эй, старик, не видел ли волка, в какую сторону ушел? Вот уже девять суток так гонимся!

Старик им будто бы с негодованием:

— Нет, волка не видел. Хоть волка, хоть еще что разве сможет увидеть такой человек, как я: мающийся в нищете, еле бредущий с палочкой человек?

— Ээ, тогда, видно, не заметили, как он свернул в оставшийся позади нас сушняк, — там, видно, спрятался. Давайте лучше вернемся! — сказали друг другу и, повернув коней, поскакали назад.

6 Только тех людей не стало видно, старик, спустив с плеч на землю суму, развязав завязки, выпускает волка и говорит:

— Ну я тебя спас от смерти, [теперь] добро за добро.

Волк же еще больше хочет съесть, уж рассердился — так рассердился, уж разозлился — так разозлился.

— Не бывало такого, чтобы за весь свой век двуногий просто так признавал добро, сделанное четвероногим! Поболее этого, наверное, делал ему добра, однако никогда не признаёт. Поэтому я тебя непременно съем! — вот такие слова произносит волк*.

Старик замучился просить:

— Не ешь, не ешь меня! За какую вину хочешь меня съесть? — говорит.

На что тот:

— Съем, съем, сейчас же съем, — сказал, оказывается.

Тогда старик говорит вот так:

— Нет, давай мы с тобой пожалуемся, пусть люди рассудят. После того, как я сделал столько добра, после того, как я спас твою светлую душу*, ты меня обидел. Ну пойдем, кого встретим, того и попросим рассудить!

7 — Чэ буоллар да буоллун, дьоҥҥо да сыаналатыах даҕаны, — диэн баран, оҕонньордуун аргыстаһан баран иһэллэр. Арай бу баран иһэн көрдөхтөрүнэ, суол устун кинилэргэ утары биир сүрдээх үтүө ыт таҥхайа кырдьыбыта, баһын умсары тутан баран иһэр.

— Дьэ эн бу элбэх хаары бараабыт, элбэх эрэйи-буруйу көрбүт кырдьаҕаскын, быһыыта. Эн тохтуу түһэн, бу биһигини дьүүллэ<э>, сытамматах* дьон иһэбит. Бу бөрө миигин баттаата! — диэн баран, сиһилии кэпсээн биэрэр иистибиттэрин төрдүн.

8 Ыт саҥата суох толкуйдаан туран баран этэр:

— Дьэ саамай сөп, түөт атахтаах оҥорбутун икки атахтаах хайа да күн хаһан да билбитэ суох. Ол холобура маннык. Бу мин бу сордоно сыдьдьабын. Былыр оҕолоругар сүрдээх түгүнэс өлүүлээх ыал баара. Ол ыал оҕолоругар ымыы гынаары оҕону кытта миигин биргэ иипиттэрэ. Бу оҕо улаатан истэҕин<э>, ийэлээх аҕата өлөн хаалтара. Ону мин үөһэнэн көтөр кынаттааҕы быһа аһарбат, аллараһан сүүрэр атахтааҕы быһа аһарбат кытыгырас булчут этим. Инньэ гынан көтөр кынаттаах эгэлгэтин, сүүрэр атахтаах эгэлгэтин таһан аһатан, бу оҕону иипситим-аһаппытым* кыра эрдэҕинэ, улаҕан киһи оҥоортум. Онтон улахан киһи буолтун, дьиэлэммитин-уоттаммытын кэннэ хара тыа кылааннааҕын, сүүрэр атахтаах сүүмэрин бултааммын, кинини байытан, уот көрдүк отто ыал кэккэтигэр киллэрбитим. Аһыыр ас, таҥнар таҥас киниэхэ баар буолта.

Ол билигин буоллаҕына: «Бу кырыйда-буорайда, аны туһатыттан ааста», — диэн аһаппат-сиэппэт буолан хаалла. Кини санаалаах кэргэн ааҕа тобулута сынньаллар, дьиэҕэ көрбөттөр. Бэл оннооҕор мин үтүөбүн билбэтэ кини. Бастаан мин кинини киһи оҥооттум. Онтон, онтон отто ыал оҥордум, ону билбэтэ, кини миигин көмүскээбэт*, харыһыйбат. Инньэ гынан хоргутан бу атах мээнэ баран иһэбин, букатын арахсан. «Дьолбор-соргубар, баҕар, туох эмэ булт түбэһээрэй, туох эмэ иннибэр тосҕойон биэрээр<эй>, — диэн. — Эбэтэр ханна тийэн өлөбүн дуу?» — диэн. Онон икки атахтаах түөт атахтаах үтүөтүн билбэт, Бөрө сөпкө этэр эбит, — диэн баран аргыый аҕай ааһа турар.

9 — Мин кыдьдьыгым таҕыста, чэ, сиибин, үгүһү элбэҕи саҥарба*! — диэн баран, бөрө сиэри кириэтиир оҕонньору.

Оҕонньор эмиэ көрдөһөр:

— Хара тыа адьырҕата, бэйэҥ үҕүһү-элбэҕи билэр кырдьаҕас киһи буоллаҕын. Онон нэһилиэк кинээһигэр үҥсэн баран, улуус кулубатыгар үҥсүллэр. Онон, холобур ыт биһиэхэ нэһилиэк кинээһэ буоллаҕа,

7 — Ну пусть будет так, можно и на людской суд, — сказав, вместе со стариком [волк] идет. Идут так и вдруг видят: по дороге навстречу им идет, повесив голову, очень почтенный, состарившийся пёс.

— Вот ты, видно, много зим проживший*, много горя-страданий видевший старик. Постой-ка, рассуди ты нас: вот, не поладив, мы идем. Этот волк меня обидел! — сказав, [старик] подробно рассказал, о чем спор.

8 Пёс помолчал, подумал и говорит:

— Да, так и есть. То, что сделал четвероногий, двуногий никогда не признаёт. Вот тому пример. Вот я хожу, мучаюсь вот. В давние годы жила семья, у которой часто умирали дети*. Та семья, сделав меня для своего ребенка *ымыы*[-хранителем]*, воспитывала меня вместе с ребенком. Когда этот ребенок рос, его отец с матерью умерли. Тогда я был быстроногим охотником, не упускавшим летающих вверху пернатых, бегающих внизу четвероногих. Поэтому, принося разных летающих пернатых, разных бегающих четвероногих и кормя это дитя, воспитывая-кормя в малолетстве, взрастил его. После, когда он стал взрослым, обзавелся домом-семьей, я, охотясь на пушного зверя черного леса, охотясь на отборных четвероногих, его обогатил, семью сделал зажиточной*. И пища, чтобы есть, и одежда, чтобы носить, у него появились.

А вот сейчас, решив: «Вот состарился-одряхлел, стал теперь бесполезным», — перестал поить-кормить. Семья заодно с ним, каждый меня бьет, дома не держат. Даже моего добра не признал он. Сперва я его сделал человеком. Затем после этого сделал зажиточным семьянином — этого не признал, не защищает, не оберегает он меня. Вот почему, обидевшись на него и навсегда с ним расставшись, иду куда ноги ведут. «На мое счастье-удачу, может, какая добыча попадется, что-либо еще встретится, — думая. — А может, дойду куда-нибудь и умру?» — думая. Правда, что двуногий не признаёт добра четвероногого, волк правильно говорит, оказывается, — так сказав, пёс медленно прошел мимо.

9 — Моя правда вышла. Ну съем, много лишнего не говори! — сказав, напирает на старика волк, собираясь его съесть.

Старик опять просит:

— Хищник черного леса, ты старый человек, многое-всякое сам знаешь. Так вот, после жалобы наследному князю жалуются улусному голове, скажем, пёс нам вроде как наследный князь, теперь пожалу-

аны улуус кулубатыгар үнсүөх<х>э. Барыах, ким<и> көссөбүт — ыйытыах, тылбытын хат сыаналатыах, туох ханнык иккистээх буолар баҕадьыта!

— Дьэ, буоллар да буоллун, хат да сыаналатыах! — диир бөрө.

10 Эккиэн* арҕыстаһан эмиэ баран истилэр. Ол истэхтэринэ, биир сиргэ бэт үтүө диэн чаҥкырыын араҕас бэккэ кырдьыбыт, ырбыт сылгы арҕый аҕай хаһан аһаан сордоно турар. Бу акка тиийэн кэлэн баран оҕонньор этэр:

— Дьэ илэ Дьөһөҕөйүм оҕото, биһиги сытамматах дьон иһэбит. Бэт саастаах, үгүс элбэх эрэйи көрбүт кырдьаҕас киһи эбиккин, биһигини дьүүллэ<э>, тылбытын сыаналаа. Бу бөрө миигин баттаары гынна, быһыта! — диэн баран, быһааран иисээнин кэпсээн биэрдэ акка.

11 Ата маны истэн туран баран:

— Ити бөрө сөпкө этэр эбит, икки атахтаах түөт атахтаах үтүөтүн билбэт. Оннооҕор бу мин оҥорбут үтүөбүн иччим билбэтэҕэ. Бастаан ат убаһа эрдэхпинэ булан баран, тиийэнэ* ат буоларбын кытта миинэн, сырыы бөҕөнү сыдьдьан, айан бөҕөнү айаннаан, булт бөҕөнү бултаан аата суох үгүс туһаны — үгүс көлөһүммүн — ылбыта миигинэн. Таһаҕаһы тардан — <миэхэ тиийэр> моойноох тиһэнэ* суох этэ, сүүрэн — атахтаах тутуспатаҕа, киһи көрдүк эрдэхпинэ. Мин бу киһини байыппытым, үтүө ыал оҥоортум. Билигин миигинниин уон биэс аттаах. Ол аттары кытта бииргэ аһатар сиргэ. Ону ол кырдьан хаалбыт эрэйдээҕин, миигин, быһыта тэбиэлээн кырыыга анньан кэбиһэллэр уонна от үтүөтүн барытын урут сиэн кэбиһэллэр, тиистээхуостаах дьон урут, кинилэр. Инньэ гынан тиийим-уоһум бараммыт, кырдьыбыт-бодуорбут киһи мин астан мэлийэн хаалабын, хаары салаан сыдьдьабы<н>. Ону иччим аанньа ахтымына, миигин быыһаан аһаппат. Харахта синньэ диэммин, бу ханныгы эрэ хаһан аһыыбын өлбөт баҕатыгар, иччибиттэн туһунан арахсан баран, хоргутан-кутуруйан. Бөрө этэрэ сөп. Икки атах<таах> түөт атахтаах, түөт атахтаах туохтаах да өнөнү оноотту иһин билбэт*.

12 Дьэ бөрө дөксө ордук кыыһырар-абарар, дьэ сиэри гынар.

Оҕонньор:

— Сиэмэ да сиэмэ, буруйа суох киһибин, — диэн ааттаһар уонна этэр:

— Чэ, туох ханнык үһүстээх буолар, үнсүү даҕаны үһүстээх. Онон бастаан нэһилиэк кинээһигэр үҥүллэр, иккиһин буоллаҕына, онно табыллыбатаҕына, улуус кулубатыгар үнсүөхтээхпит, онтон табыллы-

емся улусному голове. Пойдем, кого увидим — спросим, пусть наш спор рассудит, все, что ни есть, бывает дважды!

— Ну ладно, будь что будет — пусть снова рассудят, — говорит волк.

10 Опять вдвоем идут. И вот на их пути в одном очень хорошем месте рыжая*, совсем одряхлевшая, отощавшая лошадь мучается — с трудом тебенюет*. Подойдя к этой лошади, старик говорит:

— Ну, истинное дитя Джёсёгёя*, мы, не поладившие люди, идем. Ты, старец преклонных лет, познавший много горя, оказывается, наш спор рассуди, слово наше оцени. Этот волк, видно, меня обидеть хочет! — сказал и подробно об их споре лошади рассказал.

11 Стояла лошадь, слушала это, потом:

— Этот волк правильно говорит, оказывается: двуногий не признаёт добра четвероногого. Даже вот сделанного мною добра мой хозяин не признал. Сначала, когда я была жеребенком, нашел меня. Как только я стала двухлеткой, много ездил на мне верхом, много странствовал, много промышлял, безмерно много пользы своим потом ему принесла. Когда я была в расцвете*, в тяге груза среди ломовых не было [мне] равных, в беге скакуны* [рядом] не держались. Я ведь обогатила этого человека, семью сделала почтенной. Сейчас у него со мной вместе пятнадцать лошадей. Вместе со всеми этими лошадьми держит [меня] на пастбище. А [там] меня, такую состарившуюся беднягу, лягая, оттесняют к краю и всё лучшее сено они, зубастые-губастые, раньше меня съедают. Поэтому я, старое дряхлое существо со стершимися зубами-губами, остаюсь без пищи, хожу, слизывая снег. Хозяин же, пренебрегая мною, отдельно меня не кормит, уморил. Будь что будет, из-за обиды-печали, расставшись со своим хозяином, кое-что вот откапываю, ем, не хочу умирать. Волк правильно говорит. Какое бы добро ни сделал четвероногий, двуногий не признаёт.

12 Ну волк еще пуще сердится-злится, вот-вот съест.

Старик:

— Не ешь, не ешь, я — безвинный человек, — так умоляет и говорит:

— Все, что ни есть, трижды бывает, и жалоба тоже трижды. Поэтому вначале жалуются наследному князю, если там неудача, во второй раз должны жаловаться улусному голове, если там нас постигнет

батахпытына, үсүһүн үнсүөхтээхпин куорат суутугар. Онон тылбын ыл<ын>ыахтааххын, кими көссөбүт да эмиэ ыйытынан, дьүүллэтэн көрүөҕ.

13 Бөрө сөбүлүүр, эмиэ чэ баран иһэллэр. Онуоха утары көссө түһэллэр кэтэҕэр кириэстээх, түөһүгэр күннээх, сирэйигэр ураанньыктаах хара саһылы.

— Дьэ бу, хара тыа маанылааҕа, хара тыа гиэнэ өйдөөҕө-санаалааҕа, бастың кылааннааҕа, кырдьаҕаһа, дьэ тохтоон биһигини дьүүллээ, улахан иисээннээх дьон иһэбит, — диэн баран, төрдүттэн кэпсээн биэрэр хайтах буолтарын уонна хайбаты* кырдьык этэр.

— Маны быһааран, ыраҥалаан кулу, — диэн оҕонньор көрдөһөр.

Саһы<л> олорон эрэ күлэр:

— Но, ноо! Дьэ төрүт сымыйанан* этэҕит, төрдүттэн барыта сымыйа. Хайтах бу бачча улаххан киһи бу хаа сыыһыгар батыай? Бөрө манна баппат. Тугу туойаҕыт? Кэбис, бу тылы тыллаһыман, төрүт сымыйа сэһэн! — диэн.

Оҕонньордоох бөрө:

— Кырдьык да кырдьык, дьэ дьүүллээ! Хааҕа, кырдьык, баппыта, — дии-дии айдааралларар.

Саһыл кырдьыктаммат.

— Но, ноо! Кэбис, сымыйа сэһэн*, — диэн баран ааһаары гынар.

Ону оҕонньор:

— Дьэ, кырдьык, дьүүллээ, тохтуу түс! Инньэ диэмэ, хара тыам маанылааҕа, бу билигин миигин сиэ<х> буолар, сытамматах дьоммут, быһаар! — диир.

14 — Дьэ оччоҕо, кырдьык буоллаҕына, бу хааҕа бөрөнү уган көрдөр. Батар эбит дуу, баппат эбит дуу? Оччоҕо харахпынан көрдөхпүнэ эр<э>, итэҕэйиэм! — диир саһыл.

— Дьэ буоллун, көрдөрүөх даҕаны. Кырдьык көрдөрүххэ, кини бэккэ итэҕэйбэт, — дэһэллэр бөрөлөөх оҕонньор.

Оҕонньор хаатын айаҕын атытан биэртигэр, бөрө киирэн куучаланан баран сытан кэбиһэр. Ону оҕонньор тиһэн кэбиһэр үчүгэйдик.

— Дьэ бии* итэҕэйбэтэҕин, батта буолбат дуо?! — диир оҕонньор.

Ону саһыл күлэн баран этэр:

— Дьэ тугу тураҕын? Охсуоххуна<н> оҕус, тэбиэххинэн тэп түргэнник, бу хааҕа сытар бөрөҕүн!

неудача, в третий раз [я] должен жаловаться городскому суду. Поэтому ты должен принять мое слово: кого встретим, того опять спросим, пусть попробует нас рассудить.

13 Волк соглашается, ну снова идут. И вот тогда навстречу им с черным загривком*, с отметиной на груди*, с белым пятном на лбу чернобурая лиса [идет].

— Ну вот, любимица черного леса, умница-разумница черного леса, лучшая из пушных зверей, старейшина, остановись и рассуди нас. Идем [мы], люди с большим спором, — сказав, с самого начала [старик] все рассказывает, как было, всю правду говорит.

— Вот это объясни, рассуди, пожалуйста, — просит старик.

Лиса сидит, смеется:

— Ну-ну... Ну всё неправду говорите, с самого начала всё неправда. Как такой большой человек поместится в такой маленькой суме? Волк сюда не влезет. Что вы тут напели? Бросьте, не говорите таких слов, это изначально лживый рассказ! — говорит.

Старик с волком:

— Правда-правда, ну рассуди же! И правда в суму поместился, — зашумели.

Лиса не верит:

— Ну да! Бросьте свои россказни! — сказав, хочет пройти.

На то старик:

— Ну правда, рассуди, постой! Не говори так, любимица черного леса, вот сейчас грозится меня съесть. Нам, не поладившим людям, растолкуй! — говорит.

14 — Ну если это правда, посади тогда волка в эту суму, докажи: войдет или не войдет? Только если увижу своими глазами, поверю! — говорит лиса.

— Ну ладно, покажем, что ли. Она никак не верит, и вправду покажем, — говорят волк со стариком.

Когда старик раскрыл суму, волк залез и, свернувшись в комок, улегся. Тогда старик крепко завязал суму.

— Ну вот, ты не верила, а ведь поместился! — говорит старик.

Лиса, рассмеявшись, сказала:

— Что же ты стоишь? Как можно скорее крепче бей, как можно сильнее пинай лежащего в суме своего волка!

15 Оҕонньор дьэ өйдөннө. Эттиэҥ эппэтиэҥ диэбит көрдүк тэбиэҕинэн тэбэн, охсуоҕунан охсон барда, бөрөтүн өлөрөн кэбистэ.

— Хайа, чэ, ити бөрөнү сүл, кытарарын* миэхэ биэрээр манньабар. Тириитин бэйэҥ харай, чэ, туттумаҕтаа! — диир оҕонньорго саһыл.

Оҕонньор хаатын сүөрэн бөрөтүн сүлэр уонна кытарарын (этин) саһылга быраҕан биэрэр.

Саһыл:

— Көрбөккүн ду, эйигин өлөргүттэн быыһаатым уонна эн таҥастанан хааллыҥ. Мин буоллаҕына, аска тийдим, — диэн баран, бөрө этин сиэн эрдэҕинэ, оҕонньор саһыл түөт атаҕын маһынан халбыйа биирдэ тосту охсон түһэрдэ.

Ол гынан баран бии үтүө* оноттorбут, үрүҥ тыынын өрүһүйбүт саһылын, бөрөтүн тириитин атыылаан, өлүөр дылы иитинэн баран, онон буорга кииттэ үһү.

12. ӨЙДӨӨХ ЫТ

1 Сааһын тухары баайга хамначчыттаабыт Сэмэн оҕонньор өлөн хаалбыт. Кини оҕолоро Эгиэнтэйдээх Ньукулай тулаайах хаалбыттар. Уолаттар аҕаларын оннугар баайга хамначчыт буолбуттар. Ол курдук сылдьан, улаатан баран, баай хара батталын тулуйбакка, иккиэн баайтан күрээн хаалбыттар. Билбэт хайаларыгар тиийэн, онно дьиэ туттан олорбуттар. Иккиэн ааттаах булчут буоланнар, тайаҕы таныытыттан, эһэни эмэһэтиттэн сиэппиттэр. Олус бэркэ олорбуттар.

2 Биирдэрэ, улахан уол Эгиэнтэй, булду батыһан, ыраатан хаалбыт, билбэт хайатыгар тиийбит. Хайа аннынан баран истэҕинэ, арай иннигэр сиргэ тиэрбэс курдук төгүрүк туох эрэ сытар. Эгиэнтэй муодарҕаан били төгүрүгү тайаҕын төбөтүнэн иилэн ылар. Онтута арай эриэн кыыл эбит — моонньугар эриллэ түһэр уонна:

— Икки кулгааххынан курдаттыы нөҥүө-маҥаа сылдьыым эрэ, — диэн сахалыы саҥарар, киһилии кэпсиир.

— Кэбис, — диир Эгиэнтэй.

— Оччоҕо сиэн кэбиһиэм, — диир эриэн үөн.

— Сиэмэ, оччоҕо, баҕар, курдаттыы сырыт даҕаны, — диир Эгиэнтэй.

3 Эриэн үөн курдаттыы сылдьымахтаан баран:

— Хайа, биллиҥ дуо? — диир.

Ону Эгиэнтэй:

— Суох. Тугу да билбэтим, — диир.

15 Вот старик опомнился. Как только услышал это, изо всех сил стал пинать, изо всех сил стал бить своего волка — и убил.

— Ну же, давай, сними шкуру этого волка, мясо его в награду отдашь мне. Шкуру бери себе, ну же, поторапливайся! — говорит старику лиса.

Старик суму развязал, шкуру с волка снял, а мясо бросил лисе.

Лиса:

— Вот видишь, я тебя спасла от смерти, теперь ты с одеждой. Мне же досталась пища, — сказала. И, когда принялась она есть мясо волка, старик, перебив палкой четыре ноги лисы, свалил ее насмерть.

После этого шкуру лисы, которая сделала ему добро, спасла его светлое дыхание, и волка продал, до самой смерти этим кормился, а потом, говорят, сошел в землю.

12. УМНАЯ СОБАКА

1 Старик Семен, всю жизнь пробатрачивший у бая, умер. Остались сиротами его дети, Иннокентий с Николаем. Стали парни вместо отца у бая батраками. Вот так жили, а когда подросли, не выдержав черного байского гнета, вдвоем от бая сбежали. Достигнув неизвестной горы, поставили там дом и зажили. Оба стали известными охотниками, лося за ноздри, медведя за зад водили*. Очень хорошо жили.

2 [Как-то раз] один из них, старший брат Иннокентий, погнавшись за добычей, далеко зашел, дошел до незнакомой горы. Идет под горой и тут [видит], перед ним на земле лежит что-то круглое, как кольцо. Иннокентий удивился, то кольцо концом палки поддел. Оно же змеем оказалось, [змей] его шею обвил и:

— Буду-ка я ходить напрямик сквозь твои уши туда-сюда, — по-якутски говорит, по-человечьи рассказывает.

— Брось, — говорит Иннокентий.

— Тогда съем, — говорит змей.

— Не ешь. Тогда уж, пожалуй, напрямик ходи, ладно, — сказал Иннокентий.

3 Змей, через его уши напрямик походив:

— Ну как, узнал ли? — говорит.

На то Иннокентий:

— Нет. Ничего не узнал, — сказал.

Онуоха эриэн үөн Эгиэнтэйгэ маннык кэпсиир:

— Мин былыр аптаах киһи этим. Онтон бэйэбинээҕэр ордук аптаах киһиэхэ түбэспитим. Ол киһи миигин: «Хайа иччитэ эриэн үөн буол!» — диэн кыраабыта — бу сытабын. Аны эн мантан антах көтөр-сүүрэр санатын истэр буолуоң.

4 Кыра уол Ньукулай дьиэтигэр кэлэн, убайын күүтэ сатыыр. Халлаан харанарар. Убайа биллибэт. Хаһыытыы-хаһыытыы, убайым муна сылдьан истэн кэлиэ диэн, маһы кырбыыр. Маһы сылайыар диэри кырбаан баран, дьиэтигэр олорор. Күүтэн-күүтэн көхсө көһүйбүтүн кэннэ убайа дьэ кэлэр.

— Хойуу булду булаары ааһа ыраатан сырыттым, — диир.

Эриэн үөн туһунан тугу да кэпсээбэт. Ити итинэн ааһар. Күн аайы Эгиэнтэй көтөр-сүүрэр санатын истэ сатыыр да, тугу кэпсэтэллэрин билбэт. «Эриэн үөн сымыйалаабыт буоллаҕа дуу?» — дии саныыр.

5 Уолаттар икки ыттаахтар. Биир киэһэ Ньукулай иһиттэҕинэ, ыттара ыйылыыллар. Эгиэнтэй иһиттэҕинэ — атыыр ыт тыһы ыкка манныгы кэпсиир:

— Хотуой, тугу истиэң-билиэң баарай? Мин биллим. Мантан иччилэрбит хамначчыттаабыт баайдара уон биэс көстөөх сиргэ олороллор эбит. Баай үс уолаттара олус күүстээх-уохтаах ороспуой дьон баалллар. Ол дьон биһиги иччилэрбитин ааттаан, муспут баайдарын, түүлээхтэрин халыы кэлэн иһэллэр. Манна түүн орто саҕана кэлиһилэр. Биһиги ити үс ампаары, өлүөхпүт да буоллар, манаан көрүөх.

Тыһы ыт:

— Эр киһи — эн манаа, — диир.

6 Итини истэн олорон Эгиэнтэй ыттарын таһырдьа таһаартыыр. Атыыр ыт урут ойор, тыһы ыт тахсымаары гыммытын үүрэн таһаарар. Эгиэнтэй тугу да аһаабат, уһуутаталыыр. «Ыарыйдым быһыллаах», — диир.

Уолаттар сыҥаһа оронҥо атахтаһан сыталлар. Түүн ортото арай ыттар үрэллэр, дьоннор чөттүүллэр, тууттар тыаһыыллар.

Ньукулай:

— Дьон кэллилэр, — диир.

Эгиэнтэй:

— Дьон буолбатах, баай уолаттара ороспуойдар халыы кэллилэр, — диир.

Тогда змей так рассказывает Иннокентию:

— Я в старину был колдуном. Потом попался более сильному колдуну. Тот человек меня заклял: «Будь змеем, духом-хозяином горы!» — вот и лежу. С этой поры ты теперь будешь слышать голоса птиц и зверей.

4 Младший сын Николай пришел домой, стал поджидать своего брата. Небо потемнело. Брат не идет. Кричит-зовет, по дереву колотит, думая, что заблудившийся брат услышит, придет. Устав колотить по дереву, стал ждать дома. Ждал-ждал, так что спина у него онемела, наконец пришел его старший брат.

— Чтобы найти богатую добычу, ходил очень далеко, — говорит.

О змее ничего не рассказывает. На том все и закончилось. Каждый день пытается Иннокентий разобрать голоса птиц и зверей, но никак не поймет, о чем они говорят. «Может, змей обманул?» — думает.

5 У братьев две собаки. Однажды вечером Николай услышал, как собаки скулят. На слух Иннокентий [разобрал], как кобель рассказывает суке следующее:

— Девка, что же ты можешь узнать-услышать? А я узнал. Бай, у которого батрачили наши хозяева, оказывается, живет в местности, что в пятнадцати *кёс* отсюда. Есть трое байских сыновей — очень сильные-вспыльчивые люди, разбойники. Те люди как раз идут к нашим хозяевам грабить накопленное богатство и пушнину. Сюда, видно, к полуночи явятся. Даже если придется умереть, мы попытаемся устеречь эти три амбара.

Сука:

— [Ты] мужчина — ты и стереги, — говорит.

6 Посидел, послушал это Иннокентий, выпустил своих собак во двор. Кобель раньше выскочил, не хотевшую выходить суку [Иннокентий] выгнал. Иннокентий ничего не ест, то и дело вздыхает: «Кажется, я занемог», — думает.

Парни спят на *ороне* друг к другу ногами. В полночь вдруг залаяли собаки, люди их отгоняют, скрипят охотничьи лыжи*.

Николай:

— Пришли люди, — говорит.

Иннокентий:

— Это не люди, байские сыновья-разбойники пришли грабить, — говорит.

7 Ааннарын хатанан олороллор. Ол олорон иһиттэхтэринэ: атыыр ыт үс ааҥҥа кэрийэ сылдьан үрэр, тыһы ыт үрэрэ биир аантан дэҥ иһиллэр, киһи айахалыыр, ыт ыйылыыр. Онтон уу чуумпу буола түһэр.

Уолаттар халлаан сырдаабытыгар тахсан көрбүттэрэ: тыһы ыт биир ааҥҥа түүрүллүөҕүнэн түүрүллэн баран утуйа сытар, атыыр ыттара ханна да суох. Тууттаах дьон суоллара кэлэн, мучумааннанан баран барбыттар. Ампаардар ааннара бүтүн тураллар. Уолаттар куттанан, ол күн ханна да барбакка олороллор. Ыттара — сүппүтүнэн.

Икки хонон баран, ыт ааны тарбыыр. Аспыттарыгар — атыыр ыттара иһэ хапсыйан, тириитэ унуоҕар аргыланан, аһара иэдэйэн, сылайан кэлэн турар эбит. Эгиэнтэй ытын тотуор диэри аһатар.

8 Атыыр ыт аһаан баран, тыһы ыкка маннык кэпсиирин истэр:

— Иччим истэригэр эттэхпинэ, эн дьахтартан куһаҕана эбиккин. Эн биир да ааҥҥын кыайан манаабатын. Улахан уолларын сүнньүгэр түһэн истэхпинэ, ортолоро быһаҕынан испин өлөрбүтэ. Кыра уолга баран истэхпинэ, улаханнара оҕунан ытан арҕаһым түүтүн солоппута. Кыра уолларын такымын иҥиирин быһа тарпыппар, соһуллан хаалла. Ону убайдара солбуһа сүгэн бардылар. Мин кэннилэриттэн батыстым. Бытааннара бэрт эбит. Ол иһин тумуһаҕы курдаттаан иннилэригэр түһэн, кэлбит суолларын батыһан дьиэлэригэр урут тиийдим.

Күрдьүктэригэр сыттахпына, дьиэттэн дьахтар таҕыста, ону кытта дьиэҕэ кииристим. Сүрдээх баайдык, маанытык олорор ыал эбит. Дьиэлээх эмээхсин уот иннигэр күскэйэн иттэ олорон, үөт түрэҕинэн уотун анньан сырдата-сырдата миигин одууласта. Онтон: «Кулҕаахтаах истибэтэх, харахтаах көрбөтөх сиригэр үтүө да ыттар үөскүүр буолаллар эбит. Ыл эрэ, хотуой, били чооҥку унуоҕун кутан биэр», — диэтэ. Дьахтар лааппыга турар мэһэмээни ылан, куһаҕан чабычахха унуох кутан биэрбитин сиэтим уонна эмээхсини: «Үс сыл буолан баран, чооҥку унуоҕар харан өлөөр!» — диэн кыраатым.

Уолаттар нөҥүө киэһэ тиийдилэр. Бырааттарын дьиэҕэ көтөҕөн киллэрбиттэрин көрөн, эмээхсин ытаата. Уолтан ыстаанын хайытан ыллылар. Онтон: «Ыттары таһаартаан!», — диэтилэр. Дьиэлээх ыттары кытта тахсыһан истэхпинэ, эдэр дьахтар миигин ойоҕоско тэбэн хаалла. Ону мин: «Ойоҕос ыарыы буолаар!» — диэн кыраатым. Аан ыксатыгар сытан иһиттэхпинэ — таҥараҕа үҥэллэр. Онтон биир уол саҥата: «Арааһа, ити абааһы ыт быһыылаах, ытан кэбиһиэххэ!» —

7 Сидят, заперев дверь. Вот слышат: обходя три двери, лает кобель, из-за одной двери изредка слышится лай суки, [вдруг] человек заохал, собака заскулила. После этого наступила тишина.

Когда небо посветлело, парни вышли, видят: у одной двери, свернувшись клубком, спит сука, кобеля нигде нет. Следы людей на лыжах появились, [люди] поплутали и удалились. Двери амбара стоят нетронутые. Испугавшись, парни в тот день никуда не пошли. А собака как потерялась, так и потерялась.

Через два дня в дверь скребется собака. Открыли — кобель с втянутым животом, с прилипшей к костям шкурой, очень утомленный, измученный пришел, оказывается. Иннокентий собаку досыта накормил.

8 Слышит, как кобель, поев, так рассказывает суке:

— Пусть хозяин слышит, скажу, что ты из женщин, оказывается, самая плохая. Ни одной двери ты не смогла устеречь. Когда я бросился на шею старшему сыну, средний из них поранил мне ножом живот. Когда кинулся к младшему сыну, старший из них содрал стрелой шерсть с моего загривка. Когда я их младшему брату вырвал жилы на ногах, [тот] идти уже не мог. Его братья по очереди понесли его на себе. Я вслед за ними. Очень медленно, оказывается, шли. Поэтому, пройдя напрямик через мыс леса, пришел по их следам раньше них в их дом.

Когда лежал на сугробе, из дома вышла женщина, с ней я попал в дом. Очень богатая, уважаемая семья оказалась. Перед очагом громоздясь, сидела, греясь, старуха, хозяйка дома, ожигом очаг вороша и огнем все вокруг освещая-озаряя, меня разглядывала. После этого: «В краю, о котором уши имеющий не слышал, глаза имеющий не видел, бывает рождаются, оказывается, самые лучшие собаки. Возьмика, девка, подай ему мозговую кость», — сказала. Женщина взяла стоящее на лавке берестяное лукошко, положила в старый *чабычах* [пустую] кость, я ее сгрыз, а старушку проклял: «Через три года умри, подавившись, [когда будешь грызть] мозговую кость!».

На следующий день парни добрались. Увидев брата, занесенного в дом, старуха заплакала. Разрезав штаны, с парня их сняли. Потом: «Выведите собак!» — сказали. Когда вместе с хозяйскими собаками я выходил, молодая женщина пнула меня в бок. Я ее проклял, сказав: «С больным боком будь!». Лежа под дверью, я услышал, как молятся богу. После этого голос одного парня: «Видно, эта собака — *абаасы*,

диэтэ. Ону истээт, бэттэх ыстанным. Биир уол тахсан оҕунан сыыһа ытан хаалла.

«Өссө тугу биллин?» — диэ! Аны уонча хонон баран, элбэх буолан оностон кэлэллэр. Иччим эмиэ мин кэпсиирбин истэн олорор. Онон дойду сирин буллахтарына сатанар.

9 Итини истэн баран, Эгиэнтэй Ньукулайга тугу билбитин дьэ кэпсиир. Сүбэлэһэллэр. Сарсыныгар баайдарын илдьэ дойду сиргэ көһөн хаалбыттар.

Уонча хонон баран баай ороспуой уолаттара уонча киһилээх кэлэн, уолаттар кураанах оннуларын көрбүттэр. Тоҥ суолларын тордообокко дьиэлэригэр төннүбүттэр.

Ол курдук, өйдөөх ыт иччилэрин көһөрөн, баай уолаттарыгар кураанаҕы куустарбыта үһү.

надо [ее] пристрелить!» — сказал. Услышав это, я сюда помчался. Один парень выскочил, пустил стрелу — мимо.

«Что еще узнал?» — спроси! Через десять дней, собравшись-подготовившись, все придут. Мой хозяин тоже сидит, слушает мой рассказ. Поэтому должны найти они обжитое место.

9 Услышав это, Иннокентий все, что узнал, наконец рассказал Николаю. Стали советоваться. На следующий день, собрав свое имущество, переехали на обжитое место.

Через десять дней с десятью людьми пришли байские сыновья-разбойники и увидели, что жилье парней опустело. По старому их следу не пошли, повернули домой.

Вот так умная собака, переселив хозяев, оставила, говорят, байских сыновей с пустыми руками*.

11 Заказ № 61

АЛЫПТААХ-ДЬИКТИЛЭЭХ ОСТУОРУЙАЛАР

13. ЧААЧАХААН-ЧААЧАХААН

1 Чаачахаан-Чаачахаан олорбута эбитэ үһү. Хабах Бас диэн оҕонньордоох эбиттэр, Кыл Күөмэй диэн кыыстаах эбиттэр, От Сото диэн уоллаах эбиттэр, Сэбирдэх Түөс диэн оччугуй уоллаах эбиттэр.

Бу дьоннор суос-соҕотох күрүөҕэ баппатах күрүҥ оҕустаахтар, алааска баппатах ала оҕустаахтар. Ол оҕустарын кинилэр саллар саастарын, үллэр үйэлэрин тухары курулаан, сылын аайы уота турбуттар.

2 Дьэ, биирдэ бары мунньустан олороннор, алааска баппат ала оҕустарын, күрүөҕэ баппат күрүҥ оҕустарын идэһэ оногостон сиигэ тэринэллэр. Үөрэн-көтөн бары сэргэхсийэ түһэллэр. От Сото уоллара икки ыаҕайаны ылан, күөлгэ уу баһа киирэр. Ол киирэн мууска хатыскалыы сылдьан, ыаҕастаах уутун тоҕо түһэн, мууска хам сыстан хаалбыт.

3 От Сото бу сытан маннык диэн кэпсээннээх буола сыппыт:

— Муус-муус, бэккин дуо? — диир.

— Муус-муус бэрдим ханна барыай!

— Муус-муус, бэт буоллаххына, күн-күн тоҕо быһа сиирий? — диир.

— Күн-күн, бэккин дуо? — диир.

— Күн-күн бэрдим ханна барыай! — диир.

— Күн-күн, бэт буоллаххына, былыт-былыт тоҕо хаххалыыр?

— Былыт-былыт, бэккин дуо?

— Былыт-былыт бэрдим ханна барыай!

— Былыт-былыт, бэт буоллаххына, тыал-тыал тоҕо кыйдыырый? — диир.

— Тыал-тыал, бэккин дуо?

— Тыал-тыал бэрдим ханна барыай!

— Тыал-тыал, бэт буолларгын, таас-таас хайа тоҕо мэһэйдиирий? — диир.

ВОЛШЕБНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

13. ЧААЧАХААН-ЧААЧАХААН

1 Жила, оказывается, Чаачахаан-Чаачахаан, говорят. Был у нее старик Хабах Бас, была у них дочь Кыл Кюёмэй, был у них сын От Сото, был у них младший сын Сэбирдэх Тюёс.

Был у этих людей единственный бурый бык, не вмещающийся в изгороди, пегий бык, не помещающийся на *алаасе*. Всю свою жизнь, весь свой век* держали они этого быка про запас, откармливали из года в год.

2 Ну как-то раз собрались все вместе и решили забить и съесть пегого быка, не помещающегося на *алаасе*, бурого быка, не вмещающегося в изгороди. Обрадовавшись-возликовав, все оживились. Парень От Сото, взяв два берестяных ведерка, отправился к озеру за водой. Придя, принялся кататься по льду, опрокинул ведерко с водой, ко льду примерз.

3 Вот так От Сото лежит и лежа такой разговор ведет:

— Лед-лед, разве ты самый сильный? — говорит.

— Конечно, я, лед-лед, самый сильный!

— Лед-лед, если ты сильнее всех, почему тебя солнце-солнце разъедает? — говорит.

— Солнце-солнце, разве ты самое сильное? — говорит [солнцу].

— Конечно, я, солнце-солнце, самое сильное! — говорит.

— Солнце-солнце, если ты сильнее всех, почему тебя туча-туча закрывает?

— Туча-туча, разве ты самая сильная?

— Конечно, я, туча-туча, самая сильная!

— Туча-туча, если ты сильнее всех, почему тебя ветер-ветер прогоняет? — говорит.

— Ветер-ветер, разве ты самый сильный?

— Конечно, я, ветер-ветер, самый сильный!

— Таас-таас хайа, бэккин дуо?

— Таас-таас хайа бэрдим ханна барыай!

— Таас-таас хайа, бэт буолларгын, күүдээх кутуйах анныгынан тоҕо сүүрэрий? — диир.

— Күүдээх-күүдээх кутуйах күүстээх буоллаҕа, — диир.

— Күүдээх-күүдээх кутуйах, бэккин дуо?

— Күүдээх-күүдээх кутуйах бэрдим ханна барыай!

— Күүдээх-күүдээх кутуйах, бэт буоллаххына, куоска-куоска* обургу тоҕо эйиигин куттууруй? — диир.

Ол курдук От Сото уһуннук сыппыт.

4 Алааска баппатах ала оҕустарын, күрүөҕэ баппатах күрүҥ оҕустарын өлөрөннөр астаабыттар. Сэбирдэх Түөс уол оҕустарын түөһүн кыайан көтөҕүмүнэ, түөһүн баттатан өлөн хаалбыт. Кыл Күөмэй кыыстара сэмсэ этэ саллан үтэн сии сылдьан, күөмэйин сыаҕа буһаран өлөн хаалбыт. Маны көрөн туран Хабах Бас оҕонньор:

— Хайдах-хайдах баҕайыный? Дьоннорум бары өлөннөр баранарбыт кэллэ, — диэн баран санаарҕаан, илиитинэн төбөтүн хам туттабын диэн, тыҥырахтарынан хабах баһын хайа тардан эмиэ өлөн хаалбыт.

5 Арай Чаачахаан-Чаачахаан соҕотоҕун ордон хаалбыт:

— Бээрэ, бу алааска баппат ала оҕуспун, күрүөҕэ баппат күрүҥ оҕуспун хайаан соҕотоҕун кыайан сиэх бэйэбиний? — диэн санааҕа түһэр.

Чаачахаан-Чаачахаан улахан аҥаа моҕуска тиийэн:

— Тойонуом, күрүөҕэ баппатах күрүҥ оҕуһум этин баран сиэс эрэ, — диир.

— Һуо! Асаһым хаалан турар. Оттоку тойоҥҥор тиийэ сырыт, — диэн этэр.

Чаачахаан-Чаачахаан оттоку аҥаа моҕуска баран:

— Тойонуом, алааска баппатах ала оҕуһум этин баран сиэс эрэ, — диир.

— Һуо! Асаһым хаалан турар. Кыра тойоҥҥор бар, — диэн этэр.

Чаачахаан-Чаачахаан кыра аҥаа моҕуска тиийэн:

— Тойонуом, күрүөҕэ баппат күрүҥ оҕуһум, алааска баппат ала оҕуһум этинэ баран сиэс эрэ! — диир.

— Ветер-ветер, если ты сильнее всех, почему тебе гора-камень-камень становится препятствием? — говорит.

— Гора-камень-камень, разве ты самая сильная?

— Конечно, я, гора-камень-камень, самая сильная!

— Гора-камень-камень, если ты сильнее всех, почему под тобой мышка-землеройка пробегает? — говорит.

— Значит, мышка-землеройка сильнее меня, — говорит.

— Мышка-землеройка-землеройка, разве ты самая сильная?

— Конечно, я, мышка-землеройка-землеройка, самая сильная!

— Мышка-землеройка-землеройка, если ты сильнее всех, почему тебя молодец кошка-кошка пугает? — говорит.

Так От Сото долго лежал.

4 Пегого быка, не помещающегося на *алаасе*, бурого быка, не вмещающегося в изгороди, забили, освежевали. Парень Сэбирдэх Тюёс не смог поднять грудину быка — надорвав грудь, умер. Дочь Кыл Кюёмэй ела, жаря на огне, свою долю жирного мяса — обжегши горло жиром, умерла. Видя это, старик Хабах Бас:

— Что же, что же это такое? Все мои люди умерли, пришел нам конец, — сказал, с горя обхватил голову руками — прорвав свою голову-пузырь ногтями, тоже умер.

5 Только одна Чаачахаан-Чаачахаан осталась.

— Постойте, как же я смогу одна съесть этого пегого быка, не помещающегося на *алаасе*, бурого быка, не вмещающегося в изгороди? — обеспокоилась она.

Пришла Чаачахаан-Чаачахаан к старшему Ангаа Могусу:

— Господин мой, пойди-ка поешь со мной мяса моего бурого быка, не вмещающегося в изгороди, — говорит.

— О-о! Мне столько уже не съесть*. Сходи к среднему господину, — так [тот] говорит.

Пришла Чаачахаан-Чаачахаан к среднему Ангаа Могусу:

— Господин мой, пойди-ка поешь со мной мяса пегого быка, не помещающегося на *алаасе*, — говорит.

— О-о! Мне столько уже не съесть. Иди к младшему господину, — так говорит.

Приходит Чаачахаан-Чаачахаан к младшему Ангаа Могусу.

— Господин мой, пойди-ка поешь со мной мяса бурого быка, не вмещающегося в изгороди, пегого быка, не помещающегося на *алаасе*! — говорит.

Аччыгый анаа моҕус сөпсөһөн, бараллар.

6 Чаачахаан-Чаачахаан оҕуһун этин олгуйга кырбастыы-кырбастыы буһарар. Анаа моҕус барытын сиэн иһэр. Туох баар истэрин-үөстэрин барытын сиир, тугу даҕаны ордорбот. Анаа моҕус топпут-хаммыт быһыыта ханна да биллибэт. Салбанан кэбиһэ-кэбиһэ:

— Чаачахаан-Чаачахаан, топпотум, өссө аста аҕал! Биэрбэт буоллаххына, бэйэҕин сиэҕим! — диир да, кинини тутан ылан, хаппарыгар уган кэбиһэр уонна дьиэлиир.

7 Анаа моҕус дьиэтигэр кэлэн, чаампытын үрдүгэр хаппарын хаалларан баран, эмээхсинигэр киирэн этэр:

— Эмээхсиэн, топпотум. Алааска баппат ала оҕус, күрүөҕэ баппат күрүн оҕус этиттэн тугу да ордорботум. Арай эйиэхэ кэһии-тутуу оногостоммун, Чаачахаан-Чаачахааны бэйэтин хаппарбар уктан аҕалан ити чаампы үрдүгэр уурдум.

Ону истэн, иистэнэ олорор эмээхсинэ: «Иэхэйбин!» — диир даҕаны, инньэлээх сүүтүгүн ыйыстан кэбиһэр. Эмээхсин таһырдьа ыстанан тахсан, чаампы үрдүттэн оҕонньорун хаппарын киллэрэн, оһоҕун иннигэр ирээккэҕэ ууран кэбиһэр.

8 Анаа моҕус эмээхсиниттэн ыйытар:

— Хайа, Чаачахаан-Чаачахааны күөстээтин дуо?

Эмээхсинэ хап-сабар санарбатаҕыттан анаа моҕус ыгыччы кыыһыран:

— Көр эрэ! Чаачахааны миэхэ бэссибэккэ бэйэтэ сиэн баран, өссө санарбатаҕа буола турар эбит дии! — [дии] түһэр да, сытыы кылыһынан ылан эмээхсинин иһин тэлэ тардан кэбиһэр. Онуоха эмээхсинин иһиттэн инньэлээх сүүтүк тыаһа сиргэ кэлэн «кылыр» гына түһэр. Ону көрөн анаа моҕус сана аллайар:

— Оок-сиэ! Эмээхсиммин сымыйанан балыйаммын, алҕас өлөрөн кэбистим. Оҕолоор! Мин сарсын киэһэ кэлэрбэр Чаачахаан-Чаачахааны күөскэ буһаран тоһуйаарын! — диэн этэр уонна баран хаалар.

— Ээх, сөп! — дэһэллэр сэттэ тараҕай кыргыттара, тоҕус тараҕай уолаттара.

9 Анаа моҕус бараатын кытта, Чаачахаан-Чаачахаан хаппартан тахсан кэлэр. Сэттэ тараҕай кыргыттарга уонна тоҕус тараҕай уолаттарга:

— Оҕолоор! Эһиги мин эппин сиэххит, хоргуммун иһиэххит. Хайа, хорҕуммун иһэргитигэр хамыйаххыт суох эбит. Ньуоска* онгортоон

Младший Ангаа Могус согласился, пошли.

6 Чаачахаан-Чаачахаан режет на куски мясо быка и варит его в котле. Ангаа Могус все съедает. Все с потрохами съел, ничего не оставил. Не видно, чтобы Ангаа Могус наелся. Облизываясь-облизываясь:

— Чаачахаан-Чаачахаан, я не наелся, дай еще еды! Если не дашь, саму тебя съем! — сказал, тут же ее поймал, в свой *хаппар* сунул и пошел домой.

7 Придя домой, Ангаа Могус оставил *хаппар* на навесе*, зайдя к своей старухе, сказал:

— Старуха-а, не наелся. От мяса пегого быка, не помещающегося на *алаасе*, бурого быка, не вмещающегося в изгороди, ничего не оставил. Вот только для тебя гостинец: саму Чаачахаан-Чаачахаан, сунув в свой *хаппар*, принес, на тот навес положил.

Услышав это, сидящая за шитьем старуха: «Как хорошо!» — сказала да иголку с наперстком проглотила. Выскочив из дома, старуха сняла с навеса *хаппар* своего старика, внесла, перед печкой на лежанку* положила.

8 Ангаа Могус спрашивает у своей старухи:

— Ну как, сварила Чаачахаан-Чаачахаан?

От того, что жена сразу не ответила, Ангаа Могус от злости раздувшись:

— Смотри-ка! Чаачахаан-[старушкой] со мной не поделилась, сама съела, еще ведь и молчит, оказывается! — тут же выхватил свой острый *кылыс* и живот своей старухи распорол. Тогда послышался звон — «бряк» — на землю из живота его старухи выпали наперсток и игла. Увидев это, Ангаа Могус как закричит:

— *Оок-сиэ*! Оговорив, по ошибке убил свою старушку. Дети! Встречайте меня завтра вечером, к моему приходу сварите в горшке Чаачахаан-Чаачахаан! — сказал так и ушел.

— Ладно, хорошо! — сказали семь его плешивых дочерей, девять его плешивых сыновей.

9 Как только Ангаа Могус ушел, Чаачахаан-Чаачахаан выбралась из *хаппара*. Семи плешивым девкам и девяти плешивым парням:

— Детки! Будете вы есть мое мясо, будете пить мой жир. Так вот, чтобы выпить мой жир, нет у вас, оказывается, поварешки. Чтобы я

биэриэхпин, аҕаҕыт сытыы кылыһын ханна уурарын көрдөрүҥ эрэ. Уонна эппин онон быһаҥҥыт сиэ-аһыа этигит буоллаҕа, — диир.

Улахаттара саҥарбаттар, оттон кыралара:

— Манна, манна баар! — дии-диилэр сытыы кылыһы була охсон аҕалан биэрэллэр.

10 Чаачахаан-Чаачахаан маһынан ньуоска оҥорор.

— Оҕолоор, ылыҥ, төбөҕүтүн тэҥнээн бары тула тура охсун! Бу аан бастакы хамыйахпын биир саамай бэккитигэр биэриэх этим, — диир.

Аҥаа моҕус оҕолоро кэлэн кэчигирэччи туран кэбиһэллэр.

— Бары бааргыт дуо? — диир Чаачахаан.

— Бары, бары! — дэһэллэрин кытта, Чаачахаан-Чаачахаан сытыы кылыһынан уон алта төбөҥү эргиччи сотон, сиргэ төкүнүс гыннаран кэбиһэр. Саамай улаханнарын ылан, били кинини буһарыахтаах көҥүйэлэригэр күөстээн кэбиһэр. Атыттары оронноругар илдьэн атахтаһыннары сытыартыыр, итиэннэ суорҕанынан сабан кэбиһэр, төбөлөрүн кэчигирэччи сытыартыыр.

11 Сытыы кылыһынан Чаачахаан-Чаачахаан дьиэ түөт муннугунан курдары хаһыталаан кэбиһэр. Аҥаа моҕус үлэхтээх кэмигэр киэһэ сыыгынаан тиийэн кэлэр. Оһоххо күөс оргуйа турарыттан үөрэн саҥа аллайар:

— Оҕолорум сыыстара мин эппиппин барытын толорбут буолабуолалар, сыгыйы-сыгыйыктарым! — диэн таптаталаабытынан дьиэтигэр көтөн түһэр.

12 Олоро биэрэн, күөһү таһааран хоргунуттан амсайар:

— Һук! Хорҕунум* тардар. Чаачахаан-Чаачахаан хаан аймаҕым буоллаҕа дуу! — диир.

Миини иһэр:

— Һук! Мииним тардар. Чаачахаан-Чаачахаан чугас уруум буоллаҕа дуу! — диир.

Сыатыттан амс<ай>ар:

— Һук! Сыа битим татта. Чаачахаан-Чаачахаан сыа уруум буоллаҕа дуу! — диир.

Этиттэн амсайар:

— Һук! Эт битим тардар. Чаачахаан-Чаачахаан эт уруум буоллаҕа дуу! — диир.

13 — Оҕолоор, чэ, тура тардын! Чаачахаан-Чаачахааны сиэҕинаһыаҕын, — диир даҕаны суорҕаны арыйа тардыбытыгар, сэттэ та-

сделала вам ложки, покажите-ка мне, куда ваш отец кладет острый *кылыс*. И тогда бы ели-кушали, нарезая им мое мясо, — говорит.

Старшие молчат, а младшие:

— Здесь он, здесь! — приговаривая, быстро отыскали острый *кылыс* и принесли ей.

10 Чаачахаан-Чаачахаан сделала из дерева ложку.

— Детки, давайте встаньте-ка все вокруг меня [по росту], подровняв головы! Самую первую поварешку дам самому лучшему, — говорит.

Подойдя, дети Ангаа Могуса стали друг за другом.

— Все здесь? — говорит Чаачахаан.

— Все, все! — загалдели дети, тут Чаачахаан-Чаачахаан острым *кылысом* все шестнадцать голов разом и отсекла — на землю покатились. Самого старшего взяла, в тот горшок, в котором должны были ее сварить, положила. Остальных отнесла к кровати, ногами друг к другу уложила, а затем накрыла одеялом, головы же выложила в ряд.

11 Острым *кылысом* Чаачахаан-Чаачахаан под четырьмя углами дома прорыла наружу [ходы]. Вечером к назначенному сроку, сопя, заявился Ангаа Могус. От радости, что на печке кипит горшок, воскликнул:

— Ишь какие, дорогие мои детки, исполнили все, что я велел, хорошие-сладкие мои! — с такими ласковыми словами влетает в дом.

12 Уселся, вытащив горшок, попробовал вытопившегося жира:

— *Сук*! Жир мой задергался*. Неужто Чаачахаан-Чаачахаан оказалась моим кровным родичем! — говорит.

Попробовал супа:

— *Сук*! Соки мои заиграли. Неужто Чаачахаан-Чаачахаан оказалась моим близким родичем! — говорит.

Попробовал сала:

— *Сук*! Сало мое затряслось — это примета. Неужто Чаачахаан-Чаачахаан оказалась моим родичем по салу! — говорит.

Попробовал мяса:

— *Сук*! Мускул мой заиграл — это примета. Неужто Чаачахаан-Чаачахаан оказалась моим родичем по мясу! — говорит.

13 — Ну-ка, детки, вставайте! Поедим-отведаем Чаачахаан-Чаачахаан, — говорит и тут же сдергивает одеяло, когда на землю с гро-

раҕай кыргыттарын, тоҕус тараҕай уолаттарын төбөлөрө сиргэ лоһугураһа түспүттэриттэн өмүрэн:

— Һоо! Татат! Биһим-баһым! — дии-дии, төкүнүйбүт оҕолорун төбөлөрүн биир даҕаны суох гына, үлтү тэпсэн-тэпсээн кэбиһэр.

14 Аҥаа моҕус тэлгэһэҕэ сүүрэн тахсан:

— Чаачахаан-Ча<а>чахаан, ханна бааргыный? — диэн хаһыытаабытыгар, дьиэ иһигэр Чаачахаан-Чаачахаан саҥата:

— Һоок! Маннабын! — диир.

Аҥаа моҕус дьиэҕэ ыстанан киирэн:

— Чаачахаан-Чаачахаан, ханна бааргыный? — диэн ыҥырбытыгар, киһитин саҥата таһырдьа:

— Һоок! Манна баарбын! — диир. Аҥаа моҕус сылайыар дылы дьиэни тула сүүрэ сылдьан ыҥырар даҕаны, киһитэ нөҥүө сиргэ буолан иһэр.

15 Кэлин таһырдьа тахсан ыҥырбытыгар, дьиэ иһиттэн саҥа иһиллэр:

— Бу баарбын. Чэ, киирэҥҥин сии оҕус! Тойонуом, куттанарым бэт. Иннигинэн буолбатах, дьиэҕэр кэннигинэн киир! — диир.

— Сөп-сөөп! Эн эрэйдээх мин бэйэлээхтэн, кырдьык, куттанарыҥ буолуо. Мин диэтэх киһини утары көрүөҥ дуо! — диир аҥаа моҕус саҥата уонна Чаачахаан-Чаачахаан эппитин курдук били кини хаспыт хороонунан көхсүнэн киирэн эрдэҕинэ, Чаачахаан-Чаачахаан аҥаа моҕус сиһин-үөһүн сытыы кылыһынан булкуйан өлөрөн кэбиһэр.

Чаачахаан-Чаачахаан өстөөҕүн аҥаа моҕуһу кыайан-хотон үчүгэйдик олорбута эбитэ үһү.

14. ТААЛ-ТААЛ ЭМЭЭХСИН

1 Т/аал/-Т/аал/* э/мээхсин/, биир үтүө күн үүммүтүгэр көлүйэ күөлүгэр көччүйэ таарыйа хатыскалыы сылдьыбыт. Хатыскалыы сылдьан халтарыйан өттүгүн унуоҕун үлтү түспүт.

2 Хайдах да гынан турар кыаҕа суох буолан:

— Муус-муус, бэркин дуо? — диэбит.

— Муус-муус бэрдим ханна барыай! — диэбит.

— Муус-муус бэрт буоллаххына, күн-күн тоҕо уулларарый? — диэб/ит/.

— Күн-күн бэрдэ бэрт буоллаҕа дии! — диэбит.

хотом попадали головы семи плешивых дочерей, девяти плешивых сыновей, от неожиданности:

— *Соо! Татат! Бисим-басым!** — приговаривая, покатившиеся головы своих детей разбил в прах все до единой, растоптал.

14 Ангаа Могус выскочил во двор.

— Чаачахаан-Чаачахаан, ты где? — когда [так] закричал, из дома голос Чаачахаан-Чаачахаана:

— *Соок*! Я здесь! — говорит.

Ангаа Могус в дом заскочил:

— Чаачахаан-Чаачахаан, ты где? — позвал. Голос со двора:

— *Соок*! Я здесь! — говорит. Ангаа Могус до устали вокруг дома бегает и зовет, этот же человек каждый раз оказывается на другой стороне [дома].

15 После, когда, выскочив во двор, позвал, из дома послышался голос:

— Вот здесь я. Ну зайди съешь меня! Только, мой господин, я очень [тебя] боюсь. Входи в дом не передом, а задом! — говорит.

— Ладно-ладно! Ты, бедняжка, видно и вправду меня такого боишься. Разве на меня, такого человека, посмеешь прямо смотреть! — подает голос Ангаа Могус и, как сказала ему Чаачахаан-Чаачахаан, начинает пробираться задом через вырытый ею ход — тут Чаачахаан-Чаачахаан, вонзив острый *кылыс*, перерезала аорту Ангаа Могуса, убила его.

Победив-одолев своего врага Ангаа Могуса, Чаачахаан-Чаачахаан хорошо, говорят, зажила.

14. СТАРУШКА ТААЛ-ТААЛ

1 Когда наступил один прекрасный день, старушка Таал-Таал, забавы ради, каталась на льду своего озера-пруда. Катаясь, поскользнулась, разбила себе таз.

2 Из-за того, что никак не может встать:

— Лед-лед, разве ты самый сильный? — сказала.

— Конечно, я, лед-лед, самый сильный! — сказал.

— Лед-лед, если ты сильнее всех, почему тебя солнце-солнце растапливает? — сказала.

— Солнце-солнце ведь самое сильное! — сказал.

3 — Күн-күн, бэркин дуо? — диэбит.

— Күн-күн бэрдим ханна барыай! — диэбит.

— Оттон күн-к/үн/ бэрт б/уоллаххы/на, былыт-былыт тоҕо бүөлүүрүй? — диэбит.

— Б/ылыт/-б/ылыт/ бэрдэ б/эр/т буол/ла/ҕа! — диэбит.

4 — Б/ылыт/-б/ылыт/, б/эрки/н дуо? — диэбит.

— Б/ылыт/-б/ылыт/ бэрдим ханна барыай? — диэбит.

— Оттон, б/ылыт/-б/ылыт/, бэркин буолан баран, тыал-тыал тоҕо үүрэрий? — диэбит.

— Т/ыал/-т/ыал/ бэрдэ бэрт буол/ла/ҕа! — диэбит.

5 — Т/ыал/-т/ыал/, бэркин дуо? — д/иэби/т.

— Т/ыал/-т/ыал/ бэрдим ханна барыай? — д/иэби/т.

— Оттон, т/ыал/-т/ыал/, [бэт буоллаххына], ойуур хайа тоҕо бүөлүүрүй? — диэбит.

— Ойуур хайа бэрдэ бэрт буо/лла/ҕа! — д/иэби/т.

6 — Ойуур хайа, бэркин дуо? — д/иэби/т.

— О/йуур/ х/айа/ бэрдим ханна барыай! — д/иэби/т.

— Оттон, ойуур хайа, бэрт буол/лаххы/на, быыкаан сур күүдээк тоҕо курдары хаһарый? — диэбит.

— Сур күүдээк бэрдэ бэрт буоллаҕа дии! — диэбит.

7 — Сур күүдээк, бэркин-бэркин дуо? — диэбит.

— Сур күүдээк бэрпин-бэрпин! — д/иэби/т.

— Сур күүдээҕи киһи тоҕо чааркааннаан ыларый? — диэбит.

— Оттон киһи-киһи бэрдэ бэрт буоллаҕа дии! — д/иэби/т.

8 — Оттон киһи-киһи [бэрт] буоллаҕына, [мин эмиэ] бэрт буолуохтаахпын! — диэн, [эмээхсин] хоҥу ыстанан турбут.

15. ЛЫЫБАРА

1 Үрүҥ көмүс тыылаах, кыһыл көмүс эрдиилээх Лыыбара диэн киһи баар үһү. Бу Лыыбара биирдэ сүрдээх улахан күөлгэ маарылыы олорбут. Ол олордоҕуна, кэрии саҕатыгар ыгыа ыллыыр:

— Үрүҥ көмүс тыылаах, кыһыл көмүс эрдиилээх Лыыбара-Лыыбара! — диир.

Онно Лыыбара:

— Тыый, бу туох дьиктитэй? — диэн тахсан көрбө, биир тэллэй сахсаҥныы олорор. Ол тэллэй ыллыыр эбит.

3 — Солнце-солнце, разве ты самое сильное? — сказала.

— Конечно, я, солнце-солнце, самое сильное! — сказало.

— Солнце-солнце, если же ты сильнее всех, почему тебя туча-туча закрывает? — сказала.

— Туча-туча ведь самая сильная! — сказало.

4 — Туча-туча, разве ты самая сильная? — сказала.

— Конечно, я, туча-туча, самая сильная! — сказала.

— Туча-туча, если же ты сильнее всех, почему тебя ветер-ветер прогоняет? — сказала.

— Ветер-ветер ведь самый сильный! — сказала.

5 — Ветер-ветер, разве ты самый сильный? — сказала.

— Конечно, я, ветер-ветер, самый сильный! — сказал.

— Ветер-ветер, если же ты сильнее всех, почему тебя лесистая гора не пропускает? — сказала.

— Лесистая гора ведь самая сильная! — сказал.

6 — Лесистая гора, разве ты самая сильная? — сказала.

— Конечно, я, лесистая гора, самая сильная! — сказала.

— Лесистая гора, если же ты сильнее всех, почему тебя маленькая серая мышка-землеройка прорывает насквозь? — сказала.

— Серая мышка-землеройка ведь самая сильная! — сказала.

7 — Серая мышка-землеройка, разве ты самая сильная-сильная? — сказала.

— Я, серая мышка-землеройка, самая сильная-сильная! — сказала.

— Почему человек ловит серую мышку-землеройку черканом? — сказала.

— Человек-человек же ведь самый сильный! — сказала.

8 — Но если человек-человек сильнее всех, должно быть я тоже сильнее всех! — сказав, старушка встала, оторвавшись [ото льда].

15. ЛЫЫБАРА

1 Живет, говорят, человек Лыыбара, имеющий серебряную лодку и золотые весла. Однажды сидел этот Лыыбара, рыбачил на очень большом озере. Пока так сидел, на опушке леса [кто-то] запел песню:

— Лыыбара-Лыыбара, имеющий серебряную лодку и золотые весла! — говорит.

Тогда Лыыбара:

— *Тыый*, что за диво? — сказав, пошел, видит: колыхаясь, сидит один гриб. Этот-то гриб, оказывается, и поет.

2 Ону Лыыбара:

— Тууй-сиэ, дьаабал*! — диэн баран тэбэн сырбатар. Ол сырбаппытыгар — атаҕа сыстан хаалар. Онтон илиитинэн охсубута — илиитэ сыстан хаалар. Онтон баһынан анньыбыта — баһа сыстан хаалар. Ол курдук түөрт лабаата түөрэ сыстан, бүк таттаран турдаҕына, ойуурга ырыа иһиллэр, онтон арай Анаа Монгус тиийэн кэлэр.

Ол кэлэн:

— Тыый, чаархааным кэм да ытырыылаах ээ! — диэн баран, Лыыбараны сиэбигэр уктан кээһэр.

3 Дьиэтигэр илдьэн сиэри гынар. Онно Лыыбара этэр:

— Оҕоньньоор*, үс сыл буолан баран сиэр, дэлби уотан-уотан баран, — диир. Онно Анаа Монгус үс сылга уотар.

Ол уотан баран биирдэ сиэри этэр:

— Эт эттиир элээнэй сүгэм, кэл эрэ! Быар угар быллаҕар ыаҕаһым, кэл эрэ! Сүрэх угар сөрүөстүгэс ыаҕаһым, кэл эрэ! — диирин кытта иһиттэрэ биирдэ баар буола түспүттэрэ.

Онно Лыыбара этэр:

— Кырдьаҕаһыам, эн быһыччаҥ мин сыабын кыайан хотуо суоҕа, онон Болооной оҕоньньор болот быһаҕар бар, — диир.

4 Анаа Монгус Болооной оҕоньньорҕо тиийэн:

— Оҕоньньоор, эн быһаххын улаһын эрэ, Лыыбараны сиэри гынным. Хайа, биир эмэ хамыйах хаанна, биир эмэ очоҕос* төбөтүгэр тиксээйэҕиҥ, — диэбитэ.

Онуоха Болооной оҕоньньор эппитэ:

— Ээ, оҕоньньор, мин быһаҕым ханаан хаалта. Ону Хараанай оҕоньньор хара тааһын аҕалан онон хабырын, — диэбитэ.

Онуоха Анаа Монгус Хараанай оҕоньньорҕо барар.

Онно тиийэн этэр:

— Оҕоньньоор, Болооной оҕоньньор болот быһаҕын хабырынан Лыыбараны сиэхпин, хара тааскын улаһын эрэ, — диир. — Уонна, хайа, биир эмэ хамыйах хаанна, биир эмэ очоҕос төбөтүгэр тиксээйэҕиҥ, — диир.

5 Онуоха Хараанай оҕоньньор этэр:

— Кырдьаҕаас, тааһым ыараан хаалта, онон Алаанай оҕоньньор ала атыырын аҕалан онон тиэй, — диир.

Онно били Анаа Монгус Алаанай оҕоньньорҕо тиийэн этэр:

— Хайа, оҕоньньор, ала атыыргын улаһын эрэ. Хараанай оҕоньньор хара тааһын тиэйэн илдьэн, Болооной оҕоньньор, оҕоньньор

2 Тогда Лыыбара:

— *Тууй-сиэ*, дьявол! — сказав, изо всех сил его пнул. Только пнул, его нога [к грибу] прилипла. Затем ударил рукой — рука прилипла. Затем ткнул головой — голова прилипла. Когда вот так, прилипнув всеми четырьмя своими конечностями, согнувшись, стоял, в лесу послышалась песня, затем вдруг появился Ангаа Монгус.

Появившись:

— *Тыый*, мой черкан, как всегда, с добычей! — сказав, сунул Лыыбару в свой карман.

3 Собирается унести домой и там съесть. На это Лыыбара сказал:

— Стари-ик, съешь меня через три года, когда как следует откормишь, — говорит. Тогда Ангаа Монгус его три года стал откармливать.

Вот, откормив, как-то раз собрался его съесть и говорит:

— Топор мой для рубки мяса, иди-ка! Широкое мое берестяное ведро* для хранения печени, иди-ка! Кривое мое берестяное ведро для хранения сердца, иди-ка! — только сказал, вмиг появилась вся посуда.

На это Лыыбара сказал:

— Старец мой, твой ножик не разрежет мое сало — иди за *болот*-ножом старика Болооноя, — говорит.

4 Ангаа Монгус пришел к старику Болооною:

— Старик, одолжи-ка мне свой нож, собираюсь съесть Лыыбару. Может, хоть одна ложка крови, хоть один кончик кишки достанется тебе, — сказал.

На это старик Болооной ответил:

— Ээ, старик, мой нож стал тупым. Возьми черный камень* старика Харааная, им наточи, — сказал.

Тогда Ангаа Монгус пошел к старику Хараанаю.

Придя туда, сказал:

— Старик, одолжи-ка мне свой черный камень, наточив *болот*-нож старика Болооноя, съем Лыыбару, — говорит. — А еще, может, хоть одна ложка крови, хоть один кончик кишки достанется тебе, — говорит.

5 На это старик Хараанай сказал:

— Старик, мой камень стал тяжелым — приведи пегого жеребца старика Алааная, на нем увези, — говорит.

Тогда этот Ангаа Монгус пришел к старику Алаанаю, сказал:

— Ну, старик, одолжи-ка мне пегого жеребца. Увезя черный камень старика Харааная, наточив *болот*-нож старика Болооноя, съем

болот быһаҕын хабырынан Лыыбараны сиэхпин. Хайа, биир эмэ хамыйах хааҥҥа, хайа, биир эмэ очоҕос төбөтүгэр тиксээйэҕин, — диир.

6 Онуоха Алаанай оҕоньньор этэр:

— Оҕоньньоор, мин атыырым тэһии буолан хаалта, онон Эрээнэй оҕоньньор эриэн өргөнүгэр бар, — диир.

Онно Аҥаа Моҥус Эрээнэй оҕоньньорҕо тиийэн этэр:

— Оҕоньньоор, эриэн өргөҥҥүн улаһын эрэ, Алаанай оҕоньньор ала атыырын тутан илдьэн, Хараанай оҕоньньор хара тааһын тиэйэн илдьэн, Болооной оҕоньньор болот быһаҕын хабырынан Лыыбараны сиэхпин. Хайа, биир эмэ очоҕос төбөтүгэр, хайа, биир эмэ хамыйах хааҥҥа тиксээйэҕин, — диир.

7 Онно Эрээнэй оҕоньньор этэр:

— Оҕоньньоор, өргөнүм өрүс унуор хаалта, ону баран ыл. Өрүскүн ойон тахсаар, — диир.

Онтон Аҥаа Моҥус өрүһү ойон иһэн, өрүс саамай ортотугар «чолк!» кына түһэн иһэн кэриэс эппитэ:

— Лыыбараа, самаҕым унуоҕун соҕох кына<а>р, эмэһэм унуоҕун кэлии кынаар, — диэн баран, өрүс ортотугар түһэн өлөн хаалта.

Лыыбара кэннэкии байан-тайан олорто үһү.

16. НЬЫЫ-НЬЫЫ ЭМЭЭХСИН

1 Ньыы-Ньыы эмээхсин сэттэ тараҕай уоллаах, сэттэ тараҕай кыыстаах, аҕыс уон атыыр үөрэ сылгылаах, тоҕус уон хотон үөрэ ынах<таах>, кыһына суох кумах куйаар сирдээх. Ол гынан баран бууһа тоҥор, ото хагдарыйар. Кулунун, торбуйаҕын аһатар эбит, онон оттууллар эбит. Сылгы, ынах таһырдьа аһыыр эбит.

Онон:

— Чэ, оҕолоор, оттуу барыах, — [диир] оҕолорун биир сарсыарда туран.

Оттоон баран киэһэ кэлэллэр. Киэһэ кэлэн дьиэлэригэр киирэн олордохторуна, сүүллээҕи сүүр [этиҥ] тыаһын курдук тыас ньиргийэн кэлэр. Ньиргийэн кэлэн, Аҥаа Моҥус дьиэҕэ көтөн түстэ. Дьиэ ортотугар баар буола түстэ.

— Ньыы-Ньыы эмээхсиэн, аҕыс уон атыыр [үөрэ] сылгыгын миэхэ аҕал эрэ! — диир.

Лыыбару. Может, хоть одна ложка крови, может, хоть один кончик кишки достанется тебе, — говорит.

6 На это старик Алаанай сказал:

— Старик, мой жеребец стал пугливым — иди за пестрой волосяной веревкой* старика Эрээнэя, — говорит.

Тогда Ангаа Монгус пришел к старику Эрээнэю, сказал:

— Старик, одолжи-ка мне пеструю волосяную веревку. Взяв пегого жеребца старика Алааная, увезя черный камень старика Харааная, наточив *болот*-нож старика Болооноя, съем Лыыбару. Может, хоть один кончик кишки, может, хоть одна ложка крови достанется тебе, — говорит.

7 На это старик Эрээнэй сказал:

— Старик, пестрая волосяная веревка осталась за рекой, забери ее оттуда. Через реку свою перепрыгни, — говорит.

Затем Ангаа Монгус, через реку перепрыгивая, на самой середине реки «*чолк*!» — падая, наказал:

— Лыыбара, тазовые кости мои сделай пестом, берцовую кость мою сделай ступой, — сказав, на середине реки упав, умер.

Лыыбара после этого богато-сытно зажил, говорят.

16. СТАРУШКА НЬЫЫ-НЬЫЫ

1 У старушки Ньыы-Ньыы семеро плешивых сыновей, семеро плешивых дочерей, восемьдесят косяков лошадей, стадо коров в девяноста *хотонах*, пустынная песчаная земля без зимы. Однако вода ее замерзает, трава увядает. Жеребят, телят подкармливают, оказывается, поэтому косят сено, оказывается. Лошади, коровы во дворе кормятся, оказывается.

Вот:

— Ну, детки, пойдемте косить сено, — однажды утром [говорит] детям.

Накосив сена, вечером приходят. Вечером пришли, в дом вошли, только уселись — послышалось грохотанье, подобное раскатам неукротимого, яростного грома. С нарастающим грохотом в дом влетел Ангаа Монгус. Тут же оказался посреди дома.

— Старушка Ньыы-Ньыы, отдай мне восемьдесят косяков своих лошадей! — говорит.

12 Заказ № 61

Ону куттанан эмээхсин санарбат. «Биэриэм», — да диэбэт, «биэрбэппин»*, — да диэбэт.

— Эн биэрэрин-биэрбэтин көнүлүн, санарарын-санарбатын көнүлүн буолбатах! — диэн баран, тахсан барбыт.

Баран хаалбытын кэннэ, киэhэ тахсан көрбүттэрэ: аҕыс уон сылгы үөрдэриттэн биир тааҕылаах убаһа хаалбыт. Уоннааҕытын барытын сиэн кэбиспит.

2 Аны нөнүө күнүгэр: «Тоҕус [уон хотон] үөр<э> ынахтаахпын», — диэн оттуу барар. Оттуу барар. Киэhэ кэлбитин кэннэ, санардыы чээй иһээри олордохторуна, тыас ньиргийэн кэлэр. Сүүллээҕи сүүл этиҥин курдук тыас ньиргийэн кэлэн, Алаа Монус эмиэ көтөн [түһэн] сир ортотуттан биирдэ иҥнэр.

— Ньыы-Ньыы эмээхсиэн, тоҕус уон хотон үөрэ ынаххын миэхэ аҕал! — диир.

Эмээхсин чип санарбат. Эмээхсин куттанан санарбат.

— Эн биэрэрин-биэрбэтин көнүлэ буолбатах, санарарын-санарбатын көнүлүн буолбатах! — диэн баран, тахсан баран хаалбыт.

Киэhэ тахсан көрбүттэрэ: биир быычыгыйаан томуйах* хаалбыт.

3 Сылгыларыттан биир кулун, ынахтарыттан* биир торбос хаалбытын кэннэ нөнүө күн:

— Чэ, оттуу барыаҕыҥ, оҕолоор, — диир.

— Тоҕо барабыт? Сылгыбытын, ынахпытын* барытын сиэн барда дии. Туох да иһин барбаппыт.

— Хайаан барбат буолуохпутуй? Торбоспут аны күһүн үчүгэй буолуо, убаһабыт эмиэ үчүгэй буолуо. Чэ, барыаҕыҥ! — диир.

— Торбоспутугар, убаһабытыгар оттуу бардахпыт, — диэн, бараллар.

Киэhэ кэлэллэр. Санардыы* кэлэн чэйдии олордохторуна, моҥустарын уола «тин» гына түспүт.

— Ньыы-Ньыы эмээхсиэн, кулуҥҥун, торбоскун миэхэ аҕал эрэ! — диир.

Санарбат.

Онтон:

— Эн санарарын-санарбатын* көнүлүн буолбатах! — диэн тахсан баран хаалбыт.

4 Онтон нөнүө күн сылгылара, ынахтара суох буолан, оттуу-мастыы тахсыбакка сыталлар. [Нөнүө күнүгэр] эмиэ мааны кэлэр кэмигэр, киэhэнэн, эмиэ кэлэр.

Старушка от страха в ответ молчит. И «дам» не говорит, и «не дам» не говорит.

— Не твоя воля давать или не давать, не твое дело говорить или не говорить! — сказав, вышел вон.

Вечером, когда он ушел, вышли, смотрят: из восьмидесяти косяков их лошадей остался один захудалый линяющий жеребенок. Всех остальных уничтожил.

2 Потом, на следующий день: «У меня есть стадо коров в девяноста *хотонах*», — сказала и пошла косить сено. Пошла косить сено. Вечером возвращаются, только сели пить чай — послышалось грохотанье. С нарастающим грохотом, подобным раскатам неукротимого, яростного грома, опять влетел Алаа Монгус, остановился только посреди [дома].

— Старушка Ньыы-Ньыы, отдай мне стадо своих коров в девяноста *хотонах!* — говорит.

Старушка молчит — ни звука. Старушка молчит от страха.

— Не твоя воля давать или не давать, не твоя воля говорить или не говорить! — сказав, вышел и ушел.

Вечером вышли, смотрят: остался один махонький теленочек.

3 После того, как от их лошадей остался один жеребеночек, от их коров — один теленочек, на следующий день:

— Ну, детки, пошли косить сено, — говорит [старушка].

— Зачем нам идти? Прежде чем уйти, ведь всех наших лошадей и коров сожрал. Ни за что не пойдем.

— Как же не пойдем? К осени наш теленок подрастет и жеребенок наш подрастет. Ну пошли! — говорит.

— Пошли косить сено для своего теленка и своего жеребенка, — решив, отправились.

Вечером приходят. Только пришли, сели пить чай, вдруг бух! — перед ними возник парень-*монгус*.

— Старушка Ньыы-Ньыы, отдай мне своего теленка и своего жеребенка! — говорит.

[Та] ничего не говорит.

Тогда:

— Не твоя воля говорить или не говорить! — сказав, вышел и ушел.

4 Тогда на следующий день, когда ни лошадей, ни коров у них не осталось, ни сена косить, ни дрова заготавливать не пошли, лежат. На другой день, в то самое время, когда [обычно] приходит, к вечеру опять [*монгус*] заявился.

— Ньыы-Ньыы эмээхсин, сэттэ тараҕай уолгун миэхэ аҕаал, аҕал! — диир дьэ*.

Эмээхсин сүрэҕэ «бир-бир» гына түһэр. Тугу да санарбат. Сэттэ тараҕай уолун хамыччы тутан ылан, ханна гыммыта биллибэт, тахсан баран хаалар.

5 Сэттэ кыыһын кытта эмээхсин хаалар.

Нөҥүө күн:

— Сэттэ тараҕай кыыскын аҕал эрэ! — диэн көтөн түһэр.

Хайа<ан> санарыай? Санарбат. Сэттэ тараҕай кыыһын, кини көрдөҕүнэ, кум-хам тутарга дылы гынар да — суох гынан кэбиһэр.

6 Аны эмээхсин соҕотох буолан хаалар. Эмээхсин соҕотоҕун хаалла: сылгыта да суох, ынаҕа да суох, оҕото да суох. Дьэ били эмээхсин сытыан көрдө — сытар санаата көттө, утуйуон көрдө — утуйар санаата кэлбэтэ, олорон көрдө — олоруон санаата кэлбэтэ.

7 Чыҥырыкаан кулубата диэн ыаллаах эбит. Ол Чыҥырыкаан кулубата ыалыгар ытаан-соҥоон киирэр түүн үөһүн саҕана.

Түүн үөһүн саҕана киирэн [кэлбитигэр]:

— Хайа-аа! Хайаанҥын ытаан-соҥоон кэллэҥий?* — диир Чыҥырыкаан* кулубата, кутуйах кулубата диэн.

— Ээ, Анаа Моҥус кэлэн иин курдук иҥнэрдэ, аан курдук алдьатта. Аҕыс [уон атыыр] үөр сылгыбын, тоҕус [уон] хотон ынахпын, сэттэ уолбун, сэттэ кыыспын барытын сиэн кэбистэ. Аны бүгүн миигин кэлэн сиэҕэ. [Кинини] хайаатахпына сарбыйарым туһунан сүбэлээ, — диир.

8 — Оо, билигин этэҕин дуо? Бастаан сылгыгын сиэбитигэр кэлэн этиэххин. Хайаабыккыный? Кинини сарбыйар улахан буолбатах.

Сүүтүк сыарҕаланан кэбис, икки иннэ аралланан кэбис, биир быты көлүнэн кэбис, биир уһааты ууран кэбис. Ол гынан баран айаан күөлүн таҥнары бар. Айаан күөлүн таҥнары баар куоһаахтан орто быһаҕ<ah>ынан уһаакка уута бас. Икки сордоҥ айаан күөлүн атаҕар салгылаан туруохтара буолуо. Олору маһынан ытыттаран ылан, уһааттаах уугар түһэртээн кэбис икки улахан сордоҥ<у>. Онтон [күөлүн] тула сүүрэн киир. Арылыас* кус аҕыс сымыыттаах буолуо. Онтон икки сымыыты ылан хоонньугар уктан кэбис.

Онтон дьиэҕэр кэл. Дьиэҕэр кэлэн иһэҥҥин очуос тааска тахса көт. Ынах ханнын саҕа ньылхархай дьэҥкир хара таас сытара буо-

— Старушка Ньыы-Ньыы, отда-ай, отдай мне семерых своих плешивых сыновей! — вот говорит.

У старушки сердце забилось. Ничего не говорит. Семерых ее плешивых сыновей в охапку сгреб — даже не видно, куда дел, — вышел и ушел.

5 Остается старушка с семью своими дочерьми.

На следующий день:

— Отдай-ка мне семерых своих плешивых дочерей! — говоря, влетает [*монгус*].

Что же скажет? Молчит. Видится ей, как будто семерых ее плешивых дочерей скомкал — и их уже нет.

6 Осталась теперь старушка совсем одна. Одна осталась старушка: ни лошади, ни коровы, ни ребенка у нее нет. Ну пробовала эта старушка полежать — охота полежать пропала, пробовала поспать — охота поспать не пришла, пробовала посидеть — охота посидеть не наступила.

7 У нее, оказывается, есть сосед Чынгырыкаан-голова. К тому соседу Чынгырыкаан-голове, плача-рыдая, в полночь приходит.

Когда в полночь пришла:

— Что с тобо-ой! Почему плача-рыдая пришла? — говорит Чынгырыкаан-голова, называемый головой мышей.

— Да вот нагрянул Ангаа Монгус и разорил-истребил дотла*. Восемьдесят косяков моих лошадей, стадо моих коров в девяноста *хотонах*, семерых моих сыновей, семерых моих дочерей — всех сожрал. Вот сегодня придет съесть меня. Что делать с ним, как укротить, посоветуй, — говорит.

8 — О-о, и сейчас об этом говоришь? Сразу, как только съел твоих лошадей, могла бы прийти сказать. Что сделала? Укротить его нетрудно.

Наперсток сделай санями, две иголки сделай прислужниками, запряги одну вошь, положи один ушат. Сделав так, спустись вниз по озерцу старицы. Внизу озерца старицы есть озерный омут, набери пол-ушата воды. В заливе озерца старицы, греясь на солнце, может, будут стоять две щуки. Дав им схватить зубами палку, вытащи ее, двух больших щук опусти в свой ушат с водой. Потом вокруг озера обеги. Будет [там] утка-гоголь, у нее восемь яиц. Два из них возьми, за пазуху положи.

Затем возвращайся домой. По пути домой взбеги на утес. Должно статься, [там] будет лежать скользкий, блестящий черный валун

луоҕа. Ону илдьэ киир. Ол гынан дьиэҕэр кэлэҥҥин, оһоҕун иһин хаһан-хаһан бараҥҥын, били икки сымыыккын онно көмөн кэбис. Ол кэннэ күлүнэн сабан кэбис. Икки сордоҥноох уһааккын хаҥас диэки ороҥҥо ууран: «Бэргэ-э-н», — диэн бараҥҥын, киһи харбыыр гына ууран кэбис. Үөт түрэххин оһох иннигэр өйөннөрөн кэбис. Ол гынан ынах иһэ дьэҥкэгэр тааскын модьоҕо ис өттүгэр ууран кэбис. Иллэрээ күн барыахтарын иннигэр [төрүөбүт] аҕыс кытыт сылгы, тоҕус тоҥуй ынах харбаһынынан бүрүннэри быраан кэбис ол тааһы сабан. Үрдүгэр быраан-быраан кэбис. Ол гынан модьоҕоҕо, ааҥҥа бүргэстэри саай. Атах оронун түннүгэр, биллириги түннүгэр, хапкааннары иитэн кэбис, икки капкааны.

Бэйэҥ буоллаҕына сытыы болоту ыл, үгүөх орон* муннугар түһэн хаал, — диир.

9 Ньыы-Ньыы эмээхсин отой саҥарбат. Эмээхсин ол курдук икки кутуйах арыалланан, сүүтүк сыарҕаланан баран айаан күөлүн таҥнары барбытыгар — салгылаан-салгылаан баран тоноҕосторо хараарандхарааран баран, харахтара дьэрэлиһэн тураллар. Икки саамай улахан сордоҥнор. Икки маһы ылан ытыттарар. [Ону] ытыраллар. Ону ылан уһааттаах ууга быраҕар. Онтон күөл тула сүүрэр, сүүрэр. Арылыас кус көтөн хантааран таҕыста. Аҕыс сымыыт лэһигирээн сытар эбит. Икки сымыыты ылан хоонньугар укта. Онтон дьиэтигэр кэлэрин саҕана илин очуос тааска, онно, сүүрэн тахсан, дьэҥкир хара тааһы көтөҕөн мадьатан таһааран сыарҕатыгар уурда.

Баарын кини эппитин курдук дьаһайан кэбистэ. Оһох оройугар сымыытын у<у>рар, түннүктэрин тас өттүттэн сабан кэбиһэр, тимир хапкааны иитэлээн кэбиһэр түннүктэригэр. Модьоҕотугар бүргэстэри саайталаан кэбиһэр. Бэйэтэ буоллаҕына, биллирик орон муннугар түстэ, үгэх ороҥҥо саспата.

10 Онтон, дьэ-э, кэлэр кэмэ буолбут. Күн дьааһыгыран эрдэҕинэ кэлэр идэлээх. Түөрт саҕана, аныгынан. Кэлэн, лиһигирээн кэллэ. Киирэн иһэн аҕыс ойоҕоһун алдьатта, тоҕус ойоҕоһун тоһутта.

— Аата, абатыкайбын ини, оҕолоор! Бу Ньыы-Ньыы эмээхсин муодалаабыт ээ! Алдьархайбыын! Ньыы-Ньыы эмээхсээн, бааргын дуу?!

Саҥарбат.

— Хайа, бу дьиэтэ тугун харанатай?! — диэн баран. — Түннүгэ ханна эрэ баар буолла? — диэн баран, түннүгүн аһаары түннүгү аспыта: хапкааҥҥа түөрт тарбаҕын биирдэ быһа түһэн кэбиһэр.

размером с коровью брюховину. Его забери с собой. После этого придешь домой, раскопай [ямку] в глубине очага и зарой там те два яйца. Потом присыпь золой. Свой ушат с двумя щуками поставь на левый *орон*: сказав, «ме-еткими [будьте]!», поставь так, чтобы человек ухватил. К передней [стенке] очага прислони кочергу-ожиг. Затем у порога, с внутренней стороны, положи тот блестящий камень с коровью брюховину. Последом, сметенным [сеном, оставшимся после родивших позавчера девяти первотелок, восьми первожеребок], закрывая-забрасывая, тот камень накрой. Сверху закидай-забросай. Сделав так, к порогу, к дверям, прибей шилья. На окне над передним *ороном*, на окне над *биллириком* поставь капканы, два капкана.

Сама же возьми острый *болот*-меч и беги в угол за *орон*, что рядом с чуланом, — говорит.

9 Старушка Ньыы-Ньыы ничего не говорит. Когда старушка вот так, в сопровождении двух мышей, на санях-наперстке вниз по старице ехала, [увидела]: отдыхая-греясь на солнце, темнея-чернея спинами, сверкая глазищами, стоят две самые большие щуки. Сует им две палки. Хватают. Тогда, вытащив их, опускает в ушат с водой. Потом вокруг озерка бегает, бегает. Вдруг, вытянув шею, вылетает уткагоголь. [В ее гнезде] рядком лежат, оказывается, восемь яиц. Два яйца взяла, за пазуху положила. Когда подошло время возвратиться домой, взбежала на восточный утес, с трудом подняв, снесла оттуда блестящий черный камень, на сани свои положила.

Как раньше советовал он, поступила. В глубину очага кладет яйца, окна снаружи закрывает, на окна ставит железные капканы. На порог прибивает шилья. А сама бегом в угол за *биллирик*, а не в угол за *орон*, что рядом с чуланом.

10 Вот, наконец, наступило время прийти [Ангаа Мангысу]. Имеет привычку приходить, когда солнце клонится к закату. По-теперешнему, к четырем. Придя, с грохотом вошел. Входя, [на камне поскользнулся], восемь ребер сломал, девять ребер переломал.

— *Аата, абатыкайбын*, ребята! Это, верно, старушка Ньыы-Ньыы напроказничала! *Алдьархайбыын*! Старушка Ньыы-Ньыы, ты здесь?!

Молчит.

— Ну что же в этом доме у нее так темно?! — сказал. — Где же у нее тут окно? — сказав, окно толкнул — капкан четыре* пальца враз отсек.

— Абатыкайбын, оҕолоор! Биллирик түннүгэ ханна эрэ баар буолла? Ньыы-Ньыы эмээхсиэн, бааргын дуо?!

Аҥаар илиитинэн тайаммыта — биэс тарбаҕын бэһиэннэрин лэһигирэтэн кэбиһэр. Уон тарбаҕа суох буолар.

— Аата*, оҕолоор, уота ханна баара буолла? Дьиэтэ тоҕо харанатай? Тугун хараната бэрдэй?! — диир.

Илиитин табаҕайынан бугуурдук (остуоруйаһыт хамсанан көрдөрөр) оһоҕу хаһар. Оһох уотун хаспытыгар — икки сымыыт икки хараҕын тэһэ тэбэн кэбиһэр.

— Абатыкайбын эбит, оҕолоор! Ньыы-Ньыы эмээхсээн, бааргын дуо?! — диир.

— Уһааттаах уута ханна эрэ баар буолла? — диэн уһааттаах ууга илиитин батары анньар.

Илиитин батары биэрбитэ — сордоҥнор икки табаҕайын ытыран кэбистилэр. Ол ытыран турдахтарына, «Абытакайбын, оҕолоор!» — диэн саҥара турдаҕына, эмээхсин кэтэххэ батыйанан биэрээр — мэйиитэ түһэн кэлэр.

11 Дьэ, маҕыһын өлөрөн, дууһата сынньанан, эмээхсин түннүктэрин аһан кэбиһэр. Түннүктэрин арыйан баран, маҕыһын илиитин хайа баттыыр. «Хаҥас эрбэҕин сүрэҕин хайа анньаар», — диэбитэ Чыҥырыкаан кулубата — кутуйах кулубата. Онно хаҥас илиитин сүрэҕин анньыбыта: аҕыс уон үөр сылгыта, биир да кулун итээбэтэх, тоҕус уон хотон ынаҕа — барыта баар. Дьэ-э, ынахтар, сылгылар хотоһон таҕыстылар! Сэттэ уола, сэттэ кыыһа тыыннаахтар! Эмээхсин үөрээри үөрэр. Били баҕайыны таһааран уоттаан күөлэһитэллэр. Үөрээри үөрдүлэр.

12 Уруккутунааҕар уон оччонон ордук ыаллар буоллулар. Кулубаларыгар улаханнык бэлэхтээтилэр. Сүүрбэ сэттэ, үс тоҕус, сылгыны, ынаҕы биэрдилэр. Чыҥырыкаан*, кутуйах кулубата, туга да суох. От тэлгэһэлээх эбит.

17. ЧӨПЧӨӨКӨӨН-ЧӨПЧӨӨКӨӨН

1 Биир ойохтоох, уоллаах кыыс оҕолоох, күөх эбириэн оҕустаах, икки ынахтаах, икки биэлээх, икки тыйдаах, биир бороскоолоох, Киэҥ Чэҥэлик диэн күөллээх Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн диэн олорбута эбитэ үһү. Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн Киэҥ Чэҥэлик диэн күөлүгэр балыктаан-туулаан аһыыр идэлээх эбит.

— *Абытакайбын*, ребята! Где же окно над *биллириком*? Старушка Ныы-Ныы, здесь ли ты?

Другой рукой стал опираться — пять пальцев, все вместе, с глухим стуком покатились. Десяти пальцев не стало.

— *Аата*, ребята, где же у нее огонь? Почему в доме у нее так темно? Почему так темно?! — говорит.

Кистью руки вот (сказочник показывает) в очаге стал рыться. Когда золу в очаге разворошил, оба яйца, лопнув, оба глаза ему выбили.

— *Абытакайбын*, ребята, оказывается! Старушка Ныы-Ныы, здесь ли ты?! — говорит.

— Где же тут у нее ушат с водой? — в ушат с водой обе руки сует.

Руки сунул — щуки обе кисти зубами схватили. Как укусили: «*Абытакайбын*, ребята!» — начал было говорить, старушка пальмой* по затылку как ударит — мозги у него вывалились.

11 Вот, убив своего *магыса*, душой успокоившись, старушка свои окна открыла. Окна свои открыв, руку своего *магыса* разрезала. «Уколи подушечку левого большого пальца», — советовал Чынгырыкаанголова, мышиный голова. Подушечку [пальца] левой руки кольнула: восемьдесят косяков лошадей до последнего жеребенка в сохранности, стадо коров в девяноста *хотонах* — все тут. Вот вереницей коровы и лошади потянулись! Семеро сыновей, семеро дочерей живы! Старушка от души радуется. То чудище вытащили, большой из него огонь запалили. От души радуются.

12 В десять раз лучше прежнего стали семьей жить. Своего голову щедро одарили. Двадцать семь лошадей — трижды по девять лошадей*, трижды по девять коров дали. А у Чынгырыкаана, мышиного головы, ничего нет. На дворе трава, оказывается.

17. ЧЁПЧЁЁКЁЁН-ЧЁПЧЁЁКЁЁН

1 Жил, говорят, [человек] по имени Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён с одной женой, детьми, мальчиком и девочкой, сизо-пестрым быком, двумя коровами, двумя кобылами, двумя двухтравыми лошадками*, одним бычком и озером Киэнг Чэнгэлик. На озере Киэнг Чэнгэлик Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён рыбачил, ставил верши — тем, оказывается, кормился.

2 Ол курдук биир сассыарда халлаан сырдыыта, туутун көрө күөлүгэр киирдэ. Киирэн биир маһы дьөлө хаһан оҥорбут оҥочотун уутун эһэ туран иһиттэҕинэ — арҕаа диэкки күтүр улахан тыас тыаһаата. Онтон өр да, өтөр да буолбата — анаар харахтаах абааһы уола лиҥкинээн-лиһигирээн тиийэн кэллэ.

— Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн, дьэ сиэм суоҕа буоллар, икки тыйгын аҕал!

— Биэрбэппин!

— Биэрбэт буоллаххына, бу бэйэҕин сиэтим!

Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн куттанан, икки тыйын ыйан биэрэр. Абааһы уола баран сиэн хардырҕатан кээһэр.

— Сассыарда кэли<э>ҕим, икки биэҕин бэлэмнээр.

Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн эрэйдээх онтон санаарҕаан, туутун ситэ көрбөккө эмээхсинигэр тахсан:

— Дьэ, эмээхсиэн, хайдах гынабыт? Туох үтүө сүбэлээххиний? Абааһы уола икки тыйбытын сиэн барда. «Сассыарда эмиэ кэлиэм, икки биэҕин бэлэмнээн тоһуйаар», — диир. Дьэ тугу сүбэлэһэбит?

— Хайдах гынаахтыахпытый? Олорбуппут сыччах буоллаҕа дии! Илин баран Ийэхсити булуохпут дуу, арҕаа баран Айыыһыты булуохпут дуу, ууга түһэн уһун хонукка барыахпыт дуу, сиргэ тимирэн сириэдийэ байыахпыт дуу? Син биир буоллаҕа, — диэхтиир эмээхсинэ.

3 Сассына буолар. Чөпчө<ө>көөн-Чөпчөөкөөн саҥардыы туран этэрбэһин кэтэн, тахсан киирэ тахсар. Ол тахсан иһиттэҕинэ, арҕаа диэкки эмиэ тыас бөҕө тыаһыыр, онтон өр да өтөр да буолбат, анаар харахтаах абааһы уола лиҥкинээн-лиһигирээн тиийэн кэлэр.

— Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн!

— Тугуй?

— Икки биэҕин бэлэмнээтин* дуо?

— Оо, тойонуом, умнан кээспин*.

— Умнубут буоллаххына, бэйэҕин ылабын!

Чөпчө<ө>көөн-Чөпчөөкөөн онтон куттанан, икки биэтин ыйан биэрэр. Абааһы уола баран сиэн хардырҕатан кээһэр.

— Сассыарда кэлиэҕим, икки ынаххын бэлэмнээр.

Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн эрэйдээх ол күн туутугар киирбэт. Тугу гыныан булбакка — халлааннаан көтүөн халлаан ыраах, сирдээн тимириэн сир кытаанах буолан — санаа бөҕөҕө түһэн сылдьар.

4 Сассына буолар. Сассыарда, ким да тура илигинэ, абааһы уола кэлэн тоҥсуйар. Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн ону истэн таһылдьа* тахсар.

2 Вот так, однажды утром, когда небо посветлело, пришел к своему озеру осмотреть свои верши. Пришел и только принялся вычерпывать из лодки-долбленки воду, вдруг слышит, как с запада доносится сильный шум. Вскоре, через некоторое время, с гулом-грохотом появляется одноглазый сын *абаасы*.

— Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён, если не хочешь, чтобы я тебя съел, отдай двух своих двухтравых лошадок!

— Не отдам!

— Если не отдашь, вот тебя самого съем!

Испугавшись, Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён указал на своих двухтравых лошадок. Сын *абаасы* пошел и с хрустом их сожрал.

— Завтра утром приду, приготовь двух своих кобыл.

Бедный Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён от этого приуныл и, не досмотрев свои верши, пошел к своей старухе:

— Ну, старушка, что будем делать? Есть ли у тебя дельные советы? Сын *абаасы* сожрал обеих двухтравых лошадок и ушел. Сказал: «Завтра опять приду, чтобы ждали меня, приготовив двух кобыл». Ну что решим?

— Что тут поделаешь? Видно, настал конец нашей жизни! На восток идя, найдем ли Иэйэхсит, на запад идя, найдем ли Айыысыт, в воду упав, много ли дней протянем, под землю провалившись, крупно ли разбогатеем? Все ведь одно, — промолвила его старушка.

3 Настал следующий день. Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён только что встал, надев свои *торбаза*, выходит по нужде. Выходя, услыхал, как с запада опять доносится сильный шум. Ни много, ни мало прошло — с гулом-грохотом появляется одноглазый сын *абаасы*.

— Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён!

— Что?

— Приготовил ли двух своих кобыл?

— О-о, мой господин, забыл.

— Если забыл, самого тебя заберу!

Испугавшись, Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён указал на двух своих кобыл. Сын *абаасы* пошел и с хрустом их сожрал.

— Завтра утром приду, приготовь двух своих коров.

Бедный Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён в тот день к вершам не пошел. Не знает, что и делать: на небо улететь — небо высокое, сквозь землю провалиться — земля твердая, потому в большом раздумье ходит.

4 Настал следующий день. Наутро, когда еще никто не встал, пришел сын *абаасы*, стучится. Услышав стук, Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён выходит во двор.

— Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн, икки ынаҕын баар дуо?!

Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн икки ынаҕын ыйан биэрэр. Абааһы уола баран сиэн хардырҕатан кээһэр.

— Сассын маннааҕар эрдэ кэлиэҕим. Сүбэҕин-санааҕын булунан олороор!

— Дьэ сүөһүм баранна, арай күөх эбириэн угуспун* биэриэм буолуо, — диэхтиир Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн.

5 Бээһээтээҕэр* буукса* эрдэ кэлэн, абааһы* уола тонсуйар. Ону истэн Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн эмиэ таһылдьа тахсар.

— Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн, күөх эбириэн угускун бэлэмнээтин дуо?!

— Ээ бэлэмнээтим, — диэн баран, Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн күөх эбириэн оҕуһун ыйан биэрэр.

Абааһы уола баран сиэн хардырҕатан кээһэр.

6 Бээһээтээҕэр буукса эрдэ кэлэн, абааһы уола тонсуйар. Ону истэн Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн таһылдьа тахсар.

— Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн, хотун ойоххун тааһааран кулу!

Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн эрэйдээх ойоҕун баран сосуһан көрөр да, ойоҕо туох иһин тахсыбат. Ол курдук д<ь>иэ оттотугар астаһамучумааннаһа сырыттахтарына, абааһы уола дьиэ аанын өнөйөн туран, дук гынан, Чөпчөөкөөн ойоҕун харбаан ылан сиэн хардырҕатан кээһэр.

Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн санаа бөҕөҕө түһэр, ытыыр, муҥатыйар. Кини икки оҕотун, биир бороскотун эрэ гытта хаалла.

Уоллаах кыыс аҕаларыгар эппэккэ атах балай тахсан бааттар. Ол баран иһэн уоллаах кыыс урук* икки ынахтара турбут сирдэригэр тиийэн, кугас* торбосторун гытта бырастыылаһаллар.

7 Абааһы уола бэһээҥитээҕэр буукса эрдэ кэлэн тонсуйар. Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн ону истэн, соҕооҕун ылан охсуһаары тахсыбытын, абааһы уола сиэн хардырҕатан кээһэр.

Уоллаах кыыс итини биллилэр. Уол сүрдээхтик абаккатыйда да, кырата бэт буолан хаалла. Ол курдук сылдьан уоллаах кыыс торбосторугар кэлэн:

— Аата, ат да баҕас буолбаккын! Биһини үһүн уорҕаҕар олордон, кэтит мындаҕар салҕаннаран илдьэр да буолбаккын! — диэн этэллэр.

— Дьэ, тукаларыам, миинэн көрүн! Мооньньум быатын ылан кэбиһин, ситэн сиэҕэр дылы барыаҕын, — диэхтиир торбосторо.

— Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён, где твои две коровы?!

Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён указал на двух своих коров. Сын *абаасы* пошел и с хрустом их сожрал.

— Завтра еще раньше приду. Надумав-решив [что отдашь], сиди жди!

— Ну да, скот мой кончился, только, видно, и остается, что отдать сизо-пестрого быка, — промолвил Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён.

5 Еще раньше вчерашнего пришел сын *абаасы*, стучится. Услыхав это, Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён опять выходит во двор.

— Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён, приготовил ли своего сизо-пестрого быка?!

— Да, приготовил, — сказав так, Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён указал на своего сизо-пестрого быка.

Сын *абаасы* пошел и с хрустом его сожрал.

6 Еще раньше вчерашнего пришел сын *абаасы*, стучится. Услыхав это, Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён выходит во двор.

— Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён, выведи и отдай мне хозяйку-жену!

Бедный Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён пошел, попытался вывести свою жену, она же ни за что не выходит. Когда они так посреди дома возились-толкались, в открытую дверь заглянул сын *абаасы*. Протянув руку, схватил жену Чёпчёёкёёна и с хрустом ее сожрал.

В большое уныние впал Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён, плачет, жалуется на судьбу. Остался лишь с двумя детьми и одним бычком.

Мальчик с девочкой, ничего отцу не сказав, пошли куда ноги ведут. Вот мальчик с девочкой дошли до того места, где раньше были их две коровы, простились там с рыжим бычком.

7 Еще раньше вчерашнего пришел сын *абаасы*, стучится. Услыхав это, Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён вышел сразиться с ним в одиночку, сын же *абаасы* с хрустом его сожрал.

Узнали об этом мальчик с девочкой. Мальчик очень огорчился, да был он слишком мал. Пришли мальчик с девочкой с этим к своему бычку:

— *Аата*, почему же ты не конь! Почему же не повезешь нас, посадив на свой длинный хребет, подставив свой широкий круп! — так говорят.

— Ну, милые мои, попробуйте сесть на меня! Снимите с моей шеи веревку и отправимся, пока он не догнал и не съел нас, — промолвил их бычок.

Кыыс иннигэр, уол кэннигэр миинэр. Торбосторо эрэйдээх сыптарыйан «быр» гыннара-гыннара ньахчараҥныы турда.

8 — Көрүҥ эрэ, бу маҕай аллаахтары, куотан испит дьүһүннэрин! Сибилигин ситэн тиийэн сиэхтиэм буоллаҕа! — диэн арай кэн<н>илэригэр саҥа саҥарбытыгар, уоллаах кыыс көрбүттэрэ — абааһы уола ыраахтан тылын таһааран салбана-салбана иһэр эбит.

— Оо дьэ, ситтэ эбээт! Хайдах-хайдах куотуохпут буолла? — диэн уоллаах кыыс ытаһа истилэр.

Абааһы уола торбоһу кэлэн кутуругуттан тутуохча буолан эрдэҕинэ, торбос эмэһэтин тыаһа этиҥ этэ түстэ да — абааһы уолун сырайын бүтүннүү* саба сыптарыйан кээстэ. Онтон сиргэнэн абааһы уола тумнаста сыһан, сири-буору харбыы хаалла. Ол мучумаан<н>ана турдаҕына, бороosко эмиэ балай эмэ барбахтаата. Абааһы уола ыраастанан баран, эмиэ иккиһин эккирэттэ. Эмиэ ситэн, эмиэ сиэри, эмиэ чугаһаан кэллэ. Ол кэлэн эмиэ торбос кутуругар түһүөхчэ буолан эрдэҕинэ — торбос хааннаах иринэнэн айахтары, уостары, харахтары бүөлүү* сыптарыйан кээстэ. Абааһы уола онтон чачайан тиэрэ баран түстэ. Торбос эмиэ барбытын кубулуппат.

9 Торбостоох өрүскэ кэлэллэр. Өрүскэ киирэн торбос харбаабытынан барар. Кыыстаах уол торбостон тутуһуохтарынан тутуһан кээһэллэр. Ол курдук өрүскэ киирэн харбаан-харбаан, <б>ыһа туораан тахсаллара чугаһаабытын кэннэ:

— Маҕайакаан аллаахтар! Дьэ, ку<о>тарын ку<о>ттугут да, хойут хаһан эмэ күөн көссүһэр* күннээх буолуоҕум! — диэн абааһы уола биэрэккэ кэлэн хаһытыыр.

Ону истэ-истэ уоллаах кыыс тахсаллар.

— Сытан сыньньаныаҕын, олорон уоскуйуоҕун, — диир бороosку.

10 Ол сытан көрбүттэрэ — сүрдээх үчүгэй баҕайы сиргэ тохтообуттар эбит. Ол сытан:

— Сүүспүн быттаан эрэ, быт дьөлө сиэтэ*, — диир бороosку.

Быттаан биир улахан баҕайы ооҕуй оҕус саха быты булаллар.

— Дьэ, ити быты өлөрөн кээс, — диир кыыска боро<о>ску.

Кыыс ылан өлөрөн кээһэр.

— Дьэ, мин аны өлөбүн.

— Өлүмэ даа, өлүмэ! — дииллэр уоллаах кыыс.

— Кутум-сүрүм өллө, ити өлөрдүгүт. Хата кэриэспин этиим, истин! Тириибин сүлэн баран: «Д<ь>иэ буол», — диэн баран, саба быраҕын. Баҕаһым унгуоҕун: «Оһох буол», — диэн, түөт мүһэбин: «Түөт

Девочка села впереди, мальчик сзади. Бедный их бычок, брызгая пометом, подгибая ноги, побежал.

8 — Гляньте на этих прытких сорванцов, что за вид у бегущих! Вот сейчас догоню и сожру! — раздалось позади них: мальчик с девочкой оглянулись — оказывается, бежит, высунув язык и облизываясь-облизываясь, сын *абаасы*.

— О-о, вот ведь догнал! Как же нам от него убежать? — говоря так, ехали мальчик с девочкой, плакали.

Сын *абаасы* ухватился было за хвост [бычка], да тут зад бычка, как гром, загремел — и все лицо *абаасы* пометом обрызгало. От отвращения едва не задохнувшись, хватаясь за землю-грунт, сын *абаасы* отстал. Пока так барахтался, бычок опять довольно далеко убежал. Сын *абаасы* очистился и снова погнался. Опять догоняет, опять хочет сожрать, опять вот-вот настигнет. Догнав, опять ухватился было за хвост бычка, да бычок, обдав своим кроваво-гнойным пометом, залепил [ему] рот, губы, глаза. Захлебнувшись, сын *абаасы* на спину упал. Бычок опять хода не сбавляет.

9 Бычок добрался до реки. В реку бычок вошел, поплыл. Девочка с мальчиком изо всех сил ухватились за бычка. Войдя в реку, так они плыли-плыли, когда уже переправились и вот-вот выйдут [на берег], тогда:

— Ишь, какие прыткие сорванцы! Удрать-то удрали, [но] потом когда-то наступит день сойтись лицом к лицу*! — появившись на берегу, кричит сын *абаасы*.

Слушая-выслушивая это, мальчик с девочкой вышли [на берег].

— Полежим отдохнем, посидим успокоимся, — говорит бычок.

10 Лежат так, смотрят: остановились, оказывается, в очень красивом месте. Лежа так:

— Поищите-ка во лбу вшей, вошь меня заела, — говорит бычок.

Вылавливая вшей, нашли огромную вошь величиной с паука.

— Вот эту вошь убей, — говорит бычок девочке.

Девочка взяла и убила ее.

— Ну теперь я умру.

— Не умирай, ну не умирай! — говорят мальчик с девочкой.

— Душа моя умерла*, вот ее вы убили. Лучше завещание скажу, слушайте! Шкуру мою снимите: «Стань домом», — сказав, раскиньте ее. Черепу моему: «Стань печкой», — сказав, четырем конечностям

баҕана», сиһим уҥуоҕа: «Өһүө», сүрэхтээх быарым: «Тимир хара ыттар», хааным өһөҕүн: «Ыт аһылыга», түөт туйахпын: «Түөт орон буолун», — диэн баранҥыт бираҕын у<о>нна онно киирэн сытан кээһин. Онно ыт охсуһуоҕа. Ол охсустахтарына, ойон тураҥҥыт ыттары аһатаарыҥ. Ол ыттаргыт сүрдээх булчут ыттар буолуохтара, сүрдээхтик харыстаарыҥ. Дьэ бырастыыларын, — диэт, бороosко өлөн хаалар.

11 Өлтүн гэннэ сүлэн баран, уоллаах кыыс, эппитин курдук, тириитин: «дьиэ буол» диэн баран саба бираҕан, баҕаһын уҥуоҕун: «оһох буол» диэн, түөт мүһэтин: «түөт баҕана», сиһин уҥуоҕун: «өһүө», сүрэхтээх быарын: «тимир хара ыттар», хаанын өһөҕүн: «ыт аһылыга», түөт туйаҕын: «түөт орон буолу», — диэн баран бираҕан кээһэллэр у<о>нна ытаһа-ытаһа тирии анныгар киирэн утуйан хаалаллар.

12 Арай биирдэ уол иһиттэҕинэ — ыт үрэр, охсуһар саҥата иһиллэр. Ону истэн уол тура биэрэн көрөр да — туох да суох эбит. Уол эмиэ ытаан-ытаан баран, утуйан хаалар. Онтон эмиэ өр да, өтөр да буолбат — ыттар саҥалара эмиэ охсуһан кэлэр. Уол туран иккиэннэригэр [хаан өһөҕүн] быһаҕастаан биэрэр.

Ол сы<л>дьан көрдөҕүнэ, арай, сүрдээх үчүгэй дьиэҕэ сыталлар эбит. Ол курдук уол ыттарын аһатан-сиэтэн баран, уоллаах кыыс бороosколорун буотарагын буһаран сииллэр. Уол аһаан-сиэн баран, икки ытын батыһыннаран, кус бөҕөҥү, куобах бөҕөҥү өлөрөн, өлөрөн киирэр. Мантан эр ылан: «Бултууһукпун», — дии санаан талах оноҕостоох чаачар саа оҥостор. Ол талах оноҕостоох чаачар саатынан чугас эргиннээҕи куһу, куобаҕы, булту барыыр.

13 <Ол> курдук арай биирдэ уол икки ытын батыһыннаран, үс-түөрт хоно бултуу барар. Аҕастара хаалар. Үс-түөрт хонон баран бултарын барытын сүгэн, сороҕун соһон, онно холболоон хаалларан баран киирэн кэлэллэр. Уол кэлэн аанын аһарын гытта — икки ыта иннигэр ньолборус гына түһэллэр. Ол түһэн иһэн көөттөрө — абааһы уола күөс аннынан кэлэн бурхачыс гынан хаалар. Аҕастарын көөттөрө — аҕастарын сиэн бүтэрбит, уҥуоҕун илдьэн бөххө кутан кээспит.

Ону көрөн уолга:

— Дьэ, иэдээн буолбут! Көр, ити кини киирбит сиринэн биһи эмиэ киирэбит. Өлөн хаалар күннээх буоллахпытына, хара күүгэн өрө бырдаҥалаан таҕыстаҕына — саан киссин ылан моҥнон өлөөр. Онтон өскөтүн кыайыы-хотуу буоллаҕына, үрүҥ күүгэн өрө бардьыгынаан

моего тела: «[Станьте] четырьмя столбами», спинному хребту: «[Стань] матицей», сердцу с печенью: «[Станьте] черными железными собаками», сгустку крови: «[Стань] собачьей едой», четырем копытам: «Четырьмя *оронами* станьте», — так сказав, бросьте это, заберитесь внутрь [под шкуру] и ложитесь. В это время подерется собака [с другой собакой]. Когда станут драться, вскочите, накормите собак. Те собаки будут самыми лучшими охотничьими собаками, очень берегите их. Ну прощайте! — сказав так, бычок умер.

11 Когда он умер, мальчик с девочкой шкуру с него сняли, как он велел: «Стань домом», сказав, раскинули ее, черепу его: «стань печкой», сказав, четырем конечностям: «четырьмя столбами», спинному хребту: «матицей», сердцу с печенью: «черными железными собаками», сгустку крови: «собачьей едой», четырем копытам: «четырьмя *оронами* станьте», — говоря так, бросили все это, плача-рыдая улеглись под шкурой и уснули.

12 Вдруг мальчик слышит: лает собака, слышно, что дерется [с другой]. Услыхав это, мальчик вскочил, смотрит: оказывается, никого нет. Мальчик опять заплакал, так в слезах и уснул. Потом снова — ни много, ни мало прошло — донеслись голоса дерущихся собак. Мальчик встал и, разделив поровну, бросил обеим по сгустку крови.

Тут вдруг видит: лежат они, оказывается, в прекрасном доме. Так мальчик дал покушать-поесть собакам; сварив потроха своего бычка, девочка с мальчиком поели. Покушав-поев, мальчик ушел, взяв с собой двух собак; пришел, добыв много уток, много зайцев. Тогда, поверив в себя и думая: «Могу охотиться», — смастерил из тальника лук со стрелой. Тем тальниковым луком извел в округе уток, зайцев и прочую живность.

13 Вот как-то раз парень, взяв с собой обеих собак, ушел охотиться на три-четыре дня. Его старшая сестра осталась. Через три-четыре дня возвращаются: часть добычи несет на спине, часть за собой волочит, часть оставил в *холбо* на том месте, где охотился. Пришел мальчик, только дверь приоткрыл — обе собаки вперед него в дом шмыгнули. Когда шмыгнули — глядь, сын *абаасы* забрался под горшок и исчез, словно дым. Смотрят, [где] старшая сестра: старшую сестру уже сожрал, а кости ее пошел и выкинул в мусор.

Увидев это, мальчику:

— Ну случилась беда! Смотри, вот место, куда он вошел, мы тоже туда войдем. Если наступит день нашей смерти — вспенится черная пена, тогда возьми тетиву лука и удавись. А если наступит успех-по-

тахсыаҕа — булт сыатыттан буһаран аста бэлэмнии тоһуйаар, — диэн баран, икки ыта күөс аннынан ньолборус гынан хаалаллар.

14 Ону уол кэтээн олорор. Ол кэтээн олордоҕуна, күөһүн ханас чанчыгынан хара күүгэн бардьыҥынаан тахсар. Ону көрөөт, уол туран, саатын киссин сүөрэн аччарыһан барар. Ол туран көрдөҕүнэ — хара күүгэн уостан баран хатан хаалар, үрүҥ күүгэн өрө бардьыгынаан тахсан оргуйа турар. Уол аманаҕын сыатыттан күөс күөстээн бэлэмниир. Утаакы буолбат, икки ыта мүччү ыстанан тахсаллар. Аҕастарын гиэнин баһын унуоҕун абааһы уола бүтүннүү ыйыстыбытын таһааранар унуох туталлар. Абааһы уолун икки атаҕын үөс тымырын быһыта тыытаннар өлөрбүттэрин уолга сиһилии кэпсиллэр. Аманахтарын сыатын силлэр.

15 Бу курдук Чөпчө<ө>көөн-Чөпчөөкөөн уола икки ытын илдьэ сылдьан эһэ кыылы энээриттэн сиэтэн, буур кыылы муннуттан состорон, күөх тыа күндү кылааннааҕын көҥү үктээн, хара тыа хаттылаах булдун бултаан, байан-тайан, киһи киргилэ буолан, үйэлээх саахын моҥоон, туоха да мунҕурдаммакка үөрэн-көтөн, киһи буолан олоотто эбитэ үһү.

18. БИЭС ЫНАХТААХ БЭЙБЭРИКЭЭН ЭМЭЭХСИН

1 Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин диэн баар үһү. Биэтилимэ үрэҕэ диэн дойдулаах үһү, биргиньэх кустаах үһү, бэттиэмэ оттоох үһү, бэриинэ халдьаайылаах үһү, бытта бырааннаах үһү*, хатта диэн харҕылардаах үһү, хорбоһуннаах курунҥнаах үһү, эт эрбэһиннээх үһү, чохочу толоонноох үһү. Ол толоонугар аһыыр сүөһүтэ: биэс ынахтаах, биэс бороосколоох, биэс тыһаҕастаах, биэс тиҥэһэлээх. Бэйэтэ эр киһитэ суох собус-соҕотох олорбут. Биэт<илимэ> алааһыгар хабыллар саалыгар* сэттэ салаалаах* тиэрэ нэл бэстээх.

2 Илин* хал<л>аан анныттан эбир былыт тахсыбыт, иргиэнээх* самыыр түспүт. Биэс анаҕын* хомуйа киирбит. Эриэн торбос сонун тиэрэ кэтэн киирбит. Ыыстыйа сытыйан хаалбыт кулун кэтэхтээх дьабака бэргэһэлээх. Ол киирэн баран сэттэ салаалаах тиэрэ [нэл] бэһигэр ардахтан хааттаран олорбут. Ол олорон аллара диэкки көрөн олорбут. Ол көрөн олордоҕуна, анныттан эрийии көмүс илиистээх, үрүн көмүс умнастаах, тардыы көмүс тарбахтаах, киэргэл көмүс киистэлээх, сууйуу көмүс сотолоох дьикти диэн үчүгэй, хаһан да

беда — вспенится белая пена, тогда свари сало добытых [животных] и приготовься встречать, — сказали обе собаки и, вытянувшись, шмыгнули под горшок.

14 Вот мальчик сидит-ждет. Когда мальчик сидел-ждал, у левого края горшка поднялась черная пена. Увидев ее, мальчик вскочил, начал возиться, отвязывая тетиву лука. В это время увидел, что черная пена, оседая, высыхает и, забурлив, вскипает белая пена. Мальчик приготовил еду, сварив сало от задней части добытых [животных]. Немного времени прошло — выскочили обе собаки. Зажав в зубах, вынесли череп старшей сестры, которую сын *абаасы* целиком проглотил; захоронили его. Сына *абаасы* убили, разорвав паховые артерии обеих ног, — мальчику подробно о том рассказали. Наружное сало добытых [животных] съели.

15 Вот так, говорят, сын Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёёна со своими двумя собаками, медведя за гриву водя, дикого оленя за ноздри волоча, по дорогим пушным зверям зеленого леса ступая, ценных зверей черного леса охотой промышляя, разбогатев-раздобрев, лучшим из лучших став, дожив свой век, ни в чем не нуждаясь, человеком став, радуясь-ликуя, жил, оказывается.

18. СТАРУШКА БЭЙБЭРИКЭЭН С ПЯТЬЮ КОРОВАМИ

1 Есть, говорят, старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами. У нее земля с речкой Биэтилимэ, говорят, с уткой-лутком, говорят, с травой-мятликом луговым, говорят, с косогором-периной, говорят, с горой-пахом, говорят, с отмелью-кишкой конской, говорят, с лесом-наваром жирным, говорят, с сорняком-мясом, говорят, с долиной-сальником*, говорят. В той долине пасется ее скот: пять коров, пять телят, пять годовалых телок, пять бычков-трехлетков. Без мужчины, одна-одинешенька живет. Прямо посреди *алааса* Биэт[илимэ] стоит у нее широкая раскидистая сосна с семью ветвями.

2 [Как-то] с востока, от самого края неба, надвинулось перистое облако, пошел благодатный дождь. Пошла [старушка] собирать своих пять коров. Пошла, надев наизнанку пестрый телячий кожух. Была у нее и шапка *джабака* с задней частью из прокопченной кожи жеребенка. Когда пришла, засела, прячась от дождя, на (широкой) сосне с семью ветвями. Сидит, смотрит вниз. И вот когда сидела так и смотрела, снизу [из земли], пробиваясь-извиваясь, выросла необычайно красивая, доселе невиданная редкостная травинка с листом из

көрбөтөх, эгин бэйэлээх от хамсыы-хамсыы үүнэн кэлбит. Ол тахсан кэлбитин одуулаан көрөн олорбут. Үрүөх үрэр болот быһаҕын сулбу тардан ылбыт. Ол ылан баран, силиһин да альдьаппакка, мутугун да алдьаппакка* туура баһа<н> ылан, сонугар суулаан дьиэтин диэкки таҥкычах ойо турбут. Д<ь>иэтигэр килэрэн, суулаансу<у>лаан оронун таһыгар эрийэн ууран кээспит.

3 Анаҕын хомуйа хат бэдьэк ойо турбут. Киирэн анахтарын хомуйан таҕыста. Биэс ынаҕын хомуйан тахсан, хатыйыы талах күрүөтүгэр уган кэбистэ. Күргүйүллэн-күргүйүллэн оҥоһуллубут күлүк бараан титиигэр уган кэбистэ. Онтон дьиэтигэр киирэн, ынах ыыр ыаҕаһын ылан, ынаҕын ыан, торбоһун этэрэн барда.

Биир ынаҕын ыан баран, иккис ынаҕын баран ыан бүтэрэн эрдэҕинэ, дьиэтин* диэкки баччыр оҕо саҥата барылаччы ытаата*, ньирэй оҕо саҥата ньирилэччи ыты<ы>р. Ону истэн, үүтүн тоҕо көтөн баран, дьиэтин диэки ыстанна. Дьиэтигэр кээлтэ — туох да суох эбит. Муҥатыйан баран төннөн барда. Иккис ынаҕын ыан бүтэрдэ. Үрдүн ыан эрдэҕинэ, эмиэ оҕо ытыыр, эмиэ оҕо ытыыр. Баччыр оҕо саҥата барылаччы ытаата, ньирэй оҕо саҥата ньирилэччи ытыыр. Ойон туран эккирээтэ, ы<а>ҕастаах үүтүн тоҕо бираҕан кээстэ, ол да эрээри д<ь>иэтин диэкки ыстанна. Д<ьиэтигэр> көтөн түстэ. Д<ьиэтигэр> туох да суох:

— Туох баҕайыный, туох саҥатын истэбин? Аныгы ытыырыгар киирэр да үһүөбүн!

Онтон ынахтарыгар барда. [...]* ынаҕын ыан эрдэҕинэ, эмиэ оҕо ытаата: баччыр оҕо саҥата барылаччы ытаата, ньирэй оҕо саҥата ньирилэччи ытыыр. Үүтүн тоҕо бираҕан кээстэ, д<ь>иэтигэр барда. Онно баран көөттө: били сонугар* суулаан таһаарбыт ото оҕо буолан, уҥаунга барбыт, тэбэ-тэбэ барбыт.

— Оо, и<э>хэйбин ньии, оҕолоор! — диэн баран ытыһын үрдүгэр түһэрбит. — Дьэ, мас Байанайым «пал!» гыннардаҕа, туос Ньукуолам «топ!» гын<н>ардаҕа! — диэн баран, ойон тура эккирэ<э>н, хаҥас сүргүнэтин харбыалаан-харбыалаан, чычаах тумса саҕа* арыыны булан уотугар бырахта. Ол гынан баран, оҕотун сүгэн сылдьан, ынаҕын ыан үүт иһэт<т>э.

4 Бу курдук оҕотун былыттаах таҥараҕа быктарбакка, хал<л>аан таҥараҕа харахтаппакка, отто дойдуну одуулаппакка, ыстакаанҥа ыһыгыннаран, атыйахха аччатан, тордуйаҕа туохтатан, көтүрдэр тиих<иг>эр холоон, көрдөр хараҕын дьүк<к>этигэр тэҥнээн,

витого золота, с серебряным стебельком, с вытянутым золотым пестиком, с кисточкой из чеканного золота, с ножкой из литого золота. Сидит [старушка], эту выросшую травинку разглядывает. Потом вытащила свой *болот*-нож для скобления кожи. Вытащив, не сломав ни корешка, не обломав ни стебелька, [травинку] вырыла, в кожух завернула и засеменила домой. Домой принесла, как следует закутала, завязала и рядом с *ороном* положила.

3 Снова засеменила собирать коров. Коров своих собрала, вернулась. Собрав пять своих коров, загнала их в тальниковую ограду. Загнала в добротно построенный тенистый летний хлев. Потом зашла домой, взяла свое берестяное ведро и отправилась доить свою корову, кормить теленка.

Одну корову подоила, пошла ко второй корове, заканчивает уже ее доить, тут в той стороне, где ее дом, звонко заревел карапуз, гулко плачет младенец. Как услыхала это, [ведро с] молоком опрокинув, бросилась к себе домой. В дом вбежала — дома, оказывается, никого нет. Посокрушалась и вернулась назад. Закончила доить вторую корову. Только начала доить следующую, опять ребенок, опять плачет ребенок. Звонко заревел карапуз, гулко плачет младенец. Вскочила, берестяное ведро с молоком опрокинула, но все же бросилась к себе домой. В дом свой влетела. Дома у нее ничего нет:

— Что же это такое, что за голос я слышу? Если опять заплачет, больше не пойду!

Затем вернулась к своим коровам. Только взялась доить корову, опять заплакал ребенок: звонко заревел карапуз, гулко плачет младенец. Молоко опрокинув, пошла домой. Пришла, видит: та травинка, что принесла завернутой в тот свой кожух, стала младенцем, закатываясь-захлебываясь, [он] плачет, суча-дрыгая ногами, ревет*.

— О-о, радость-то какая, детки! — сказала и положила младенца на ладони. — Ну наконец-то, мой деревянный Байанай мне — «шмяк!», мой берестяной Николай мне — «бряк!» [подкинули]*! — сказав, вскочила, на левой лавке пошарила-пошарила, масла там величиной с птичий клюв нашла, бросила в огонь*. После этого, с младенцем на спине подоив свою корову, напоила его молоком.

4 Вот так, от облачного бога [дитя] скрывая, небесному богу не показывая, на Средний мир не давая взглянуть, над стаканом держа, на берестяное лукошко высаживая, в берестяную посудину давая сходить, как зубы свои оберегая, как зеницу ока храня*, якутам-уран-

ураанҕай сахаҕа одуулаппакка оҕолооото. Кыыстаммытын тухары иннинэн сирэйдээҕи, ик<к>и атахтааҕы, чугас ыаллыыттан кими да сырытыннарбат буолан хаалбыт.

5 Оннук маанытык үөскээбит кыыс биир хонон биирдэнэр, түөрт хонон* түөттэнэр, сэттэ хонон сэттэлээх кыыс буолар. Ол буолан баран ынах да хомуттарбат, ас да астаппат. Бэлэмнээн биэ<р>тин иһэраһыыр эрэ идэлээх. Күнүн тура-тура үлэҕэ үөрэппитэ диэн: күн тура-тура сап хаттарар иҥиринэн. Ол гына сыыттаҕына, Хара Ха<а>н уола, уола — Харадьын Мэргэн диэн киһи талах оноҕоһунан, чаачар саанан оннооҕу-маннааҕы үөнү-күрд<ь>эҕэни ытан бултаан, туһанарын ылан, туһамматын быраҕан баран, үүт маҕан атыгар ыҥыырда сылдьар идэлээх эбит.

6 Бэйбэрикээн эмээхсин д<ь>иэтин үрдүгэр суул<ла>ары гыммыт курдук тиит<т>эр өрө өнөйөн тураллар эбит. Ол тиик<к>э биир кугас тииҥ сүүрэн татыгыраан таҕыста. Ону көрөн баран, Хара Хаан уола кыҥаан-кыҥаан баран ытан дьиргиттэ — сыыһа ытан кэбистэ. Талах он<о>ҕос мээнэ үөһэ диэкки халыйан таҕыста. Халыйан тахсан баран, төннөн түһүүтүгэр Б/эйбэрикээн/ эм/ээхсин/ үөлэһин үүтүнэн дьылыс гынан хаалла. Онно кэлэн биэс ынахтаах Б/эйбэрикээн/ э/мээхсиҥҥэ/:

— Оҕум түһэн хаалла эн үөлэскинэн, ону ылан кулу, — диир.

Эмээхсин саҥарбат.

— Б/эйбэрикээн/ э/мээхсин/, охпун ылан кулу диибин ээ! Тоҕо ылбаккын?

— Бээ, мэһэмээммин сууйабын, — диир.

Ол гынан баран ылыахта ылан быстыбат.

— Б/эйбэрикээн/ эм/ээхсин/, охпун ылан кулу!

— Бээ, күөспүн кэһиибин.

— Б/эйбэрикээн/ э/мээхсин/! Хайа, охпун ылан биэрэҕин дуу, суох дуу?!

— Бээ, иһиппин хомуйабын.

Онуоха кыыс этэр:

— Оок-си! Туох эрэ быатыгар муокаста<а>ҥҥын, ээ?! Таах да ылан биэрбэккин.

— Иньньэ диэтэххинэ, аллаах оҕо, эн ылан биэр ээ, — ди<и>р. — Тугу гына олороҕун?

Онно кыыс туран хап-сабар илиитин таһынан, ийэтин кынчарыйа-кынч<арыйа>, оҕу ааны ататан биэрэр. Ол иккирдигэр* кыыһы уол, сирэйин анаарын, көрөн хаалар.

хайцам* не показывая, ребенка своего растила. Как дочка появилась, никого из переднелицых двуногих*, из ближних соседей не стала к себе пускать.

5 Со всех сторон окруженная заботой, через сутки девочка годовалой, через четверо суток четырехлетней, через семеро суток семилетней девочкой становится. Однако ходить за коровами, готовить еду девочке не дают. Только то, что подали, привыкла она есть-пить. Одному лишь [старушка] изо дня в день учила: изо дня в день давала ей сучить из жил нитку. Когда так жила, имел обыкновение бродить [в тех местах], оказывается, сын Хара Хаана, сын — человек по имени Хараджын Мэргэн с тальниковой стрелой, луком-самострелом, тамошних-тутошних букашек стреляя-добывая, негодное бросая, нужное забирая, на молочно-белого коня навьючивая.

6 Склонившись над домом старушки Бэйбэрикээн — вот-вот упадут, — росли, оказывается, лиственницы. На эту лиственницу взбежала одна рыжая белка. Заметив ее, сын Хара Хаана, целясь-прицеливаясь, с грохотом выстрелил — промахнулся. Сбившись, тальниковая стрела полетела мимо нее вверх. Когда, мимо пролетев, падала вниз, скользнула в дымовое отверстие [домика] старушки Бэйбэрикээн. [Хараджын Мэргэн] пришел тогда к старушке Бэйбэрикээн с пятью коровами:

— Моя стрела упала в твое дымовое отверстие, достань и подай ее мне, — говорит.

Старушка молчит.

— Старушка Бэйбэрикээн, говорю ведь, достань и подай мне стрелу! Почему не достаешь?

— Подожди, ковш свой мою, — говорит.

Но не собирается доставать.

— Старушка Бэйбэрикээн, достань и подай мне стрелу!

— Подожди, горшок чищу.

— Старушка Бэйбэрикээн! Ну как, достанешь и отдашь мне стрелу или нет?

— Подожди, посуду убираю.

На это девушка говорит:

— *Оок-си*! На беду* свою хитришь, *ээ?!* Подала бы уж.

— Шустрое ты дитя, раз так говоришь, сама достань-ка и подай, — говорит. — Чем сидишь занимаешься?

Тогда девушка, сердито на мать косясь-покосившись, тотчас дверь приоткрыла, руку наружу высунула и стрелу от себя подала. За это время парень успел рассмотреть пол-лица девушки.

7 Ол баран сэттэ хонугу мэлдьи аһаабат да, сиэбэт да, саҥарбат [да], сыыҥын [да сыынтаабат], хараҕын да көрбөт, силин да силлээбэт. Хара Хаан ойоҕунаан кэлэн ааттыы сатаан кээһэллэр.

— Эдэр киһи, баҕар куттаныахха айылаағы көттүн* буолуо, үөрүөххэ айылаағы көттүн буолуо. Эт да, тукаам! — дэһэллэр.

Ааттаһыы бөҕө буолтугар:

— Биэт<илимэ> алааһар, бэт хонуутугар олохтоох Бэйбэрикээн эмэ<э>х<син> баар эбит.

— Ээ, баар. Ол киһи былыргаттан ыалбыт. Д<ь>э бэрди та көрбүт оҕобут, — диэн уолларын сүөргүлүүллэр.

— Ол эмээхсин биир кыыстаах эбит! Харахпынан көрүөхпүттэн ыла ханна да көрө илик үчүгэй кыыһы көрдүм. Д<ь>э, баар эбит! Д<ь>э, арай, ол кыыһы миэхэҕэ д<ь>э хайдах гынаҥҥыт ойох ылан биэрэҕит?!

— Ээ, д<ь>э. Б/эйбэрикээн/ кыыһын баҕас* ньачаас ылар буоллахпыт дии! Икки бэрэмэдэй дэлби барарынан сыата-арыыта дэлби симэн таҕыс. Ол баҕайы таҥыннарар таҥаһа суох буолуо, сары<ы> гиэнин саамыылааҕын илд<ь>э таҕыс. Тугу гына олоруой? Бэйэтэ тигиэ!

Тигэн баран, тэрийэн, уолларын ыытан кээһэллэр. Ол ыытан бараннар:

— Мантан үс биэрэстэ сиргэ И<э>йэхсит сиэнэ Илэ Хара диэн киһи баар буолуо. Ону илдьэ баран дуруускалат. Ол киһи кэпсэтэн баран, сыанатын туох диирин, манна киирэн кэпсээтин, — диэн буолла.

8 Уол баран, Иэйэхсит сиэнэ уол<у> илдьэ барда. Таарыйа булгааннаалтаан, дөксө эбии ыҥыырдан, икки ат сиһэ тостуоҕунан ыҥыырдан таҕыстылар. Тахсан, Б/эйбэрикээн/ э/мээхсин/ саах балаҕана салыбырыар дылы тоҥсуйан кэбистилэр.

— Б/эйбэрикээн/ э/мээхсин/! Тахсан сирэйдээх хараххын көрдөр, — диир И<э>йэхсит сиэнэ.

— Аата, мин сирэйбин хаһан көрбөтөххүнүй?

— Эмэ<э>хсин, таҕыс! Кэһиибитин аҕаллыбыт. Ону ылан сиэ! Киһи булгуу сылдьабыт. Хайаты<н> барытын ыҥыырда сылдьыахпытый? Эбэбэр, эйиэхэ*, хаалларабыт, — диир уол.

Эмээх<син> тахсар. Араас көтөр бөҕөнү аҕалбыттар. Ону баайыытын быһа тэбэн түһэрэн биэрэр.

— Дьэ эн оҕолоох этиҥ, мин ону үнүрүүн кө<ө>ттүм. Ити оҕоҥ бэйэн оҕоҥ дуу, киһи оҕото дуу?

7 После этого семь дней ничего не ест, не пьет, не говорит, сопли свои не высмаркивает, глаза свои не открывает, слюни свои не сплевывает. Пришли Хара Хаан с женой, пытаются его разговорить:

— Может, юноша, [ты] увидел такое, чего пугаются, увидел такое, чему радуются. Скажи-ка, дорогой! — говорят.

На их настойчивые уговоры:

— Есть, оказывается, старушка Бэйбэрикээн, живущая на своем *алаасе* Биэтилимэ, на лучшей своей поляне.

— *Ээ*, есть. Это наша давняя соседка. Эко диво увидело наше дитя, — говорят с неодобрением своему сыну.

— У той старушки, оказывается, одна дочь! С тех пор, как глаза мои стали видеть, такой прекрасной девушки нигде не видывал. А ведь есть, оказывается! Ну что можете сделать, чтобы мне ту девушку отдали в жены?

— *Ээ*, ну уж дочь-то Бэйбэрикээн очень быстро сосватаем! Возьми с собой две сумы, набитые маслом-жиром. У этой уродины нет, верно, одежды приодеться: возьми с собой самую лучшую ровдугу. Что ей делать? — Сама себе сошьет!

Собрав сына в дорогу, отправили его. Напоследок:

— В трех верстах отсюда будет человек по имени Илэ Хара, внук Иэйэхсит. Возьми его с собой сватом. Этот человек сговорится о цене, по возвращении нам обо всем расскажет, — сказали.

8 Парень поехал, взяв с собой [того] парня, внука Иэйэхсит. По пути поохотились, еще больше на обеих лошадей навьючив — чуть спины им не сломали, — выехали. Добравшись, так застучали по обмазанному навозом балагану* старушки Бэйбэрикээн, что он задрожал.

— Старушка Бэйбэрикээн! Выйди, покажи свои глаза, лицо! — говорит внук Иэйэхсит.

— *Аата*, разве ты никогда не видел моего лица?

— Старушка, выходи! Привезли с собой гостинец. Возьми его, съешь! Мы на охоте. Как же мы сможем все это навьючить на лошадей? Оставляем тебе, нашей бабушке, — говорит парень.

Старушка выходит. Много всякой дичи навезли. Рванув ногой завязки, парень все это вываливает.

— Ну у тебя была дочь, я ее в тот раз приметил. Это твоя дочь или чужая?

— Ээ, сах! Ол миэхэ, ким миэхэ оҕо биэрэн чэчигирэтиэй?! Бэйэм гиэнэ буоллаҕа дии.

— Дьэ ол оҕоҕун, дьэ миэхэ хо<о>йҕо сытарга холоонно<о>х доҕорго холоон тураҥҥын биэрэр* сүбэҕин-санааҕын бул. Биэрдэргин да ылыам, биэрбэтэргин да ылыам! Аны икки хонон баран эргийэн кэлиэхпит. Хаанылыы хайатыгар түүлээхтии бардыбыт. Оҕоҕуна<а>н сүбэлэһэн, кэлэрбитигэр сулбу-халбы кэпсэтиитэ тэрийэн [олор]. Туохха наада буоларын барытын биэриэхпит. Кыһын тымныыга тоҥоруохпут суоҕа, сайын куйааска буһарыахпыт суоҕа, аастаххына-туордаххына — аска кыһаннарыахпыт суоҕа, тутайд<а>ххына-холуннаххына — үбүнэн мугурдатыахпыт суоҕа, — диэн бараннар бараллар.

Баран баран, икки хонугу мэлдьи ааттаан туран кыыһын тылын нэһиилэ ылыннарар.

— Дьэ кэпсэттэҕиҥ дии! Кэпсэтэн көрөөр онтон. Хайдах дьон буолла? Саарабыл дьон буоллулар дуу, хайдах дуу?

9 Икки хонон баран кэлэллэр. Эмиэ булгаан-алгаан ыҥырдан ныһылытан тиийэн кэлэллэр.

— Ээ, чэ, оҕом булгаан да аһатыыһы, кырдьык, хоргуппата чахчы буолсу.

Дьэ кыыһы көрүһүннэрэр «э<э>х» дэтэн, туохха наадатын барытын этэн. Уол-кыыс холбоһор буолан ууруһан арахсыбыттар.

10 Сэттэ хонон баран кэлиэх буолан болд<ь>оһон барбыттарын кэннэ:

— Хара Хаан<н>а тэҥнээх буоланҥын, Хара Хаан уолугар ойох биэрдиҥ. Төһөнү симээн таҥыннаран ы<ы>таргын көрүөм.

— Биир кыыс оҕону таҥыннаран ыытаа инибин.

Иньньэ диирин гытта, уҥа холумтаны* «топ-топ» гына охсон баран, биир д<ь>эс дьиэмэх* ытарҕаны салыгыр гына түһэрэр. Холумтанын гиэнин «лон-лон» тонсуйар — биир д<ь>эс биһилэҕи ланҥкыр гына түһэрэр. Ханас муннугар баран, хаһан-хаһан, биир тыс олооччу этэрбэһи туллас гыннаран кээстэ, уҥа муннугун хаһан-хаһан, кугас торбос тириитэ саҕыньньаҕы, тартаччы хатан хаалбыт эрэйдээҕи, таҥкыр гыннаран кээстэ. Уҥа диэкки баттах баҕанатын хаһан, кугас кулун бэргэһэни, түүрэ хатан хаалбыт эрэйдээҕи, кулахыс гын<н>аран кээстэ.

— Чэ, тукаам, бу балары сиигирдэн бэлэмнэн.

Ол гыммытын гэннэ, кыыс туран, атаҕын таһынан бөх диэкки үрэйэ тэбэн кээһэр.

— Ээ, черт! Кто же даст мне расцвести, одарив меня дитем?! Ясное дело, моя собственная.

— Ну вот, найди способ-решение отдать это свое дитя, считая, что [она] достойна ли быть мне другом, лежащим в [моих] объятиях. Отдашь — возьму, не отдашь — возьму! Теперь через два дня вернемся. Поедем охотиться на пушного зверя на гору Хаангылыы. К нашему приходу, посоветовавшись со своей дочерью, приготовься все решить по-быстрому. Что нужно будет — все отдадим. В зимнюю стужу не дадим замерзнуть, в летнюю жару не дадим сопреть, если оголодаешь-отощаешь, в еде не дадим нуждаться, если обеднеешь-обнищаешь, в добре не откажем, — сказав [так], уехали.

Двое суток все уговаривала, насилу получила согласие своей дочери:

— Ну поговори уж! Попробуй тогда поговорить. Что за люди они? Надежные, что ли, люди или как?

9 Через два дня возвращаются с охоты-промысла. Приезжают, опять навьючив-везя [добычу].

— Ээ, кажется, мое дитя охотой прокормит и вправду не даст голодать.

Ну с согласия девушки дает с ней встретиться, говорит, в чем нуждается. Собравшись пожениться, поцеловавшись, парень с девушкой расстаются.

10 Когда [сваты] уехали, договорившись, что через семь дней вернутся:

— Считая себя ровней Хара Хаану, выдала меня замуж за сына Хара Хаана. Посмотрим, в сколько нарядов нарядив, отправишь.

— Одну-то девушку, наверняка, сумею, нарядив, отправить.

Только сказала — в правый шесток «*топ-топ*» постучав, одни медные серьги с подвесками со звоном бросила. В печной шесток «*лонг-лонг*» постучав, одно медное кольцо с бряканьем уронила. В левом углу покопалась-порылась — одни короткие оленьи *торбаза* плюхнулись; в правом углу дома покопалась-порылась — рыжая доха из телячьей шкуры, бедняжка, совсем усохшая, грохнулась. Под правым столбом* покопалась — рыжая шапка из жеребячьей шкуры, бедняжка, совсем ссохшаяся, завертелась.

— Давай, деточка, готовься, все это размочи.

На это дочка всю одежду от себя ногой в мусор отшвырнула.

Онтон биһилэҕин оһоҕун* буоругар дэлби аньһан килбэтэр.

— Чэ, мэ, тукаам, хайа да көмүскэ барбат бэт биһилэх буолла. Ытарҕатын эмиэ иньһэ гынар.

— Оннооҕор сорох оҕолор үрүҥ көмүһү ытарҕа гыналлар. Маны киһи кыһыл көмүскэ тоҕо биэриэй?!

11 Кыыһа хайатын да ылбат. Ону гытта аччарыһыахтарыгар дылы сэттэ хонук туолан хаалар. Күтүөт бүгүн кэлэр күнэ буолар. Дьэ туран күтүөттэрэ буоллаҕына, [халлаан] сырдыырын гытта хатан аньһыы тыаһын курдук хабырҕаччы хаамтаран, сытыы аньһы<ы> тыаһын курдук чыыбырҕаччы айаннатан, тиийэн кэллэ. Эмэ<э>хсин тамыйах сонун тар гына тардан ылан баран, тахса сүүрэн, тэһиин тутан, тэллэх кэбиһэн килэрдэҕэ үһү.

12 Күтүөтэ киирэн, уҥа оронҥо олорон кээһэр. Ол олорбутун гэннэ бэрэмэдэйин хостоон, кэһиитин-тутуутун хостоон өрөһөлөөтүлэр, таҥаһын сүөрдүлэр. Улуу тайах у<о>рҕатын тириитин улахан соҥҥо анаан ыыппыттар үһү, тыһы тайах өрөҕөтүн тириитин сайыҥ<н>ы таҥаска анаан ыыппыттар эбит, борон куобах тириитин муньньан-муньньаннар суорҕан оҥотороллор эбит, хара сылгы хаҕын мун<ь>ньан<н>ар тэлгэх тигэн ыыппыттар.

Ону көрөн баран:

— Илэ баҕайыга барбаппын! Пахайбын диэ! Бу туох таҥаһа буолуой? Ол иһин эн кэпсэппитиҥ ааньһа буолуо дуо! Маҥнайгыттан мин саарыыр этим. Атар айаҕыттан маннык ааньһ<а> ахтыбат дьон төһө бэйэлэригэр тэҥнээн иһэрэхтээх тылларын<ан> илдьи кэпсэтэн, ириэнэх хааннарынан элбэхтик көссөннөр эйэлээхтик саныыллара бил<л>и<б>эт. Дьэ, кэбис, ийээ, у<у>райыыһыккын! Астарын аһаама, таҥастарын таҥныма, — диэбитин гэннэ.

— Баччалаах дойдуга кэлиэх буолаҥ<н>ын сааратаҕыҥ, күлүү гыннаҕыҥ! Күлүү гынар дьонун биһи эбит буоллахпыт! Адьас маҥнайгыт<т>ан ол-бу буолума! Эп<п>ит тыл эричиэн, кэпсэппит кэпсэтии биир буолуо этэ! Күнүн аайы көтүллэн, хайдах сатанан сылдьыай? Оччоҕо отто дойдуга олох да сөбө суох буолар ини! — күтүөт иньн<ь>э диирин гытта, эмээхсин ыксаан:

— Дьэ үтүө буола<а> ини. Хата, тахсаҥҥын булгаан-алгаан киир.

Иньһэ диирин гытта:

— Хонук үтэтэ аҕал. Дьэ биир хонон, икки хонукка булгаан киири<и>м. Онно көм<м>өтөх<х>үтүнэ сатаммат! — диэн буолла.

Затем [мать] хорошенько начистила перстень о печку так, что он заблестел.

— Давай, деточка, возьми. Перстень стал так хорош, что ни за какое золото не отдашь.

То же сделала с серьгами.

— Некоторые дети даже носят серьги из серебра. Эти человек за золото разве отдаст?!

11 Дочь ничего не берет. Пока со всем этим возились, прошло семь дней. Сегодня настал день, когда приезжает жених. А жених-то на рассвете приехал: ступает с грохотом, подобным ударам крепкой пешни, идет со скрипом-треском, подобным скрежету острой пешни. Старушка телячью доху схватила, во двор выбежала, за поводья взяла, попону сняла, внесла.

12 Жених в дом вошел, на правый *орон* сел. Только сел — порывшись, вытащили из его переметной сумы гостинцы-подарки, кучей свалили, одежду разложили. Шкуру с хребта огромного лося для большой дохи послали, говорят, шкуру с брюха лосихи для летней одежды послали, оказывается, шкурки серых зайцев собрали-насобирали, чтобы пошить одеяло, оказывается, [шкурами] черных жеребцов запасясь, подстилку сшили, послали.

Увидев это:

— За такого дурня замуж не пойду! Тьфу! Что за одежда из этого выйдет? Будет ли толк от твоих переговоров! С самого начала я сомневалась. Неведомо, будут ли доброжелательны — считая меня ровней, искренними словами по душам разговаривая, с теплотой всегда встречая, — с первых дней неуважившие меня люди. Нет, матушка, ты постой! Еду их не ешь, одежду их не бери, — сказала, после чего [жених]:

— В такую даль завлекла, надежду подала и насмеялась! Вот мы те люди, над которыми ты, оказывается, насмеялась! С самого начала не крути! Данное слово должно быть твердым, заключенный договор должен быть един! Если каждый день [он] будет нарушаться, что же тогда будет? Жизнь в Среднем мире тогда вообще разладится! — после этих слов жениха старушка торопливо:

— Она одумается. А ты пока сходи на охоту.

После этих ее слов [жених]:

— Дай еды на день и ночь. Один раз переночую, два дня поохочусь и вернусь. Неладно будет, если за это время вы не поладили! — было сказано.

Иньэ диэн баран, бултуу таҕыста. Куула тыа унуоргу Хордоҥноох үрэҕин өрө батан бара турда.

13 Ол барбытын гэннэ, кыыс туран сэттэ тиэрэ нэл эрбэһин төрдүгэр күөх от далбыырданан*, көндөй от тайахтанан, түүнэн көрөн, түнэнэн дайбаан, чөмөкөлөөн хааман киирэ турбут.

— Биэтилимэ алаас эбэ хотун иччитэ Ийэхсит ийэм, Айыыһыт аҕам, Д<ь>өһөгөй тойон, д<ь>үүллээн көр! Таҥнар таҥаһым, симэнэр симэҕим хайдах буолуой, хантан кэлэр? Мин элбигим*, көлүнэр көлөм хан<н>а баарый? Ханна баарын ыйан-кэрдэн кулун! Түөт хонор төлкөбүн төлкөлөөн, биэс хонор би<л>гэбин билгэлээн, д<ь>э, кулуҥ эрэ! — иньнь<э> диэн көр<д>өһөр-ааттаһар эбит.

Ол көрдөспүтүгэр итии тыал тыалыран, этир* былыт эргийэн, ириэнэх самыыр түһэр. Ол самыыры гытта (ким даҕаны тутан аҕалан биэрбитин көрбөт хара тураҕас аты) арай ат тиийэн* кэлэр. Хара көмүс д<ь>үһүннээх байбаҕар бэрэмэдэйэ кыайан тиһиллибэт гына таҥыы бэс курдук тайтайбыт: барыта талыы таҥаһы д<ь>аарыстаан симмиттэр*. Аты тутан ылан сиэтэн баран, биэс ынахтаах Б/эйбэрикээн/ э/мээхсин/ бэт д<ь>иэтигэр эмиэ айаннаан таҕыста. Турар тиит быһаҕаһа чуор сэргэтигэр атын аҕалан баайан кээстэ.

— Дьэ эрэ, ийээ, тахсаҥҥын бу бэрэмэдэйдэн түһэрис эрэ, — диир кыыс.

— Бай, ол бэрэмэдэйдээх, ол эмиэ ким кэллэ? — диэн баран, эмээхсин хатыгыраан тахсар.

Тахсан түһэссэр, хостууллар бэрэмэдэйи. Киис кыыл киэргэллээҕэ, бэдэр кыыл бэрдэ, та<а>рбаҕан кыыл талыыта, сабатаах* саарба саара, хара саһыл хагылла<а>ҕа, күөх тиинэ гиэнэ күндүтэ, кыһыл саһыл уотта<а>ҕа — таҥас барыта симмиллибит эбит. Дьэ суол-суол хостотолоон ылан баран, туран көрө-көрө таҥн<а>, сытан көрө-көрө сыаналыы, ситэн көрө-көрө көрбүтэ: биир даҕаны энкилэ суох, хайа суола хайатыгар барыта сөрү сөп, уурбут-туппут курдук буолта баара үһү.

14 Хара Хаан уола күөх тыа гиэнин күндү кылааннааҕын үлтү тэпсэн, таба кыылы таныытыт<т>а<н> сиэтэн, буур кыылы муннуттан сиэтэн, атын сиһэ уйар уйбатынан ыҥырдан тийэн кэллэ. Тиийэн кэлэн баран [уол киирбитигэр эмээхсин]:

— Оҕом ата-таҥаһа бу, — диэн баран, биэс ынаҕыттан үһүн биэрэн, биэс бороскотуттан үһүн биэрэн, биэс тыһаҕ/аһыттан/ үһүн

Сказав это, ушел на охоту. Отправился вверх по речке Хордонгноох, в сторону южного леса.

13 После того как он ушел, зеленой травиной из-под широкой раскидистой сосны с семью ветвями помахивая, на палку из полого стебля опираясь, сквозь пушистые [ресницы] посматривая, в ровдужных *торбазах* ступая, девушка горделиво [к *алаасу*] зашагала.

— Бабушка-хозяйка, дух *алааса* Биэтилимэ Иэйэхсит-мать, Айыысыт-отец, Джёсёгёй-*тойон*, попробуйте рассудить! Моя одежда, мои украшения — какие они, где их взять? Мое приданое, мой упряжной конь — где они, как их найти? Укажите-объясните! Ну давайте-ка, на четверо суток участь мою определите, на пять суток судьбу мою предугадайте! — такими словами просит-умоляет, оказывается.

В ответ на эту просьбу налетел горячий ветер, сгрудились перистые облака, пошел теплый дождь. Пока шел тот дождь — кто привел, не заметила — вдруг появился темно-гнедой конь с черно-золотой набитой широкой сумой, не застегивающейся, разбухшей из-за плотно сложенных, как связка сосновой заболони, самых лучших одежд. Поймав коня, взяв его за узду, [девушка] опять вышла к дорогому [ей] дому старушки Бэйбэрикээн с пятью коровами. Коня привязала к звонкой коновязи* высотой с пол-лиственницы.

— Ну-ка, матушка, выйди, помоги-ка снять эту суму, — говорит девушка.

— *Бай*, кто же это опять приехал с сумой? — сказав, старушка, кряхтя, вышла из дома.

Как вышла, сняли, стали вытаскивать из сумы. Самый нарядный соболь, самая превосходная рысь, самый отборный тарбаган, самый царственный большой соболь, самая отборная черная лиса, самая дорогая голубая белка, самая огненная красная лиса — всякая одежда, оказывается, была сложена. Вот, вынимая по одной, стоя смотрела-глядела, примеряла, лежа смотрела-глядела, оценивала, до конца досмотрев-доглядев, увидела: все до единого без изъяна, одно к одному, все впору, ладным было, говорят.

14 Изведя драгоценную пушнину зеленого леса, оленя за ноздри ведя, лося за нос ведя, навьючив своего коня — сколько хребет того смог выдержать, — приехал сын Хара Хаана. Как приехал (старушка парню):

— Это лошадь-одежда моего чада, — сказав, из пяти коров трех выделила, из пяти телят трех выделила, из пяти двухтравых телок

биэрэн, биэс тинэһэтиттэн үһүн биэрэн, д<ь>э чаастаан, баайдаантотто<о>н, ситэрэн-хоторон — д<ь>э сүгүннэрэр.

15 Сирин ортотугар тиийэн:

— Бу сүөһүнү мин үүрэн барыым. Манна миэхэ Тараҕана та<а>йдарым бааллар, бу сүөһүлэри мин онно биэриэм. Эн бу манан көбүс-көнөтүк бара тур, аара мин ситэн ылыам. Ол ситэн ылан аргыстаһан барыахпыт, — инньэ диэн баран, эньньэтин-сэтиитин үүрэн, ойоҕун соҕотохтуу айаннаан иһэр суолунан ыйан ыытан кээһэр. Бэйэтэ Тараҕана та<а>йдарыгар баран хаалар.

16 Баран хаалтын гэннэ били д<ь>ахтар суолун устун айанна<ан> намы<л>дьытан иһэр, намылдьытан иһэр. Эрэ буоллаҕына кэлиэ<х>чэ кэлбэт, кэлиэ<х>чэ кэлбэт*. Сүрдээх дириҥ баҕайы сыыры түһэн, кут<т>ал бөҕөнөн айан<н>аан, түһэн барда. Ол киирэн баран, сүрдээх инчэҕэй баҕайы сидьиҥ бадараанна<а>х суолунан түһэн баран истэ. Ол баран иһэн көрбүтэ: төбөтүн аҥаарын уот сиэн кээспит курдук эмээхсин мас мастаан лабайа турар эбит. Ол туран көрбүтэ (били эмээхсин кинини көрө<ө>т сүүрэн кэлэн, тэһиин тутан* сиэтэн тэлэкэчиттэ): балаҕан аҥаара балаҕаннаах эбит, оһох аҥаара оһохтоох эбит, күөс быһаҕаһа күөстээх<э>бит, хамыйах аҥаара хамыйахтаах эбит, кытыйа аҥаара кытыйалаах эбит. Үс бүгүлэх тимир иэһэр сэргэтигэр атын илдьэн баайан кээстэ. Ат үрдүттэн дьахтары түһэрэн дьиэтигэр көтөҕөн килэрдэ. Күөс быһаҕаһа күөһүн сулбу тардан ылла, таһылдьа тахсан барда. Тохтообут сиригэр торҕон бөрөҥү улутта, сыынаҕалаабыт сиригэр сырҕан эһэни ыһытатта, балаҕан аҥаара балаҕанын анныттан бадараанныах уутут<т>ан баһан ылан кутта, оһох аҥаара оһоҕор аҕалан олордо охсон кэбистэ. Биирдэ тэбэн эрдэҕинэ, эргитэ былаан биэрдэ, иккис тэбиитигэр таһаара көтүттэ. Ол гынан баран соҕотох атахтаах үс муннуктаах сөрүөстүгэс остуолугар, дьэ, хоторон өрөһөлөөтө.

— Тукаам, кэл аһаа эрэ!

Д<ь>э сыыллан-сы<ы>ллан кэлэн остуолга олордо. Төбөтүн оройунан д<ь>өлөҕөс дүлүҥ олоп<п>оһугар олотто.

— Айан киһитэ ааспытын-туорбутун буолуо? Сылаа<с>тык сиэн кэбис, — диэтэ.

Иньньэ диэн баран бу аһыы олордоҕуна:

— Тукаам, баскын быттыым эрэ, — диэн баран, была<а>ттаах төбөтүн быһа тардан ылан, хайыы үйэҕэ быттаан барда. Баһын быт-

трех выделила, из пяти бычков-трехлеток трех выделила, обогатив-наделив [приданым], завершила-закончила [дело] — с этим [невесту] и увел.

15 Полпути прошли:

— Этот скот я сам погоню. Здесь у меня живет семья моего дяди из Тараганы, этот скот я им отдам. Ты же поезжай прямо по этой дороге, я тебя по пути догоню. Как догоню, вместе поедем, — сказав так, впереди себя погнал выделенный в приданое [скот], а свою жену, указав [путь], отправил одну по дороге, по которой ехал. Сам же отправился к дядьям из Тараганы.

16 После того как он уехал, та женщина спокойно едет, спокойно едет по своей дороге. А жених все не является, все не является. Спустившись с очень крутой горки, с большой опаской едет-спускается дальше. Спустившись вниз, едет по очень-очень сырой скверной болотистой дороге. Вот едет и видит: стоит, с трудом колет дрова старуха, у которой, оказывается, полголовы словно бы опалено огнем. Тут видит (та старуха ее заметила, к ней подбежала, коня под уздцы взяла и торопливо повела): у нее балаган величиной с полбалагана, оказывается, у нее печь величиной с полпечи, оказывается, у нее горшок величиной с полгоршка, оказывается, у нее поварешка величиной с полповарешки, оказывается, у нее деревянная чашка величиной с полчашки, оказывается. Коня к железной покосившейся коновязи с тремя горбами подвела, привязала. Женщину с коня сняла, на руках в дом внесла. Горшок для похлебки величиной с полгоршка схватила, наружу вышла. Там, где останавливалась, голодного волка рычать заставила, там, где ползала, свирепого медведя реветь заставила. Из лужи под балаганом величиной с полбалагана болотной воды набрала, принесла, на печь величиной с полпечи тотчас поставила. Как в первый раз поднялось, помешала, как во второй раз поднялось, тут же сняла. После этого на одноногом треугольном перекошенном своем столе вот кучкой и выложила.

— Дочка, иди-ка поешь!

Вот неспешно к столу подошла, села. Усадила [ее старуха] на стул-чурбан с выщербиной наверху.

— Путница, верно, проголодалась-отощала? Поешь, пока горячее, — сказала.

После этих слов, когда та сидела и ела:

— Дочка, поищу-ка у тебя в голове вшей, — проговорила, голову ее в платке тотчас обхватила, принялась искать вшей. В голове выис-

тыы туран төбөтүн оройун д<ь>өлө үрэн, өлөрүн-тиллэрин билбэт уу түлээк онорон кээстэ. Чэнгээх үөдэнигэр бэйэтин тинкинэтэн* кээстэ уонна таҥныбыт таҥаһы<н> барытын таҥнан кээстэ, мас ча<а>с<с>ынын саралыы тардан ылан, сирэйин симээн киэргэттэ. Атын тахсан, сүөрэн ылан, кини миинэн Хара Хаан<н>а бастыҥ кийиит буола д<ь>э хаамтаран хадьыһытта.

17 Ол тиийэн — Хара Хаан хамначчыттара кийиит соҕотоҕун кэллэ диэн, соһуйан-өмүрэн атын баайдылар.

— Хайа киһиҥ, доҕоруҥ, ханна барда? — диэн буолла.

— Ээ, Тараҕана тайдарыгар барбыта, — диэтэ.

Хаҥас диэкки саҥа кийиити хаппахчылаах чулаан иһиттэн хаһан таһаарыахтара баарай? Онно хап<п>ахчылаан сытан, хаһан таһаарыахтара баара<й> хаппахчылаах чуулаан иһиттэн? Маамыт былаатын сүөрбэт, кэппит бэргэһэтин устубат, саҕыньыаҕын да устубат — ол курдук таҥныбыта таҥныбытына<н> түүннэри-күнүстэри сылд<ь>ар. Ол сырыттаҕын<а>, д<ь>э эрэ буол<л>ар киһи д<ь>э кэлэр.

— Таҥаскын уһул. Хас хонук<к>а бу курдук таҥныаххыный?!

— Мин ийэм Б/эйбэрикээн/ эм/ээхсин/: «Ыйын эргэтин бараан баранҥын таҥаскын устаар», — диэбитэ. Ону тоҕо уһуллара сатаатын? Ийэм аахха тахсан киирэн баран устуом буоллаҕа дии.

18 Ыйдарын эргэтэ бараныар дылы, саҥа ый тахсыар туххары кур таҥастара куҥнарыттан түспэккэ, танныбыт таҥастара саннылары-ттан салгылаабакка сылдьыбыттар эбит.

Саҥа ыйдара үүнэн, кэһии-тутуу тэринэн Б/эйбэрикээн/ эм/ээхсиҥҥэ/ бараллар. Б/эйбэрикээн/ э/мээхсиҥҥэ/ бараннар арай тиийбиттэрэ — Б/эйбэрикээн/ э/мээхсин/ бастаан кини кэлэн ойох ыларыгар көрбүт кыыһын курдук кыыһы эмиэ иитэн эрэр.

— Бай, бу хантан оҕолоннуҥ?!

— Ээ, онтон бэйэм булар буоллаҕым дии.

Анарааттан кэлбит кыыс, күтүөт буоланнар, иккиэн икки анҥы сыталлара буолар.

Ол сыталларын гытта быыка<а> кыыс:

— Эд<ь>иэй, дьэ остуоруйалаа.

— Ээ, саҥар<ы>ма! Баһым-атаҕым ыалдьар.

— Дьэ оччоҕо таабырыннаа.

— Ээ, күүһүлээмэ! Көхсүм-быарым ыальд<ь>ар.

— Дьэ оччоҕо сээкэйдэ сэһэргээ.

— Ээ, хотуох, ону-маны көбүтүмэ-күөрэтимэ эрэ.

кивая, сквозь темя девушки дунула — памяти-чувства ее лишила. В ледяную пропасть свою с глухим стуком ее сбросила, на себя всю одежду ее надела, древесной трухой кожу ободрала, лицо свое украсила. Выйдя, отвязала ее коня, села верхом и погнала, торопясь стать лучшей невесткой Хара Хаана.

17 Когда прибыла, слуги Хара Хаана удивились-растерялись, что невестка приехала одна, привязали ее коня.

— Ну, а куда делся твой человек, твой друг? — стали спрашивать.

— Ээ, ушел к дядьям из Тараганы, — сказала.

Когда же новую невестку выпустят-то из *хаппахчы*-чулана, что слева от входа? Прежде заперев в *хаппахчы*, когда ее выпустят-то из *хаппахчы*-чулана? Завязанный платок не развязывает, надетую шапку не снимает, доху не снимает — как была одета, днем и ночью в одежде ходит. Ну вот, тем временем приехал человек, собирающийся стать ее мужем.

— Сними одежду. Сколько дней будешь вот так одета?!

— Моя мать старушка Бэйбэрикээн сказала: «Снимешь свою одежду, когда кончится старый месяц». Почему заставляешь снять? Когда съезжу к матери и вернусь, вот тогда и сниму.

18 До конца старого месяца, до начала нового месяца*, старую одежду с тела не снимая, надетую на плечи одежду не проветривая, ходили, оказывается.

Когда наступил новый месяц, собрав гостинцы-подарки, отправились к старушке Бэйбэрикээн. Когда приехали к старушке Бэйбэрикээн, увидели, что у старушки Бэйбэрикээн опять на воспитании такая же девушка, какую видел, когда сватался в первый раз.

— *Бай*, откуда у тебя это дитя?!

— Ээ, да ведь я сама ее нашла.

Приехавшая оттуда девушка и зять ложатся спать отдельно.

Как только они легли, маленькая девочка:

— Сестрица, расскажи сказку.

— *Ээ*, замолчи! Голова-ноги болят.

— Ну тогда загадай загадку.

— *Ээ*, не заставляй! Спина-печень болят.

— Ну тогда расскажи что-нибудь.

— *Ээ*, девочка, не поднимай, не вороши [старое].

— Дьэ оччоҕо мин остуору<й>алыым.

— Ээ, күүгүнү абааһы көрөбүн ээ.

— Дьэ оччоҕо күтүөппэр остуоруйалыым.

— Дьэ остуоруйалаа, — диэн күтүөтэ көнүллүүр.

— Мэник оҕону мээнэ күүгүнэтэн киһини утуппакка. Саҥардыма-саҥардыма! Баһым-атаҕым ыалдьар*!

19 Кыыс остуоруйалыыр.

— Бэйбэрикээн эмээхсин баар үһү, — диир, — биир кыыстаах үһү. Хара Хаан диэн ыаллаах үһү. Хара Хаан ыала Хараадын Мэргэн* диэн уоллаах үһү. Ол уолугар Бэйбэрикээн эмээхсин кыыһын ойох ылбыт үһү. Ол ылан баран сүгүннэрбит үһү. Сүгүннэрэн баран иһэн сүгүн барбатах үһү! «Тараҕана таайбар бардым», — диэн, соҕотохтуу суолунан ү<ү>рэн кээспит үһү. Ол үүрэн кээспитэ, ол суола Дьэгэ Баабаҕа илдьэн бараҕан кээспит.

— Ээ, хотуой, күгүнээмэ! Баһым-атаҕым ыалдьар!

— Төбөтүн быттыах буолан баран, уу түлээх оҥорон баран, чэнчээх үөдэнигэр түһэрэн кээспит. Ийэхситтээх халлаан дьэллик бөрөтө ону ороон таһааран, Б/эйбэрикээн/ эм/ээхсиҥҥэ/ аҕалан биэрбит. Б/эйбэрикээн/ э/мээхсин/ биир кыыһын икки төгүл оҕолоон-иитэн, киһи гынан эрэр үһү. Онно ол оннугар ол дьахтар таҥаһын бэйэтэ таҥнан Дьэгэ Бааба ойох буолан барбыт.

— Хотуой, үгүһү-элбэҕи күүгүнээмэ! Айыка-айыка!

— Ол баран кийиит буола сылдьыбыт. Хаалдьын Мэргэн таҥаһын: «Үһүл», — диэтэҕинэ, устубат үһү. «Ийэм ыйын эргэтэ бараныар дылы устаайаҕын диэбитэ», — диир үһү. Сирэйин* мас дьа<а>с<с>ынанан мааскаланан сылдьар үһү. Дьэ сымыйарҕаатаххына, ойоҕун сырайын саралыы тардан көр эрэ!

20 Ойон тура эккирээн, сырайын тириитин саралыы тардан көрө охсубут. Ол охсубута — суох-соҕотох тимир кэлиэ сырайыгар биир муус туналҕан харахтаах эбит.

— Дьэ, тал эрэ: үҥүү-батас аһылыга гынабын дуу, кундул хаҥыл кутуругар холбуубун дуу?!

— Дьэ кундул хаҥыл кутуругар холбоон көрүөҥ ини...

Кундул хаҥыл кутуругар холбу<у>р. Сири сиксигинэн, хаалааны улаҕаатынан, муораны түгэҕинэн би<и>рдэ суох гына илдьи состорон кээһэр. Симэһинэ таммалаабыта — сиһик мас буолан хаалбыт, хаана таммалаабыта — хаахыр мас буолан хаалбыт, сыата таммалаабыта —

— Ну тогда я расскажу сказку.

— *Ээ*, шума я не люблю.

— Ну тогда я зятю расскажу.

— Ну рассказывай сказку, — сказав, разрешает зять.

— Малое дитя без толку галдит, не дает человеку заснуть. Не позволяй ей говорить, а то голова-ноги болят!

19 Девочка сказывает сказку:

— Живет, говорят, старушка Бэйбэрикээн, — говорит, — у нее, говорят, одна дочка. По соседству с ней, говорят, Хара Хаан. У соседа Хара Хаана, говорят, есть сын по имени Хараадын Мэргэн. Тому сыну, говорят, отдали в жены дочку старушки Бэйбэрикээн. Взяв ее в жены, повез, говорят, к себе домой. Взяв в жены, отправившись, как положено, говорят, не поехал! «Навещу своего дядю из Тараганы», — сказав, говорят, послал ее одну по дороге. Та дорога завела ее к Джэгэ Бааба.

— *Ээ*, девка, не галди! Голова-ноги болят!

— Собираясь [будто бы] поискать в голове вшей, лишила ее чувств и сбросила в ледяную пропасть. Бродячий небесный волк Иэйэхсит ее вытащил и принес к старушке Бэйбэрикээн. Старушка Бэйбэрикээн свою дочку во второй раз, говорят, стала воспитывать, делать человеком. Тогда вместо нее, одевшись в одежду той женщины, Джэгэ Бааба стала женой человека.

— Девка, сильно много не галди! *Айыка-айыка*!

— Приехав туда, считалась невесткой. Когда Хаалджын Мэргэн говорит: «Сними свою одежду», — не снимает, говорят. «Мать сказала, до конца старого месяца не снимай», — говорит, оказывается. Ходит, оказывается, замаскировав свое лицо древесной трухой. Если не веришь, сдери кожу с лица своей жены и посмотри-ка!

20 Вскочив, кожу с лица содрал, глянул. Глянув, увидел: у нее на лице, целиком из железа, один-единственный блестящий ледяной глаз, оказывается.

— Ну-ка, выбирай: пищей копья-пальмы тебя сделать или к хвосту жеребца привязать?!

— Ну попробуй-ка, привяжи к хвосту необъезженного жеребца...

Привязал к хвосту необъезженного жеребца. По краю земли, за пределами неба и по дну моря таская, в прах развеял. Капли сукровицы в ивовые деревья превратились, капли крови в скрипучие деревья превратились, капли жира в дубовые деревья превратились,

сыалаах луук буолбут, мэйиитэ таммалаабыта — сутукалаах мас [буолан] хаалбыт. Ол курдук сэймэктэнэн сир-дойду аһылыга буолбут.

Ол гынан баран, сааппыт-хоппут киһи буолан, баран, Б/эйбэрикээн/ э/мээхсиҥнэ/ кэлбэккэ эрэ, дьиэтигэр баран хаалбыт. Дьэ кини дьиэтигэр баран дойдутун-сирин, сүөһүтүн-аһын көрбүтэ: торбосторо толоон аайы тоҥон өлөллөр эбит, кулуннара куоһа<а>х хотоол аайы көлөттөн өлөллөр эбит, сылгылара сыһыы аайы сытыйталаабыттар эбит, анахтара алаас аайы адаары<й>талаабыттар эбит. Кини дойдутут<т>ан биргиньньэх кыыл мэлийбит эбит, куккаакы кыыл куотурҕаабыт эбит, сонун көтөр суох буолбут, саана* көтөр саантаабат буолбут. Ийэлээх аҕата ибили түөһэйэн хаалтар.

21 Симээхсин, Симээхсин эмээхсин киирэри охсубут, тахсары тэппит.

— Сим/эхсин/-Сим/эхсин/, туох айылаах буоллуҥ?! Миигин дьөлүккэлээҥҥин өлбүккүн өллөрдөөрү, хаалбы<ккы>н халыйдаары гынныҥ дуо? Хара Хаан оҕоньньор байбыт баайын баһылаан олорон, бас билэн бараабыт буолбаккын дуо? Биир эмэ киһи ордон хаалан, эргил<л>эн ирдээн ылыа диэн, иҥнэ санаабыккын дуо?

— Ол баайы, өлбүт да буоллахтарына, мин өлөрбөтөҕүм буолуо*, сутаабыт да буоллахтарына, мин сутаппатаҕым буолуо. Эн хотун ойоҕуҥ таһылдьа тахсан, «хорук-хорук» сыһыы диэкки хайыһан туран баран, хоруотаан баран, ытыһын тоһуйан айаҕар салбанар буолара. «Мээх-мээх» диэн баран, хотоҥҥо киирэн уон тарбаҕын сабырҕаччы оборор буолара. Ийэлээх аҕаҥ диэкки дук гына-гына айаҕын тоҥсуйар буолара. «Бэт дьахтары Б/эйбэрикээн/ э/мээхсинтэн/ булан киирдим», — диэн бэккэ киэбирбит этиҥ. Син билигин сирэйбит быһыыта биир буолбут дуу?! Бэйбэрикээниҥ кыыһыгар туһунан дьиэ тутан биэрдиҥ дуу?! Аны олох бу дойдуга аҕалаҥҥын икки атахтаахха көрдөрүмэ!

22 От-мас иччитин барытын ыҥыран, отто дойдуга доҕордоспут дьонун барытын ыҥыран, малааһын оҥорон туран, дьэ кэпсэтэр.

— Дьэ мин ылбыт ойоҕум* оннук эбит.

Дьэгэ Бааба хайдах чэҥҥэ бырахпытын барытын сиһилии кэпсиир.

— Кырдьаҕастыын-эдэрдии<н> дьэ сүбэлээҥ! Хайдах гынаммын ол дьахтары эргитэн ылыамый?!

Дьэ ону туран сүбэлииллэр:

— Онтон кэлэрэ кэбирэх буоллаҕа дии! Билигин дьэ хат тахсаҥҥын, кэпсэтэн-ыйытыһан киир. Кэлиэх буоллаҕына, аара хааллар-

капли мозга в тальниковые деревья превратились. Так, разорванная на куски, стала пищей почвы-земли.

После этого, устыдившись-засмущавшись, не заходя к старушке Бэйбэрикээн, уехал домой. Вот, вернувшись к себе домой, свои земли-угодья, скот-хозяйство увидел: в каждой долине их телята подыхают, оказывается, на дне каждой низины их жеребята, завалившись, издыхают, оказывается, на каждом лугу лошади их истлели, оказывается, на каждом *алаасе* коровы их околели, оказывается. С его земли луток[-утка] исчезла, оказывается, кукша[-сойка] ушла, оказывается, свежей птицы не стало, новую птицу не заманить. Мать с отцом совсем из ума выжили.

21 Симээхсин, Симээхсин-старушка [всякого] входящего бьет, выходящего пинает.

— Симээхсин-Симээхсин, что с тобой?! Меня избив, хочешь падалью поживиться, оставшееся раздать, что ли? Владея-распоряжаясь нажитым богатством старика Хара Хаана, все разорила, так ведь? Хоть один человек, оставшись в живых, вернувшись, потребует-заберет, не думала ли?

— Если тот скот-хозяйство погиб, не я же его погубила; если даже и отощали, не я же их уморила. Твоя жена-госпожа во двор выходила, в сторону поляны повернувшись, «*хорук-хорук*» призывала, ладонь ко рту подносила, облизывала; со словами «*мээх-мээх*» в хлев входила, свои десять пальцев, причмокивая, обсасывала; в сторону матери и отца указывая, по губам шлепала. «Самую лучшую женщину у старушки Бэйбэрикээн нашел и привел», — говоря, уж очень тогда возгордился. Теперь мы с тобой, видно, стали на одно лицо?! Для дочери твоей Бэйбэрикээн выстроил отдельный дом, не так ли?! Теперь ее больше в этот край не приводи и двуногому не показывай!

22 Всех духов-хозяев трав-деревьев позвал, всех людей, с которыми на Средней земле сдружился, созвал, угощение устроил и все рассказал.

— Ну вот, жена, которую я взял, такой оказалась.

Подробно все рассказал, как Джэгэ Бааба ее в пропасть сбросила.

— Старые-молодые, посоветуйте! Как мне ту женщину назад вернуть?!

Тут ему советуют:

— Ведь ее легко можно оттуда вернуть! Вот теперь снова поезжай, спросив-договорившись, возвращайся. Если согласится прийти, не ос-

бакка, дьиэҕэр тиийэ тиэрдэн кэл! Атын дьон — соҕотохтуу ы<ы>ппат буолар гына. Сибилигин бэйэн эмиэ ыллаххына, «соҕотохтуу суолга үүрэн кэбиһиэм» диэбэт буоллаххына, тахсан ыл. Ийэхсит сиэнэ Илэ Хара, Айыыһыт сиэнэ Ала Туйгун арааран ылан, аан дойдуга аччыгыйы улаатыннарарга, аҥаардаһы доҕордуурга айан-кэрдэн, анаан-минээн биэрдэхтэрэ. Ону дьэ ол дьэтин — баранҥын, киһилии кэпсэтэн, сахалыы саҥаран, ураанхайдыы уҥсуйан, дьэ, Бэйбэрикээн эмээхсини иитэн-аһатан, ийэ дойдутун иччитигэр эрчийэн, аан дойдутугар араначчылыырга анаан, дьэ, киирэн [ылан] көр эрэ!

Иньньэ диэннэр үүрэн-түрүйэн таҕааралларa*.

23 Онтон дьэ тахсан Бэйбэрикээн эмээхсин кыыһын хат көрбүтэ: урут кини ылбыт кыыһын курдук үүт-үкчү эбит. Умса да бырахпыт иһин, тиэрэ да бырахпыт иһин биир эбит. Ону көрөн баран — сааппыта, киһи буолан. Ийэхсит сиэнэ Илэ Харанан икки төҕүл ыйыттаран көрдө.

Бастакы ыйытыытыгар:

— Ыйытан эрэйдэнимэ! Суолу батыһыннаран суон унгуохпун суорга тоҥсуттарбытыҥ — бачча буоллун, ыыры батыһыннаран ыраа<с> унгуохпун ыкка сиэппитиҥ — бачча буоллун! Аны эйиэхэ* баран кэччиккэй айыыланар, кэлтэгэй олохтонор, кууpаанах хойдонор биллибэт!

Айыыһыт сиэнэ Алаатыыр Ала Туйгунунан дьэ аранҥын-бодоҥун бэйэтэ килэрдэ. Дьэ ону аччылаттаран туран, кыдьыгын-кыҥырайын кыйдатан туран, ытык-ыраас этигэр, чэгиэн-чэпдик куҥар дьэ түһэн туран, дьэ хат эмиэ ыйытан, сэттэ түүн<нэ>эх күнү мэлдьи арахпакка* эриссэн-эриссэн, дьэ «ээх» дэппит. Бары өттүн барытын кыаһаан туран кыыһын «барабын» дэппит. Дьэ «барабын» диэн, эмиэ сүктэнбохтон, айгыстан дьэ барбыттар.

24 Хара Хаан<н>а дьиэтигэр тиийэннэр, Дьэҕэ Бааба тибилийбит сирин ситэ сир иччитэ Силлиргэх ойууну аҕалан тураннар, силин-хааҕын сиппиттэрбиттэр, дьайын-соболоҥун дьалбыйтарбыттар, өлүүтүн-сүтүүтүн сүргэйтэрбиттэр, хобдоҕун-кураанын* ыраастаппыттар. Сүөһүлэрэ өлүгэс буолта сүппүт, торбосторо тоҥумтуо буолта тулуйарга дылы гыммыт. Саҥа көтөр саантаабат буолбута кыра өттө кырыллаан көтөр буолбут*. Аччык өттө ат<т>ынан таарыйан а<а>һыталыыр буолбут, кэтэх тыатыгар, кэдээн сиһигэр кэҕэ кыыл кэлэн этитэлиир буолан барбыт. Тоҕус тутум быһаҕас оҥойо уолан хаалбыт уута сир-дойду нүөссүйэн, силис уута киирэн, симсэнэн-салҕанан туоларга

тавляй ее в пути, доведи до дома! Чтобы и другие не отправляли одну. Сейчас, если снова ее возьмешь, если не думаешь «погоню одну по дороге», привези ее. Внук Иэйэхсит Илэ Хара, внук Айыысыт Ала Туйгун, [от матери] отделив, дали с намерением-назначением, чтобы малого на земле взрастила, чтобы одинокий обрел подругу. На это вот ее согласие [получи] — пойдя, по-человечески поговорив, по-якутски побеседовав, по-уранхайски поведя речь, о старушке Бэйбээрикээн позаботившись, оставив ее на попечение духа-хозяина ее местности, отдав под покровительство ее родины, ну давай иди!

Так сказав, выгнали-выпроводили.

23 Прибыв на место, вновь увидел дочь старушки Бэйбэрикээн: точь-в-точь, оказывается, как та девушка, что он взял в жены. Хоть ничком положи, хоть навзничь положи — одинаковые, оказывается*. Когда это увидел, устыдился, негодник. Дважды пробовал свататься через внука Иэйэхсит Илэ Хара.

В первый раз [девушка ответила]:

— Не утруждай себя сватовством! Когда отправил по дороге, прочные кости мои дал клевать ворону — что ж, пусть так! Когда отправил в путь, белые кости мои дал глодать собаке — что ж, пусть так! Пойдя за тебя сейчас, не намерена иметь ущербную долю, иметь убогую жизнь, иметь пустое ложе!

Через внука Айыысыт Алаатыыр Ала Туйгуна, ну, сам извлек из себя всю нечисть. Ну, очистившись от этого*, свои пороки-склонности дал отогнать, к священному чистому ее телу, к молодому здоровому ее телу, ну, припал, ну, во второй раз просит ее, семь дней и ночей не отступая, упорно за нее борясь, ну, заставил сказать «да». Со всех сторон подступая, заставил девушку сказать «пойду». Ну, после того, как сказала «пойду», не торопясь, собрались, ну, отправились.

24 К дому Хара Хаана приехали, привели шамана Силлиргэх, ставшего духом-хозяином земли, заставили смести с земли, истоптанной Джэгэ Бааба, ее слюни, плевки, заставили очистить от ее скверной болезни, разогнать принесенную ею смерть, погибель, заставили освободить землю от ее засухи, насланной ею. Падеж скота прекратился, замерзавшие телята, кажется, окрепли. Из новых птиц, на гнездо не садившихся, мелкие стали залетать. Голодные, мимо пролетая, стали заходить, на опушке леса, на пригорке кукушка стала куковать. Из-за того, что почва-земля набухает водой, из-за того, что корневая вода прибывает, — река*, высохшая на девять кулаков и зиявшая [дном], пополняясь-наполняясь, становится, кажется, полноводной.

дылы гыммыт. Халҕаһыра хаппыт хаспахтаах толоотторо хайдах эрэ көҕөртөлүүргэ дылы гыммыттар.

Онон силбэһэн, Бэйбэрикээн эмээхсин кыыһын дьэ ойох ылан, хооньньоһон, киһилии кэпсэтэн, сахалыы санҕассан, отто дойду уоллаах кыыһа буолан барбыттара үһү. Дьэ «һай-һат!» диэн сылаастык утуйан, сымнаҕастык сытан, ийэ дойду илгэтинэн иитиллэн, аан дойду ачатыттан* аһааннар, тустарыгар туулаан, иннилэригэр илимнээн олорбуттар эбит.

19. ҮЧҮГЭЙ ҮДЬҮЙЭН[1]

1 Үчүгэй Үдьүйэн баар үһү, Куһаҕан Ходьугур, инитэ, баар үһү. Иккиэйэхтэр үһү. Ини-бии икки хоммуттар. Үчүгэй Үдьүйэн турбут. «Харанҥа түүн ийэтигэр хараарбытым буолуоҕа», — диэн, харанҥа далай уутунан хастыы аньыммыт. «Күөх түүн ийэтигэр көҕөөртүм буолуоҕа», — диэн, күөх далай уутунан көнү аньыммыт, сууммут. Аһааабыт-сиэбит. Тыҥ хатыытын саҕана тыһы кыыллыы барбыт, үөҕүлдьүөҕүл* саҕана үөҕэс кыыллыы барбыт, таҥара сарыытын саҕана тайах кыыллыы барбыт. Бууру муннуттан сиэтэ барбыт, эһэни[2] тэбэгэйиттэн* сиэтэ барбыт, тайаҕы таныытыттан сиэтэ барбыт, бөрөҥү бөртөлөөҕүттэн сиэтэ барбыт. Баран хаалбыт.

2 Куһаҕан Ходьугур тахсан дьиэтин таһын күрдьэ турбут. Үүһээ халлаан диэкки көрбүт: сэттэ кыталык кэлэн эргийэн эрэллэр.

— Нойон, Куһаҕан Ходьугур! Үчүгэй Үдьүйэн убайыҥ барбыта дуу, баар дуу? Биһиги түһэммит оойнуохпутун-күлүөхпүтүн!

— Эдьийдэр, эдьийдэр! Түһүҥ, түһүҥ! Оойньуохпутун-күлүөхпүтүн! Үчүгэй Үдьүйэн убайым барбыта, барбыта!

Түһэн тиийэн кээлтэр. Оойнообуттар, Үчүгэй Үдьүйэн уоттааҕытын тыаҕа таһаарбыттар, тыатааҕытын уокка киллэрбиттэр. Оойнообуттар, үҥкүүлээбиттэр. Имнэрэ сүтүөх буолбут. Үөлэһинэн көтөн тахсан баартар. Куһаҕан Ходьугур уотун үрэ сыппыт холуумтаныгар.

Үчүгэй Үдьүйэн көтөн түспүт. Биир да үлэтин үлэлээбэтэх маайыттан: ынахтара магаспытынан тураллар, далга сылгылар кистэспитинэн тураллар. Маһын мастаабатах, ойбонун аллабатах, дьиэтин таһын күрпэтэх, уутун баспатах, дьиэтэ хабыс-харанҥа.

Покрытые буграми, рытвинами долины как будто бы стали зеленеть.

Помирившись с дочерью старушки Бэйбэрикээн, женившись на ней, на брачное ложе взойдя, по-человечески поговорив, по-якутски побеседовав, стал [он с ней] сыном и дочерью Средней земли, говорят. Ну, «*сай-сат*!» говоря, стали сладко спать, мягко лежать, изобилием родины-земли взращенные, богатством матери-земли вскормленные, верши для себя ставя, сети для себя закидывая, жили, оказывается.

19. СЛАВНЫЙ ЮДЖЮЙЭН

1 Живет, говорят, Славный Юджюйэн, у него, говорят, есть младший брат Худой Ходжугур — двое их, говорят. [Как-то] оба брата двое суток ночевали. Славный Юджюйэн встал. «Видно, темной матерью-ночью я потемнел», — думая так, водою из темного моря омывшись, умылся. «Видно, синей матерью-ночью я посинел», — думая так, водою из синего моря омывшись, умылся. Поел-насытился. Когда первая утренняя заря занялась, отправился за самкой-зверем, когда утренние сумерки рассеялись, отправился за трехгодовалым диким зверем*, когда небо посветлело, отправился за сохатым. Самца-оленя за нос водить пошел, медведя за щетки на лапах водить пошел, сохатого за ноздри водить пошел, волков за передние лапы с черными полосами водить пошел. Ушел.

2 Худой Ходжугур вышел, стоит, лопатой двор расчищает. Вверх на небо посмотрел: семь стерхов прилетели, принялись кружить.

— Парень Худой Ходжугур! Твой старший брат Славный Юджюйэн ушел ли, здесь ли он? Мы бы спустились повеселиться-поиграть!

— Тетушки, тетушки! Спускайтесь, спускайтесь! Повеселимся-поиграем! Мой старший брат Славный Юджюйэн ушел, ушел!

Спустившись, приблизились. Стали играть, что у Славного Юджюйэна у огня было, в тень оттащили, что в тени было, к огню подтащили*. Играли, плясали. Заря стала угасать. [Стерхи] через трубу вылетели. Худой Ходжугур лег на свой шесток раздувать свой огонь.

В дом влетает Славный Юджюйэн. Ни одну-то работу [его брат] за это время не сделал: коровы у него стоят мычат, лошади в загоне стоят ржут. Дрова свои не нарубил, прорубь свою не выдолбил, на дворе своем снег не сгреб, воду свою не натаскал, дома — темным-темно.

— Туохха үлэлээбэтин, нойон*?

— Утуйан хаалбыппын, утуйан хаалбыппын!

Кэтэҕин аһыттан сыһа тардан ылан, таһыйбыт.

— Аартыыбын, убай! — диэбит.

Браан кэбиспит.

— Туохха үлэлээбэтин?

— Утуйан хаалбыппын, утуйан хаалбыппын!

Сылгылары, ынахтары аһаппыттар. Бэйэлэрэ аһаабыттар-сиэбиттэр. Утуйбуттар.

3 Сасыарда турбуттар. Үчүгэй Үдьүйэн бултуу-астыы баран хаалбыт. Куһаҕан Ходьугур күрдьэҕин тайахтанан баран, сэргэни өрө көрөн турбут. Бэгэһээҥҥи сэттэ кыталыга эргийэн-эргийэн эрэллэр — көрдөҕүнэ.

— Куһаҕан Ходьугур, нойон! Үчүгэй Үдьүйэн убайын бултуу-астыы барбыта дуу, дьиэтигэр баар дуу?

Куһаҕан Ходьугур:

— Убайым барбыта, барбыта! Түһүн, түһүн! Оойнуохпутун-күлүөхпүтүн бэгэһээ курдук!

Түһэн тиийэн кээлтэр. Уоттааҕытын тыаҕа таһаартар, тыатааҕытын уокка киллээртэр, үҥкүүлээбиттэр, оойнообуттар. Имнэрэ сүтэн барбыт.

— Нойон! Убайгар этээйэҕин! Күннэтэ кэлэн оойнуур буолуохпут! — диэбиттэр.

— Эдьийдэр! Этиэм суоҕа! — диэбит.

Үөлэһинэн көтөн баартар. Уотун үрэ сыппыт. Убайа көтөн түспүт:

— Күнү күннэтэ хайдах буоланҥын үлэлээбэккин? — диэбит.

— Утуйан хаалбыппын, убай! — диэбит.

Кэтэҕин аһыттан сыһа тардан ылбыт, иэнин тарпыт.

— Аартыыкабын, убай! — диэбит.

Үлэтин бэйэтэ үлэлээбит. Аһаабыттар-сиэбиттэр. Утуйбуттар.

4 Сасыарда турбуттар.

— Үлэҕин үлэлээмнэ эмиэ сытаар эрэ! — диэбит. — Сэрэн! — диэбит.

Тахсыбыт киһи буолбут. Былахы буолан сыстан турбут дьиэ ааныгар. Куһаҕан Ходьугур тахсан сэргэни өрө көрөн турбут. Сэттэ кыталыга кэлэн эргийэн эрэллэр.

— Эдьийдэр, эдьийдэр! Түһүн, түһүн! Оойнуохпутун-күлүөхпүтүн!

— Парень, почему не работал?

— Проспал я, проспал!

[Славный Юджюйэн], за шиворот его схватив, высек.

— Умоляю, старший брат! — сказал [тот].

[Юджюйэн его] отшвырнул.

— Почему не работал?

— Проспал я, проспал!

Лошадей, коров накормили. Сами поели-насытились. Уснули.

3 Утром встали. Славный Юджюйэн отправился охотиться-промышлять. Худой Ходжугур, о лопату опершись, у коновязи стоит, вверх смотрит. Видит: кружат-кружат вчерашние семь стерхов.

— Худой Ходжугур, парень! Твой старший брат Славный Юджюйэн охотиться-промышлять ушел ли, дома ли?

Худой Ходжугур:

— Мой старший брат ушел, ушел! Спускайтесь, спускайтесь! Как вчера, повеселимся-поиграем!

Спустившись, приблизились. Что у огня было, в тень оттащили, что в тени было, к огню подтащили, плясали, играли. Заря стала угасать.

— Парень! Старшему брату не говори! Каждый день будем приходить играть! — сказали.

— Тетушки! Не скажу! — сказал.

Вылетели через трубу. [Худой Ходжугур] лег раздувать огонь. Влетает старший брат:

— Что с тобой, день-деньской не работаешь? — сказал.

— Проспал я, старший брат! — сказал.

[Славный Юджюйэн], за шиворот его схватив, выпорол.

— Умоляю, старший брат! — сказал [тот].

Всю работу [Славный Юджюйэн] сам сделал. Поели-насытились. Легли спать.

4 Утром встали.

— Опять полежи-ка у меня, не выполняя своей работы! — сказал [старший брат]. — Берегись! — сказал.

Как будто бы вышел. [Сам же], обратившись в блоху, прилип к двери дома. Худой Ходжугур вышел, у коновязи стоит, вверх смотрит. Прилетев, опять принялись кружить семь его стерхов.

— Тетушки, тетушки! Спускайтесь, спускайтесь! Повеселимся-поиграем!

— Үчүгэй Үдьүйэн убайын баар дуу, суох дуу?

— Бултуу-астыы барбыта, барбыта! — диэбит.

— Дьиэҥ таһа туохха күлүктээҕэй? Дьиэҥ-уотуҥ туохха барыарбыкка тылытай*?

— Барбыта, барбыта! — диэбит.

Андаҕатан-андаҕатан бараннар, түспүттэр. Оойнообуттар. Ортолуу үҥкүүлээн истэхтэринэ, Үчүгэй Үдьүйэн көрөн туран биир бастыҥнарын үрдүгэр түспүт. Алтата үөлэһинэн көтөн тахсан баартар. Түүтүн үргээн ылбыт — үчүгэй дьахтар буолбут. Билиги түүтүн тиикэ ыйаан кээспит. Дьахтар оҥостон олорбут.

5 Биир сасыарда бултуу-астыы баран хаалбыт.

— Нойон! — диэбит (билиги дьахтара). — Мин түүбүн көрөҕүн дуо? — диэбит.

— Саҥас, көрөбүн! — диэбит.

— Төһө маньаҕа ылан биэриэх этиҥ? — диэбит.

— Саҥас, алчахтаан, хомурдуостаан, үөннээн, чиэрбэлээн[3], уу кыыстаан кулу! — диэбит.

Биир түктүйэ тоххору сыыстаан аҕалбыт. Уол түүтүн ильэ кэлбит (билиги Куһаҕан Ходьугур), билиги саҥаһыгар түүтүн аҕалан биэрбит. Билиги түүтүн аньынан баран, көтөн тахсан барбыт халлааҥҥа.

Куһаҕан Ходьугур билиги үөнүн дьиэ мунуһан кутан кээспит. Алчах көтүөлээтэҕин[4] аайы:

— О, бөтөкөс! Уу-у бабат! — дии-дии оойнообут. — Алаата, үчүгэйин! — диэбит.

6 Убайа кэлэн, көтөн түспүт.

— Нойон! Бу туохкуный? — диэбит.

— Убай! — диэбит. — Саҥаһым сыыстаан биэртэ*!

— Туохха сыыстаан биэртэй? — диэбит.

— Түүтүн булан биэртим! — диэбит. — Ол маньабар сыыстаан биэртэ*. Убай! — диэбит. — Бу күн анныгар маннык үчүгэй да баар буолуоҕа дии санаабаппын. Эн даҕаны көрдөхкүнэ — үчүгэйэ суох дуу? — диэбит.

— Саҥаһыҥ ханна баартай?! — диэбит.

— Түүтүн аньынан-аньынан баран, халлааҥҥа көтөн тахсан баран хаалта!

Куһаҕан Ходьугуру таһыйбыт. Тыынын эрэ ордорбут.

— Твой старший брат Славный Юджюйэн есть ли, нет ли его?

— Охотиться-промышлять ушел, ушел! — сказал.

— Почему же на твоем дворе тень? Почему же твой дом-очаг будто потемнел?

— Ушел, ушел! — сказал.

Заставили поклясться-пообещать, тогда спустились. Стали играть. Посреди их танцев стоявший и наблюдавший Славный Юджюйэн накинулся на одного из лучших [стерхов]. Остальные шесть стерхов вылетели через трубу. Пух ободрал — [стерх] обернулся красивой женщиной. Этот пух повесил на лиственницу. Сделав своей женой, стал жить.

5 Однажды утром отправился охотиться-промышлять.

— Парень! — сказала (эта женщина) [Худому Ходжугуру]. — Видишь ли мой пух? — сказала.

— Вижу, невестка! — сказал.

— Сколько бы платы взял, чтобы достать и отдать [мне]? — сказала.

— Невестка, налови и дай лягушек, жуков, насекомых, червей, улиток! — сказал.

Собрала и принесла целую берестяную посудину. Парень (этот Худой Ходжугур) принес ее пух с собой, отдал той невестке ее пух. Этот пух надев, взмыла в небо и улетела.

Худой Ходжугур этими насекомыми заполнил весь дом.

Всякий раз, когда лягушка прыгала:

— О, *бётёкёс*! Уу-у, *бабат*! — приговаривая, резвился. — *Алаата*, как хорошо! — говорил.

6 Пришел старший брат, влетает.

— Парень! Что это такое? — сказал.

— Старший брат! — сказал. — Собрала и дала моя невестка!

— Для чего собрала и дала? — спросил.

— Нашел и отдал ее пух! — сказал. — Собрала и дала в награду. Старший брат! — сказал. — Не думаю, чтобы под этим солнцем было что-то лучше. Да и на твой взгляд — неужто не хороши? — сказал.

— Куда отправилась твоя невестка?! — сказал.

— Надев-нацепив на себя пух, взмыла в небо и улетела!

Худого Ходжугура высек. Едва живого оставил*.

7 Алла-булла кутуруктаах араҕас атын мииньэн баран көтөн тахсыбыт, үүһээ дайдыга. Сатыы былыкка таҕыста. Син сирдээх-дайдылаах, дьиэлээх-уоттаах бу дайдыга. Биир туруорбах дьиэҕэ сылгы чыычааҕа биир биһиктээх оҕону билиэн эрэр [эбит]. Үчүгэй Үдьүйэн көтөн түспүт.

Билиги сылгы чыычааҕа:

— Чичип! — диэ түспүт, соһуйан.

Билиги чыычаах тыллаах буолбут:

— Үчүгэй Үдьүйэн! Дьахтаргын батыһан кэллиҥ дуу? — диэбит. — Эн бааргын биллэҕинэ, туох [да] иньигэр кэлиэ суоҕа! — диэбит. — Кырынаас[5] буол! — диэбит чыычаах. — Оҕотун биһигэр киир. Оҕотун тэһитэ кытаахтаа. Оҕо өлө-өлө ытыаҕа. Онуоха сүрэхтээх киһи кэлиэҕэ даҕаны, — диэбит.

Билиги эппитин курдук кырынаас буолбут. Оҕотун биһигэр киирбит, оҕотун тэһитэ кытаахтаабыт, суптурута ытырбыт. Оҕо бэбээрэ-бэбээрэ[6] ытаабыт. Сэттэ кыталык тиийэн кээлтэр. Билиги дьахтар түһэн кэлбит, оҕотун биһигиттэн ылбыт.

— Оҕом хайтах буолан ытаатаҕай? — диэбит.

Эмийин эмнэрэ олорбут. Үчүгэй Үдьүйэн үрдүгэр түспүт (билиги дьахтарыгар). Түүтүн үргүөн-үргүөн ылбыт, уоттаан кээспит. Дьахтара хабырыттан-хабырыттан баран, өлөн хаалбыт.

8 Дьэ, бу киһиэхэ иэдээн буолбут. Үүһээҕи дайдыга* көтүппүт, Үргэл Тойоҥҥо тиийэн кэлбит. Үргэл Тойон кыыһа Үргүүк Удаҕан аҕыс атахтаах алтан араҥас үрдүгэр үрүҥ көмүс тоҕоһоҕо* аҕыс былас аалай солку аһын эрийэ кэбиһэн олорон, кыһыл көмүс тарааҕынан тараана олорор [эбит].

— Үргэл Тойон кыыһа, Үргүүк Удаҕан, эйигин ыла кэллим! Симэхкин-таҥаскын, эньэҕин-сэтиигин оҥостон олор! — [диэн] талах кымньыы төбөтүнэн таптаан ааспыт.

Ый Тойоҥҥо ааспыт.

9 Ый Тойоҥҥо тиийэн кэлбит. Ый Тойон кыыһа аҕыс атахтаах алтан араҥас үрдүгэр үрүҥ көмүс тоҕоһоҕо аҕыс былас аалай солку* аһын эрийэ кэбиһэн олорон, кыһыл көмүс тарааҕынан тараана олорор [эбит].

— Ый Тойон кыыһа, Ыйдыҥалаах Удаҕан, эйигин ыла кэллим! Симэхкин-таҥаскын, энньэҕин-сэтиигин бэлэмнээн олор! Төннөөрүбүн ылыам! — [диэн] талах кымньыы төбөтүнэн таптаан ааспыт.

Күн Тойоҥҥо ааспыт.

7 Сев на рыжую лошадь с пышным развевающимся хвостом, полетел в Верхний мир*. Поднялся на низкое облако. В этом краю ничего [особенного]: такие же места-угодья, дома-жилища. В одном балагане (оказывается) пташка взялась качать в колыбели ребенка. Славный Юджюйэн влетел.

Эта пташка:

— *Чичип*! — вскрикнула от испуга.

Эта пташка сказала такие слова:

— Славный Юджюйэн! Ты пришел вслед за своей женой? — сказала. — Если узнает, что ты здесь, ни за что не придет! — сказала. — Стань горностаем! — сказала пташка. — Заберись в колыбель ее ребенка. Больно щипай ее ребенка. Ребенок зайдется смертным плачем. Тогда, сердечный человек, пожалуй, и придет, — сказала.

Как сказала, стал горностаем. Забрался в колыбель своего ребенка, стал своего ребенка щипать, покусывать. Ребенок зашелся в крикереве. Прилетели семь стерхов. Эта женщина спустилась, вытащила из колыбели ребенка.

— Отчего же так расплакалось мое дитя? — сказала.

Села, дала ему грудь. Славный Юджюйэн напал (на эту женщину). Пух ее выдергал-вытеребил, сжег. А женщина, заскрежетав-заскрипев [зубами], умерла.

8 Ну вот, постигла этого человека беда. Полетев в Верхний мир, прибыл к Господину Плеяд. Дочь Господина Плеяд, Пугливая Шаманка, на восьминогом золотом лабазе сидит, сидя, свои восьмисаженные алые шелковые волосы, на серебряный кол намотав, золотым гребешком расчесывает, оказывается.

— Дочь Господина Плеяд, Пугливая Шаманка, пришел тебя забрать! Приготовив свои уборы-наряды, приданое-скот*, сиди [жди]! — (говоря так), кончиком тальниковой плетки любовно провел.

Поехал к Господину Месяцу.

9 К Господину Месяцу приехал. Дочь Господина Месяца на восьминогом золотом лабазе сидит, сидя, свои восьмисаженные алые шелковые волосы, на серебряный кол намотав, золотым гребешком расчесывает, оказывается.

— Дочь Господина Месяца, С Лунным Светом Шаманка, пришел тебя забрать! Приготовив свои уборы-наряды, приданое-скот, сиди [жди]! Заберу на обратном пути! — (сказав), кончиком тальниковой плетки любовно провел.

Поехал к Господину Солнцу.

10 Күн Тойоҥҥо тиийэн кэлбит. Күн Тойон кыыһа, Күөгэл Удаҕан аҕыс атахтаах араҥас үрдүгэр үрүҥ көмүс тоҕоһоҕо аҕыс былас аалай солку аһын эрийэ кэбиһэн олорон, кыһыл көмүс тараағынан, тараана олорор [эбит].

— Күн Тойон кыыһа, Күөгэл Удаҕан, эйигин ыла кэллим!

11 Көрүөх бэтэрээҕи өттүнэ, этэн баран тэгилитиэх бэтэрээҕи өттүнэ сотору оҥостубуттар бараары. Тураннар барбыттар. Аҕыс уон атыыр үөрэ сылгыларын үүрэннэр, тоҕус уон хотон ынахтарын үүрэн барбыттар. Ый Тойон кыыһыгар тиийэн кээлтэр. Сүөһүлэри, үптэри-астары барытын ильэ барбыттар. Бары барбыттар. Үргэл Тойон кыыһыгар кэлбиттэр. Үптэри-астары, сүөһүлэри барытын ильэ барбыттар, көһөн барбыттар. Үс дьахтарын кытта айаннаан испиттэр.

12 Сыһыларыгар киирэн-тиийэн кээлтэр.

— Саһыл айалаағым, — диэн баран, куота сүүрдэн хаалбыт.

Маағы өлбүт дьахтарын сулбу тардан ылбыт. Ильэ кэлэн, айан суолун ортотугар бэйэтин таҥаһын таҥыннарбыт, тэллэҕин тэлгээн кэбиспит, ыҥыырын сыттык кээспит, дьахтарын сытыарбыт, суорҕанынан сабан кэбиспит. Атын баайан кэбиспит тииккэ, саһан хаалбыт.

Дьахталлар айаннаан куоҕатан тиийэн кээлтэр.

— Тыый, доҕор! — дэһиспиттэр, сырай сырайдарын утарыта көрсүбүттэр. — Эрбит өлө сытар, — дэһиспиттэр, ытаспыттар.

Күн Тойон кыыһа Күөгэл Удаҕан ыйыталаабыт:

— Үргэл Тойон кыыһа, Үргүүк Удаҕан! Өлбүтэ хас сыл буолбут киһини тириэрэр буолаҕын?

— Өлбүтэ үс сыл буолбут киһини сибилигин уҥан сытар киһи дьүһүнүгэр тылы оҥорорум, — диэбит.

Ый Тойон кыыһыттан ыйыппыт:

— Өлбүтэ хас сыл буолбут киһини тириэрэр буолаҕын? — диэбит.

— Өлбүтэ үс сыл буолбут киһини сибилигин утуйан сытар киһи дьүһүнүгэр тылы оҥорорум!

Күн Тойон кыыһа эппит:

— Өлбүтэ үс сыл буолбут киһини — сотору сүүрбүтүнэн-көппүтүнэн барар буолар тиллэн — ол курдук [оҥорорум]!

Үргэл Тойон кыыһа үстэ үрдүнэн көппүт: уҥа сытар киһи дьүһүнүгэр тылы буолбут. Ый Тойон кыыһа үстэ үрдүнэн көппүт: утуйа сытар киһи дьүһүнүгэр тылы буолбут. Күн Тойон кыыһа үрдүнэн үстэ

10 К Господину Солнцу приехал. Дочь Господина Солнца, С Плавной Походкой Шаманка, на восьминогом лабазе сидит, сидя свои восьмисаженные алые шелковые волосы, на серебряный кол намотав, золотым гребешком расчесывает, оказывается.

— Дочь Господина Солнца, С Плавной Походкой Шаманка, пришел тебя забрать!

11 Не успели глянуть, не успели молвить* — тотчас же собрались ехать. Встали и поехали. Восемьдесят табунов лошадей погнав, из девяноста хлевов коров погнав, поехали. Приехали к дочери Господина Месяца. Добро-провизию, скот — все забрали и поехали. Все поехали. Приехали к дочери Господина Плеяд. Добро-провизию, скот — все забрали и поехали кочевать. С тремя женами вместе едет [Славный Юджюйэн].

12 Приехали-въехали на его поляну.

— У меня был самострел на лисиц, — сказав, ускакал вперед.

Достал умершую жену. Взял, на середину дороги ее принес, в свою одежду одел, постель разложил, вместо подушки свое седло положил, свою жену уложил, одеялом накрыл. Своего коня к лиственнице привязал, спрятался.

Плавно покачиваясь [в седлах], подъехали женщины.

— *Тыый*, друг! — заговорили меж собой, уставившись друг другу в лицо. — Наш муж мертвый лежит, — сказали друг другу, заплакали.

Дочь Господина Солнца, С Плавной Походкой Шаманка, поочередно спросила:

— Дочь Господина Плеяд, Пугливая Шаманка! Сколько лет назад умершего человека оживляешь?

— Три года назад умершего человека делала похожим на лежащего без чувств человека, — сказала.

У дочери Господина Месяца спросила:

— Сколько лет назад умершего человека оживляешь? — сказала.

— Три года назад умершего человека делала похожим на только что уснувшего человека!

Дочь Господина Солнца сказала:

— Три года назад умершего человека, оживив, делаю сразу бегающим-летающим — вот так (делала)!

Дочь Господина Плеяд [через тело] трижды перелетела — стало похожим на лежащего без чувств человека. Дочь Господина Месяца трижды перелетела — стало похожим на спящего человека. Дочь Гос-

көппүт: «Утуйбутум дуу, унмутум дуу? Үчүгэйин!» — диэн баран, туран кэлбит.

Дьахталлар: «Эрбит буоллаҕа», — диэбиттэрэ, дьахтар буолан хаалбыт. Соһуйбуттар даҕаны, куттаммыттар даҕаны, сааппыттар даҕаны. Үүһээ дайдыга көтөн хаалтар. Үп даҕаны, ас даҕаны, баай даҕаны — чыыста барыта орто дайдыга хаалбыт.

Үргэл Тойон кыыһа:

— Хаарыан баайбыт хааллаҕын даа[7]! Төннүөҕүн! — диэбит.

Күн Тойон кыыһа:

— Туох даҕаны иньигэр төннүөм суоҕа[8]! Мин аҕам сүөһүтүн биир сыллаағы урууга эрэ! Онуоха төннүөм суоҕа!

Үүһээ дайдыга көппүттэр.

13 Үчүгэй Үдьүйэн билиги кыргыттар баайдарын ылан, дьахтарын тириэрэн, хаалаах оҕотун ыҥыырдаан, илин өттүгэр үүрүүлэнэн, кэлин өттүгэр сэтиилэнэн, ойоҕос өттүгэр ырдыыланан, хонноҕун[9] иһигэр дьахтарданан, хаалаах оҕолонон аан дайдытыгар, бар дьонугар, иэримэ дьиэтигэр тиийэн кэлбит.

Күн бүгүҥҥүтүгэр дылы байан-тотон олороллор үһү.

Сыччах.

20. КУОБАХ КУТУРУГА

1 Куобах Кутуруга диэн оҕоньньор* баара үһү. Икки айыы кыыһа ойохтооҕо эбитэ үһү. Улаханын аата Айыы Күөрэгэй диэн, аччыгыйын* аата Айыы Далбарай диэн эбитэ үһү.

Биирдэ кыһын тымныыттан хаатараҥ хааланнар*, аһыыр астара бараммыт. Хантан даҕаны кыайан ас булбад дьон* буолтар. Арай оҕоньньордоро туран ойохторугар ырыанан эппит:

1 — Икки дэ,
Айыы кыыһа да,
Ойохторум да,
Таһадьдьа* да,
5 Таһааранҥыт та,
Күрдьүктээх тэ,
Хаарым да,
Үрдүгэр дэ,
Уурун да,
10 Уол оҕо буоламмын
Бултаан-алтаан
Киирээйэмий дэ!

подина Солнца трижды перелетела — «Спала ли, была ли без чувств? Как хорошо!» — сказав, встала [жена Славного Юджюйэна].

Женщины подумали: «Это наш муж», оказалось — женщина. И испугались, и удивились, и устыдились. Улетели в Верхний мир. И имущество, и провизия, и богатство — все осталось в Среднем мире.

Дочь Господина Плеяд:

— Эх, жалко, наше богатство осталось! Вернемся! — сказала.

Дочь Господина Солнца:

— Ни за что не вернусь! Этот скот моего отца — всего лишь годовалый приплод! Из-за этого не вернусь!

Улетели в Верхний мир.

13 Славный Юджюйэн, взяв себе богатство этих девушек, оживив свою жену, поставив на седло колыбель с ребенком, [скот] перед собой погоняя, за собой в поводу ведя, сбоку тюки приторочив, при себе женщину и ребенка в колыбели имея, на свою родину, к своему народу, в свой уютный дом прибыл.

До сего дня в богатстве-довольстве живут, говорят.

Вот так.

20. ЗАЯЧИЙ ХВОСТ

1 Был, говорят, старик по имени Заячий Хвост. Были у него, оказывается, две жены, родом из племени *айыы*. У старшей, говорят, было имя Айыы Жаворонок, у младшей — имя Айыы Птенчик.

Однажды зимой у них, загнанных морозом [в дом], кончилась еда. Оказались они людьми, которым неоткуда взять еды. Тогда старик своим женам песней сказал:

1 — Две *дэ*
Дочери *айыы да*,
Жены мои *да*,
На улицу *да*
5 Вытащите *та*,
На сугроб *тэ*,
На снег *да*
Сверху *дэ*
Положите *да*.
10 Молодцем-парнем стану,
С охотничьей добычей,
Может, вернусь *дэ*!

Онуга* оҕоньньору икки айыы кыыһа ойохторо таһыдьдьа таһааараннар, күрдьүктээх хаар үрдүгэр уурбуттар. Ол ууруллаат, оҕоньньор ырыанан:

— Бурҕаахыным, бурҕай эрэ,
Күккээһиним, күккэй эрэ, — диир.

2 Онуга сүрдээх күүстээх тыал түспүд үһү дээ, оҕоньньору көтүтэн идьдьэ барбыд үһү. Оҕоньньору көтүтэн идьдьэн тыаҕа таһааран сыҥылах* хоонньуугар иҥиннэрбид үһү. Оҕоньньор онно токуйан сыппыд үһү.

Арай түүн үөһүн саҕана биир тайах* киирэн аттыгар сыппыт таа, утуйбут. Биһи буччуппут* сыыланҕхайдаан тиийэн, кулгааҕар киирбит тээ, мэйиитин сарыытын тэһэ кэбийбид үһү. Онно тайаҕа өлөн хаалбыт. Оҕоньньор тайаҕын үрдүгэр тахсан олорбут, мы* гынна ырыалаах:

— Бурҕаахыным, бурҕай эрэ,
Күккээһиним, күккэй эрэ, — диир.

Онуга сүрдээх күүстээх тыал кэлэр дээ, оҕоньньору көтүтэн идьдьэ барар. Ол көтүтэн идьдьэр дээ, дьиэтигэр аҕалан тохтотор.

Оҕонньор хаһыынан:

— Дьиэҕэ киллэриҥ, — диир.

Ойохторо тахсаннар киллэрбиттэр.

Оҕоньньор ойохторугар:

— Мин тайаҕ өлөрдүм*, — диир. — Ону тахсаҥҥыт киллэриҥ, илин тыа һаҕатыгар* сытар, — диир.

3 Онуга ойохторо сүгэ, быһаҕ ыланнар тайахтарыгар тахсаллар. Тиийэн көрбүттэрэ: тоҥон хаалбыт. Арай иһэ эрэ ириэнэҕ эбит. Хайдах таҕаны һытаан хайа да өттүттэн кыайан эд ылымналар иһин үчүгэйиттэҥ киллээттэр. Үүдэһиннээҕ үүттэриҥ күөһүгэр буһаран бааҕынаппыттар. Күөстэрин арыытын холбуйан ыланнар муннукка уурбуттар.

Оҕоньньордоро баҕадьдьы* онно ойуохалаан тиийбит тээ. Мээрэйгэ турар арыыттан мээрэй айаҕар олорон иһэн тонхооройдообут. Хаста даҕаны омуппутуҥ гынна, бии арыыта түүтүгэр бөчөҕөлөспүт тээ, оҕоньньор умсары тардыллан арыыга түһэн хаалбыт. Илиитин дэ, атаҕын да хамнаппатах, өлөҥ хаалаахтаабыд үһү.

4 Ойохторо күөстэриҥ хотороннор сойутан бараннар, арыыларын уокка кутан бараннар, ордугун улахан айыы кыыһа үрдүн испит,

Тогда обе его жены, дочери *айыы*, вынесли старика во двор и положили его на снежный сугроб. Только положили, старик, напевая:

— Пургушка моя, запуржи-ка,
Вьюгушка моя, завьюжь-ка, — говорит.

2 Тут поднялся, говорят, страшный ветер и, подхватив, говорят, унес старика. Поднял и унес старика в лес; там, говорят, зацепил его за валежник. Свернувшись, старик, говорят, там лежал.

Вдруг в полночь подошел, лег рядом и уснул один лось. Наш охотник подполз, залез в его ухо и прогрыз, говорят, оболочку его мозга. Тогда этот лось умер. Старик забрался на лося и сел, вот с такой песней:

— Пургушка моя, запуржи-ка,
Вьюгушка моя, завьюжь-ка, — говорит.

Тут поднялся страшный ветер и, подхватив, унес старика. Подняв, понес его, принес к дому и там оставил.

Старик, закричав:

— Пустите в дом, — говорит.

Жены вышли, впустили.

Старик женам:

— Я убил лося, — говорит. — Выйдите и принесите это, лежит у опушки восточного леса, — говорит.

3 Тогда жены, взяв нож с топором, вышли за тем их лосем. Добравшись, увидели: замерз. Только внутренности, оказывается, теплые. Ни с одной стороны никак не смогли взять мяса, поэтому принесли что было лучшего из внутренностей. В залатанном горшке для молока до бурления вскипятили. Сварив, сняли жир, поставили в угол.

А их-то глупый старик подскочил тогда попить жира. Сидя у края берестяной посудины, нагибаясь, стал пить. Несколько раз глотнул — тот жир к волосам прилип, старика вниз потянуло, он в жир и упал. Ни руками, ни ногами не мог двинуть, так, говорят, и умер.

4 Жены вынули из горшка потроха, остудили их, отлили жира в огонь*, остаток его сверху выпила старшая дочь *айыы*, снизу — вы-

аччыгый айыы кыыһа аннын испит. Буспуд истэрин сиилләригэр өйдөөҥ көөттөрө*: оҕоньньордоро һуох.

Улахан айыы кыыһа:

— Хайа оҕоньньорбут ханна барда? — диир.

Онуга бииддэһэ:

— Мин билэбин дуо? — дии түһэр.

Арай тураннар оҕоньньордорун көрдөөбүтүнэн баатар. Оннооҕуманнааҕы бөҕү-сыыһы буккуйбуттар* даа булбатахтар.

Онно кыра айыы кыыһа этэр:

— Диэбэт таҕаны*! Маарыын арыыны иһэрбэр күөмэйбэр туоҕ эрэ биллэн ааспыта эбээт. Онно кытта һиэтэҕим дуу? — диир.

Онно улахана этэр:

— Кидьдьик таҕаны, һиэтэҕиҥ дии, — диир. Ити итинэн ааспыт.

5 Хас таҕаны ый буолтар. Арай кыра айыы кыыһа оһоҕоһо улаатан, арай улам-улам ыараан барбыт. Кэмнээх кэмэ кэлбит, күннээх күнэ туолбут. Арай төрөөрү этэ ыадьдьыбыт. Улахан айыы кыыһа тыаттан тахсан хатыҥ быһаҥ киллэрэн тоһоҕо һаайбыт. Онон кыра айыы кыыһа төрөөбүт. Уол оҕону төрөппүтэ үһү, доҕоттоор.

21. ХОНОЛДЬУЙА УОННА ЫМАЛДЬЫЙА

1 Оҕонньордоох эмээхсин былыргы дьыл мындаатыгар, урукку дьыл уорҕатыгар, этиһиилээх дьылым элбээн турдаҕына, өлөссүүлээх дьылым үүнэн турдаҕына, олорбуттар эбит. Төһө өр олорбуттарын билбэттэр, хас сыл сылдьыбыттарын билбэттэр, аһаан-таҥнан ыамайданан*, сиэн-аһаан сайталдьыһан сылдьыбыттар. Уоллаах кыыс оҕолоохтор эбит. Кыыс Ымалдьыйа диэн ааттаах эбит. (Ааттыахха итини тупсаран биэрэ таарыйа.) Уола буоллаҕына Хонолдьуйа диэн эбит. Дьэ, доҕор, булт гиэнин бултаан, ас гиэнин бэрдин булан аһыыллар эбит. Сүрдээх хорсун-хоодуот дьоннор оҕолоро эбит.

2 Дьэ биир сарсыарда оҕонньордоох эмээхсин сүбэлэрин холбоон, сөһүргэстээн олорон, кэпсэтэн бараннар, аал уоттарын иннигэр олороннор:

— Дьэ, биһиги оҕолорбутун дьиэлиир туһунан мин бөөлүүн түһээтим ээ, оҕонньоор, — диэн, эмээхсин оҕонньоругар кэпсээбит.

— Сөөп, — диир, — дьэ эрэ!

пила младшая дочь *айыы*. Когда ели вареные потроха, спохватились, смотрят: старика их нет.

Старшая дочь *айыы*:

— Куда ушел наш старик? — говорит.

Тогда другая:

— А я знаю, что ли? — отвечает.

Тут поднялись, пошли искать своего старика. Тут-там мусор-сор поворошили — не нашли.

Тогда младшая дочь *айыы* говорит:

— Чуть не забыла! Недавно, когда пила жир, в моем горле что-то застряло. Не тогда ли, может, заодно и его проглотила? — говорит.

На это старшая говорит:

— И вправду же съела, — говорит. С тем и оставили.

5 Прошло несколько месяцев. И вот у младшей дочери *айыы* стал расти живот, все более и более становится тяжелой. Пришло положенное время, настал назначенный день. И вот в теле боль — роды. Старшая дочь *айыы* пришла из леса со срубленной березкой и вбила кол*. Тогда младшая дочь *айыы* родила. Родила, говорят, друзья, мальчика.

21. ХОНОЛДЖУЙА И ЫМАЛДЖЫЙА

1 На вершине старинных лет, на хребте давних лет, когда, умножаясь, бранные лета вставали, когда, вырастая, ратные лета поднимались*, жили, оказывается, старик со старухой. Как долго жили — не знают, сколько лет ходили — не знают, вдоволь кормясь-одеваясь, без разбору кушая-наедаясь, жили. Детей — парня и девушку — имели, оказывается. Девушку звали Ымалджыйа. (Назовем так, это лучше.) Парня же — Хонолджуйа, оказывается. Ну, дружок, богатую добычу добывая, лучшую пищу доставая, кормились, оказывается. Детьми очень смелых-храбрых людей [были], оказывается.

2 Ну, однажды утром старик со старухой, подогнув под себя ноги, сидели вдвоем перед разожженным очагом, разговаривали, держали совет:

— Ну, старик, видела я ночью во сне женитьбу наших детей, — так старуха рассказала старику.

— Хорошо, — говорит, — ну-ка!

— Эн аһыы олороҥҥун оҕолоргор этээр: «Ыал буолар курдук оҥостуҥ, тэрээһиҥҥитин тэринэр курдук дьылҕата оҥостуҥ, — диэн буолар», — диэбит эмээхсинэ.

3 Аһыы олорон, үөрэлэрин сии олорон, дьэ оҕонньор:

— Дьэ, тоҕойуом, Хоноллуйа-а! Нокоо, түүл-бит да тардар уонна саас богдо да ситтэ. Ыал буоллаххына сатаныыһыккын, нохоо! — диир.

— Дьэ, кырдьык, син сөп этэ да, миэхэ ким кэлэрэ биллибэт уонна чугас эргин кыыстаах ыал суох, — диир.

Онтон били Ымалдьыйаҕа эмээхсин этэр:

— Дьэ, тоойуом, киҥиҥ-наарыҥ холлон, титир-татыр хаамар тыас-уус элбээтэ, уҥа-хаҥас тилир-талыр гынар буоллуҥ, иһитиҥ-хомуоһуҥ тыаһаары да гынна, — диир.

— Тыый, хайдах оннугуй ол? — диир.

— Дьэ, кэбис, онон кэргэннэннэххинэ сатанаҕын! — диир.

— Дьэ аһаан бүтэн баран, ону быһаарыныахпыт, — диэн, оҕонньор чиҥ-чаҥ курдук аҕа киһи быһыытынан суос соҕус бэринэн олорон.

Аһаан-сиэн бүтэн баран:

— Чэйиҥ эрэ, тахсыаҕыҥ эрэ таһырдьа! — диир.

— Дьэ, оҕолоор! Арҕаа диэки хайыһаайаҕыт, хоту диэки көрөөйөҕүт. Илин уонна соҕуруу көрдөрөөрүҥ. Бу оҕу эһиги ытаҥҥыт, ытан кээспиккит, ханна тиийэн түһэриттэн, төһө дьол-туску көтөҕөрүттэн, дьэ бу түөрэххитин быраҕан, тускута-айхалла ылыахха наада. Айыы дархан аймаҕа хайдах өлөн-сүтэн биэриэҕэй? Тыыннаах устатыгар уйгу-быйаҥ ортотугар олорор курдук дьолло көрдөһүөҕүҥ! — диир.

4 Дьэ сөп. Ол гынан баран ырыалаах буолан сытыйа олорбут:

— Дьэ, алгыс диэн алҕаатахха сатанара буолуо итиннэ, — диир:

1 — Дьэ-һэ-һэ!
Күн Айыы Тойон аҕакайбыт!
Арҕаһыттан тэһиинээх,
Күн айыы хаан оҕолорун
5 Алаһа дьиэлэрин тэрийээри
Этэн-тыынан көрдөһөн
Үҥэн-сүктэн эрэбит.
Хоолдьуктаах баһым хоҥкуйан,
Сүһүөхтээх бэйэм бокуйан,
10 Кырдьар сааспар,
Эргэрэр үйэбэр
Уоллаах кыыспын

— Ты во время еды скажи детям: «Готовьтесь создать семью, готовьтесь ради своего будущего обзавестись хозяйством», — так сказала старуха.

3 Во время еды, хлебая похлебку из заболони*, ну, старик:

— Ну, мой сыночек Хонолджуйа-а! *Нокоо*, и сон-примета указывает, да и возраст наступил. Надо тебе, *нохоо*, завести семью! — говорит.

— Ну и правда, можно бы, но неизвестно, кто за меня пойдет. Поблизости же и соседа с дочерью нет, — говорит.

Затем старуха говорит той Ымалджыйа:

— Ну, доченька, нрав-характер твой изменился: шаркая-топая ногами, ходишь — шум-треск стоит, [голенищами] вправо-влево шлепать-хлопать стала, этак у тебя скоро и чашки-ложки загремят, — говорит.

— *Тыый*, отчего это так? — говорит.

— Да брось, оттого, что должна выйти замуж, — говорит.

— Давайте кончим есть, тогда и решим, — напустив строгость, твердо, как и подобает старшему человеку, сказал старик.

Закончив есть-насыщаться:

— Ну-ка, выйдем во двор! — говорит.

— Давайте, детки! На запад не оборачивайтесь, на север не смотрите. На восток и юг укажите. Выстрелив, вы пустите эту стрелу: докуда долетит и упадет — столько счастья-добра поднимет; вот так бросив свою гадальную ложку*, надо получить благословение-одобрение [духов]. А то как же, вдруг племя *айыы дархан** исчезнет-погибнет? Пока живы, попросим счастья, чтобы в богатстве-достатке жить! — говорит.

4 Ну ладно. Сидит, после этого еще и песню затягивает:

— Ну, видно, следует посвятить этому благословение, — говорит:

1 — *Дьэ-сэ-сэ!*
Кюн Айыы Тойон, отец наш!
Имеющий поводья за спиной*
Кровным детям солнечных *айыы*
5 Уютный дом создать,
Говоря-вздыхая, выпрашивая,
Молиться-кланяться начинаем.
Голову с шеей склоняя,
Колени свои сгибая,
10 В старческом возрасте,
На исходе жизни,
Для сына с дочерью

Алаһа дьиэ туруоран,
Алтан сэргэ анньар
Күнүм буолла.
Эрбэх дьолуота,
Соргута биллин! — диэбит.

5 Ол гынан баран:

— Чэйин, оҕолор! — диэбит.

Онуоха туран, уоллаах кыыс «тирк!» гыннаран кээспиттэрэ: биирдэрэ — тус илин диэки, биирдэрэ — тус соҕуруу диэки. Уол киһитэ тардан кэбиһэр — тус соҕуруу диэки.

— Дьэ туруоххут дуо, оҕолоор? Оттон оххут дьэ ол кыһыл көмүс кыырпаҕын курдук, дьэ кылабачыйа-кылабачыйа бара турда ээ! Оҕолорум котокулар ыталлар да эбит! — диир.

Дьэ, үөрэн-көтөн, өттүгүн оххунан:

— Эмээхсиэн, дьэ, дьол-соргу бөҕө дьэ буолла! Айыы дархан хаан аймахтарын өрөһүйэр буоллулар, күн айыы оҕолорун күөмчүлээбэт сирдэригэр ыыттылар. Дьолбутун-соргубутун дьэ оҥостор дьон буоллубут эбээт! — дии-дии үөрбүт-көппүт.

6 Инньэ диэн баран, дьэ били уоллаах кыыс баран хаалбыттар. Уол барбыт даҕаны, дьэ хас да хоммут. Харанардаҕына: «Түүн буолла», — диэн, сырдаатаҕына: «күнүс буолла», — диэн, үс түүннээх күн айаннаан, төрдүс күнүгэр дьэ тиийэн кэлэр киэһэ.

Кыыс оҕо буоллаҕына, биир сиргэ суоллаан-суоллаан тиийэн, ол күн күн дьааһыйыыта, дьэ дьиэтигэр тиийэн кэлэр.

Ол гынан баран:

— Аҕаа, дьэ дьиктигэ түбэстим! Дьэ буолар да эбит, тоҕо бэрдэй ити! Тумсун төбөтүттэн кутуругун төрдүгэр дылы алаадаах Ала Тойон диэн мин охпун туора ытыран олорор. Ону: «Аҕал», — диэбиппин, дуорас биэрбэт.

— Тоҕо биэрбэт, доҕоор, ол? — диир.

— «Мин ылаары ылан олоробун, ыларга сокуон бөҕө баар, Дьылҕа Тойон ыйааҕа да оннук, аан дойду айылҕата да оннук айбыта. Дьэ, миигин айыыһыттар айбыттара», — диир.

— Дьэ эрэ, ол хаһан кэлэр тойон буолар эбитий?

— «Үс хонугунан сарсыарда күн тахсыыта кэлиэҕим. Дьэ онно кэтэһээрин», — диэбитэ.

— Сөп, — диэбит.

7 Дьэ үс хонор. Биллибээт. Төрдүс күнүгэр тиийэн кэлбитэ эбитэ үһү диэн буолар. Дьэ, күтүөт кэлэн баран, тойон сэргэлэригэр логлос гына

Просторное жилье поставить,
Золотую *сэргэ** установить
Мой день настал.
Большого пальца удачу,
Счастье пусть узнают*! — сказал.

После этого:

— Ну-ка, дети! — сказал.

Тогда парень с девушкой «*тирк*!» [выстрелили], кто прямо на восток, кто прямо на юг. Парень прямо на юг выстрелил.

— Ну что, дети-и, так и будете стоять? А ваша стрела-то, чисто, как крупинки золота блистая-сверкая, полетела ведь! Дети мои милые, стреляют-то ведь как! — говорит.

Ну вот, радуясь-ликуя, по бедрам похлопывая:

— Старушка-а, ну и счастье-удача же привалила! Родственников *айыы дархан*, видно, спасут: детей солнечных *айыы* отправили в ту землю, где [их] не будут притеснять. На свое счастье-удачу построимся ведь! — приговаривая, радуется-ликует.

6 Так сказал, и эти парень с девушкой ушли. Отправившись, ну, парень несколько раз переночевал. Когда темнело: «Ночь наступила», — говоря, когда рассветало: «день наступил», — говоря, три ночи и дня был в пути, на четвертый день, ну, к вечеру возвращается.

Девушка шла-шла по следу, до одного места дошла и в тот же день, к заходу солнца, наконец домой вернулась.

После чего:

— Отец, ну и диковина мне попалась! Ну бывает же такое, оказывается! Отчего же это так?! Сидит, поперек [клюва] держа мою стрелу, пегий Ала Тойон, с полосой от кончика клюва до основания хвоста. Сказала: «Отдай» — ни в какую не отдает.

— Почему не отдает-то, дружок? — говорит [отец].

— [Сказал]: «Я собираюсь ее забрать, нерушимый для того есть закон, и указ Джылга Тойона такой, и самой природой так предначертано. Ну, меня создали *айыысыт*», — говорит [девушка].

— Ну и когда же явится тот *тойон*?

— Сказал: «Прибуду через три дня, на рассвете, с восходом солнца. Вот в это время и ждите».

— Ладно, — сказал [отец].

7 Вот прошло три дня. Не появился. Добравшись, прибыл, говорят, на четвертый день. Вот, прибыв, жених вдруг на главную *сэргэ* сел и,

олорон баран, тачыгырыы-тачыгырыы далланҕалаан, чачыгырыы-чачыгырыы дьүккэх гыммыт. Ол гынан баран, тэлгэһэлэрин ортотугар логлос гына олоро түһэн баран, үҥкүлүс-күөһэлис гынан баран, дьэ эр хаан гиэнэ, эрэли хаан туйгуннааҕа уол оҕо буолан дьырас гына түспүт.

Дьэ, оҕонньордоох эмээхсиҥҥэ тыллаах чыычаах, саҥалаах-ингэлээх тойон буолан дьэ көрсүбүт, көрдөһөн-ааттаһан:

— Дьэ, оҕонньоор, эмээхсиэн! Үрдүк ааккытыгар сүгүрүйэ, аан ааккытын ааттаан дьэ тиийэн кэллим. Ити кыыс оҕоҕут ыппыт оҕун дьэ мин ылбытым бу баар, — диэн баран, оҕун хаатыттан сулбу тардан ылан көрдөрөр, ону төттөрү уктан кээһэр.

Ону оҕонньор да көрдөөбөтөх, эмээхсин да көрдөөбөтөх.

8 Дьэ били Ымалдьыйа оҕону ыккардыгар уктан, сиэтэн киллэрэн баран, дьэ алаһа дьиэлэрин ааннарын атыллаан киирэн баран, кэтэҕэриин диэки олорон баран, дьэ, бу киһиҥ аал уокка, ас кута-кута, дьэ алгыс алҕаан, томтолутан киирэн барар эр киһи быһыытынан:

1 — Дьэ, һэ-һэ!
Мин диэтэх киһи
Чуор таба көлөлөөх,
Чуор саа диэни билбэтэх
5 Тоҕус буур таба иэнин иҥиирин
Хатаран куурдан,
Имитэн эллээн
Ону үс хос аарыма туос хаттыктаан,
Сэттэ хос киил мас сыһыаран
10 Оҥоһуулаах ох саалаах
Тойон хаан тоҥус уола
Догуолдьуйа Саар Бөҕө диэн,
Аттаах-суоллаах этим.
Сир-дойду баһыгар
15 Бултаан-алтаан үллэнэммин олоробун.
Түүлээх таҥаска чом сууланаммын,
Кыыдаанаах кыһыҥҥа,
Буурҕалаах бириэмэҕэ
Долуой да тоҥмокко,
20 Ураһа дьиэлэнэммин
Улуутуйа соҕус туттунан
Олорор киһибин.
Тойонноох хотун эмээхсиннээх оҕонньор,
Дьэ, миэхэ субу кыыскытын
25 Ойох биэрэргит буоллар
Үтүө дьыала буолуо эбит.
Дьахтарынан тутайбыт,

щелкая-клекоча, крылья распластал, треща-стрекоча, шею вытянул. После чего вдруг на середину двора слетел, ну и перекувырнувшись-перевернувшись, обернулся самым лучшим бравым молодцем, удалым парнем.

Вот обернувшись говорящей птицей, орлом с [человеческим] говором-речью, встречает старика со старухой, прося-умоляя:

— Ну, старик, старуха! Вот и прибыл вашему высокому имени поклониться, первоначальное имя назвав. Стрелу, что послала ваша дочь, взял я, вот она, — сказал, вытащил из ножен стрелу, показал и обратно ее положил.

Ни старик ее не попросил, ни старуха не попросила.

8 Вот, меж собой [и родителями] поместив то чадо Ымалджыйа, ведя [за веревку], ввел ее, вот порог просторного жилья переступил, вошел, против входа уселся, вот этот человек, на домашний очаг пищу выливая, ну и заклиная, как мужчина стал распевать:

— *Дьэ, сэ-сэ*!
Я такой человек —
Звонкую оленью упряжку имевший,
Звонкого ружья не знавший,
Девяти сохатых спинное сухожилие,
Высушив-вывялив,
Выделав-размяв,
В три ряда широкой берестой обмотал,
В семь рядов крепкой древесиной обклеил —
С самодельным луком
Сын тунгуса *тойон*-хана
Догуолджуйа Саар Бёгё
Имя-прозвище имею.
На краю родины-земли
Охочусь-промышляю, тем и живу.
В меховую одежду плотно кутаясь,
В метельную зиму,
Во вьюжную пору
Нисколько не мерзну,
Домом-*урасой* обзаведясь,
В довольстве
Живущий я человек.
Тойон и *хотун*, старик и старуха,
Ну, если бы мне эту вашу дочь
В жены отдали,
Доброе свершилось бы дело.
Женщина мне нужна,

Киһинэн куччаабыт,
Кэргэнинэн аҕыйаабыт,
Ас-таҥас тэрийээччи киһи
Наадата буолбут
Оҕото буолабын.

— Биэрээн! — диэбит оҕонньор.

— Биэрэн-биэрэн! — диэн баран эмээхсин сайтаҥхалаан туран кэлбит.

Дьэ үс түүннээх күн бүтүөр дылы ас-таҥас бөҕөнү астаан-үөллээн, тэрээһин бөҕөтүн тэринэн, малааһын бөҕөтүн бэлэмнээн, дьэ олорбуттар.

9 Ол олордохторуна, били Хонолдьуйа диэн ааттаах киһи күн дьааһыйа киириитэ, төрдүс хонуга буолар киэһэтигэр дьэ тиийэн кэлэр эмиэ.

— Дьэ ийэлээх аҕам! Дьэ миигин киһи буоллун диэн аччылатан, дьон буоллун диэн сүрэхтээҥҥит ыыппыкыт. Бардар бараммат киэҥ ыраах сиргэ баран кэллим. Уута киэҥэ, күөҕэ элбэҕэ, көтөрө-сүүрэрэ үксэ, дьон баарын көрбөтүм. Эмиэ да үтүө дойдуга оҕум баран түһэр буолар эбит, эмиэ да ичигэс салгыннаах ил гынар эбит диэн, дьэ үөрэн-көтөн кэллим. Онтон мин сэппин буоллаҕына, биир маҕан, кутуругун төрдүн диэки [харалаах], кынатын төбөтө [эмиэ харалаах] быһыылаах, кырдьыылаах харахтаах, кыһыл тумустаах, үктэнэрэ кыһыл, кыталык кыыл кынатын быыһыгар ылан уктан кэбистэ, көрөн турдахпына.

— Хайа, мин охпун тоҕо уктан кээһэҕин?

— Оттон кэлэн булбутуҥ да итиччэ, итиэннэ эппиттэрэ даҕаны, онон биэрбэппин. Дьэ бэриллибэт! — диэн буолар.

— Ол гынан баран, оччоҕуна мин хайдах буолабын?

— Үс хонон баран тиийиэм, киэһэлик түөттүүр ынах икки киэһээни ыккардынан соҕус булааннаан. Күн мас саҕатыгар түһүүтэ, дьааһыйыыта, тиийиэҕим, — диир.

— Эһиэнэ буолтун иһин хайдах барыта көтөр ылар баҕайыный? — дии-дии оҕонньор баһын тарбанар. — Дьэ ол гынан баран, оннук баар, былыр-былыргыттан баар үһү эбээт! Сээркээн сэһэттэр, сэрбэкээн оҕонньоттор инньэ диэн кэпсииллэр ээ, — диир.

10 Ол гынан баран, хонуга-болдьоҕо туолан, чэ били соҕуруу диэки хайыспыттара — биир маҥан аттаах дьахтар сиэллэрэн дэгэтэн иһэрин уол киһи утары сүүрэн хонойон тиийэн, атын тэһиниттэн

Людей у меня стало меньше,
Родичей у меня поубавилось,
30 В человеке, едой-одеждой снабжающим,
Нуждающимся
Парнем являюсь.

— Отдади-им! — сказал старик.

— Отдадим-отдадим! — сказав, старуха враскачку поднялась.

Ну пока три дня и три ночи не истекли, еду-одежду во множестве стряпая-готовя, утварь в избытке собирая, угощенья в изобилии наготовив, так жили.

9 Когда они так жили, вот под вечер четвертого дня, перед самым заходом солнца, также прибывает тот человек по имени Хонолджуйа.

— Ну, отец и мать! Вот [вы] меня, чтобы я стал человеком, освятили, чтобы стал сородичем, окрестили и отправили. Из бескрайней — идти и не обойти — далекой земли вернулся. Воды [там] раздолье, зелени изобилие, птиц-зверья множество, людей же не видел. Надо же, на такую прекрасную землю моя стрела, полетев, упала, оказывается. Надо же, теплым воздухом там веет, оказывается. Говоря так, радуясь-ликуя, пришел. А мое-то орудие одна белая птица-стерх с черным узором у основания хвоста и на кончике крыла, с глазами в ободьях, с красным клювом, с красными лапками у меня на глазах подняла и меж крыльев себе засунула.

— Ты что, зачем мою стрелу сунула?!

— А затем, что пришел и нашел, к тому же и предупредили, поэтому не отдам! Не получишь! — так отвечает.

— Так все же, что мне теперь делать?

— Прибуду через три дня: появлюсь под вечер, между полуденной и вечерней дойкой коров. Когда солнце начнет садиться-закатываться за деревья, — говорит.

— Что же ваши [стрелы-то] всё птицы подбирают? — приговаривая, старик голову почесывает. — И все же есть, оказывается, такое с древнейших времен! Рассказывают ведь о таких *сээркээн сэсэнах**, маленьких старичках, — говорит.

10 После того, когда [назначенные] сутки-сроки миновали, вот в южную сторону посмотрели: едет легкой рысью на белом коне одна женщина. Парень-человек навстречу выбежал, приосанившись, подошел,

16 Заказ № 61

ылан, кэккэлэһэ хааман иһэн, биирдэ өйдөөн көөртө: дьахтар буолбатах, кыталыгы кытта сиэттиһэн иһэр эбит.

— Тыый, бу кыталык кыылы кытта сиэтиһэр киһи баар эбит дуу? Хайдах хайдаҕый, кыыс диэбитэ, — дии-дии оҕонньор төбөтүн тарбана-тарбана наҥналлан турар.

Оттон дьэ аҕалан, атын сэргэҕэ баайан кэбиһэр. Били кыыла тэлгэһэ ортотугар тула холоруктуу, көрө-истэ, «кыырк» дии-дии, онно тула эргийэ сылдьыбыт. Ол гына-гына хантас гынан иһэр. Чолох гыннаҕына «кыырк» диэн иһэр эбит.

— Тыый, итиэннэ саҥата суох баҕайы дуу? — диэн ыһыахха мунньустубут ыччат дьон саҥарбакка турбуттар. Кырдьаҕас өттө олох да «ыых» да, «аах» да диэбэттэр эбит.

11 Онуоха били кыталык кыыллара үҥкүрүс гыммыт, күөһэлис гыммыт, кыыс гиэнэ кылааннааҕа, чүөчэ гиэнэ дьүрбүөтэ, таһаалаах гиэнин мааныта, сырайдаах гиэнин кылааннааҕа, өттүктээх гиэнин үтүөлээҕэ, дьоҕоно сотолооҕо, таманнаах гиэнин талыыта дьэ буолбут. Киниттэриттэн үөрэн-көтөн дьэ сайтаҥхалаһыы буолбут. Онуоха дьиэҕэ киириэхчэ киирбэккэ, онно туран эрэ тойук-ырыа бөҕөнү туойа-тарда турбут, бу дьахтарыҥ:

1 — Сиэ́й, сиэй!
Бай, доҕоор! Бай, доҕор!
Тойонноотор тойонум,
Хотуннаатар хотунум,
5 Кырдьык даҕаны, мин
Ситэри эппэккэ,
Сэһэммин сэһэннээбэккэ,
Айыы таҥара оҕото
Субу диэн сүөмэлээбэккэ,
10 Субу курдук ыаһах ыытан,
Ырыа ыллаан,
Сэһэн сэһэннээн көрүүм эрэ!
Хоммут уоспун хоҥноруум,
Өрөбүт уоспун өһүлүүм.
15 Һиэ-һэ! — диэбит.

12 Дьэ ол гынан баран, дьэ тула холоруктуу-холоруктуу, били дьахтарыҥ, дьэ ыллаан киирэн барар үчүгэйдик:

1 — Бай, бай, бай!
Кылбардыырым оҕото
Хонолдьуйа хотоорой!
Эн биһикки мантан

коня за поводья взял, рядом пошел, вдруг спохватился, смотрит: идет, оказывается, взявшись за руки не с женщиной, а со стерхом.

— *Тыый*, разве человек может взяться за руки с птицей-стерхом? Что же это такое? [Ведь] сказал, девушка, — так приговаривая, приземистый старик, голову царапая-почесывая, стоит.

Но вот [парень] подводит коня, привязывает его к *сэргэ*. Тот же зверь посреди двора вокруг [себя] закрутился: смотрит-слушает, «*кыырк*» повторяя, вихрем там кружит. При этом вскидывает голову. Как вскинет голову — «*кыырк*» издает, оказывается.

— *Тыый*, кроме этого нет слов, что ли? — [так] думая, молча стоят собравшиеся на *ысыах* молодые люди. Другие же, старики, и вовсе — ни «да», ни «нет» не говорят.

11 Тогда та птица-стерх покаталась, повалялась — самой лучшей из девушек, самой лучшей из женщин, самой лучшей станом, самой пригожей ликом, самой прекрасной бедрами, со стройными голенями, самой лучшей телом стала. Невесте своей радуясь-ликуя, ну, засуетились. В дом никак [не решаясь] войти, оставшись там, песню-*тойук* затянула-запела, вот эта женщина:

1 — *Сиэй, сиэй*!
Бай, дружок! *Бай*, дружок!
Из *тойонов* мой *тойон*,
Из *хотун* моя *хотун*,
5 И вправду я
До конца не договорила,
Сказ свой не досказала:
Дитя *айыы*-бога [я],
Когда говорила, вот это не уточнила,
10 Вот такой рассказ ведя,
Песню напевая,
Сказ сказывать начну-ка!
Ночевавшие уста разомкну,
Отдыхавшие уста развяжу,
15 *Сиэ-сэ*! — сказала.

12 Ну, после этого, ну, вокруг [себя] вихрем крутясь-кружась, та женщина славно запевает:

1 — *Бай, бай, бай*!
Светлоликий молодец мой,
Хонолджуйа дорогой!
Мы с тобой отсюда

Тоҕус күннээх түүн
Тура айаннаан,
Үҥуоргута биллибэт,
Улаҕата көстүбэт,
Чээл күөхтээх,
Үрдүк мыраннаах,
Уостубат уулаах,
Бараммат баайдаах,
Илин өттүттэн күнэ таххар
Дьиэһийэ-дьиэһийэ
Тупсан иһэр дойдуга
Аан алаһа дьиэбит туттар,
Кырдалбыт илин өттүгэр
Кулуһун оттон,
Булт булталан,
Ас-таҥас тэринэн,
Олохсуйан көрүөхпүт.

Ол гынан баран төһө өр олорбуттарын, хас сыл кыстаабыттарын туох билиэй? Онтон бэттэх чээл күөх өссө эбии үммүт, онтон бэттэх үтүө-соргу дьэ улааппыт диэн буолар.

22. ЭЊЭ ХАРАХ ДЬЭЛЛИК СҮҮРҮК

1 Былыр оҕонньордоох эмээхсин олорбуттар: уоллаах кыыс оҕолоохтор эбит. Уоллара үс саастаах эбит, кыыстара биэс саастаах эбит. Ону маамалара:

— Тоҕойдоруом, таххан отонноон киирин, — диэбит.

2 Күһүн эбит. Отон буспут бириэмэтэ буолуохтаах. Онно оҕолор үөрүүлэрин кытта ойуурга отоннуу барбыттар. Кыысчаан бырааты-наан иккиэн отоннуу барбыттар. Отоҥҥо үлүһүйэн-үлүһүйэн кыыс-чаан, биэс саастаах кыыс, баран-баран испит. Ол истэҕинэ, бырааата, үс саастаах бырааата, эдьийин сүтэрэн баран, ытыы-ытыы ойуурга бэй-диэ барбыт. Кыыс биирдэ өйдөөн бырааты өйдөөбүтэ — суох эбит. Ол курдук сатыы сылдьан, атын сиргэ тиэрэ баран хаалбыт. Бэйэ-бэйэлэрин булсуспатахтар. Онтон кыыс ытыы-ытыы, бырааты сырса сатаан кэбиспит, сырса сатаан кэбиспит — булбатах.

3 Онтон кыыс мунан хаалбыт. Уол эмиэ мунан хаалбыт. Онтон ула-хан кыыһы сарсыныгар булан ылбыттар, дьоннор көрдөөннөр. Улахан кыыс үөгүлүү сылдьарын булбуттар. Онтон дьэ кыыстарын булан ба-раннар, били куччугуй уолларын булаары, көрдүү сатаан кэбиспиттэр.

Девять дней и ночей
Без отдыха будем ехать,
Противоположной стороны не узнаешь,
Ни конца, ни края не увидишь [— в той земле],
С яркой зеленью,
С высокой горой,
С неубывающей водой,
С нескончаемым богатством,
С восходящим на востоке солнцем,
В гулко звенящем
Расцветающем краю,
На восточной стороне холма,
Где построим родной очаг,
Костер разжигая,
Охотой промышляя,
Едой-одеждой обзаводясь,
Попробуем обосноваться.

После этого, как долго жили, сколько лет зимовали — кто знает? С тех пор яркая зелень еще пуще разрослась, ну и добра-удачи с тех пор, говорят, стало больше.

22. РЕЗВЫЙ БЕГУН МЕДВЕЖИЙ ГЛАЗ

1 В старину жили старик со старухой, у них дети — мальчик с девочкой, оказывается. Мальчику было три года, оказывается, девочке пять лет, оказывается. Мать им:

— Детки мои, идите-ка ягод наберите и возвращайтесь, — говорит.

2 Была осень, оказывается. Должно быть, время созревания ягод. Дети с радостью отправились тогда в лес по ягоды. Девчушка с братцем пошли вдвоем по ягоды. Занявшись-увлекшись ягодами, девчушка, пятилетняя девочка-то, все шла и шла. Шла она так, братец же, трехлетний ее братец, сестру потеряв, с плачем-рыданием пошел по лесу наугад. Девочка вдруг очнулась, о братце вспомнила — его нет, оказывается. Вот так пешком в другую, обратную сторону ушел. Не нашли друг друга. После девочка с плачем-рыданием братца все пыталась нагнать, пыталась нагнать — не нашла.

3 Потом девочка и сама заблудилась. Мальчик тоже заблудился. На другой день родители, разыскивая их, нашли старшую девочку. Нашли старшую девочку, которая ходила и громко кричала. После того как нашли свою девочку, напрасно пытались найти того своего ма-

Хас да күнү быһа көрдүү сатыы сырыттахтарына, хаар түһэн кэбиспит. Онтон уолларын көрдүүрү олох бырааһын кэбиспиттэр. Хантан булаары, өллөҕө диэн быһаарбыттар.

4 Онтон уолу буоллаҕына, арҕаҕар киирээри сылдьар эһэ ытыы сылдьар уол оҕону арҕаҕар илдьэн биргэ кыстаппыт. Уол ытаатаҕын аайы эһэ ытыһын салаппыт. Ытыһын салаатаҕына, уол тотон астынан, утуйан хаалан испит. Онтон эһэ курдук утуйа сылдьыбыт.

Онтон эһиилигэр иккиэн тахсан бултуу сылдьыбыттар. Оруобуна эһэни үтүктэ сылдьыбыт. Эһэ ытыһын салатар эбит. Онтон эһэ тымтай булан, тымтайыгар маһы хайыта тыытан, мас сымалатын мунньар, ытыһыгар биһэн баран, уолугар сымалаахтаах ытыһын салатар эбит. Салаатаҕына, уол аһаабыт-сиэбит курдук буолар. Оруобуна эһэ курдук улаатан испит.

Онтон бултуу барарыгар эһэ уолун кэтэҕиттэн куччугуй маһынан баттатан кэбиһэр эбит. Онно сытар эбит. Онно маала сыҕарыттаҕына, таһыйан ытатар эбит. Эһэ уолун маһынан баттатан сылдьыбыт. Уол улаатан испит, улаатан испит. Сотору били кыыл аһылыгынан аһаабыт буолан, эһэ курдук, икки-үс сылынан ситэн-хотон, күүһүрэн-уоҕуран хаалбыт.

5 Онтон эһэ тымтайын сүгэн, сымалатын дэлби мунньан баран, аан дойдубун аһата диэн, аан дойду маһын хайыта тыыта-тыыта, сымаланы биһэ барбыт. Тымтайдаах сымалата бараныар диэри өр барбыт. Уол ол бириэмэҕэ буутун этэ мунутаан, сиһин этэ ситэн, бэйдиэ баран хаалбыт, эһэтиттэн күрэнэн.

Онтон күрэнэн баран, бара турбут, бара турбут, тус илин диэки бара турбут. Онно тиийэн арай элбээх баҕайы сүөһүлээх сиргэ тиийбит. Сылгы диэн, ынах диэн, туох да буолунай элбэх сиригэр тиийбит. Биир куччугуй дьиэ баар эбит. Ол дьиэ таһыгар оҥкучахтаах эбит, тас өттүгэр. Онно тиийэн киһини кэтэһэ сатаабыта: киһи кэлбэтэх. Онтон уол аччыктыы санаабыт. Биир куччугуй бороскуну баһын булгу эрийэн баран, сиикэйдии сонно сиэн бүтэрэн кэбиспит.

6 Ол гынан баран ол олордоҕуна, оҥкучах иһиттэн биир таба саҥыйах сонноох, эриэн ситии курдаах, күөх от кыбыныылаах оҕонньор тахсан кэлбит. Ол тахсан баран сүөһүтүн аһата сылдьыбыт. Элбэх баҕайы сүөһүгэ били күөх отун ыһан биэрэ, ыһан биэрэ сылдьар эбит. Бу күөх от олох бараммат эбит, төһө кыбыммытын саҕа эбит. Сүөһү бөҕө кини отун сиир аакка сылдьыбыт, сиир аакка сыдьыбыт. Ото

ленького мальчика. Пока несколько дней кряду ходили, искали, выпал снег. Тогда бросили искать своего мальчика. Где найдешь? — решили, что уже умер.

4 Ну а мальчика, который ходил и плакал, мальчика забрал с собой в берлогу собиравшийся залечь в берлогу медведь — вместе с собой взял зимовать. Только мальчик начинал плакать, медведь давал ему лизать свою лапу. Облизав его лапу, мальчик, вполне этим довольный-насытившийся, засыпал. Поэтому он спал, как медведь.

На следующий год, выбравшись [из берлоги], стали вдвоем охотиться. [Мальчик] во всем подражал медведю. Медведь, оказывается, давал ему лизать свою лапу. Потом медведь нашел *тымтай*. Обдирая дерево, собирает в свой *тымтай* с дерева смолу, намазав на лапу, дает, оказывается, лизать смоляную лапу своему мальчику. Мальчик полижет — и вроде поел-насытился. Рос точь-в-точь, как медведь.

Уходя на охоту, медведь прижимал [к земле], оказывается, затылок мальчика небольшим деревцем. Так лежит, оказывается. Если чуть-чуть сдвинет — [медведь] до слез сечет, оказывается. Медведь все время прижимал мальчика деревцем. Мальчик рос, рос. Вскоре, вскормленный пищей этого зверя, года через два-три, как и медведь, возмужал-созрел, стал сильным-могучим.

5 Медведь же, набрав побольше смолы, взвалил на спину свой *тымтай* и, думая всю землю свою накормить, по всей земле, обдирая-раздирая деревья, пошел обмазывать их смолой. Долго ходил, пока не кончилась в *тымтае* смола. В это время парень, у которого мышцы бедер созрели, мышцы спины окрепли*, от своего медведя убежав, пошел наугад.

Вот, сбежав, шел, шел, держа путь прямо на восток. Оказавшись там, вдруг дошел до местности, где было много скота. Пришел в такое место, где во множестве и лошадей, и коров. Стоит, оказывается, один маленький дом. Снаружи, рядом с этим домом, оказывается, погреб есть. Подошел к нему, стал поджидать человека — человек не пришел. Затем парень почувствовал голод. Свернул голову одному маленькому бычку и тут же сырым целиком его съел.

6 Когда, поев, там сидел, из погреба появился один старик с оленьей дохой, с волосяным поясом, с зеленой травой под мышкой. Появившись, стал кормить свою скотину. Многочисленной скотине своей ту зеленую траву все подбрасывает и подбрасывает, оказывается. А та зеленая трава не кончается, оказывается, — сколько он вынес, держа под мышкой, столько и остается. Несчетная скотина его траву все

барамматах. Онтон бороoскутун били эһэ уола сиэбитин билэн, охсуһуу буолар. «Сүөһүбүн сиэбит», — диэн, эһэ курдук дьүһүннээх уолу (кытта) охсуһуу барар. Охсуһан-охсуһан уол кыайаары ыксатар. Кыайаары ыксатан оҥкучахха куотан хаалар. Күөх буруо буолан унаарыс гынан аллараа оҥкучахха киирбитин сырсан киирэр. Сырсан киирбитин кирилиэс устун сүүрэн түһэр. Онтон аллараа дойдуга киирэн, бүдүө-бадаа курдук күнэ-ыйа суох сиринэн уол били саҥыйахтаах оҕонньору сырсан бара турбута. Тус илин бара турбут, бара турбут, ханна да барара биллибэт.

7 Биир сиргэ тиийэн, кыһыл көмүс дьиэҕэ кэтиллэ биэрбит. Оруобуна кыһыл көмүс дьиэҕэ кэтиллибитэ. «Манна киирдэҕэ буолуо», — диэн, ааныи арыйан көтөн түспүт. Онно көтөн түспүтэ: биир кыһыл көмүс таҥастаах кыыс олорор эбит, үчүгэйкээн баҕайы. Ону:

— Маннык оҕонньору: тирии сонноох, эриэн ситии курдаах оҕонньору, көрдуҥ дуо? — диэбит.

— Суох. Онтуҥ мантан илин диэки олорор, манна буолбатах. Мантан баран истэххинэ үрүҥ көмүс дьиэ баар. Онно олорор дуу? — диэбит.

Уол тахса көппүт да — сүүрүк киһи сүүр да сүүр буолбута. Барбыт-барбыт, онтон үрүҥ көмүс дьиэ килэбичийэн турар эбит.

8 Үрүҥ көмүс дьиэҕэ ааны аһан: «Эмиэ манна олордоҕо», — диэн, көтөн түспүтэ: үрүҥ көмүс таҥастаах кыыс, үчэгэйкээн баҕайы кыыс олорбут. Онтон ыйыппыт:

— Маннык оҕонньору көрдуҥ дуо? — диэн.

Онуоха:

— Оҕонньор манна олорбот. Өссө мантан илин бардаххына, хара көмүс дьиэҕэ олорор буолуоҕа. Дьэ онно тиий, — диэбит.

Ону истээт, таһырдьа тахсан эмиэ сүүр да сүүр буолбут. Ол сүүрэн-сүүрэн, төһөлөөх сири барбыта биллибэт, буолунай сүүрбүт. Төһө да ыраах сири барбытын билбэтэх. Хара көмүс дьиэ турар үһү.

9 Хара көмүс дьиэҕэ арыйа баттаан көтөн түспүтэ: хара көмүс таҥастаах хара бараан үчэгэйкээн баҕайы кыыс олорор.

— Эриэн ситии курдаах, күөх от кыбыныылаах, таба саҥыйахтаах оҕонньору көрбүтүҥ дуо?

— Ээ, ол оҕонньор бу дьиэ кэннигэр, оҥкучах иһигэр олорор.

10 Ол оҥкучахха ыстанан тахсан, ону арыйа баттаабыта: оҕонньор тахсыбыт.

Дьэ хапсыһыы буолбут. «Хара түөкүн», — диэн, охсуһан хачыгырытыһаллар.

ест и ест. Трава не кончается. Тут он узнает, что тот медвежий сын съел его бычка, и завязывается драка, мол: «скотину мою съел» — завязалась драка с парнем, похожим на медведя. Дрались-дрались, парень стал одолевать. Испугавшись, что парень одолеет, [старик] побежал к погребу. Обернувшись синим дымом, мелькнул — вниз в погреб спустился, [парень] же следом за ним заскочил. Когда он заскочил, [старик] стал бегом спускаться по лестнице. Вот, оказавшись в Нижнем мире, по туманной-сумеречной, без солнца-луны земле парень следом за тем стариком в дохе побежал. Прямо на восток все идет и идет, а куда идет — неизвестно.

7 Придя в одно место, наткнулся на золотой дом. Прямиком на золотой дом вышел. «Наверное, в эту дверь вошел», — подумав, дверь распахнул, влетел. Туда влетел: сидит, оказывается, в золотом наряде девушка, такая красивая! Ей:

— Вот такого старика: с меховой дохой, с волосяным поясом — не видела ли старика? — сказал.

— Нет. Он к востоку отсюда живет, не здесь. Когда отсюда выйдешь, будет серебряный дом. Кажется, там живет, — сказала.

Парень выскочил и — хороший бегун — бегом пустился. Шел, шел, и вот стоит, оказывается, сверкает серебряный дом.

8 «Верно, здесь живет», — опять подумав, дверь серебряного дома открыл, влетел: сидит в серебряном наряде девушка, такая красивая девушка. У нее спросил:

— Вот такого старика не видела ли? — сказал.

На это:

— Старик здесь не живет. Если отсюда на восток идти, будет жить в доме из черного золота. Ну вот, дотуда доберись, — сказала.

Услышав это, выскочил наружу, опять бегом пустился. Бежал, бежал, сколько прошел — неизвестно, много пробежал. Как далеко ушел — не знает. Говорят, стоит из черного золота дом.

9 Дверь дома из черного золота распахнул, влетел: сидит в наряде из черного золота смугленькая, такая красивая девушка.

— Не видела ли старика с оленьей дохой, с пестрым волосяным поясом, с зеленой травой под мышкой?

— Ээ, тот старик живет в погребе за этим домом.

10 К тому погребу подскочил, распахнул: выходит старик.

Ну, схватились. «Черный разбойник», — говоря, в драке с хрустом [костей] сошлись.

— Дьэ үчүгэй эбиккин, өссө сэниэ ылан баран охсуһуох, — диэн баран, биир атыыр оҕуһу аҕалан, биир улахан баҕайы олгуйга буһаран ыһыытатан баран, ону аҕалан биэрбит. Уол ону бүтүннүүтүн сиэн кэбиспит. Эһэ Харах Дьэллик Сүүрүк олох ордорботох.

— Бу бэрт үчүгэй оҕо эбиккин — аһастаах. Аны мин биир баайтаһын биэни өлөрөн аҕалан биэриэм, ону сиэн баран көрсүһүөхпүт, — диир.

Баайтаһын биэни астаан буһарбытын бүтүннүүтүн нэнсэн сиэн кэбиспит, биири да ордорботох.

— Дьэ үчүгэй оҕо эбиккин. Дьэ хоннох былдьаһан көрүөх, — диэн, охсуһуу буолар.

11 Иэмэх талах курдук эрийсии буолар. Били оҕонньору ыйааһынынан да баттаан, сүрүнэн да баттаан, күүһүнэн киһилээбэтэх. Онтон оҕонньор:

— Үчүгэй оҕо эбиккин. Дьэ хоттордум, аны эйигин кытта күөн көрсөр кыаҕым суох. Бу хара көмүс дьиэни илдьэ барыҥ, ыал буолан олор, мин олохпор-тойбор тахсаҥҥын, — диэбит. — Ити кыыска киирэҥҥин кыыһы бүтүннүүтүн илдьэ бар, — диэбит.

Ону эппит:

— Оҕонньор эйигин: «Илдьэ бар», — диэтэ. «Эйигин, хара көмүс дьиэлээх кыыһы, илдьэ бар», — диэтэ. Хайдах илдьэбин? — диир.

— Хайдах да илдьэр кыаҕыҥ суох. Хара көмүс табытыарка гынан баран эрэ илдьэр кыахтааххын, — диэбит.

— Дьэ ону хайдах гынан табытыарка гынабыный? — диэбит.

— Миигин тоҕус төгүл күнү утары тоҕуста эргий, тоҕуста эргийэн бараҥҥын төбөҕө оҕус. Оччоҕуна бу дьиэни кытта бүтүннүүтэ хара көмүс табытыарка буола охсон хаалыаҕым. Ону сиэпкэр уктан бараар, — диэбит кыыс.

Ону истээт, уол били кыыһы тоҕус төгүл күнү утары эргийэн баран, төбөҕө охсор. Төбөҕө охсубута: быычыгайкаан хара көмүс табытыарка буолан хаалар. Ону сиэбигэр укта көтөр. Укта көтөн баран, дьэ тус арҕаа диэкки, кэлбит сирин диэкки сүүрэр, үөһэ Орто дойдутугар тахсаары. Дьэ, сүүр да сүүр буолар. Кини обургу өр-өтөр гыммат, били киирбит сиригэр дьэ тиийэр.

Тахсан — үөһээ дойдутугар, били сиригэр-уотугар сүөһүтэ сүөһүтүнэн турбут эбит. Онно хара көмүс табытыаркатын арыйа баттаабыта — били хара көмүс дьиэлээх, хара көмүс кыыстаах. Ол

— Ну, достойным оказался, давай подкрепившись, еще раз в драке сойдемся, — сказав, [старик] привел одного быка-пороза, в огромном котле сварив, разделав, принес его и подал. Парень все это целиком съел. Резвый Бегун Медвежий Глаз ничего не оставил.

— Вот достойным дитем оказался: много съесть можешь. Теперь я одну нагульную кобылу, забив, привезу и отдам, съев ее, сойдемся, — говорит.

Нагульную кобылу, разделав, сварил, [парень] ее целиком сожрал — ничего не оставил.

— Ну, достойным дитем оказался. Ну, силой плеч попробуем померяться, — сказав, стали драться.

11 Как гибкие тальники, свились. Того старика и тяжестью веса своего придавил, и твердостью духа своего подавил, и силой своей одолел. Тогда старик:

— Достойным дитем оказался. Вот я побежден, теперь грудью померяться с тобой не смогу. Вот этот дом из черного золота забери с собой, на мое подворье въехав, обзаведясь семьей, живи, — сказал. — К этой девице зайди, вместе с домом ее забери с собой, — сказал.

Тогда [парень девушке] сказал:

— Старик велел: «Забери с собой. Тебя, девушку, живущую в доме из черного золота, забери с собой», — сказал. А как возьму с собой? — говорит.

— Никак нельзя забрать с собой. Лишь в табакерку из черного золота превратив, сможешь унести, — сказала.

— Ну как же в эту табакерку превратить? — сказал.

— Меня против солнца девять раз обойди, девять раз обойдя, по голове [меня] ударь. Тогда вместе со всем этим домом превращусь в табакерку из черного золота. В свой карман ее сунь и уноси, — сказала девушка.

Услышав это, парень ту девушку девять раз против солнца обошел, по голове [ее] ударил. По голове ударил — в крошечную табакерку из черного золота превратилась. В свой карман ее живо сунул. Живо сунув, прямо на запад — туда, откуда пришел — побежал наверх, чтобы подняться в Средний мир. Ну, бежит и бежит. Такой молодец не замешкался — вскоре прибыл к тому месту, где спустился.

Поднялся — на верхней его земле, на том месте-подворье его скот как стоял, так и стоит, оказывается. Там табакерку из черного золота распахнул — вот и тот дом из черного золота, и девушка [в наряде] из черного золота. С той своей девушкой сошелся, создав

кыыһынаан холбоһон ыал буоланнар, оҕо төрөтөн, ыал буолан олорбуттар. Баай байаннар, баайдык-дуоллук, тоттук-ханнык, үчүгэйдик ыал буоланнар, ыччат тэнитэн олорбуттара эбитэ үһү.

23. АҔАС-БАЛЫС

1 Былыр икки кыыстаах оҕоньньордоох* эмээхсин олорбуттара эбитэ үһү. Бу дьон бултаан аһаатахтарына эрэ, айахтарын иитэллэр эбит. Арай туулаан тууларыгар балык киирбэтэх, илимнээн илимнэригэр балык туппатах. Күҥҥэ түөт* киһи аһылыга икки эрэ собо буолбут. Хоргуйан өлөллөрүгэр тиийбиттэр.

Биир сассыарда оҕоньньор олорбохтоон баран эппит:

— Доҕоруом, ити икки кыыспытын муннаран кэбиһиэххэ. Оччоҕо ити икки собобутун эр биир сиэ этибит, — диэн.

Эмээхсин олорбохтоон баран:

— Чэ, буоллун даҕаны, — диэбит.

Оҕоньньор икки кыыһын илдьэ отоннуу тахсыбыт. Балай эмэ ыраатан, биир отонноох сири булан, отоннообуттар. Хоргуйбут кыргыттар эрэйдээхтэр отоҥҥо умса түспүттэр. Балай эмэ отонноомохтоон баран, аҕаларын көрбүттэрэ, хамнаабакка эрэ тоҥхойон турар үһү. Кыргыттар кыһаммакка отонноон испиттэр. Күн киириэр дылы аһыы-аһыы отонноон бараннар:

— Аҕаа, киэһэрдибит, барыах! — диэн ыҥырбыттар.

Суох, аҕалара саҥарбат.

— Аҕаа, барыах! — диэн эмиэ хаһыытаабыттар.

Суох, саҥарбат.

— Туох баҕайыный? Тоҕо саҥарбат? — дэһэ-дэһэ баран көрбүттэрэ: аҕалара биир төҥүргэскэ арбаҕаһын ыйаан баран, баран хаалбыт.

Кыргыттар аҕаларын хаһытыы-хаһытыы, баран истилэр. Бу икки ардыгар хараҥа түүн хаайан тиийэн кэллэ, оҕолор ытааннар харахтарын үүтэ* көстүбэт буолла. Мээнэ түҥкэл-таҥхал түһэн истилэр. Сассыарда халлаан сырдаан, күн кылайа тахсыытыгар биир эргэ дьиэни буллулар. Иһирдьэ киирэн кэлбиттэрэ, ким да суох. Ыал олорбот* буолбута өр буолбут быһыылаах... Өлүү түбэлтэлээх, өлбөт быалаах диэбиккэ дылы, улахан кыыс хататтаах чакыырдаах эбит. Онон саҕан

семью, родив ребенка, обзаведясь хозяйством, зажили. Разбогатев, богато-привольно, в сытости-довольстве, крепкими хозяевами став, потомков умножая, оказывается, жили, говорят.

23. СЕСТРЫ

1 Жили, говорят, в старину старик и старуха с двумя дочерьми. Кормятся эти люди, питаются лишь тем, что добыли на охоте, оказывается. Однажды поставили верши — в их верши рыба не попалась, закинули сети — в их сети рыба не поймалась. За день пищей четырех человек стали только два карася. Дошли они до того, что чуть не умерли от голода.

Однажды утром старик, посидев, сказал:

— Дружок мой, сделаем-ка так, чтобы эти наши две дочери заблудились. Тогда, поделив меж собой, съели бы этих наших двух карасей, — говорит.

Старушка, посидев:

— Ну ладно, — сказала.

Старик, прихватив с собой двух своих дочерей, пошел собирать ягоды. Довольно далеко зашли, отыскав одно ягодное место, стали собирать ягоды. Проголодавшиеся девочки, бедняжки, набросились на ягоды. Довольно долго собирали, а когда на отца посмотрели — он, говорят, наклонившись, неподвижно стоял. Девочки не встревожились, продолжили собирать ягоды. До захода солнца собирали ягоды, попутно поедая-кушая [их]:

— Оте-ец, завечерело, пойдем! — стали звать.

Нет, их отец молчит.

— Оте-ец, пойдем! — снова закричали.

Нет, молчит.

— Что же это такое? Почему молчит? — переговариваясь, подошли, видят: их отец накинул на один пень свою ветхую доху — сам ушел.

Девочки, зовя-клича своего отца, пошли дальше. Между тем [их] обступила темная ночь, дети так плакали, что не стало видно зрачков глаз. Шли наобум, куда попало. Утром, когда небо посветлело, когда, сверкая, стало всходить солнце, нашли один старый дом. Вошли — никого нет. Люди давно уже, видно, не живут. Как говорится, смерть случайной не бывает, спасительная нить найдется...* У старшей девоч-

уот отуннулар. Биир эргэ чугуун баарыгар отоннорун буһаран сиэтилэр. Ол гэннэ отоннуу таҕыстылар. Балай эрэ илин диэки барбахтаан иһэн, биир отонноох сири булан отоннообутунан бардылар.

2 Отоннуу-отоннуу илин диэкки* хаамсан истэхтэринэ, биир киэҥ баҕайы суол барда. Ол суол устун баран истэхтэринэ, суоллара икки аҥы буолла. Бу икки суолларын төрдүгэр икки биһиктээх оҕо сытар эбит. Хаҥас өттүгэр тимир биһиктээх, уҥа өттүгэр үрүҥ* көмүс биһиктээх* оҕо сытар эбит.

Ону көрөн балта:

— Аҕаас! Бу үрүҥ көмүс биһиктээх оҕону дьиэбитигэр илдьэн оҕолуохха, — диэбит.

— Хотуой, ити үрүҥ көмүс биһиктээх оҕо албын, куһаҕан буолуо. Аҕабыт курдук бэйэбитин муннаттаан өлөрүө. Бу тимир биһиктээҕи ылыах, — диэтэ.

— Аҕаас, өйдүө эрэ. Биһиги бу айыы оҕотун ылыах, ити абааһы оҕото буолуо, — диэн баран, аҕаһын санныттан тайанна.

Кыыһа балтын илгистэн кэбиһэн баран, тимир биһик үрдүгэр түстэ:

— Ол-бу диэн кубулуна турума. Барыах! — диэтэ да, оҕотун көтөхпүтүнэн төннө турда.

Балта, икки ыаҕастаах отонун туппутунан, кэнниттэн батыһан сэрбэйэн истэ. Дьиэлэригэр тиийэн кэлбиттэрэ, оттуллубут уоттара умуллубатах. Оҕолорун уҥа ороҥҥо сытыаран, отоннорун буһаран сиэттилэр. Сассыарда туран, отоннуу бардылар. Киэһэ отонноон кэлбиттэрэ, уҥа ороннорун үрдүгэр буспут балык бөҕө сытар эбит.

Улахан кыыс:

— Оо! Бу дьолбут! — диэтэ да, хасса суох уобалаабытынан барда.

Кыра кыыс: «Куһаҕан буолуо», — диэн сиэбэтэ, отонуттан сиэтэ.

Сассыарда туран, отоннуу баран иһэн, кыра кыыс:

— Аҕаас, мин хаалыым, эн отоннуу бар, — диэтэ.

Аҕаһа:

— Хаалыан буоллар хаал, — дии-дии бара турда.

ки оказалось огниво-кремень. Высекли им [искру], развели огонь. В одном старом чугунке, оказавшемся [там], сварили свою ягоду, поели. После этого отправились собирать ягоды. Довольно долго шли на восток, нашли одно ягодное место, стали собирать ягоды.

2 Все собирая и собирая ягоды, двигались на восток, когда [перед ними] простерлась одна очень широкая дорога. Пошли по той дороге, пока их дорога не раздвоилась. На распутье этих двух их дорог в колыбелях лежат, оказывается, два ребенка. На левой стороне — в железной колыбели, на правой стороне — в серебряной колыбели лежат, оказывается.

Увидев это, младшая сестра:

— Старшая сестра! Унесем домой и станем нянчить вот этого ребенка в серебряной колыбели, — сказала.

— Девчонка, этот ребенок в серебряной колыбели, наверняка, хитрый, дурной. Как и наш отец, погубит нас, оставив блуждать. Вот из железной колыбели давай возьмем, — сказала.

— Старшая сестра, одумайся. Давай мы вот это дитя *айыы* возьмем, тот, наверняка, дитя *абаасы*, — сказав, за плечо старшую сестру обхватила.

Девочка, оттолкнув младшую сестру, бросилась к железной колыбели:

— Не стой, привередничая да всякую ерунду болтая! Пойдем! — сказала и, взяв своего ребенка на руки, пошла обратно.

Ее младшая сестра, неся два ведра ягод, растрепанная, за ней шла. Когда к себе домой пришли, оказалось, что разведенный огонь не погас. Уложив своего ребенка на правую лавку, ягоду свою сварили, дали ему поесть. Утром встали, пошли собирать ягоды. Когда вечером, набрав ягоды, вернулись, оказалось, что на правой лавке лежит много вареной рыбы.

Старшая девочка:

— О-о! Какое счастье! — сказала и тут же стала ее жадно есть.

Младшая девочка: «Плохо будет», — подумав, не стала есть, поела своих ягод.

Утром встали, когда отправились по ягоды, младшая девочка:

— Старшая сестра, ты иди по ягоды, а я давай останусь, — сказала.

Старшая сестра:

— Раз остаешься, оставайся, — приговаривая, пошла.

Кыра кыыс дьиэтигэр кэлэн:

— Иннэ* буолан иҥиим, сүүтүк буолан сүтүүм! — диэтэ да, күөх сахсарҕа* буолан, мас быыһыгар киирэн хаалла.

Балай эмэ сыппахтаабытын гэннэ, оҕотун биһигэ кычыгырыы түстэ.

— Тимир биһик төлөрүй, иилэҕэс тиһик сөлүн! — диэтэ да, тоҕус бэчээтинэй киһи чиккэс гына түстэ. — Оо! Аҕас-балыс кэлэллэрэ чугаһаабыт ээ, — диэн баран, тимир ытыгы кулгуйан таһаарда уонна эмэһэтинэн батары аньыан ытыйан кулугуратарын кытта, араас буспут балык тоҕунна.

Онтон:

— Оо! Кэлэллэрэ чугаһаата! — диэн баран, куччаан-куччаан кыһыл оҕо буолан хаалла уонна биһигэр сытан баран:

— Тимир биһик тутулун, иилэҕэс тиһик түмүлүн! — диирин кытта, түмүллэн «кычыгыр» гына түстэ.

Кыра кыыс маһын быыһыттан тахсан, аҕаһыгар утары сүүрэн тиийэн, уола хайтах* буолбутун кэпсиэн биэрдэ. Онно аҕаһа кыыһыран кэбистэ.

— Аата, оҕобун эҥин-эҥин диэҥҥин. Ол-бу диэн кубулунума! — диэтэ.

Ол гэннэ кэлэн:

— Оҕом бу кэһиитин уурдаҕа! — дии-дии, сиэн хабырҕаппытынан барда.

Аччыгый кыыс уһун түүнү быһа ааттаата — суох, кыыһа киирим-мэт.

3 Сассыарда туран, отоннуу баран иһэн:

— Чэ, хаалыым даҕаны, — диэн хаалла.

Аччыгый кыыс баран балай эмэ отонноомохтоон баран, төннөн истэҕинэ, аҕаһа утары сүүрэн кэллэ:

— Тоҕойуом, дьэ кырдьык эбит! Алдьахай*! Ханна куотан абыранабыт? — диэтэ.

Онуоха балта:

— Оттон мин туох диэбиппиний? Киһи тылын истибэтэҕин дии... Чэ, ол туох буолуой? Мин санаабар, ити эргэ чугуунҥа отону оргутуохха уонна уолбутун сири онхоччу хаһан баран олордуохха, ол гэннэ* отоммутун таһааран, үрдүгэр саба быраҕыахха уонна куотуох! — диэтэ.

Младшая девочка, войдя в дом:

— Иголкой став, воткнусь, наперстком став, затеряюсь! — сказала и, в синюю муху превратившись, [в щель] между бревнами забралась.

Довольно долго лежала, когда колыбель ее ребенка заскрипела.

— Железная колыбель, расстегнись, заплетенная завязка, расплетись! — прозвучало, и — раз! — возник девятисаженный человек. — О-о! Близко ведь возвращение сестер, — сказав, железную мутовку из горла изрыгнул и в свой зад воткнул, быстро ею повертел — тотчас повалилась вареная рыба.

Затем:

— О-о! Близко их возвращение! — сказав, уменьшаясь-уменьшаясь, превратился в грудного ребенка и, улегшись в свою колыбель:

— Железная колыбель, застегнись, расплетенная завязка, заплетись! — только сказал, застегиваясь, [колыбель] заскрежетала.

Младшая девочка выбралась из своей щели, побежала навстречу своей сестре, подбежав, рассказала, что случилось с ее мальчиком. Тут ее старшая сестра рассердилась:

— *Аата*, говоришь, мой ребенок такой-сякой. Не привередничай, болтая всякую ерунду! — сказала.

Затем, войдя:

— Мой ребенок, значит, оставил свой гостинец! — приговаривая, с чавканьем стала есть.

Младшая девочка целую долгую ночь упрашивала — нет, ее сестра не поддается.

3 Утром встали, когда отправились по ягоды:

— Ладно уж, давай останусь! — сказав, [старшая сестра] осталась.

Младшая девочка ушла, довольно долго собирала ягоды, а когда возвращалась, ее старшая сестра выбежала навстречу.

— Деточка моя, ну, правда, оказывается! Беда! Куда бежать спасаться? — сказала.

На это сестра:

— А что я говорила? Слов человека ведь не послушалась... Ну что делать? Вот что я надумала: вскипятим в этом старом чугунке ягоды и, вырыв в земле яму, посадим [туда] нашего мальчика, после того возьмем наши ягоды, набросим на него [чугунок с ягодами] и убежим! — сказала.

Аҕаһа:

— Ээх, сөп! — диэн баран, дьиэтигэр тиийэн, таһырдьа кутаа уоту оттон, отонун оргутан кэбистэ.

Кыра кыыс сири онҕоччу хаһан, уолун таһааран олорто. Оттубут уоттара өрө кытыастан таҕыста. Куйааһа диэн сүрдээх. Кыргыттар кытаччы бустулар.

Уоллара олорон эрэн илиитинэн-атаҕынан оонньуу-онньуу:

— Аҕастаар! Эдьииктээр! Тугу астыыгыт? Миигин тоҕо манна олоттугут? — диэн ыйытта.

Кыра кыыс:

— Тугаам*, ити эдьиийбит астаан аһатыа. Билигин сиэхпит, — диэн албыннаһа-албыннаһа ол-бу ооньньууру аҕалан ооньньотто.

Ол албыннаһа олордоҕуна, улахан кыыс кытаран хаалбыт, оргуйбут отонноох чугууну уолун үрдүгэр бүрүннэри бырахта. Уоллара, өрө хаһыра* түһээт, ыстанан турда, кыргыттар сарылаһа-сарылаһа сыссан хааллылар.

4 Илин диэкки сүүрэн истилэр. Арай уоллара тиити төргүү мутугунан буолбут, кытарбыт чугуунун кэппитинэн уотунан өрө тыынан, бу сириэдийэн иһэр. Кыргыттар сысса сатаан кэбистилэр, уоллара ситэн кэллэ.

Кыра кыыс:

— Иннэ баппат иһирик ойуура буол! — диэтэ да, биир иннэни кэннинэн кыыратта.

Иннэ баппат иһирик ойуура өрө ньиньирии түстэ. Абааһыларын уола кэлэн, иһирик ойууртан иҥнэн, тыаһа өрө баччалаата.

Утаакы буолбата:

— Сиэхситтэр, ситиһиэм! — дии-дии, бу баччалаан иһэр. Кыргыттар сысса сатаатылар да, кыайан куоппатылар.

Кыра кыыс:

— Сүүтүк баппат сүҥкүр ойуура буол! — диэтэ да, сүүтүгүн бырахта. Сүүтүк баппат сүҥкүр ойуура буолан хаалла. Абааһы уола онтон иҥнэн, тыаһа эмиэ баччалаабытынан барда.

Утаакы буолбата:

— Аҕас-балыас! Бэйэ ситиһэрим буолуо! — дии-дии, бу баччалаан кэллэ.

Ситээри ыксаппытын гэннэ улахан кыыс:

— Халлааҥҥа тиийэр суорба таас хайата буол! — диэтэ да, былаатын кэннинэн элиттэ.

Старшая сестра:

— Ладно, хорошо! — сказала, домой пришла, развела во дворе большой костер и сварила свою ягоду.

Младшая девочка вырыла в земле яму, вынеся, посадила [туда] своего мальчика. Разожженный огонь вверх пламенем взметнулся. Стало нестерпимо жарко. Девочки раскраснелись.

Их мальчик, сидя, размахивая-дрыгая руками-ногами:

— Старшие сестры! Сестрицы мои! Что готовите? Зачем меня сюда посадили? — спросил.

Младшая девочка:

— Деточка моя, вот наша старшая сестра приготовила покушать. Сейчас поедим, — говоря, заискивает-угодничает перед ним, дает разные игрушки поиграть.

Когда, угождая ему, так сидела, старшая девочка, раскрасневшаяся, набросила на своего мальчика чугунок со сваренной ягодой. Громко вскрикнув, их мальчик вскочил, девочки с плачем-воплем разбежались.

4 Побежали на восток. Вдруг [видят]: их мальчик вырос до нижних ветвей лиственницы и с надетым раскаленным чугунком идет, пыша огнем, все более разгораясь. Девочки пытались убежать, их мальчик настиг.

Младшая девочка:

— Густым лесом, куда и иголке не воткнуться, стань! — сказала и одну иголку назад кинула.

Густой лес, куда и иголке не воткнуться, зашумел. Послышался треск — это их сын *абаасы* застрял в густом лесу.

Недолго продолжалось:

— Девки, отомщу! — приговаривая, вот с треском продирается. Девочки пытались убежать, но не могут убежать.

Младшая девочка:

— Дремучим лесом, куда и наперстку не втиснуться, стань! — сказала и свой наперсток бросила. Дремучим лесом, куда и наперстку не втиснуться, стал. Снова раздался треск — это сын *абаасы*, застряв, стал [лес] крушить.

Недолго продолжалось:

— Сестры! Отомщу-отплачу! — приговаривая, вот с треском продирается, настигает.

От страха, что настигнет, старшая сестра*:

— Каменным утесом, достающим до неба, стань! — сказала и свой платок назад бросила.

Арай халлаанҥа тиийэр суорба таас хайата өрө барыйа түстэ. Абааһы уола онтон ингэн, тыаһа бүһүгүүр гына түстэ.

Ол гэннэ:

— Аҕас-балыас! Ситиһиэм-ситиһиэм! — диэтэ.

Кыргыттар сыссан сэрбэһэн, биир өрүс кытыытыгар тиийэн кэлилэр. Өрүс кытыытыгар олорор Талаһа-Талаһа эмээхсиҥҥэ тиийэн:

— Абааһы уола сииригэр тиийдэ. Талаһа-Талаһа эмээхсин, көмүс талаһаҕын түһэрэн кулу. Абыраа! — диэтилэр.

Эмээхсин:

— Оҕолорум аҕас-балыс кэлбиккит дуу? — диэтэ да, сүүрэн лэппэрийэн киирэн, икки атаҕын өрүһү туора ууран биэрдэ. Кыргыттар сыссан дыбдыгыраһан*, өрүс уҥуор тахсан, өрүс кытылын устун хаамса турдулар.

Эмээхсин:

— Аҕас-балыс, иэримэ дьиэни иччилээн, аал уоту оттон, алаһа дьиэни тэринэн, төрөтөр оҕону төлкөлөөн, байан-тайан, тигинээнтаҕынаан, ыал буолан сириэдийэн олорун! — диэн алҕаан баран, дьиэтигэр тахсан, ыстаанын абырахтана олордо.

Бу олордоҕуна сирэйин дьаабыта биллибэт, хараҕын үүтэ көстүбэт абааһы уола аданҳастаан кэллэ:

— Талаһа-Талаһа эмээхсиэн! Көмүс талаһаҕын уура оҕус. Аҕас-балыс куоттулар.

— Ээ! Бэйэ, ыстааммын бүтэриим.

— Чэ, чэ! Уура оҕус!

— Ээ, бэйэ, иннэбин ууруум.

— Чэ, чэ! Уур!

— Ээ, бэйэ, сыалдьабын кэтиим.

— Чэ, чэ, түргэнник!

— Ээ, бэйэ, ынахпын ыым.

— Чэ-чэ, уһатыма, уура оҕус!

— Ээ, бэйэ, былааппын мааныым.

— Чэ-чэ, бүтэ оҕус!

— Ээ, бэйэ, курбун курданыым.

— Ээй, иттэ сах иччигэ-баччыга бүппэт!

— Ээ, бэйэ, доҕоор, ыт ыксаан-ыксаан икки хараҕа суох оҕону төрөтөр, чэйбин өрөн баран таһаарыам.

— Чэ-чэ, бүт! Оччоҕо сиэн кэбиһиэм!

— Ээ, бэйэ, уубун баһыым! — дии-дии, эмээхсин тохтотон истэ.

Вдруг, темнея, возник достающий до неба каменный утес. Раздался глухой стук — это сын *абаасы* [на него] наскочил.

После этого:

— Сестры! Отомщу-отплачу! — сказал.

Девочки, растрепанные, бежали, прибежали к берегу одной реки. Добрались до старушки Таласа-Таласа, живущей на берегу реки:

— Сын *абаасы* вот-вот съест. Старушка Таласа-Таласа, золотые свои мостки спусти-ка. Спаси! — сказали.

Старушка:

— А, это мои детки, сестры, пришли, да? — сказала и бегом, переваливаясь с боку на бок, прибежала, обе свои ноги поперек реки положила. Девочки наперегонки с топотом побежали, на ту сторону реки перебравшись, по берегу реки дальше пошли.

Старушка:

— Сестры, хозяина изобильного дома найдите, огонь домашнего очага разведите, родным домом обзаведясь, судьбу родимому ребенку дайте, в богатстве-довольстве, шумя-гомоня, обосновавшись, семьей заживите! — так благословляя, домой поднялась, села латать свои штанишки.

Когда так сидела, тяжело ступая, пришел сын *абаасы* — черты лица у него [уже] не различить, отверстия глаз не увидать.

— Старушка Таласа-Таласа! Свои золотые мостки быстрее положи-ка. Сестры сбежали.

— *Ээ*! Погоди, свое пальто закончу.

— *Чэ, чэ*! Быстрее положи!

— *Ээ*, погоди, свою иголку положу.

— *Чэ, чэ*! Положи!

— *Ээ*, погоди, свои штанишки надену.

— *Чэ, чэ*, быстрее!

— *Ээ*, погоди, свою корову подою.

— *Чэ-чэ*, быстрее подои!

— *Ээ*, погоди, своим платком повяжусь.

— *Чэ-чэ*, быстрее кончай!

— *Ээ*, погоди, своим пояском подпояшусь.

— *Ээй*, тоже мне, у чертовки закавыки-придумки не кончаются!

— *Ээ*, погоди, дру-уг, собака торопится-спешит, да слепых щенят рожает. Чай себе вскипячу, тогда и переправлю.

— *Чэ-чэ*, кончай! Не то съем!

— *Ээ*, погоди, воды себе наберу! — приговаривая, старушка задерживает [его].

Абааһы уола ыксаан, сиэри гыммытыгар, эмээхсин киирэн, атаҕын туора ууран биэрдэ. Абааһы уола өрүһү оттолоон истэҕинэ, Талаһа-Талаһа эмээхсин атаҕын төптөрү* тардан ылла.

Абааһы уола бурдьугнуу-бурдьугнуу тимирэн иһэн:

— Аҕас-балыас! Кыыс оҕоҕут кыптыый буутун тутарын, уол оҕоҕут оноҕос саанан ооньньуурун саҕана холумтанҥыт аннынан күөрэйиэхтибин! — диэтэ да, тимирэн хаалла.

6 Аҕас-балыс кытыл устун илин диэкки хаамсан истэхтэринэ, биир балаҕан турар эбит. Ол балаҕан иһигэр киирэллэрин кытта, ааннара хап гына түстэ да, ханан да быыһа суох силимнэһэн хаалла. Кыра кыыс дьиэни тула сүүрэ сылдьан, аһаҕас сири көрдьүөтэ* да, хантан да булбата*. Онтон биир сиринэн тиийэн, илиитинэн ыт курдук буору хаһан-хаһан, сутуруга батар гына оҥотто, ол гэннэ:

— Иннэ буолан иҥиим, сүүтүк буолан сүтүүм! — диэтэ да, таһырдьа сылыпыс гынан хаалла.

Улахан кыыс:

— Хайа, мин хайтах тахсабын? — диэн ыйытта.

— Ок-сиэ! Оттон мин курдук алҕаа ээ, — диэн баран кыра кыыс, дьиэ ойоҕоһуттан өйөнөн турда.

Улахан кыыс:

— Иннэ буолан иҥиим! — диэтэ да төбөтүн батары аста, арай төбөтө таһырдьа буола түстэ.

Ол гэннэ кыайан тахсыбата.

Балта ыксаан:

— Чэ, алҕаа да, алҕаа! — диэтэ.

Кыыс:

— Кэнним хааһах саҕа, баһым салыыр саҕа өрө үлүн, — диирин кытта, дараччы үллэн таҕыста.

Аччыгый кыыс аҕаһын төбөтүттэн тардыалаата. Күн киириэр дылы тардыалыы сатаан кэбистэ. Ытыы-ытыы, чохчойо-чохчойо тардыалаата, арай аҕаһын төбөтө быһа ыстанан кэллэ. Кыыс аҕаһын төбөтүн туппутунан илин диэкки сүүрдэ. Балай эрэ барбахтаан иһэн, аҕаһын төбөтүн тииккэ ыйаата, аҕаһын төбөтө ытаан ньарылаата. Хатыҥҥа ыйаата — эмиэ ытаата, үөккэ ыйаата — эмиэ ытаата, талахха, бэскэ, харыйаҕа ыйаата — барытыгар ытаан истэ. Онтон тэтиҥҥэ ыйаата: аҕаһын төбөтө күлэн лаһыгыраата.

7 Кыыс илин диэкки баран истэ. Сассыарда биир ыалга тиийэн кэллэ. Иһирдьэ көтөн түспүтэ: ким да суох, уот оттуллан турар. Кыыс

Когда сын *абаасы*, не выдержав, собрался [ее] съесть, старушка, спустившись, положила свою ногу поперек [реки]. Когда сын *абаасы* добрался до середины реки, старушка Таласа-Таласа убрала свою ногу обратно.

Сын абаасы, булькая-булькая, стал тонуть:

— Сестры! К тому часу, когда ваша девочка-ребенок ножницы будет держать, ваш мальчик-ребенок луком и стрелами будет играть, пусть из-под шестка вашего очага появлюсь*! — сказав, утонул.

6 Сестры вдвоем по берегу на восток идут, [там] стоит, оказывается, один балаган. Только они внутрь того балагана вошли, дверь захлопнулась, да без единой щели сошлась. Младшая девочка кругом по дому бегает, ищет выход, но нигде не находит. Потом дошла до одного места, руками, как собака, землю порыла-порыла, пока не смог войти кулак, после этого:

— Иголкой став, воткнусь, наперстком став, затеряюсь! — сказала и выскользнула во двор.

Старшая девочка:

— Ну а как я выйду? — спросила.

— *Ок-сиэ*! Заклинай, как я, — сказав, младшая девочка к стене дома прислонилась, стоит.

Старшая девочка:

— Иголкой став, воткнусь! — сказала и свою голову просунула, тут ее голова оказалась снаружи.

Больше не прошло*.

Ее младшая сестра растерялась.

— Ну, заклинай же, заклинай! — сказала.

Девочка:

— Зад мой с суму, голова моя с ведро разбухни, — только сказала — тут же и разбухли.

Младшая девочка свою старшую сестру за голову стала дергать. До захода солнца пыталась вытащить. Плача-рыдая, садясь-приседая на корточки, дергала — и тут голова ее старшей сестры оторвалась. Держа голову своей старшей сестры, девочка побежала на восток. Довольно долго бежала, голову своей сестры на лиственницу повесила — голова ее старшей сестры жалобно заплакала. На березу повесила — опять заплакала, на иву повесила — опять заплакала, на тальник, сосну, ель — на всех [деревьях] плакала. Затем повесила на осину — голова ее старшей сестры гулко захохотала.

7 Девочка пошла на восток. К утру вышла к одному дому. Внутрь влетела: никого нет, огонь горит. Девочка на правую лавку села. Пока

уна ороҥҥо олорон кэбистэ. Ол олордоҕуна, ханас диэкиттэн тыс үтүлүк саҕа баҕа «пыл-пал» үктэнэн тиийэн кэллэ:

— Кэпсиэ!

— Суох.

— Хайа диэкиттэн иһэҕин, ханна бардыҥ?

— Муна сылдьар кыыспын.

— Оо! Эрэйдээх киһи эбиккин, — диэн баран «пыл-пал» үктэнэн ханас диэки тиийэн, чэй өрөн, чэйдээтэ.

Чэйдии олорон:

— Мин эрим: «Бэрэбэдэйдэ* тик», — диэбитэ. Онтукайбын сатаан тигиэ суохпун. Эн тигэн кулу уонна миэхэ олор, — диэтэ.

Кыыс чэйдээн бүтэн баран, көрүөх бэтэрээ өттүгэр биир бэрэдэмэйи тигэн, бүтэрэн кэбистэ. Баҕа-ойох кыыһын орон анныгар саһыаран кэбистэ.

Киэһэ биир киһи киирэн кэллэ:

— Бу туох сытай? Ким сырытта?

— Ээй, суох, доҕоор. Эмиэ ким сылдьыа буоллаҕай? Туох сыта баар буолуо буоллаҕай? — диэн баран, ханас диэки «пыл-пал» түһэ турда.

Оҕоньньор олорбохтоон баран:

— Хайа, хаһахпын тиктин дуо? — диэн ыйытта.

Онуоха:

— Хаһахтааҕар буолуоҕу тигэр дьахтарбын. Биир бэрэбэдэйи бүтэрбитим өр буолла! — диэтэ.

— Чэ, көрдөр эрэ!

— Ити ороҥҥо сытар.

Оҕоньньор баран көрдө:

— Бу эн хаһаанҥыттан манныk уус буоллуҥ?

— Үөрэнэн-үөрэнэн уус буоллаҕым дии.

— Чэ*, сөп, сассын биир сарыы үтүлүктэ тигэн кулу.

— Тигэр да баҕайым ини, — диэн баран, чолох гынна. — Чэ, чэйгин ис, — диэтэ.

Эр киһи чэйин истэ уонна утуйдулар. Сассыарда туран, аһаансиэн баран, бултуу барда.

8 Баҕа-ойох кыыһын таһааран, чэйдээн баран, үтүлүк тиктэрдэ. Кыыс үчүгэй баҕайы сарыы үтүлүгү тиктэ уонна баҕа-ойоххо биэрдэ. Баҕа-ойох ылан, ороҥҥо ууран кэбистэ. Киэһэ кыыһын бэрэбэдэйгэ уган баран, сытыаран кэбистэ.

Киэһэ эр киһи кэлэн:

— Хайа, доҕоор, үтүлүккүн тиктиҥ дуо? — диэтэ.

вот так сидела, с левой стороны [дома] появилась, *«пыл-пал»* шлепая, лягушка величиной с меховую рукавицу:

— Рассказывай!

— Нет.

— С какой стороны пришла, куда направляешься?

— Я заблудившаяся девочка.

— О-о! Бедолага, оказывается, — сказав, *«пыл-пал»* шлепая, [лягушка] добралась до левой стороны, вскипятила чай, напоила чаем.

Чаевничая:

— Мой муж сказал: «Сшей переметную суму». Не могу ее сшить. Ты у меня поживи да сшей мне, — сказала.

Закончив пить чай, девочка в мгновение ока сшила одну переметную суму. Жена-лягушка спрятала свою девочку под лавку.

Вечером пришел один человек:

— Чей это запах? Заходил кто?

— Э, нет, друг. Кто еще зайдет-то? Чей может быть запах-то? — сказав, *«пыл-пал»* — запрыгала на левую сторону.

Посидев, старик:

— Ну как, сшила мне большую суму? — так спросил.

На это:

— Я женщина, которая сошьет поболее, чем большую суму. Одну-то переметную суму давно закончила! — сказала.

— Ну, покажи-ка!

— Лежит на той лавке.

Старик пошел посмотрел:

— С каких это пор ты стала такой мастерицей?

— Училась-училась да и стала мастерицей.

— Ну ладно, сшей-ка мне завтра пару кожаных рукавиц.

— А ведь и сошью, — сказав, голову задрала. — Ну, пей свой чай, — сказала.

Мужчина выпил свой чай, и [они] уснули. Утром встал, поел-насытился, на охоту ушел.

8 Жена-лягушка выпустила свою девочку, напоив ее чаем, заставила шить рукавицы. Девочка сшила очень хорошие кожаные рукавицы, жене-лягушке подает. Жена-лягушка взяла, на *орон* положила. Вечером засунула, уложила свою девочку в переметную суму.

Мужчина вечером пришел:

— Ну как, дру-уг, сшила ли свои рукавицы? — сказал.

— Ээ! Тигэн. Ити оронҥо уурбутум өр буолла, — диэтэ баҕаойох.

Эр киһи тиийэн, үтүлүгү ылан көрбүтэ: сөрү-сөп, хоп курдук.

— Тыый, доҕоор! Эн букурдук хайтах уус буоллун? Тугун сүрэй? Көрбөтөх көрүү, төһүөбэтэх түүл.

— Тыый, доҕоор! Оттон үөрэнэн-үөрэнэн уус буоллаҕым дии, — диэн баран, чолох гынна.

Ити курдук кэпсэтэн, аһаан-сиэн утуйдулар.

Эр киһи сассыарда чэйдээн баран:

— Бүгүн үчүгэй гына саары этэрбэстэ тик, — диэн баран, тахсан барда.

Баҕа-ойох кэнниттэн:

— Тикпэт бэйэлээх буолуом дуо? Тигиэм! — дии хаалла.

9 Кыыһы туруоран чэйдээтэ.

Чэйдээн бүппүтүн гэннэ:

— Үчүгэй гына саары этэрбэстэ тик. Тойоммуттан кыра-кыратык хайҕанар буолан эрэбин. Бэйэ хайтах буолар, — дии-дии, ханас диэкки итиннэ «пыл», манна «пал» ойуолуу турда.

Кыыс олорбохтоон баран, иистэммитинэн барда. Өр өтөр гыммата, биир үчүгээй баҕайы саары этэрбэһи тигэн бүтэрдэ.

— Этэрбэскин бүтэрдим. Ханна уурабын? — диэтэ.

Онуоха баҕа-ойох:

— Ити кыраайкаҕа* ыйаан кэбис, — диэтэ.

Кыыс ылан, кыраайкаҕа ыйаан кэбистэ. Ол гэннэ хааһаҕар тиийэн, сытан кэбистэ.

Утаака буолбата*, таһыттан оҕоньньор көтөн түстэ:

— Хайа, доҕоор, эппиппин толордун дуо?

— Толорбот бэйэлээх буолуом дуо? Ити кыраайкаҕа ыйаан кынтатан турабын.

Эр киһи ылан көрбүтэ: дьэ, кырдьык да, үчүгэйэ сүрдээх.

Көрө сөхтө:

— Тыый! Эн хайтах бу курдук уус буоллун?

— Оттон үөрэнэн-үөрэнэн уус буоллаҕым дии, — диэн баран, олбу диэкки чолоҥноото.

— Аата, ыйаабытын баҕас үрдүгүн көрүөҥ. Чэ, кэлэн ылан кулу!

Баҕа-ойох тиийэн өрүтэ көтүөлээтэ, кыайан тиийбэтэ.

— Ээ! Сшила. Давно на этот *орон* положила, — сказала жена-лягушка.

Мужчина подошел, взял рукавицы, видит: в самый раз.

— *Тыый*, дру-уг! Как ты стала такой мастерицей? Что за диво? Наяву не увидишь, во сне не приснится.

— *Тыый*, дру-уг! Вот училась-училась да и стала мастерицей, — сказав, задрала голову.

Вот так поговорив, поев-насытившись, уснули.

Мужчина утром, после чаепития:

— Сшей сегодня *торбаза* из *саары*, да так, чтобы было красиво, — сказал, вышел и ушел.

Жена-лягушка вслед:

— Разве я, вот такая, и не сошью? Сошью! — говоря, осталась.

9 Разбудила девочку, напоила чаем.

Когда [та] закончила пить чай:

— Сшей *торбаза* из *саары*, да так, чтобы было красиво. От своего *тойона* мало-помалу начинаю получать похвалу. Посмотрим, что будет, — приговаривая, на левую сторону — туда «*пыл*», сюда «*пал*» — запрыгала.

Девочка немного посидела и принялась шить. Управилась довольно быстро — сшила очень красивые *торбаза* из *саары*.

— Твои *торбаза* готовы. Куда положить? — сказала.

На то жена-лягушка:

— На эту полку повесь, — сказала.

Девочка взяла их, на полку повесила. После того подошла к своей суме, улеглась.

Вскоре со двора влетает старик:

— Ну как, друг, сделала, что я тебе говорил?

— Разве я, такая, и не сделаю? На эту полку, расправив, повесила.

Взял мужчина, видит: да, и вправду очень красивые.

Увидев, изумился:

— *Тыый*! Как ты стала такой мастерицей?

— Вот училась-училась да и стала мастерицей, — говоря, голову задрала, туда-сюда ею повертела.

— *Аата*, смотри, повесила-то как высоко. Ну, пойди возьми да подай!

Лягушка-жена подошла, вверх попрыгала — не смогла дотянуться.

— Бай, билигин ыйаабытым дии, — дии-дии, өрүтэ көтүөлээн, «пыл-пал» түстэ. Хайтах да кыайан ылбата:

— Оок-сиэ! Уһуу да сылдьыбыт эбиппин. Туох баҕайыный! — дии-дии эмиэ «пыл-пал» түстэ.

Суох, ылбата.

Эр киһи ыксаран* баран, кыыһыран ону-маны көрдьүөтэ*. Ол көрдьүү сылдьан, бэрэбэдэйи тайанна:

— Татат, бу тугуй? Туох үллэҥнээтэ? — дии түстэ да, кыыһы сулбу тардан таһаарда.

— Оо! Ол иһин да бу баҕайы хайа кыылынан итинниги бүтэриэй? Сэрэйбит сэрэх, төһүөбүт түүл. Чэ, мин эһигини, иккиэҥҥитин ойох ылабын. Бу түүн таһырдьа сытыарыам, онно биир тоҥон өлбөтөххүтүн ойох ылыам. Мин киэһэ — биирдэ, түүн үөһүгэр — биирдэ, сассыарда биирдэ ыҥырыаҕым. Онно саҥаран иһиэхтээххит. Оттон иккиэн өлбөтөххүтүнэ, иккиэҥҥитин ойох гыныам, иккиэн өллөххүтүнэ, ойоҕо суох сылдьыам, — диэтэ.

Ол кэнниттэн үһүөн чэйдээтилэр. Баҕа-ойох, остуолга тиийбэт буола-буола кэлэн, чэйдэһэн айаҕа ылланҕныы, төбөтө чолоҥнуу олордо. Аһаан-сиэн бүттүлэр.

Эр киһи айыы-ойоҕун бэрэбэдэйгэ суулаан, оһох хоротугар таһааран сытыаран баран, тула өттүгэр ынах, сылгы түүтүн симнэ. Баҕа-ойоҕун, күөл көппөҕөр суулаан, сэргэ төрдүгэр таһааран сытыарда. Ол кэннэ киирэн утуйда.

Сытан баран:

— Баҕа-ойоох! — диэтэ.

Анараанҥыта:

— Оой! — диэтэ.

Онтон:

— Айыы ойоох! — диэн ыҥырда.

Анараанҥыта:

— Ээ! — диэтэ.

Онтон түүн үөһүгэр тиийэн:

— Баҕа-ойоох! Баргын дуо?

Оргууй аҕай:

— Ы... ы... ы, — диэтэ.

— Айыы ойоох! Баргын дуо?

— Баарбыан, баарбын, — диэтэ.

Онтон сассыарда халлаан сырдыытыгар:

— Баҕа-ойоох! — диэтэ.

— *Бай*, только что повесила! — приговаривая, вверх прыгая, «*пыл-пал*» — шлепалась. Никак не могла достать.

— *Оок-сиэ*! Высокой же была, оказывается. Что же это такое? — приговаривая, «*пыл-пал*» — опять шлепалась.

Нет, не достала.

Мужчина, рассердившись, в нетерпении там-сям пошарил. Пошарив, в переметную суму [рукой] уперся.

— *Тамат*, что это? Что это вздымается? — сказал и хвать! — вытащил девочку.

— О-о! Вот оно что, каким-таким своим умением* эта уродина сшила бы такую суму? Угаданная догадка, приснившийся сон. Ну этой ночью я вас во дворе уложу. Ту из вас, кто там не замерзнет, возьму в жены. Один раз вечером, один раз в полночь, один раз утром я позову. На это должны отозваться. Если обе не умрете, обеих возьму в жены; если обе умрете, буду без жены ходить, — сказал.

После этого втроем стали чай пить. Лягушка-жена, хоть до стола и не дотягивалась, пришла, чаевничала, рот открывая, голову задирая, сидела. Есть-подкрепляться кончили.

Мужчина завернул жену *айыы* в переметную суму, вынес, у основания дымовой трубы положил, обложив вокруг коровьей да лошадиной шерстью. Лягушку-жену в озерный мох завернул, вынес, у основания *сэргэ* положил. После этого вошел [в дом], уснул.

Улегшись:

— Лягушка-жена-а! — сказал.

Та:

— О-ой! — сказала.

Потом:

— Жена *айыы*! — позвал.

Та:

— Ээ! — сказала.

Потом, ближе к полуночи:

— Лягушка-жена-а! Жива ли?

Еле слышно:

— Ы... ы... ы, — сказала.

— Жена *айыы*! Жива ли?

— Жива, жива, — сказала.

Потом, утром на рассвете:

— Лягушка-жена-а! — сказал.

Суох. Саҥа суох.

— Айыы ойоох! — диэтэ.

— Ээ! Баарбын-баарбын, — диэтэ.

Эр киһи ойон тура эккирээн, баҕа-ойоҕун күөлгэ быраҕан, айыы ойоҕун ойох ылан, үөрэн-көтөн, байан-тайан олоотторо эбитэ үһү.

24. БААЙ ХАРА ХААН УОЛА УОННА ЭРЭЙДЭЭХ-БУРУЙДААХ*

1 Дьэ, Эрэйдээх-Буруйдаах дьахтарын кытта олороллор, Баай Хара Хаан ыаллаахтар.

Дьэ, арай Баай Хара Хаан уола:

— Эрэйдээх-Буруйдаах ойоҕун миэхэ ылан биэрбэккит, — диэн күн аайы өлөөрү гынар.

Бу киһини күүстэринэн кыайан өлөрбөт киһилэрэ. Эрэйдээх-Буруйдаах өлөттөрүө дуо кинилэргэ!

Дьэ, Баай Хара Хааннаах уолларын:

— Өлүмэ, — диэн ааттыллар*. — Эрэйдээх-Буруйдааҕы өлөр сиргэ ыытыахпыт, — дииллэр.

Дьэ, ыыталлар даҕаны.

— Бу, былыр ити киһи өллөҕүнэ, сүөһүнү сиэн тутталлар, хаайлыга* диэн, — Баай Хара Хааннаах мунньахтыыллар, дьонтон ыйыталаһан сүбэлэтэллэр. — Дьэ, арай былыргы Адам саканаакы* өлбүт ийэлэрин-аҕаларын хаайлыга сүөһүлэрин аҕалтара: «Өлүү сиригэр ыытыахха», — дэһэллэр.

Оннук илдьит кэлэр Эрэйдээх-Буруйдаахха. Эрэйдээх-Буруйдаах барар, барбат буолаахтыа дуо?

2 Эрэйдээх-Буруйдаах бааттын кэннэ, уол киирэр дьахтарга. Киирэр, дьэ, хонор. Хонон олорор. Дьахтар үүс суорҕанҥа, эһэ тэллэххэ сытар, уол кэлэн онно олорор. Дьахтар кэпсэппэт даҕаны, ипсэппэт даҕаны, кинини киһи диэҕэ дуо? Дьэ, арай, биир хардаҕаһы* оһохтон түһэрэн кэбиһэр, буруолуу сытар гына.

— Ээ, сах, Эрэйдээх-Буруйдаах доҕорум баара буоллар, ити маһы туруоран кэбиһиэ этэ. Сыппытым кэннэ түһэн хаалла дуу, — диир дьахтар уоһун кытары.

— Мин хайтах, — диэн баран, уол оһоххо сыстан, били хардаҕастаах маһы туруоран эрдэҕинэ, дьахтар:

— Сыстарыыс! — диир.

Нет. Ни звука.

— Жена-а *айыы*! — сказал.

— Ээ! Жива, жива, — сказала.

Мужчина выскочил, лягушку-жену бросил в озеро, жену *айыы* взял в жены; радуясь-ликуя, в богатстве-довольстве стали жить, оказывается.

24. СЫН БААЙ ХАРА ХААНА И ЭРЭЙДЭЭХ-БУРУЙДААХ

1 Ну вот, живет Эрэйдээх-Буруйдаах со своей женой. Баай Хара Хаан — их сосед.

И вот стал каждый день сын Баай Хара Хана грозиться умереть, говоря: — Не можете взять и отдать мне жену Эрэйдээх-Буруйдааха!

Такого человека силой не одолеть, не убить. Эрэйдээх-Буруйдаах разве даст им себя убить!

Ну, Баай Хара Хаан [с женой] просят своего сына не умирать:

— Не умирай, — просят. — Отправим Эрэйдээх-Буруйдааха в такое место, где он погибнет, — говорят.

Ну и отправляют.

— В старину, когда человек умирал, съедали скотину, называя ее посмертной жертвой*, — созвали [родичи] Баай Хара Хаана собрание, расспрашивают людей, просят совета. — «Вот и отправьте [его] в мир мертвых привести скот, съеденный на поминках ваших родителей, умерших в давние времена Адама*», — советуют [им].

Дошла такая весть до Эрэйдээх-Буруйдааха. Эрэйдээх-Буруйдаах пошел — как не пойти?

2 После того, как Эрэйдээх-Буруйдаах ушел, парень заходит к женщине. Заходит, ну, остается ночевать. Ночует. Женщина лежит под рысьим одеялом на постели из медвежьей шкуры, парень подходит, садится там. Женщина и не говорит, и не заговаривает — разве считает его человеком? И вот вываливает из печи одно полено — лежит оно, дымится.

— *Ээ*, черт, был бы [здесь] мой друг, Эрэйдээх-Буруйдаах, он бы эту деревяшку поднял бы. Видно, упала, когда я уже легла, — говорит женщина [как бы] сама себе.

— А как же я, — сказал парень, но когда, поднимая полено, прислонился к печке, женщина:

— Прилепись! — говорит.

Уол оһох төрдүгэр холуокка курдук тийэн сыстан хаалар. Дьахтар дьиэтин анаарын* аһан кэбиһэр, сэгэтэн.

Дьэ, сарсыарда күн тахсыар дылы утуйар, дьахтар. Уоһун иһигэр:

— Хоҥноруус! — диир, уһуктан сытан.

Дьэ, муостаҕа кэлэн лаһыран түһэр уол, хоҥнору ыстанан. Анара уот харыах буолбут*, анара кырыа буолбут, аан аһыллыбыт сирин диэки өттө. Дьэ, дьиэтин былдьаһар.

— Бу таҥаскын-сапкын хайтах гыннын? — диир [аҕата]. — Сороҕун уокка сиэппиккин уонна бу туох көмнөҕүн бүрүннүн? — диир.

Уол:

— Эрэйдээх-Буруйдаах дьахтарын кытта оонньоһо-туспалаһа сылдьан, уокка түстүм ини, хаарга* түстүм ини, — диир киһиргиэн.

3 Күн киэһэ буоларын саҕана Эрэйдээх-Буруйдаах билиги илдьиттиэбит* сүөһүлэрин өлүү сириттэн эргитэн аҕалар. Биир да суох гына илбиллэн хаалар сүөһүтэ-аһа, Баай Хара Хаан. Ханнык кэлиэй, ол дайды сүөһүтэ кэлтин кэннэ? Ааньаҕа кэлиэ дуо, ол хайыы-үйэҕэ киһи унуоҕар сиэммит сүөһү баран.

4 Уоллара эмиэ моҥнон өлөөрү гынан эрэр, Эрэйдээх-Буруйдаах өлүмнэ* кэллэ диэн.

— Дьэ, иккиһин ыытыахпыт, тоойуом, өлүмэ, — диэн тохтоттулар уолларын. Бу гынан баран эмиэ сүбэлэһэннэр:

— Аны өлбүт киһибитин таҥыннарбыт таҥаспытын сыгынньахтаан аҕал, — диэн сарыйан ыыталлар. Эрэйдээх-Буруйдаах, дьэ, барар.

5 Киэһэ дьахтарга киирэн олороор эмиэ, уол. Дьахтар утуйар, эмиэ оронун оҥостон. Сытан баран, биир хардаҕастаах уоту түһэрэн кэбиһэр оһоҕуттан. Аанын анарын эмиэ сэгэтэн кэбиһэр. Сытан баран, дьахтар уоһун кытта этитэр:

— Аа, били Эрэйдээх-Буруйдаах доҕорум баара буоллар, ити түспүт хардаҕаһы туруоран биэриэ этэ, ааммын буоллар ыга тардан биэриэ этэ, — диир.

— Мин хайтах... — диэн баран, [уол] оһох кырыытыгар сыста түспүтүн:

— Сыстарыыс, — диэн кэбиһэр уоһун иһигэр.

Сыстан хаалбыт уолу, ааны бүтүннүүтүн аһан, дьахтар букатын оттото эрэ бөһүөнэх гына чиккэччи тоҥорон кэбиһэн баран, сассыарда:

— Хоҥноруус! — диир.

Парень к основанию печи, как колода, прилип. Женщина наполовину приоткрыла дверь.

Ну до восхода солнца женщина спит. Проснувшись, про себя:

— Отлепись! — говорит.

Ну парень, отлепившись, с грохотом падает на пол. Половина его почернела, половина покрылась инеем, рванулся к открытой двери. Ну припустил домой.

— Что же ты со своей одеждой-обувью сделал? — говорит [отец]. — Часть ее сжег в огне, а часть ее каким-то инеем покрыл? — говорит.

Парень:

— С женой Эрэйдээх-Буруйдааха заигрывая-замиряясь, может, в огонь падал, может, в снег падал, — хвастаясь, говорит.

3 К вечеру второго дня пригоняет из гибельной земли Эрэйдээх-Буруйдаах тот требуемый скот. [Из-за этого] всю до единой скотину-снедь Баай Хара Хаана [словно] смело. Что же останется после того, как пришел скот из той страны? Разве к добру придет скот, давным-давно съеденный на могиле человека.

4 Их парень опять хочет умереть, удавиться оттого, что Эрэйдээх-Буруйдаах не погиб, пришел.

— Ну, второй раз отправим, деточка, не умирай, — говоря, остановили своего парня. После этого опять посоветовались:

— Теперь надетую на покойников одежду сними и принеси, — сказав, с поручением посылают. Ну, Эрэйдээх-Буруйдаах пошел.

5 Вечером парень снова зашел к женщине, сел. Женщина опять приготовила постель, ложится спать. Улегшись, вываливает из печи одно горящее полено. Снова наполовину приоткрывает дверь. Лежит женщина, сама себе:

— А-а, был бы мой друг Эрэйдээх-Буруйдаах, это упавшее полено поднял бы, дверь мою поплотнее прикрыл бы, — сказала.

— А как же я... — сказал и только [парень] прислонился к углу печи:

— Прилепись, — про себя сказала.

Дверь настежь распахнув, крепко заморозила прилепившегося парня, только середина осталась не замерзшей, утром женщина:

— Отлепись! — говорит.

Оттото эрэ бөһүөнэх киһи кэлэн «лоос» гына түһэр. Төбөтүнэн хойуостанан дьиэтин былдьаһар. Дьахтар да суох, туох да суох.

— Бу хайа кыыл кэбилэнэҕин таҥастыын-саптыын? Дьиэҕэ хоноҕун дуу, таһырдьа хоноҕун дуу? — диир ийэтэ.

Туох дьиэҕэй?

— Ээ, дьахтары кытта оонньуурбутугар буолан, таһырдьа буоларбын билбэтим, дьиэҕэ буоларбын билбэтим, — диир.

6 Эрэйдээх-Буруйдаах киэһэ кэлэр. Таҥастарын аҕалан, иннилэригэр «сарк» гына быраҕан биэрэр. [Өлбүтү] сыгынньахтаан аҕалбытын.

— «Аны сассын киэһэ тиийиэхпит. Сиэбит да сүөһүлэрин иэстээн ыллылар, таҕыннарбыт* даҕаны таҥастарын* сыгынньахтаатылар. Үс хонук устата туох да көстүбэт гына күн тахсыа суоҕа, халлаан сырдыа суоҕа, онуоха эн туранҥын сылдьымаар», — диэбиттэрэ Баай Хара Хаан өлбүт ийэлээх аҕата, — [диир].

7 Түүн* баранан, сарсыарда буолуута халлаан сырдаабата сырдыыр кэмигэр, Эрэйдээх-Буруйдаах дьиэ таһыгар тахсыбата. Үс хонон баран, халлаан сырдыыр, күн тахсар. Эрэйдээх-Буруйдаах туран, аһаансиэн баран, күн ортотуттан киэһэ ыалын көрө барар. Ыалын баран көөтө: доҕоор, сүөһү да суох, үп-сээбэс да суох, ыал да суох, сэргэ да суох, дьиэтин онно куоҕас оонньуур кутата буолан хаалбыт — хара буордаах уу-дьэбэрэ.

Дьэ, ол Баай Хара Хаан уола Эрэйдээх-Буруйдаах дьахтарын ойох ылаары, ол курдук дьаабы буолта үһү.

Оттон Эрэйдээх-Буруйдаах этэҥҥэ олорбут. Ол — дьахтар номуоката (аба). Дьахтара улуу удаҕан эбитэ үһү.

25. ОТ САҔЫНЬНЬАХ

1 От Саҕыньньах диэн уоллаах, алааска баппат ала диэн оҕустаах, буор дьаданҕы оҕоньньордоох эмээхсин ыал буолан олоотторо үһү*.

2 Арай ол олорон эрэн, оҕоньньордоох эмээхсин өлөн хаалтар. Таах сүүрэн хаалбыт От Саҕыньньах уолу, алааска баппат ала оҕустары ыаллара Харах Хаан оҕоньньор тиийэн, үүрэн аҕалар.

Киэһэ оҕоньньор уолга:

— Нохоо, бар, оҕуһу киирэн уулатан таҕыс, олоруон дуо? Сиэнниэ буоллаҕа, — диир.

От Саҕыньньах оҕуһун сиэтэн, уулата ойбоҥҥо алтахтатан тиийэр.

Только тогда оттаявший человек с грохотом падает. Через голову перекувырнувшись, мчится домой. Женщины нет, ничего нет.

— Кто же это в такой одежде-обуви предстал? Дома ли ночуешь, во дворе ли ночуешь? — говорит его мать.

Что скажет?

— *Ээ*, когда с женщиной развлекался, на улице ли был — не знаю, дома ли был — не знаю, — говорит.

6 Вечером приходит Эрэйдээх-Буруйдаах. Принеся, вносит, швыряет им одежду. [С мертвецов] снятую одежду.

— «Теперь завтра вечером прибудем. И ими же съеденную скотину забрали, и ими же надетую на нас одежду сняли. В течение трех дней и ночей солнце не взойдет, небо не посветлеет, так что ничего не будет видно, ты тогда не вставай и не ходи», — сказали [мне] умершие мать и отец Баай Хара Хаана, — [говорит].

7 Ночь прошла; когда наступило утро, небо с рассветом не посветлело, Эрэйдээх-Буруйдаах во двор не вышел. Через три дня небо светлеет, восходит солнце. Эрэйдээх-Буруйдаах встал, покушал-поел, после полудня, к вечеру, пошел к соседям посмотреть. К соседям пришел, видит, вдруг: ни скота нет, ни добра-имущества нет, ни соседей нет, ни коновязи нет, на месте дома теперь трясина, где играет гагара, — с черным берегом вода-болото.

Ну, такая скверность произошла, говорят, оттого, что сын Баай Хара Хаана пожелал взять жену Эрэйдээх-Буруйдааха.

А Эрэйдээх-Буруйдаах жил благополучно. Все это — от ворожбы женщины. Жена его оказалась большой шаманкой, говорят.

25. ОТ САГЫННЬАХ

1 Жили, говорят, семьей очень бедные старик со старухой, с сыном От Сагынньахом и не вмещающимся на *алаасе* пегим быком.

2 Вот так жили, и старик со старухой померли. Бегающего без призора парня От Сагынньаха, не вмещающегося на *алаасе* пегого быка, придя, увел к себе их сосед Харах Хаан.

Вечером старик парню:

— Иди, *нохоо*, сходи быка напои и возвращайся, что сидеть? Что ж, съедим его, — говорит.

От Сагынньах, ведя своего быка поить, к проруби неспешно подходит.

— Нохоо, мин үрдүк арҕаспар тахсан олор эрэ, — диир оҕуһа.

Уол хачыгыраһан-хачыгыраһан, быһа ыаҕастаһан, нэһиилэ оҕуһун миинэр. Оҕус хааман күүдэйэн, көстөр көһөн иһэр.

Киэһээ харанҥа буолуута биир кур оттоох күрүөҕэ тиийэллэр. Оҕус оту сиир. Уол окко сууланан, утуйар. Сассыарда турбута — оҕуһа араас аһынан: килиэбинэн, саахарынан, этинэн, арыынан са<а>хтаан кэккэлэппит. Уол ону сиир-аһыыр. Оттон оҕус оту сиир. Дьэ ити курдук биир ыйы быһа олороллор.

— Нохоо, бу киэһээ биһигини булаллар. Миигин илдьэн сииллэр. Өлөр-хаалар күнҥэр бу суругу ааҕаар, — диир оҕуһа уонна туос суругу биэрэр.

Уол ылан, хоонньугар уктан кэбиһэр. Олороллор. Харах Хаан чаҕардара кэлэн булан ылаллар, уолу оҕустары илдьэ бараллар.

3 Харах Ха<а>ннаах алааска баппа<т> ала оҕуһу аҕалалларын кытта өлөрөллөр. Үрэл-сарал гынан астыы-үөл<л>үү охсон, оҕус этин буһаран адьырыталлар, аһаан-сиэн бараллар. Оттон От Саҕыньньах уолга ончу тугу да бэссибэттэр. Харах Хааннаах утуйаллар.

Уол оһох төрдүгэр сукуйан олорор. Ол олорон эрэн:

— Бээ-эрэ, оҕуһум тугу биэрбит эбит? — дии саныыр да, хоонньуттан туос суругун ороон ылар, өөр-өр тонолуппакка одуулаан олорор.

Аччыга да бэт буоллаҕа, төйбүт* киһи курдук буолар. Онтон эмискэ:

— Харах Хаан оҕоньньор эмээхсининээн ороҥҥо хам сыстарыыскай! — диир.

— Нохоо, тугун* тылай? — диэбитинэн Харах Хаан эргиллиэх буолта — хадьааһыннаах оронугар хам сыстан хаалбыт.

— Нохоо, тугу-тугу онортуу олороҕун?! — диир Харах Хаан.

— Ээ, суох, түлэкэдийэн эттим дуу, хайа үөдэн, — диир уол.

Балачча олорбохтоон баран:

— Кыыстаах күтүөт ороннорugар хам сыстарыыскай! — диир уол.

Эмиэ хам сыстан хаалаллар.

— Харах Хаан уоллаах кийиитэ ороннорugар хам сыстарыыскай! — диир уол.

Эмиэ хам сыстан хаалаллар.

— Харах Хаан уоллаах кыыһа ороннорugар хам сыстарыыскай! — диир уол.

Уоллаах кыыс эмиэ хам сыстан хаалаллар.

— *Нохоо*, на мою высокую спину заберись-ка и садись, — говорит его бык.

Парень, изо всех сил напрягаясь-карабкаясь, на быка кое-как взобрался. Бык могучей поступью вперед тронулся-двинулся.

Вечером, когда стало темнеть, подходят к одной изгороди с прошлогодним стогом сена. Бык стал сено есть. Парень, зарывшись в сено, уснул. Утром он встал — его бык разной едой: хлебом, сахаром, мясом, маслом — в ряд испражнился. Парень это ест-съедает. А бык ест сено. Ну вот, целый месяц они так прожили.

— *Нохоо*, нынче вечером нас найдут. Меня уведут и съедят. В день [моей] смерти-погибели прочти это письмо, — говорит его бык и подает берестяное письмо*.

Парень берет, кладет его за пазуху. Сидят. Слуги Харах Хаана находят их, парня с быком уводят.

3 Не вмещающегося на *алаасе* пегого быка привели, тут же его [родичи] Харах Хаана зарезали. Разбросав-раскидав, освежевав-разделав, сварили мясо быка — [всплыв, куски] растопырились. Стали есть-кушать. А парню От Сагынньаху совсем ничего не дают. [Родичи] Харах Хаана уснули.

Сгорбившись, парень у основания печки сидит. Сидя так:

— Постой-ка, что же мой бык мне дал? — думает и вынимает из-за пазухи берестяное письмо; не сводя с него глаз, долго-долго сидит.

Очень голодный, становится как будто оглушенным человеком. Затем вдруг:

— Старик Харах Хаан со старухой, накрепко к кровати прилипните-ка! — говорит.

— *Нохоо*, что за слова? — сказав, Харах Хаан было повернулся — да накрепко к застеленной кровати прилип.

— *Нохоо*, что это ты сидишь вытворяешь?! — говорит Харах Хаан.

— *Ээ*, ничего, верно, спросонок сболтнул или как, — сказал парень.

Довольно долго посидев:

— Дочь с зятем, накрепко к своей кровати прилипните-ка! — говорит парень.

[Те] тоже накрепко прилипли.

— Сын Харах Хаана с женой, накрепко к своей кровати прилипните-ка! — говорит парень.

Тоже накрепко прилипли.

— Харах Хаан икки хамначчыта хам сыстарыыскай! — диир уол.

Хамначчыттар эмиэ хам сыстан хаалаллар. Хамсаан көрө-көрө, орон аайыттан, дьэ, улам хаһыы-ыһыы, онтон аймалҕан буолан иһэр.

— Нохоо, туох ааттаах алдьаххайын оҥордун?! Дьэ ааартыы оҕус! — диэн, дьэ орон-орон аайыттан бардьыгынаһыы-ырдьыгынаһыы бөҕө буолар.

— Ээйиис, мин тугу оҥордум?! Таах олоробун буолбат дуо?! — диир уол.

4 — Нохоо! Чэ, бар Кыҥкыллаан ойуунҥа, маҕаас оҕускун илдьэ. Тахсан силлээн-домноон көрдун, — диир Харах Хаан.

Уол маҕаас оҕустанан дьэ Кыҥкыллаан ойуунҥа тиийэр.

Ойуун:

— Аата, аһыыр-сиир көһүннэҕэ! Дьолум тобоҕо, соргум сороҕо баар эбит буоллаҕа! — диир.

От Саҕыньньах уолу гытта бассар. Сирдэрин оттолоон иһэн:

— Нохоо, тохтоо эрэ, көҕүрэтинэн барыахпын, — диир ойуун.

Уол тохтуур. Ойуун баһыахтаан баран чохчойор.

— Нохоо, маста аҕал эрэ, соттуохпун, — диир ойуун.

— Ээ, мас суох ээ, арай бу кэрэх маһа баар, — диир От Саҕыньньах.

— Ээ, чэ, кэрэх маһа буолуохтааҕар, таҥара да маһа буоллун, аҕал! — диир ойуун.

От Саҕыньньах илдьэн биэрэр. Соттон истэҕинэ:

— Кэрэх маһа ойуун кэннигэр хам сыстарыыскай! — диир уол.

— Нохоо, туох-туох диэн баллыгырыыгын?! — диир ойуун.

— Ээ, суох, бэйэм таах, таах саҥарабын, — диир уол.

Ойуун тардыһа сатаан кэбиһэр да — кэрэх маһа олох кэлбэт.

— Нохоо, хайдах гинэбин*, тугу-тугу оҥордун?! — диир.

— Ээ, көрө! «Маҥаас оҕус хоҥхочоҕун ууруатахха — арахсар», — дииллэр ээ дьон, — диир уол.

— Сын и дочь Харах Хаана, накрепко к своей кровати прилипните-ка! — говорит парень.

Сын и дочь тоже накрепко прилипли.

— Двое слуг Харах Хаана, накрепко прилипните-ка! — говорит парень.

Слуги тоже накрепко прилипли. Пытаются-стараются шевельнуться, с каждой кровати, ну, все больше крику-визгу, суматоха все нарастает.

— *Нохоо*, что за беду ты сотворил?! Давай, освободи сейчас же! — говорят, ну, с каждой кровати-лежанки уже страшный рев-рычание.

— Вот еще, что я сделал?! Я просто сижу, так ведь?! — говорит парень.

4 — *Нохоо*! Давай бери белолобого быка, поезжай к шаману Кынгкыллаану. Пусть придет, попробует поплевать-покамлать, — говорит Харах Хаан.

Парень, взяв белолобого быка, ну, до шамана Кынгкыллаана добирается.

Шаман:

— Вот и пища-еда появилась! Значит, есть у меня еще, оказывается, остаток счастья, кусочек удач! — говорит.

Вместе с парнем От Сагынньахом едет. Полпути пройдя:

— *Нохоо*, постой-ка, схожу-ка по нужде, — говорит шаман.

Парень останавливается. Шаман, загребая руками, отходит и на корточки присаживается.

— *Нохоо*, дай-ка палочку подтереться, — говорит шаман.

— *Ээ*, палочки ведь нет, есть только эта щепа от дерева *кэрэх**! — говорит От Сагынньах.

— *Ээ*, ладно, пусть хоть деревянный идол, не то что щепа от дерева *кэрэх*. Дай! — говорит шаман.

От Сагынньах отнес. Когда тот начал подтираться:

— Щепа от дерева *кэрэх*, к заду шамана накрепко прилипника! — говорит парень.

— *Нохоо*, что-что говоришь?! — говорит шаман.

— *Ээ*, ничего, просто так, просто так сказал, — говорит парень.

Шаман старается отодрать — да щепа от дерева *кэрэх* никак не отдирается.

— *Нохоо*, что мне делать, что-что натворил?! — говорит.

— *Ээ*, смотри-ка! Люди ведь говорят: «Если поцелуешь зад черного белолобого быка — отлипнет», — говорит парень.

— Оттон, нохоо, биһи оҕуспут хайтаҕый? — диир ойуун.

— Укураат* маҥаас, ээ, — диир уол.

— Чэ, аҕал эрэ оҕускун! — диир ойуун.

Уол оҕуһун булгутан илдьэн, ойуунҥа кэннинэн хаамтаран биэрэр. Ойуун ууруур.

— Ээ, улаханнык-улаханнык ууraa! — диир уол.

Онтон:

— Ойуун уоһа оҕус хоҥхочоҕор хам сыстарыыскай! — диир.

Ойуун уоһа хам сыстан хаалар. Дьэ айдаан буолар.

— Чэ, туруохпут дуо? Барыахха! — диир да, уол оҕуһу сиэтэн дьулурутан кэлэр, көлүйэр.

Ойуун сыарҕа тумсугар бүк түһэр. Уол оҕуһун миинэн дьэ айанналаан тиийэллэр.

5 От Саҕыньньах дьиэҕэ көтөн түһэр.

— Хайа, нохоо, аҕаллыҥ дуо? — диир оҕоньньор.

— Ээ, ким билэр, доҕор, кэллэ дуу, кэлбэтэ дуу? Нэмин-дьаабытын да билбэтим, — диир уол.

— Нохоо! Аҕала оҕус! Чэ, тугу чаллыргыы тураҕын!.. Манна сатаммакка сытабыт, — диир Харах Хаан.

— Ким билэр, доҕоор. Бастакыта — маҥаас оҕус, оттокута — ойуун, кэннэкитэ — кэрэх маһа. Киллэрэн да көрдөҕүм, — диэт, хатыр гинэн тахсан хаалар.

Сотору уол маҥаас оҕуһа — бастакы, ойууна — оттоку, кэрэҕин маһа кэннэки буолан, быһа түҥкүнээн-таҥкынаан киирэн кэлэр.

Бух-бах буола-буола, ойуун:

— Дьэ киһини абырыыр суох буолла! Бу уол бу айылаах оҥордо быһыылаах, — диир.

6 Арай бары абыраһыа суох, тэбис-тэҥ курдук буола түһэллэр, уолларын От Саҕыньньаҕы ааттаһаллар.

— Чэ, кукаам, кэбис, миигин дьи<э>бэр тиэт. Уонна мантан араарар күннээх буоллаххына, баайбын олоччу туран биэриэм, — диидии, ойуун От Саҕыньньаҕы ааттаһар.

— Чэ, адьас албынныаҥ суоҕа дуо? — диир уол.

— Суох, суох, кукаам! Араарыаҥ да олоччу биэриэм, — диир ойуун.

— А что, *нохоо*, наш бык какой? — говорит шаман.

— Как раз белолобый, — говорит парень.

— Ну, давай-ка своего быка! — говорит шаман.

Парень своего быка распрягает, приводит, подведя к шаману задом. Шаман целует.

— *Ээ*, крепко-крепко целуй! — говорит парень.

Затем:

— Губы шамана, к бычьему заду накрепко прилипните-ка! — добавляет.

Губы шамана накрепко прилипают. Ну и шум поднимается.

— Ну что, будем стоять? Едем! — говорит и, потянув быка, парень быстро его приводит, запрягает.

Шаман через переднюю перекладину саней перевешивается. Парень верхом на своего быка садится, наконец добираются.

5 От Сагынньах в дом влетает.

— Ну как, *нохоо*, привел? — говорит старик.

— *Ээ*, кто его знает, друг, пришел ли, не пришел ли? Никак не разберу, — говорит парень.

— *Нохоо*! Веди быка! Ну, что стоишь шамкаешь! Неудобно [нам] здесь лежать, — говорит Харах Хаан.

— Кто знает, друг. Перед — белолобый бык, середина — шаман, зад — щепа от дерева *кэрэх*. Попробую-ка привести, — сказав, парень во двор со стуком выскакивает.

Вскоре парень с шумом-грохотом входит: спереди — его белолобый бык, в середине — его шаман, сзади — его щепа от дерева *кэрэх*.

Шаман, запинаясь-заикаясь:

— Ну, спасти человека не смогу! Сдается, этот парень до такого довел, — говорит.

6 Вдруг оказалось, что все не могут помочь друг другу, все оказались в совершенно одинаковом положении, стали упрашивать своего парня От Сагынньаха.

— Ну, дитя мое, брось, отведи меня домой. Если наступит тот день, когда от этого избавишь, свое богатство целиком уступлю, — приговаривая, упрашивает От Сагынньаха шаман.

— А ты и правда не обманешь? — говорит парень.

— Нет, нет, дитя мое! Как отлепишь — все отдам, — говорит шаман.

Дьэ түҥкүнээн-таҥкынаан, айаннаан уол ойууну дьиэтигэр тиэрдэр. Баайын барытын муньньан биэрэр.

— Ойуун уоһа оҕус хоҥхочоҕуттан хоҥноруускай! — диир уол.

Ойуун уоһа хоҥно түһэр, уол буоллаҕына, баайын-дуолун үүрэн, кэлэ турар. Ойуун дьиэтигэр хаалар.

7 От Саҕыньньах Харах Хааннаахха тиийэн кэлэр. Дьоно дьэ аймана түһэллэр, ааттаһыы диэн, көрдөһүү диэн эймэҥнэс, икки атахтаах тулуйбат иэйиитэ буолар.

— Чэ, Харах Хаан оҕоньньор! Баайыҥ аҥаарын гытта мааны кыыскын ойох аҕал, оччоҕо араартыаҕым! — диир уол.

— Ээ, тукаам, биэриминэбин, биэрбэт буолуом дуо? Араарар эрэ буолларгын, — диир Харах Хаан.

— Харах Хаан оҕоньньор эмээхсинниин холлоҕос оронуттан хоҥноруускай! — диир уол.

Харах Хаан эмээхсинээн хоҥнон кэлэллэр. Ити курдук От Саҕыньньах Харах Хаан атын кэргэттэрин олоччу хоҥноттоон кэбиһэр.

8 Оттон Харах Хаан баайын аҥаарын кытта мааны кыыһын От Саҕыньньах уолга ойох биэрбит.

От Саҕыньньах уол баай бөҕөтүн үүрэн-түрүйэн, аҕатын алааһыгар тиийэн, ойохтуун ыал буолан, байан-тайан, ньиргийэн бэҕэһээ киэһээҥҥэ диэри бэт үчүгэйдик олорор үһү.

26. ЭҤКЭЭБИЛ УОННА СЭЭКЭРЭ

1 Эҥкээбил эмээхсин эмньик бэйэлээх эдэр сааһыгар эр диэҥҥэ наадыйбатах, кырдьан-мөлтөөн кыһаллан көрүөм диэн санаабатах. Үөһээнэн кыптыый кынаттааҕы, аллараанан сүүрэр атахтааҕы аһарбат аар саарга аатырбыт булчут эбит. Ол да иһин дьиэҕэ-уокка, баайга-дуолга наадыйбакка, хара тыаны быһа хааман, устар ууну быһа оломноон, иэҕэйэр икки атахтааҕы иннигэр түһэрбэккэ, ойуур да, уу да булдун харыһыйан, аһынан көрбөккө аҥаар кырыытыттан кыдыйбыт.

2 Сааһын ортотун аайыта, сааскы харалдьык тахсыыта түүннэтэн, сылайан төхтүр үрдүгэр кымырдаҕас уйатыгар сыппыт. Уутун быыһынан иһиттэҕинэ: аллараа кыра оҕо ытыыр, ону ийэтэ мөҥөн

Ну, с шумом-грохотом поехали, парень доводит шамана до дома. Собрав, [тот] отдает все свое богатство.

— Губы шамана, от бычьего зада отлипните-ка! — говорит парень.

Губы шамана отлипли, парень же, погоняя его богатство-имущество, возвращается. Шаман остается дома.

7 От Сагынньах приходит к [людям] Харах Хаана. Тут его люди как зашумят: тут и мольба, тут и просьба — все кипит, [такие] стенания, что двуногому не вынести.

— Ну, старик Харах Хаан! Отдай в жены свою любимую дочь с половиной своего богатства, тогда отлеплю! — говорит парень.

— *Ээ*, дитя мое, как не отдать, разве я могу не отдать? Если только ты отлепишь, — говорит Харах Хаан.

— Старик Харах Хаан со старухой, от кровати у стены отлипните-ка! — говорит парень.

Харах Хаан со старухой отлипли. Вот так От Сагынньах всех других членов семьи Харах Хаана отлепил.

8 А Харах Хаан отдал в жены парню От Сагынньаху любимую дочь вместе с половиной своего богатства.

Парень От Сагынньах, угоняя-уводя большое богатство, прибыл в отцовский *алаас*; создав с женой семью, разбогатев-раздобрев, шумно, вплоть до вчерашнего вечера, говорят, очень хорошо жили.

26. ЭНГКЭЭБИЛ И СЭЭКЭРЭ

1 Старушка Энгкээбил в самые нежные, юные годы в муже не нуждалась, [что] постарев-ослабев, будет нуждаться — не думала. Была, оказывается, прославленным на весь свет охотником, не пропускающим ни быстрокрылых летающих вверху, ни быстроногих бегающих [внизу]. Поэтому в доме-очаге, в богатстве-изобилии не нуждалась, когда черным лесом шла, речку вброд переходила — двуногих вперед не пропускала, ни лесную, ни водяную добычу не берегла, не жалела, всех подряд истребляла.

2 [Вот как-то], с достижением второй половины жизни, когда появились весенние проталины, застигнутая ночью [в пути], уставшая, улеглась на муравейнике, возвышавшемся на бугорке. Лежит, сквозь сон слышит: внизу плачет малое дитя, мать с руганью его унимает.

дьарыйар саҥатын истибит. Иһиллээн истибитэ, ийэ эһэ оҕотугар кэриэһин этэр эбит:

— Улуу булчут Энкээбил хотун биһиги алаһабыт үрдүгэр хоно сытар. Онон өлөр-сүтэр бүтэһик күнүм үүннэ. Уҥуоҕа үүттээх, этэ саастаах, аһынар сүрэхтээх буоллаҕына, кыра диэн мыынан эйигин ордоруо. Баҕар, ингсэ мэнэгэйдээх да — дьаһайыа. Ааттаһан-көрдөһөн көрөөр. Ону ылыммакка өлөрөөрү гыннаҕына, кыраар. Кырыыс сэттээх-сэмэлээх, хаан аргыстаах буолааччы дииллэр.

Энкээбил эрдэ уһуктубут. Эрдэ уһуктан арҕах аанын бүөлүү туран баран:

— Тахсан кулу, сыптарыҥ эмэһэ! Аҥнан-бохтон сытыма! — диир.

Тыһы эһэ тэҥнэһиэ дуо? — таххан кэлэр. Таххан кэлбитин өргөстөөх үҥүүтүнэн үөлэн кээһэр.

— Өссө ким-туох баарый? Кэпсэтэр этигит, таххан кулу! — диир.

Онуоха эһэ оҕото ытыы-ытыы көрдөһөр-ааттаһар:

— Улуу хотуон, Энкээбил* эмэ<э>хсиэн, күн буол, ый буол! Холум этэ хойуннаҕына, буутум этэ бустаҕына, сиһим этэ ситтэҕинэ, ханна гыныаҥый? Онуоха дылы тохтот, өлөрүмэ! — диир.

— Ситимэх! Тыллаах-өстөөх ээ, көрдөһүүлээх ээ! Тахха тат! — диир.

Эһэ оҕото тэҥнэһиэ дуо? — таххан иһэн:

— Кыра диэн мыымматыҥ, аччыгы<й> диэн аһымматыҥ. Кырыыс баһа хааннаах, сэттээх-сэмэлээх буолар. Көрдөһүүбүн ылыммматыҥ, ааттаһыыбын аккаастаатыҥ. Кэнэҕэс эн даҕаны тайахтанан таҥхайар күҥҥэр, үөдэҥҥин өҥөйөргөр, мин көрдөһүүбүн ылыммматаххын, бука, санаар, хойутаан баран хомойоор! Иитиэххиттэн иэстэстиннэр*, төрүөххүттэн төлөттүннэр!

Эһэ оҕотун үҥүүнэн үөлэн кээһэр.

— Ити ситимэх тугун тылай, доҕоор! Хантан мин оҕолонуомуй? Уолуктааҕы умса сытыарбакка, түөстээххэ түҥнэстэн сыппакка сылдьаммын, хантан оҕолонуохпунуй? — диэн саарыыр.

3 Дьыллар-күннэр ааһан, сайынын самыырынан, кыһынын кырыатынан билэн, кырдьан тоҥхойон-таҥхайан барыытыгар, тоҕус уон сааһын туолуутугар хоҥкугур төбөлөөх, хоппоҕор силистээх, кумалааннаах аарыма тиит анныгар кэлэн, өйөнөн утуйар.

Прислушавшись, услышала: медведица-мать говорит, оказывается, своему ребенку предсмертные слова:

— Великая охотница *хотун* Энгкээбил пришла, над нашим очагом ночует. Потому день моей смерти-гибели, мой конец настал. Если кости с отверстием, открытое тело*, жалостливое сердце у нее — оставит тебя, недовольная тем, что ты маленький. Может, прожорливая-жадная, и порешит. Попробуй просить-умолять. Если, этому не вняв, захочет убить, — прокляни. Проклятие греховно, приводит к возмездию, кровью сопровождается, говорят.

Энгкээбил проснулась рано. Проснувшись рано, вход берлоги загородила:

— Выйди, дристливый зад! Не разлеживайся, мешкая-копаясь! — говорит.

Медведице куда деться? — выходит. Только вышла — острым копьем [та ее] пронзает.

— Еще кто есть? Разговаривали ведь, выходи-ка! — говорит.

На это медвежонок с плачем-рыданиями просит-умоляет:

— Великая *хотун*, старушка Энгкээбил, солнцем стань, месяцем стань*! Все равно ведь ты меня догонишь, когда мышцы рук моих отвердеют, мышцы ног мои созреют, мышцы спины моей окрепнут. До тех пор подожди, не убивай! — говорит.

— *Ситимэх*! Еще со словом-речью и просьбой! Выходи скорей! — говорит.

Медвежонку ли равняться с ней? — выходя:

— Не посчиталась ты с тем, что я маленький, не пожалела, что мал. Проклятие приводит к возмездию-наказанию, заканчивается кровопролитием. Просьбы моей не приняла, в мольбе моей отказала. И у тебя в будущем настанет день на посох опереться, в Нижний мир заглянуть, обязательно тогда вспомни, что просьбу мою не приняла, пожалеешь, да будет поздно! Пусть взыщут с того, кого вырастишь, твое дитя заставят расплатиться!

Медвежонка копьем закалывает.

— У этого *ситимэх* что за слово, друг! С чего это я буду рожать? С кадыком навзничь [на себя] не укладывала, перед широкогрудыми не опрокидывалась*, как же я рожу? — думает, сомневается.

3 Годы-дни миновали, лето по дождю, зиму по инею узнавала; когда, состарившись, стала гнуться-сгибаться, по достижении девяноста лет пришла под могучую-старую лиственницу, с наклоненной верхушкой, гнутыми корнями и дуплом, прислонилась [к ней] и уснула.

Өйөнөн утуйа сыттаҕына, сарсыарда күн тахсыыта, кумалаантан киргил көтөн тахсан иһэн соһуйан, кини үрдүгэр инчэҕэйи түһэрэн баран барар. Энҥкээбил эмээхсин эмискэ соһуйан уһуктар:

— Үөдэни, киһи үрдүгэр сыптарыйан ааста дуу? — диэн илиитин таһынан сотон кээһээри гынан баран: — Киргилгэ бүтүн күүс баар дииллэр эбээт, арааһа күүһүн соруйан түһэрдэҕэ, — диэн, ытыһын анаарын<ан> түөһүн иһинэн онунахтанан кээһэр.

Кырдьык, күүһүгэр күүс эбиллэн, уоҕар уох эбиллэн барар. Биир хонон биирдэнэн, икки хонон иккилэнэн, үс хонон үстэнэн, үс ыйданан, хат буолан ханайар, буос буолан мотойор. Онус хонугар уол оҕону төрөтөр.

— Сэгэрим сыһын Сээкэрэ диэн ааттыыбын! Кэннибэр хаалар кэнчээрилээннэҕим! — диэн үөрэр-көтөр.

4 Төрөөбүт уол оҕо биир хонон биирдэнэр, икки хонон иккилэнэр, үс хонон үстэнэр, уон хонон уоннанар. Кырдьык даҕаны, үөл талах курдук үөдэл оҕо буолан биэрэр, үөскүлэҥ киһи буолар. Ийэтин сэбин-сэбиргэлин, бултуур тэрилин ылан, эмиэ сүүрэр атахтааҕы* аннынан ыыппат, көтөр кынаттааҕы үрдүнэн аһарбат аарыма булчут буолар.

5 Бу сылдьан биирдэ аарыма эһэҕэ түбэһэр. Эһэни ох саатынан оноҕоһо бараныар дылы хотуппат, өргөстөөх үҥүүтүнэн өтөрү түһэн көөртө — өҕүллэн хаалар. Хайыыр да кыаҕа суох буолан, баай тиит бахчайар салаатыгар өрө ыстанан* олорунан кээһэр.

Эһэтэ даҕаны ааспакка-арахпакка өрө көрөн олорон, ырдьыгыныы-ырдьыгыныы уһуутаан кээһэ олооттун, хайыыр да кыаҕа суох олорон, муос уктаах боло<т> быһаҕынан айаҕын аппыт бириэмэтигэр алҕаан баран, бэлэһин үүтүн устун бырахпыта — эһэтэ өлөн охтор. Эһэтин астаары көрбүтэ: таас куйахтаах эһэ эбит. Сымалаҕа аалына-аалына кумахха төкүнүйбүтэ, таас куйах буолан хаалбыт.

6 Улуу булду булталатым диэн, үөрэн-көтөн кэлэн, эмиэ аһаан-сиэн, байан-тайан олорон баран, биир үтүө күн сылгы курдук сиэллээх, оҕус курдук күтуруктаах аарыма эһэҕэ түбэһэр.

Аарыма эһэ кинини утары түһэн, боотурҕаан барбытыгар, оҕуруктаах үҥүүтүнэн, хотоохоон батыйатынан түөскэ түһэр. Түөскэ

Когда, прислонившись, спала, утром на восходе солнца, вылетая из дупла, испугался [ее] черный дятел, что-то мокрое на нее уронил и улетел. Старушка Энгкээбил, от неожиданности вздрогнув, проснулась:

— Черт, на человека испражнился, что ли? — сказав, хотела было стереть тыльной стороной руки. — У черного дятла, говорят, есть большая сила*, видно, силу свою нарочно выронил, — сказав, ладонью свою грудь [этим] намазала.

И правда, сила к силе прибавляется, мощь к мощи прибавляется. За один день — одномесячной, за два дня — двухмесячной, за три дня трехмесячной [беременности] достигла, достигнув трехмесячной [беременности], стала ходить, задрав голову, стала ходить, выпятив живот. На десятый день мальчика родила.

— Милого моего назову Сээкэрэ! Потомством, которое после меня останется, обзавелась! — [так] думая, радуется-ликует.

4 Рожденный мальчик за один день годовалым, за два дня двухлетним, за три дня трехлетним, за десять дней десятилетним становится. И правда, как сырой тальник, ребенок быстро растет, в крупного человека вырастает. Снаряжение-снасти, охотничьи принадлежности матери взяв, как и она, бегающих четвероногих мимо себя не пропускает, летающих крылатых над собой не пропускает, могучим охотником становится.

5 Однажды на охоте повстречался с большим старым медведем. В медведя из лука до последней стрелы он стрелял — не свалил, острым копьем пытался пронзить — погнулось. Ничего не смог поделать, тут, запрыгнув, уселся на нижнюю ветвь могучей лиственницы.

А медведь-то не отходит, не удаляется, сидит, голову задравши, не отрываясь, смотрит, скалится-рычит, сидит, тяжко вздыхает. Ничего не оставалось делать, как, произнеся заклинание, бросить в глотку, когда тот открыл пасть, *болот*-нож с костяной рукоятью, отчего медведь упал замертво. Свежуя медведя, он увидел: медведь, оказывается, в каменном панцире! Смолой натираясь-обтираясь, в песке [медведь] повалялся, и все это превратилось в каменный панцирь.

6 Радуясь-веселясь, что добыл большого зверя, пришел [домой], опять поел-насытился, в достатке-довольстве зажил. В один погожий день повстречался с большим старым медведем с гривой, как у лошади, с хвостом, как у быка.

Когда большой старый медведь кинулся на него — вступил в схватку: метнул ему в грудь коварное копье — охотничью пальму.

тyһэн курдары анньыбытын эһэ табаҕайынан үөһээ диэки өрө охсон кээһэр. Өрө охсон кээһэн баран, өлөн тyһэр. Үөрэн-көтөн астаары өнөйөн эрдэҕинэ, Сээкэрэ көхсyн үөһээ охсуллубут батыйа төттөрy тyһyytyгэр дьөлө тyһэн өлөрөр. Эһэтин сыттаммытынан өлөн хаалар.

7 Энкээбил эмээхсин сyтyктээн баран, уолун көрдөөн, эһэтин сыттанан өлө сытарыгар тyбэһэр. Онно эрэ били эһэ оҕото кыраабытын санаан кэмсиммит:

1 — Эдэр-сэнэх эрдэхпинэ,
Кэрээнэ суох кэбэлийбитим,
Дьалаан<а> суох дьаабылыйбытым,
Аатталары аһымматаҕым,
5 Көрдөһөрy көмyскэспэтэҕим
Сэтэ-сэлээнэ туолан,
Кэннибэр хаалыах
Кэнчээри<м> кэскилин сарбыйдым,
Мутугунан быраҕар
10 Мyнyр үйэм дьэ туолла,
Мyнyм-сорум да эбит! — диэбит.

27. БУКУЙ-ТАКЫЙ ТАЙЫЫЛААХ БУКУЙДААН ОҔОННЬОР

1 Былыр-былыр Кyргyй Дохсун уоллаах, чэп-чэгиэн д<ь>иэлээх, Чэм-Чэмиликээн эмээхсиннээх, Хоп-Дьип кийииттээх, букуй-такый тайыылаах Букуйдаан оҕонньор диэн олорбута эбитэ үһy.

2 Бу оҕонньор арай биирдэ утуйа сытан баттатар. Дьонноро бу оҕонньору yһyгуннараллар. Бу yһyгуннарбыттарыгар сyрдээхтик соһуйан yһуктар. Оҕонньортон:

— Тугy тyһээтиҥ? — диэн ыйыталлар дьоно.

Оҕонньор этэр:

— Күөх тыа маһа буолуо диэбитим, көй сэрии буолан көһөн кэллэ. Хара тыа маһа буолуо диэбитим, халыҥ хамныай* сэрии буолан хамыллан кэллэ. Бу буолан бараннар Кyргyй Дохсун уолбун өлөрөн бараннар, күрдьyккэ көмнyлэр. Чэп-Чэгиэн дьиэлээх Чэм-Чэмиликээн эмээхсиммин өлөрөн баран, көҥнөйгө* астылар. Хоп-Дьип кийииппин күрэтэн бардылар. Оттон бэйэм буоллар, букуй-такый тайыыбынан дьиэм муннугун тоҕо хаһан тахсан куоттум диэн тyһээтим, — диир оҕонньор.

3 Сол күн, оҕонньор тyһээбитин курдук, көй сэрии көһөн кэлэр, халыҥ сэрии хамыллан кэлэр. Кyргyй Дохсун уолун өлөрөн бараннар,

Метнув, насквозь пронзил; тогда медведь лапой [пальму] вверх подкинул. Подкинув вверх, замертво упал. Радуясь-веселясь, Сээкэрэ наклонился освежевать, и тут подкинутая вверх пальма, падая обратно, насквозь спину ему проткнув, убила. На медведя, как на подушку, упав, умер.

7 Старушка Энгкээбил, потерявшая своего сына, в поисках наткнулась на [него], лежащего мертвым, упавшим на медведя, как на подушку. Только тогда, вспомнив о проклятии того медвежонка, раскаялась:

1 — Когда молодой-крепкой была,
Беспутно поступила,
Бестолково напроказничала,
Умоляющего не пожалела,
5 Просящего не защитила.
Возмездие-наказание наступило-пришло:
Остающегося после меня
Потомства будущее укоротила,
Моего короткого века
10 Последний день* вот настал,
Горе-беда мне, оказывается! — сказала.

27. СТАРИК БУКУЙДААН С ГНУТОЙ-СОГНУТОЙ РОГАТИНОЙ

1 Давным-давно жил, говорят, старик по имени Букуйдаан с сыном Кюргюй Дохсун, с очень прочным домом, со старушкой Чэм-Чэмиликээн, с невесткой Хоп-Джип, с гнутой-согнутой рогатиной.

2 Как-то раз, когда этот старик заснул, стали его мучить сновидения. Родные разбудили этого старика. Когда разбудили, в страшном изумлении проснулся. У старика:

— Что увидел во сне? — спрашивают его родные.

Старик отвечает:

— Думал, деревья зеленого леса, оказалось, перекочевав, явилось несметное войско. Думал, деревья черного леса, оказалось, собравшись, пришло многочисленное огромное войско. После этого сына моего Кюргюй Дохсуна убили, в снежный сугроб зарыли. Хозяйку крепкого дома Чэм-Чэмиликээн убили, в пропасть сбросили. Ушли, уводя невестку мою Хоп-Джип. Сам же я, подкопав своей гнутой-согнутой рогатиной угол своего дома, выбрался и убежал — вот что я увидел во сне, — говорит старик.

3 В тот же день, как старику это приснилось, перекочевав, является несметное войско, собравшись, приходит огромное войско. Сына

19 Заказ № 61

күрд<ь>үккэ көмөллөр. Чэп-Чэгиэн дьиэлээх Чэм-Чэмиликээн эмээхсинин өлөрөн баран, көндөйгө анньаллар. Хоп-Дьип кийиитин күрэтэн бараллар. Оттон оҕонньор букуй-такый тайыытынан д<ь>иэтин муннугун тоҕо хаһан, куотар.

4 Оҕонньор туох да олус абарар. Хасса суох санаата киирэн сэриилиттэри эккирэтэр. Өр барта дуу, өтөр барта дуу?

Арай биир күөлгэ тиийэр. Тиийэн көрбө: күөл мууһун ортотугар сэриилиттэр бука бары таал курдук утуйа сыталлар эбит. Оҕонньор утуйа сытар дьоҥҥо тиийэр да, аҥаар кытыыларыттан букуй-такый тайыытынан түһэрбитинэн барар. Бу курдук бука барыларын өлөрөр. Оҕонньор биир да киһини саҥарпат, сүрэххэ анньан иһэр.

5 Арай өйдөөн көрбө: били Хоп-Дьип кийиитин кытта өлөрөн кэбиспит эбит. Оҕонньор икки хараҕа лоҥхойо* иһиэр диэри ытыыр.

6 Ытаан-ытаан баран, оҕонньор д<ь>иэтигэр төннөн иһэр. Арай аабылаан иһиттэн куобах ойон тахсар. Оҕонньор, били ытаан-соҥоон туймастан иһэр киһи, улаханнык соһуйар. «Һук!» — диэн баран ойоору, оҕонньор букуй-такый тайыытыгар атыллан, өлөн хаалар. Ол курдук бука бары сабыллыбыттара эбитэ үһү.

его Кюргюй Дохсуна убивают, в снежный сугроб зарывают. Хозяйку крепкого дома старушку Чэм-Чэмиликээн убивают, в пропасть сбрасывают. Уходят, уводя его невестку Хоп-Джип. Старик же, подкопав своей гнутой-согнутой рогатиной угол своего дома, убегает.

4 Берет старика великая досада. От горя и отчаянья бросается в погоню за войском. Долго ли шел, коротко ли шел?

И вот приходит к одному озеру. Подойдя, видит: на середине замерзшего озера воины, все до единого, оказывается, не шевелясь*, лежат спят. Старик к лежащим спящим людям подходит и начинает [всех] подряд колоть своей гнутой-согнутой рогатиной. Вот так всех до единого убивает. Ни одному человеку голоса подать старик не дает, всех в сердце колет.

5 Тут, присмотревшись, видит: заодно убил, оказывается, ту свою невестку Хоп-Джип. Старик плачет так, что оба глаза его сильно распухают.

6 Поплакав-поплакав, старик домой возвращается. Вдруг из-за кустарника выскакивает заяц. Старик, который шел, задыхаясь от плача-печали, страшно пугается. Вскрикнув: «*Сук!*» — хочет отскочить — да, напоровшись на свою гнутую-согнутую рогатину, умирает. Вот так, оказывается, все до единого, говорят, погибли*.

ОЛОХ-ДЬАҺАХ ОСТУОРУЙАЛАРА

28. ОНОҔОСТООН ЧУОКААН ИККИ ОЛООН ДОЛООН (ИККИ)

1 Оноҕостоон Чуокаан икки Олоон Долоон (икки) бааллар үһү. Бэрт эрэ диэн атастыылар үһү. Икки ыал буолан олороллор үһү, икки эрдилэрэ кэс* аҥаара үһү.

Оноҕостоон Чуокаан дьахтардаах үһү.

Арай биир сасыарда Олоон Долоон Оноҕостоон Чуокааҥҥа ыаллыы кэлэр. Дьэ, маны күөстээн аһаталлар. Былыргы киһи быһаҕа үһүн буолар, икки харыска тиийэр. Олоон Долоон, аһаан бүтэн баран, быһаҕын дьилбэгэр[1] сото-сото, эппит үһү:

— Аа, бу дайды дьоно хатыҥ мас сыҥаһалаах буолуохтара диэбитим, Хаан Харахаан тойон уола сыҥаһалаахтар ибит дуу!

Онуоха Оноҕостоон Чуокаан кэтэҕэриин ороҥҥо тиийэн, аннын өҥөйөн көрөр[2]: арай хара киис саҥыйаҕын кэтэн баран, Хаан Харахаан тойон уола орон анныгар киирэн[3] сытар.

— Абатын эбэт! — диэн баран, үрдүгэр түһэн, киис саҥыйаҕыттан ылар.

Өлөрсөн бар* арай. Өлөрсөн, Хаан Харахаан тойон уола Оноҕостоон Чуокааны арай кыайаары гынан, онно ильэн саламалаа, иньэ ильэн саламалаа. Онуоха:

— Олоон Долоон, быыһаа, өлөртөрүмэ! — дии-дии, ыһыытыыр Оноҕостоон Чуокаан.

Олоон Долоон тура эккириир. Тура эккириэн, быһаҕынан Хаан Харахаан уолун быарын хаба ортотунан дьөлө саайар, өлөрөн кэбиһэр.

2 Оноҕостоон Чуокаан этэр:

— Ыат-татай! Өлөрдөҕүҥ куһаҕанын, бэйэҕинэн даҕаны быыһаамнаҕын? Хаан Харахаан тойон биһигини хайтах тыыннаах гыныаҕай? Кыайдаҕа диин, ханна баран киһи буолуохпутуй?

— Чэй, мин быыһыам, мийигин эрэн! — диир Олоон Долоон.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

28. ОНОГОСТООН ЧУОКААН И ОЛООН ДОЛООН

1 Живут, говорят, Оногостоон Чуокаан и Олоон Долоон. Очень они, говорят, дружны. Живут, говорят, двумя семьями, на расстоянии, говорят, половины *кёс*.

Оногостоон Чуокаан, говорят, женат.

Вот однажды утром приходит Олоон Долоон в гости к Оногостоон Чуокаану. Ну, приготовив еду, его кормят. Нож у старинного человека бывает длинным, доходит до двух *харыс*. Наевшись, вытирая-обтирая свой нож о наколенник, Олоон Долоон, говорят, сказал:

— А-а, думал, у людей этой страны закраина [*орона*]* из березы, оказывается, закраина из сына Хаан Харахаан-*тойона*!

Тут Оногостоон Чуокаан к заднему *орону* подошел, под него заглянул: вот под *ороном* лежит залезший туда сын Хаан Харахаан-*тойона* в черной соболиной дохе.

— *Абатын*! — сказав, [Оногостоон Чуокаан] набросился на него, схватил за соболиную доху.

Вдруг завязалась драка. В драке сын Хаан Харахаан-*тойона* стал одолевать Оногостоон Чуокаана: то здесь придавит, то там придавит. Тут:

— Олоон Долоон, спаси, не дай убить! — приговаривая, кричит Оногостоон Чуокаан.

Олоон Долоон вскочил. Вскочив, вонзил нож в печень сына Хаан Харахаан-[*тойона*], убил [его].

2 Оногостоон Чуокаан говорит:

— *Ыат-татай*! Как плохо, что ты убил, мог ведь просто [меня] защитить? Теперь Хаан Харахаан-*тойон* разве оставит нас в живых? Совсем одолеет ведь, куда теперь деться, чтобы остаться в живых?

— Давай, я спасу, положись на меня! — говорит Олоон Долоон.

Өлөрбүт киһилэрэ уот иньигэр сытар. Олоон Долоон ону, моойнуттан быалаан баран, сүгэн ийэтигэр-аҕатыгар ильэ барар. Түүнүн айаннаан, сэргэ төрдүгэр түһэрэн кэбиһэр.

3 Дьиэҕэ көтөн түһэн:

— Ийэ, аҕа, сытыарын! — диир.

— Эй, бар, ол убайгын кытта сыт даа! — дииллэр.

— Эй, кириэскин туо* баар[4]! Бар, эдьийдэргин кытары сыт даа! — диир убайа.

— Эй, бар, балыстаргын кытары сыт даа! Алаата, тугун мунай? Ханна бара сылыыбытыный? — дииллэр эдьийдэрэ.

— Бар, ол Симэхсин эмээхсини кытта сыт! Кириэһин муннаах киһигин, киһини утутумаары гыннын! — дииллэр балыстара.

— Ийэ, аҕа, убайдар, эдьийдэр, балыстар, сасыарда үтүөбүн көрөөрүн! — диэн баран. Олоон Долоон, тахса сүүрэн, биир ааттаах Ыстыйбан диэн атыырдарын дьиэ ааныгар аҕалан, иһин хайа тардан, өлөрөн кэбис.

Иньэ гынан баран, билиги өлөрбүт киһитин ыйаан кэбиһэр. Иһигэр урукку хайаҕаһын устун дьиэ иһиттэн биир быһаҕы харбаан тахсыбыта баарын аньан кэбиһэр.

4 Сасыарда, уотун оттон баран, Симэхсин эмээхсин тахса сүүрэр. Арай көрдөҕүнэ — уол тойоно, хара киис саҥыйахтаах Харыадьа Бэргэн, ыйанан, бастын сэргэҕэ моҥнон өлөн турар; улахан аһыыр быһаҕы быарын хаба ортотунан аньыммыт; атыырдара эмиэ сүрдээх бэйэлээхтик өлө сытар. Дьэ, оттон[5] тылын түөһүгэр түһэрэн, мэҥийэн киирэр эбэт. Дьэ, истэн баран, сорохторо уҥан, сорохторо чыбыччыгыньаҕын, сорохторо таҥас эрэ аатын саба кэбиһинэн баран, тахса сүүрбүттэр. Ытыы диэн кыыл*, айдаан диэн кыыл, «эн сытыарбатаҕын, эн сытыарбатаҕын», — диэн этиһиилэрэ диэн кыыл — туох-та аатыттан атын буол!

Онуоха сасыарда Олоон Долоон ыаллыы* кэлбит киһи буолан баран:

— Сэй-йэ, итиниэхэ ытыы олордуохкут дуо? Ити сүбэтэ барбах буоллаҕа дии, — диир. — Саһыл-удаҕан баар, онуоха киһитэ ытыахха сөп, — диэн сүбэлиир.

— Дьэ, маныаха ким барыаҕай? — диэн сүпсүһүү-сапсыһыы буол.

Олоон Долоон:

— Мин баарбын — барыах киһи, — диэн буол.

— Чэй, бар. Маньаҥ тугуй? — диэ.

Убитый ими человек лежал перед очагом. Олоон Долоон обвязал веревкой его шею, взвалив себе на спину, понес к его отцу с матерью. Ночь ехал, свалил у основания *сэргэ*.

3 В дом влетел:

— Мать, отец, уложите! — говорит.

— Эй, иди-ка ложись со старшим братом! — говорят.

— Эй, *кириэскин*, что за дела!* Иди ложись со старшими сестрами! — говорит старший брат.

— Эй, иди-ка ложись с младшими сестрами! *Алаата*, что за мучение! Где ходил? — спрашивают старшие сестры.

— Иди ложись вон с той старухой Симэхсин! *Кириэсин*, надоедливый ты человек, видно, не дашь уснуть! — говорят младшие сестры.

— Мать, отец, старшие братья, старшие сестры, младшие сестры, утром увидите мое славное обличье! — сказал. Выбежав, Олоон Долоон подвел к двери одного знаменитого жеребца по кличке Ыстыйбан и, распоров брюхо, взял и убил его.

Как сделал это, повесил [на *сэргэ*] того убитого им человека. В ту, сделанную в животе дыру, воткнул один захваченный из дома нож.

4 Утром, растопив очаг, выбегает старуха Симэхсин. Вдруг видит: повесившись на лучшей *сэргэ*, стоит удавленный парень, ее *тойон* Харыаджа Бэргэн в черной соболиной дохе, — в самую середину печени вонзил он себе нож для еды; их жеребец тоже очень страшный мертвый лежит. Ну, вывалив язык на грудь, запыхавшись, вбегает ведь. Ну, услышав, некоторые попадали без чувств. Другие же — кто совсем голый, кто, прикрывшись кое-какой одеждой, — выбежали. Такие горькие рыдания, такой страшный шум: «ты не уложил, ты не уложил», — пререкаясь, так бранятся, не с чем сравнить!

На этот [шум] утром приходит как бы к ним в гости Олоон Долоон:

— *Сэй-йэ*, из-за этого, что ли, сидите плачете? На это ведь есть совет пустяковый, — говорит. — Есть лиса-шаманка*, за ней и надо послать человека, — так советует.

— Ну, кто же за ней пойдет? — говоря, шепчутся-советуются.

Олоон Долоон:

— Вот я тот человек, который может сходить! — сказал тут.

— Ну, иди. Какая награда? — сказали [ему].

— Маньабын[6] Хаан Харахаан тойон сээбэһин* анаарын кулун! — диир.

— Биэриминэ[7], хайыахпытый? Онноохор да буолуоҕу биэриэхпит этэ, — диэн, үптэрин анаардаан биэрдилэр.

Олоон Долоон саһыл-удаҕанҥа тиийэн:

— Барыан үһү, — диир.

Онуоха саһыл-удаҕан тоҕус бөрө уолун, аҕыс саһыл кыыһын аһылыгын биэрэн баран, мэҥэстэн кэлэр Олоон Долоону кытта.

Уот иньигэр олох кэбиһэн баран, дьэ, көрүү көллөрөллөр: кимтэн, туохтан өлбүт диэн. Саһыл-удаҕан, кыыран ньиргитэн, дьабын төрдүгэр киирэн, була сатаан кэбиһэр, өлүүтэ дьабынын төрдүгэр арай көстүмэ[8]. Онтон Орто дайдыга илбис төрдүгэр тиийэн:

— Босхо уостаах[9], борон ураанхай! — диир.

Онуоха Олоон Долоон, тахса сүүрэн, биир хаҥыл атыырдарын кутругар холлоҕостоох уоту баайан кэбиһэр. Иньэ гынан баран, көтөн түһэн:

— Сылгыны уот сиэтэ! — диэн ыһыытаа.

Киһи барыта тахса көт. Олоон Долоон удаҕаны (икки) самаҕын туорайыттан ыл! Иньэ гынан баран, хонтуораҕа киллэрэн, улахан сири иһиттээх кымыска атаҕын өрө гына уган кэбис. Саһыл-удаҕан тумнастан өлөн хаал.

Арай дьон дьиэлэригэр көтөн түс.

— Бай! Удаҕаммыт ханна барда? — дэсиһэн баран. — Кымыһы хамнатын! — диэбиттэр.

Олоон Долоон көтөн түһэн:

— Аа, бу дайды дьоно хатыҥ мас хамнатардаах буолуохтара диэбитим — хатын дьахтар хамнатардаах ибит дуу? — дии-дии, удаҕаны атаҕыттан ылан баран, өрө тарда-тарда түһэртиир.

— Тыый, ити киһи тугу этэр — көрүҥ! — диэн буол.

Уоллаттар, көтөн түһэн, көрбүттэрэ — арай удаҕаннара кымыска тимирэ сытар.

— Эчикийэ, айыккабын! — диэн ытаһыы-соҥоһуу, альархай буол.

— Тугу ытаһаҕыт? Ити сүбэтэ дөбөн! Ытаһыманг бостой! — дии-дии, уот дики анаар хараҕынан олчоччу көрөн олорор Олоон Долоон.

— Сүбэтэ тугуй? Чэй, быыһаа! Биһиги эрэйгин си хаалларыахпыт суоҕа! — диэн буол.

— В награду дайте половину богатства Хаан Харахаан-*тойона*, — говорит.

— Отдадим, что делать? И не то бы отдали, — сказав, поделили и отдали половину добра.

5 Олоон Долоон пришел к лисе-шаманке:

— Говорят, должна прийти, — говорит.

На это лиса-шаманка, выдав пищу девяти волкам, своим сыновьям, восьми лисицам, своим дочерям, верхом на лошади с Олоон Долооном приезжает.

Положили перед огнем сиденье, ну, велят узнать, из-за кого, из-за чего умер. Лиса-шаманка, громко камлая, в преисподнюю* спустилась, но зря искала — причина смерти в преисподней так и не нашлась. Потом в Среднем мире до родоначальника духов войны* дошла:

— С отворенными устами смуглый уранхаец*! — говорит.

В это время Олоон Долоон, пробегая, привязал большой турсук с огнем к хвосту одного дикого жеребца. Сделав так, влетает [в дом]:

— Огонь коня пожирает! — как закричит.

6 Все люди тут выскочили. Олоон Долоон же шаманку за обе тазовые кости хвать! Затем в чуланчик* внес, в стоявшую там большую кожаную посуду с кумысом* вверх ногами возьми и засунь. Лиса-шаманка, захлебнувшись, умерла.

Тут люди в свой дом и влети.

— *Бай*! Куда наша шаманка ушла? — посудачили. — Взболтайте кумыс! — сказали.

Олоон Долоон вбежал:

— А-а, думал, у людей этой страны мутовка из березы, мутовка, что ли, из женщины-*хатын*? — [так] приговаривая, хватает шаманку за ногу, вверх ее поднимая-поднимая, вниз [потом] опускает.

— *Тыый*, гляньте, о чем говорит этот человек! — тут и говорят.

Парни влетели [в чуланчик], смотрят: их шаманка-то в кумысе утонула, лежит.

— *Эчикийэ, айыккабын*! — тут плач-рыдания, беда-то и наступила.

— Почему плачете? На это совет скорый! Не плачьте зря! — приговаривая, Олоон Долоон сидит, сам же одним глазом искоса на огонь посматривает.

— Какой же совет? Ну же, спаси! Мы твой труд просто так не оставим! — тут [ему] сказали.

— Кыыскытын биэрдэххитинэ, үпкүт улахан анаарын биэрдэххитинэ[10], быыһаан көрүөм даҕаны этэ. Эчикийэ, ол ити бэйэлээх обургу тоҕус бөрө уола, аҕыс саһыл кыыһа кыаттарара манан аҕай буолуоҕа (дуо)? — диэн күүгүнээн кэбиһэр Олоон Долоон.

— Ону харыһыйыахпыт дуо, ол кыылларга хайыта тыыттаран сиэтиэхпит дуо? — диэн буол.

7 Дьэ, саһыл-удаҕаны таһааран, икки хонноҕун анныгар икки хабахтаах хааны баайар. Бэйэтигэр икки тилэҕэр икки бүргэһи баанар. Иньэ гынан баран, күөх эриэн оҕуска удаҕанын иньики миинэрэр; бэйэтэ, кэньики миниьэн баран, айаннаан тиийэр саһыл-удаҕан дьиэтигэр.

Арай манна оҕолор өрө көтөн:

— Ийэбит кэллэ, кэһиитин сиэхпит эбэт, — диэн улуйуулараҥҥүүлэрэ, ыһыылара-хаһыылара туох-та аатыттан атын буол.

— Аргыый, ичигэйдэр! Сууй, аргыый! Бу дьаабыта суох үргүүк оҕус. Ийэҕит бэркэ эрэ диэн сылайан кэллэ, үргүттүгүт! — диэн буол Олоон Долоон.

Оҕолор истимэ, өрө көппүттэрин кубулутума.

Сэргэҕэ тиийэн иһэн, Олоон Долоон оҕуһун бүргэһинэн дьөлө тиҥилэхтиэ, оҕус соһуйан туора көт. Эмиэ тиҥилэхтиэ — эмиэ оҕус көтүөлээ.

— Ийэҕитин даҕаны, мийигин даҕаны өлөртөрдүгүт эбэт, — диэн иһэн, Олоон Долоон чогдойор иэнинэн бар.

Саһыл-удаҕаны оҕус эһэн кэбиспитэ — ол дики баран дэлби түс. Икки хабахтаах хаан, дэлби баран, удаҕаны сырайдары-харахтары саба ыс.

8 Олоон Долоон, дэлби түһэн баран, мөҥө сытар:

— Алаатыка, күтүрдэр! Киһи тылын истиминэҕит, ийэҕитин өлөртөрдөхкүт[11]. Ити гынан баран, ытаан, аһыйан, харахкыт уолуоҕа. Дэлэ үргүтүмэҥ дии сатаан кэбиспэтэҕим дуо[12]?.. Ол да буоллар, ити сүбэтэ дөбөҥ: аһыйбат гына онортуом, алыс сэниэҕитин быһыман! — диир.

Иньэ диэн баран, туран, оҕуһун баайан кэбиһэр тииккэ.

— Мийигин батыһын! — диир Олоон Долоон тоҕус бөрө уолга, аҕыс саһыл кыыска.

Батыһан бар. Бу баран, биир күөлгэ үс ойбону алларар.

— Дьэ, өлөөрү гынныбыт аһыыбытыгар! — дии-дии ыһыытаһаллар бөрө уол, саһыл кыыс.

— Бэйэҥ-бэйэҥ[13], бэрт дөбөҥ хаалла сүбэтэ тобуллара! — дии-дии, ойбонун алларан бүтэрэр Олоон Долоон. — Чэй, ичигийдэр, манна

— Если свою дочь отдадите и бóльшую часть добра выдадите, я бы, пожалуй, попробовал спасти. *Эчикийэ*, у этакой молодицы девять волков-сыновей, восемь лисиц-дочерей — не так-то легко справиться? — прогудел Олоон Долоон.

— Об этом ли сокрушаться, разве позволим зверям растерзать и съесть? — тут и говорят.

7 Ну, вытащил лису-шаманку, привязал ей к под мышкам два пузыря с кровью. Себе же к обеим пяткам привязал два шилья. После чего шаманку усадил спереди на пестро-сивого быка, сам сел сзади; к дому лисы-шаманки подъезжает.

А здесь дети, подпрыгивая:

— Наша мать пришла, съедим же ее гостинцы, — такой вой-лай, крик-рев страшный подняли.

— Тише, голубчики! *Сууй*, тише! Это страшно пугливый бык. Ваша мать пришла усталой, напугаете [его]! — скажи тут Олоон Долоон.

Дети [его] не слушают, знай себе прыгают.

Подъезжая к *сэргэ*, Олоон Долоон своего быка шильями как пришпорил! Вздрогнув, бык в сторону и скакнул. Опять тот пришпорил — бык опять скакнул.

— Вы и мать свою, и меня дадите убить, — заговорив, Олоон Долоон на спину взял да и упал.

Отброшенная же быком лиса-шаманка, в ту сторону отлетев, как грохнулась. Тут оба пузыря с кровью, лопнув, лицо, глаза шаманки так и забрызгали.

8 Олоон Долоон, больно зашибившись, лежит бранится:

— *Алаатыка*, черти! Человеческих слов не послушались, мать свою заставили убить. А после этого от плача-горя глаза ваши усохнут. Разве я вам не говорил не пугайте? Впрочем, на это совет скорый: сделаю так, что не будете жалеть, не убивайтесь так! — говорит.

Сказав это, встал и привязал своего быка к лиственнице.

— Следуйте за мной! — говорит Олоон Долоон девяти волкам-сыновьям и восьми лисицам-дочерям.

Следом [за ним] и пошли. Так отправившись, на одном озере [Олоон Долоон] стал прорубать три проруби.

— Ну, умираем от горя! — причитая, плачут волки-сыновья, лисицы-дочери.

— Постойте, постойте, немножко осталось, чтобы найти совет! — приговаривая, Олоон Долоон заканчивает делать прорубь. — Ну, го-

кутуруккутун уган олорун. Иньэ гыннахкытына[14] — аһыыгыт ааһыаҕа! — диир Олоон Долоон.

9 Онуоха барылара кутуруктарын укпуттар арай. Кутуруктарын уган олорон, бу дьон:

— Дьэ, өлөөрү гынныбыт, сиспит үөһэ дьаралыйан, — диэн, улуһуулара туохта аатыттан атын буол.

— Ээй, бэйэҥ, дьөксө дьаралыйа түстүн, оччоҕо аһыйбат буоларгыт дөбөҥ! — диир Олоон Долоон.

— Быыһаа, өлөөрү гынныбыт! Кутурукпут сыста тоҥно майгылаах... Саатар кутурукпутун арааран кулу! — дии-дии ыһыытаспыттар.

— Чэй, бэйэҥ, хоҥнортуом! Көрүҥ эрэ бу маспын; манан көтүрүтэ сыньан араартыам буоллаҕа[15], — дии-дии, Олоон Долоон улахан чокоойу маһы киллэрэр.

— Хайтах таҕаны өлүүһүбүт — араар! Кутурукпут букатын сыста тоҥон хааллылар, — диэн улустулар.

— Ээх, үчүгэй! Дьэ, сүбэтэ дөбөҥ, — диэн баран, туран чокоойу маһынан кэтэххэ биэрэн, өлөртөөн ис.

Бу өлөртөөн иһэн, орпуттарыгар этэр:

— Көрдүгүт дуо, ити сыньаннахтара үчүгэйин? Сотору аһыйбат буолан хааллылар эбэт.

Арай бөрөтүттэн, саһылыттан биирдии, кутуруктарын быһа тардан куоппуттар. Ол онтон бөрө, саһыл төрдө тарҕаабыт үһү: кутуруктара хоболоох буолта эмиэ онтон үһү.

10 Олоон Долоон, онтон баран, Хаан Харахаан тойон үбүн лохон[16] аҥаарын ылан, кыыһын арааран, дьиэтигэр барбыт. Бары дьон, быыһаатаҕа диэн, үөрүүлэрэ бэрт буолбут. Кыыс, маннык сүрдээх-кэптээх баҕадьыга бардаҕым диэн, ытыыта-соҥуута бэрт буолбут.

Оноҕостоон Чуокаан үбүн аҥаарын эмиэ ылан баран, Олоон Долоон байан-тотон, аныаха дили олорор үһү. Бүттэ.

29. ТУТУМ ТҮӨКЭЙ

1 Үс уоллаах биир бааһынай олорбута эбитэ үһү.

Арай биирдэ туран оҕоньньор кырдьан өлөр ы<а>рыытын ыалдьыытыгар үс уолугар кэриэһин маннык диэн эппитэ:

— Дьэ, оҕолорум эрэ, оҕолорум эрэ буолларгыт, бу аттыбытыгар баар Баай Хара Хаанҥа* баран көрдөһөр эрэ, көрдөһөр эрэ буолаайаҕыт, — диир.

лубчики, теперь сядьте и опустите сюда ваши хвосты. Если так сделаете, горе ваше пройдет! — говорит Олоон Долоон.

9 Тогда вдруг все хвосты [в прорубь] и засунули. Сидят эти люди, засунув хвосты:

— Ну, помираем, — говорят, — по спине мурашки ползут, — [так] говоря, подняли невероятно жуткий вой.

— *Ээй*, погодите, пусть поболит, зато потом быстро перестанете жалеть, — говорит Олоон Долоон.

— Спаси, помираем! Наши хвосты, видно, примерзли... Оторви наши хвосты, пожалуйста! — приговаривая, заплакали.

— Ну, погодите! Гляньте-ка на мою палку: вот ею отобью, отбивая, оторву, — приговаривая, Олоон Долоон большую дубину показывает.

— Непременно, не то ведь умрем — оторви! Наши хвосты накрепко примерзли, — говоря, завыли.

— *Ээх*, хорошо! Теперь совет скор, — сказав, дубиной по затылкам колошматя, знай себе убивает!

Убивая, говорит оставшимся:

— Видите, как славно они успокоились? Быстро ведь перестали жалеть.

Из всех волков, лисиц только по одному [волку и лисице], оторвавши хвост, убежало. От них, говорят, и пошел род волков, лисиц; от этого же на их хвостах появились, говорят, белые кончики.

10 Олоон Долоон, как оттуда выбрался, забрал у Хаан Харахаан-*тойона* бóльшую часть добра, взял его дочь, пошел домой. Все люди были очень рады, думая, что он их спас. Девушка же оттого, что вышла за чудовище с таким страшным предначертанием, горько плакала-рыдала.

Забрав также половину добра Оногостоон Чуокаана, Олоон Долоон в сытости-богатстве до сих пор живет, говорят. Конец.

29. ТУТУМ ТЮЁКЭЙ

1 Жил, говорят, один крестьянин с тремя сыновьями.

Вот однажды старик, одряхлев, во время смертельной болезни вдруг трем сыновьям так сказал-завещал:

— Ну, дети мои, если вы мне дети, отправляясь к живущему вот по соседству Баай Хаара Хаану, только с просьбой, только с просьбой не обращайтесь, — говорит.

Ити курдук кэриэһин этэн баран, оҕоньньор балайда ыальдыбахтаан* баран, өлөн хаалбыт.

Аҕалара өлбүтүн гэннэ, ус уол өр соҕус олорбохтоон баран, харгыйан өлөллөрүгэр тиийэннэр, улахан* убайдарын Харыс Түөкэйи Баай Хара Хаантан баран, аста көрдөһөн аҕал диэн, ыыталлар.

2 Харыс Түөкэй Баай Хара Хаанҥа тиийбитигэр Баай Хара Хаан* этэр:

— Оо, атаһым, Харыс Түөкэй кэллэ ду?! Чэ, хатыйдар, тымыра суох сыата, хаана суох хаһата буһарын! — диир.

Көрүөх бэтэрээ өттүгэр тымыра суох сыаны, хаана суох хаһаны буһаран туруораллар.

Баай Хара Хаан этэр:

— Чэ, ытым Хара Хаһар сиэтэр Хара Хаһар сиэтин, Тутум Түөкэй* сиэтэр Тутум Түөкэй сиэтин, — диэн баран, тоҕо таһыйан ыытар. Харыс Түөкэй баран түсүһэн көрөр да, ыт чугаһаппат. Барытын ыт ылан сиэн кэбиһэр.

Онтон туран Баай Хара Хаан этэр:

— Нохоо, кыккырымы иһиэҥ* ду, чыккырымы иһиэҥ ду? — диир.

Онуоха уол этэр:

— Ээ, кыккырымы иһээ инибин, — диир.

Оҕоньньор этэр:

— Ылыҥ, буустаах* хара уута ылан биэрин! — диир.

Муустаах хара ууну ылан биэрэллэр, уол иһэн кэбиһэр.

Онтон туран [оҕонньор] уол[га] этэр:

— Доҕор, дааргыга сытыаҥ ду? Ла<в>кыга сытыаҥ ду? — диир.

Харыс Түөкэй этэр:

— Ээ, дааргыга сытаа инибин, — диир.

— Бар, оччоҕо мас кыстыкка сыт, — диир.

Биир хоччохой убаһа тириитин, биир хоччохой торбос тириитин киллэрэн биэрэллэр. Уонна оҕоньньор этэр:

— Са<с>сыарда тыҥ хатыыта Симэхсин эмээхсини гы<т>та туран тэлгэһэни күрдьүөх<х>үт, — диир.

— Ээх, сөп, — диир.

— Биир урут «айа» диэбиккитин би<и>рдэскит өлөрүөх тустаах, күрдьэҕинэн* көхсүн быһа анньан өлөрүөхтээх, — диир.

Так завещав-сказав, старик довольно долго еще проболел и умер.

После смерти своего отца три сына, довольно долго прожив, чуть не умирая с голоду, отправили своего старшего брата Харыс Тюёкэя к Баай Хаара Хаану, чтобы пошел выпросил еды и принес им.

2 Когда Харыс Тюёкей дошел до Баай Хаара Хаана, Баай Хаара Хаан говорит:

— О, приятель мой Харыс Тюёкэй пришел, что ли?! Ну-ка, девки, сало без прожилок, брюшной жир без кровинок* сварите! — говорит.

В мгновение ока* сало без прожилок, брюшной жир без кровинок сварили, подали.

Баай Хаара Хаан говорит:

— Ну-ка, если моя собака Хара Хасар съест — пусть Хара Хасар съест, если Харыс Тюёкэй съест — пусть Харыс Тюёкэй съест, — сказав, смахивает [со стола еду]. Харыс Тюёкэй кинулся было, да собака не подпускает. Собака схватила, все съела.

И вот Баай Хара Хаан сказал:

— *Нохоо*, булькающее ли выпьешь, струящееся ли выпьешь? — говорит.

На что парень сказал:

— *Ээ*, пожалуй, булькающее выпью, — говорит.

Старик сказал:

— Ну-ка, возьмите и подайте сырую воду со льдом! — говорит.

Взяли, подали сырую воду со льдом — парень выпивает.

Затем старик парню сказал:

— Друг, на разложенное ли ляжешь? На сложенное ли ляжешь? — говорит.

Харыс Тюёкэй сказал:

— *Ээ*, пожалуй, на разложенное лягу, — говорит.

— Иди тогда ложись на поленницу дров, — говорит.

Одну задубевшую шкуру жеребенка, одну задубевшую шкуру теленка вносят, подают. Еще старик сказал:

— Утром на рассвете вместе со старухой Симэхсин встанете, будете сгребать во дворе [снег], — говорит.

— *Ээх*, ладно, — говорит [тот].

— Того, кто первым скажет «*айа*», другой должен убить, убить, рассечь лопатой спину, — говорит.

Сөп. Киһи бары утуйаллар. Харыс Түөкэй сытарын аҕай гытта Симэхсин эмээхсин туран:

— Чэ, дабаай, тэлгэһэбитин күрдьүөх! — диир.

Хайыай, уол эрэйдээх аат аҕай харата туран күрдьэ тахсаллар. Уол күрдьүспэхтээн иһэн: «Айы-айа!» — диэн баран турар. Симэхсин эмээхсин сүүрэн кэлэн, сиһин күрдьэҕинэн быһа аньыан баран, күрүөҕэ биллэҕиннэрэ ыйаан кэбиһэр уонна дьиэтигэр киирэн хаалар.

3 Убайдарын Харыс Түөкэйи күүтэ сатаа<н>-сатаа<н> баран, Сүөм Түөкэй туох буолтун билэ, таарыччы үлэлээн ас ылан барыах буолан барар.

Уол тиийбитигэр Хара Хаан оҕонньор этэр:

— Оо, атаһым, Сүөм Түөкэй кэллэ ду?! Чэ, хатыктар, тымыра суох сыата, хаана суох хаһата буһарыҥ! — диир.

Кыргыттар көрүөх бэтэрээ өттүгэр буһаран, остуолга хоторон ууралаар.

— Чэ, ытым Хара Хаһар сиэтэр Хара Хаһар сиэтин, Сүөм Түөкэй сиэтэр Сүөм Түөкэй сиэтин, — диэн баран, тоҕо таһыйан ыытар да, ыт былдьаан сиэн кэбиһэр.

Уол эмиэ тугу да аһаабына хаалар. Онтон өр соҕус буолан баран этэр:

— Нохоо, кыккырымы иһиэҥ ду? Чыккырымы иһиэҥ ду? — диир.

Уол этэр:

— Ээ, кыккырымы иһээ инибин, — диир.

— Ылыҥ, оччоҕо муустаах хара уута биэриҥ, — диир.

Муустаах хара ууну аҕалан биэрбиттэрин иһэн кэбиһэр. Онтон оҕонньор этэр:

— Сассыарда тыҥ хатыыта тахсан Симэхсин эмээхсин<н>иин тэлгэһэни күрдьүөххүт. Биир урут «айа» диэбиккитин бииргит өлөрүөхтээх. Онуоха дылы даргыга утуйуоҥ ду, лавкаҕа утуйуоҥ ду? — диир.

— Ээ, даргыга утуйа<а> инибин, — диир.

— Отчоҕо мас кыстык<к>а утуй, урут убайыҥ утуйбут сиригэр, — диэн ыйан биэрэр.

Уол сытарын аҕай гытта, Симэхсин эмээхсин туран:

— Чэ, күрдьэ тахсыах! — диир.

Уол аат аҕай харата тахсар. Күрдьүспэхтээн баран: «Айа-айа!» — диэн баран, туран хаалар. Симэхсин эмээхсин уолу сүүрэн кэлэн,

Ладно. Люди все засыпают. Только Харыс Тюёкэй лег, вдруг старуха Симэхсин:

— Ну, давай в нашем дворе сгребать! — говорит.

Делать нечего, бедный парень нехотя поднялся, вышли сгребать. Парень начал было сгребать, да сказав: «*Айы-айа*!», — останавливается. Старуха Симэхсин подбегает, лопатой рассекла ему позвоночник, перекидывает [его] поперек ограды и уходит к себе домой.

3 Пытались-старались [братья] дождаться своего старшего брата Харыс Тюёкэя, потом Сюём Тюёкэй пошел узнать, что случилось, а заодно заработать на еду и вернуться.

Когда парень пришел, старик Хара Хаан говорит:

— О-о, мой приятель Сюём Тюёкэй пришел, что ли?! Ну-ка, девки, сало без прожилок, брюшной жир без кровинок сварите! — говорит.

В мгновение ока сварив, девушки на стол выложили, разложили.

— Ну-ка, если моя собака Хара Хасар съест — пусть Хара Хасар съест, если Сюём Тюёкэй съест — пусть Сюём Тюёкэй съест, — сказав, смахивает [со стола], схватив, собака все съела.

Парень снова ничего не поел. После того, как прошло довольно много времени, [старик] сказал:

— *Нохоо*, булькающее ли выпьешь? Струящееся ли выпьешь? — говорит.

Парень сказал:

— *Ээ*, пожалуй, булькающее выпью, — говорит.

— Ну-ка, тогда подайте сырую воду со льдом, — говорит.

Принесли, подали сырую воду со льдом — выпивает. Затем старик сказал:

— Утром на рассвете выйдешь, будете со старухой Симэхсин сгребать во дворе [снег]. Того, кто первым скажет «*айа*», другой должен убить. До того времени на разложенном ли будешь спать, на сложенном ли будешь спать? — говорит.

— Ээ, пожалуй, на разложенном буду спать, — говорит.

— Тогда спи на поленнице дров, на том месте, где раньше спал твой старший брат, — говорит, указывая.

Только парень лег, вдруг старуха Симэхсин:

— Ну, пойдем сгребать! — говорит.

Парень нехотя выходит. Начинает было сгребать, да сказав: «*Айа-айа*!», — останавливается. Старуха Симэхсин к парню подбегает, ло-

күрдьэҕинэн сиһин быһа аньыан баран, күрүөҕэ биллэҕиннэрэ быраҕан баран, дьиэтигэр киирэн хаалар.

4 Аччыгый уол Тутум Түөкэй, күүтэ сатаа<н>-сатаа<н> баран, дьиибэргээн бэйэтэ барарыгар тиийдэ. Бараары олорон мөһө<ө>ччүк<к>э тааһы хааланан баран, тутан барда. Баай Хара Хаанна тиийэн киирдэ. Онуоха оҕоньыор:

— Оо, атаһым, Тутум Түөкэй кэллэ ду?! Ылыҥ, тымыра суох сыата, хаана суох хаһата буһарыҥ*! — диир.

Көрүөх бэтэрээ өттүгэр хаана суох хаһаны, тымыра суох сыаны буһаран баран, били уруккутун курдук:

— Оо, ытым Хара Хаһар сиэтэр Хара Хаһар сиэтин, атаһым Ту<ту>м Түөкэй сиэтэр Тутум Түөкэй сиэтин! — диэн баран остуолтан тоҕо таһыйан ыытар.

Ыт аска түһэн эрдэҕинэ, били мөһө<ө>ччүккэ хааламмыт тааһынан ыт мэйиитин хампы таһыйан кэбиһэр. Аһын үльдьү сиэн кэбиһэр.

Оҕонньор*:

— Хаары<а>н ыппын өлөрдө, — диир, онтон туран этэр. — Нохоо, кык<к>ырымы иһиэҥ ду, чыккырымы иһиэҥ ду? — диир.

— Ээ, оттон чыккырымы иһээ инибин, — диир.

— Барыҥ, билээскигэ арыыта аҕалыҥ, — диир.

Уол иһэн кэбиһэр. Онтон киэһэ утуйар бириэмэлэрэ* буолан оҕоньыор этэр:

— Нохоо, лавкыга сытыаҥ ду, дааргыга сытыаҥ ду? — диир.

Онуоха уол этэр:

— Ээ, лавкыга сытаа инибин, — диир.

— Бар, билирик оронҥо сыт, — диир.

— Сөп, — диир уол.

Оҕоньыор этэр:

— Сассыарда Симэхсин эмээхсинниин тэлгэһэни күрдьүөххүт. Биир урут «айа» диэбиккитин бииргит күрдьэҕинэн сиһин быһа охсон өлөрүөхтээх, — диир.

Тутум Түөкэй: «Убайдарбын бу курдук гынан өлөрбүт буоллахтара», — диэн толкуйдуур. Утуйар бириэмэ* буолан утуйаллар. Уол сыта түһээт, киэһэ уот утуйан бары<к>-сүрүк буолуута Симэхсини:

— Чэ, тахсан күрдьүөх! — диэн туруорар.

Симэхсин туран баран аһаары гыммытын аһаппат:

— Оҕоньыор эппитэ, барыах, күрдьүөх! — диэн.

патой рассекает ему позвоночник, бросает [его] поперек ограды, уходит к себе домой.

4 Младший брат Тутум Тюёкэй все пытался-старался дождаться [братьев]. Удивляясь, вынужден был идти сам. Перед уходом наложил в мешок камней, взяв их с собой, отправился. Пришел к Баай Хаара Хаану, входит. На что старик:

— О-о, приятель мой Тутум Тюёкэй пришел, что ли?! Ну-ка, сало без прожилок, брюшной жир без кровинок сварите, — говорит.

В мгновение ока брюшной жир без кровинок, сало без прожилок сварили, как и прежде:

— О-о, если моя собака Хара Хасар съест — пусть Хара Хасар съест, если мой приятель Тутум Тюёкэй съест — пусть Тутум Тюёкэй съест! — сказав, со стола смахивает.

Когда собака на еду набросилась, [Тутум Тюёкэй] теми камнями, положенными в мешок, голову собаке размозжил. Еду всю съел.

Старик:

— Дорогую мне собаку убил, — говорит, затем сказал: — *Нохоо*, булькающее ли выпьешь, струящееся ли выпьешь? — говорит.

— *Ээ*, пожалуй, струящееся выпью, — говорит.

— Идите и принесите масла во фляжке, — говорит.

Парень выпивает. После этого, вечером, когда наступило время сна, старик сказал:

— *Нохоо*, на сложенное ли ляжешь, на разложенное ли ляжешь? — говорит.

На что парень сказал:

— *Ээ*, пожалуй, на сложенное лягу, — говорит.

— Иди ложись на *билирик орон*, — говорит.

— Ладно, — говорит парень.

Старик сказал:

— Утром со старухой Симэхсин будете сгребать во дворе [снег]. Того, кто первым скажет «*айа*», другой должен убить, перебив лопатой позвоночник, — говорит.

Тутум Тюёкэй думает: «Видно, вот так убили моих старших братьев». Наступило время сна, все засыпают. Парень прилег; вечером, когда огонь стал угасать*, в наступающей темноте-потемках [он] Симэхсин:

— Ну, сгребать пойдем! — говоря, будит.

Симэхсин встала, собралась было поесть — не дал поесть:

— Старик велел идти сгребать! — сказав.

Тахсан өр баҕайы күрдьэн баран, Симэхсин эмээхсин: «Айыы-айа!» — диэн баран, сайтас гына түһэр. Оо, уол уталытыах* киһи буолуо дуо? Сүүрэн кэлэр, күрдьэҕинэн мэйиитин хампы охсон өлөрөр, ол гынан баран: «Симэхсини өлөрдүм», — диэн киирэн эппитигэр, оҕоньньор этэр:

— Хаарыын эмээхсин! Чэ, нохоо, бар, кулҕаахчынан буорда хас! — диир.

Оо, уол тахсан сып гынан хаалар. Утайбат, «Хаһан бүтэрдим», — диэн, киирэр.

— Тыый! Бу хайдах түргэнник хастың? Баран көрүөх! — диир.

Тахсан көрөллөр: арай хаары кыратык күрпүт, сир хаһыллыбыта диэн биллибэт.

— Хайа ханна баарый хаспыт сирин? — диир.

Уол сиргэ умса түһэр, кулҕааҕын сиргэ таҕайар*:

— Һээ, оттон кулҕаах<х>ынан хас диэбитиң дии?! Бу кулҕааҕым эрэ киирэр гына хаспытым.

Оҕонньор этэр:

— Эс! Чэ-чэ, кэбис, ик<к>иэн хаһыы<һы>быт, — диир.

5 Уонна иккиэн хаһан, Симэхсин эмээхсини уҥуох тутан* баран, Баай Хара Хаан күрээри гынна, барытын бары оҥоһунна. Баайын-дуолун* барытын хаалларан туран бараары, Тутум Түөкэйгэ ындыытын хаалаппытыгар — ындыытын наар аҥаар өт<т>үгэр хаалыыр уонна мэрэмэдэй биир өт<т>үгэр бэйэтэ киирэн хаалар.

Оҕонньор илэһэ-талаһа атын миинээт, тус илин барар. Бараар-бараар, баран-баран, баран этэр:

— Һуу! Тутум Түөкэйтэн туналыйдым ини, тунулукку дьоо! — диир.

Киһи саҥата:

— Һуу! Тутум Түөкэйтэн туналыйдаам ини, тунулукку дьоо! — диир.

— Һуу! Аны уҥа кулҕаахпар иҥмит ду? — диэн баран, кулҕааҕын быһа баттыыр!

Балай да барбахтаан эмиэ этэр:

— Һуу! Тутум Түөкэйтэн туналыйдаам ини, тунулукку дьоо! — диир.

Киһи саҥата эмиэ:

— Һуу! Тутум Түөкэйтэн туналыйдаам ини, тунулуку дьоо! — диир.

Выйдя, очень долго сгребали, [тут] старушка Симэхсин, сказав: «*Айыы-айа*!», — шмякнулась. О-о, разве парень тот человек, который станет мешкать? Подбегает, лопатой голову разбив, убивает; после чего, зайдя, сообщает: «Убил Симэхсин». На это старик сказал:

— Дорога [мне была] старуха! Ну-ка, *нохоо*, иди вырой яму по уши! — говорит.

О-о, парень как вышел — вмиг исчез. Вскоре заходит, говоря: «Вырыл».

— *Тыый*! Как это так быстро вырыл? Пойдем посмотрим! — говорит.

Выходят, смотрят: снег только сгреб, не видно, что рыли землю.

— Ну, где же вырытое место? — говорит.

Парень на землю ничком ложится, припадает к земле ухом:

— *Сээ*, сказал ведь вырыть по уши?! Вот и вырыл так, чтобы только ухо поместилось.

Старик сказал:

— Нет уж! Ну-ну, брось, придется вдвоем рыть, — говорит.

5 И вдвоем вырыв, старуху Симэхсин похоронили; после этого Баай Хара Хаан решил сбежать, приготовил все снаряжение. Собрался сбежать, оставив все свое богатство-имущество; повелел Тутум Тюёкэю уложить вьюк — [тот] укладывает только с одной стороны, а сам с другой стороны залезает в переметную суму.

Старик в спешке-горячке на коня садится, на восток подается. Скачет-скачет, скачет-скачет, отъехав, говорит:

— *Суу*! Отвязался-таки от Тутум Тюёкэя, *тунулукку дьоо*! — говорит.

Человеческий голос:

— *Суу*! Отвязался-таки от Тутум Тюёкэя, *тунулукку дьоо*! — говорит.

— *Суу*! В правом ухе остался, что ли? — сказал, ухо себе как срежет!

Немало проехал, опять сказал:

— *Суу*! Отвязался-таки от Тутум Тюёкэя, *тунулукку дьоо*! — говорит.

Опять человеческий голос:

— *Суу*! Отвязался-таки от Тутум Тюёкэя, *тунулукку дьоо*! — говорит.

Үсүһүн барбахтаан иһэн эмиэ этэр:

— Һуу! Тутум Түөкэйтэн туналыйдаам, ини, тунулуку дьо! — диир.

Киһи саҥата:

— Һуу! Тутум Түөкэйтэн туналыйдаам ини, тунулукку дьоо! — диир.

Киһи хабарҕатын быһа тардынан өлөн хаалар.

Тутум Түөкэй Баай Хара Хаан ба<а>йыгар, кини олоҕор олорбута эбитэ үһү.

30. МЭНИК МЭНИГИЙЭЭН

1 Мэник киһи Мэнигийээн, Көссүө киһи Көдөкө, Сэһэн киһи Сэрбэкэ диэн үс ини-бии бааллар үһү. Тэрэпиискэ эмээхсин диэн ийэлээхтэр. Хаҥас диэки үс абааһы кыыһа ыаллаахтар, уҥа диэки Сабыйа Баай Тойон ыаллаахтар.

Мэник киһи Мэнигийээн тугу да үлэлээбэт, арай дьиэтигэр мэнигилии-мэнигилии ону-маны альлатарга*, тогорго* сылдьар. Икки улаххан уолаттар араастынай буллу* бултаан, онон иитиллэн олороллор. Сүөһү диэн суох. Бу гурдук өр дьыл олордулар. Мэник киһи Мэнигийээн улаатан улаххан үөҥэс киһи буолан барда.

— Нокоо! Мээлэ тугу гына олорогун, бултаа! Саатар бэлэм тиргэни, туһагы кэрийэн булгуу үөрэн, — дэстилэр убайдара.

2 Мэнигийээн чугас тиргэни, туһагы кэрийэ барда. Тиргэгэ, туһахха элбэх кус-куобах иҥнибит, өлбүт. Өлбүтүн барытын итигэстээн ылла, тыыннаах олорор буллу:

— Бараххан*, сирэйэ-хараҕа чэмэлийэн үчүгэйэ бэт*, — дии-дии ыыталаан кэбистэ.

Киэһэ убайдара бултуулларын аҥаара эрэ холобурдаах: агыйах куһу, куобагы — киллэрбит. Онуоха убайдара ыйыппыттар:

— Нохоо! Буллун* тохо аҕыйагай? Ханна гыннын? — диэн.

— Барахсаттар сирэйдэрэ-харахтара чэмэлийэн үчүгэйэ бэрдин иһин тыыннаах олорор куһу, куобагы ыытан кэбистим. Ол иһин аччаата ини, буллум, — диэтэ Мэнигийээн.

Убайдара мөкпүттэр уонна батыйа биэрэн баран эппиттэр:

— Нокоо! Бу батыйанан тыыннаагы, тугу көрөгүн дэ, барытын бастарын быһыта сыныар буол.

3 Мэнигийээн бэгэһээҥи туһагар, тиргэтигэр көрө барда. Туох көрбүтүн: тыыннаах бултары, өлбүт бултары — барытын бастарын

В третий раз, опять немало проехав, сказал:

— *Суу*! Отвязался-таки от Тутум Тюёкэя, *тунулукку дьоо*! — говорит.

Человеческий голос:

— *Суу*! Отвязался-таки от Тутум Тюёкэя, *тунулукку дьоо*! — говорит.

Человек, перерезав себе горло, умер.

С богатством Баай Хара Хана, на его земле, говорят, Тутум Тюёкэй стал, оказывается, жить.

30. МЭНИК МЭНИГИЙЭЭН

1 Жили, говорят, три брата: Мэник Мэнигийээн, Кёссюё Кёдёкё, Сэсэн Сэрбэкэ. У них мать — старушка Тэрэпиискэ. Слева по соседству жили три девки-*абаасы*, справа по соседству — Сабыйа Баай Тойон.

Мэник Мэнигийээн ничего не делает, лишь дома балуется-шалит, все ломает, опрокидывает. Оба же старших брата добывают разную дичь, этим и живут. Скота у них нет. Так прожили много лет. Мэник Мэнигийээн вырос, стал высоким дородным человеком.

— *Нокоо*! Что зря сидишь, иди на охоту! Хотя бы проверяй поставленные силки и петли, учись охотиться, — сказали братья.

2 Пошел [Мэник] Мэнигийээн проверять ближние силки и петли. Много в силки, петли уток-зайцев попало, погибло. Мертвую дичь всю собрал, живую же добычу:

— Милые мои, светлые мордашки, ясные глазки, такие хорошенькие, — приговаривая, отпустил.

Вечером приносит немного уток и зайцев, лишь половину от тех, что добывают старшие братья. Тогда братья спросили:

— *Нохоо*! Почему мало добычи? Куда дел? — говорят.

— У бедняжек такие светлые мордашки, ясные глазки, такие [они] хорошенькие, что всех живых уток, зайцев отпустил. Потому, верно, и меньше моей добычи, — сказал Мэнигийээн.

Братья отругали его и, дав пальму, сказали:

— *Нокоо*! Этой пальмой снеси голову всему живому, что ты увидишь.

3 Мэнигийээн пошел осматривать вчерашние силки и петли. Всем, кого он видел: живой ли добыче, мертвой ли дичи — всем сносил

быһыта сыньньан истэ. Киэһэ элбэх баҕайдыы* буллу арбаччы-сарбаччы сүгэн дьиэтигэр кэллэ. Ийэтэ эмээхсин уола иһэрин көрөн, утары сүүрэн тиийдэ:

— Оҕом, көр, бу улаххан киһи буолан, бу булгаан арбаччы-сарбаччы сүгэн истэгин көрүҥ эрэ! Иэхэйикпин көрүҥ эрэ!.. — дии-дии.

Мэнигийээн батыйатынан ийэтин баһын быһа охсон кэбистэ.

4 Убайдара кэлэн, киэһэ дьиэлэригэр киирэн иһэн көрдөхтөрүнэ — дьиэ айаҕар ийэлэрэ баһа быстан баран өлө сытар.

— Нокоо-о! Бу ийэбитин ким өлөрдө?

— Мин. Туох көрбүккүн*, бастаагы барытын баһын быһан иһээр диэн, марыан* батыйа биэккит буолбат дуо? Дьиэм айагар кэлиибэр, ийэм утары тахсыбыта, бастаах этэ. Ол иһин баһын быспытым!

— Улуу күтүр! Биһи эйиэхэ киһини өлөр диэн батыйа биэппит дуо?! Буллу: куһу, куобагы, эһэни, бөрөҥү — өлөрөр буол диэн биэппит ээ-э... Акаары!.. — диэн убайдара уолларын дэлби мөктүлэр*.

Сассыныгар уолларын эппиттэр:

— Барамҥын аҕаскыттан ийэҥ бэдэр сагыньньагын аҕал. Ийэгэр кэтэрдэн баран көмөн көрүөхпүт.

5 Мэнигийээн аттанан, аҕаһыгар сүүрдэн-сиэллэрэн истэ. Бу истэгинэ, аара киэҥ налыы уу баар эбит. Ол уу чараастык тоҥмут, ата бу тоҥумах ууга төрүт киирбэт. Ууга киирэн иһэн төттөрү кэннинэн тиэйэр.

Мэнигийээн:

— Этэрбэһим сытыйыа диэн киирээхтээбэт ээ-э, бадага, — диэтэ дэ, түһэн, атын охторон, түөрт атагын тыһын сүлэн кэбистэ.

Ата тиэрэ түһэн баран, турбакка эрэ мөксө сытта.

— Ээ-э... Соммун уһул* диэтэ ээ-э, бадага? — диэтэ дэ, атын тириитин сүлэн кэбистэ.

Ата ырдьаҥҥыы-ырдьаҥныы өлөн барда.

— Сээн, соммун, этэрбэспин уһулла диэн, үөрэн күлэн ырдьаҥныыр ээ-э... Тур, тур! Барыах! — дии-дии тэбиэлээн көрдө атын.

Ата турбата. Өлөн хаалла. Өр атын туруора сатаан баран, салган аҕаһыгар сатыы барда.

— Утуйдаргын, кэлиэхпэр диэри сыт. Кэлэм баран уһугуннарыам, — диэтэ.

голову. Вечером он пришел домой, неся на спине очень много торчащей-растопырившейся добычи. Его старуха мать, увидев идущего сына, выбежала навстречу:

— Мое дитя, смотрите-ка, взрослым человеком став, вот с охоты на спине торчащую-растопырившуюся [добычу] несет, смотрите-ка! Вот радость-то какая, смотрите-ка!.. — приговаривала.

Тут Мэнигийээн пальмой матери голову снес.

4 Вечером вернулись братья, входя в дом, увидели: у порога дома лежит мертвая мать с отрубленной головой.

— *Нокоо-о*! Кто убил нашу мать?

— Я. Сказали ведь давеча: кого увидишь, всем, кто с головой, голову сноси, — и дали пальму, не так ли? Когда я к дому подошел, навстречу вышла мать, у нее была голова. Поэтому я ей голову и снес!

— Чудовище! Разве мы тебе дали пальму для того, чтобы ты убил человека?! Мы ведь дали для того, чтобы ты убивал добычу: уток, зайцев, медведей, волков. Дурак! — криком крича, отругали братья парня.

Назавтра сказали парню:

— Иди, принеси от старшей сестры рысью доху матери. Обрядив, похороним мать.

5 Мэнигийээн, сев на коня, рысью-галопом поехал к сестре. Когда так ехал, на пути оказалась широкая, разлившаяся вода. Вода слегка подмерзла, его конь в такую подмерзшую воду никак не входит. Ступит в воду — назад пятится.

Мэнигийээн:

— Не входит, *ээ-э*, видно, думая, что его *торбаза* промокнут, — сказал и, спешившись, повалив коня, с четырех ног шкуру содрал.

Завалившись на спину, конь не встает, судорожно дергается.

— *Ээ-э*... Видно, просит и шубу снять, *ээ-э*? — сказал и шкуру со своего коня содрал.

Его конь, ощерившись-оскалившись, стал подыхать.

— Бедняжка, думая, что шубу с *торбазами* снял, от радости смеется-скалится, *ээ-э*... Вставай, вставай! Поехали! — приговаривая, [Мэнигийээн] пытается коня пинками [поднять].

Конь не встал. Издох. Долго пытался коня поднять, устав, отправился к сестре пешком.

— Ну, раз спишь, лежи до моего прихода. Приду — разбужу, — сказал.

6 Көлүйэни үрдүнэн көтүөкэлээн аҕаһыгар тиийдэ. Көтөн түспүтэ — araha эттэммит, балчыыр оҕону көтөгөн олорор эбит.

— Нокоо-о... Тоҕо кэллин? Кэпсиэ, — диэтэ.

— Ийэм өлөн хаалла. Бэдэр сагыньньагын ыытыаҥ үһү. Кэтэрдэн баран кистиэхпит этэ!

— Ол ийэм хайтах ыардьан өлөөхтөөтө?

— Ыарыппата. Убайдарым миэхэ туһу көрөгүн дэ баһын быһан иһээр диэн, батыйа биэттэрэ. Ол батыйанан ийэм утары тахсан истэгинэ, баһын быспытым. Онно өлөн хаалла.

— Оо-о!.. Кыайар! Кэпсээннээх буола-буола! Ийэбин өлөрдүм, үтүөнү оҥордум диэн, кэпсээбиттээх буола-буола. Акаары! Мин ампаартан тахсан сагыньньагы киллэр<и>им. Онуоха дылы бу уолу көтөх. Хайа, ийэгин өлөрбүтүҥ курдук өлөрөн кэбиһээйэний*! Сэрэн! — диэтэ аҕаһа.

Мэнигийээн аҕаһыттан оҕону ылла. Аҕаһа ампаарыгар тагыста.

Уол дэлби ытыыр.

— Тоҕо ытыырый? — дии-дии Мэнигийээн оҕону эргим-ургум тутта, убахтаан көрдө.

Дьулайын хаппагын бигиэн көрөн баран:

— Ээ-э... эдьийим эрэйдээх оҕотун иринэгэ быһа сиэппит эбит ээ-э... Ол иһин оҕо эрэйдээх ытыыр буоллага, — дии-дии, дьулайын ыга тутта.

Онуоха оҕо мэйиитэ дэлби ыстанан тагыста. Мэнигийээн ого мэйиитин барытын ыҕан кэбистэ. Ого сарылаан-сарылаан баран, өлөн хаалла.

Araha таһыттан сагыньньагын туппу<ту>нан киирдэ.

— Аҕаас! Бу оҕоҕун кутургуйаҕа быһа сиэтэн өлөрө сыспыккын! Хата, ону мин көрөммүн, ол кутургуйатын иринэтин ыган кэбистим. Ол иринэтэ ыгылларын кытта, оҕом эрэйдээх сыламнаан утуйан хаалаахтаата.

Аҕаһа сүрэгэ барт гына түстэ. Сэрэйэн сүүрэн кэлэн, оҕотун ылан көрбүтэ: Мэнигийээн төбөтүн хаптаччы тутан, мэйиитэ барыта ыгыллан, оҕо хайыы-айаҕа* өлөн хаалбыт эбит.

— Абааһы, кыайар! Ха<а>рыан биэбэккэбин өлөрдөгүн! Сибилигин мин бээйэгин дэ моһуорагын көннөрдөгүм! — диэбитинэн ытыы-ытыы, уот аньыар маһы сулбу тардан ылан, Мэнигийээни кырбаары сүүрэн кэллэ.

Мэнигийээн обургу ыстанан турда да, сагыньньагы ылан баран, таһырдьа ыстанна. Дьахтар сыһа-халты охсон хаалла.

6 Перепрыгивая через озерца, добежал до старшей сестры. Влетает: старшая сестра вошла в тело, сидит, оказывается, с грудным ребенком на коленях.

— *Нокоо-о...* Зачем пришел? Рассказывай, — сказала.

— Моя мать умерла. Должна ты отправить ее доху рысью. Обрядив, похороним!

— Что, моя мать заболела и умерла?

— Не болела. Старшие братья дали пальму, сказав, чтобы всем, кого увижу, сносил голову. Снес голову и вышедшей навстречу моей матери. Вот она и умерла.

— Оо-о! Черт! Еще и с рассказом! Мать убил, еще и рассказывает, что добро сделал. Дурак! Я выйду, из амбара доху принесу. А ты пока подержи этого мальчишку. Посмей только убить, как свою мать убил! Смотри! — сказала старшая сестра.

Мэнигийээн взял ребенка у старшей сестры. Старшая сестра вышла в свой амбар.

Мальчик громко расплакался.

— Почему плачет? — приговаривая, Мэнигийээн стал вертеть и ощупывать ребенка.

Нащупав темя:

— *Ээ-э...* моя старшая сестра, бедняжка, не заметила, что у ребенка нагноилось, *ээ-э...* Потому-то бедный ребенок плачет, оказывается, — приговаривая, сдавил темя.

От этого у ребенка выдавились мозги. Мэнигийээн выдавил весь мозг у ребенка. Ребенок покричал-покричал — умер.

Старшая сестра пришла со двора, держа в руках свою доху.

— Старшая сестра! Вот дала своего ребенка изъесть чирьям, чуть не убила! Хорошо, что я это увидел, тот гной из чирья выдавил. Как только гной вышел, бедное дитя, успокоившись, заснуло.

У старшей сестры сердце так и ёкнуло. Догадавшись, подбежала, взяла ребенка, видит: Мэнигийээн голову ему сплющил, весь мозг выдавил, ребенок, оказывается, уже умер.

— *Абаасы*, черт! Ненаглядное мое дитя погубил! Сейчас же норов твой я усмирю*! — так говоря, заплакала-зарыдала, палку, которой мешают огонь, выхватила, подскочила Мэнигийээна побить.

Мэнигийээн-то молодец прыгнул и, выхватив доху, выскочил во двор. Женщина, вскользь-невпопад нанося удары, осталась.

7 Мэнигийээн сагыньаагын кэтэн баран, өнөнөн көрүнэ-көрүнэ ата өлбүт көрдүгэнигэр кэллэ. Аргааттан тыал буолбут. Билии көрдүгэн өлөнө-хомуһа бары уолга утары тыалтан тоҥхольуһа турдулар. Ону көрөн баран Мэнигийээн эттэ:

— Бу эрэйдээхтэр, көр, мин сагыньаахпар ымсыыраннар бэриһиннэрээри, көрдөһөн тоҥхольуһаллар* ээ-э, быһыыта! Бэйи, мин сагыньаахпыттан бэссиэм буолуо! — диэтэ дэ, сагыньаагын устан ылан, быһа-быһа от-мас төбөтүн аайы ыйаан истэ, сагыньаага бүтүөр диэри.

8 Дьиэтигэр ата да суох, сагыньаага да суох тиийэн кэллэ.

— Хайа атын?

— Аппын баран иһэн, көрдүгэн атагар «этэрбэһим сытыйыа» диэн киирбэтэгин иһин, этэрбэһин устубутум. Онтон «соммун уһул» диэбиттии, тиэйэ сыппытын иһин сонун устубутум. Онуоха үөрэн, күлэ-күлэ утуйан хаалбыта. Кэлэн иһэммин уһугуннара сатаан-сатаан кэбистим. Онуоха атым уһуктубата, ол иһин: «Чэ, бэйи, уугун ситэн баран, туран кэлээр», — диэн баран сатыы кэллим.

— Оо-о!.. Улуу баҕайы! Оттон сагыньаагын ханнаный?

— Кэлэн истэхпинэ, от-мас эрэйдээхтэр, бары, сагыньаахпар ымсыыраннар, көрдөһөн тоҥхольуспуттарын иһин, быһа-быһа от-мас төбөтүгэр ыйаан-ыйаан кэбистим, сагыньаагым бүтүөр диэри!

— Үөдэн, ыыт! Хара түөкүнү бостуой ыытаммыт! Харыан аппыт, харыан сагыньаахпыт! Бу акаары тугу-тугу оҥорор буолла! Бар, тахсаҥҥын ийэгэр умуһахта* хас. Кулгааххынан кэмнээн хас. Чэ-чэ, олорума! Түргэнник бүтэр! — диэтилэр убайдара.

9 Мэнигийээн хальлаайыга* кэлэн, умса түһэн сытан баран, кулгаагын сага гына буору эмти элийэн кэбистэ уонна туран дьиэтигэр кэллэ.

— Хайа, бүтэрэ оҕустуҥ дуо?

— Бүтэриминэ. Аныаха дылы кулгаахпынан умуһагы тулутан хаһыам дуо? — диэн өс-сага буолла Мэнигийээн.

Уолаттар бары ийэлэрин көтөгөн хальлаайыга тагыстылар. Тиийэн кө<ө>ттөрө — хаһыллыбыт умуһах баара биллибэт.

— Умуһагын ханнаный?

— Бу баар, — диэн баран Мэнигийээн кулгаагын сага гына эмти быспыт сирин көрдөрдө.

— Баҕайы! Бу курдук кыра гына хас диэбиппит дуо?!

— Но! Оттон кулгааххар кэмнээн хас диэбиккит буолбат дуо! Мин ону кулгаахпар тэҥнээн хаспытым!

7 Мэнигийээн доху надел, себя осматривая-рассматривая, подошел к озерцу, где сдох его конь. С запада подул ветер. Осока-камыш на том озерце стали под ветром кланяться навстречу парню. Увидев это, Мэнигийээн сказал:

— Эти бедняжки, смотри-ка, завидуют моей дохе: кланяются, видно, чтобы я поделился, *ээ-э*! Дай-ка, поделюсь-ка я своей дохой! — сказал и, сняв доху, разрезав-раскромсав, на каждую верхушку травы-деревьев стал вешать, пока доха не кончилась.

8 Домой вернулся и без коня и без дохи.

— Где твой конь?

— По дороге мой конь, дескать, замочу *торбаза*, не захотел ступить на край озерца, поэтому я снял с него *торбаза*. Потом, дескать, сними шубу, стал валяться на спине, поэтому я снял с него шубу. Тогда обрадовался, смеясь-скалясь, заснул. Возвращаясь, старался-пытался его разбудить. А он не проснулся, поэтому: «Ладно, выспись, придешь потом», — сказал и пошел пешком.

— Оо-о!.. Круглый дурак! А где твоя доха-то?

— Когда я возвращался, бедные травы-деревья, завидуя [моей] дохе, стали ее просить, кланялись; разрезав-раскромсав ее, вешал-развешивал на верхушки трав-деревьев, пока доха не кончилась!

— Убирайся, черт! Напрасно такого пройдоху послали! Бедный наш конь, бедная наша доха! Что-то этот дурак еще сделает! Иди, вырой могилу своей матере. Вырой, примеряя по свои уши. Ну-ну, не рассиживайся! Быстрее закончи! — сказали братья.

9 Мэнигийээн поднялся на холм, лег навзничь, сковырнул земли величиной с ухо и вернулся домой.

— Что, уже закончил?

— А как же, закончил. По уши, что ли, не смогу вырыть яму? — говорит с обидой Мэнигийээн.

Парни все вместе подняли мать, понесли к холму. Пришли, видят: никакой вырытой ямы.

— Где яма?

— Вот она, — сказав, Мэнигийээн показывает на вырытую ямку величиной с ухо.

— Дурак! Сказали, что ли, такую маленькую вырыть?!

— Ну! Сказали ведь, по уши вырыть! Я, к ушам примеряя, и вырыл!

Убайдара мөнө-мөнө, бэйэлэрэ умуһах хаһаннар, ийэлэрин кистээбиттэр.

10 Дьиэлэригэр кэлэннэр хоммуттар. Сассыарда бултуу баралларыгар убайдара Мэнигийээҥҥэ эппиттэр:

— Ийэбитин өлөрөн кэбистиҥ, онон дьиэ маныыр, ас астыыр киһи суох буолла. Эн аны дьиэгэр олор, аста астаа, дьиэгин манаа! Аны бултаама! — диэтилэр убайдара уонна бэйэлэрэ бултуу бардылар.

Мэнигийээн дьиэгэ хаалла.

Күнүс тахсан, хаҥас диэки олорор үс абааһы кыыһа ыаллырыгар тиийэн, дьиэни таһынан үс сыл уойбут кур огустаахтарын уоран аҕалан, дьиэтигэр киллэрэн баайан кэбистэ.

Киэһэ боруорга убайдара таһыттан киирдилэр. Киирэн истэхтэринэ Мэнигийээн тура эккирээтэ дэ эттэ:

— Тугу бултаан эрэйдэнэгит? Эт-сыа, ас бу баар, маны сиэгиҥ!

Иньньэ диэт, быһагынан оҕус иһин хайа тардан кэбистэ. Оҕус өлөн хаалла.

— Альльахайы да! Бу күтүр өстөөх аны үс аҕас-балыс абааһы кыыһа баҕайылар оҕустарын аҕалан өлөрбүт дуу? Чэ, олорбуппут сыыччах, ол баҕайылар кэлэннэр сиэх-аһыах бэйэккэлэрэ буоллага! — дэстилэр убайдара.

Бу тү<ү>н хоммуттар. Кутталларыгар тугу да аһаабатахтар. Утуйбатахтар даганы.

11 Сассыарда халлаан сырдыыта үс абааһы кыыһа оҕустарын суоллаан кэлбиттэр.

— Бу акаарылар! Көссүө киһи Көдөкө, Сэһэн киһи Сэрбэкэ, Мэник киһи Мэнигийээн биһи дьон оҕуспутун уоран-талаан сиэри аҕалан өлөрө сытыарагыт дуу? Дьэ, хата, биһи бэйэгитин сиэхпит.

Иньньэ диэн баран, үс абааһы кыыһа үс ини-биини үс аҥы кыбынан баран, дьиэлэригэр иттилэр. Ирдьэн*, түннүгэ-үөлэһэ суох ампаарга түһэрэн кэбистилэр.

Абааһы кыргыттара аһаан сиэн бараннар, иккитэ бултуу бааттар, биирдэстэрэ хаалбыт.

— Киэһэ сылайан-элэйэн кэлиэхпит, онон үчүгэйдик тото-хана аһаатахха сөп! Көссүө киһи Көдөкөҥү буһаран астаан уура<а>р! — диэн баран, аҕастара баран хааллылар.

12 Күн оттотун сагына дьиэгэ хаалбыт балыстара, ампаарын ааһын аһан баран, илиитин уган туран эппит:

— Көссүө киһи Көдөкө, кэл эрэ бэттэх! Кэл эрэ бэттэх!

Старшие братья, бранясь-ругаясь, сами вырыли яму, схоронили мать.

10 Пришли домой, переночевали. Утром, собираясь на охоту, старшие братья сказали Мэнигийээну:

— Ты нашу мать убил, поэтому не стало человека, чтоб стеречь дом, готовить еду. Теперь ты сиди дома, готовь еду, сторожи дом! На охоту не ходи! — сказали братья, а сами ушли на охоту.

Мэнигийээн остался дома.

В полдень вышел, добрался до живущих по соседству трех девок-*абаасы*, не заходя в дом, увел откормленного за три года быка; домой к себе завел, привязал.

Вечером, с наступлением сумерек, со двора входят братья. Когда они входили, Мэнигийээн вскочил и сказал:

— Чего мучаетесь, охотитесь? Вот мясо-жир, еда, давайте это съедим!

Так сказав, вспорол ножом живот быка. Бык издох.

— Вот беда! Теперь этот окаянный привел и убил, что ли, быка трех уродин, сестер-*абаасы*?! Ну вот, только-то и пожили — так эти уродины придут, съедят-погубят нас! — сказали братья.

Ночь переночевали. От страха ничего не ели. Даже не спали.

11 Утром на рассвете по следам своего быка пришли три девки-*абаасы*.

— Вот дураки! Кёссюё Кёдёкё, Сэсэн Сэрбэкэ, Мэник Мэнигийээн, что ли, у таких людей, как мы, украли-похитили быка, чтобы его съесть, приведя, забили, повалили? Ну, лучше мы вас самих съедим.

Так сказав, три девки-*абаасы*, сунув себе под мышку трех братьев, каждая по одному, понесли их домой. Как принесли, спустили в амбар без окон-дымохода.

Девки-*абаасы* поели-наелись, две пошли охотиться, одна осталась.

— Вечером придем уставшие, изможденные, поэтому надо будет как следует, досыта-вдоволь поесть. Свари и положи для нас [на *сандалы*] Кёссюё Кёдёкё, — сказав, сестры ушли.

12 В полдень оставшаяся дома сестра открыла дверцу своего амбара, просунув руку, сказала:

— Кёссюё Кёдёкё, иди-ка сюда! Иди-ка сюда!

Көссүө киһи Көдөкө куттанан ампаар түгэгэр сыппыт. Хаста да ынырбытыгар Мэнигийээн сүүрэн кэлэн эппит:

— Ээ-э, кими ынырагын? Мин, Мэнигийээн, кэллим!

— Ээ-э, чэ, эн дэ буол, — диэн баран, аба<а>һы кы<ы>һа Мэнигийээни ылан кыбынан дьиэтигэр киллэрбит.

Эт эт<т>иир маһы ылан баран, холумтан үрдүгэр уурбут уонна:

— Манна иттэнэ түһэн сыт эрэ, — диэн Мэнигийээнҥэ эппит.

Мэнигийээн умса түһэн сыппыт.

— Иттэнэ сыт, иттэнэ сыт диибин дии!

Мэнигийээн туран баран эмиэ умса сыппыт.

— Хайтах истибэккин, иттэнэ сыт диибин ээ-э! — диэн абааһы кыыһа хаһыытаабыт.

Мэнигийээн туран баран эппит:

— Иттэнэ диэн хайтах сытыы аатай?! Ыл, сытан көрдөр эрэ!

Абааһы кыыһа өс киирбэх иттэнэ эт эттиигэ сытан көрдөрбүт. Мэнигийээн быһагынан иттэнэ сытар абааһы кыыһын иһин хайа тардан кэбиспит. Абааһы кыыһа часкыйан-часкыйан, мөксөн-мөксөн баран өлөн хаалбыт. Мэнигийээн өлбүт абааһы кыыһын ирдьи сыньньан*, кырбастаан, үөлэн бүһарбыт. Буһаран баран, сандалыга ууран кэбиспит уонна бэйэтэ оһох төрдүгэр саһан сытта.

13 Киэһэ икки абааһы кыыргыттара тоҥсуруһан кэллилэр. Киирэннэр сандалыга ууруллубут эти сиэбитинэн бардылар.

Сиэмэхтээн иһэн:

— Бу ыттар, бэйэбит балтыбытын буһаран уурбуттар дуу? Ыттарга таҕыстахпыт.

Эттэрин тиби<и>рэн бараннар, сылсан тахсаннар*, ампаардарыгар баар Көдөкөҥү, Сэрбэкэни тутан киллэрбиттэр. Дьиэ иһигэр киллэрэн өлөрөөрү гыммыттарыгар, утарылаһан охсуһуу буолбут. Мэнигийээни үрдүнэн-аннынан көтүөкэлэспиттэр.

— Бэйи, тохтоон! Туох буоллугут?! Киһини үлтү тэпсээри гынныгыт, — дии-дии, Мэнигийээн тура эккирээтэ.

Ол гэннэ абааһы кыргыттарын ылан, сиргэ дэлбэритэ быраган баран, аҥардыы атахтарыттан үктүү-үктүү, аҥардыы атахтарыттан тутан хайыта тардан кэбистэ.

14 Бары үөрэн-көтөн, абааһы кыргыттарын үптэрин-астарын сүгэн-көтөгөн дьиэлэригэр кэллилэр. Мэнигийээн о<о>йнуур гыныам диэн, абааһы кыыһын симэхтээх, хайыргастаах иннэлигин кургар ылан баайан кэбистэ. Өлөрбүт оҕустарын сиэн-аһаан дуунайдаатылар. Сотору оҕустарын этэ бүттэ. Оҕустарын этэ бүтүөр дылы булгаабакка олордулар.

Кёссюё Кёдёкё со страху забился вглубь амбара. После того, как несколько раз кликнула, Мэнигийээн, подбежав, сказал:

— *Ээ-э*, кого зовешь? Я, Мэнигийээн, пришел!

— *Ээ-э*, ладно, пусть будешь ты, — сказав, девка-*абаасы* взяла, сунула под мышку Мэнигийээна, внесла в дом.

Взяла чурбан для рубки мяса, поставила на шесток печи и:

— Сюда навзничь ложись-ка! — сказала Мэнигийээну.

Мэнигийээн лег ничком.

— Говорю ведь, навзничь, навзничь ложись!

Мэнигийээн встал и снова ничком лег.

— Почему не слушаешься? *Ээ-э*, говорю, навзничь ложись! — прикрикнула девка-*абаасы*.

Мэнигийээн встал, говорит:

— Что значит лечь навзничь?! Давай, ложись, покажи-ка!

Девка-*абаасы* без затей показала на чурбане для рубки мяса, как надо лечь. Мэнигийээн распорол ножом живот легшей навзничь девки-*абаасы*. Визжала-визжала, дергалась-дергалась девка-*абаасы* — да сдохла. Мэнигийээн, мертвую девку-*абаасы* перерубив, на куски разрубив, на рожне ее зажарил. Зажарив, положил на *сандалы*, а сам, прячась, залег за основанием печки.

13 Вечером вернулись две носатые девки-*абаасы*. Войдя, стали есть лежащее на *сандалах* мясо.

Попробовав его:

— Эти собаки сварили и положили нашу собственную сестру, что ли? Пойдем-ка к этим собакам.

Выплюнув мясо, выбежали, схватив, привели находящихся в амбаре Кёдёкё и Сэрбэкэ. В дом завели, хотели убить, но те не дались, стали драться. Вокруг Мэнигийээна запрыгали-заскакали.

— Погодите, остановитесь! Что с вами?! Так человека затопчете, — приговаривая, Мэнигийээн вскочил на ноги.

Затем, схватив девок-*абаасы*, об пол их грохнул; на одну ногу ступив-наступив, другую ногу схватив, рывком каждую разорвал.

14 Все, радуясь-ликуя, подняв-взвалив на плечи богатство-припасы девок-*абаасы*, домой пришли. Мэнигийээн забрал у девки-*абаасы* и привязал к ремню узорчатый игольник* с камешками — решил игрушкой для себя сделать. Досыта покушали-поели [мяса] убитого быка. Вскоре мясо быка кончилось. Пока не кончилось мясо — не охотились.

15 Икки улаххан уол бултуу бардылар. Мэнигийээн дьиэгэ ас астааччынан, дьиэ дьиэлээччинэн хаалла.

Күнүс уҥа ыалын, Сабыйа Баай Тойон, үс сыл тохору байтаһырбыт биэтин тутан аҕалла. Дьиэтигэр биэтин соһон киллэрэн, баайан кэбистэ.

Киэһэ боруорга убайдара кэллилэр.

— Тугу бултаан эрэйдэнэгит?! Ас-үөл бу баар! — диэтэ дэ, Мэнигийээн биэ иһин быһагынан хайа тардан кэбистэ.

Убайдара куттал бөҕөнү куттаннылар.

— Сабыйа Баай Тойон сэриитэ биһигини киһи оҥорботтор, өлөрөн-өһөрөн кэбиһиэхтэрэ. Онон арай атах-балай барыахха, куотуохха, — дэстилэр уонна тэринэн, үтэлэнэн, сэп-сэбиргэл ылан бараннар, тахсан бардылар.

Мэнигийээн убайдарыттан* хаалыан баҕарбата, тахсан эмиэ батыһан истэ.

— Киэр буол! Батыһыма! Сүгүн сылдьыаҥ суоҕа. Хаал! — диэтилэр убайдара.

Мэнигийээн истибэтэ, батыста. Бу түүнү быһа сырыстылар, нөҥүө күнү быһа сырыстылар. Ханна да аһаабатылар. Куттаналлара олус. Киэһэ хараҥа буолан кэллэ. Биир сүрдээх хойуу мутуктаах, сүрдээх үрдүк харыйага тиийдилэр.

— Бу тииткэ тахсан мутугар саһан хонуохха сөп. Сэниэ-сээбис эһиннэ, сыныньаныахха! — дэстилэр.

Тиит төбөтүгэр ытыннылар. Мутук иһигэр хорголонон олордулар.

16 Сабыйа Баай Тойон сэриитэ кинилэр суолларын суоллаан, эккирэтэн истилэр. Хорголонон олорор харыйаларын төрдүгэр тиийэн кэллилэр. Онно суолларын сүтэрэн кэбистилэр.

— Хараҥа буолла. Суолбут сүттэ. Бу тиит төрдүгэр хонуогун! Сассын сырдаатагына, эккирэтиэхпит, — диэн баран, эккирэтэн иһэр дьон хонор тэрэмтэлэрин* тэриммитинэн бардылар.

Уот оттон, уу баһан, эт буһаран кэбистилэр. Бэйэлэрэ харыйа төрдүгэр ону-маны кэпсэтэ* олордулар.

17 Уот диэкиттэн эттэрэ нэк бэргэһэ буолан эрдэгинэ, Мэнигийээн:

— Иидьим кэллэ, иидьим кэллэ, — дии-дии буллугунайда.

— Оо-о... кыайар! Сибилигин баарбытын биллэрэн сиэтээри гыннагын! Тоҕо урут оҥостон тахсыбатаҥыный, көстүбэт уола?! — диэтилэр убайдара.

15 Два старших парня пошли на охоту. Мэнигийээн остался за домом присматривать, готовить еду.

Днем он поймал и привел откормленную за три года кобылу соседа справа — Сабыйа Баай Тойона. Затащил кобылу домой, привязал.

Вечером в сумерках вернулись братья.

— Чего мучаетесь, охотитесь?! Вот пища-еда! — сказал Мэнигийээн и вспорол ножом живот кобылы.

Братья здорово испугались.

— Войско Сабыйа Баай Тойона нас в живых не оставит, убьют-перебьют. Теперь разве что куда глаза глядят пойти, убежать, — сказали и, собравшись, взяв еду, охотничье снаряжение, вышли из дома.

Мэнигийээн не захотел отставать от братьев, вышел, пошел за ними.

— Прочь! Не ходи за нами! Не сможешь идти тихо. Оставайся! — сказали братья.

Мэнигийээн не послушался, пошел за ними. Всю ночь бежали, весь следующий день бежали. Нигде не останавливались поесть. Очень боялись. К вечеру стемнело. Добрались до одной высоченной ели с очень густыми ветвями.

— Можно подняться на это дерево и переночевать, спрятавшись в ветвях. Сил-мочи нет, передохнем! — сказали.

Взобрались на верхушку дерева. Сидят, спрятавшись в ветвях.

16 Войско Сабыйа Баай Тойона за ними по следу шло, гналось. Подошли к основанию ели, где сидят, спрятавшись [братья]. Здесь их след потеряли.

— Темнота наступила. След пропал. Заночуем у основания этого дерева! Станем преследовать завтра на рассвете, — сказав, преследователи стали устраиваться на ночлег.

Развели огонь, принесли воды, сварили мясо. Сами сели у основания дерева и заговорили о разном.

17 Когда мясо со стороны огня стало как облезлая шапка, Мэнигийээн:

— По-маленькому хочу, по-маленькому хочу, — забормотал.

— *Оо-о...* черт! Выдашь нас сейчас, погубишь! Что же раньше не справил нужду, чертов сын?! — сказали братья.

Мэнигийээн истибэтэ, тура эккириэтэ дэ — күөстэрин үрдүнэн ииктээн күүгүнэттэ.

Үөһэттэн күөстээх эттэригэр уу чорулаабытыгар аллараа олорор дьон эттилэр:

— Оо-о, үтүө аххан мас ээ-э!.. Көр, ити уот сылааһыттан арыыта-сыата ирэн чорулаата ээ-э, бадага...

Хас да киһи ытыстарын тоһуйан ылан, амсайан көрдүлэр.

— Арыы-сыа буолбатах, уута эбит, — дэстилэр.

18 Сотору соҕус буолан баран Мэнигийээн эттэ:

— Саагым кэллэ, саагым кэллэ.

— Дьэ сибилигин сиэтээри гынна ээ-э, көстүбэт! Тохтоо!!! — диэтилэр убайдара.

Мэнигийээн истибэтэ, саахтаан быллыгыратта. Саага аллараа* дьон күөстээх эттэригэр күл-бал түстэ.

— Бай! Маспыт сыата ирэн бысталанан түһэр дуу? — дэстилэр аллараа дьон. Уонна ылан амсайан көрөн баран:

— Ээ-э, тунаага эбит, тунаага эбит, — дэстилэр.

19 — Илиим үлүйдэ, илиим үлүйдэ! Иннэликпин мүччү тутарбар тиийдим! — диэтэ Мэнигийээн.

— Сордоох! Дьэ сиэтэ<э>ри гынныг ээ-э, бадага! Тохтоо-о!!! — дэстилэр убайдара, имнэнэн дьөлүтэ аньыа-аньыа.

Мэнигийээн иннэлигин мүлчү тутан кэбистэ. Иннэлик кыҥыраан-чаҥыраан, хобото-чуораана чуҥкунаан, аллара мутуктан мутукка түһэ-түһэ, түһэ турда.

20 Аллараа Сабыйа Баай Тойон сэриилэрэ:

— Альлахай*! Альлахай! Абааһы кыыһа үөһэттэн түһэн иһэр! Альлахай! Альлахай!!! — дэһэ-дэһэ туран, таҥнар да куолу суох, сэпсэбиргэл дэ ылар куолу суох, ат дэ миинэр куолу суох, аргаа диэки атах балай сыысса турдулар.

Мэнигийээн тиититтэн түһэ эккирээтэ. Сыссан эрэр дьону эккирэ<тэ>н барда. Ситэ-ситэ, батыйанан бастарын быһыталаан истэ. Куотан иһэр дьон, кэннилэригэр киһи өлөр хаһыыта-ыһыыта иһилиннэгинэ: «Абааһы кыыһа ситэн кэнники дьоннору сиэтэлээн эрдэгэ!» — дии-диилэр, кэннилэрин диэки хайыспакка, дьөксө күүскэ сүүрэн истилэр. Мэнигийээн ситэ-ситэ, барыларын бастарын быһыталаан, өлөртөөн кэбистэ.

21 Убайдарыгар төннөн кэллэ.

— Түһүн! Тугу гына олороҕут?! Түһүн! Бараммыт Сабыйа Баай Тойон үбүн-аһын ылан, байан-тайан олоруогуй*! Дьиэбитигэр барыагый! — диэтэ Мэнигийээн.

Мэнигийээн не послушался, вскочил на ноги — и с шумом над котлом помочился.

Когда сверху в котел с мясом полилась струя, сидевшие внизу люди сказали:

— Оо-о, какое чудесное дерево, *ээ-э*!.. Смотри, от огненного жара масло-жир, видно, растаяло и заструилось, *ээ-э*...

Несколько человек, подставив ладони, попробовали:

— Это не масло-жир — вода, оказывается, — проговорили.

18 Вскоре Мэнигийээн сказал:

— По-большому хочу, по-большому хочу.

— Ну, сейчас погубит, *ээ-э*, выдаст! Постой!!! — сказали братья.

Мэнигийээн не послушался — испражняясь, плюхать стал. Испражнения вниз людям в котел с мясом хлюпнулись-плюхнулись.

— *Бай*! Жир у дерева растаял, кусками падает, что ли? — сказали люди внизу. И, взяв, попробовали:

— *Ээ-э*, *тунах**, оказывается, *тунах*, оказывается, — проговорили.

19 — Руки окоченели, руки окоченели! Сейчас игольник выпущу! — сказал Мэнигийээн.

— Несчастный! Ну, видно, погубишь, *ээ-э*! Постой!!! — сказали братья, тычками-толчками подавая знаки.

Мэнигийээн выпустил игольник. Игольник, звякая-брякая, бренча бубенчиками-колокольчиками, вниз с ветки на ветку, спускаясь-сваливаясь, стал падать.

20 Внизу войско Сабыйа Баай Тойона:

— Беда! Беда! Сверху спускается девка-*абаасы*! Беда! Беда!!! — приговаривая, вскочили, не сумев одеться, не успев взять доспехи, не имея возможности оседлать коней, со всех ног бросились на запад.

Мэнигийээн с дерева спрыгнул. Вслед за убегавшими людьми погнался. Догоняя-настигая, пальмой головы им отсекал. Убегавшие люди, когда сзади доносились предсмертные стоны-крики, думая: «Это девка-*абаасы*, настигая, пожирает бегущих сзади людей!» — назад даже не оглядывались, еще быстрее бежали. Догоняя-настигая, головы всем отсекая, Мэнигийээн всех убивал.

21 Вернулся к старшим братьям.

— Спускайтесь! Что там делаете-сидите?! Спускайтесь! Пойдемте, забрав все богатство-добро Сабыйа Баай Тойона, сыто-богато заживем! Пойдемте домой! — сказал Мэнигийээн.

Убайдара үөһэттэн түстүлэр.

— Уолбут быһый да эбит! Уолбут күүстээх дэ эбит! Абыраатага, быһаатага үчүгэйин! Альлахайдаах, абыраллаах киһи үөскээбиккин! Махтал буоллун! — диэтилэр убайдара.

Дьиэлэригэр төннөн кэллилэр.

22 Ыалларыгар Сабыйа Баай Тойоҥҥо тиийдилэр. Дьиэҕэ киирэн оҕоньньордоох эмээхсин иккиэйэгин олороллоругар эттилэр:

— Оҕоньньоор! Эн уолаттаргын, кэргэттэргин биһигини өлөртөрө ыыппыккын, биһи кыайан-хотон, барыларын өлөртөөн-өһөртөөн кэбистибит. Онон тала олор. Бэйэгитин өлөрөбүт дуу, туох баар баайгытын-үпкүтүн, сүө<hү>гүтүн биһиэхэ олоччу биэрэгит дуу? Чэ иккиттэн биирин тал!

— Оо-о... дьэ буоллага! Кыайдаххыт-хоттоххут! Мин уолаттарбын: «Барыман, биир биэ иннин илиннээмэн, хааллын», — диэбитим! Ону истибинэ бараннар өллөхтөрө-өстөхтөрө! Эһи кыайан баран өлөрүмүнэ, хайыаххытый! Сөп буоллага дии! Биһигини оҕоньньо<р>доох эмээхсини өлөрөн туҕу туһаныаххытый?! Бэйэбит дэ өлөрбүт чугаһаан олорор дьоммут! Бэйэ билэр-көрөр оҕолорбут буоллаххыт дии, онон өлөрүмэн! Баайбытын олоччу ылын! Биһигини өлүөхпүтүгэр дылы иитин! Туохпут* иитиэй?! Оҕолорбутун, иитэр дьоммутун эһи кыргыбыккыт, — диэн оҕоньньор эттэ.

Бу тылы сөбүлээн, Сабыйа Баай Тойон баайын барытын үүрэнтүрүйэн ылбыттар, астарын-үөллэрин, таҥастарын-саптарын тиэйэн ылбыттар. Оҕо<нь>ньору, эмээхсини өлөрбөккө иитэн, аһатан олорбуттар.

Үс ини-бии байан-тайан олордулар.

31. ЧЭЭРЭ ЧЭЭРЭКЭЭН ОҔОНЬНЬОР

1 Дьэ арай үчүгэй аҕайдык буоллаҕына, Чээрэ Чээрэкээн диэн оҕоньньор баара эбитэ үһү. Бу оҕоньньор суччоҕотоҕун* олорор оҕоньньор эбит. Бииддэ туран, ыраах ыаллар бааллар эбит, бу ыалларыгар ыаллардыы бардаҕа буоллаҕа. Бу баран иһэн биир дайдыттан биир кур сылгы мэйиитин унуҕун* булар. Арай оҕоньньор буоллаҕына, муннун көтүрү охсунар: бу муннун хаанынан хаарга сиҥэлиэн*, билиги* кур сылгы мэйиитин унуоҕар сыбыыр. Сыбаан, эт курдук кытаран көстөр гына, тоҥорон кэбиһэр. Тоҥмутун кэннэ бу сылгы мэйиитин сүгэн баран барар.

Старшие братья сверху спустились.

— Какой наш парень быстрый, оказывается! Какой наш парень сильный, оказывается! Как хорошо, что спас, освободил нас! Очень полезный человек вырос! Благодарность тебе! — сказали старшие братья.

Вернулись домой.

22 Пришли к своему соседу Сабыйа Баай Тойону. В дом вошли, находившимся там вдвоем старику и старухе сказали:

— Старик! Ты подослал сыновей, домочадцев нас убить, мы же всех, одолев-победив, убили-погубили. Поэтому выбирай: или вас убьем, или отдайте нам целиком все богатство, имущество и скот? Ну, одно из двух выбирай!

— Оо-о... ну что поделаешь! Одолели-победили! Я сыновьям: «Не ходите, из-за одной кобылы не связывайтесь, оставьте как есть», — говорил! Не послушавшись, ушли и вот — умерли-погибли! Коли вы победили, как же не убьете! Да, так и должно быть! Какой толк нас, старуху со стариком, убивать?! Мы люди, смерть которых уже близко. Вы ведь знакомые-известные нам дети, потому не убивайте! Богатство все наше без остатка возьмите! Нас до самой смерти содержите! Кто за нами приглядит?! Наших детей, кормильцев, вы уничтожили, — так сказал старик.

Согласившись с этим словом, все богатство Сабыйа Баай Тойона забрали, погнали-угнали, пищу-еду, вещи-одежду вывезли. Старика, старуху не убили, так и кормили-содержали.

В достатке-богатстве три брата зажили.

31. СТАРИК ЧЭЭРЭ ЧЭЭРЭКЭЭН

1 Ну вот, если начать по-хорошему*, то был, говорят, старик Чээрэ Чээрэкээн. Был этот старик, оказывается, совсем одиноким стариком. Были, оказывается, [у него] дальние соседи. Вот однажды пошел в гости к этим соседям. Вот идет и в одном месте находит один старый лошадиный череп. Тут вдруг старик нос себе разбивает, кровь свою из носа со снегом смешивает, тот старый лошадиный череп обмазывает. Обмазав так, что тот стал красным, словно мясо, заморозил. Когда этот лошадиный череп замерз, взвалил его на спину и пошел.

2 Баран биир ыалга тийэр. Тийэн баран, оҕ/оньньо/р аһын таһырдьа түһэрэн кэбиһэр. Оҕ/оньньо/р хоноһо* быһыытынан дьиэҕэ киирэн олорор. Оҕоньньору күннүлүүллэр*-маанылыыллар. Онтон дьиэлээхтэр киирэ-тахса сыдьдьаннар оҕо/ньньо/р аһын көрөллөр. Киирэннэр о/ҕоньньо/рго этэллэр:

— Оҕо/ньньо/р, астаах эбиккин дии, киллэрэн күөстэт! — диэн.

Онуоха оҕоньньор этэр:

— Ии! Кэбис, салыыргыт уоруйах буолуо, киллэрбэппин! — диир.

Дьиэлээхтэр дьэ этэллэр:

— Тыый, оҕонь/ньоо/р, салыыр уоруйаҕа диэн билбэппит, хата киллэрэн күөстээт! — диэтэхтэрэ.

Онуоха оҕоньньор:

— Салыыргыт эрэ уордаҕына, биир буос ынахтан түһэрин эрэ түһүөм суоҕа! — диир.

— Ээ, сөп, чэ, уордаҕына биэриэхпит! — дэһэллэр дьиэлээхтэр.

3 Оҕоньньор тахсан, сылгытын мэйиитин көтөгөн киирдэ*. Ол киллэрэн биир алгыйга күөстээтэ. Оҕоньньор күөстээн баран, утуйан хаалла. Күөс баһыгыраан туран оргуйда. Арай, дьиэлээхтэр оҕоньньордорун аһын көртөрө — кур сылгы мэйиитин унуоҕа, кайыанай*, былыргы үйэҕэ кубарыйа кууран хаалбыт.

Дьиэлээхтэр:

— Айакабыын! Оҕ/оньньо/р аһын салыыр уорбут! — дэһэллэр.

Онуоха оҕоньньор:

— Уолуйдаҕым үһү! Туох дэһэҕит? Оҕоньньор аһын салыыр уорбут дэһэҕит дуу?! Биир буос ынахтан түһэрин эрэ түһүөм суоҕа! — дии-дии ытыыр.

Онуоха дьиэлээхтэр этэллэр:

— Эйиэхэ ким буос ынаҕы төлүөҕэй? Аскын аһынан төлүөхпүт! — диэн.

Оҕоньньор:

— Оччоҕо мин эһэ-бөрө ыттарбын ыҥыртыам! — диэн баран, тахса сүүрэр.

Тахса сүүрэн баран күрүө үрдүгэр ыттар:

— Сэкэтэй сиэк, мокотой муок! — диир.

Онуоха дьиэлээхтэр этэллэр:

— Оҕоньньоор, аартыыбыт! Ыттаргын ыҥырыма, ынаххын биэриэхпит! — диэн.

2 Идет, доходит до одной семьи. Подойдя, старик свою еду оставляет во дворе. Войдя в дом, старик как гость усаживается. Старика потчуют-угощают. Позже, выходя-входя, замечают еду старика. Войдя, говорят старику:

— Старик, у тебя, оказывается, есть еда, давай занесем, давай сварим! — сказали.

На это старик говорит:

— Не-е! Нельзя, небось, ваш котел — вор, не буду заносить! — говорит.

Тогда хозяева говорят:

— *Тыый*, старик, не замечали мы за котлом воровства, лучше занеси и давай сварим! — сказали.

Тогда старик:

— Смотрите, если ваш котел сворует, не отступлюсь от одной стельной коровы! — говорит.

— *Ээ*, ну ладно, если сворует — отдадим! — говорят хозяева.

3 Старик выходит во двор, заносит свою лошадиную голову. Занеся, опускает ее в один котел. Поставив котел, старик засыпает. Котел, забурлив, закипает. Тут хозяева на еду старика посмотрели: залежалый конский череп, конечно же, давным-давно добела выварился.

Хозяева:

— *Айакабын*! Котел своровал еду старика! — говорят.

Тогда старик:

— Прямо оторопь меня берет! Что говорите? Говорите, что ли, котел своровал еду старика?! Не отступлюсь от одной стельной коровы! — приговаривая, плачет.

Тогда хозяева говорят:

— Кто же тебе стельной коровой заплатит? За еду едой заплатим! — сказали.

Старик:

— Тогда я своих собак позову — медведя да волка! — говоря, выбегает.

Выбежав, взбирается на изгородь:

— *Сэкэтэй сиэк, мокотой муок*!* — говорит.

Тогда хозяева сказали:

— Старик, умоляем! Не зови своих собак, отдадим корову, которую просишь! — говорят.

Оҕ/оньньо/р ылынар. Дьэ киирэн утуйар. Сарсыарда турар. Оҕ/оньньо/рго ынахтарын биэрэллэр. О/ҕоньньо/р ынаҕын сиэтэн баран барар.

4 Оҕоньньор биир ыалга тийэр. Ынаҕын таһардьа баайан баран, дьиэҕэ киирэр. Дьиэлээхтэр оҕонь/ньо/ру хоноһо быһыытынан күннүлүүллэр-маанылыыллар. Ыаллар киирэ-тахса сылльаннар этэллэр:

— Оҕоньньоор, ынахтаах эбиккин ди. Ынаҕын тоҥуоҕа, хотоҥҥо киллэттэр! — диэн.

Онуоха оҕоньньор:

— Кэбис, ыккыт ытырыык, ынахкыт кэйиик буолуо! — диир.

Дьиэлээхтэр:

— Кэбис, оҕоньньор! Ынаҕын тоҥон хаалыа; ыппытын, ынахпытын үчүгэйдик баайыахпыт! — дииллэр.

— Дьэ, ынахпын ынах кэйдэҕинэ, ыт ытырдаҕына, икки буос ынахтан түһэрин эрэ түһүөм суоҕа! — диэтэ оҕ/оньньо/р.

Дьиэлээхтэр этэллэр:

— Бу хайа үлүгэрий! Чэ, киллэр, өллөҕүнэ төлүөхпүт! — диэн.

— Чэ, киллэрин! — диир.

Дьиэлээхтэр киллэрэн кэбиһэллэр.

5 Дьэ, бары утуйаллар. Киһи түлүк уута батахтаах оҕонь/ньо/р тура эккириир, хотон иһигэр түһэр. Ынаҕын иһин хайа баттыыр: ынах иһин ынахтар муостарыгар эрийэр, сүрэҕин-быарын ыттар икки ардыларыгар быраҕар, угуонна* ынахтар быаларын быһыта баттыыр, ыттар быаларын быһыта баттыыр, түргэнинэн сүүрэн тахсан оронугар сытан хаалар. Мантан дьэ соҕотохто айдаан буолар: ынахтар хассаллар, ыттар өлөссөллөр. Оо! Дьэ, онуоха дьиэлээхтэр өмүттэн уһуктан кэлэллэр. Кэлэн көрөннөр:

— Тыый! Оҕ/оньньо/р ынаҕын ынах кэйбит, ыт сиэбит! — дэһэллэр.

Оҕоньньор онуоха уолуйан уһуктар:

— Уолуйдаҕым үһү! Оҕ/оньньо/р ынаҕын ынах кэйбит, ыт сиэбит диигит дуу?! Икки буос ынахтан түһэрин эрэ түһүөм суоҕа! — дии-дии олорон эрэн ытыыр.

Онуоха дьиэлээхтэр этэллэр:

— Оҕоньньоор, эйиэхэ ким икки ынаҕы биэриэй? Биир буос ынаҕы биэриэхпит буоллаҕа дии!

Старик соглашается. Потом [в дом] входит, засыпает. Утром встает. Старику отдают свою корову. Ведя свою корову, старик уходит.

4 Доходит старик до следующей семьи. Привязав во дворе свою корову, входит в дом. Хозяева как гостя потчуют-угощают старика. Выходя-входя, хозяева говорят:

— Старик, у тебя ведь есть корова. Она замерзнет — пусть заведут в *хотон*! — сказали.

Тогда старик:

— Нельзя, небось, ваша собака злая, ваша корова бодливая! — говорит.

Хозяева:

— Брось, старик! Твоя корова замерзнет; свою собаку, свою корову мы хорошо привяжем! — говорят.

— Ну, если мою корову [ваша] корова забодает, собака укусит — не отступлюсь от двух стельных коров! — сказал старик.

Хозяева говорят:

— Что же это такое! Давай заводи, если погибнет — заплатим! — сказали.

— Ну, заводите! — говорит.

Хозяева корову заводят.

5 Ну, все засыпают. Когда у людей наступил глубокий сон, старик быстро вскакивает, устремляется в *хотон*. Вспарывает живот своей корове, коровьи кишки накручивает на рога [хозяйских] коров, сердце и печень разбрасывает между собаками. А потом, обрезав у коров веревки, обрезав у собак поводки, быстренько выскакивает и ложится на свой *орон*. Из-за этого тут поднимается такой шум-гам: коровы бодаются, собаки кусаются! О-о! Вот тут, вздрогнув, просыпаются хозяева. Приходят и, увидев [такое]:

— *Тыый*! Корову старика [наша] корова забодала, собака съела! — говорят.

Тут старик проснулся, оторопел:

— Прямо оторопь берет! Говорите, что ли, корову старика забодала корова, съела собака?! Не отступлюсь от двух стельных коров! — приговаривая, сидит плачет.

Тогда хозяева говорят:

— Старик, кто же отдаст тебе двух коров? Одну же стельную корову отдадим!

— Икки буос ынахтан итэҕэһи ылбаппын! Оччоҕо мин эһэ-бөрө ыттарбын ыҥырыам! — диэн баран тахса сүүрэр, күрүө үрдүгэр ыттар:

— Сэкэтэй сиэк! Мокотой муок! — диир.

Онуоха дьиэлээхтэр куттанан:

— Икки буос ынаҕы биэриэхпит, ыттаргын ыҥырыма! — диэн баран, икки буос ынаҕы таһырдьа аньыан биэрэллэр.

6 Оҕоньньор ынахтарын сиэтэн баран, бара турар. Баран биир ыалга тийэр. Ынахтарын таһырдьа баайан баран дьиэҕэ киирэр. Ол киирэн көрдөҕүнэ — биир дьахтар оҕото өлтүн ытыы-ытыы сууйаан эрэр.

Маныаха Чээрэкээн оҕоньньор:

— Тыый! Тоойуом, оҕоҥ өлбүт дуу? — диэн баран, аһынан ытыыр.

Ол ытаан баран этэр:

— Мин икки буос ынаҕы биэриэм, оҕоҥ оннугар көрөргөр. Миэхэ оҕоҕун кулу. Оҕоҥ* уҥуоҕун үчүгэйдик тутан кэбиһиэм! — диир.

— Өлбүт кыылынан тугу туһанаары ылан эрэр үһүгүөн!? Харайан биэрэр буоллаҕыҥ ынаҕы. Оҕоньньорум кытаат! Оҕом уҥуоҕун ыккакуска сиэтимээр, үчүгэйдик тутан кэбиһээр! — диир дьахтар.

Оҕоньньор онуоха:

— Тыый! Тоойуом, күн бүгүн тутуом! — диэн баран, оҕотун ылар, ынахтарын биэрэр.

7 Оҕ/оньньо/р оҕотун сүгэн баран, бара турар. Баран биир ыалга тийэр. Оҕотун таһыдьдьа олоддон баран, биир ыалга киирэр. Дьиэлээхтэр хоноһо быһыытынан, оҕонь/ньо/ру күннүлүүллэр-маайылыыллар угуонна киирэ-тахса сыдьдьан этэллэр:

— Хайа, оҕонь/ньо/р! Оҕолоох эбиккин дуу? Оҕоҕун киллэриэххин? Оҕоҥ тоҥуоҕа! — дииллэр.

— Суох! Ыккыт ытырыык буолуо, ынаххыт кэйиик буолуо. Киллэрбэппит! — диэтэҕэ оҕонь/ньо/р.

Дьиэлээхтэр:

— Оҕоньньоор, оҕоҥ тоҥуоҕа! Ыппытын, ынахпытын үчүгэйдик баайыахпыт, оҕоҕун киллэр! — дииллэр.

Оҕоньньор этэр:

— Уон биэһигэр-алтатыгар сыльльар уоллаах кыыс оҕоттон түһэрин эрэ түһүөм суоҕа, оҕобун эрэ ынах кэйдэр, ыт сиэтэр! — диэн.

— Меньше, чем две стельные коровы, не возьму! А то позову своих собак — медведя да волка! — сказав, выбегает и взбирается на изгородь.

— *Сэкэтэй сиэк*! *Мокотой муок*! — говорит.

Тогда хозяева, испугавшись:

— Отдадим двух стельных коров, не зови своих собак! — сказав, двух стельных коров, вытолкнув во двор, отдают.

6 Ведя коров, старик уходит. Доходит до следующей семьи. Привязав во дворе коров, входит в дом. Входит и видит: с плачем-рыданиями моет женщина своего мертвого ребенка.

На это старик Чээрэ Чээрэкээн:

— *Тыый*! Дитя мое, твой ребенок, что ли, умер? — сказав, от жалости заплакал.

Заплакав так, говорит:

— Я дам двух стельных коров, чтобы смотрела [за ними] вместо своего ребенка. Мне же отдай своего ребенка. Останки твоего ребенка достойно похороню! — говорит.

— Зачем же, для чего берешь мертвого ребенка!? Верно, из жалости даешь корову. Постарайся, мой старик! Останки моего ребенка собаке и [другим] животным на съедение не давай, похорони как следует! — говорит женщина.

Тогда старик:

— *Тыый*! Дитя мое, сегодня же похороню! — сказав, ребенка своего забирает, отдает своих коров.

7 Неся ребенка на спине, старик уходит. Идет, доходит до одной семьи. Своего ребенка усаживает во дворе, сам заходит к одной семье. Хозяева как гостя потчуют-угощают старика. Выходя-входя, говорят ему:

— Ну, старик! Оказывается, у тебя ребенок? Занесешь своего ребенка? А то твой ребенок замерзнет! — говорят.

— Нет! Ваша собака злая, небось, ваша корова бодливая, небось. Не занесу! — сказал старик.

Хозяева:

— Стари-ик, твой ребенок замерзнет! Свою собаку и свою корову как следует привяжем — заноси своего ребенка! — говорят.

Старик говорит:

— Пятнадцати-шестнадцатилетних девушку с парнем буду требовать, если только моего ребенка забодает корова, съест собака! — сказал.

Онтон дьиэлээхтэр этэллэр:

— Чэ, оҕоньньор, биэриэхпит, ол курдук өллөҕүнэ! Оҕоҕун киллэр! — диэн. Оҕонь/ньо/р тахсан, оҕотун киллэрэн оһох арҕаатыгар олордон кэбистэ.

Дьиэлээхтэр этэллэр:

— Оҕоньньор, оҕоҕун уот иннигэр аҕал да! — диэн.

Оҕоньньор:

— Оо! Оҕом уоту сүбүлүөбэт! — диир.

Ыаллар:

— Оҕоҕун аһат! — диэн ас биэрдилэр.

Ону ылан баран, оҕотугар баран:

— Тоойуом, аһыаҥ дуо? — диэн баран, «ыык» диэн баран, бэйэтэ сиэн кэбистэ.

8 Дьэ, онтон утуйдулар. Бу утуйа сытан, киһи түлүк уута бадахтаах, оҕонь/ньо/р аргыый аҕай туран оҕотун иһин хайа бат<т>аата, оҕотун иһин ынахтар муостарыгар эрийдэ, холун-буутун ыттар икки ардыларыгар бырахта. Онтон ыттар быаларын быһыта баттаата, ынахтар быаларын быһыта бат<т>аата, онтон түргэнник кэлэн оронугар сытан хаалла. Дьэ ынахтар харсан, ыттар өлөрсөн соҕотохто айдаан буолла. Маныаха дьиэлээхтэр ойон турдулар.

Туран көрөн баран:

— Айакабыын! Альльархай, оҕолоор! Оҕоньньор оҕотун ыт сиэбит, ынах кэйбит! — диэтилэр.

Онуоха оҕонь/ньо/р соһуйан туран олоро түстэ:

— Уолуйдаҕым үһү! Оҕонь/ньо/р оҕотун ыт сиэбит, ынах кэйбит диигит дуу?! Уон биэс-алта саастаах уоллаах кыыс оҕоттон түһэрин эрэ түһүөм суоҕа! — дии-дии ытаата.

Онуоха дьиэлээхтэр:

— Эйиэхэ ким икки оҕону биэриэй? Биир оҕону биэриэхпит буоллаҕа дии! — дэстилэр.

— Оччоҕо мин эһэ-бөрө ыттарбын ыҥыртыам! — диэн баран, тахса сүүрдэ.

Күрүөҕэ ытта сүүрэн баран:

— Сэкэтэй сиэк! Мохотой муох! — диэтэ.

Дьиэлээхтэр куттананнар, бу кыыл сүгүннүө суох диэннэр:

— Оҕонь<нь>ор, ыҥырыма, оҕону биэриэхпит! — диэтилэр.

Онтон уоллаах кыыс оҕону таһардьа аньыан биэрдилэр.

9 Оҕонь/ньо/р оҕолорун иннигэр уктан баран, бара турда. Баран иһэн биир айыы уолун дьиэтигэр тийдэ. Дьиэҕэ киирдэ. Киирэн көр-

Тогда хозяева говорят:

— Ну, старик, если так погибнет — отдадим! Заноси ребенка! — сказали. Старик выходит, занеся ребенка, усаживает его на западной стороне очага.

Хозяева говорят:

— Старик, поднеси же ребенка к очагу! — сказали.

Старик:

— О-о! Мой ребенок не любит огня! — говорит.

Хозяева:

— Накорми ребенка! — говоря, дают еду.

Взяв ее, подходит к ребенку:

— Дитя мое, будешь есть? — сказав, произнес «да» и сам съел.

8 Ну, затем засыпают. Так старик лежал спал, когда же у людей наступил глубокий сон, тихонько встал и распорол живот своему ребенку, кишки ребенка повесил на коровьи рога, руки-ноги разбросал между собаками. Затем обрезал у собак поводки, у коров обрезал веревки, быстренько потом вернулся, улегся на свой *орон*. Вдруг поднялся шум: коровы бодаются, собаки кусаются. От этого вскочили хозяева.

Вскочив, посмотрели:

— *Айакабын*! Ребята, беда! Ребенка старика собака съела, корова забодала! — говорят.

Вздрогнув, старик тогда быстро сел:

— Прямо оторопь берет! Говорите, что ли, ребенка старика собака съела, корова забодала?! Ни за что не отступлюсь от пятнадцатилетних-шестнадцатилетних девушки с парнем! — приговаривая, заплакал.

Тогда хозяева:

— Кто же отдаст тебе двоих детей? Одного ребенка и отдадим! — сказали.

— Тогда я позову своих собак — медведя да волка! — сказав, выбежал.

На изгородь взобрался:

— *Сэкэтэй сиэк*! *Мокотой муох*! — говорит.

Хозяева, испугавшись — этот не угомонится! — сказали:

— Старик, не зови, отдадим детей! — сказали.

После этого вытолкнули во двор девушку с парнем.

9 Ведя перед собой своих детей, старик уходит. Идет, доходит до жилища одного сына *айыы*. Входит в дом. Входит и видит: оказыва-

дөҕүнэ — биир киһи олорор дьиэтэ эбит. Бэйэтэ буоллар буллугар баран хаалбыт, суох. Бу Чээрэкээн оҕонь/ньордо/ох айыы уолун аһыттан аһаатылар, уутуттан истилэр. Бу кэнниттэн, дьэ, оҕолорун сүбэлээтэ.

Кыыс оҕотун этэр:

— Мин: «Аллараа таҥхаһыт, таҥхалаа!» — диэтэхпинэ: «Ханнык айыы уолун гиэнэ буолуой? Чээрэкээн оҕонь/ньо/р гиэнэ буоллаҕа дии», — диэр.

Иньньэ диэн баран, оҕотун көҥкөлөй анныгар аньньан кэбистэ.

Онтон уол оҕотун:

— «Үөһээ билгэһит билгэлээ!» — диэтэхпинэ: «Ханнык айыы уолун гиэнэ буолуой? Чээрэкээн оҕонь/ньо/р гиэнэ буоллаҕа дии!» — диэр, — диэн баран, уолун дьиэ үддүгэр таҕааран* көмөн кэбистэ.

10 Дьэ, онтон Чээрэкээн оҕ/оньньо/р куобах нэкэлэ сонун тиэрэ тардан кэтэн баран, тоҕус сиринэн бөрдүү курданан* баран, бэйэ бодотун тардынан, үҥэ диэки бастыҥ чаҕылахха олорон кэбистэ. Мантам чочум буолан баран, арай айыы уола көтөн түстэ. Ол киирэн баран көрдөҕүнэ: аһын буоллаҕына барытын аһаабыт, уутун буоллар барытын испит эбит, маһын буоллар барытын оттон кэбиспит.

Маны көрөн айыы уола кыыһыра санаан баран этэр:

— Мин дьиэбин дьиэ гынан, мин уоппун уот гынан олорор бу кимий? — диэн.

Онуоха оҕоньньор:

— Һээ, иирбит сах кэллиҥ дуу? Хаһаҥ дьиэлэммит дьиэҕиттэн көҥөстүн? Бэйэм дьиэм буолбат дуо?! — диэтэҕэ.

Мантан сылтаан этистилэр.

Оҕоньньор эттэ:

— Мин дьиэм дуу, айыы уолун дьиэтэ дуу? Аллараа таҥхаһыт таҥхалаа эрэ! — диэн.

Онуоха киһи саҥата көҥнөйгө:

— Ханнык айыы уолун гиэнэ буолуой? Чээрэкээн оҕоньньор гиэнэ буоллаҕа дии! — диэтэ.

— Аны, чээ эрэ! Мин дьиэм дуу, айыы уолун дьиэтэ дуу? Үөһээ билгэһит билгэлээ эрэ! — диэтэ оҕ/оньньо/р.

Онуоха үүһэ киһи саҥата эттэ:

— Ханнык айыы уолун гиэнэ буолуой? Чээрэкээн оҕонь/ньо/р гиэнэ буоллаҕа дии! — диэн.

Оҕонь/ньо/р онуоха биир хардаҕаһы ылан баран:

— Ыл иһит, ыл иһит! — дии-дии сири тилэхтиэтэ.

ется, жилище одинокого человека. Самого же его нет, ушел на охоту. Тут старик Чээрэкээн [с детьми] еду сына *айыы* поели, его водицу попили. После этого, ну, своим детям стал давать наказ.

Девушке говорит:

— Если я скажу: «Нижний предсказатель*, поворожи!» — тогда скажи: «Какого еще сына *айыы*? Это ведь старика Чээрэкээна!» — говорит.

Сказав так, накрыл своего ребенка воронкой кумысного меха.

Потом своему парню:

— Если скажу: «Верхний предсказатель, предскажи!», тогда скажи: «Какого еще сына *айыы*? Это ведь старика Чээрэкээна!», — сказав, поднял парня наверх и накрыл.

10 Ну, после этого старик Чээрэкээн свое заячью шубу наизнанку вывернул, надел, в девяти местах подпоясавшись, приосанившись*, на правое почетное место сел. Немного погодя вдруг влетел сын *айыы*. Вот влетел и видит: всю еду-то его [старик] съел, всю воду-то выпил, все дрова-то сжег.

Увидев это, сын *айыы* озлился про себя:

— Кто тут живет, сделав мой дом своим домом, сделав мой очаг своим очагом?! — [так] сказал.

На это старик:

— *Сээ*, бешеный черт пришел, что ли? С каких пор этот дом сделал своим домом и [теперь] прогоняешь? Ведь это мой дом, не так ли?! — сказал.

Из-за этого поспорили.

Старик говорит:

— Мой это дом или дом сына *айыы*?! Нижний предсказатель, поворожи-ка! — сказал.

Тут из-под воронки кумысного меха человеческий голос:

— Какого еще сына *айыы*? Это же ведь старика Чээрэкээна! — произнес.

— Ну-ка, а теперь! Мой это дом или дом сына *айыы*? Верхний предсказатель, предскажи-ка! — сказал старик.

Тут сверху раздается человеческий голос:

— Какого еще сына *айыы*? Это ведь старика Чээрэкээна! — сказал.

Тогда старик взял одно полено:

— Вот послушай, вот послушай! — приговаривая, о землю топнул.

Онуоха айыы уола куттанан, тахса көттө, мээлэ сүүрдэ.

Онуоха оҕонь/ньо/р оҕолоругар эттэ:

— Мин ыһытыам-хаһытыам, онно бараайаҕыт эрэ, бараайаҕыт эрэ, дьиэҕитигэр киирэн олороорун! — диэн.

Оҕонь/ньо/р итини бу курдук сүбэлэнэн эттэ: «Айыы уолун өлөрдөхпүнэ, ыһытыаҕа-хаһытыаҕа, онно барбатынар», — диэн.

11 Оҕонь/ньо/р тахсан айыы уолун кэннит/т/эн сүүрдэ. Дьэ, айыы уолун ситэ кимэн кэллэ. Айыы оҕото күнэ-ыйа харангарда. Биир сүрдээх бутуктаах* суон мас арыҥахтыы түһэн турар эбит. Ону айыы уола үрдүнэн көтөн барда. Ол кэнниттэн оҕонь/ньо/р, батыспытынан көтөөрү, кыайан көтүмүнэ, бутукка иһиттэн үчэһэлэнэ түстэ. Манна ыйаанан туран оҕонь/ньо/р ыһыы бөҕөнү ыһыытаата, ытыы бөҕөнү ытаата. Бии кикпит оҕолоро туох иннигэр кэлиэхтэрэй? «Айыы уолун өлөрөн эрдэҕэ оҕонь/ньо/р», — дии санаан кэлбэтилэр. Оҕоньньор манна ыйааммытынан өлөн хаалла.

Айыы уола дьиэтигэр эргийэн кэлэн, уолу доҕор гынан, кыыһы дьахтар гынан, күн аныгытыгар дылы* байан-тайан олорбута эбитэ үһү.

32. КУТУРУК УОРУЙАХ

1 Туох да наһаа көтүтэр уоруйах киһи олорбута үһү. Аата Кутурук Уоруйах диэн. Аттыгар Баай Хара Хаан диэн ыаллаах эбит. Бу Кутурук Уоруйах тутан турары мүччү ыһыгыннарар, көрөн турары көстө көтүтэн уорар киһи эбитэ үһү.

2 Дьэ, биирдэ Кутурук Уоруйахха Баай Хара Хаан бэйэтинэн ыалдьыттыы кэлэр. Кутурук Уоруйах туох баарынан күндүлүүр-маанылыыр. Хаһан да кэлбэтэх күндү ыалдьытын: «Тоҕо кэлтэ буолуой?» — диэн саныыр. Баай Хара Хаан буоллар ону-маны ыйыталаспыта буолабуола олорор. Күндү-мааны бүппүтүн кэннэ Баай Хара Хаан Кутурук Уоруйахха этэр:

— Эн буоллаан*, ааттаах суоллаах Кутурук Уоруйах диэн. Миигиттэн биир кыһыл көмүс күлүүскэлээхпин, ону бу түүн баран, биллэрбэккэ уоран кэл. Билиннэрбэккэ уордаххына, баайым анаарын кытта мааны кыыспын биэриэм. Оттон кыайан уорбатаххына, эйиигин баскын быһыам. Чэ, мин эппиппэр хайаан да буоллар ылыныахтааххын. Туох диргин эт! — диэбит.

Тут сын *айыы* испугался, выскочил, не знамо куда побежал.

Тогда старик своим детям сказал:

— Я буду кричать-вопить, только туда не ходите, только не ходите, в дом зайдите и сидите! — сказал.

Старик это сказал, так рассуждая: «Если буду убивать сына *айыы*, то будет кричать-вопить, чтобы на это не прибежали».

11 Старик вышел, за сыном *айыы* побежал. Ну, стал сына *айыы* догонять-настигать. У сына *айыы* солнце с месяцем потемнели*. Стояло там, оказывается, наклонившись, одно очень ветвистое толстое дерево. Сын *айыы* через него перепрыгнул. Старик попытался следом перепрыгнуть, но, не сумев перепрыгнуть, напоролся животом на сук. Повиснув, старик криком изошелся, плачем изошелся. Те наученные дети, зачем же они придут? Думая: «Старик убивает сына *айыы*», — они не пришли. А старик повисел и умер.

Сын *айыы* вернулся домой, парня сделал своим другом, девушку взял в жены; до нынешних дней, оказывается, в богатстве-довольстве, говорят, жил.

32. ВОР КУТУРУК

1 Жил, говорят, человек-вор, ловко заставляющий [вещи] улетучиваться. Звали его Вор Кутурук. А по соседству рядом был Баай Хара Хаан. Этот Вор Кутурук, оказывается, был такой, говорят, человек: то, что стоишь держишь, — заставлял выпустить, то, на что стоишь смотришь, — заставлял на глазах исчезнуть.

2 Вот однажды пожаловал в гости к Вору Кутуруку сам Баай Хара Хаан. Всем, что у него есть, Вор Кутурук угощает-потчует его. Про этого дорогого гостя, никогда не захаживавшего: «Зачем пришел?» — думает. Баай Хара Хаан же сидит, делая вид, будто о том о сем расспрашивает. Когда угощение-потчевание закончилось, Баай Хара Хаан говорит Вору Кутуруку:

— Ты ведь знаменитый-именитый Вор Кутурук. У меня одно золотое колечко, его-то этой ночью незаметно и выкради. Если незаметно выкрадешь — половину своего богатства да в придачу любимую дочь отдам. Если же не сумеешь выкрасть — голову тебе отрублю. Ну же, раз я предложил, непременно должен принять. Что скажешь, отвечай! — сказал.

Онуоха Кутурук Уоруйах эппит:

— Бэрт суолунан мэкийдин, улуу дьыаланан олуйдун. Хайаан мин ол кыһыл көмүс күлүүскэҕин уоруомуй? Кирдьик, баар сирин билэрим буоллар хайыыр этим. Оттон эһиги буоллар син биир мин булар сирбэр уурбаккыт биллэр. Суох! Мин ити этиигэр киириммэппин, дууһабын харыстанабын, — диэбит.

— Суох! Хайаан да буоллар бу этиини аккаастыырын сатаммат! Аккаастыыр буоллаххына, сибилигин баскын быһан барыам! Ити иккиттэн биирин тал! — диир Баай Хара Хаан.

Кутурук Уоруйах саҥата суох олорбохтоон баран:

— Хайдах гыныамый? Өлүөм дуо? Биир күн сырдыгын көрөр наада. Холонон көрүөм, — диэбит.

3 Баай Хара Хаан дьиэтигэр бараары таҥнар, онуоха Кутурук Уоруйах тахсарыгар дьиэл аһан биэрэр. Баай Хара Хаан модьоҕону атыллаан эрдэҕинэ, Кутурук Уоруйах Баай Хара Хаан бэдэр сонун көхсүнэн ойо быһан хаалар. Ону Баай Хара Хаан билбэт. Атын сэргэттэн сүөрэн баран миинньэн эрдэҕинэ, Кутурук Уоруйах этэрбэстэрин икки уллуҥун көтүрэн ылар. Ону эмиэ Баай Хара [Хаан] билбээт. Онтон: «Быраһаай», — дии-дии, ат арҕаатыттан* батыһа хааман иһэн, Баай Хара Хаан атын күндү чапараағын быһан ылар, ону эмиэ Баай Хара Хаан билбэт.

— Кутурук Уоруйах, бу түүн күүтүөм! — дии-дии, Баай Хара Хаан дьиэтигэр айанната турар.

4 Дьиэтигэр тиийбитигэр уолаттара этэллэр:

— Хайа, аҕаа! Атыҥ чапараағын хайаатын? Хайа сонуҥ көхсүн туох<х>а ойо быстын? — диллэр.

Баай Хара Хаан соһуйан өлө сыһар.

— Кутурук Уоруйах дьаабыта буоллаҕа дии! Ол иһин даҕаны улуу күтүрү Кутурук диэхтэрин диэбиттэр, — диир, атыттан түһэр.

Арай этэрбэһин уҥунньата орҕостон түһэр, атаҕын көрүнэр:

— Хайаа, сүрүүн! Бу кыайар уола этэрбэһим уллуҥун көтүрэ быһан хаалтын билбэтэхпин дии! Оок-сиэтэ*! Алдьаныам иннигэр мэкиспит* эбит буоллаҕым. Сүрүн да, оҕолоор! — диэн Баай Хара Хаан суланар.

— Тыый, аҕаа! Ол Кутуругу кытта тугу мэкистигит? — диэн уолаттара ыйытан көбдьүөрүһэллэр.

— Тугу диигит дуу? Улахан дьыаланы мэкистим. Баайым аҥаарын уонна мааны кыыспын биэриэх буолан, солуок ууран туран эттим:

На это Вор Кутурук сказал:

— Сложную задачу задал, большим делом озадачил. Как же я то твое золотое колечко выкраду? Правда, если б знать, где оно находится, чтобы это сделать. Ну, вы же все равно на то место, где бы я нашел, не положите. Нет! С этим твоим предложением не соглашусь, душу свою поберегу, — сказал.

— Нет! Никак нельзя от этого предложения отказываться! Если откажешься — тут же голову тебе отрублю и уйду! Выбирай одно из двух! — говорит Баай Хара Хаан.

Посидел, помолчал Вор Кутурук, а потом:

— Что же мне делать? Не погибать же? И хоть один солнечный день надо увидеть. Попробую, — сказал.

3 Собираясь домой, Баай Хара Хаан оделся, а когда он стал выходить, Вор Кутурук дверь распахнул. Только Баай Хара Хаан через порог стал перешагивать, Вор Кутурук со спины рысьей дохи Баай Хара Хаана берет, отрезает [кусочек]. Этого Баай Хара Хаан не замечает. Когда он, отвязав от *сэргэ* своего коня, верхом садится, Вор Кутурук обе подошвы с его *торбазов* срезает. И этого Баай Хара Хаан не замечает. Потом же, слева за конем следуя и приговаривая: «Прощай!», от дорогого чепрака коня Баай Хара Хаана отрезает, и этого Баай Хара Хаан не замечает.

— Вор Кутурук, этой ночью буду ждать! — приговаривая, Баай Хара Хаан уезжает домой.

4 Когда домой приехал, сыновья сказали:

— Что это такое, отец! Что сделал с чепраком своего коня? За что зацепился спинкой своей дохи и выдрал [клок]? — говорят.

Баай Хара Хаан от изумления едва не умер.

— Разумеется, это проделки Вора Кутурука! Недаром же этого великого мошенника прозвали Кутуруком, — говорит, слезая с коня.

Вдруг выпали стельки *торбазов*, на ноги глянул:

— Что за диво! Ну и ловкач этот парень: как срезал подошвы моих *торбазов*, я ведь и не заметил! *Оок-сиэтэ*! Вот уж на беду свою поспорил, оказывается. Ну и чудо, дети! — говоря, сетует Баай Хара Хаан.

— *Тыый*, отец! Это о чем же с тем Кутуруком поспорил? — так его сыновья громко расспрашивают.

— Спрашиваете, о чем? По большому делу поспорили. Половину своего богатства да свою любимую дочь обещал отдать, заложил их,

«Мин кыһыл көмүс күлүүскэбин уоран ыл, оттон уорбатаххына, мэйиигин быһыам», — диэтим. Онуоха сөбүлэннэ. Бу түүн* хайаан да буоллар кэлэрэ буолуо. Бэлэмнэнэн утуйуҥ. Ытырыык ыттары дьиэ ааныгар баайталаан! Киирэр ааныгар, астаҕына тыаһыыр гына, хоболордо ыйаарыҥ. Иккилии буола-буола бииргэ утуйаарыҥ. Симэхсин эмээхсин, хотон ааныгар хобото ыйаар. Уолаттар, кыа курдук гына устуруруската кыһыҥ, — диэн оҕонньор дьаһалы биэртэлиир.

5 Бэлиэр уолаттар бэлэмнэммитинэн бараллар. Киэһэ буолар. Баай Хара Хаан дьахтара биир ымыйаҕа арыыны ууран баран, оһох көхөтүгэр ыйаан кэбиһэр. Ааны тула ытырыык ыттары баайаллар. Ааннарга (дьиэ уонна хотон ааннарыгар) хобону ыйыллар. Икки буола-буола бииргэ сыталлар. Устурурускаҥы, киирбитин биллэхтэринэ уокка бираҕар гына, уот иннигэр чөмөхтүүллэр. Арыыны буоллар, убатарбытыгар* уокка кутуохпут диэн, оһох көхөтүттэн түһэрэн состуокка* уураллар. Оҕонньор, Баай Хара Хаан, ойоҕун кытта утуйбат, уот иннигэр орун* оҥостон соҕотоҕун утуйар. Айаҕар били кыһыл көмүс күлүүскэтин уктан сытар. Уоттарын суулууллар уонна бары: «Кытаатан утуйуохпут суоҕа», — диэннэр эрэнсэллэр. Былыргыныаныгыны: киһини уутун көтүтэр, үөрдэр-күллэрэр кэпсээннэри — Симэхсин эмээхсин кэпсээн кэҕийэ сытар. Бары ону кэҕэрэһэргээн* өрө чоргуһа күлсэ сыталлар.

Күүтэллэр да — ким да кэлбэт, ыт да үрбэт. Түүн ортото ааһан эрдэҕинэ, бу бары утуйан, муннуларын тыаһа өрө баһыгыраан барар.

6 Ол бириэмэҕэ Кутурук Уоруйах буһарыллыбыт эти сүгэн баран, аргыый аҕай үөмэн, дьиэҕэ чугаһаан иһэн, ыттары көрөн, буспут этинэн бираҕаттыыр. Ыттар буоллахтарына, эккэ эрэ буолан хаалаллар. Үрбэттэр. Кутурук Уоруйах хотон айаҕар кэлэн тохтуур. «Хобону ыйаабыттара буолуо», — диэн, саныыр. Онон түннүгү алдьатан киирэр. Киирээт, хотон айаҕар баар хоболору уһулан кэбиһэр. Биир буос ынаҕы өлөрөр. Торбоһун, суон очоҕоһун, харбаһынын уонна ынах аһыы үөһүн тутан баран дьиэҕэ киирэр. Биллэрин курдук, былыр үргүлдьү хотонноох дьиэ буоллаҕа дии. Киирээт, Симэхсин эмээхсин утуйа сытарыттан иҥнэр. Ол гынан баран Симэхсин эмээхсин сыалдьатын кистээн кэбиһэр. Оннугар били ынаҕын харбаһынын уурар. Икки уол утуйа сытар орунугар тиийэн ынах суон оһоҕоһун тэллэхтэригэр ырытар. Уот иннигэр турар ымыйалаах арыыны иһэн баран, оннугар ууну кутар. Баай Хара Хаан икки мааны кыргыттара утуйа сыттахтарына, били торбоһу бираҕар. Баай Хара Хаан айаҕын атан

сказав: «Выкради мое золотое колечко, если не выкрадешь — голову тебе отрублю». На это он согласился. Этой ночью, видно, точно придет. Приготовьтесь и ложитесь спать, у дверей же злых собак привяжите! На дверь входную, чтоб зазвенели, если откроют, повесьте колокольчики. Спать по двое ложитесь. Старуха Симэхсин, на дверь *хотона* повесь колокольчик. А вы, парни, мелких стружек, как трут, настрогайте, — [так] говоря, старик дает указания.

5 Парни сразу же стали готовиться. Наступает вечер. Жена Баай Хара Хаана положила масла в одну [чашу-]*ымыйа*, ее подвесила перед очагом на крюке. У дверей злых собак привязали. На дверях (юрты и *хотона*) повесили колокольчики. Улеглись спать по двое. У очага сгребли в кучу стружки, чтобы тут же бросить в огонь, как только узнают, что он вошел. А [чашу] с маслом спустили с крюка на шесток, чтобы налить в огонь, когда будут его разжигать. Старик Баай Хара Хаан не стал ложиться с женой: расстелив постель перед очагом, один улегся. А в рот засунул то свое золотое колечко, лежит. Огонь в очаге притушили и все: «Постараемся не заснуть», — говоря, заверяют друг друга. Старуха Симэхсин лежит, головой подергивая, о былом-настоящем веселые-смешные рассказы, так что у человека сон пропадает, рассказывает. Все с интересом ее слушают, громко разговаривая, смеясь, лежат.

Ждут, но никто не идет, и собака не лает. Когда середина ночи миновала, вот все и уснули, носы с шумом засопели.

6 В это же время Вор Кутурук, взвалив на спину вареное мясо, тихонько крадучись, к дому подходит; увидев собак, бросает им вареное мясо — собаки лишь мясом заняты. Не лают. Подойдя к двери *хотона*, Вор Кутурук останавливается. «Видно, повесили колокольчики», — так думает. Поэтому забирается внутрь, окно выставив. Забравшись, снимает с дверей *хотона* колокольчики. Забивает одну стельную корову. Взяв теленка[-недородка], толстую кишку, послед и коровью желчь, входит в дом. Как известно, в старину дом с *хотоном* соединялся. Войдя, на спящую старуху Симэхсин натыкается. Тогда он штаны старухи Симэхсин прячет, вместо них кладет послед той коровы. Подойдя к *орону*, на котором спали два парня, выпускает на их постель [содержимое] толстой кишки коровы. Выпивает из висящей перед очагом *ымыйа* масло, вместо него наливает воду. Пока две любимые дочери Баай Хара Хаана спали, подкидывает им того телен-

баран утуйан хантайа сыттаҕына, ынах аһыы үөһүн айаҕар кутар. Баай Хара Хаан, «кух-хаах» диэн, сиргэ силлээбитигэр кыһыл көмүс күлүүскэни илиитигэр түһэрэр да, Кутурук Уоруйах хотоҥҥо ыстанар.

7 Дьэ, доҕоор, Баай Хара Хаан:

— Тутун! Кутурук Уоруйах кэллэ быһыылаах! — диэн ыһытаан дэлбэритэр.

Били киэһэ уурбут арыым баара буолуо диэн, уокка кутар. Ханна баарый?! Арыы курдук өрө күлүм гынан умайыахтааҕар, сырдьыгынаан уот чоҕо утуйар. Уолаттар буоллар ол мучумаан иһигэр:

— Эн тэллэххэ дэлбэрийбиккин! — диэннэр, бэйэ-бэйэлэрин саахтаах тэллэҕинэн бырахсаллар.

Икки мааны кыргыттар буоллаллар:

— Эн эрдэнэн булунан баран, оҕо куоттарбыккын! — дэһэ-дэһэллэр, торбоһунан бырахсан тураллар.

Симэхсин эмээхсин буоллар:

— Хайа, сыалдьам хайдах-хайдах буолтай? — дии-дии, ынах харбаһынын кэтэ сатыыр.

8 Дьэ, аймааһын үтүөтэ онно буолар! Кэмниэ кэнэҕэс уоттарын оттунан хайдах буолбуттарын көрүммүттэрэ: Симэхсин эмээхсин сыалдьата мас кыстыкка бара сытар, ол оннугар ынах харбаһына эбит. Уолаттар тэллэхтэрин буоллар уокка аҕалан көртөрө: ынах сааҕа эбит. Кыргыттар оҕолорун көртөрө: торбос буолан биэрэр. Хотоҥҥо киирэн көртөрө: биир ынаҕы өлөрбүт — тириитин да, тугун да сүлбэтэх, иһин эрэ хайа тардыбыт эбит. Биир түннүк мэлигир, алдьанан хаалбыт, хотоҥҥо ыйаабыт хоболоро бүгүн да суох. Дьэ, бары тутум уосталлар, сүөм сүөһэллэр, халлаан сырдыар дылы кыһыл көмүс күлүүскэни сиргэ «түспүтүн» көрдүүллэр. Көрдөөн-көрдөөн чуурдарын этэн олордохторуна, күнүһүн Кутурук Уоруйах киирэн кэлэр. Дорооболоһор.

— Күндү тойонум, кэпсэтиибин ыла кэллим. Мэ, күлүүскэҕин, — диэн баран, сиэбиттэн күлүүскэни ылан остуолга ууран биэрэр.

Хайдах гыныай? Баай Хара Хаан төһө да харыһыйбытын иннигэр, баайын анаарын кытта мааны кыыһын Кутурук Уоруйахха биэрэригэр тиийбит.

Кутурук Уоруйах Баай Хара Хаан мааны кыыһын ойохтонон, баайын анаарын баайданан, уоруйах идэтин кэбиһэн, көрүлээн-нарылаан, ыал буолан сириэдийэн олорбута эбитэ үһү.

ка. А Баай Хара Хаану, который, запрокинув голову, с открытым ртом спал, в рот горькую коровью желчь наливает. Баай Хара Хаан «*кух-хаах*» произнес, на землю сплюнул — Вор Кутурук, золотое колечко руками словив, в *хотон* выскакивает.

7 Ну, дру-уг, Баай Хара Хаан:

— Держите! Вор Кутурук, верно, пришел! — что есть сил завопил.

Думая, что должно быть [это] то, с вечера приготовленное, масло, в очаг его вылил. Где уж там? Вместо того, чтобы, как от масла, весело вспыхнуть и загореться, — уголья в очаге, зашипев, погасли. А парни в той суматохе:

— Ты на постель наложил! — говоря, друг в друга загаженной подстилкой бросаются.

А две любимые дочери:

— Ты, с мужчиной связавшись, дитя выкинула! — друг другу говоря, теленком[-недородком] начинают бросаться.

Старуха же Симэхсин:

— Что же это, что с моими штанами случилось? — приговаривая, коровий послед пытается натянуть.

8 Ну, такая кутерьма поднялась! Наконец, когда свой огонь в очаге разожгли, увидели, что с ними случилось: штаны старухи Симэхсин на поленнице лежат, вместо них коровий послед, оказывается. Парни же, подстилку к огню поднеся, увидели: коровий навоз, оказывается. Девушки на дите посмотрели: теленок, оказывается. В *хотон* войдя, увидели: одна корова забита — ни шкуру, ничего с нее не сняли, только живот вспорот, оказывается. Одно окно исчезло — сломано, колокольчиков, что в *хотоне* повесили, и по сей день нет. Тут все на кулак ниже стали, на пядь уменьшились*: до рассвета «упавшее» на землю колечко искали. Искали-искали и, когда уже было отчаялись*, днем Вор Кутурук приходит. Здоровается.

— Почтенный *тойон* мой, за уговором пришел. На, возьми свое колечко, — сказав, вынимает из кармана колечко, на стол его положив, отдает.

Что делать-то? Баай Хара Хаан, как бы ни было жалко, половину своего богатства да в придачу любимую дочь Вору Кутуруку отдать вынужден.

Вор Кутурук, женившись на любимой дочери Баай Хара Хаана, получив половину его богатства, от воровских занятий своих отказался, весело-радостно проживая, семьей обзаведясь, процветая, говорят, так жил.

33. ДЬАДАҔЫ БААҺЫНАЙ

1 Арай биир бааһынай дэриэбинэттэн тахсан, аһыыра-таҥнара суох буолан, атах-балай сүүрэн испит.

Ол сүүрэн иһэн, биир ыалы көрөр. Бу көрө истэҕинэ, ыаллара ааннарын аһа-аһа сабаллар. Күн арҕаалаабыт, онтон дьиэлэрин аана — арҕаанан.

— Чэ-чэ! Ааҥҥын сап, киирдэ, киирдэ, — дэһэллэр бу дьиэлээх дьон.

Бааһынай дьон аттыларыгар тиийэн кэлэр.

— Хайа, бу тугу оҥороҕут? — диэн ыйытар.

— Дьэ, биһи бу дьиэ оҥоробут. Онно күнү киллэрэн көрөбүт да, күммүт ааммытын астарбыт эрэ киирэн кэлэр, оттон саптарбыт эрэ тахсан хаалар, — дэһэллэр.

— Эһиги сыыһар эбиккит. Мин оҥорон биэриим, — диир киһи.

Дьэ, киһи дьиэни эргийэ сырдьан көрөр. Бу көрдөҕүнэ, түннүк диэн төрүт суох. Маны кини уһанар сэп ылан, дьиэни түөт* өттүгэр төгүрүччү түннүктүүр.

Дьэ, бу дьон маны:

— Кырдьык, бэт эбит, — диэн, биһирииллэр.

Киһибит, күнү киллэрбит киһи буолан, манна сыньньанар*, хас да хонор. Ыалыттан барар. Барарыгар кыра өйүө ылар, эмиэ илин диэки барар. Киһи өйүөтэ бараныар, бэйэтэ ырыаҕар диэри барар.

2 Арай, ол курдук баран иһэн, көрө истэҕинэ, биир ыал көстөр. Кини көрдөҕүнэ, бу ыала дьиэлэрин аанын аһа-аһа, кураанах хааһаҕы таҕаара-таҕаара* тэбииллэр. Киһи кэмэ суох муодаргыы-муодаргыы баран иһэр. Аттыларыгар кэлэн ыйытар:

— Хайа, бу тугу оҥороҕут? — диэн.

— Дьиэ оҥостон көрөбүт. Онуоха ити буруота олох тахсыбат. Ол буруобутун ити хааһахха хаалыы-хаалыы, таһааран таһырдьа кутабыт, — дииллэр.

Киһи дьиэ аанын аһан, дьиэни өҥөйөн көөттө*: дьиэлэригэр холумтан эрэ баар, оһох диэн суох, турба диэн суох.

— Дьэ, бу эһиги сатаабат эбиккит. Чэ, оһох диэннэ симиэҕин, — диэн киһи этэр.

Аны оһох симэн дирбийэллэр, киһи маастаардыыр*. Дьэ, оһохторо олус бэт буолар. Ыала кинини кэмэ суох биһирииллэр. Манна хас да хонор, сыньньанар.

33. БЕДНЫЙ КРЕСТЬЯНИН

1 Как-то раз один крестьянин — ни пищи, ни одежды у него не было — из дому вышел, куда ноги его понесли — бегом побежал.

Бежит он и вот видит одну богатую семью. На бегу замечает: эта семья то открывает, то закрывает дверь.

— *Чэ-чэ*! Дверь закрой, вошло, вошло, — говорят эти хозяева.

Крестьянин к тем людям подошел.

— Что это вы делаете? — так спрашивает.

— Да вот мы дом строим. Пытаемся впустить туда солнечный свет, да наш свет, только мы дверь открываем — входит, а только закрываем — выходит, — говорят.

— Вы, оказывается, не так делаете. Я сделаю, — говорит человек.

Ну, человек дом обходит, осматривает его. Вот видит, что нигде нет окон. Тогда, взяв столярные принадлежности, с четырех сторон кругом пробивает в доме окна.

Ну, эти люди:

— И вправду хорошо, оказывается, — с одобрением говорят.

Наш же человек, как человек, впустивший солнечный свет, здесь отдыхает, несколько дней ночует. [Вот] от своих хозяев уходит. Перед уходом он берет немного еды, опять на восток идет. Пока не кончилась еда, пока не устал, идет.

2 Идет он так, идет, вдруг видит: показалось жилье. Видит он, как эти люди, открывая-отворяя двери своего дома, выносят-выносят пустые мешки и трясут их. Идет человек, безмерно удивлясь-изумлясь. Подойдя к ним, спрашивает:

— Ну, что это вы делаете?! — говорит.

— Пытаемся делать дом, да вот дым никак не выходит. Этот наш дым набираем-собираем в этот мешок, выносим и вытряхиваем во дворе, — говорят.

Человек, открыв дверь дома, заглянул: в доме у них только очаг — ни печи, ни трубы нет.

— Ну, вы, оказывается, не умеете. Давайте набьем* то, что называется печью, — говорит человек.

Теперь набивают с шумом печь, человек показывает. Ну, очень ладной вышла печь. Хозяева были им очень довольны. Здесь несколько дней переночевал, отдохнул.

Бу киһи манна олорбот, барара кэлэр. Киһи маньһатын аҕыйах хонукка өйүө ылар уонна тугу да ылбат. Эмиэ илин диэки барар. Киһи ылбыт өйүөтэ бараныар, бэйэтэ сылайыар диэри барар.

3 Бу баран иһэн көрдөҕүнэ: эмиэ биир ыал иннигэр көстөр. Бу көрдөҕүнэ, хотонноох балаҕаннарын үрдүгэр ыала бокуойа суох ынахтарын үүрэн, ыһыы-хаһыы бөҕөнү түһэрэ сырдьаллар*. Ынахтара дьиэ үрдүгэр адьас кыайан тахсыбаттар, балаҕан тэллэҕэр тахса-тахса, төттөрү түһэллэр. Дьэ, киэҥ айдаан буолбут.

Киһи тиийэн кэлэр.

— Хайдах бу сүөһүлэргитин үүттэлиигит? — диэн ыйытар.

— Дьиэ үрдүгэр үүрэн таһааран, аһатаары гынабыт, — дэһэллэр.

— Оттон аллараа аһаттаххытына хайтах* буоларый? — диир киһи.

— Оттон атын ыал сүөһүтэ кэлэн, биһи сүөһүбүт отун былдьаан сиэ диэммит, бу үөһэ таһаарабыт, — дэһэллэр.

— Ээ, бу эһиги сатаабат эбиккит, — диир киһи.

Күрүө тутар санаа булар уонна:

— Дьэ, оҕуста булун, оҕуһунан маста таһын, — диэн этэр.

Кини маастаардаан, кини сүбэтинэн икки мас күрүө туталлар. Ыала күрүөлэрин олус хайгыыллар, киһини биһирииллэр. Манна эмиэ хас да хонор, сыньньанар.

4 Киһи бу дьонуттан барара тиийэн кэлэр. Маньһа тугу да ылбат, кыра өйүө ылар уонна эмиэ тус илин бокуойа суох барар. Маҥнайгытынааҕар дьөксө ордук ырааҕы барбыт курдук сананар. Өйүөтэ бараныар, бэйэтэ сылайыар диэри барар. Бу иһэн, эмиэ саҥа ыал иннигэр баарын көрдө. Арай ол көрө истэҕинэ: ыала ампаар дьиэ оҥостоору гиммиттэр*. Бэрэбинэ бөҕө таһыллыбыт. Дьиэлэрин балачча үрдэппиттэр.

Дьоно арай биир бэрэбинэни:

— Чээ, тат, — дэһэ-дэһэ, тардан ырычаахтаһаллар.

Ол гинэ-гинэ, бу бэрэбинэлэрин өр буола-буола, арыынан аҥыныахтыыллар*, арыынан сууйаллар.

Киһи кэмэ суох муодаргыыр, бэккиһиир, чугаһаан кэлэр:

— Дьэ, бу эһиги тоҕо маһы ууннары тардаҕыт, арыынан аҥыныахтыыгыт? — диэн ыйытар.

— Ампаар дьиэ оҥоробут да, ити биир бэрэбинэ кылгас буолан хаалан, ону ууннараары тардыалыыбыт, — дэһэллэр.

Этот человек не остается здесь жить, пора уходить. В награду человек взял на несколько дней еды и больше ничего. Опять на восток идет. Пока не кончились припасы, пока он сам не устал, человек все идет.

3 Идет и видит: опять впереди показалось жилье. Вот видит, как хозяева без передышки пытаются загнать своих коров на крышу юрты с *хотоном*, большой поднимают крик-шум. Коровы на крышу юрты совсем не могут подняться: упираются передними ногами в наклонную стену юрты и обратно падают. Большой стоит шум.

Человек подходит:

— Зачем это загоняете свой скот? — спрашивает.

— Хотим его накормить, загнав на крышу дома, — говорят.

— А что случится, если будете кормить внизу? — говорит человек.

— Думаем, что придет скот другой семьи, отберет и съест еду, вот наверх и загоняем, — говорят.

— Ээ, вы, оказывается, не умеете, — говорит человек.

Надумал поставить изгородь и:

— Ну, найдите быка и на быке привезите жерди и колья, — говорит.

Под его присмотром, по его совету поставили две деревянные изгороди. Семья свою изгородь очень хвалит, человеку выражают признание. Здесь опять несколько дней ночует, отдыхает.

4 Наступает пора человеку уходить от этих людей. В награду ничего не берет, берет только немного еды и опять без остановки на восток идет. Думает, что вроде ушел еще дальше, чем в первый раз. Идет, пока у него не кончается еда, пока сам он не обессилел. Идет и опять впереди видит новую семью. Вот идет и видит: те люди собираются строить амбар. Навезли множество бревен. Довольно высокий возвели дом.

И вдруг эти люди:

— *Чээ*, черт! — приговаривая, пытаются растянуть одно бревно.

Делая так, это бревно время от времени смазывают маслом, поливают маслом.

Человек безмерно удивляется-изумляется, подходит:

— Ну, зачем вы растягиваете, смазываете маслом это бревно? — спрашивает.

— Строим дом-амбар, да вот одно бревно оказалось коротким, его и растягиваем, — говорят.

— Дьэ, бу эһи олох сыыһа оҥорор эбиккит. Мин маастаардыым, — диир, дьиибэргии-дьиибэргии, уонна этэр: — Бу кылгас маска тэҥнии, уһуннарын сарбыйан кэбиһиэҕиҥ уонна хат дьиэни оҥоруоҕуҥ, — диир.

Сөбүлүүллэр, кини эппитин курдук оҥороллор. Киһи онно маастаардыыр. Бу дьиэ олус бэт дьиэ буолар. Дьонноро кинини олус хайгыыллар, биһирииллэр.

5 Бу дьонугар эмиэ балачча өр олорор. Сыньньанар. Сотору буолаат, дьоно кинини олус таптыыллар, кыыстарын ойох биэрэллэр.

Онон бу киһи манна ыал буолан, байан-тайан олоотто үһү.

34. ҮС ЫНАХТААХ, ҮС ОЙОХТООХ ТЭЭП-ТЭЭП ОҔОНЬНЬОР

1 Арай былыр үс ынахтаах, үс ойохтоох, оҥочо оҕорор* идэлээх, Тээп-Тээп диэн ааттаах оҕоньньор* баара үһү. Бу оҕоньньор күн тура-тура оҥочо оҕорор идэлээх эбит. Кини күн үрдүгэр туохтааҕар даҕаны бэйэтин аатын ордорор үһү.

Онон, баҕар: «Аны дэҥ ааппын умнан кэбиһэн алдьаххай буллуо», — диэн, уоһуттан түһэрбэккэ:

— Тээп-Тээп, Тээп-Тээп, — дии сылдьыбыт.

Биир оҥочотун бүтэрэн баран, ууга аньньан дьиппинитээри:

— Тээп-Тээп, — дии сылдьан, хара күүһүнэн аньньан, «һуук!» диибин диэн, уоһуттан түһэрбэккэ сылдьыбыт аатын умнан кэбиспит.

2 Дьэ, оҕоньньор ыксаабыт. Хайтах* гынан аатын өйдүөҕүн саныы сатаабыт, табахтыы сатаабыт, сыта сатаабыт, олоро сатаабыт. Туох да тахсыбатах. Умнубутун кыайан өйдөөбөтөх. Онтон оҕоньньор ыксаан, ойохторуттан ыйыта дьиэтигэр сүүрэн тахсыбыт.

— Дьэ, ойохторуом, ааппын умнан сор бөҕөнү көрдүм. Аатым ким этэ? Этэн абыраан даа, — диэбит.

Ону туран ойохторо:

— Эчии, эн ааккын билэ сылдьабыт дуо? Ааккын-суолгун билэ сылдьыаҥ ээ, — дэһэн, аккаастаабыттар.

— Дьэ, сор эбит, доҕор! Хантан буламмын ааппын өйдүүр мунмуный? — диэн, күөлүгэр төннөн киирэр.

Саҥа оҥочону оҥорон көрүөх буолбута, илиитэ олох барбат буолбут, санаата эрэ аатыгар буолбут. Дьэ, оҕоньньор төрөөрү гыммыт ынах курдук сыт да сыт, тур да тур буолбут, аатын кыайан өйдөөбөтөх.

— Ну, это вы, оказывается, совсем не так делаете. Я вам покажу, — говорит, сам же, удивляясь-изумляясь, сказал: — С длиной этого короткого бревна [другие] сравним, длинные укоротим и снова дом построим, — говорит.

Согласились, делают так, как он сказал. Человек там сам показывает. Этот дом получается очень хорошим домом. Люди его очень хвалят, выражают признание.

5 У этих людей довольно долго живет, отдыхает. Вскоре люди его очень полюбили, за него замуж свою дочь выдали.

Вот так этот человек завел здесь семью, богато-сытно зажил, говорят.

34. ИМЕЮЩИЙ ТРЕХ КОРОВ И ТРЕХ ЖЕН СТАРИК ТЭЭП-ТЭЭП

1 Вот, говорят, в старину был старик по имени Тээп-Тээп, имеющий трех коров, трех жен и ремесло делать лодки. Этот старик, оказывается, каждый день занимался тем, что делал лодки. Выше всего на свете, говорят, он ставил свое имя.

Поэтому, думая: «Если вдруг нечаянно забуду свое имя — быть беде», из уст не выпуская:

— Тээп-Тээп, Тээп-Тээп, — говоря, ходил.

[Как-то], закончив одну лодку, спускает ее в воду замочить:

— Тээп-Тээп, — говоря, шел, изо всех сил толкнув: «*Суук*!» — крикнул — и не сходившее с уст имя свое забыл.

2 Ну, старик оторопел. Что делать, чтобы вспомнить имя, пробовал в уме перебирать, пробовал курить, пробовал лежать, пробовал сидеть — ничего не вышло, забытое не смог вспомнить. Тогда, не выдержав, старик побежал домой спросить у своих жен:

— Ну, мои женушки, мука мне — имя свое позабыл. Какое у меня имя? Выручайте, скажите мне, — сказал.

На это его жены:

— Ну, мы, что ли, знаем твое имя? Сам уж должен знать свое имя-прозвище, — говоря, отказались.

— Вот, друг, оказывается, несчастье! Где отыщу, как вспомню свое имя? — говоря, вернулся к своему озеру.

Взялся было делать новую лодку, да руки не поднимаются, мысли только именем заняты. Вот старик, словно корова, что должна отелиться, то ляжет полежит, то встанет постоит, но свое имя никак не вспомнит.

Арай күн дьааһыйыыта илин диэкиттэн биир аттаах киһи иһэр эбит. Айан киһитэ оҕоньньорго элийэн кэлэн:

— Оҕоньньоор, бу тоҕо сытаҕын? — диэбит.

Оҕоньньор хап-сабар ыстанан турбут.

— Дьэ, тукаам, ааппын умнаммын, сор бөҕөнү көрдүм. Аһаабытым ас, олорбутум олох буолуо суох, онон, дьэ, ааппын туох маньньаҕа этиэҥ этэ? — диэбит.

Айан киһитэ хап-сабар:

— Биир ойоххор уонна биир ынаххар этиэм этэ, — диэбит.

Оҕоньньор ыараҥната да барбатах.

— Дьэ, бэрт, сөп. Икки ойохпунан, икки ынахпынан да хааллахпына, олорор киһибин, — диэн. — Дьэ, ааппын эт, — диэбит.

Айан киһитэ биир дьахтары, биир ынаҕы ылан баран:

— Эн аатын Тээп-Тээп диэн буолар, — диэбит.

Оҕоньньор үөрүүтүгэр өрө хаһыыра түспүт.

— Оо, дьэ, сүрэҕим-быарым сымнаатаҕын даа, абыраннахпын даа, ынахтаах ойоҕум улахана суох эбит, аатым улахан эбит, — диэн, — Баҕар, эмиэ умнан кэбиһиэм, — диэн, — «Тээп-Тээп», — дии сылдьыбыт.

3 Дьэ, арай эмиэ оночотун оҕорон бүтэрэн баран, ууга киллэрэн аньньаары, «Һуук!» диэри, эмиэ аатын умнан кэбиспит.

— Оо, дьэ, сор эбит, эмиэ ааппын умуннум, — диэн, өйдүү сатаабыт да, кыайан өйдөөбөтөх, эмиэ сыт да сыт, тур да тур буолбут.

Онтон өй ылан, ойохторугар сүүрэн тахсан:

— Бээрэ, ааппын эмиэ умуннум, бээһээҥҥи* киһи ким диэтэ этэ? — диэбит.

Ону буоллаҕына ойохторо:

— Эчии, эн ааккын биһиги билэбит дуо? Аттаах буоллаххына, билэ сылдьыаҥ ээ, — дэспиттэр.

Оҕоньньордоро туран:

— Эһиги күн бээһээ истибиккитин, сордоохтор, умнан кэбиһээхтиигит, сордоохтор, ойох да буолаахтааҥҥыт, — диэн, үнтү сыньньыталаан кэбиспит.

Онтон тэптэрэн, баҕар, күөлбэр киирдэхпинэ, өй киирээрэй диэн, күөлүгэр киирэн сыппыт, турбут, туох да туһа тахсыбатах.

4 Оруобуна күн дьааһыйыыта илин диэкиттэн бээһээҥҥи киһи иһэр эбит. Оҕоньньор ыстанан туран, ааппын истэр буоллаҕым диэн,

Вдруг на закате солнца с восточной стороны показался всадник. Путник к старику быстро приблизился:

— Старик, чего это ты лежишь? — сказал.

Старик мигом вскочил.

— Ну, дитя мое, имя свое забыл, вот и мучаюсь. Еда не еда, жизнь не в жизнь будет. Поэтому, ну, за какое вознаграждение скажешь мое имя, а? — спросил.

Путник сразу:

— За одну твою жену и одну корову сказал бы, — ответил.

Старик не стал раздумывать.

— Ну ладно, хорошо. Даже если с двумя женами и двумя коровами останусь, я человек, который сможет прожить, — говоря. — Ну, назови мое имя, — сказал.

Путник, одну женщину, одну корову взяв:

— Твое имя будет Тээп-Тээп, — сказал.

Старик от радости воскликнул:

— О-о, ну, как сердце-печень мои успокоились-то, какой я счастливый-то! Жена с коровой, оказывается, не велика [потеря], имя важнее, — говоря. — Может, опять забуду, — думая, все ходил и твердил: «Тээп-Тээп».

3 Вот однажды опять, закончив делать свою лодку, подтащил ее к воде, чтобы [ее туда] столкнуть, крикнул: «*Суук*!» — опять свое имя забыл.

— О-о, вот несчастье, оказывается, опять свое имя забыл, — сказав, попытался вспомнить — но не смог вспомнить. Опять то ляжет полежит, то встанет постоит.

Потом он опомнился и, побежав к своим женам:

— Постойте, опять свое имя забыл, как меня вчерашний человек назвал-то? — сказал.

На это его жены:

— Но разве мы знаем твое имя? Если имеешь имя, то сам должен знать, — сказали.

На это старик:

— Вчера только слышали, несчастные, и уже забыли. Ну, несчастные, еще женами приходитесь, — сказав, сильно их избил.

[Расстроившись] из-за этого, думая, что если пойдет к озеру, может, ум прибавится, к озеру пришел, полежал, постоял, но никакой от этого пользы.

4 [Тут] прямо на закате солнца с восточной стороны идет, оказывается, вчерашний человек. Старик вскочил, думая, что свое имя ус-

үөрэн утары барбыт. Атын туох да кэпсэтии суох буолбут, оҕоньньор тэйэ соҕустан да буоллар:

— Дьэ, тукаам, аатым ким этэ? Умнан кэбистим, мунар, били ойохторум баҕадьылар* эмиэ өйдөөбөтөхтөр, онон этэн абыраа, — диэбит.

Анараа киһитэ:

— Ээ, дьэ, этэринэн этиэм да, биир ойоххун, биир ынаххын биэрэр буоллаххына, этиэм, — диэбит.

— Бээрэ, оттон бээһээ ылбатаҕын дуо? Ол маньньаҕа эттэҕиҥ дии, — диэбит.

— Суох, бээһэ маньньаҥ оттон бээһээ этэн биэрбиппэр барар буоллаҕа дии. Оттон бүгүн ааккар наадыйар буоллаххына, саҥа маньньата аҕал, — диэбит.

Оҕоньньор толкуйдуу түспүт:

— Аата суох наһаа эрэйдэниинһибин, оттон биир ойохтоох, биир ынахтаах да киһи син олороо ини, — диэбит.

Биир ынаҕын, биир ойоҕун биэрэн ыыппыт.

Анараа киһи бараары туран:

— Эн аатыҥ Тээп-Тээп, — диэбит.

Оҕоньньор үөрүүтүгэр өрүтэ ыстаҥалаабыт.

— Аата, аатым тугун үчүгэйэй! Сүрэҕим-быарым сымнаатаҕын, абыраннахпын даа! — диэн, үөрүүтүгэр күөлгэ сүүрэн киирэн, икки оҥочону сонно оҥоро охсон баран, «Сассыарда* дьиппинитиэм», — диэн: «Тээп-Тээп, Тээп-Тээп», — дии-дии, дьиэтигэр тахсан, үчүгэйдик аһаан-сиэн утуйбут.

5 Сассыарда уһуктаат, аатын ботугуруу сыппыт. Дьэ, аһаан-сиэн баран, күөлүгэр киирэн, бэгэһээ киэһэ оҥорбут оҥочолорун ууга аньньыталыах буолбута, «Һуук!» диибин диэн, аатын умнан кэбиспит. Дьэ, ыксал бөҕө буолбут.

Абаккатыгар:

— Бу эһигини ууга аньньабын диэн, хаарыан ааппын умнан кэбистэҕим, — диэн, икки оҥочотун иккиэннэрин сүгэнэн хайыта сыньньан кэбиспит уонна ойоҕор сүүрэн тахсан:

— Дьэ, ойоох, эмиэ ааппын умнан кэбистим. Бэһээ истибитиҥ дии, ким диэбитэй? — диэбит.

Ону ойоҕо туран:

— Эчии, эн ааттаахтын эрэ суоллааххын. Ону мин билэбин дуо? — диэбит.

лышит, радуясь, навстречу пошел. Другого разговора не было, старик еще издали:

— Ну, дитя мое, как мое имя? Я забыл, к несчастью, эти мои чертовы жены тоже не запомнили, поэтому выручай, скажи, — сказал.

Тот человек:

— Ээ, ну, назвать-то я назову, если одну жену и одну корову отдашь, назову, — сказал.

— Постой-ка, разве ты вчера не взял? Вот ты за то вознаграждение и скажи, — сказал [старик].

— Нет, вчерашнее вознаграждение идет ведь за мой вчерашний ответ. Если ты свое имя сегодня хочешь узнать, то дай новое вознаграждение, — сказал.

Старик подумал:

— Без имени, верно, здорово намучаюсь. А с одной женой, с одной коровой человек все же сможет, верно, прожить, — сказал.

Одну корову и одну жену отдал.

Тот человек, собираясь уходить:

— Твое имя Тээп-Тээп, — сказал.

Старик от радости запрыгал.

— *Аата*, какое у меня хорошее имя! Как мои сердце-печень успокоились, как я счастлив-то! — сказав, на радостях к озеру побежал, тут же две лодки сделал, «Утром дам разбухнуть», — сказав, приговаривая: «Тээп-Тээп, Тээп-Тээп», — пошел домой, плотно поев-покушав, заснул.

5 Утром, проснувшись, лежит, свое имя бормочет. Ну, поев-наевшись, к озеру пришел, приготовленные вчера вечером лодки в воду хотел было столкнуть да произнес: «*Суух*!» — и свое имя забыл. Ну, тут и оторопел.

С досады:

— Это чтобы вас в воду столкнуть, свое дорогое имя забыл, — говоря, обе свои две лодки топором изрубил и к жене прибежал:

— Ну, жена, я опять свое имя забыл. Вчера ты слышала, как он [меня] называл? — сказал.

На это жена:

— Ну разве я знаю, какое твое имя-прозвище? — сказала.

Ону туран оҕоньньор:

— Бу күн бээһээ истибит ааккын умнарыҥ тугун сүрэй! Онноманна аралдьыйбат киһи өйдүү сылдьыаҥ этэ буоллаҕа дии, — диэн үнтү кырбаан кэбиспит.

Онтон тэптэрэн, киирэн күөлүн кытыытыгар сыппыт, турбут, өйдүү сатаабыт, оту-маһы турута тыыппыт, сири кымыстаабыт, туох да тахсыбатах, хаарыан аатын кыайан өйдөөбөтөх.

6 Күн дьааһыйыта били бээһээ киһитэ эмиэ иһэрин көрбүт. Оҕоньньор, ыраахтан көрөөт, сүүрэн тиийбит.

— Дьэ, кукаам*! Этэн абыраа! Буорайдым, олох өлөрбөр тиийдим! Аатым ким этэй? — диэбит.

Ону анараа киһитэ:

— Биир ойоххун, биир ынаххын биэрэр буоллаххына, этиэм, — диэбит.

Оҕоньньор толкуйдаамахтаан баран:

— Чэ, бээ, ынаҕа да, ойоҕо да суох, оҥочо да оҥорон аһаа инибин. Ама, хайатын ааппын умнан турар үһүбүөн? — диэн, саамай бэстилиэнэй ойоҕун, бэстилиэнэй ынаҕын биэрбит.

Анараа киһи бараары туран:

— Эн аатын Тээп-Тээп, — диэбит.

Оҕоньньор үөрэн, өрө эккирии түспүт. Күөлгэ сүүрэн киирэн, оҥочо оҥорбутунан барбыт. Хас да оҥочону олох биллэрбэккэ, түргэнник оҥоро охсон кэбиспит.

7 Сассыҥҥытыгар ойон туран, оҥочолорун ууга угуталыах буолта: «Һуук!» — диибин диэн, аатын эмиэ умнан кэбиспит!

Дьэ, аны ол аайы аатын этэн биэрэр киһи кэлбэтэх, биэрэр маньната да малыйбыт.

Аатын кыайан булбакка, тур да тур, сыт да сыт буолбут. Үһүгар тиийэн аһыыр аһа суох буолан, хоргуйан өлбүт.

35. УУСТУК ҮЛЛЭРИИ

1 Биир баай киһи ыал тойонугар кэһиитин биэс хааһы аҕалбыт. Онуоха биирдэрэ бэркэ үөрбүт, итиэннэ:

— Дьэ, доҕоор, баһыыбата тут! Бу үтүө кэһиигин үчүгэйдик үллэрэн кулу эрэ, — диир. — Хайабытын даҕаны баттаабатаххына, харда-

На это старик:

— Только вчера услышанное имя забыла, что за напасть! На то-се не отвлекающийся человек, должна была бы помнить, — сказав, сильно ее избил.

[Расстроившись] из-за этого, пришел он к берегу озера, полежал, постоял, все пытался вспомнить, траву-зелень рвал, землю царапал — ничего не вышло, дорогое свое имя не смог вспомнить.

6 На закате солнца опять увидел: тот вчерашний человек идет. Старик издали увидел, подбежал:

— Ну, дитя мое! Выручай, скажи! Измучился, вот-вот помру! Как меня зовут? — сказал.

На это тот человек:

— Если одну жену, одну корову отдашь, я скажу, — сказал.

Подумав, старик:

— Ну, ладно, без жены, без коровы, лодки делая, как-нибудь прокормлюсь. Не может быть, чтобы я без конца свое имя забывал? — сказав, отдал свою последнюю жену и последнюю корову.

Тот человек перед тем, как уйти:

— Твое имя Тээп-Тээп, — сказал.

Старик от радости подпрыгнул. К озеру прибежав, начал делать лодку. Не заметил, как сделал несколько лодок.

7 Утром вскочил, хотел спустить в воду лодку, крикнул: «*Суук!*» — и опять свое имя забыл!

Ну, на этот раз человек, подсказывающий ему имя, не пришел. Да и для вознаграждения ничего не осталось.

Никак не может [старик] вспомнить свое имя, то он встанет постоит, то ляжет полежит. Наконец, когда еда кончилась, с голоду умер.

35. СЛОЖНАЯ ДЕЛЕЖКА

1 Один богач принес своему соседу *тойону* гостинец — пять гусей. На это тот очень обрадовался, сказал:

— Ну, друг, прими благодарность! Добрые свои гостинцы сам как следует раздели-ка нам, — говорит. — Если при раздаче никого не обидишь, я одарю тебя деньгами, имуществом. Если же не сумеешь

ры харчынан, үбүнэн бэлэхтиэм. Сатаан үллэрбэтэргин эрэ хоргутумаар, хардары тугу даҕаны биэриэм суоҕа, — диир.

Ол тойон ойоҕунуун, икки уолунуун, икки кыыһыныын — барылара алтыа эбиттэр. Дьэ бии киһи ол курдук, бу курдук ууран көрө сатыыр да, хайаан да тэбис-тэҥ гына үллэрбэт, кэтэҕин эрэ тарбанаахтыырын билэр.

2 Онуоха тойон ыал олорор дьаданы киһини ыҥыртаран ылар. Ол киһитэ кэлэн, хотуннаах тойоҥҥо биир хааһы биэрэ туран:

— Эһиги билигин үһүө буоллугут, — диир.

Биир хааһы уолаттарга биэрэ туран:

— Эһиги эмиэ үһүө буоллугут, — диир.

Биир хааһын кыргыттарга биэрэ-биэрэ эмиэ ити тылын этэр.

Икки хааһы кыбынан баран:

— Биһиги даҕаны үһүө буоллубут, — диир.

Тойон күлэ түһэр:

— Дьэ киһи да киһи буолаахтыыр эбиккин, доҕоор! Хайабытын да баттаабатын, бэйэҕин да умнаахтаабатын! — диэн, дьаданы ыалыгар манньалыыр, кэһиилээх баайын мэлитэн ыытар.

36. ӨЙДӨӨХ КЫЫС

1 Үгүс сыллар анараа өттүлэригэр биир оҕонньор уолунаан олорбуттара үһү. Оҕонньор ойоҕо өлбүтэ ыраппыт. Уола өй аҥаара өйдөөх, ол гынан баран сытыы, хорсун, күүстээх эбитэ үһү.

Биирдэ оҕонньор, уолун дьиэтигэр хаалларан баран, олорор үрэҕин таҥнары батан бара турбут. Бу баран иһэн, ыалга тиийэр. Ураһалара томтор үрдүгэр дьоройон олорор. Оҕонньор, миинэриттэн* түһэн, ураһаҕа киирэр. Манна оҕонньор кыыһын кытта олорор эбит. Ийэлэрэ өлбүт. Ураһа иһигэр киирэн, үтүлүгүн, бэргэһэтин устар.

— Дьиэлээхтэр, дорооболорун!

— Дорообо, ааһан иһэр киһи! Эн туох эмэ сонуннаабын буолаарай?

— Соччо киһи кэрэхсиирэ суох, — диэн баран, молууга* баран, олорунан кэбистэ.

Хаҥас чуоҥаалга* олорор кыыһы хараҕын кырыытынан көрөкөрө, иһигэр саныы олордо: «Оо, дьэ, ардах кэнниттэн тыкпыт күн курдук буоланҥын, үчүгэйин даҕыны* бэрт эбит. Ол гынан баран, ити бэйэлээх эмиэ, мин уолум курдук, ама, акаары буолуох бэйэтэ дуу?» — диэн.

Киниэхэ итини быһаарарга саная киирдэ.

разделить поровну — не обижайся, ничего взамен тебе не дам, — говорит.

У этого *тойона* были жена, двое сыновей, двое дочерей — всего их было шестеро. Вот тот человек раскладывает гусей то так, то этак — никак поровну не поделит, только знай свой затылок почесывает.

2 Тогда *тойон* через посыльного зовет бедняка, живущего по соседству. Придя, тот человек одного гуся отдает хозяину и хозяйке:

— Теперь вас стало трое, — говорит.

Одного гуся отдает парням:

— Вас тоже стало трое, — говорит.

Одного гуся дает-отдает девушкам, говоря то же слово.

Оставшихся двух гусей сует себе под мышку:

— И нас стало трое, — говорит.

Тойон рассмеялся:

— Ну, человек ты, человечище, оказывается, друг! Никого не обидел, да и себя не забыл! — сказав, сосед бедняка вознаградил, а богача с гостинцем отправил ни с чем.

36. УМНАЯ ДЕВУШКА

1 Много лет назад жил, говорят, со своим сыном один старик. Жена у старика давно умерла. Его сын, хоть и недалекий, все же был, оказывается, бойким, смелым, сильным человеком.

Однажды старик, оставив сына дома, отправился вниз по реке, у которой он жил. По пути попались ему люди. Их *ураса* возвышается на пригорке. Старик, ехавший верхом, спешился, входит в *урасу*. Живет здесь, оказывается, один старик с дочерью. Их мать умерла. Войдя в *урасу*, снимает рукавицы и шапку:

— Здравствуйте, хозяева!

— Здравствуй, проезжающий человек! Есть у тебя какие-нибудь новости?

— Ничего особенного нет, — сказав, сел на почетное место напротив двери.

Сидит, сам же, краем глаза рассматривая-разглядывая сидящую на левой стороне девушку, про себя думает: «О-о! Ну, на сияющее после дождя солнце ты похожа — до того хороша! Но неужто такая, как ты, окажется такой же глупой, как мой сын?» — сказал.

И тут ему пришла мысль это проверить.

2 Ити ыккардыгар кыыс туран, ас бэлэмнээн барда, эти кырбаан буһарда. Тэлиэркээ* хоторон аҕалан, оҕонньор иннигэр уурда.

Оҕонньор:

— Эн, кыысчаан, мин тэлиэркэбэр хас хамыйаҕы куттун?

— Мин хас хамыйаҕы куппуппун билбэппин. Өскө эн дьиэҕиттэн табаҕын хаста атыллатан кэлбиккин эттэргин, мин да этиэм этэ.

Оҕонньор манна кыыһы: «Өйдөөх эбит», — дии саныыр.

3 Сарсыныгар оҕонньор уолун, Эрбэхтэй Бэргэн диэн акаары уолун, аҕалан кэлэр уонна этэр:

— Дьэ, кырдьаҕастар, биһиги, оҕолорбутун холбоон көрүөхпүтүн хайдах буолуой? — диир.

Дьиэлээх кырдьаҕастар, кыыс ийэлээх аҕата, дуумайдаан баран, сөбүлэһэллэр уонна бэйэлэрэ ыраах урууларыгар көһөллөр. Оҕонньор, уол Эрбэхтэй Бэргэн, өйдөөх кыыс буоланнар өр олорбуттара үһү.

4 Арай биирдэ аҕалара оҕонньор, Эрбэхтэй Бэргэн буоланнар бултуу баран хаалаллар. Өйдөөх кыыс, уол кэргэнэ, эрэ дьиэҕэ хаалар. Оҕонньор үрэҕин таҥнары батан иһэн, төрүөҕүттэн ыла өстүһэр аҕатын ууһун дьоннорун көрсөр. Кинини сонно тутан, өкө тииккэ кэлгийэллэр, онтон тааханҥа* уот үттэрэллэр. Буруоҕа тумнаран, өлөрөргө сүбэлэһэллэр.

Оҕонньор көрдөһөр:

— Мин этэр тылбын истин.

Дьоннор сөбүлэһэллэр.

Оҕонньор саҕалыыр:

— Мин дьиэбэр биир уолааҕым* хаалбыта. Ол уолбар маннык тылла тиэрдин: «Мин күүспүттэн эһинним, туораах буолан төкүнүйэбин, эдэр сэбирдэҕи кытта тустабын». Дьөрсө этин, уолум мин тылбын истээт, тус хоту икки хатыҥ чараҥ турара буолуо, ону төбөлөрүн быһа оҕустун, онтон тус арҕаа көрдүн, оччоҕо ахсаана биллибэт элбэх бэстээх бэс чагда баара буолуо, ону барытын төбөлөрүн бысталаатын уонна миэхэ аҕалтаатын; өскө уолум хайдах быһарын билбэтэҕинэ, тэллэҕим анныгар сытар маҥан таас көмөлөһүөҕэ; мин этэр тылбын кыайан дуумайдаабатаҕына, бэйэтин сыттыгын аннынааҕы сытыы быһыйа көмөлөһүөҕэ диэбитэ диэрин, — диир.

Бухатыырдар сүбэлэһэллэр.

Тойонноро:

— Чэ, ити тыллары уолга тиэрдэ охсун! — диэн икки бухатыыры ыытар.

2 В это время девушка поднялась, стала еду готовить. Нарезав, сварила мяса. На тарелку выложила, принесла, перед стариком поставила.

Старик:

— Девчушка, сколько поварешек ты налила в мою тарелку?

— Сколько поварешек налила, не знаю. Если бы ты сказал, сколько шагов заставил ступить своего оленя по пути от дома досюда — тогда бы и я ответила.

Старик тут: «Умная девушка, оказывается», — подумал.

3 Назавтра старик приводит своего сына Эрбэхтэй Бэргэна и говорит:

— Ну, старики, что если бы мы попробовали поженить своих детей? — говорит.

Хозяева-старики, отец и мать девушки, подумав, согласились, сами переехали к дальним родственникам. Старик, Эрбэхтэй Бэргэн и умная девушка вместе долго жили, говорят.

4 Однажды отец-старик вместе с Эрбэхтэй Бэргэном уходят на охоту. Остается только умная девушка, жена парня. Идя вниз по течению реки, старик встречается с людьми из другого рода, с которыми враждовал с самого рождения. Его хватают, привязывают к наклоненной лиственнице и разжигают под таганом огонь. Решили уморить дымом.

Старик просит:

— Выслушайте сказанное мною слово.

Люди соглашаются.

Старик начинает:

— Дома у меня остался мой единственный сын. Тому моему сыну передайте такие слова: «Я из сил выбился, как шишка катаюсь, с молодыми листьями борюсь». Еще скажите, пусть мой сын, услышав мои слова, срубит верхушки двух берез, растущих прямо на севере, затем пусть посмотрит прямо на запад, там, верно, будет сосновый бор с бесчисленным множеством деревьев. Пусть срубит и принесет мне верхушки всех этих деревьев. Если мой сын не знает, как их срезать, то поможет ему лежащий под моей постелью белый камень. Если мое слово не сможет понять, то поможет ему лежащий под его подушкой острый ножик. Передайте, так, мол, сказал, — говорит.

Богатыри стали советоваться.

Их тойон:

— Ну, быстрее донесите до парня эти слова! — говоря, посылает двух богатырей.

5 Икки бухатыыр дьиэҕэ тийбиттэрэ* — уол суох, уол ойоҕо эрэ олорор.

Бухатыырдар:

— Хайа, оҕонньор уола ханнаный?

— Ээ, билигин суох, кэлэрин күүтэ түһүн! — диир.

Бухатыырдар сөбүлэһэллэр. Сотору буолаат, уол көтөн түһэр.

— Нохоо, аҕаҥ биһигинэн илдьит ыытта, иһит!

Уонна оҕонньор уолугар илдьитин барытын этэн биэрэллэр.

Онуоха уол ойоҕо:

— «Сыттык аннынааҕы сытыы быһыйаҥ», биитэр өйүҥ — мин буолабын, нохоо, өйдөөҥ иһит! «Мин күүспүттэн эһинним, туораах буолан төкүнүйэбин, эдэр сэбирдэҕи кытта тустабын» — ол аата: аҕаҕын өкө маска өстөөхтөрө кэлгийбиттэр. «Уолум мин тылбын истээт, тус хоту икки хатыҥ чараҥ турара буолуо, олору төбөлөрүн* быһа охсуталаатын» — ол аата: бу икки бухатыыр баһын быһа охсуохтааххын. «Онтон тус арҕаа көрдүн, оччоҕо ахсаана биллибэт элбэх бэстээх бэс чагда баара буолуо, олору барыларын төбөлөрүн быстаатын» — ол аата: бу бухатыырдар сэриһиттэрин барыларын кыргыахтааххын. «Өскө уолум хайдах быһарын билбэтэҕинэ, мин тэллэҕим анныгар маҥан* таас сытара буолуо, ол көмөлөһүөҕэ» — ол: аҕаҥ сытыы кылыһа. «Өскө мин илдьитим ис хоһоонун өйдөөбөтөҕүнэ, сыттыгын аннынааҕы сытыы кылыһа көмөлөһүө» — ол буоллаҕына: мин, эн өйдөөх ойоҕуҥ.

Уол:

— Сөп, барытын өйдөөтүм!

6 Аҕатын тэллэҕин анныттан сытыы кылыһы сулбу тардан ылан, икки бухатыырдары бастарын быһыта кэрдэттиир уонна баран, кинилэр салдааттарын* барыларын өлөртүүр, аҕатын мастан сүөрэр, аҕата өлүөн иннинэ өрүһүйэр.

Ити курдук өйдөөх кийиитин көмөтүнэн оҕонньор өлүүттэн быыһаммыта үһү.

5 Два богатыря вошли в дом: парня нет, сидит только его жена.

Богатыри:

— Ну, где сын старика?

— Ээ, сейчас [его] нет, немного подождите, придет! — говорит.

Богатыри соглашаются. Вскоре влетает парень.

— *Нохоо*, твой отец послал с нами тебе весть, слушай!

И поручение старика целиком сыну передают.

Тогда жена сына:

— «Острый ножик под твоей подушкой», или твой ум, — это буду я, слушай, *нохоо*, внимательно! «Я из сил выбился, как шишка катаюсь, с молодыми листьями борюсь» — это значит, враги привязали твоего отца к наклоненному дереву. «Пусть мой сын, услышав мои слова, срубит верхушки двух берез, растущих прямо на севере», — это значит, ты должен срубить головы этим двум богатырям. «Затем пусть посмотрит прямо на запад, там будет стоять сосновый бор с бесчисленным множеством деревьев, пусть всем им срубит верхушки» — это значит, должен уничтожить все войско этих богатырей. «Если мой сын не будет знать, как срубить, то под моей постелью должен лежать белый камень, он поможет» — это острый отцовский *кылыс*. «Если мой сын не поймет смысла моих слов, то поможет лежащий под его подушкой острый *кылыс*» — это я, твоя умная жена.

Парень:

— Хорошо, все понял!

6 Выхватив из-под постели своего отца острый *кылыс*, срубает головы двум богатырям, идет, убивает всех их воинов и отвязывает от дерева своего отца. Спасает своего отца, пока тот не умер.

Вот так с помощью умной невестки старик спасся, говорят, от смерти.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПАМЯТИ Ю.Н. ДЬЯКОНОВОЙ (1953–1986)

Юленька... Так нежно и ласково называли родные и близкие Юлию Назаровну Дьяконову. Коллеги уважительно, несмотря на молодость, звали ее Юлией Назаровной.

В конце 70-х гг. XX в., после успешного окончания филологического факультета Якутского государственного университета, Юлия Дьяконова пришла в Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. Со старшими коллегами — Прокопием Елисеевичем Ефремовым, Василием Тимофеевичем Петровым, Петром Никифоровичем Дмитриевым — она участвовала в экспедициях по сбору фольклорных материалов. Однажды мы были вместе в Верхневилюйском районе и мне запомнилось, как она пошла пешком одна за 3 км к бабушке-сказочнице, чтобы записать сюжет оригинальной сказки с песенными вставками. «Надо!» — таково было кредо этого добросовестного и скрупулезного собирателя.

У нее были прекрасные учителя-наставники, навсегда привившие ей любовь к фольклору. Еще во время учебы в университете она участвовала в ежегодных студенческих экспедициях под руководством доцента ЯГУ Марии Федоровны Дружининой. Маршруты экспедиций проходили по поселениям русских старожилов Лены, Колымы и Индигирки. Не столько диплом с отличием, сколько приобретенный в экспедициях бесценный опыт сбора фольклорных и диалектологических материалов указал Юленьке прямой путь в большую науку.

Мне также посчастливилось принять участие в подобной экспедиции под началом М.Ф. Дружининой и Н.Г. Самсонова. Наш отряд поистине был интернациональным: сама Мария Федоровна — марийка, Николай Георгиевич — «сахаляр», в жилах которого течет русская, грузинская, якутская и тунгусская кровь, Виола Сузи — финка, Галя Суханова и Люся Котельникова — русские, Роза Туласынова, Аня Михеева и я — якутки, Алеша Третьяков — эвен.

За лето мы посетили многие большие и малые деревни верхней Лены: Сполошино, Сукневка, Березовка... Прибыв в очередную деревню, мы раз-

бредались по домам в поисках нужных информантов. Иногда встречались очень интересные рассказчики — носители и знатоки фольклора, потомки казаков, знающие культуру предков не понаслышке, тогда нашей радости не было предела. Это была горячая пора сенокоса и мы, чтобы помочь своим информантам, работали на сеноуборке, а в минуты отдыха ходили в лес за черникой и грибами, даже «шишковали» с заготовителями кедровых орехов. Вечерами танцевали кадриль с деревенской молодежью, иногда со стариками пели протяжные сибирские песни про бродяг. Из деревни в деревню ходили пешком. Впереди всегда шел сухопарый и быстрый Николай Георгиевич — фотохроникер отряда, тогда еще преподаватель старославянского и древнерусского языков, а ныне почтенный профессор ЯГУ, автор учебников, по которым учатся и зарубежные слависты. Обычно шествие замыкали дородная, медлительная Мария Федоровна и щупленький Алеша, всюду носивший огромный портфель патронессы «с денежным довольствием» отряда... Это было для всех незабываемое лето! Впоследствии Галя Суханова (в замужестве Галина Ивановна Попова) стала преподавателем диалектологии на родном языке, а я стала фольклористом...

Со студенческой скамьи Юленька Дьяконова попала в сплоченный коллектив якутских фольклористов, возглавляемый Николаем Васильевичем Емельяновым. Молодого специалиста сразу же включили в состав совместной экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Она вместе с многоопытным Сергеем Николаевичем Азбелевым весной 1977 г. побывала на Индигирке, где они успели записать и зафиксировать на кинопленку остатки традиционного фольклора старожилов Русского Устья. Свежие данные дополнили ранние архивные записи 40-х и 60-х гг. XX в. и вошли в академическое издание «Фольклор Русского Устья». Так имя молодой исследовательницы оказалось в одном ряду с именитыми фольклористами России.

С особым благоговением Юленька относилась к родному фольклору, в чем была заслуга и ее мамы — Федоры Ивановны, учительницы якутского языка и литературы. Юлия Назаровна выросла в городской среде в условиях билингвизма. Ее исследовательской темой стала якутская сказка. Работа была выполнена на высоком уровне в аспирантский срок и блестяще защищена в Пушкинском доме. К сожалению, автор при жизни не успела увидеть свою монографию: ее труд вышел в свет в издательстве «Наука» в 1990 г. Он стал весомым вкладом молодого исследователя в российскую фольклористику.

Нельзя не сказать несколько слов об уникальной семье Дьяконовых, давшей якутской науке плеяду замечательных ученых: Михаила Назаровича, физика, кандидата физико-математических наук, академика Нью-Йоркской академии наук, Харлампия Назаровича, экономиста, доктора экономических наук, Юлию Назаровну, фольклориста, кандидата филологических наук,

Наталию Назаровну, историка, кандидата исторических наук, Екатерину Назаровну, этнографа, доктора исторических наук. Глава семьи, Назар Харлампьевич Дьяконов, не отстал от детей и является кандидатом экономических наук. Михаил был первой ласточкой в семье, за которым вереницей устремились в высокий полет в науку братья и сестры. Теплое родовое гнездо было согрето материнской любовью и заботой Федоры Ивановны — дети выросли в атмосфере доброты, взаимоуважения и взаимовыручки, они всегда готовы прийти на помощь.

Как порой неумолима и жестока судьба... Юленька ушла от нас в расцвете творческих сил в возрасте 33 лет. Но успела оставить глубокий след в науке и добрую память о себе!

Сардана Ойунская

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

I. ХАМСЫЫР ХАРАМАЙ ТУҺУНАН ОСТУОРУЙАЛАР
СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Эһэ уонна саһыл (Медведь и лиса). — Ср. AT 157; СУС 157; СЯС 1. — Самозапись Н.В. Слепцова, сделанная в 1945 г. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 670, л. 3–4. — Публ. впервые.

Николай Васильевич Слепцов, 1925 г. р., уроженец Крест-Майорского н-га (средняя Индигирка) Абыйского р-на Якутии. Он журналист и писатель, автор повести «Чучунаа и Сулунья», в основу которой положено народное предание. Н.В. Слепцов с юных лет собирал фольклор. Свои ранние записи, в том числе и публикуемую сказку, он производил по памяти, будучи тяжело больным, прикованным к постели (Н.В. Слепцов инвалид первой группы). Делал он это по совету фольклориста Г.М. Васильева, которому и передал собранный материал (АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 670, 675, 699). Во многих случаях он называет имена сказочников.

Варианты: 1) Зап. И.Я. Николаев в 1941 г. от Е.Е. Мартынова во II Бордонском н-ге Сунтарского р-на [89, т. 1, № 1]; 2) Зап. ученик 7-го класса И. Григорьев в 1945 г. от М. Григорьева в Оленекском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 704, л. 156–158; 3) Зап. Н.В. Емельянов в 1959 г. от М.И. Оспек, 64 лет, на оз. Эссей Эвенкийского национального округа Красноярского края. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 83, л. 168; 4) «Лев». — Зап. Н.В. Емельянов в 1959 г. от М.И. Оспек, 64 лет, на оз. Эссей Эвенкийского национального округа Красноярского края. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 337, л. 43.

Варианты 1–3 сходны с публикуемым текстом, в варианте 4 другом лисы оказывается лев.

С публикуемой сказкой совпадает начало тофаларской сказки «Лисья скала» [86, с. 237–240]. Еще большее сходство с якутскими текстами находим в популярных эвенкийских сказках о медведе и лисе [41, № 12–15; 83, с. 86]. Также мотив хвастовства медведя встречается в чукотской сказке «Лиса и медведь» [74, № 20].

1 — *...алыс...* (*...очень...*) — диал. форма лит. *олус* — 'очень, весьма, слишком'.

3 — *...көллөрөр...* (*...показывает*) — диал. форма лит. *көрдөрөр*.

— *...тулуйубунна...* (*...в нетерпении...*) — диал. форма лит. *тулуйумуна* от *тулуй* 'терпеть, выносить, переносить'.

4 — *...күлэн быар аҕай буолар* (*...до колик в печени покатывается со смеху*) — разг. форма фразеологизма *быара суох буолар* или *быарын тарбыыр* 'умирать со смеху, насмехаться, издеваться над кем-либо' [44, с. 112].

24 Заказ № 61

— *...«ньаас» диэн баран көтөр кыылтан...* (*...зверя, вылетающего из кочек с криком «ньаас»...*) — эвфемизм, вм. *үгүрүөттэн* 'бекаса'.

— *...туора харахтаах кыылтан...* (*...поперечноглазого зверя...*) — эвфемизм, вм. *киһиттэн* 'человека'.

---

3 — *...шкуру спины глазам показывает* (*...иэнин тириитин хараҕар көллөрөр...*) — фразеологизм, ср. *иэнин хастаа*, имеющим значение «шлепать, бить, хлестать, научить, проучить» [22, с. 41], «побить, выдрать» [44, с. 114], ср. рус. «вывернуть наизнанку».

— *С едва приметным светлым дыханием, с чуть теплящейся белой душой...* (*Сыккырыыр сырдык тыына, үккүрүүр үрүҥ дууһата эрэ...*) — традиционная фольклорная формула. В пояснении Э.К. Пекарского — «бормочущая (едва подающая признаки жизни) душа (о еле живом человеке)» [53, стлб. 2486].

4 — *Поперечноглазый ведь мой родственник* (*Туора харах мин ууруум эбээт*) — согласно мифологии якутов, медведь считается тотемом женщин [37, с. 55]. Здесь угадывается намек на это древнее представление о предке: первый медведь был женщиной, которая ушла от людей, обросла шерстью и стала медведицей. Поэтому считается, что этот зверь женщин не обижает.

6 — *...помочилась на медвежьи кости* (*...эһэ уҥуоҕун үрдүгэр иистээн кэбиһэр*) — по народным представлениям, помочившись на медвежьи кости, лиса нанесла страшное оскорбление всем медведям.

2. Саһыл туруйа икки (Лиса и журавль). — АТ 15+(2034 A*); СУС 15; СЯС 7. — Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от П.С. Иванова, 29 лет, в Кыргыдайском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 168, л. 1–5. — Публ.: [89, т. 1, № 4].

П.С. Иванов — один из одаренных потомственных сказителей на нижнем Вилюе. Его репертуар наряду с множеством сказок включает большое количество легенд, преданий и др. Фольклорист А.А. Саввин записал со слов сказочника 11 текстов, из них 3 опубликованы Г.У. Эргисом [89, т. 1, № 4, 31; т. 2, № 92]. П.С. Иванов прекрасно знал сюжеты русских сказок и превосходно передавал их в якутском стиле (записанные материалы хранятся в АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 5, д. 215, л. 2).

Первая часть публикуемого текста совпадает с сюжетом сказки Н.А. Абрамова – Кынат «Лиса и волк — сожители» [89, т. 1, № 3]. В сходных эвенкийских сказках «Лисица и женщина» [41, № 7], «Как лисица женщин обманула» [36, № 4] и эвенской сказке «Хитрый соболь» [87, с. 29–30] животные обманывают доверчивых женщин и съедают их запас пищи.

Вторая часть текста относится к типу кумулятивных сказок, часто встречающихся в сказочном фольклоре тюрко-монгольских народов [11, № 37].

1 — *Сассыарда...* (*...поутру...*) — диал. форма лит. *сарсыарда*. Ассимилятивное оглушение сонорных перед глухими согласными [*рс* > *сс*] более последовательно встречается в акающих говорах.

— *...киниитэ...* (*...невестка...*) — диал. форма лит. *кийиитэ*.

— *...төрүөн...* (*...рожала...*) — диал. форма лит. *төрөөн*.

4 — *...бээтэ...* (*...сам*) — разг. форма лит. *бэйэтэ*.

— *...сиэн кээһэн...* (*...съела...*) — стяженная форма лит. *кэбиһэн.*

— *Түүкүдүйэ...* (*...притворяешься...*) — диал. форма лит. *түөкүдүйэ.* Ср. *түөкүннээ.*

5 — *...убайан...* (*Загоревшись...*) — диал. форма лит. *умайан.* Варьирование согласных [*б-м*] является отражением древних диалектных различий.

— *...ұмэрэдийбэт...* (*...незатягивающемуся пенкой...*) — метатеза, лит. форма *ұрұмэтийбэт.*

— *...умуруоруохтаа'ар...* (*...где уж... потушить...*) — стяженная форма лит. *умуруоруохтааҕар.*

6 — *...ыксары...* (*...едва...*) — семантический диалектизм с расширением значения наречия *ыксары* 'плотно, туго, крепко'.

— *...кыйаар...* (*...небесных...*) — разг. форма лит. *куйаар* 'бескрайняя даль, бескрайний простор, бескрайнее небо'.

— *...бата сылдьан...* (*...погонятся...*) — стяженная форма лит. *батыһа сылдьан.*

— *...атах...* (*...ноги...*) — в рукописи *хатах.* Видимо, описка.

8 — *...оҕоньньорго...* (*...старику...*) — диал. форма лит. *оҕонньорго.* В лит. яз. долгий согласный [*ньнь*] пишется с одним знаком мягкости [*нь*].

— *...күүдээктэр...* (*...мыши-землеройки...*) — диал. форма лит. *күүдээхтэр.* Употребление [*к*] вместо лит. [*х*] обычно свойственно северным диалектам.

9 — *...ыксаа сылдьабыт...* (*...торопимся...*) — разг. форма лит. *ыксаан сылдьабыт.* Выпадение конечного [*-н*] в деепричастии в разговорной речи встречается часто.

---

1 — *...ушат мелкой рыбы...* (*...биир уһаат лыыбалаах...*) — в старину якуты заготавливали впрок рыбу в кадках, ушатах или в яме, обложенной корой.

— *...Кого родила?* (*...Тугу олордо?* — букв.: «Кого высидела?») — традиционно якутская женщина рожала, стоя на коленях или сидя на корточках, руками держась за перекладину, а спиной опираясь на колени повитухи [78, с. 91]. См. также коммент. к тексту 20, бл. 5.

— *...Ээй, девочку* (*...Ээй, кыыс*) — междометие *ээй* выражает различные эмоции (см. Словарь непереведенных слов), в данном случае — разочарование тем, что родилась девочка, а не мальчик — продолжатель рода.

— *...Авдотья Серединка-На-Половинку...* (*...Ортолоон-Ортолоон Огдооччуйа...*) — лиса выдумывает имена, состоящие из созвучных образных слов, намекая на свои действия, а также на то, сколько осталось масла в *тымтае* (далее: *Трях-Трях Трясушка* (*Сик-Сик Сиксиллээйи*), *Скряб-Скряб Поскребушка* (*Кирээ-Кирээ Кирээһэ*) [89, т. 1, с. 294].

5 — *...к незатягивающемуся пенкой молочному озерку...* (*...ұмэрэдийбэт үүт көлүйэтигэр...*) — традиционная формула якутских сказок и *олонхо.* Э.К. Пекарский переводит ее как «незамерзающее (не покрывающееся тонкою ледяною корою) молочное озеро» [53, стлб. 3177–3178].

6 — *...восемь небесных стерхов-дочерей, девять вольных журавлей-сыновей...* (*...аҕыс кыйаар кыталык кыыһа, тоҕус субан туруйа уола...*) — в якутской народной поэзии девушка постоянно сравнивается со стерхом — белым журавлем, а па-

рень — с серым журавлем. Эти сравнения употребляются и как постоянные определения девушек и парней.

3. Түөт сыымыыттаах Түөнэн кыыл (Птица Тюёнэн с четырьмя яйцами). — АТ 125 С* + АТ—; СУС 56 А; СЯС 8. — Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от И.Г. Колмогорова в Ситтинском н-ге Кобяйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 5, л. 183. — Публ.: [89, т. 1, № 6].

Публикуемая сказка уникальна. Иная версия представлена сказкой «Старушка Бечекене» (зап. А.П. Иванов в 1938 г. от И. Егорова во II Кюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 159, л. 1—2). В ней соседями старушки Бечекене являются лиса и песец. Лиса, угрожая старушке смертью, отнимает и поедает ее детей, после чего предлагает покачаться в зыбке. Старушка садится первой, лиса ее привязывает и уходит. После долгих стараний песец развязывает старушку. Та нападает на лису и отрубает ей кончик хвоста. Аналогичная версия отмечена также у долган («Старик и лисица» [25, с. 33—34]), у эвенков («Лисица, птичка» [41, № 18]) и у бурят («Смерть лисицы» [12, № 42]). Сходные образы обманщицы-лисы и доверчивой сороки встречаются в тувинской сказке «Сорока и лисенок» [81, с. 76—81].

— *Түөт...* (*...с четырьмя...*) — диал. форма лит. *түөрт*.

— *...сыымыыттаах...* (*...с... яйцами*) — разг. форма лит. *сымыыттаах*. См. далее вар. *сыымыттаах* (*с яйцами*) вм. лит. *сымыыттаах*.

1 — *Саамнай...* (*...старой...*) — диал. форма лит. *самнай*. Зафиксированы еще пять случаев произношения сказочником долгих гласных там, где в литературном языке им соответствуют краткие гласные, см. *саамнары тардыам* (*свалила*) вм. *самнары тардыам* (бл. 2, 3), *ылаан* (*забрала*) вм. *ылан* (бл. 2), *сарыылыыр* (*визжит*) вм. *сарылыыр* (бл. 4), *сыыт* (*ложись*) вм. *сыт* (бл. 5), *хайдаах* (*как*) вм. *хайдах* (бл. 6). Употребление лит. вар. *самнай* (*старую*) см. в бл. 2.

— *...төрөн...* (*Высиживала...*) — диал. форма лит. *төрөөн* 'выводить птенцов'. Зафиксированы свыше 20 случаев произношения сказочником кратких гласных там, где в лит. яз. им соответствуют долгие гласные. См. имена существительные: *бурҕа* (*мелкой*) вм. лит. *бурҕаа* (бл. 7), *сыһыгын* (*твою долину*) вм. лит. *сыһыыгын* (бл. 2), *сыһыбын* (*мою долину*) вм. лит. *сыһыыбын* (бл. 3); глаголы: *быһыыгын* (*освободишь*) вм. лит. *быыһыыгын* (бл. 6), *ыста* (*сгрызи*) вм. лит. *ыстаа* (бл. 3, 4), *ыстатаргын* (*если сможешь сгрызть*) вм. лит. *ыстаатаргын* (бл. 3), *сүбэлэтэ* (*дал совет*) вм. лит. *сүбэлээтэ* (бл. 4), *тарбыр* (*скребет*) вм. лит. *тарбыыр* (бл. 4), *тийэр* (*пришла*) вм. лит. *тиийэр* (бл. 5), *үөскэбит* (*пошли*) вм. лит. *үөскээбит* (бл. 7), *баран халар* (*ушел*) вм. лит. *баран хаалар* (бл. 3); причастие *харарбытынан* (*потемневшим*) вм. лит. *хараарбытынан* (бл. 7); деепричастия: *куттан* (*грозясь*) вм. лит. *куттаан* (бл. 3), *сүбэлэн* (*насоветовав*) вм. лит. *сүбэлээн* (бл. 5); вопросительное местоимение *хайан* (*откуда*) вм. лит. *хайаан* (бл. 4). Кроме того, сохранено индивид. произношение в словах: *үөскэн* (*наросло*) вм. лит. *үөскээн* (бл. 7), *өлөрү гынным* (*помираю*) вм. лит. *өлөөрү гынным* (бл. 5); *ытыы-сонгу* (*плача-рыдая*) вм. лит. *ытыы-сонгуу* (бл. 3).

— *...төрөн сыпбыт...* (*Высиживала...*) — диал. форма лит. *төрөөн сыппыт*. В лит. яз. при аффиксации конечный [*т*] основы в одних случаях ассимилирует начальный согласный аффикс, а в других подвергается полной взаимной ассимиляции

(*сыт+быт>сыппыт*). В слове *сыпбыт* начальный согласный аффикса не подвергается ассимиляции, т.е. собирателем А.А. Саввиным зафиксировано существование в разговорной речи сочетания глухих и звонких губных согласных [*п-б*] при аффиксации. См. далее: *эпбит* (*говорит*) вм. лит. *эппит* (бл. 1), *сиэпбэтиҥ* (*не дал съесть*) вм. лит. *сиэппэтиҥ* (бл. 5), *сымыыпбыттан* (*моих яиц*) вм. лит. *сымыыппыттан* (бл. 3), *үөпбүн* (*мою иву*) вм. лит. *үөппүн* (бл. 3).

— *...хомуруо...* (*...сугробистую...*) — диал. форма лит. *хомурах, хоҥурах.*

— *...баран-баран хаалбыт* (*...и убралась*) — редупликация, лит. форма *баран хаалбыт*. См. далее *ол-ол тийэн* (*вот входит*) вм. лит. *ол тиийэн* (бл. 7). Редупликация подобного типа часто наблюдается в эссейском говоре и на Колыме [18, с. 179].

2 — *...ɣэннэ...* (*Через...*) — диал. форма лит. *кэннэ*. Реализация [*ɣ*] в начале слова необычна для якутского языка, но она зарегистрирована в эссейском, анабарском говорах якутского языка и долганском языке [18, с. 61]. См. далее *ɣытары* вм. лит. *кытары* (бл. 3).

— *...оруккутун...* (*...прежде...*) — диал. форма лит. *уруккутун*.

3 — *...оҕоньньор...* (*...старик...*) — разг. форма лит. *оҕонньор*. См. *муньньаҕа* (*сходка*) вм. лит. *мунньаҕа* (бл. 7).

— *...кэбит* (*...приходит...*) — разг. форма лит. *кэлбит*. Стяжение в результате выпадения [*л*] из глагольной основы *кэл*, видимо, результат специфики индивид. речи. См. далее *ысаан* (*отчаялся*) вм. лит. *ыксаан* (бл. 6).

4 — *Нөгүө...* (*На следующий...*) — диал. форма лит. *нөҥүө*.

5 — *Чэ'рэ...* (*Ну давай...*) — диал. форма лит. *чэ эрэ*.

— *Эһээкэ...* (*Дедушка...*) — разг. форма лит. *эһэкэ*. В этом же блоке употреблен вар. *эһэкэн* вм. лит. *эһэкэ*.

— *...быаннан...* (*...веревкой...*) — разг. форма лит. *быанан*.

6 — *...ысаан...* (*...отчаялся...*) — см. примеч. к бл. 3.

7 — *...эмтэҕэй...* (*...щербатыми...*) — диал. форма лит. *эмтэгэй*.

— *...үөт-тараҕынэн...* (*...ожигом*) — разг. форма лит. *үөттүрэҕинэн*.

---

1 — *...тучную долину...* (*...сыа сыһыыгын...* — букв.: «жирную долину») — постоянный эпитет местности в сказках и *олонхо*, характеризующий изобилие растительного мира, в особенности травяного покрова. Народные певцы часто употребляют его по отношению к р. Вилюй: *Сыа Бүлүү* 'Жирный Вилюй'.

5 — *...в железной колыбели...* (*...эн биһи тимир...*) — обычно в якутских сказках и *олонхо* колыбель имеет постоянный эпитет «железная», что придает повествованию фантастичность и сказочность. В быту же колыбель делали из тонкой доски или бересты.

4. Чаркый икки барыллыа (икки) (Чирок и беркут). — АТ–+ср. АТ 220 А; ср. СУС 220 А; СЯС 35. — Зап. И.А. Худяков в Верхоянском округе. — Публ.: [15, с. 69–72; 48, с. 1–6; 91, с. 186–190; 89, т. 1, № 20; 70, с. 134–137].

Варианты: 1) «Перелет птиц» [56, с. 623–626]; 2) «Почему некоторые птицы зимуют» [37, с. 72]; 3) Зап. С.И. Боло в 1940 г. от Тарабукина в Улахан-Чистайском н-ге Момского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 414, л. 23–24; 4) «Летающие крыла-

Собиратель исторического фольклора якутов Сэсэн Иванович Боло (1905–1948).

тые». — Зап. С.И. Боло в 1940 г. от Н.А. Винокурова в Среднеколымском н-ге Среднеколымского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 431, л. 1–10.

Публикуемая сказка и ее варианты, объясняющие, с чего начался перелет птиц с юга на север, записаны только в Северной Якутии. По мнению В.Л. Серошевского, в данном сюжете сохранилось воспоминание о массовых переселениях якутов в поисках лучших пастбищных угодий [72, с. 583]. В варианте 4, напротив, обосновывается перелет птиц с холодного севера в южный теплый край. Такой мотив встречается в эвенской сказке «Жадный глухарь» [87, с. 34–35].

В основе сказки лежит известный сюжет «Совет птиц» (СУС 220 А). С ним органически соединен мотив этиологического характера, объясняющий, почему утка по названию *лахаатта* (иногда *богоргоно*) не может долго летать и потому редко прилетает в северные края. Этот мотив близок к бурятской сказке «Журавль» [42, с. 64–65], где журавль, рассердившись на птицу Буксэргэнэ (даже имя созвучно с *богоргоно*), ломает ей крылья. За это он наказан: при перелете он должен носить на спине покалеченную птицу.

1 — *...дайдыга...* (*...стране...*) — диал. форма лит. *дойдуга* от *дойду* 'страна, край, местность, земли-угодья, покос' [53, стлб. 665].

— *...осустумалаан...* (*...собравшись...*) — заим. из рус. «общество». До революции низшей административно-территориальной единицей у якутов был наслег, состоящий из нескольких родов. Наслег составлял одно земельное общество, дела которого формально решались на собрании. Собрание птиц напоминает наслежное собрание.

— *...дики...* (*...стороне...*) — диал. форма лит. *диэки* — послелога 'к, в сторону'.

— *...кэрсиэҕинэн...* (*...мудростью...*) — диал. форма лит. *көрсүөҕүнэн*.

2 — *...кэньэ...* (*После...*) — диал. форма лит. *кэннэ*.

— *...сорукка сылыаҕын...* (*...на посылках...*) — диал. форма лит. *сорукка сылдьыаҕын*.

— *...тохору...* (*...целый...*) — диал. форма лит. *тухары*.

3 — *...тиийэн кэл* (*...возьми и прилети*) — разг. форма лит. *тиийэн кэлэр* 'прилетел'. В устной речи форма повелительного наклонения употребляется вм. изъявительного наклонения как стилистический прием.

— *...хайтах...* (*...какой...*) — диал. форма лит. *хайдах*.

— *...ибит...* (*...оказывается...*) — диал. форма лит. *эбит* — модальной частицы в значении достоверности, очевидности сообщаемого факта.

— *...дьорооно...* (*...ложбинки...*) — диал. слово. В булунском говоре означает «узкое длинное озеро», в среднеколымском — «озерко», в верхоянском — «узкое длинное поле» [24, с. 98]. И.А. Худяков переводит *дьорооно* как «ложбина с водой».

4 — *...миньигин...* (*...обо мне...*) — архаическая форма лит. *миигин*.

— *...угураһа-һыллаһа...* (*...целоваться-обнюхиваться...*) — диал. форма лит. *уураһа-сыллаһа*.

5 — *...туох-та...* (*...самая...*) — диал. форма лит. *туох да*.

— *...булла-булуута...* (*...добычи...*) — диал. форма лит. *булда-алда*.

10 — *...алчахтаах...* (*...с лягушками...*) — диал. слово вм. лит. *баҕалаах*.

— *...табыталын...* (*...крылья...*) — диал. форма лит. *дабыдалын*.

11 — *Суманнык...* (*Это такая...*) — разг. форма лит. *субу маннык*.

ПРИМЕЧАНИЯ Э.К. ПЕКАРСКОГО

[1] В подл.: *таламбаран*. У Худякова Gerund. 1 чаще всего пишется слитно с *баран*, оканчиваясь на [*-ам*] или [*-м*], что недопустимо по правилам якутской фонетики вообще и в частности нередко нарушает законы гармонии гласных, например *көрөмбаран*.

[2] В подл.: *ытыэх*.

[3] В подл.: *атагынан*.

[4] В подл.: *сыдам'*.

[5] В подл.: *тутан*.

[6] В подл.: *тога*.

[7] В подл.: *тяганы*.

[8] В подл.: *тяганы*.

---

1 — *...беркута...* (*...барыллыаны...*) — здесь мы придерживаемся традиционного перевода, сделанного И.А. Худяковым. Якутский орнитолог Б.Н. Андреев *боруллуо* (акающий вариант — *барыллыа*) переводит как «орлан-белохвост» [9, с. 62].

— *...отбрасывая огромную тень* (*...көтөн барыйбыт*) — от слова *барый* 'бросать большую черную (мрачную) тень, затемнять (об орле)' [53, стлб. 382]; «казаться огромной тенью» [92, с. 64]. Б.Н. Андреев пишет: «Орланы-белохвосты — очень крупные птицы. Размах крыльев у них доходит до 2-х и даже больше метров.... Он обычно парит с неподвижно распростертыми крыльями и, заметив добычу, устремляется на нее быстрым, но не слишком ловким броском» [9, с. 97]. Видимо, и само название беркута *барыллыа* происходит от образного слова *барый*.

2 — *...беркут-тойон...* (*Барыллыа тойон...*) — в данной сказке наречение беркута господином (*тойоном*), а его жены госпожой (*хатын*) имеет иронический смысл.

11 — *...тойона-молодца — тойона и по имени, и по всему прочему* (*...ааттыын-баҕастыын тойон — тойон обургуну*) — согласно мифологии якутов, орел является очень почитаемой птицей. Вилюйские якуты называют его не *хотой* (орел), а *тойон кыыл* (птица-господин). Во всех вилюйских районах считают большим грехом убивать орла [4, с. 49–50; 33, с. 5–28; 88, с. 145–146].

— *...живет, спотыкаясь о собственный клюв* (*...тумсугут да уһунугар сөрөө сылһыахкыт*) — фразеологизм, так говорят о недальновидном человеке, ср. рус. «дальше собственного носа не видеть».

5. Күн тахсарын хайабыт урут көрөр (Кто первым увидит восход солнца). — АТ 120; СУС 120; СЯС 29. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от М.Д. Афанасьева, 69 лет, в с. Сунтар Сунтарского р-на. Магнитофонную запись расш. П.Н. Дмитриев. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 62. — Публ. впервые.

В декабре 1986 г. В.В. Илларионовым от того же исполнителя была произведена повторная запись сказки.

М.Д. Афанасьев родился в 1917 г. в Кутанинском н-ге Сунтарского р-на. Отец его был шаманом, поэтому у сказочника интерес к живому слову пробудился рано. Он знает и исполняет репертуар отца, часть которого записана фольклористами З.З. Винокуровой, В.В. Илларионовым и участниками КФЭ 1986, не раз слышал сказки Н.З. Николаева — Моотохоона и старика Павла Ньама. По словам сказочника, раньше он знал очень много сказок, теперь большинство их забыл. Тем не менее от него записано 5 сказок, из них сказки «Кто первым увидит восход солнца» и «Бэри Бэрджикээн» записаны повторно.

Варианты: 1) «Мышь и лось». — Зап. И.Я. Николаев в 1941 г. от Е.Е. Мартынова, 51 года, во II Бордонском н-ге Сунтарского р-на [89, т. 1, № 17]; 2) Зап. П.Е. Ефремов в 1965 г. в Верхнеколымском р-не (исполнитель не указан). — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 79, л. 24.

Аналогичный сюжет зафиксирован И.А. Худяковым, приводится в примечаниях к собранным им якутским текстам [15, с. 1].

В варианте 2 введен дополнительный мотив состязания, раскрывающий остроумие мышонка. Сличение с повторной записью от того же сказочника показывает сохранение текста на сюжетно-композиционном и формульном уровнях.

Сходный сюжет «Кто первым увидит восход солнца» встречается в бурятской сказке «Мышь и верблюд», где мышь, как и в якутской сказке, отличается острым умом [42, с. 32–33]. В бурятском сюжете дается этиологическое объяснение, почему верблюд ложится на золу и катается на спине.

1 — *Киммилээр...* (*Кто зна-а-ет...*) — стяженная форма лит. *ким билээр.*
2 — *Тайахха...* (*...лосю...*) — в рукописи *тайаҕы* 'лося'. Видимо, оговорка.

---

1 — *...дремучего леса...* (*...хара тыа...* — букв.: «черного леса») — обычно это выражение означает лиственничный лес.

6. Атыыр уонна атыыр оҕус (Кыһын уһаабыта, сайын кылгаабыта) (Жеребец и бык-пороз (Как зима стала длиннее, а лето короче)). — АТ–; СЯС 69, 71. — Зап. Г.У. Эргис в 1934 г. от Г.А. Васильева, 70 лет, в Немюгинском н-ге Орджоникидзевского р-на. — Публ.: [89, т. 1, № 37].

Варианты: 1) [37, с. 74]; 2) «Лошадь и корова». — Самозапись Н.В. Слепцова, сделанная в 1945 г. в Абыйском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 670, л. 6–8; 3) «Почему зима стала длиннее». — Самозапись М.Г. Наумовского, сделанная в 1945 г. во II Нахаринском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3,

Бык якутской породы. Фото из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского.

д. 655, л. 23; 4) Зап. В.В. Илларионов, В.С. Никифорова в 1987 г. от В.Ф. Ефимовой, 86 лет, в с. Батагай-Алыта Верхоянского р-на. — Материалы КФЭ 1987.

Публикуемый текст и вариант 1 по содержанию почти идентичны. В вариантах 2 и 4 наблюдается влияние христианства: функцию бога (*таҥара*) выполняет Христос. Вариант 3, видимо, обработан собирателем: против наступления зимы здесь выступает одна свинья — персонаж, не характерный для якутского животного эпоса.

— *...бык-пороз* (*...атыыр оҕус*) — «некладеный самец-бык, пороз» [53, стлб. 1787]; «бык-производитель» [92, с. 266].

7. Баҕа баһылык (Лягушка-госпожа). — АТ—; СЯС 65. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от С.Д. Кириллина, 62 лет, в с. Кутана Сунтарского р-на. Песенную вставку расш. Л. Ильина-Гольштейн, А. Ларионова. — Материалы КФЭ 1986. — Публ. впервые.

Повторная запись сказки от того же сказочника была произведена в апреле 1987 г. в Якутске участниками КФЭ 1987.

Семен Дмитриевич Кириллин родился в 1924 г. в Кюкяйском н-ге Сунтарского р-на. С детства любил слушать сказки, легенды и предания. На досуге он занимал слушателей старинными рассказами о своих предках и известных силачах, детям же рассказывал сказки и анекдоты. Односельчане признают его хорошим запевалой якутского кругового танца. Учителями-наставниками он считает З. Иванова — Хоромуонньа Захара, С.С. Афанасьева — Ырыа Сиэнчэ. Знаток старины, он искусно

мастерит предметы из дерева (мебель, столики, наличники), украшая их оригинальными якутскими орнаментами и сюжетами народных сказок. Этнограф А.И. Гоголев работал со сказочником по выявлению мифологических и религиозных представлений якутов [19, 20]. Также его записывали фольклористы и музыковеды В.В. Илларионов, З.З. Винокурова, Р.И. Бравина. Было записано 5 сказок, которые сказочник рассказывает живо, декламируя диалоги персонажей, песенные вставки передает своеобразным распевом (см. нотацию и компакт-диск).

Варианты: 1) «Лягушка-хвастунья» [47, с. 9–10]; 2) Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от Г.Я. Иванова, 66 лет, в с. Кутана Сунтарского р-на. Магнитофонную запись расш. Л.Г. Ильина-Гольштейн, А.С. Ларионова. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 60.

Сказку редко записывали, хотя она и популярна среди якутов. Помимо приведенных вариантов известна еще самозапись Г.Е. Федорова, который слышал сказку в детстве от бабушки Сэксэкэ (АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 110, л. 54–58). Сюжет его сказки отдаленно напоминает сюжет «Лягушка напрасно пытается стать такой же большой, как вол» (СУС 277 А). Наши записи (публикуемая сказка, ее повторная запись и вариант 3), зафиксированные одновременно в одной местности, сходны только в общем плане: в них подчеркивается хвастовство лягушки. Повторная запись свидетельствует о том, что текст довольно устойчивый.

— *Лягушка-госпожа* (*Баҕа баһылык* — букв.: «лягушка-предводитель») — переведено по смыслу.

1 — *...упряжным скотом...* (*...көлгөмө...*) — в старину так называли: 1) бычьи сани; 2) сани для невестки, жены и дочери; 3) в Олекминском округе: лошадь [53, стлб. 1133]; эвфемизм — сани [24, с. 117].

— *Три мира...* (*...үс дойдуну...*) — по представлениям древних якутов, Вселенная состоит из трех миров. См. коммент. к тексту 19, бл. 7, а также «Мифы народов мира» [43, т. 2, с. 682] и «Якутский героический эпос "Могучий Эр Соготох"» [90, с. 385, стк. 69].

2, стк. 8 — *С двумя рядами зубов* (*Икки хос тиистэммит*) — гипербола, встречающаяся в якутских сказках.

2, стк. 13 — *...сорной травы...* (*Сөкү...*) — это трава, растущая на влажном кочковатом месте, используется как корм для рогатого и табунного скота.

8. Кырынаас кутуруга тоҕо хараламмыта (Почему у горностая хвост почернел). — АТ–; СЯС 22. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от Г.Я. Иванова, 66 лет, в с. Кутана Сунтарского р-на. Магнитофонную запись расш. Л.Г. Ильина-Гольштейн, А.С. Ларионова. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 61. — Публ. впервые.

Григорий Яковлевич Иванов родился в 1920 г. в Кангаласском (ныне Кутанинском) н-ге Сунтарского р-на. Он был знатным охотником, побывал во многих районах Якутии. Во время охоты долгими зимними вечерами любил рассказывать своим товарищам старинные предания и сказки. На склоне лет Григорий Яковлевич попытался записать легенды, предания и сказки, чтобы оставить их потомкам. Первые фольклорные записи сделаны В.В. Илларионовым в 1985 г.: записано 5 сказок и 5 преданий. Его тексты отличаются художественностью и завершенностью сюжета. Как искусный рассказчик, он у слушателей пользуется популярностью.

Вариант: самозапись М. Наумовского, сделанная в 1945 г. во II Нахаринском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 655, л. 20.

В первой части варианта рассказывается о том, как горностай стал белым. Вторая часть сходна с публикуемым текстом. Различие состоит в том, что в сказке старик ударом кочерги оставляет черную отметину на хвосте горностая, а в варианте отметину делает заяц. Вариант, записанный М. Наумовским, содержит элементы литературной обработки.

1 — *Кырынаас...* (*Горностай...*) — от рус. «горностай».

2 — *...эмээхиинэ...* (*...старушка...*) — разг. форма лит. *эмээхсинэ*.

---

2 — *...горностай...* (*Бэлиэлээх...*) — здесь употреблено диалектное название горностая, букв.: «меченый, с отметиной».

Сказочник Григорий Яковлевич Иванов, с. Кутана Сунтарского р-на. Материалы КФЭ 1986. *Фото В.Т. Новикова.*

9. Чыычаах икки маҥыс икки (Пташка и *маҥыс*). — Ср. AT 700; СЯС 56. — Зап. И.А. Худяков в Верхоянском округе. — Публ.: [15, с. 239–240; 48, с. 183–184; 71, с. 133–134].

Варианты: 1) Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 512, л. 42–43; 2) Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от П.С. Иванова, 29 лет, в Кыргыдайском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 670, л. 1–2; 3) «Могус, имевший женщину — зимующую птичку». — Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от Г.Ф. Никулина в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 9–10.

Сказка носит этиологический характер, призванный объяснить происхождение птиц. Чрезвычайно близкий кумулятивный мотив встречается в сказочном эпосе народностей Севера, непосредственных соседей якутов: у эвенов это «Ленивый мальчик и птичка» [87, с. 28], у эвенков — «Чинике» [41, № 98], а у чукчей — «Мышка и кулик» [74, № 15].

1 — *Дьукаакы...* (*...вместе в одном доме*) — диал. форма лит. *дьуккаах*.

ПРИМЕЧАНИЯ Э.К. ПЕКАРСКОГО

[1] В тексте же везде: *магыс*.

[2] В подл.: *сеҫирьдягимь*.

[3] Вариант: *манчаарыттан*.

[4] Вместо *оројун*.

Сказочник Прокопий Иванович Аввакумов, с. Сунтар Сунтарского р-на. Материалы КФЭ 1986.
Фото В.Т. Новикова.

[5] В подл. здесь: *яҥиньь*.

[6] Вариант: «*Абатын-сүттүтүн! Хаар чаарыаһа буолан хаалара баар эбэт!*» — *диэн, мэйиитин тарбана туран хаалбыт үһү*.

10. Тээллэй эмээхсин (Старушка Тээллэй). — АТ—; СУС 163; СЯС 13. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от П.И. Аввакумова, 59 лет, в с. Сунтар Сунтарского р-на. Магнитофонную запись расш. В.В. Илларионов, Л.Г. Ильина-Гольштейн, А.С. Ларионова. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 40–41. — Публ. впервые.

Прокопий Иванович Аввакумов родился в 1927 г. в Арылахском н-ге Сунтарского р-на. С детских лет увлекался исполнением произведений якутского фольклора. Своими наставниками считает известных запевал якутского кругового танца Г. Данилова, П. Егорова. Он — активный участник художественной самодеятельности, артист народного театра. Публично сказки не исполнял, иногда рассказывает их внукам. С его слов записано 5 *тойуков*, импровизации на свободные темы, 3 предания, 2 сказки. Кроме того, В.В. Илларионовым и П.Н. Дмитриевым не раз фиксировалось его выступление на осуохае.

Вариант: «Старуха и лиса». — Зап. С. Николаев в 1942 г. от П.С. Иванова, 70 лет, в Шологонском н-ге Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 724, л. 16–18.

Сходные мотивы встречаются в сказках «Тогонохон старуха» [15, с. 246–247] и «Парень-лиса». Последняя была записана Н.В. Емельяновым со слов эссейского сказочника М.И. Оспека (АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 8, д. 337, л. 38–42).

Хотя публикуемый текст и вариант записаны в разное время от различных исполнителей, по содержанию они чрезвычайно сходны.

4 — *...үһүс...* (*...третью...*) — в рукописи *үс* 'три'. Видимо, оговорка.

5 — *...төрдүс...* (*...четвертую...*) — в рукописи *түөрт* 'четыре'. Видимо, оговорка.

6 — *...хандарааттаһан...* (*...уговорившись...* — букв.: 'заключив контракт') — от заим. рус. «контракт» (*хандарат*).

11. Бөрө уонна оҕонньор (Волк и старик). — АТ 155; СУС 155; СЯС 18. — Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от Г.С. Ермолаева, 37 лет, во II Ситтинском н-ге Кобяйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 1–9. — Публ. впервые.

Сюжет этой сказки близок к восточнославянскому сюжету «Старая хлебсоль забывается» (СУС 155). Ср. также бурятскую сказку «Человек, змея, собака и лиса» [12, № 30]. В якутском тексте широко обыгрываются социальные мотивы: описание жизни бедняка-старика, рассказ о горестном положении животных, честно служивших своим хозяевам.

1 — *...суоччоҕотох...* (*...одинокий...*) — разг. форма лит. *суос соҥотох*. В рукописи *суоччоҕот*. Видимо, описка.

2 — *...бииддэ...* (*...как-то раз...*) — диал. форма лит. *биирдэ*. В говоре вилюйских якутов (часть Кобяйского района, где записана эта сказка, раньше входила в состав Вилюйского округа) соседние согласные часто взаимно ассимилируются.

— *...уймаабытым...* (*...не ходил...*) — диал. форма лит. *оймообутум*.

3 — *...түөт атаҕтаахтар...* (*...четвероногие...*) — диал. форма лит. *түөрт атахтаахтар*. См. далее чередование согласных [*х*-ҕ]: *улаҕан киһи оҥоортум* (*взрастил его*) вм. лит. *улахан* (бл. 8), *тосҕойон биэрээрэй* (*встретится*) вм. лит. *тосхойон биэрээрэй* (бл. 8), *дьүүллэтэн көрүөҕ* (*пусть попробует нас рассудить*) вм. лит. *көрүөх* (бл. 12), *туттумаҕтаа* (*поторапливайся*) вм. лит. *туттумахтаа* (бл. 15); чередование [*h*-ҕ]: *таҕаарар* (*выпускает*) вм. лит. *таһаарар* (бл. 6); чередование [*г*-ҕ]: *үҕүһү-элбэҕи* (*многое-всякое*) вм. лит. *үгүһү-элбэҕи* (бл. 9), *арҕыстаһан* (*вдвоем*) вм. лит. *аргыстаһан* (бл. 10), *арҕый аҕай* (*с трудом*) вм. лит. *аргый аҕай* (бл. 10), *Дьөһөҕөйүм* (*Джёсёгёя*) вм. лит. *Дьөһөгөйүм* (бл. 10).

— *...тоҕус...* (*...девять...*) — в рукописи *тоҕос*. Видимо, описка.

4 — *...хайтах...* (*...что же...*) — см. примеч. к тексту 4, бл. 3.

— *...сытаммат...* (*...невозможные...*) — диал. форма лит. *сатаммат*.

— *...көрдүк...* (*...как...*) — диал. форма лит. *курдук*.

— *Ити...* (*...в эту...*) — в рукописи *итии*. Видимо, описка.

5 — *...көрбөтүм* (*...не видел*) — в рукописи *көрбөтүн*. Описка.

— *...төннүөҕүн...* (*...вернемся...*) — в рукописи *төннүөҕүн*. Видимо, описка.

7 — *...сытамматах...* (*...не поладив...*) — диал. форма лит. *сатаммматах*.

8 — *...ииппитим-аһаппытым...* (*...воспитывая-кормя...*) — в рукописи *ииһиппитм-аһаппытым*. Описка.

— *...көмүскээбэт...* (*...не защищает...*) — в рукописи *көмүскэбит*. Описка.

9 — *...саҥарба...* (*...не говори...*) — диал. форма лит. *саҥарыма*.

10 — *Эккиэн...* (*...вдвоем...*) — диал. форма лит. *иккиэн*.

11 — *...тиидьэнгэ...* (*...двухлеткой...*) — диал. форма лит. *тиһэнгэ*.

— *...тиһэнгэ...* (*...ломовых...*) — в рукописи *тэҥэһэ*. Видимо, оговорка.

— Собиратель к рукописи прикрепил обрывок листа, на котором под заглавием «Ат этэрэ» («Слова лошади») написано следующее: *Хамначчыт Халба 3 хамнаска киирэн үлэлээн ылбыта, тиҥэһэ ат эрдэхпинэ. Ырдыыны тиэйэн, араас түүлээҕи, кылааннаабы миигинэн бултаан байбыта* 'Работник Халба получил меня в качестве оплаты за три сезона, когда я была трехгодовалой лошадью. Разбогател благодаря мне, работая на перевозках груза, промышляя разную пушнину, меха'. Видимо, сказочником было сделано дополнение, но собирателем не указано, куда вставить этот отрывок.

13 — *...хайбаты...* (*...всю...*) — видимо, сокр. форма лит. *суола хайыллыбаты*.

— *...сымыйанан...* (*...неправду...* — букв.: «лживый рассказ») — в рукописи *симиэнэн*. Видимо, индивид. произношение сказочника.

— *...сымыйа сэһэн...* (*...россказни...* — букв.: «лживый рассказ») — в рукописи *симийэ сэһэн*. Видимо, индивид. произношение сказочника.

14 — *...бии...* (*...вот...*) — усеченная форма лит. *били*.

15 — *...кытарарын...* (*...мясо его...*) — эвфемизм «краснеющее его» вм. лит. *этин* 'мяса его'.

— *...үтүө...* (*...добро...*) — в рукописи *үөтүө*. Видимо, описка.

---

6 — *...вот такие слова произносит волк* (*...диир тыллаах киһи буолла* — букв.: «оказался человеком с такими словами») — так передается удивление сказочника неожиданным словам волка.

—*...спас твою светлую душу...* (*...үрүҥ тыыҥҥын өрүһүйбүтүм...* — букв.: «спас твое белое дыхание») — переведено по смыслу.

7 — *...много зим проживший...* (*...элбэх хаары бараабыт...* — букв.: «растопил много снега») — образное выражение, подчеркивающее почтенный возраст персонажа.

8 — *...часто умирали дети* (*...оҕолоругар сүрдээх түгүнэс өлүүлээх...* — букв.: «в детях имеющая смерть») — выражение *түнүгэс өлүү* якуты употребляют в тех случаях, когда говорят о высокой смертности детей.

— *...ымыы*[*-хранителем*]... (*...ымыы...*) — по представлению якутов, *Айыысыт*, божество-покровитель собак, может подарить женщине ребенка. Чтобы привлечь расположение *Айыысыт* по имени Норолуйа, женщинам следует хорошо обращаться с собакой, когда ощенится — кормить и ласкать ее [37, с. 24].

— *...семью сделал зажиточной* (*...уот көрдүк отто ыал кэккэтигэр киллэрбитим* — букв.: «поставил в ряд семей со средним достатком как огонь») — переведено по смыслу.

10 — *...рыжая...* (*...чаҥкырыын араҕас...*) — в данном случае буквальное название не поддается адекватному переводу: *чаҥкырыын* 'белая, серая, пегая' [53, стлб. 3180], *араҕас* 'рыжий, красный, рыжеватый' [Там же, стлб. 127], 'светло-желтый, красноватый' [92, с. 44].

— *...тебенюет* (*...хаһан аһаан...*) — 'ходить зиму на подножном корму' [23, т. 4, с. 395].

— *...дитя Джёсёгёя...* (*...Дьөһөҕөйүм оҕото...*) — по мифологии якутов, божество Джёсёгёй одаривало людей конями [37, с. 19]. Здесь в значении «лошадь».

11 — *Когда я была в расцвете...* (*...киһи көрдүк эрдэхпинэ* — букв.: «когда я был как человек») — переведено по смыслу.

— *...ломовых... скакуны...* (*...моойноох... сүүрэн — атахтаах...* — букв.: «имеющий шею... имеющий бегущие ноги...») — переведено по смыслу.

13 — *...с черным загривком...* (*...хэтэҕэр кириэстээх...* — букв.: «с крестом на затылке») — переведено по смыслу.

— *...с отметиной на груди...* (*...түөһүгэр күннээх...* — букв.: «с солнцем на груди») — так переведено Э.К. Пекарским [53, стлб. 1302].

12. Өйдөөх ыт (Умная собака). — Ср. AT 670; СУС 670. — Зап. Е.В. Васильев в 1968 г. от И.Т. Мальцева, 67 лет, в Борогонском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 15, л. 24–27. — Публ. впервые.

Иосиф Тимофеевич Мальцев родился в 1901 г. в Борогонском н-ге Вилюйского р-на. В 1908 г., ослепнув, увлекся сказительским искусством. Имеет преимущественно детскую аудиторию, рассказывает очень спокойно, выделяя речь персонажей. Односельчане считают его лучшим исполнителем сказок и народных преданий. С ним работали Е.В. Васильев, Г.Р. Кардашевский, В.В. Илларионов, П.Н. Дмитриев.

В сказке оригинальный сюжет: бедный охотник при помощи змеи начинает понимать язык животных, в данном случае собак. Благодаря этому братья-охотники спасаются от разбойников. Обретение с помощью змеи подобного дара есть в бурятской сказке «Знаток языка животных» [12, № 41]. Сходные мотивы встречаются в восточнославянских сказках: это мотив владения животными даром речи и человеком — языка животных и птиц (ср. СУС 670, 671, 671 Е, 672). В якутской сказке упор сделан на противопоставлении батрацких детей байским сыновьям-разбойникам. В публикуемом тексте наречение братьев-охотников русскими именами объясняется тем, что якуты приняли православие и вместе с ним русские святцы.

1 — *...лося за ноздри, медведя за зад водили* (*...тайаҕы таныытыттан, эһэни эмэһэтиттэн сиэппиттэр*) — традиционная формула, часто встречающаяся в *олонхо* и сказках. Обычно употребляется по отношению к удачливым охотникам.

6 — *...охотничьи лыжи* (*...тууттар тыаһыыллар*) — лыжи для охотников подбиваются шкурой, шерстью наружу. Такие лыжи очень устойчивы, надежны и отличаются высокой проходимостью.

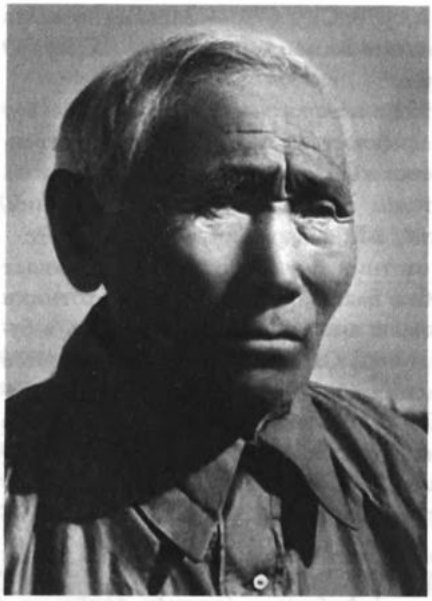
9 — *...оставила... с пустыми руками* (*...кураанаҕы куустарбыта...* — букв.: «заставила обнимать пустоту») — переведено по смыслу.

АЛЫПТААХ-ДЬИКТИЛЭЭХ ОСТУОРУЙАЛАР
ВОЛШЕБНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

13. Чаачахаан-Чаачахаан (Чаачахаан-Чаачахаан). — AT (2034 A*)+327 C; СУС 327 B; СЯС 79, 84. — Зап. П.Н. Дмитриев в 1972 г. от Н.И. Степанова, 75 лет, в с. Бёкё Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 135, л. 11–17. — Публ. впервые.

Николай Иванович Степанов — Ноорой (1897–1975), известный олонхосут, народный певец. В 1939 г. Николай Иванович как активный певец-импровизатор был принят в члены СП СССР, делегат II съезда писателей СССР. Учителями он считал известных мастеров живого слова Петра Назарова и Ырыа Маппый. От Н.И. Степанова записано 3 олонхо («Кюн Нюргун», «Ала Туйгун», «Сабыйа баай Тойон»), обрядовые песни, импровизации-*тойуки*.

В 1930-е гг. он прославился постановкой *олонхо* из своего эпического репертуара. Сказки рассказывал редко. Хотя в публикуемой сказке имеются песенные вставки, Н.И. Степанов их не пел, а диктовал собирателю. По словам П.Н. Дмитриева, в сказке «Тороной-Тороной» он эти вставки пропевал.



Олонхосут и сказочник Николай Иванович Степанов — Ноорой, с. Бёкё Мегино-Кангаласского р-на. *Фото В.Т. Васильева.* АЯНЦ СО РАН, 1967.

Варианты: 1) [58, с. 175–176]; 2) Зап. И.А. Худяков [15, с. 234–237]; 3) Зап. И.С. Говоров в Борогонском улусе [51, с. 118–121]; 4) Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на [89, т. 1, № 38]; 5) «Старушка Аджаа». — Зап. А.А. Саввин в 1938 г. в Вилюйском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 130, л. 1–2; 6) Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от М.В. Николаевой в Югюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 194, л. 1–2; 7) Зап. Х.И. Константинов в 1940 г. от Н.А. Абрамова, 79 лет, во II Нахаринском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 324, л. 1–9; 8) «Сис Кээдэй». — Зап. И.М. Попов в 1939 г. от П.П. Луковцева, 45 лет, в Игидейском н-ге Алексеевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 527, л. 42–51; 9) «Ангаа Монгус». — Самозапись ученика 7-го класса С. Степанова, сделанная в 1943 г. в Шологонском н-ге Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 704, л. 170–174; 10) «Ангаа Монгус». — Зап. И. Павлов в 1939 г. от Ф. Макарова, 70 лет, в Джелиндинском н-ге Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 724, л. 10–11; 11) «Чаарчахаан Богдо». — Самозапись А.Г. Местникова, сделанная в 1947 г. в Усть-Алданском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 25, л. 1–5 (сказка записана в стихах); 12) «Матаарчахаан». — Зап. Н.В. Емельянов в 1959 г. от Е.Х. Осогостох, 41 года, на оз. Эссей Эвенкийского национального округа Красноярского края. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 338, л. 1–8; 13) «Старушка Чаачахаан-Чабычыахаан». — Зап. Е.И. Коркина в 1960 г. от С.Н. Атласовой в Кюпском н-ге Усть-Майского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 425, л. 71–74; 14) Зап. А.С. Семенова и В.С. Давыдова в 1965 г. от Д.С. Захаровой, 64 лет, в Хара-Алданском н-ге Алексеевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 5, д. 116, л. 3–6; 15) Зап. П.Н. Дмитриев в 1969 г. от Н.И. Степанова в с. Бёкё Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 135, л. 11–17; 16) Зап. Л.Ф. Иванова в 1972 г. от С.В. Павловой, 48 лет, в с. Джилинда Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 6, л. 34–36; 17) «Албын-албын Чуун-Чууп». — Самозапись П.И. Аввакумова, сделанная в 1986 г. в с. Сунтар Сунтарского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 289, л. 12–15; 18) Запись без паспорта. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 371, л. 1–6.

Как видно из перечня вариантов публикуемого текста, сказка распространена довольно широко. Об этом свидетельствует пометка Э.К. Пекарского к публикации варианта 3, записанного якутом Дюпсюнского улуса Якутского округа И.С. Говоровым: «По словам г. Говорова, эта сказка — самая распространенная в среде якутов,

нет такого якута, который бы ее не знал» [51, с. 118]. В вариантах 5, 8, 12, 13 главное действующее лицо носит разные имена, однако выполняемая им функция та же, что и в публикуемом тексте. Варианты 9, 10 названы именем антагониста Ангаа Монгуса. Своеобразную концовку имеют варианты 9, 10, 12: Ангаа Монгус перед смертью завещает победителю сделать из его костей домашнюю утварь — ложки, тарелки (ср. со сказкой «Лыыбара», текст 15). В бурятской сказке «Торсогин Хубун» («Төөрсөгин хүбүүн») [11, № 9] имеются сходные мотивы: у героя есть откормленный бык, он приглашает обжору Мангадхая, который, не наевшись, хочет съесть самого бедняка. Тот сначала убивает семерых детей Мангадхая, а затем и его самого.

3 — *...куоска-куоска...* (*...кошка-кошка...*) — от рус. «кошка».

9 — *Ньуоска...* (*...ложки...*) — от рус. «ложка».

12 — *Хорҕунум...* (*Жир мой...*) — диал. форма лит. *хоргунум*.

---

1 — *Всю свою жизнь, весь свой век...* (*...саллар саастарын, үллэр үйэлэрин тухары...*) — традиционная формула, часто встречающаяся в *олонхо* и сказках: *саллар саас* 'вся предыдущая жизнь чья-либо; преклонный возраст' [53, стлб. 2056], 'долгие годы жизни' [92, с. 313]; *үллэр үйэ* (букв.: «вздымающийся век») — составлено по аналогии с предыдущим оборотом.

5 — *Мне столько уже не съесть* (*Асаҕым хаалан турар* — букв.: «Мое обжорство меня оставило») — переведено по смыслу.

7 — *...на навесе...* (*...чаампытын...*) — *чаампы* — навес на всю длину фасада, устройство которого несложно: на столбах перед дверью параллельно фасаду клали балку, а поперек нее настилали потолок из круглых тонких бревнышек. Его покрывали сверху лиственничной корой, потом засыпали землей [30, с. 28].

— *...на лежанку...* (*...ирээккэҕэ...*) — видимо, от рус. «ряд». Перед печью-камельком делали из нескольких жердинок приспособление для сушки одежды.

12 — *Жир мой задергался* (*Хорҕунум тардар*) — в старину большой популярностью пользовалось распознавание по приметам. Одной из основных примет было подергивание в теле разных сухожилий и мускулов. Место их расположения означало подтверждение или опровержение загаданного. В данном случае подергивание частей тела Ангаа Могуса означает смерть его детей, но он не догадывается об этом.

13 — *Соо! Тамат! Бисим-басым!* (*Һоо! Тамат! Биһим-баһым!*) — непереводимые междометные слова, произносимые при внезапном испуге; *биһим-баһым* — ср. рус. «беда-беда!», *тамат* (от названия древнего божества *татай*) — ср. рус. «боже!».

14. Таал-Таал эмээхсин (Старушка Таал-Таал). — АТ (2034 А*); СЯС 136. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от Г.Я. Иванова, 66 лет, в с. Кутана Сунтарского р-на (об исполнителе см. коммент. к тексту 8). Расш. В.В. Илларионов. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 4 об.—5 (вар. текста в Дополнениях; компакт-диск, 7). — Публ. впервые.

Чрезвычайно популярная якутская сказка.

Варианты: 1) «Чарчахан» [48, с. 459—461; 91, с. 178—188]; 2) Зап. Г.В. Ксенофонтов в 1924 г. от С. Стручкова во II Хатыгинском н-ге Жиганского улуса [34, с. 549]; 3) Самозапись И. Петрова, сделанная в 1940 г. в Малтанском н-ге Орджоникидзев-

25 Заказ № 61

ского р-на. Текст передан Г.У. Эргису; 4) Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 512, л. 43–44; 5) Самозапись С.С. Бережнова, сделанная в 1935 г. в Тюляхском н-ге Усть-Алданского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 329. л. 2–4; 6) [69, с. 38–40; 89, т. 1, № 48]; 7) Самозапись ученика 5-го класса А. Игнатьева, сделанная в 1938 г. в Югюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 178, л. 1–3; 8) Самозапись С.Г. Соломонова, сделанная в 1940 г. в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 474, л. 449–450; 9) Зап. Х.И. Константинов в 1940 г. от Н.А. Абрамова, 79 лет, во II Нахаринском н-ге Мегино-Кангаласского р-на [89, т. 1, № 49; 66, с. 54–59]; 10) Зап. В.Д. Кривошапкина в 1957 г. от Е.Н. Атласовой, 67 лет, в I Бордонском н-ге Оймяконского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 255, л. 1–2; 11) Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от С.Д. Кириллина в с. Кутана Сунтарского р-на. Расш. В.В. Илларионов, С.Д. Мухоплева, Н.В. Павлова, песенную вставку — Л.Г. Ильина-Гольштейн, А.С. Ларионова. — Материалы КФЭ 1986 (см. Дополнения; на компакт-диск, 7).

Сказка относится к кумулятивному типу. Вариант 11 отличается своеобразием исполнения: сказывание сочетается с пением (см. нотацию и компакт-диск). В каждом варианте представлены свои персонажи. Самым сильным в вариантах 4 и 5 является земля, в варианте 2 — босоногая дева, которая выполняет функцию спасителя, в вариантах 3 и 10 — бог-*тангара*, в варианте 4 — мифологическое существо *абаасы*, в варианте 8 — смерть (в вариантах 4 и 8 главный персонаж умирает), в вариантах 1, 6, 7, 9 и 11 неясно, кто самый сильный. В публикуемом тексте самым сильным оказывается человек.

1 — *Т/аал/-Т/аал/...* (*...Таал-Таал...*) — в рукописи *Т.-т.* Здесь и далее сокращения собирателя расшифрованы и даны в косых скобках, в переводе это не отражено.

15. Лыыбара (Лыыбара). — АТ 159+ср. АТ 327 С+АТ–; мотив прилипания к ловушке-грибу ср. СУС 159; СЯС 83; вторая часть текста построена по типу кумулятивных сказок. — Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от М.И. Павлова, 21 года, во II Кюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 200, л. 1–3. — Публ. впервые.

Варианты: 1) Зап. Г.М. Васильев в 1944 г. от Г.Ф. Никулина в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на [89, т. 1, № 40]; 2) «Лыыбырдаан». — Зап. Н.В. Слепцов в 1945 г. от А. Слепцовой, 76 лет, в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 675, л. 111–115; 3) «Лыыбырдаан». — Самозапись С.С. Никулина, сделанная в 1940 г. в Аллаиховском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 493, л. 6–7; 4) «Лыыбырдаан». — Самозапись С.И. Стручкова, сделанная в 1940 г. в Эльгетском н-ге Верхоянского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 56–59; 5) «Лыыбырдаан». — Самозапись В.С. Хабарова, сделанная в 1940 г. в с. Абый Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 56–59; 6) «Старуха Тэбэнэкээн». — Зап. В.Н. Дмитриев от М.П. Дмитриева, 76 лет, в 1936 г. в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на [89, т. 1, № 41]; 7) «Тооороной-Тооороной». — Зап. П.Н. Дмитриев в 1972 г. от Н.И. Степанова, 75 лет, в с. Бёкё Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 135, л. 5–7; 8) «Старик Лээбэрэчээн». — Зап. П.С. Дани-

лова в 1960 г. от Д.Г. Ивановой в Кюпском н-ге Усть-Майского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 425; 9) «Старик Лээбичилээн». — Нет паспортных данных. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 425; 10) «Айгын-Тайгын». — Самозапись Н.А. Бурцева, сделанная в Чурапчинском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 100, л. 1–10.

Публикуемый текст более близок к вариантам 1, 2, 3, 5 и 6. В них можно отметить лишь незначительные различия в именах персонажей и способе уничтожения антагониста. Сказку о бедном рыбаке записывали преимущественно в северных районах Якутии, где рыболовство искони было важным промыслом. Мотив прилипания распространен во многих якутских сказках (ср. с текстами 24, 25 в этом томе). Отправление антагониста в опасное место является основным традиционным мотивом и служит кульминацией в развитии сюжета. В некоторых вариантах есть различия в изложении отдельных эпизодов. Так, в варианте 6 главный герой — старуха. В варианте 4 герой прилипает к дереву Аал Бюк, спасает своего противника, нырнувшего за слитком золота величиной с конский череп, меняет золото на коня, затем на иголку, а иголку теряет. В варианте 7 вторая часть сюжета развивается как в сказке «Чаачахаан» (ср. СЯС 79). Варианты 8 и 9, вероятно, относятся к одной фольклорной традиции. Однако концовка этих сказок звучит по-разному: «Так погиб старик-рыбак от своей дурости» (вариант 8) и «Так умер жадный Ангаа Монгус» (вариант 9). Если в приведенных выше сказках антагонистом выступает обжора Ангаа Монгус, то в варианте 10 его функцию выполняет *абаасы* Хара Хаан.

2 — *...дьаабал...* (*...дьявол...*) — от рус. «дьявол».

3 — *Оҕоньньоор...* (*Стари-ик...*) — диал. призывная форма лит. *оҕонньоор*.

4 — *...очоҕос...* (*...кишки...*) — диал. форма лит. *оҥоҕос*.

---

3 — *...берестяное ведро...* (*...ыаҕаһым...*) — *ыаҕас* — ведро цилиндрической формы разной величины, сшитое из бересты.

4 — *...черный камень...* (*...хара тааһын...*) — точило.

6 — *...волосяной веревкой...* (*...өргөнүгэр...*) — *өргөн* ‘веревка, сплетенная из волос лошадиной гривы’; иногда ее заменяет ремень из кожи (*хатыс*).

16. Ньыы-Ньыы эмээхсин (Старушка Ньыы-Ньыы). — АТ– + АТ 2028; ср. СУС 2028; СЯС 80, 81, 87. — Зап. В.В. Илларионов в 1985 г. от Д.А. Томской, 72 лет, в г. Якутске. Расш. В.В. Илларионов, Л.Г. Ильина-Гольштейн, А.С. Ларионова. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 18–22. — Публ. впервые.

Дарья Андреевна Томская родилась в 1913 г. в Эгинском н-ге Верхоянского р-на. В г. Якутск переехала в 1972 г. Пенсионерка, неграмотная. Олонхосут, сказки слышала от родителей, родственников и других сказочников родного края. До недавнего времени часто исполняла их детям. От нее записано 3 *олонхо*, 10 сказок на магнитофоне. Манера исполнения живая, сопровождается мимикой, голоса персонажей сказочница подчеркивает, иногда передает пением.

Варианты: 1) «Старуха и Монгус». — Зап. в 1880 г. в Баягантайском улусе [17, с. 465]; 2) «Старуха Сютюкээн». — Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на [89, т. 1, № 42]; 3) «Быт-быт Бытыгыян». — Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от С.П. Иванова, 29 лет, в Кыргыдайском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 165, л. 1–2; 4) «Стару-

ха Юччэй». — Зап. Е.Д. Христофоров в 1938 г. от Е.Д. Христофорова в Югюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 214, л. 1–3; 5) «Бюкэннир Ыасах». — Зап. Х.И. Константинов в 1940 г. от Н.А. Абрамова, 79 лет, во II Нахаринском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 317, л. 1–5; 6) «Старуха Сютюкээн». — Зап. В.Г. Иванов в 1941 г. от С. Никифорова, 70 лет, в Шологонском н-ге Горного р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 545, л. 15–18; 7) «Дети-узоры». — Самозапись ученика 7-го класса С. Степанова, сделанная в 1943 г. в Шологонском н-ге Оленекского р-на [89, т. 1, № 44]; 8) «Старуха Джибджикээн-Джибджикээн». — Зап. Н.И. Попова в 1986 г. от В. Полятинской, 90 лет, в Теинском н-ге Кобяйского р-на. — Материалы ДЭ 1986.

Несмотря на разные названия, все эти сказки обнаруживают общность повествования. Следует отметить, что варианты 2 и 3 чрезвычайно близки, почти идентичны, хотя исполнители принадлежат к разным локальным фольклорным традициям. Главный герой этих сказок — охотник. Его богатые соседи Харах Хаан и Сабыйа Баай дарят старухе бычка и жеребенка, Ангаа Монгус же отнимает их. В вариантах 1, 3, 5 и 7 говорится только о смерти Монгуса, а в вариантах 2, 8 и публикуемом тексте герой возвращает свое богатство и детей.

В исполнении Д.А. Томской сказка была повторно записана на магнитную пленку в 1986 и 1987 гг. Сказочница передала текст почти без изменений, добавив лишь отсутствующую в первой записи концовку: «*Онтон билиги дьон үчүгэй бэйэлээхтик олороллор. Буруолара оол унаарар* ‘*Эти люди живут так хорошо. Дым во-от идет столбом*’» (указывает пальцем через окно).

1 — ...«*биэрбэппин*»... (...«*не дам*»...) — в рукописи *биэрэбин*. Оговорка.

2 — ...*томуйах*... (...*теленочек*) — диал. форма лит. *торбуйах*. В тексте употребляются обе формы.

3 — ...*ынахтарыттан*... (...*от их коров*...) — в рукописи *торбосторуттан, ээ, ынахтарыттан* ‘от их телят, ээ, от их коров’. Оговорка.

— *Сылгыбытын, ынахпытын*... (...*наших лошадей и коров*...) — в рукописи *кулуннаах торбуйахпытын*. Оговорка.

— *Саҥардыы*... (*Только*...) — в рукописи *саъардыы-ыы*. Описка.

— ...*саҥарарыҥ-саҥарбатыҥ*... (...*говорить или не говорить*...) — в рукописи *саҥарарыҥ-саҥарарыҥ* ‘говорить или говорить’. Оговорка.

4 — ...*дьэ* (...*вот*...) — в рукописи *диэ* ‘скажи’. Оговорка.

7 — ...*кэллэҥий*... (...*пришла*...) — в рукописи *кэллэҥҥин*. Описка.

— ...*Чыҥырыкаан*... (...*Чынгырыкаан*...) — в рукописи *Чууркаан*. Видимо, оговорка.

8 — *Арылыас*... (...*гоголь*...) — диал. форма лит. *орулуос*.

— ...*үгүөх орон*... (...*орон, что рядом с чуланом*...) — диал. форма лит. *үгэх орон*.

10 — *Аата*... (*Аата*...) — в рукописи *Ааата*. Описка.

12 — *Чыҥырыкаан*... (...*Чынгырыкаана*...) — см. примеч., бл. 7.

---

7 — ...*разорил-истребил дотла* (...*иин курдук иҥнэрдэ, аан курдук алдьатта* — букв.: «словно яму разрыл, словно дверь разломал») — традиционная формула,

часто встречающаяся в *олонхо* при описании неожиданных нападений богатырей *абаасы*.

10 — *...четыре...* (*...түөрт...*) — так в рукописи. Возможно, сказочница оговорилась, так как далее идет речь о 10 отрубленных пальцах.

— *...пальмой...* (*...батыйанан...*) — от слова *батыйа* 'пальма'. Сиб. «нож на древке», «широкий и долгий нож» [23, т. 3, с. 13]. «Старинное боевое холодное оружие с короткой рукояткой» [92, с. 67], см. также *батас* в Словаре непереведенных слов.

12 — *Двадцать семь лошадей — трижды по девять лошадей...* (*Сүүрбэ сэттэ, үс тоҕус, сылгыны...*) — традиционный счет скота. В старину размер калыма устанавливался единицами, кратными девяти: *сылгы тоҕуһа* — калым в размере 9 лошадей, 9 быков, 9 коров [53, стлб. 2702].

17. Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн (Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён). — Ср. АТ 2028+(314 A*)+AT—; первую часть сказки ср. с СУС 2028; бегство детей на бычке ср. с СУС 314 A*, заключительная часть содержит мотивы 315 A; СЯС 118. — Зап. Х.И. Константинов в 1940 г. от Н.А. Абрамова, 79 лет, в Нахаринском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 325, л. 1—6. — Публ. впервые.

Н.А. Абрамов — известный олонхосут, сказочник и народный певец, член СП СССР с 1939 г. Сказительское мастерство перенял от матери. От него записано 3 полных олонхо, 2 отрывка из них, 14 сказок, импровизация. Сказки изданы Г.У. Эргисом и включены в сборники, составленные Г.М. Васильевым и Д.К. Сивцевым — Суорун Омоллооном (о нем см. [13, с. 170—182]).

Вариант: «Старик с тремя дочерьми и двумя сыновьями». — Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от Г. Васильева, 14 лет, во II Кюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 41, л. 1—4. Краткое содержание варианта: старик пошел к проруби за водой, из проруби появился *абаасы* и, угрожая смертью старику, потребовал у него детей. *Абаасы* забрал детей старика под воду, а там жизнь не отличается от земной. Олень, затем лошадь пытались спасти детей, но *абаасы* каждый раз настигал их, превратившись в огонь. Третьим на помощь пришел бык. Когда *абаасы* стал их нагонять, дети достали из уха быка волшебные предметы, превратившиеся в препятствия: густой лес, высокую гору, огненное море. *Абаасы* не смог переправиться через море. Дети нашли у быка вошь и раздавили ее, от этого бык умер — оказывается, дети убили его душу. Части тела быка превратились в различные предметы и животных.

В публикуемом тексте начальная часть, мотивирующая ход развития сюжета сказки, дана более полно, чем в варианте.

Г.У. Эргис опубликовал текст писателя Суорун Омоллоона [89, т. 1, № 47], последний слегка отредактировал сказку Н.А. Абрамова. Лишь в конце введен мотив оживления старшей сестры героя, убитой сыном *абаасы*. Отдельные мотивы публикуемого текста встречаются в сказках «Старик Ойуу Бичик и старуха Огуруо Бичик» (зап. С.Е. Егоров в 1955 г. в пос. Туора-Кель Алексеевского р-на, ср. СЯС 127) и «Дети старика Огуруо» (зап. Е.В. Васильев в 1968 г. от И.Т. Мальцева в Борогонском н-ге Вилюйского р-на, повторно В.В. Илларионов в 1984 г. от того же исполнителя и со слов Д.А. Томской в г. Якутске в 1989 г.). В этих сказках чудесными помощниками выступают конь, бык и олень, последний спасает детей от похитителя (ср. СУС

314 А*). В публикуемом тексте мотив похищения сестры героя свидетельствует о поздней интерпретации сюжета: картина ее гибели приближена к реальной повседневной жизни. В вышеназванных вариантах сестра героя предает брата, тайно сожительствуя с *абаасы*, что характерно для более ранних форм сказки. Аналогичный сюжет отражен в сказке «Чолэрэ», записанной от эвенского исполнителя из с. Себенкель Саккырырского (ныне Кобяйского) р-на Якутии [87, с. 60–64]. Мотив чудесного помощника и волшебных предметов встречается в долганском олонхо «Брат и сестра» [25, с. 208–238].

3 — *...бэлэмнээтин...* (*Приготовил...*) — диал. форма лит. *бэлэмнээтин*.

— *..умнан кээспин* (*..забыл*) — усеченная форма лит. *умнан кэбиспиппин*.

4 — *...таһылдьа...* (*...во двор*) — диал. форма лит. *таһырдьа*.

— *..угуспун...* (*...быка...*) — диал. форма лит. *оҕуспун*.

5 — *Бээһээтээҕэр...* (*...раньше вчерашнего...*) — усеченная форма лит. *бээҕэһээҥҥитээҕэр*.

— *...буукса...* (*Еще...*) — видимо, от рус. «*пуще*».

— *...абааһы...* (*...абаасы...*) — в рукописи *аваабы*. Описка.

6 — *..урук...* (*...раньше...*) — диал. форма лит. *урут*.

— *...кугас...* (*...рыжим...*) — в рукописи *кугагас*. Описка.

8 — *... бүтүннүү...* (*...все...*) — в рукописи *бутуннуу*. Описка.

— *...бүөлүү...* (*...залепил...*) — в рукописи *буолуу*. Описка.

9 — *...көссүһэр...* (*...сойтись...*) — в рукописи *көссүөһэр*. Описка.

10 — *...дьөлө сиэтэ...* (*...заела...*) — в рукописи *дьоло сиэтэ*. Описка.

---

1 — *...двухтравыми лошадками...* (*...икки тыйдаах...*) — *тый* ‘жеребенок, для которого наступает второе лето или вторая зима; двухгодовалый, двухлетний жеребенок’ [53, стлб. 2934; 92, с. 418].

9 — *...сойтись лицом к лицу...* (*...күөн көссүһэр...* — букв.: «стоять грудью») — переведено по смыслу.

10 — *Душа моя умерла...* (*Кутум-сүрүм өллө...*) — жизненная сила, олицетворение энергии, силы воли человека. По представлениям древних якутов, душа человека *кут* состояла из трех элементов: *ийэ кут* ‘мать-душа’ (олицетворение плоти), *салгын кут* ‘воздух-душа’ (олицетворение дыхания) и *буор кут* ‘земля-душа’. Кроме того, у человека имеется *сүр* ‘жизненная сила, олицетворение энергии; сила воли’ [4, с. 125]. Животные также имеют душу. В мифах и сказках якутов душа может материализоваться в виде маленького животного или насекомого, как, например, здесь в виде вши.

18. Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин (Старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами). — АТ – + 533; мотив девушки-цветка ср. с СУС 407; мотив стрелы, нечаянно попавшей в дом, ср. с СУС 402; основной сюжет сказки напоминает СУС 533; СЯС 183. — Зап. Х.И. Константинов в 1950 г. от Н.А. Абрамова во II Нахаринском н-ге Мегино-Кангаласского р-на (об исполнителе см. коммент. к тексту 17). — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 316, л. 1–12. — Публ. впервые.

Варианты: 1) Зап. И.А. Худяков в Верхоянском округе [15, с. 80–89; 48, с. 16–25; 89, т. 1, № 51; 71, с. 149–154; 2) «Нэк Нэктээликээн». — Зап. З. Васильев в 1938 г. от

Якутская невеста. *Фото из коллекции И.В. Попова.* Фонд ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского.

П. Максимовой в Вилюйском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 187, л. 1–3; 3) Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на [79, т. 1, № 50]; 4) «Старушка Буллугунай». — Самозапись ученика П. Егорова, сделанная в 1938 г. во II Кюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 159, л. 1–2; 5) Зап. А.С. Порядин в 1940 г. от М.Е. Порядиной в I Морукском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 375, л. 49–60; 6) Зап. С.И. Боло в 1940 г. от А. Тарабукиной, 20 лет, в Улахан-Чистайском н-ге Момского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 417, л. 59–63; 7) «Дьиэрэнкэй». — Материалы учителя И. Павлова, зап. в Оленекском р-не. — Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 704, л. 179–180; 8) «Сюютюк Сюютюгюян». — Зап. И. Павлов в 1940 г. от Х.Ф. Егоровой, 60 лет, в Оленекском н-ге Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 724, л. 14–15; 9) Самозапись ученицы 5-го класса А. Слепцовой, сделанная в 1940 г. в Момском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 426, л. 13–14.

Сказку чаще записывали на севере, изредка в Центральной Якутии и на Вилюе. Она является одной из лучших по сюжетно-композиционному строению, содержанию и художественной завершенности. Во всех вариантах центральное место занимает мотив превращения полевого цветка-хвоща в прекрасную девушку (ср. СУС 407). В оленекских вариантах 7 и 8 старуха выкапывает мертвую девушку, которая оживает и становится красавицей. Обязательно для всех вариантов — сватовство сына богатого соседа к дочери бедной старухи. Кульминационной точкой развития сюжета выступает нарушение запрета: невеста отправляется по запрещенной дороге и становится жертвой девки-*абаасы* (ср. СУС 533 А и 437 АА, 533 В).

Публикуемый вариант — наиболее завершенный. В нем более полно дается описание женитьбы с соблюдением обычаев сватовства, встреча невесты с девкой-*абаасы*, разоблачение последней. По сравнению с другими вариантами сказка Н.А. Абрамова особенно близка к тексту, записанному И.А. Худяковым во второй половине XIX в. в Верхоянском округе.

1 — *...бытта бырааннаах үһү...* (*...с горой-пахом, говорят...*) — в рукописи словосочетание повторяется.

— *...хабыллар саалыгар...* (*...посреди...*) — в рукописи *хабыллар саалатыгар*. Описка.

— *...салаалаах...* (*...ветвями*) — в рукописи *салааллаах*. Описка.

2 — *Илин...* (*...с востока...*) — в рукописи *ирин*. Видимо, описка.

— *...иргиэнээх...* (*...благодатный...*) — видимо, диал. форма лит. *илгэлээх*.

— *...анаҕын...* (*...коров*) — диал. форма лит. *ынаҕын*. В тексте употребляются обе формы.

— *...алдьаппакка...* (*...не обломав...*) — в рукописи *алдьбакка*. Описка.

3 — *...дьиэтин...* (*...дом...*) — в рукописи *дьиэтитин*. Описка.

— *...ытаата...* (*...заревел...*) — в рукописи *ыттаата*. Описка.

— [...] — здесь в рукописи не поддающееся расшифровке слово.

— *...сонугар...* (*...в... кожух...*) — в рукописи *соҥугар*. Описка.

— *...саҕа...* (*...величиной с...*) — в рукописи *саха*. Описка или индивид. произношение сказочника.

5 — *...хонон...* (*...суток...*) — в рукописи *хононон*. Описка.

6 — *...иккирдигэр...* (*За... время...*) — стяженная форма лит. *икки ардыгар*.

7 — *...көттүн...* (*...увидел...*) — разг. форма лит. *көрбүтүҥ*.

— *...баҕас...* (*...уж...*) — в рукописи *баҕаҕас*. Описка.

8 — *...эйиэхэ...* (*...тебе...*) — в рукописи *ийэххэ*. Возможно, индивид. произношение сказочника.

— *...биэрэр...* (*...отдать...*) — в рукописи *биэрэрэ*. Описка.

10 — *...холумтаны...* (*...шесток...*) — в рукописи *хомултаҥы*. Метатеза.

— *...дьиэмэх...* (*...с подвесками...*) — диал. форма лит. *иэмэх*.

— *...оҕоҕун...* (*...печку...*) — в рукописи *оҕоһун*. Метатеза.

13 — *...далбыырданан...* (*...помахивая...*) — диал. форма лит. *дөйбүүрдэнэн* от *дөйбүүр* 'махалка из конского волоса на рукоятке, служащая для отгона комаров и мошек'.

— *...элбигим...* (*Мое приданое...*) — диал. форма лит. *өлбүгэм* в значении «приданое».

— *...этир...* (*...перистые...*) — индивид. или диал. лит. форма *итир* 'тонкий слой жира на брюхе (рогатого скота); перистые облака' [92, с. 157].

— *...тиийэн...* (*...появился...*) — не поддающееся расшифровке слово заменено подходящим по смыслу.

— *Ол көрдөспүтүгэр итии тыал тыалыран, этир былыт эргийэн, иринэх самыыр түһэр. Ол самыыры гытта (ким даҕаны тутан аҕалан биэрбитин көрбөт хара тураҕас аты) арай ат тиийэн кэлэр. Хара көмүс д<ь>үһүннээх байбаҕар бэрэмэдэйэ кыайан тиһиллибэт гына таҥыы бэс курдук тайтайбыт:*

барыта талыы таҥаһы д<ь>аарыстаан симмиттэр — в рукописи: *Ол көрдөспүтүгэр итии тыал тыалыран, этир былыт эргийэн, ириэнэх самыыр түһэн, ол самыыры гытта ким даҕаны тутан аҕалан биэрбитин көрбөт — хара тураҕас ата, хара көмүс дүһүннээх байбаҕар бэрэмэдэйин кыайан тиһиллибэт гына, таҥыы бэс курдук тайтайбыт, барыта талыы таҥаһы даарыстаан симмит арай ат* [*неразборчиво*] *кэлэр.* Для облегчения восприятия это предложение разбито на три.

— *...сабатаах...* (*...большой...*) — редкое слово. Ср. с лит. *сабаҕа* 'толстый комель (дерева)', *сабаҕатый* — 'становиться матерым, матереть'.

16 — *...кэлиэ<х>чэ кэлбэт* (*...все не является*) — слова и словосочетания в рукописи, индексированные собирателем цифрой 2, означают повтор, поэтому они в тексте даются дважды.

— *...тутан...* (*...взяла...*) — в рукописи *туута.* Описка.

— *...тинкинэтэн...* (*...с глухим стуком...*) — в рукописи *тинкинэтин.* Описка.

18 — *...ыалдьар* (*...болят*) — в рукописи *аальдар.* Видимо, описка.

19 — *...Хараадын Мэргэн...* (*...Хараадын Мэргэн*) — вар. имени *Харадьын Мэргэн*, сказочник также употребляет *Хаалдьын Мэргэн* (этот же бл.).

— *Сирэйин...* (*...свое лицо...*) — в рукописи *сирэйэн.* Описка.

20 — *...саанга...* (*...новую...*) — диал. форма лит. *саҥа.*

21 — *...буолуо...* (*...же...*) — в рукописи *буолуу.* Описка.

22 — *...ылбыт ойоҕум...* (*...жена, которую я взял...*) — в рукописи *ылдыбыт ойоҕун.* Описка.

— *...үүрэн-түрүйэн таҕааралаар* (*...выгнали-выпроводили*) — диал. форма лит. *үүрэн-түрүйэн таһааралаар.*

23 — *...эйиэхэ...* (*...за тебя...*) — в рукописи *ийэхэ.* См. примеч. бл. 8.

— *...арахпакка...* (*...не отступая...*) — в рукописи *араххакка.* Описка.

24 — *...хобдоҕун-кураанын...* (*...от ее засухи...*) — в рукописи *хопдоҕун.* Вероятно, описка.

— *...көтөр буолбут* (*...стали залетать*) — в рукописи *көрөр буолбут.* Описка.

— *...ачатыттан...* (*...богатством...*) — в рукописи... *аччатыттан.* Видимо, описка.

---

1 — *У нее земля с речкой Биэтилимэ... с уткой-лутком... с травой-мятликом луговым... с косогором-периной... с горой-пахом... с отмелью-кишкой конской... с лесом-наваром жирным... с сорняком-мясом... с долиной-сальником...* (*Биэтилимэ үрэҕэ диэн дойдулаах... биргиньэх кустаах... бэттиэмэ оттоох... бэриинэ халдьаайылаах... бытта бырааннаах... хатта диэн харҕылардаах... хорбоҕуннаах курунналаах... эт эрбэһиннээх... чохочу толоонноох...*). Здесь сказочником применена традиционная эпическая формула, показывающая богатство родины богатыря-*айыы.*

3 — *...закатываясь-захлебываясь,* [*он*] *плачет, суча-дрыгая ногами, ревет* (*...уҥа-уҥа барбыт, тэбэ-тэбэ барбыт* — букв.: «задыхаясь-теряя сознание, плачет, дрыгая-дрыгая ногами, плачет») — образное выражение, описывающее состояние заходящегося в плаче ребенка.

— *...мой деревянный Байанай мне — «шмяк!», мой берестяной Николай мне — «бряк!»* [*подкинули*] (*...мас Байанайым «пал!» гыннардаҕа, туос Ньукуолам «топ!» гын<н>ардаҕа* — букв.: «мой деревянный Байанай мне со звуком "пал", мой берестяной Николай мне со звуком "топ"")», — так говорят якуты, отмечая удачную охоту. Байанай — дух-хозяин леса, покровительствующий охотникам [88, с. 118; 3, с. 51–55]. Охотники делали из дерева идола (*эмэгэт*) Байаная. Вторая часть выражения составлена по аналогии с первой по закону синтаксического параллелизма. Очевидно, она появилась позже под влиянием христианства: Ньукуола — Св. Николай, особенно почитаемый якутами. Часто так зовут Айыы Тойона, иногда Ньукуола встречается вместо Христа [53, стлб. 1734].

— *...бросила в огонь* (*...уотугар бырахта*) — по мифологическим представлениям древних якутов, огонь, игравший огромную роль в жизни северных людей, имел своего духа-хозяина. *Аал уот* (букв.: «алый огонь») и *уот иччитэ* 'его хозяин' пользовались у якутов большим почитанием. В обыденной жизни якуты, прежде чем сами принимались за еду, «кормили» огонь, бросая кусочки жира и мяса, выливая масло. Особенно обильно угощали огонь при новоселье, удачном промысле, а также при рождении ребенка [37, с. 30–31; 88, с. 121–122].

4 — *...как зубы свои оберегая, как зеницу ока храня...* (*...көтүрдэр тиһ<иг>эр холоон, көрдөр хараҕын дьүк<к>этигэр тэҥнээн...* — букв.: «своими выпадающими зубами считая, с мигательной перепонкой своих смотрящих глаз сравнивая») — переведено по смыслу, ср. *көрдөр хараҕым дьүккэтэ* 'мой милый, мой единственный (обычно о детях)' [92, с. 134].

— *...якутам-уранхайцам...* (*...ураанҕай сахаҕа...*) — *ураанҕай* — древнее фольклорное самоназвание якутов, ныне сохранившееся в торжественной речи и фольклоре. В *олонхо* синонимично словам *киһи* 'человек' и *саха* 'якут'. В данном случае употреблено в значении «дерзкий, бедовый, страшный» [53, стлб. 3060–3061].

— *...из переднелицых двуногих...* (*...иннинэн сирэйдээҕи, ик<к>и атахтааҕы...*) — метафора, подразумевающая людей, человеческий род.

6 — *На беду...* (*Туох эрэ быатыгар...* — букв.: «к нити какой-то [судьбы]») — переведено по смыслу, *быа* 'нить, связующая человека с божествами-*айыы*'.

8 — *...по обмазанному навозом балагану...* (*...саах балаҕана...*) — зимой для тепла якуты дом снаружи покрывали слоем навоза.

10 — *Под правым столбом...* (*Уҥа диэкки баттах баҕанатын...*) — *баттах баҕана* 'опорные столбы, поддерживающие среднюю основную матицу избы; столб с перекладиной' [53, стлб. 407].

13 — *...к звонкой коновязи...* (*...чуор сэргэтигэр...*) — обычно в эпических произведениях *сэргэ* наделено речью. Видимо, эпитет «звонкая» связан с этим обстоятельством.

18 — *До конца старого месяца, до начала нового месяца...* (*Ыйдарын эргэтэ бараныар дылы, саҥа ый тахсыар туххары...* — букв.: «до окончания их устаревшей луны, до восхода новой луны») — якуты делят месяц на две части: первая половина (*ый саҥата*) — новолуние, начало лунного месяца до полнолуния, вторая половина (*ый эргэтэ*) — месяц на ущербе, с полнолуния до конца месяца.

23 — *Хоть ничком положи, хоть навзничь положи — одинаковые, оказывается* (*Умса да бырахпыт иһин, тиэрэ да бырахпыт иһин биир эбит*) — тради-

ционная формула, употребляемая при сравнении похожих друг на друга людей, обычно сына с отцом.

— *...очистившись от этого...* (*...ону аччылаттаран туран...*) — речь идет об обряде *арчы*. Его целью является очищение от скверны и нечисти, сотворенной злыми духами. Такое же название имеют предметы, употребляемые при окуривании: пучок лучинок от дерева, разбитого громом, береста и другие предметы [88, с. 172; 4, с. 83].

24 — *...река...* (*..уута...*) — букв.: «вода».

19. Үчүгэй Үдьүйэн (Славный Юджюйэн). — АТ 4001 + ср. АТ 344; первую часть сказки ср. с СУС 400, вторую — с СУС 301; СЯС 173. — Зап. И.А. Худяков в 60-х гг. XIX в. в Верхоянском округе. — Публ.: [15, с. 74–80; 48, с. 9–15; 89, т. 1, № 55] (вар. текста в Дополнениях; компакт-диск, 8).

Варианты: 1) Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от Г.Ф. Никулина, в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484; 2) «Хороший Юдей и Плохой Хоочур». — Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от И.Н. Ефимова, 22 лет, в Быйанырском н-ге Аллаиховского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 3–4; 3) Зап. В.В. Илларионов в 1976 г. от А.В. Колесовой, 57 лет, в Эгинском н-ге Верхоянского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 87. л. 41–43; 4) Зап. В.В. Илларионов в 1987 г. от Д.А. Томской, 74 лет, в г. Якутске. — Личн. архив собирателя; 5) «Чуучуйдаан» — зап. П.Н. Дмитриев в 1987 г. от Н.К. Винокурова, 1932 г. р., в с. Андрюшкино Нижнеколымского р-на. Магнитофонную зап. расш. Т.В. Илларионова, С.Д. Мухоплева, Н.В. Павлова. — Материалы КФЭ 1987 (см. Дополнения; компакт-диск, 8).

Сказку записывали на севере Якутии. Все ее варианты имеют общую версию и очень сходны между собой. Вторая часть публикуемого текста отражает старинные мифологические представления якутов, забытые современными сказочниками. При сличении повторных записей вызывает интерес сохранение отдельных традиционных формул. Например: *үөҕүл-дьүөгүл саҕана үөҕэс кыыллыы барбыт* 'когда утренние сумерки рассеялись, отправились на охоту за зверями-самками' (И.А. Худяков, 60-е гг. XIX в.); *үөгэл-дьүөгэл саҕана үөгэс кыыллыы сии баатта* 'когда утренние сумерки рассеялись, отправились добыть (букв.: есть, кушать) самок-зверей' (В.В. Илларионов, 1976 г.).

Мотив оживления мертвой невесты встречается в бурятской сказке «Зээр Далай Мэргэн на рыжем коне» [12, № 1].

1 — *...үөҕүл-дьүөҕүл...* (*...утренние сумерки...*) — диал. форма лит. *үөл-дьүөл*.

У камелька. *Фото из коллекции А.И. Курочкина.* Фонд ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского.

— *...тэбэгэйиттэн...* (*...за щетки на лапах...*) — диал. форма лит. *табаҕайыттан.*

2 — *Туохха үлэлээбэтиҥ, нойон?* (*Парень, почему не работал?*) — диал. форма лит. *Тоҕо үлэлээбэтиҥ, нойон?*

4 — *...тылытай* (*...будто...*) — диал. форма лит. *дылытай.*

6 — *...сыыстаан биэртэ* (*Собрала и дала...*) — диал. форма лит. *хомуйан биэрбитэ.*

8 — *Үҥһээҕи дайдыга...* (*...в Верхний мир...*) — диал. форма лит. *Үөһээ дойдуга.*

— *...тоҕоһоҕо...* (*...кол...*) — метатеза, лит. форма *тоһоҕоҕо.*

9 — *...солку...* (*...шелковые...*) — диал. форма лит. *солко.*

ПРИМЕЧАНИЯ Э.К. ПЕКАРСКОГО

[1] В подл. везде: *Юджіянь* и только один раз *Юджюянь.*

[2] В подл.: *эбени*, в русском же тексте стоит: *медведя.*

[3] В подл.: *червялянь.*

[4] В подл.: *кётёлятянь.*

[5] В подл.: *кыранас.*

[6] В подл.: *бебяря-бебяря.*

[7] Первоначально было: *хаалагын да*, затем переправлено на: *хаалагыҥ до.*

[8] В подл.: *суох.*

[9] В подл.: *хоннугун* (переправлено из *хоннюн*).

---

1 — *...за трехгодовалым диким зверем...* (*...үөҕэс кыыллыы...*) — какой-то неизвестный сказочный зверь, в переводе И.А. Худякова это «самка-зверь».

2 — *...что... у огня было, в тень оттащили, что в тени было, к огню подтащили* (*...уоттааҕытын тыаҕа таһаарбыттар, тыатааҕытын уокка киллэрбиттэр*) — устойчивое фольклорное словосочетание, употреблявшееся в значении «сильно шалили, баловались», «перевернули все вверх дном».

6 — *Едва живого оставил* (*Тыынын эрэ ордорбут* — букв.: «оставил только дыхание») — фразеологизм, употребляющийся в значении «высек, сильно избил».

7 — *...в Верхний мир* (*...үҥһээ дайдыга*) — по представлениям якутов, Вселенная состоит из связанных между собой трех миров: Верхнего мира (*үөһээ дойду/дайды*), населенного преимущественно добрыми существами *айыы*; Среднего мира (*орто дойду*), где живут люди, и Нижнего мира (*аллараа дойду*) — преисподней, населенной злыми существами *абаасы* (см. также коммент. к тексту 7, бл. 1). Небесные светила представляются самостоятельными существами или мирами, имеющими своих хозяев, которые похожи на людей. Нередко герои сказок и *олонхо* попадают на эти светила и вступают в те или иные отношения с их хозяевами.

8 — *...приданое-скот...* (*...эньэҕин-сэтиигин...*) — в приданое (*эньэ*) входят постель, шуба, серебряная упряжь; *сэтии* обычно означает приданое в виде определенного количества скота.

11 — *Не успели глянуть, не успели молвить...* (*Көрүөх бэтэрээҕи өттүнэ, этэн баран тэгилитиэх бэтэрээҕи өттүнэ...*) — первая часть выражения (*көрүөх*

бэтэрээ өттүгэр) является фразеологизмом, употребляющимся в значении «очень быстро, в мгновение ока». Вторая часть сходна по смыслу с первой.

20. Куобах Кутуруга (Заячий Хвост). — АТ–; СЯС 141. — Зап. Н. Ортоюков. — Публ.: [1, с. 47–48; 89, т. 1, № 52].

Варианты: 1) «Старик Быт-Быт». — Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 512, л. 45–47; 2) «Старик Быт-Быт». — Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от Г.Ф. Никулина, в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на [89, т. 1, № 53]; 3) «Искра упала». — Зап. А.А. Саввин в 1938 г. от П.С. Иванова, 29 лет, в Кыргыдайском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 98, л. 11; 4) «Господин Былахы». — Зап. А.А. Савин в 1938 г. от Г. Кычкина, 64 лет, в Лючинском н-ге Кобяйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 185, л. 1–2; 5) Зап. Н.К. Антонов в 1956 г. от Е.Д. Винокурова в Мэтисском н-ге Среднеколымского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 219, л. 12–14; 6) «Бэри Бэрдьикээн». — Зап. в 1986 г. участники КФЭ 1986 от М.Д. Афанасьева в с. Сунтар Сунтарского р-на. Расш. П.Н. Дмитриев. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 286, л. 17–17об.

Варианты сказки о необычайно маленьком удачливом охотнике записаны во всех основных фольклорных районах Якутии. Общими мотивами для всех вариантов являются многоженство маленького старика, его удачная охота на лося и неожиданная смерть. Различия незначительные. Например, по-разному изображается охота на лося: в вариантах 3 и 5 старик Быт-Быт, попав в желудок лося, режет его внутренности маленьким ножом, в варианте 1 герой грызет желудок зубами, а в варианте 4 блоха залезает в ухо лося и добирается до мозга. Конец сказки трагичен: в варианте 1 жена *абаасы* убивает жену *айыы*, в варианте 5 жены старика плачут по мужу и т.д.

1 — *...оҕоньньор...* (*...старик...*) — см. примеч. к тексту 3, бл. 3, а также *хоонньугар* (*за*) вм. лит. *хоонньугар* (бл. 2).

— *...аччыгыйын...* (*...у младшей...*) — диал. форма лит. *куччугуйун*.

— *...хааттаран хааланнар...* (*...загнанных...*) — диал. форма лит. *хааттаран хааланнар*. Переход [*н*] в [*ҥ*] перед [*х*] и [*к*] на стыке слов в сказке отражен последовательно, см. *өлөн хаалбыт* (*умер*) вм. лит. *өлөн хаалбыт* (бл. 2), *үчүгэйиттэн* (*что было лучшего*) вм. лит. *үчүгэйиттэн* (бл. 3), *үүттэриҥ* (*для молока*) вм. лит. *үүттэрин* (бл. 3), *түһэн хаалбыт* (*упал*) вм. лит. *түһэн хаалбыт* (бл. 3), *өйдөөн көөттөрө* (*спохватились*) вм. лит. *өйдөөн көөттөрө* (бл. 4), *быһаҥ киллэрэн* (*со срубленной*) вм. лит. *быһан киллэрэн* (бл. 5). Кроме того, встречается случай перехода [*н*] в [*ҥ*] перед [*г*], см. *омуппутуҥ гынна* (*глотнул*) вм. лит. *омуппутун гэннэ* (бл. 3). Переход впервые установлен С.А. Новгородовым и в наше время экспериментально подтвержден И.Е. Алексеевым [76, с. 125].

— *...булбад дьон...* (*...людьми, которым неоткуда взять...*) — разг. форма лит. *булбат дьон*. Озвончение конечного согласного [*т*] встречается далее в тексте: *туспүд үһү* (*поднялся, говорят*) вм. лит. *туспут үһү* (бл. 2), *иҥиннэрбид үһү* (*зацепил*) вм. лит. *иҥиннэрбит үһү* (бл. 2), *сыппыд үһү* (*говорят, лежал*) вм. лит. *сыппыт үһү* (бл. 2), *кэбийпид үһү* (*прогрыз, говорят*) вм. лит. *кэбийбит үһү* (бл. 2), *эд ылымналар* (*не смогли взять мяса*) вм. лит. *эт ылымналар* (бл. 3), *өлөҥ хаалаахтаабыд*

үһү (говорят, и умер) вм. лит. *өлөн хаалаахтаабыт үһү* (бл. 3), *Буспуд истэрин (вареные потроха)* вм. лит. *буспут истэрин* (бл. 4).

Стк. 4 — *Таһадьда...* (*На улицу...*) — диал. форма лит. *таһырдьа*, далее следует вар. *таһыдьда (во двор)* вм. лит. *таһырдьа* (бл. 1). Контактная ассимиляция [*рдь* > *дьдь*] см. также: *Кидьдьик таҕаны (И вправду)* вм. лит. *кырдьык даҕаны* (бл. 4); кроме того, [*лдь* > *дьдь*]: *биидьэһэ (другая)* вм. лит. *биирдэһэ* (бл. 4), *идьдьэ (унес)* вм. лит. *илдьэ* (бл. 2); *ыадьдьыбыт (боль)* вм. лит. *ыалдьыбыт* (бл. 5).

— *Онуга...* (*Тогда...*) — диал. форма лит. *онуоха.*

2 — *...сыҥылах...* (*...валежник*) — диал. форма лит. *сыгынах.*

— *...майах...* (*...лось*) — в оригинале *маjах.* Носовой [*j*] в современном алфавите не имеет специального обозначения, хотя является самостоятельной фонемой. В тексте также см. *...айаҕар...* (*...у края...*) — в оригинале *аjаҕар* (бл. 3).

— *...буччуппут...* (*...охотник...*) — диал. форма лит. *булчуппут.*

— *...мы...* (*...такой...*) — диал. форма лит. *бу.*

— *...майаҕ өлөрдүм...* (*...убил лося...*) — разг. форма лит. *майах өлөрдүм.* Озвончение [*х*] интервокальным положением фонемы см. *быһаҕ ыланнар (взяв нож)* вм. лит. *быһах ыланнар* (бл. 3), *ириэнэҕ эбит (оказывается, теплые)* вм. лит. *ириэнэх эбит* (бл. 3), *үүдэһиннээҕ үүттэриҥ күөһүгэр (в залатанном горшке для молока)* вм. лит. *үүдэһиннээх үүттэрин күөһүгэр* (бл. 3), *туоҕ эрэ (что-то)* вм. лит. *туох эрэ* (бл. 4).

— *...һаҕатыгар...* (*...у опушки...*) — разг. форма лит. *саҕатыгар.* Замена начального [*с*] фарингальным [*h*] широко применяется в устной речи, см. также *һытаан (не смогли)* вм. *сатаан* (бл. 3), *һиэтэҕим (проглотила)* вм. *сиэтэҕим* (бл. 4), *һиэтэҕиҥ (съела)* вм. *сиэтэҕиҥ* (бл. 4), *һаайбыт (вбила)* вм. *саайбыт* (бл. 5).

3 — *...баҕадьдьы...* (*...глупый...*) — диал. форма лит. *баҕайы.*

4 — *...көөттөрө...* (*...смотрят...*) — диал. форма лит. *көрбүттэрэ.*

— *...буккуйбуттар...* (*...поворошили...*) — диал. форма лит. *булкуйбуттар.*

— *Диэбэт таҕаны (Чуть не забыла)* — диал. форма лит. *диэбэт даҕаны.*

---

4 — *...отлили жира в огонь...* (*...арыыларын уокка кутан бараннар...*) — по верованиям якутов, каждый домашний очаг имел своего духа-хозяина, которого кормили жиром, маслом и т.д. Называли его по-разному: Аан Дархан Тойон, Аан Ухха̀н, Тюенэ Могол. Он представлялся в виде маленького седобородого старика и был дородным и добрым у тех, кто хорошо к нему относился, и, наоборот, был худым и злым у тех, кто его не почитал [3, с. 68].

5 — *...вбила кол* (*...моһоҕо һаайбыт*) — в старину при приближении родов в земляной пол вбивали два кола. Женщины рожали, стоя на коленях и опираясь на них под мышками (см. также коммент. к тексту 2, бл. 1). Под колени настилали мягкой хорошей травы.

21. Хонолдьуйа уонна Ымалдьыйа (Хонолджуйа и Ымалджыйа). — Ср. AT 402 + ср. AT 552 A; мотив пускания стрелы как форма сватовства или выбора невесты (жениха) ср. СУС 402; мотив животных-зятьев ср. СУС 552 А; СЯС–. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от С.Д. Кириллина в с. Кутана Сунтарского р-на (об исполнителе см. коммент. к тексту 7). Расш. В.В. Илларионов, песенную часть — Л.Г. Иль-

ина-Гольштейн, А.С. Ларионова. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 47–54. — Публ. впервые (компакт-диск, 5).

Сказка представляет собой интересную разработку сюжета, связанного с тотемистическими представлениями якутов. Мотивы оборотничества широко известны в якутском героическом эпосе.

1 — *...ыамайданан...* (*...вдоволь...*) — видимо, индивид. произношение сказочника, лит. *аамайданан* от *аамайдаа* 'приводить в беспорядок, перемешивать, перепутывать'.

---

1 — *На вершине старинных лет, на хребте давних лет, когда, умножаясь, бранные лета вставали, когда, вырастая, ратные лета поднимались...* (*...былыргы дьыл мындаатыгар, урукку дьыл уорҕатыгар, этиһиилээх дьылым элбээн турдаҕына, өлөссүүлээх дьылым үүнэн турдаҕына...*) — такой зачин — описание эпического времени — более характерен для *олонхо*, в сказке он является перенесением. Сказочники, знающие *олонхо*, нередко вставляли в свои тексты эпические формулы.

3 — *...похлебку из заболони...* (*...үөрэлэрин...*) — *үөрэ* 'вид старинной якутской пищи, приготовленной из сосновой заболони'.

— *...бросив свою гадальную ложку...* (*...бу түөрэххитин быраҕан...*) — вид гадания. Подбрасывали гадальную ложку и смотрели: если ложка падала вниз дном, то это к добру, наоборот — к беде.

— *...племя айыы дархан...* (*Айыы дархан аймаҕа...*) — в *олонхо* люди Среднего мира называются племенем *айыы*. Слово *дархан* использовано здесь как эпитет «великий, могучий».

4, стк. 3 — *Имеющий поводья за спиной* (*Арҕаһыттан тэһиннээх*) — постоянный эпитет людей племени *айыы* [38, с. 298, коммент. к стк. 189].

4, стк. 14 — *Золотую сэргэ...* (*Алтан сэргэ...*) — слово *алтан* в современном якутском языке означает «медь». Однако в фольклорных текстах сохранилось исконное общетюркское слово *алтун* 'золото' [38, коммент. к стк. 199].

4, стк. 16–17 — *Большого пальца удачу, / Счастье пусть узнают...* (*Эрбэх дьолуота, / Соргута биллин...*) — традиционная формула, используемая в благопожеланиях, в частности в пожелании удачной охоты.

9 — *...сээркээн сэсэнах...* (*Сээркээн сэһэттэр...*) — в сказке имя маленького ростом мудрого старца Сээркээн Сэсэна, встречающегося и в других фольклорных произведениях, иногда употребляется как имя нарицательное. *Сээркээн сэсэнами* называют тех, кто рассказывает о минувших событиях, о прошлом народа, кто может разъяснить причину происходящего, дать совет.

22. Эһэ Харах Дьэллик Сүүрүк (Резвый Бегун Медвежий Глаз). — Ср. AT 650+ср. AT 301 A; первую часть ср. с началом СУС 650 A, вторую часть — с СУС 301 A; СЯС 182. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от П.В. Захарова, 66 лет, в с. Сунтар Сунтарского р-на. Расш. В.В. Илларионов. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 63–67. — Публ. впервые.

Первая запись сделана самим исполнителем в 1939 г. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 344, л. 1–24. Вторая запись является материалом КФЭ 1986. Третья запись

Сказочник Петр Васильевич Захаров, с. Сунтар Сунтарского р-на. Материалы КФЭ 1986. *Фото В.Т. Новикова.*

(публикуемый текст) произведена в 1986 г. В.В. Илларионовым.

Петр Васильевич Захаров родился в 1920 г. в Кангаласском (ныне Кутанинском) н-ге Сунтарского р-на. Образование начальное. Участник Великой Отечественной войны. Известен как один из лучших знатоков якутского фольклора и старины. В детстве слушал сказки в исполнении своего отца В.Н. Захарова и земляков Ф. Габышева, М. Илларионова, позже пересказывал их своим сверстникам.

Первая и третья записи почти совпадают, но в последней записи есть отличия: рассказчик снял мотив сожительства женщины с медведем, вместо этого к медведю попадает нечаянно заблудившийся мальчик. Сам сказочник объясняет это тем, что мотив сожительства женщины с медведем не может вызывать доверия, как раньше. Тем не менее во второй записи основной сюжет сказки сохраняется. Герой, воспитанный медведем, становится очень сильным и резвым бегуном и больше тянется к людям (ср. с бурятской сказкой «Сын медведя» [12, № 61]).

5 — *...мышцы бедер созрели, мышцы спины окрепли...* (*...буутун этэ мунутаан, сиһин этэ ситэн...*) — традиционная формула в якутском фольклоре. Употребляется в значении «возмужал, стал настоящим мужчиной».

23. Аҕас-балыс (Сестры). — Ср. AT 327 A+ср. AT 313 H*+AT−; отдельными мотивами текст перекликается со сказками типа СУС 480, 327 A, 313 H*, 432, 433 B; СЯС 213. — Самозапись С.С. Бережнова, сделанная в 1936 г. в с. Чурапча Чурапчинского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 328, л. 1–23. — Публ.: [66, с. 73–80].

С.С. Бережнов отметил, что эту сказку он слышал от тринадцатилетней школьницы Варвары Бережновой, которая переняла ее от девяностолетней бабушки Оппуруоска, уроженки Дюпсюнского улуса (ныне Усть-Алданского р-на). По его мнению, сказка популярна среди женщин.

Варианты: 1) Зап. Н.А. Виташевский в 1890 г. от М.Н. Андросова и Н. Слепцова, 12 лет, в Баягантайском улусе (ныне это часть Алексеевского р-на) [17, с. 459–465]; 2) «Дочери старика Ексеекеен». — Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 512, л. 32–40; 3) «Дочери старика Улардьыт». — Самозапись ученика Е. Герасимова, сделанная в 1938 г. в Югюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 146, л. 1–12; 4) «Старик и старуха с двумя дочерями». — Самозапись

ученика 6-го класса Г. Васильева, сделанная в 1938 г. во II Кюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 129, л. 1–3; 5) «Старик со старухой с двумя дочерьми». — Самозапись Г. Васильева, сделанная в 1938 г. во II Кюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 141, л. 4–6; 6) Зап. А.С. Порядина в 1940 г. от М.Е. Порядиной в I Морукском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 375, л. 60–76; 7) Самозапись С. Павлова, сделанная в 1943 г. в Оленекском р-не [89, т. 1, № 66]; 8) Зап. Я.И. Петров в 1945 г. от Е.Н. Поповой в Кировском н-ге Горного р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 727, л. 9–19; 9) Зап. А.С. Семенова, В.С. Давыдова в 1965 г. от Д.С. Захаровой в Игидейском н-ге Алексеевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 116, л. 7–11; 10) «Старуха Соотохоон». — Зап. В.В. Илларионов, В.С. Никифорова в 1987 г. от Д.Т. Никитиной, 62 лет, в с. Саккырыыр Верхоянского р-на. — Материалы КФЭ 1987.

Несмотря на разновременность фиксации и широкое распространение, варианты сказки о сестрах имеют устойчивый сюжетный характер. Завязкой сюжета служит обнаружение ребенка (железного или каменного), под видом которого скрывается сын (девка) *абаасы*. Младшая сестра, обладающая проницательным умом и даром оборотничества, находит выход из сложных ситуаций. Старшая же сестра погибает. Однако в вариантах 1–3 более ранней записи говорится о том, что она выходит замуж за сына грома Буура Дохсуна. В последующих записях находим лишь упоминание о том, что голова старшей сестры остается на дереве, сломанном молнией. Видимо, сказочники последующего поколения не обращали внимания на этот мифологический мотив и забыли его. В вариантах 2, 3, 5, 6, 9 и публикуемой сказке встречаем мотив чудесного бегства при помощи волшебных предметов: наперсток превращается в лес, платок в гору (ср. СУС 313 1. 313*H-AA*313 1; ср. с бурятской сказкой «Галша Мэргэн» [11, № 29]), а также эпизод переправы сестер с помощью старухи-перевозчицы, духа реки и моря (ср. СЯС 127). В вариантах 2, 6 и публикуемом тексте имеется противопоставление жен: представительницы животного мира (лягушки) и женщины *айыы*.

1 — *...оҕоньньордоох...* (*...старик...*) — диал. форма лит. *оҕонньордоох*. См. также *ооньньотто* (*дает поиграть*) вм. лит. *оонньотто* (бл. 3).

— *...түөт...* (*...четырех...*) — см. примеч. к тексту 3.

— *...үүтэ...* (*...зрачков...*) — в рукописи *уута*. Описка.

— *...олорбот...* (*...не живут*) — в рукописи *орбот*. Видимо, описка.

2 — *...диэкки...* (*...на...*) — диал. форма лит. *диэки*.

— *...үрүн...* (*...в серебряной...*) — диал. форма лит. *үрүҥ*. См. далее: *тиктин дуо* (*сшила*) вм. лит. *тиктиҥ дуо* (бл. 7), *хайтах уус буоллун* (*стала такой мастерицей*) вм. лит. *хайдах уус буоллуҥ* (бл. 8), *толордун дуо* (*сделала*) вм. лит. *толордуҥ дуо* (бл. 9).

— *...биһиктээх...* (*...в... колыбели...*) — в рукописи *биһиктээхтээх*. Описка.

— *Иннэ...* (*Иголкой...*) — диал. форма лит. *иҥнэ*.

— *...сахсарҕа...* (*...муху...*) — диал. форма лит. *сахсырҕа*.

— *...хайтах...* (*...что...*) — см. примеч. к тексту 4, бл. 3.

3 — *Алдьахай!* (*Беда!*) — диал. форма лит. *алдьархай*.

— *...ол гэннэ...* (*...после того...*) — диал. форма лит. *ол кэннэ*. В тексте употребляются обе формы. См. далее *бүппүтүн гэннэ* (*когда закончила*) вм. *бүппүтүн кэннэ* (бл. 9).

— *Тугаам...* (*Деточка моя...*) — диал. форма лит. *тукаам*.

— *...өрө хаһыра...* (*...вскрикнув...*) — диал. форма лит. *хаһыыра*.

5 — *...дыбдыгыраһан...* (*...с топотом...*) — диал. форма лит. *дыбдыгыраһан*.

— *...төптөрү...* (*...обратно*) — диал. форма лит. *төттөрү*.

6 — *...көрдьүөтэ...* (*...ищет...*) — диал. форма лит. *көрдөөтө*.

— *...булбата* (*...не находит*) — в рукописи *булбуата*. Описка.

7 — *...«Бэрэбэдэйдэ...»* (*«...переметную суму»*) — диал. форма лит. *мэрэмэдэйдэ*. См. далее *бэрэдэмэйи* (*переметную суму*) вм. лит. *мэрэмэдэйи* (бл. 7).

— *Чэ...* (*Ну...*) — в рукописи *чэп*. Описка.

9 — *...кыраайкаҕа...* (*На... полку...*) — редкое слово, близкое диал. *кыраадаҕа*, *кыраада* 'полка перед очагом из нескольких жердочек или иногда досок' [24, с. 137].

— *Утаака буолбата...* (*Вскоре...*) — диал. форма лит. *утаакы буолбата*.

— *...ыксаран...* (*...в нетерпении...*) — возможно, диал. форма лит. *ыксаан*.

— *...көрдьүөтэ* (*...пошарил*) — см. примеч. бл. 6.

---

1 — *...смерть случайной не бывает, спасительная нить найдется...* (*Өлүү түбэлтэлээх, өлбөт быалаах...* — букв.: «смерть с назначенным временем, бессмертие с веревкой») — поговорка на случай критической ситуации.

4 — *...старшая сестра...* (*..улахан кыыс...*) — оговорка сказителя, должно быть «младшая сестра».

5 — *...когда ваша девочка-ребенок ножницы будет держать, ваш мальчик-ребенок луком и стрелами будет играть, пусть из-под шестка вашего очага появлюсь...* (*Кыыс оҕоҕут кыптыый буутун тутарын, уол оҕоҕут оноҕос саанан ооньньуурун саҕана холумтанҥыт аннынан күөрэйиэхтибин*) — традиционная эпическая формула, выражающая угрозу. Согласно мифологическим представлениям якутов, богатыри-*абаасы*, потерпевшие поражение, оживают и вновь выходят из подземного мира из-под очага богатыря-*айыы*.

6 — *Больше не прошло* (*Ол гэннэ кыайан тахсыбата*) — в этом месте старшая сестра путает слова заклинания и поэтому не может выйти из дома.

9 — *...своим умением...* (*...кыылынан...* — букв.: «звериной сноровкой») — переведено по смыслу.

24. Баай Хара Хаан уола уонна Эрэйдээх-Буруйдаах (Сын Баай Хара Хаана и Эрэйдээх-Буруйдаах). — АТ (465 А)+ср. АТ 882 А*; ср. с СУС 465; СЯС 256. — Зап. Г.М. Васильев в 1945 г. от А.И. Корякиной, 86 лет, в Мугурдахском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 676, л. 109–112. — Публ.: [89, т. 1, № 63 (в публ. неправильно указан сказочник К.И. Чирков)].

В имени сказочного персонажа использован самый популярный эпитет героя *олонхо эрэйдээх-буруйдаах* 'многострадальный-многогрешный'. Но в отличие от эпических произведений, где жена в большинстве случаев играет пассивную роль, в сказке жена героя обладает магической силой слова.

— *Баай Хара Хаан уола уонна Эрэйдээх-Буруйдаах* (*Сын Баай Хара Хаана и Эрэйдээх-Буруйдаах*) — в рукописи *Баай Хара Хаан уоллаах Эрэйдээх Буруйдаах* (*Эрэйдээх Буруйдаах с сыном Баай Хара Хаан*). Описка.

1 — *...аатттыллар* (*...просят*) — диал. форма лит. *аатты́ллар*.

— *...хаайлыга...* (*...посмертной жертвой...*) — диал. форма лит. *хоолдьуга* 'жертвенное животное'.

— *...саканаакы...* (*...в... времена...*) — диал. форма лит. *саҕанааҕы*.

2 — *...хардаҕаһы...* (*...полено...*) — в рукописи *хардаҕы*. Описка.

— *...дьиэтин анаарын...* (*...наполовину... дверь*) — дословно: «половину дома». Видимо, оговорка.

— *...харыах буолбут...* (*...почернела...*) — диал. форма лит. *хоруо буолбут*.

— *...хаарга...* (*...в снег...*) — в рукописи *хаарга*. Описка.

3 — *...илдьиттиэбит...* (*...требуемый...*) — диал. форма лит. *илдьиттээбит*.

4 — *...өлүмнэ...* (*...не погиб...*) — диал. форма лит. *өлбөккө*.

6 — *...таҕыннарбыт...* (*...надетую...*) — диал. форма лит. *таҥыннарбыт*.

— *...таҥастарын...* (*...одежду...*) — в рукописи *таҥ*. Видимо, сокращение.

7 — *Түүн...* (*Ночь...*) — в рукописи *күн*. Оговорка.

---

1 — *В старину, когда человек умирал, съедали скотину, называя ее посмертной жертвой...* (*...былыр ити киһи өллөҕүнэ, сүөһүнү сиэн тутталлар, хаайлыга диэн...*) — по существовавшему среди якутов обычаю, после смерти взрослого человека забивали жертвенное животное (*хоолджуга*), как правило, коня. При этом старались не повредить его костей и главных сухожилий. Согласно поверьям, при их повреждении конь будет хромать на том свете. Мясом забитой скотины угощали тех, кто помогал при похоронах, а также всех, кто входил в юрту во время тризны. Череп коня с челюстью и первым позвонком вилюйские якуты вешали на дерево рядом с могилой. Ранее же, в XVII в. при похоронах знатного человека рядом с его могилой закапывали живым оседланного коня, а с ним хоронили молодого слугу, чтобы он прислуживал своему господину на том свете [4, с. 190].

— *...в давние времена Адама...* (*...былыргы Адам саканаакы...*) — имеется в виду библейский Адам. Как известно, крещение местного населения началось сразу после включения Якутии в состав России. Распространение христианства среди местного населения было прервано после 1917 г.

25. От Саҕыньньах (От Сагынньах). — Ср. AT 511+(593), ср. AT 571; отдельными мотивами сходна со сказками типа СУС 314 A*, 511, 571; СЯС 164, ср. СЯС 165. — Зап. П.Н. Попов в 1941 г. от Е.И. Соловьева, 69 лет, в I Холгуминском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 545, л. 6–8. — Публ. впервые (компакт-диск, 9 — вариант).

Варианты: 1) Самозапись П.П. Петрова, сделанная в Мегино-Кангаласском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 545; 2) «Сыстарыыс». — Зап. С.И. Охлопков от И.А. Потапова в Кобяконском н-ге Намского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 359, л. 1–15; 3) «Сыстарыыс». — Самозапись ученика 7-го класса П. Дмитриева, сделанная в 1943 г. в Оленекском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 704, л. 85–88.

В вариантах этой сказки герой, оберегающий корову (бычка), в знак благодарности получает магический предмет (чудесный ящик), исполняющий желания владельца. Стержневым является мотив прилипания, который широко известен в сказочной традиции многих народов (ср. СУС 571, 571*).

1 — *...олоотторо үһү* (*Жили, говорят...*) — усеченная форма лит. *олорбуттара үһү*.

3 — *...төйбүт...* (*...оглушенным...*) — диал. форма лит. *дөйбүт*.

— *...тугун...* (*...что за...*) — в рукописи *тугун*. Видимо, описка. См. также *оҥордуҥ* (*натворил*) вм. *оҥордун* (бл. 4), *баайыҥ* (*своего богатства*) вм. *баайын* (бл. 7).

4 — *...гинэбин...* (*...делать...*) — диал. форма лит. *гынабын*. См. *хатыр гинэн* (*со стуком*) вм. лит. *хатыр гынэн* (бл. 5).

— *Укураат...* (*Как раз...*) — от рус. «аккуратно».

---

2 — *...берестяное письмо* (*...туос суругу...*) — по преданиям, якуты имели письменность, которую якобы потерял культурный герой — первопредок Эллэй.

4 — *...дерева кэрэх...* (*...кэрэх маһа...*) — *кэрэх* 'кровавая жертва скотом, приносимая шаманом для того, чтобы умилостивить злых духов'. Шкура животного вывешивалась на старом ветвистом дереве высоко над землей; к дереву прибивали *куочай* 'своеобразный указатель дороги острием в ту сторону, куда ушли шаман и жертвенное животное' [53, стлб. 1045–1046, 1237]. И жертвенная шкура, и дерево называются *кэрэх*.

26. Эҥкээбил уонна Сээкэрэ (Эҥкээбил и Сээкэрэ). — АТ–; ср. СУС 650 А; СЯС–. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от Г.Я. Иванова, 66 лет, в с. Кутана Сунтарского р-на. Расш. В.В. Илларионов, песенную вставку — Л.Г. Ильина-Гольштейн, А.С. Ларионова. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 286, л. 2–4об. — Публ. впервые (компакт-диск, 6).

Сказка оригинальна по сюжету. В ней широко используются традиционные формулы и мотивы, характерные для эпических произведений. Мотивы чудесного зачатия, чудесного ребенка и исполнения заклятия связаны с поверьями древних якутов и пространственно-временными представлениями *олонхо*. По содержанию этот текст в какой-то степени близок к хосунному эпосу [34, с. 490–519]. Вместе с тем сюжет сказки отражает поверье, о котором А.Е. Кулаковский писал: «Между медведями бывает медвежий "шаман", отличающийся от своих собратий умом, неуязвимостью, пеганой (пегой. — *Ред.*) шкурой, гривой и хвостом. Не было случая, чтобы его убивали. Он, обыкновенно, встречается со знаменитым охотником, истребившим на своем веку сотни медведей, следовательно, с дозревшим "сэт". Эта встреча бывает роковая для охотника» [37, с. 55]. Как отмечает Н.А. Алексеев, якуты считали опасным убивать слишком много медведей. По их поверьям, охотника, добывшего 99 медведей, наказывал сам глава рода медведей. Он представлялся в образе пегого медведя и убивал нарушителя запрета [4, с. 117].

2 — *...Эҥкээбил...* (*...Эҥкээбил...*) — в рукописи *Эъкээбил*. Описка.

— *...иэстэстиннэр...* (*...взыщут...*) — в рукописи *иэстэстэстиннэр*. Описка.

4 — *...сүүрэр атахтааҕы...* (*...бегающих четвероногих...*) — в рукописи *кыырай атахтааҕы*. Видимо, оговорка.

5 — *...баай тиит бахчайар салаатыгар өрө ыстанан...* (*...запрыгнув... на нижнюю ветвь могучей лиственницы*) — в рукописи порядок слов такой: *баай тиит өрө ыстанан бахчайар салаатыгар*. Видимо, описка.

---

2 — *...кости с отверстием, открытое тело...* (*Уҥуоҕа үүттээх, этэ саастаах...*) — фразеологизм, примененный в значении «чувствительный, сердечный человек».

— *...солнцем стань, месяцем стань* (*...күн буол, ый буол*) — фразеологизм, использующийся в значении «стань опорой и защитником».

— *С кадыком навзничь [на себя] не укладывала, перед широкогрудыми не опрокидывалась...* (*Уолуктааҕы умса сытыарбакка, түөстээххэ түҥнэстэн сыппакка...*) — этой метафорой говорящая дает понять, что она девственница.

3 — *...большая сила...* (*...бүтүн күүс...* — букв.: «целая сила») — в народе бытует рассказ, будто черный дятел находит траву, съев которую может долбить чугун. Если съесть эту траву, прибавляется сила, и человек преклонного возраста ощущает себя молодым (АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 614, л. 23–27).

7, стк. 9–10 — *Моего короткого века / Последний день...* (*Мутугунан бараҕар / Мүҥүр үйэм...*) — образное выражение, подчеркивающее краткость человеческой жизни: она так коротка, что равна расстоянию, на которое можно метнуть сучок (*мутугунан бараҕар*).

27. Букуй-такый тайыылаах Букуйдаан оҕонньор (Старик Букуйдаан с гнутой-согнутой рогатиной). — АТ –; СЯС 286. — Зап. А.П. Старков в 1946 г. от Г.Ф. Никулина в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 675, л. 124–128. — Публ. впервые.

Гаврил Федотович Никулин (1906–1967) — одаренный олонхосут и сказочник, активный участник художественной самодеятельности. От него записывали фольклорные тексты А.А. Саввин, Г.М. Васильев, Н.В. Слепцов. Было записано 25 сказок, из них 8 издано Г.У. Эргисом [89, т. 1, № 40, 46, 53, 67, 75; т. 2, № 89, 106, 103]. Сказочник рассказывал о себе: «Эти сказки я слышал от разных людей: от старшего брата, Ивана Дьячкова, от Евдокии Кюэрэкиной. В моих сказках нет добавлений и пропусков, рассказываю то, что слышал. Сказку исполняю и детям, и взрослым. Якутские сказки с песней называем поющимся *олонхо* (ырыалаах олонхо), сказку без песни просто рассказ остуоруйа (история) или *олонхо* без песни, если сказка о пашенных и русских, называем "остуоруйа"» (АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 37).

Варианты: 1) Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от Г.Ф. Никулина в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на [89, т. 1, № 75]; 2) Зап. Н.В. Слепцов в 1945 г. в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. Исполнитель не указан, вероятно, тоже Г.Ф. Никулин. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 675, л. 34–35.

Разновременная фиксация сказки от одного и того же сказочника показала устойчивость как всего повествования, так и отдельных словосочетаний и типических мест.

2 — *...хамныай...* (*...огромное...*) — редкое слово, употребляемое сказочником в значении «много» от слова *хамнаа* 'двигаться'. Ср. *хамныай киһи* 'много народу', *хамныай кус* 'много уток', *хамныай сүөһү* 'много скота'.

— *...көҥөйгө...* (*...в пропасть...*) — диал. форма лит. *көҥдөйгө*.

5 — *...лоҥхойо...* (*...распухают*) — диал. форма лит. *оспойо*.

---

4 — *...не шевелясь...* (*...таал курдук...* — букв. «как селезенка») — так говорят о человеке, не реагирующем на внешние раздражители.

6 — *...погибли* (*...сабыллыбыттара...* — букв.: «закрылись») — переведено по смыслу.

ОЛОХ-ДЬАҺАХ ОСТУОРУЙААЛАРА
БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

28. Оноҕостоон Чуокаан икки Олоон Долоон (икки) (Оногостоон Чуокаан и Олоон Долоон). — АТ (1537)+ср. АТ 2; отдельными мотивами перекликается со сказками типа СУС 1537; СЯС 288. — Зап. И.А. Худяков в XIX в. в Верхоянском округе. — Публ.: [15, с. 240–247; 48, с. 185–190; 89, т. 2, № 82].

Варианты: 1) «Зачинщик злоключений Онохочоон-Чуокаан» [69, с. 29–32; 89, т. 2, № 81; 71, с. 146–147]; 2) «Оногоччой Соххор и старик Олоон Долоон». — Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от Х.Н. Слепцова в Эльгетском н-ге Верхоянского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 6–9; 3) «Олоон-Долоон». — Зап. И.Н. Пахомов в 1941 г. от И.И. Бурнашева — Тонг Суоруна, 72 лет, в Тарагайском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 521, л. 32–50; 4) «Онохочоон Чуокаан». — Зап. И.Я. Николаев в 1941 г. от Е.Е. Мартынова во II Бордонском н-ге Сунтарского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 578, л. 14–20; 5) «Бай с тремя сыновьями». — Зап. Е.Н. Аммосова в 1950 г. от Е.С. Тайшиной, 79 лет, в с. Сен-Кель Среднеколымского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 6, д. 208, л. 25; 6) «Зачинщик злоключений Онохочоон-Чуокаан». — Зап. Л.Ф. Иванова в 1972 г. от С.В. Павловой, 48 лет, в с. Джилинда Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 6, л. 39–42; 7) Зап. В.В. Илларионов в 1985 г. от Д.А. Томской, 72 лет, в г. Якутске. — Личн. архив собирателя.

От первой фиксации (публикуемый текст) до последней записи (вариант 7), почти в течение одного века, основная сюжетная канва сказки сохранилась без существенных изменений. Основным мотивом является убийство байского сына (ср. СУС 1537), также встречаются мотивы: волк у проруби (ср. СУС 2), приглашение шаманки и ее удушение (СЯС 3). В вариантах главный герой выступает и под другими именами: Нохоччой Соххор, Олоон Долоон или просто мальчик.

1 — *...хэс...* (*...хёс*) — диал. форма лит. *көс*.

— *Өлөрсөн бар...* (*...завязалась драка*) — разг. форма лит. *өлөрсөн барар*.

3 — *...туо...* (*...что...*) — стяженная форма лит. *туох*.

4 — *...кыыл...* (*Такие...*) — диал. слово, в говоре северных якутов употребляется в разных значениях [24, с. 141]. В данном случае выполняет функцию усилительной частицы.

— *...ыаллыы...* (*...в гости...*) — диал. форма лит. *ыалдьыттыы.*

— *...сээбэҕин...* (*...богатства...*) — диал. слово, в говоре северных якутов имеет значение «имение, имущество, домашний каталаж, барахло» [53, стлб. 2142].

ПРИМЕЧАНИЯ Э.К. ПЕКАРСКОГО

[1] В подл.: *тильбягярь.*

[2] В подл.: *орон аннын ёнёё тиянь кёрёрь.*

[3] В подл.: *киря.*

[4] В подл.: *кирескинь тугар.*

[5] В подл.: *отто.*

[6] В подл.: *маннятын.*

[7] В подл.: *берибиня.*

[8] В подл.: *була сатан кябиčярь, ёлютюнь тёрьдюгярь арай кёстюмя.*

[9] Обычно: *бастāх.*

[10] В подл.: *кыскын берьдякхиня, юбюнъ улахан анарын берьдякхиня.*

[11] В подл.: *ёлёрьдекхють.*

[12] В подл.: *де čатан кябиспитимь до.*

[13] В подл.: *бяя-бяя* и *бяя.*

[14] В подл.: *гыннагына.*

[15] В подл.: *кётюрю... бўолла.*

[16] В подл.: *улахан.*

1 — *...закраина* [*орона*]... (*...сыҥаһалаах...*) — от слова *сыҥаһа* 'закраина (закрай) у широкой лавки вдоль стены юрты' [53, стлб. 2468]. *Орон* днем служит для сидения, а ночью является спальным местом.

3 — *Эй, кириэскин, что за дела!* (*Эй, кириэскин туо баар!* — букв.: «Эй, кириэскин, что есть?») — это выражение переведено И.А. Худяковым как «Эй, черт с тобой!» О *кириэскин* см. Словарь непереведенных слов.

4 — *...лиса-шаманка...* (*Саһыл-удаҕан...*) — в якутских сказках шаманки выступают часто как отрицательные персонажи, связанные со злыми духами *абаасы.*

5 — ...в *преисподнюю...* (*...дьабынын төрдүгэр...*) — в якутской мифологии это потусторонний мир, страна мертвых.

— *...родоначальника духов войны...* (*...илбис төрдүгэр...*) — *илбис* 'дух кровопролития и войны'.

— *...уранхаец...* (*...ураанхай...*) — см. коммент. к тексту № 18, бл. 4.

6 — *...в чуланчик...* (*...хонтуораҕа...*) — *хонтуора* (от рус. «контора») — пристройка к летнему жилищу для хранения домашнего скарба.

— *...кожаную посуду с кумысом...* (*...сири иһиттээх кымыска...*) — сшитая из бычьих кож емкость для кумыса, вмещающая до 30 ведер жидкости [53, стлб. 2243].

29. Тутум Түөкэй (Тутум Тюёкэй). — АТ (312 Д)+АТ–; первая часть сказки отчасти напоминает СУС 1920 H*, бегство от работника ср. СУС 1132; СЯС 389, 390. — Самозапись В.С. Хабарова, сделанная в 1940 г. в Абыйском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 52–55. — Публ. впервые.

Варианты: 1) «Харыс Тюэкэй и Тутум Тюэкэй». — Зап. в Верхоянском округе [15, с. 245–246]; 2) «Тутум Тюёкэй, Сюём Тюёкэй, Харыс Тюёкэй». — Самозапись И. Та-

рабукина, сделанная в с. Хонуу Момского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 416, л. 33–44; 3) Самозапись Н.В. Слепцова, сделанная в 1945 г. в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 675, л. 14–25; 4) Зап. Г.М. Васильев в 1945 г. от Г.Ф. Никулина в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 675, л. 70–82.

Варианты записаны от сказочников, представляющих одну фольклорную традицию, поэтому в них не обнаруживается существенных различий. Только в вариантах 2 и 3 вместо Хара Хаана выступает мифологический персонаж Могус, а в вариантах 1 и 2 братьев двое: Харыс Тюёкэй и Тутум Тюёкэй.

Публикуемый текст сходен с тувинской сказкой «Три брата», в которой братья имеют имена: Один Вершок, Два Вершка и Три Вершка. Они, так же, как в якутской сказке, живут по соседству с богачом Каратыханом (даже имя созвучно с якутским Хара Хааном) и по очереди идут просить еду. Младший брат Один Вершок, как и Тутум Тюёкэй в якутской сказке, становится победителем хана [81, с. 53–59].

1 — *...Баай Хара Хааҥҥа...* (*...Баай Хаара Хаану...*) — в рукописи *Баай Хара Хааҥҥа*. Видимо, описка.

— *...ыалдыбахтаан...* (*...еще проболел...*) — диал. форма лит. *ыалдьымахтаан*.

— *...улахан...* (*...старшего...*) — в рукописи *уолахан*. Видимо, описка.

2 — *...Баай Хара Хаан...* (*...Баай Хаара Хаан...*) — в рукописи *Баай Хара-Хараханн*. Видимо, описка.

— *...Тутум Түөкэй...* (*Тюёкэй... Харыс*) — оговорка, подразумевающая Харыс Тюёкэй.

— *...иһиэҥ...* (*...выпьешь...*) — в рукописи *иһиэн*. Видимо, описка.

— *...буустаах...* (*...со льдом...*) — диал. форма лит. *муустаах*.

— *...курдьэҕинэн...* (*...лопатой...*) — в рукописи *курдьаҕынан*. Такое написание производных слова *курдьэх* встречается часто. Видимо, описка собирателя.

4 — *...буһарыҥ...* (*...сварите...*) — в рукописи *буһарын*. Видимо, описка.

— *Оҕонньор...* (*Старик...*) — в рукописи *охоньнор*. Видимо, описка.

— *...бириэмэлэрэ...* (*...время...*) — в рукописи *бириемялара*. Описка.

— *...бириэмэ...* (*...время...*) — в рукописи *бириемя*. Описка.

— *...уталытыах...* (*...мешкать*) — в рукописи *утатыах*. Видимо, описка.

— *...таҕайар...* (*...припадает...*) — диал. форма лит. *даҕайар*.

5 — *...уҥуох тутан...* (*...похоронили...*) — в рукописи *уҥах тутан*. Описка.

— *Баайын-дуолун...* (*...свое богатство-имущество...*) — в рукописи *Баайа-дуолун*. Описка.

---

2 — *...сало без прожилок, брюшной жир без кровинок...* (*...тымыра суох сыата, хаана суох хаһата...*) — наиболее ценимый слой жирной части жеребятины.

— *В мгновение ока...* (*Көрүөх бэтэрээ өттүгэр...* — букв.: «перед тем, как посмотреть») — в значении «очень быстро, мгновенно».

4 — *...огонь стал угасать...* (*...уот утуйан бары<к>-сүрүк...* — букв.: «огонь стал засыпать») — об одухотворении огня см. коммент. к тексту 18, бл. 3.

30. Мэник Мэнигийээн (Мэник Мэнигийээн). — Ср. AT 1691+ср. AT 1681+(1653 A); первая часть сказки сопоставима с СУС 1691, вторая часть — с СУС 1653 A; СЯС 326. — Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 512, л. 46–52. — Публ. впервые.

Судя по записям, Михаил Петрович Дмитриев был одним из лучших сказочников Орджоникидзевского р-на, входящего в состав Центральной Якутии. От него записано 23 сказки, из них 6 включены в сборник Г.У. Эргиса [89, т. 1, № 30, 38, 41, 42, 50; т. 2, № 87]. Кроме того, он был прекрасным знатоком старины. Г.В. Ксенофонтов и Г.У. Эргис записали со слов М.П. Дмитриева легенды и предания о первопредках Эллэе и Омогое, о сыновьях легендарного Молджегара и др.

Варианты: 1) Самозапись студента Г.А. Неустроева в 30-х гг. XX в. в г. Ленинграде сказки, слышанной в Верхне-Бологурском н-ге Амгинского р-на [91, с. 169–174]; 2) Зап. В.Л. Сенькин в 1936 г. в с. Ытык-Кель Таттинского улуса [89, т. 2, № 96]; 3) [69, с. 8–17]; 4) Зап. Г.И. Васильев в 1938 г. от Н. Корякина, 10 лет, во II Кюлятском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 139, л. 1–7; 5) Самозапись И. Гоголева, сделанная в 1938 г. в I Чочуйском н-ге Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 147, л. 1–7; 6) Самозапись ученика 6-го класса В. Софронова, сделанная в 1938 г. в с. Югюлят Вилюйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 205, л. 1–2; 7) Зап. Х.И. Константинов в 1940 г. от Н.А. Абрамова, 79 лет, во II Нахаринском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 319, л. 1–20; 8) Самозапись Н.Н. Маркова, сделанная в 1939 г. в Сыланском н-ге Чурапчинского р-на [89, т. 2, № 97]; 9) Зап. А.А. Саввин в 1950 г. от П.Д. Садовникова, 50 лет, в Олбутском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 493, л. 1–7; 10) «Ючюгэй Юедюйээн, Мэник Мэнигийээн, Дьэргэстэй Куо». — Зап. Е.Н. Говоров в 1940 г. от И.Г. Скрыбыкина в Соморсунском н-ге Амгинского р-на [89, т. 2, № 98]; 11) Зап. В.В. Илларионов в 1985 г. от Д.А. Томской, 72 лет, в г. Якутске. — Личн. архив собирателя.

В публикуемой сказке описание повседневной жизни братьев-охотников, дурачеств младшего брата, даже победы над войском Сабыйа Баай Тойона приближено к бытовой обстановке. Основные мотивы, составляющие сюжет сказки о Мэник Мэнигийээне, традиционны и устойчивы. В отдельных вариантах встречаются отклонения от традиционного сюжета. Так, вариант 6 представляет контаминацию этого сюжета с сюжетом сказки «Славный Юджюйэн» (СЯС 173). Вариант 10 близок к мифологическому сюжету: персонажи становятся добрыми духами-хозяевами живой природы. В варианте 7 Мэник Мэнигийээн сам выступает старшим братом. В северных вариантах 8 и 11 повседневная жизнь братьев тесно связана с охотой, что объясняется укладом жизни северных якутов. В варианте 5 встречается мотив столкновения с тунгусскими охотниками, сходный с историческими преданиями вилюйских якутов. В варианте 11 главный герой становится царевичем. Несомненно, эпизод заимствован из русской сказочной традиции.

1 — *...альлатарга...* (*...ломает...*) — диал. форма лит. *алдьатарга*. Чередование [*льл-лдь*] в рукописи встречается часто.

— *...тогорго...* (*...опрокидывает*) — диал. форма лит. *тоҕорго*. Чередование [*г-ҕ*] в рукописи довольно часто.

— *...буллу...* (*...дичь...*) — диал. форма лит. *булду.*

2 — *Бараххан...* (*Милые мои...*) — диал. форма лит. *барахсан.*

— *...бэт...* (*...такие...*) — диал. форма лит. *бэрт.*

— *Буллуҥ...* (*...добычи*) — в рукописи *буллум.* Описка.

3 — *... баҕайдьы...* (*...очень...*) — диал. форма лит. *баҕайы.*

4 — *Туох көрбүккүн...* (*...кого увидишь...*) — разг. форма лит. *тугу көрбүккүн.*

— *...марыан...* (*...давеча...*) — диал. форма лит. *мааҕын.*

— *...мөктүлэр* (*...отругали...*) — диал. форма лит. *мөхтүлэр.*

5 — *...уһул...* (*...снять...*) — в рукописи *улул.* Описка.

6 — *...өлөрөн кэбиһээйэний* (*Посмей только убить...*) — диал. форма лит. *өлөрөн кэбиһээйэҥний.* Чередование [*ҥ-н*] характерно для речи сказочника.

— *...хайыы-айаҕа...* (*...уже...*) — диал. форма лит. *хайы-үйэҕэ.*

7 — *...тоҥхольуһаллар...* (*...кланяются...*) — диал. форма лит. *тоҥхолдьуһаллар.*

8 — *...умуһахта...* (*...могилу...*) — диал. слово вм. лит. *иннэ.*

9 — *...хальлаайыга...* (*...на холм...*) — диал. форма лит. *халдьаайыга.*

11 — *Ирдьэн...* (*Как принесли...*) — диал. форма лит. *илдьэн.*

12 — *...ирдьи сыньньан...* (*...перерубив...*) — диал. форма лит. *илдьи сынньан.*

13 — *...сылсан тахсаннар...* (*...выбежали...*) — диал. форма лит. *сырсан тахсаннар.*

15 — *...убайдарыттан...* (*...от братьев...*) — в рукописи *убайдарыларыттан.* Описка.

16 — *...хонор тэрэмтэлэрин...* (*...на ночлег*) — диал. форма лит. *хонор тэрилэрин.*

— *...кэпсэтэ...* (*...заговорили...*) — в рукописи *кэпсэтэтэ.* Описка.

18 — *...аллараа...* (*...вниз...*) — в рукописи *аллаара.* Возможно, описка.

20 — *Альлахай!* (*Беда!*) — диал. форма лит. *алдьархай.*

21 — *...олоруогуй* (*...заживем*) — разг. форма лит. *олоруоҕуҥ.*

22 — *Туохпут...* (*Кто...*) — в рукописи *Топпут.* Описка.

---

6 — *...норов твой я усмирю...* (*...моһуорагын көннөрдөгүм...* — букв.: «шерсть твою выпрямлю») — фразеологизм, означающий «давать выволочку кому-нибудь» [45, с. 116]; «проучить, наказать» [22, с. 58].

14 — *...игольник...* (*...иннэлигин...*) — в старину женщины хранили свои иголки в особых игольниках из кожи и меди. Их пришивали как украшение на груди или к сумочке у пояса (*хаппар*). Старинные медные игольники представляли собой узкие трубочки. Снаружи они были покрыты орнаментом. В ходе археологических раскопок в Якутии обнаружены игольники из трубчатых костей птиц. В них хранились две-три костяные или медные иголки [89, т. 2, с. 144].

18 — *...тунах...* (*...тунаага...*) — здесь неясно, о чем идет речь. Имеется несколько значений этого слова: 1) 'гриб дождевик, порховка' (*таҥара сааҕа*); 2) 'первоначальное испражнение младенца или только что родившегося животного'; 3) 'послед'; 4) 'время наступления обилия молочных продуктов в начале лета, месяц июнь' [53, стлб. 2815].

31. Чээрэ Чээрэкээн оҕоньньор (Старик Чээрэ Чээрэкээн). — АТ (170) + ср. АТ 1537; ср. СУС 170; СЯС 291. — Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от Г.Ф. Никулина в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на (об исполнителе см. коммент. к тексту 27). — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 11–17. — Публ. впервые.

Варианты: 1) «Старик Кээрэкээн». — Зап. В.Н. Дмитриев в 1936 г. от М.П. Дмитриева, 76 лет, в IV Мальжегарском н-ге Орджоникидзевского р-на [89, т. 2, № 87]; 2) «Старик Чааркаан-Чааркаан». — Зап. В.С. Андреев в 1940 г. от В.С. Ховрова в Аллаиховском н-ге Аллаиховского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484; 3) «Старик Чыыра-Чаары». — Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от П.Д. Садовникова, 50 лет, в Уолбутском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 11–16; 4) «Мас Батыйа». — Самозапись М. Федоровой, Таттинский улус, с. Чычимах. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 10, д. 46, л. 40–43; 5) «Хаамыкаан». — Зап. И.В. Павлов в 1940 г. от Х.Ф. Егоровой, 60 лет, в Оленекском н-ге Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 724, л. 13–24; 6) «Кээчээн-Кээчээн». — Зап. А.П. Новгородова в 1950 г. от А.Т. Жиркова, 78 лет, в Соморсунском н-ге Амгинского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 80, л. 69–75; 7) Зап. Е.И. Коркина в 1957 г. от Н.И. Корякина в с. Хону Момского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 247, л. 21–27; 8) «Кээдэй». — Зап. Н.В. Емельянов в 1959 г. от М.И. Оспек на оз. Эссей Эвенкийского национального округа Красноярского края. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, д. 337, л. 33–37; 9) «Кээдэй». — Зап. Л.Ф. Иванова в 1972 г. от С.В. Павловой, 48 лет, в с. Джилимда Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 6, л. 30–33.

Собиратель отметил, что в исполнении рассказчика речь Чээрэкээна подобна голосу беззубого старика, только громкая и быстрая. Сказку находим во всех основных фольклорных районах. Хотя варианты записаны, кроме варианта 6, под разными названиями, сюжетная канва сказки сохраняется. В вариантах 1, 4, 5 отчетливо звучит социальный мотив, характерный для бытовых сказок. Заключительная часть публикуемого текста и варианта 9 носит нравоучительный характер.

1 — *...суччоҕотоҕун...* (*...совсем одиноким...*) — стяженная форма лит. *суос соҕотоҕун.*

— *...мэйиитин унҕуҕун...* (*...череп*) — диал. форма лит. *төбөтүн унҕуоҕун.*

— *...сиҥэлиэн...* (*...смешивает...*) — диал. форма лит. *сиҥэлээн* от *сиҥэлээ* ‘разбавлять’.

— *...билиги...* (*...тот...*) — диал. форма лит. *били.*

2 — *...хоноҕо...* (*...гость...*) — в рукописи *хоноһа.* Описка.

— *...күннүлүүллэр...* (*...потчуют...*) — диал. форма лит. *күндүлүүллэр.*

3 — *...көтөгөн киирдэ* (*...заносит...*) — диал. форма лит. *көтөҕөн.* Чередование [ҕ-г] характерно для речи сказочника.

— *...кайыаҥай...* (*...конечно же...*) — диал. форма лит. *хайыаҕай.*

5 — *..угуонна...* (*А потом...*) — стяженная форма лит. *ол кэннэ.*

6 — *Оҕон...* (*...твоего ребенка...*) — в рукописи *оҕоҕон.* Описка.

9 — *...таҕааран...* (*...поднял...*) — диал. форма лит. *таһааран.*

10 — *...бөрдүү курданан...* (*...подпоясавшись...*) — диал. форма лит. *бүөрдүү курданан.*

11 — *...бутуктаах...* (*...ветвистое...*) — диал. форма лит. *мутуктаах*.

— *...күн аныгытыгар дылы...* (*...до нынешних дней...*) — диал. форма лит. *күн бүгүҥҥүтүгэр диэри*.

---

1 — *Ну вот, если начать по-хорошему...* (*Дьэ арай үчүгэй аҕайдык буоллаҕына...*) — традиционный сказочный зачин у северных якутов.

9 — *...предсказатель...* (*...таҥхаһыт...*) — *таҥхаһыт* — предсказатель судьбы, человек, занимающийся гаданием. Обычно якуты гадали у проруби или коновязи-*сэргэ* и узнавали свою судьбу, подслушивая водяных или домашних животных. В связи с христианизацией якутов поверье и обряд *таҥха* слились со святочными гаданиями и обрядами [37, с. 19–24].

10 — *...приосанившись...* (*...бэйэ бодотун тардынан...* — букв.: «свой вид подтянув») — фразеологизм, его значение сходно с *бэйэ бодоҕун киллэр* 'показывать себя' [44, с. 112].

11 — *...солнце с месяцем потемнели* (*...күнэ-ыйа хараҥарда*) — фразеологизм, имеющий значение «настал критический момент».

32. Кутурук Уоруйах (Вор Кутурук). — АТ 1525 А+ср. 1574*; ср. СУС 1525 А; СЯС 299. — Самозапись Н.В. Слепцова, сделанная в 1945 г. в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 675, л. 31–33. — Публ. впервые.

Варианты: 1) Зап. А.А. Саввин в 1940 г. от Г.Ф. Никулина, 37 лет, в Крест-Майорском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 484, л. 21–23; 2) Зап. А.С. Порядин в 1940 г. от М.Е. Порядиной в I Морукском н-ге Мегино-Кангаласского р-на [89, т. 2, № 84]; 3) Самозапись ученика 6-го класса П. Тарабукина, сделанная в 1940 г. в Момском р-не. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 416, л. 44–46; 4) «Вор, который срезает на ходу подметки». — Зап. К.В. Никулин (второй) в 1940 г. от К.В. Никулина (первого) в Абыйском н-ге Абыйского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 669, л. 79–83; 5) Зап. Н.В. Емельянов, П.Е. Ефремов в 1965 г. от С.Д. Волкова в с. Андрюшкино Нижнеколымского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 10, д. 80, л. 32–34; 6) «Олоон-Толоон Тойон и Вор Кутурук». — Зап. В.Д. Окороков в 1970 г. от П.Н. Колодезникова, 83 лет, в пос. Усть-Татта Алексеевского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 22, л. 26–29.

Публикуемый текст и варианты 1, 2 почти идентичны, хотя они записаны в разных местах. В варианте 3 вор принимает облик мухи, что характерно для волшебных сказок. Незначительные отличия вариантов 4–6 вызваны индивидуальной трактовкой исполнителей и особенностями фольклорной традиции отдельных мест.

2 — *...буоллаан...* (*...ведь...*) — стяженная форма лит. *буоллаҕын*.

3 — *...арҕаатыттан...* (*...за...*) — диал. слово вм. лит. *кэнниттэн* [24, с. 51].

4 — *Оок-сиэтэ* (*Оок-сиэтэ*) — в рукописи *Ооксиэтэ*. Описка.

— *...мэкиспит...* (*...поспорил...*) — диал. форма лит. *мөккүспүт*.

— *Бу түүн...* (*Этой ночью...*) — в рукописи *бүтүүн*. Индивид. произношение сказочника.

5 — *...убатарбытыгар...* (*...когда будут его разжигать*) — диал. форма лит. *уматарбытыгар.*

— *...состуокка...* (*...на шесток...*) — видимо, заим. из рус. «шесток».

— *...орун...* (*...постель...*) — диал. форма лит. *орон.*

— *...кэҕэрэһэргээн...* (*...с интересом...*) — редкое слово в значении *сэҥээрэн.*

---

8 — *Тут все на кулак ниже стали, на пядь уменьшились...* (*Дьэ, бары тутум уосталлар, сүөм-сүөһэллэр...*) — образное выражение со значением «потерять гордость, пасть духом».

— *...когда уже было отчаялись...* (*...чуурдарын этэн олордохторуна...* — букв.: «сказали отказ, объявили отказ») — фразеологизм, его значение ср. с *чуурун биэрдэ* 'уступать, перестать противиться' [44, с. 121].

33. Дьаданы бааһынай (Бедный крестьянин). — AT (1384)+1210+1244+ +1245+1245 A*; ср. СУС 1210, 1244, 1245, 1245 A*; СЯС 333. — Зап. В.М. Попов в 1939 г. от М.П. Жерготова, 41 года, в с. Тыараса Таттинского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 341, л. 1–5. — Публ.: [89, т. 2, № 102].

Михаил Пудович Жерготов (1898–1972) известен как *олонхосут.* Его эпический репертуар состоит из 28 *олонхо.* Сказительское искусство перенял от отца и дяди по отцовской линии. С ним работали фольклористы П.Н. Попов, П.Н. Дмитриев, В.В. Илларионов.

В 1938 г. в Вилюйске Вилюйского р-на со слов И.И. Егорова была записана сказка «Крестьянин с одним сыном», в которой эпизод, связанный с кормлением коров на балагане, сходен с одним из эпизодов публикуемой сказки.

Подобно культурному герою Эллэю [35, с. 21, 24, 28 и др.] умный бедняк-крестьянин показывает людям, как сделать окно, дымокур, изгородь. Однако эти поступки героя, излагаемые в исторических преданиях как реальные деяния, в сказке воспринимаются как вымысел.

1 — *...түөт...* (*...с четырех...*) — см. примеч. к тексту 3, а также *бэт* 'хорошо' вм. лит. *бэрт* (бл. 1).

— *...сыньньанар...* (*...отдыхает...*) — диал. форма лит. *сынньанар.* См. *маньньатын* (*в награду*) вм. лит. *манньатын* (бл. 2).

2 — *...таҕаара-таҕаара...* (*...выносят-выносят...*) — диал. форма лит. *таһаарата-таһаара.* В тексте употребляются обе формы, см. в этом же блоке *таһааран* (*выносим*).

— *...өҥөйөн көөттө...* (*...заглянул...*) — стяженная форма лит. *көрбүтэ.* См. *олоотто* (*зажил*) вм. лит. *олорбута* (бл. 5).

— *...маастаардыыр* (*...показывает*) — разг. форма лит. *маастардыыр.*

3 — *...түһэрэ сырдьаллар* (*...поднимают...*) — диал. форма лит. *түһэрэ сылдьаллар.*

— *...хайтах...* (*...что...*) — см. примеч. к тексту 4, бл. 3.

4 — *...гиммиттэр* (*...собираются...*) — диал. форма лит. *гыммыттар.* См. *гинэгинэ* (*делая*) вм. лит. *гына-гына* (бл. 4).

— *...аҥыныахтыыллар...* (*...смазывают...*) — диал. форма лит. *оҥунуохтуулар.*

---

2 — *...набьем...* (*...симиэҕиҥ...*) — якутская печь раньше представляла из себя очаг с камельком или камином. Один из видов якутских печей *сімі осох* 'битый камелек' изготовлялся следующим образом: делали деревянный каркас, набивали его глиной, получался очаг, на него наклонно устанавливали жерди, которые тоже обмазывались глиной. Этот процесс назывался «набиванием» печки.

34. Үс ынахтаах, үс ойохтоох Тээп-Тээп оҕоньньор (Имеющий трех коров и трех жен старик Тээп-Тээп). — АТ (1687); СЯС 338. — Зап. П.Т. Степанов в 1945 г. от И.М. Ларионова в Чемаикинском н-ге Мегино-Кангаласского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 655, л. 1–2. — Публ.: [89, т. 2, № 108].

Варианты: 1) «Дыбыы Кылыысыт». — Самозапись ученика 6-го класса П. Тарабукина, сделанная в 1940 г. в с. Хонуу Момского р-на [89, т. 2, № 109]; 2) «Чыыры-Чыыкаан». — Самозапись ученика 7-го класса С. Васильева, сделанная в 1943 г. в с. Джилинда Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 704, л. 174–178; 3) «Чыыра-Чыыкаа». — Зап. Л.Ф. Иванова в 1972 г. от А.Н. Николаевой, 53 лет, в пос. Оленек Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, д. 6, л. 52–55.

Варианты 2 и 3, представляющие одну фольклорную традицию, несколько отличаются от публикуемого текста и варианта 1.

1 — *...оҕорор...* (*...делать...*) — диал. форма лит. *оҥорор.*

— *...оҕоньньор...* (*...старик...*) — см. примеч. к тексту 3, бл. 3, а также *аньньан* (*спускает*) вм. лит. *анньан* (бл. 1), *аньньаары* (*чтобы столкнуть*) вм. лит. *анньаары* (бл. 3), *маньньаҕа* (*вознаграждение*) вм. лит. *манньаҕа* (бл. 2), *сыньньыталаан кэбиспит* (*избил*) вм. лит. *сынньыталаан кэбиспит* (бл. 3).

2 — *Хайтах...* (*Что...*) — см. примеч. к тексту 4, бл. 3.

3 — *...бээҕээҥҥи...* (*...вчерашний...*) — усеченная форма лит. *бэҕэҕээҥҥи.*

4 — *...баҕадьылар...* (*...чертовы...*) — диал. форма лит. *баҕайылар.*

— *...Сассыарда...* (*Утром...*) — см. примеч. к тексту 2, бл. 1.

6 — *...кукаам* (*...дитя мое*) — диал. форма лит. *тукаам.*

35. Уустук үллэрии (Сложная дележка). — АТ (1533); ср. СУС 1533; СЯС 319. — Зап. С.И. Боло. — Личн. архив собирателя. — Первая публ.: [71, с. 139–140].

Позже сказка включалась в сборники якутских сказок и учебники, благодаря чему стала популярной.

36. Өйдөөх кыыс (Умная девушка). — АТ (875); ср. СУС 875; СЯС 313. — Зап. С. Степанов в 1945 г. от В. Степанова в Шологонском н-ге Оленекского р-на. — АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 704. — Публ.: [89, т. 2, № 95].

Сказка интересна тем, что в нее органически входит сюжет исторических преданий, широко бытовавший в фольклорной традиции вилюйских и северных якутов. Здесь мы встречаемся с фактом перехода мотивов предания в сказочный сюжет.

1 — *...миинҥэриттэн...* (*...ехавший верхом...*) — разг. форма лит. *атыттан.*

— *...молууга...* (*...почетное место...*) — диал. слово, ср. лит. *биллэриккэ.*

— *...чуоҥаалга...* (*...на левой стороне...*) — диал. слово, обозначающее место для девушек на левой стороне жилища, ср. лит. *хаппахчыга.*

— *...даҕыны...* (*...до того...*) — диал. форма лит. *даҕаны.*

2 — *Тэлиэркээҕэ...* (*На тарелку...*) — метатеза, лит. форма *тэриэлкээҕэ. Тэриэлкэ* — от рус. «тарелка».

4 — *...тааханҥа...* (*...под таганом...*) — диал. форма лит. *таҕаанҥа.*

— *...уолааҕым...* (*...мой... сын*) — диал. форма лит. *уоллааҕым.*

5 — *...тийбиттэрэ...* (*...вошли...*) — диал. форма лит. *тиийбиттэрэ.*

— *...төбөлөрүн...* (*...верхушки...*) — в рукописи *төбөлөрын.* Описка.

— *...маҥан...* (*...белый...*) — диал. форма лит. *маҕан.*

6 — *...салдаттарын...* (*...воинов...*) — разг. форма лит. *саллаатгарын.* Заимств. русское слово «солдат» (*салдат*).

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Аата — междометие, выражающее неожиданность, удивление, возмущение (ср. рус. «фу-ты», «а ну», «господи»)

Абаасы (*абааһы*) — в фольклорных произведениях общее название противников *айыы*, обитающих в Нижнем и Верхнем мирах. По мифам и древним верованиям, это злые духи, причиняющие людям вред и болезни. Бран., шутл.: «скверный, негодный, дрянной». В христианском смысле: «черт, дьявол»

Абатыкайбын, абытакайбын, айакабын, айыккабын (*айыккабыын*) — междометие, выражающее досаду, боль или сетования; *айакабын* от *айа* — «ой, больно мне!», «ой, досадно мне!», иногда удивление «ой, какой!»

Абатын — междометие, выражающее досаду (ср. рус. «эх»)

Айа, айа-айа, айы-айа — междометие, выражающее боль, усталость, недомогание и т.п. (ср. рус. «ой», «ай», «ох», «уф»)

Айыка-айыка — междометие, выражающее боль (ср. рус. «ой», «ай», «ох»)

Айыы — общее название мифологических божеств, покровителей людей; в *олонхо* и сказках употребляется в значении «человек», «наш человек» [37, с. 19–24]

Айыысыт (*айыыһыт*) — общее название богинь, покровительствующих увеличению потомства, см. также коммент. к тексту 11, бл. 8

Алаас (*алаас*) — долина, часто с озером; елань, лужайка, сенокосное, пастбищное угодье, окруженное лесом или лесистыми горками. Якуты селились обычно на *алаасах*, т.е. по сенокосным угодьям отдельными семьями

Алаата — междометие, выражающее удивление, удовольствие, испуг, досаду, сожаление

Алаатыка — восклицание, выражающее удивление, восхищение, испуг, горе, досаду, то же, что *алаата* с усиливающим оттенком; ср. рус. «ой», «ай», «досада какая!»

Алгыс — благословение, произносимое во время обрядов; благопожелание, хвала, заклинание, моление

Алдьархайбыын — междометие, выражающее отчаяние, ср. рус. «беда»

Бабат — междометие удивления, испуга; крик омеряка или вообще испугавшегося человека [53, стлб. 322]; см. также коммент. к слову *бётёкёс*

Бай — междометие, выражающее удивление, изумление (ср. рус. «ба»)

Батас — рубяще-колющее оружие ближнего боя. В верхней части грани, ближе к спинке, имеется специальный желобок. *Батас* резко отличается от других видов оружия своими размерами и прежде всего формой полосы, которая от черенка к середине слегка расширяется и резко сужается к острию, в результате чего лезвие принимает ломаную линию. Е.И. Деревянко склонна отнести данное оружие к мечам типа японских «хирадзукури» [14, с. 91–102]

Бётёкёс (*Бөтөкөс*) — слова, выкрикиваемые омеряком от испуга при виде чего-либо ужасного [53, стлб. 527]; вар. *бөтөҥкөс*. Омеряк (*өмүрях*) — омеряк (меряк, миряк, имеряк), омеряченный, т.е. человек нервнобольной, который, будучи приведен в испуг каким-нибудь внезапным криком, неожиданным звуком (стуком), даже быстрым движением руками, начинает кривляться и подражать всем движениям находящихся перед его глазами людей и животных, хотя бы эти движения были неприличны, и повторяет слова даже скабрезного содержания [53, стлб. 1942]

Билирик, биллирик — *орон*, расположенный на правой мужской половине юрты вдоль южной стены. Вместе с правым передним *ороном*, расположенным с западной стороны, образует красный угол дома, где всегда стоит стол. *Биллирик* — самое почетное место юрты, куда сажают дорогих гостей, сватов, где спит шаман, приглашенный для камлания [72, с. 340–341]

Бисим-басым (*биһим-баһым*) — междометия, выражающие внезапный испуг (см. коммент. к тексту 13, бл. 13)

27 Заказ № 61

Богоргоно (*боҕорҕоно*) — таинственная птица-пастушок, про которую сложено много легенд и небылиц, бытующих повсеместно по Вилюю. Пастушок ведет скрытную жизнь и редко кому из охотников удается увидеть его [9, с. 144], см. *лахаатта*

Болот — вид старинного двухлезвийного оружия, короткий меч, булат, *болот*-нож — «булатный нож». Обычно в фольклорном материале оружие типа *болот* не упоминается. Вероятно, оно вышло из военного обихода якутов в отдаленные времена. Подобные двухлезвийные мечи в Южной Сибири и Центральной Азии были вытеснены оружием типа палаш (см. *кылыс*) уже в VI–X вв. [14, с. 91–102]

Да, дэ, та, тэ — припевные слова

Дархан — привилегированное сословие; важный, почтенный; горделивый, церемонный [53, стлб. 678–679]

Джабака (*дьабака*) — старинная меховая женская шапка с высоким верхом и украшениями на макушке

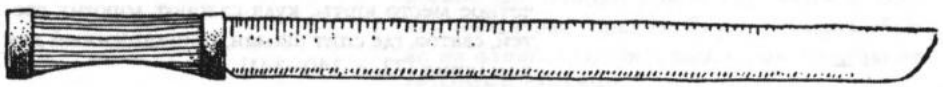
Дьэ-сэ-сэ (*Дьэ-һэ-һэ*) — запевные слова

Кёс (*көс*) — якутская мера длины, равная приблизительно 10 км. В старину различали *сатыы көс* (*кёс* пешей ходьбы, равный расстоянию немного меньше 10 км) и *ат көс* (*кёс* конной езды, равный 10 км или немного больше). Слово *көс* имеет и другие значения, например: «переход или переезд от ночевки до ночевки»

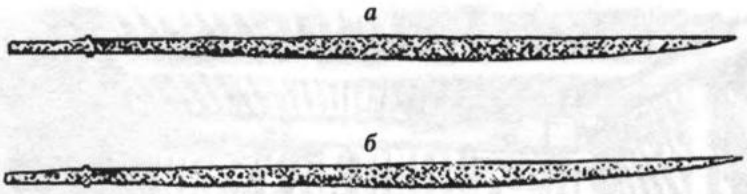
Кириэсин (*кириэһин*), *кириэскин* — модальная частица, служащая для передачи удивления, изумления, часто с оттенком осуждения по поводу производимого действия [24, с. 85]

Кух-хаах — звукоподражание откашливанию

Кылыс (*кылыһ*) — вид старинного однолезвийного рубяще-колющего оружия, длинный боевой нож, похожий на саблю. Прямой клинок сближает *кылыс* с распространенным у многих племен средневековья оружием типа палаш. Принцип изготовления *кылыса* приближает его к клинкам типа *батас*. Его полоса так же, как и у *батаса*, плав-



Болот [21].



Кылыс.

а — из фондов Вилюйского краеведческого музея; *б* — из фондов Амгинского школьного музея [21].

но расширяется от черенка длиной 9 см и преломляется к острию клинка [14, с. 91–102]

Кыырк — звукоподражание стерху

Кэрэх — дерево, на котором вывешивается шкура жертвенного животного, см. коммент. к тексту 25, бл. 4

Лахаатта — встречающееся в сказках название птицы пастушок, см. *богоргоно*

Лонг-лонг (*лоҥ-лоҥ*) — звукоподражание стуку по глиняному предмету (ср. рус. «бум-бум»)

Магыс (*маҕыс*), *монгус* (*моҥус*) — сказочный персонаж, букв.: «ненасытный, жадный; обжора» [53, стлб. 1527], часто прибавляется эпитет *ангаа* (*аҥаа*) 'неуклюжий', иногда *алаа* 'близорукий'

Мээх-мээх — звукоподражание теленку

Ноко, нокоо, нокоо-о, нохоо — обращение к молодому человеку, оклик, в разговорной речи имеет пренебрежительный оттенок

Ньаас — звукоподражание бекасу

Ок-сиэ, оок-си, оок-сиэ, оок-сиэтэ — междометие, выражающее удивление, восхищение (ср. рус. «о», «ах», «ну»), досаду (ср. рус. «эх»)

Олонхо (*олоҥхо*) — героическое сказание

Орон — общее название спальных мест; раньше *ороном* называли лавки, идущие вдоль стен балагана справа и слева от входа. Каждый *орон* имел свое название, в зависимости от месторасположения по сторонам света и назначение. Их количество варьировалось в зависимости от размеров помещения (подробнее см. [72, с. 340–341])

Пыл-пал — звукоподражание прыжкам лягушки

Саары — особым способом выделанная кожа, снятая с конского крупа и идущая на изготовление обуви [65, с. 65]

Орон [72].

Сай-сат (*һай-һат*) — возглас, которым погоняют рогатый скот

Сангас (*саҥас*) — жена старшего родственника по отцу (безразлично к полу говорящего) [53, стлб. 2085]

Сандалы — низкий стол из досок или бересты у древних якутов

Ситимэх — бранное слово

Сиэй, сиэ-сиэ (*һиэ-һиэ*), *сиэ-сэ* (*һиэ-һэ*), — запевные слова

Соо (*һоо*), *соок* (*һоок*), *суй* (*һуй*), *сук* (*һук*), *сууй, суук* (*һуук*), — междометие, выражающее неожиданный испуг или сопровождающее напряжение силы (ср. рус. «ой»)

Суу (*һуу*) — междометие, выражающее чувство облегчения, ср. рус. «уф»

Сууй-йэ — междометие, выражает раздражение

Сэй-йэ — междометие, выражающее изумление (ср. рус. «ой», «ну и ну», «ба»)

Сэкэтэй сиэк, мокотой муок — непереводимое выражение, которое произносит герой, чтобы напугать хозяев дома

Сэргэ — коновязь, коновязные столбы. Обычно устанавливали перед домом по числу сыновей. Когда в дом приходила невестка, ставились и другие коновязи. Самая большая коновязь — почет-

ная, предназначалась главе семьи и почетным гостям [53, стлб. 2171–2172; 30, с. 73–76]

Сээ (*һээ*) — междометие, выражающее удивление (ср. рус. «ах», «ну», «ой»)

Сээркээн сэсэн (*Сээркээн сэһэн*) — мудрый старец, см. коммент. к тексту 21, бл. 9

Татат — междометие, передает неожиданный испуг, удивление (ср. рус. «боже», «ой», «ах»), см. коммент. к тексту 13, бл. 13

Тирк — звукоподражание выстрелу из лука

Тойон — господин; глава семьи, хозяин

Тойук — песня, песнопение

Топ-топ — звукоподражание стуку по дереву (ср. рус. «стук-стук»)

Торбаза (*этэрбэс*) — кожаные сапоги на мягкой подошве [65, с. 76]

Тунах — время наступления обилия молочных продуктов в начале лета [53, стлб. 2815], см. коммент. к тексту 30, бл. 18

Тунулукку дьоо — непереводимое восклицание, выражающее удивление сказочного персонажа

Якутка, примеряющая *торбаза*. Авторство фото спорно (И.В. Попов или А.И. Курочкин). Из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского.

Тууй-иэ, тууй-сиэ — междометие, передает раздражение, негодование (ср. рус. «фу», «тьфу»)

Тымтай — посудина круглой или овальной формы с крышкой или без нее

Тыый — междометие, выражающее ужас или удивление (ср. рус. «ах», «ой», «фу», «тьфу», «что это»)

Ураса (ураһа) — старинное летнее жилище якутов в виде высокого конического шалаша из наклонно поставленных длинных жердей, покрытых снаружи сшитыми полосами бересты, которые придавливались снаружи вторым рядом жердей [72, с. 334–336]

Хаппар — женская сумочка (кошелек, кисет, мешочек) из ровдуги или красного сукна, вышитая шелком, иногда серебряными бляхами, унизанная разноцветным бисером, иногда с бахромой. Ее подвязывали к поясу взамен кармана и использовали для хранения мелочей: наперстка, трубки, огнива [53, стлб. 3318]

Хаппахчы — стенка, отделяющая место для сна, кровать (для девушки-дочери), чулан [53, стлб. 3320]

Харыс — якутская мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и средним пальцами руки [65, с. 87; 53, стлб. 3376–3377]

Хатын, хотун — госпожа

Хаяк (хайах) — якутское молочное блюдо, приготовленное путем сбивания сливочного масла с кипяченым теплым молоком и подаваемое в застывшем виде [65, с. 88]

Холбо — сооружение из бревен в виде небольшого амбара или клетки для хранения запасов пищи, добычи охотников или для содержания лисят, добытых из нор. В старину в виде *холбо* устраивали и гроб из толстых досок или бревен, куда клали тело и засыпали землей

Хорук-хорук — возглас, которым призывают лошадей [53, стлб. 3514]

Хотон — помещение для скота, представляющее собой строение в виде усеченной четырехгранной пирамиды из наклонно поставленных небольших бревен, на зиму обмазываемых смесью из глины и навоза. Раньше *хотон* всегда пристраивался к балагану и соединялся с ним дверью [30, с. 61–62; 65, с. 91]

Чабычах — низкая плоская берестяная чаша для хранения молока и молочных продуктов, а также для отстаивания сливок [53, стлб. 3546]

Чалып — звукоподражание всплеску и птичьему щебету

Чачып, чичип, чып-чап — звукоподражание птичьему щебету

Чолк — звукоподражание упавшему в воду предмету (ср. рус. «бульк», «бултых»)

Чус — звукоподражание птичьему голосу

Чэ, чэ-чэ, чээ — междометие, выражающее призыв, побуждение (ср. рус. «ну», «давай»), понуждение, угрозу (ср. рус. «ну-ка», «а ну»)

Ыат-татай — междометие, передающее удивление, досаду, огорчение (ср. рус. «фу», «ну», «ах», «ой-ой», «вот так»)

Ымыйа — плоскодонная круглая деревянная чаша. Такая большая чаша, вместимостью до 3 л, называется *кэриэн ымыйа*, т.е. круглая чаша. Она обычно украшена богатым резным орнаментом

Ымыы — амулет, талисман. Амулетом считались, например, ожиг, ружье, березовые вилы, подвешенные на длинный шест, головы птиц и т.д. Такие амулеты предназначались для того, чтобы отпугивать злых духов, тем самым охранять людей

Ысыах (ыһыах) — традиционный летний праздник кумысопития

Эчикийэ — междометие, выражающее удивление, презрение

Ээ, ээй — междометие, передающее различные эмоции: удивление, досаду, презрение, злорадство (ср. рус. «ну», «э», «фу»)

Ээх — междометие, выражающее одобрение, согласие (ср. рус. «да», «ладно», «хорошо»)

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

Айыы Жаворонок (*Айыы Күөрэгэй*) — старшая жена старика *Заячий Хвост* (об *айыы* см. Словарь непереведенных слов, в данном случае это слово является составной частью сложного имени, показывающей принадлежность персонажа к племени *айыы*; *күөрэгэй* 'жаворонок') 20

Айыы Птенчик (*Айыы Далбарай*) — младшая жена старика *Заячий Хвост* (*далбарай* 'птенец, птенчик, слеток' [53, стлб. 670]) 20

Айыысыт (*Айыыһыт*) — божество, способствующее зачатию и размножению людей, скота и собак 17, 18

Ала Тойон — жених *Ымалджыйи* в образе птицы (*ала* 'пестрый', *тойон* 'господин', здесь эвфемизм орла; позже обернулся человеком *Догуолджуйа Саар Бёгё*) 21

Ала Туйгун — сват *Хараджын Мэргэна*, внук *Айыысыт* (*ала* 'белобокий, пестрый, пегий, бросающийся в глаза, отменный' [53, стлб. 68], *туйгун* 'отличный, превосходный'; вар.: *Алаатыыр Ала Туйгун*; *алаатыыр* от слова *айаатаа* 'гулко реветь (о быке)' [53, стлб. 46]) 18

Алаанай — старик, владеющий пегим жеребцом, второстепенный персонаж (от слова *алаа* 'близорукий, разноглазый' [53, стлб. 63]), ср. *Болооной*, *Хараанай* и *Эрээнэй* 15

Алаа Монгус (*Алаа Моҥус*), *Ангаа Могус* (*Аҥаа Моҕус*), *Ангаа Монгус* (*Аҥаа Моҥус*) — популярный отрицательный персонаж в сказочном фольклоре якутов 13, 15, 16

Баай Хара Хаан — богатый сосед, второстепенный персонаж (*баай* 'богатый', *хара* 'черный, темный; *перен.* дурной, злой' [92, с. 481], *хаан* 'большой, великий, важный, знатный' [53, стлб. 3294], *баай* — составная часть сложных имен); вар.: *Хара Хаан* 18, 24, 29, 32

Байанай — дух-хозяин леса, покровительствующий охотникам 18

Болооной — старик, владеющий *болот*-ножом, второстепенный персонаж (*болооной* от *болоо* или *болуо* 'твердый, жесткий, громадный' [53, стлб. 492]); ср. *Алаанай*, *Хараанай* и *Эрээнэй* 15

Букуйдаан — старик с гнутой-согнутой рогатиной, главный персонаж (от *букуй* 'сгибать ноги') 27

Бэйбэрикээн — старушка, главный персонаж (*бэйбэрикээн* от *бэйбэрий* 'ходить короткими, но быстрыми шагами, частить ногами, семенить' [53, стлб. 421]) 18

Вор Кутурук (*Кутурук Уоруйах*) — главный персонаж (*кутурук* 'хвост') 32

Господин Месяц (*Ый Тойон*) — отец *С Лунным Светом Шаманки* 19

Господин Плеяд (*Үргэл Тойон*) — отец *Пугливой Шаманки* 19

Господин Солнце (*Күн Тойон*) — отец *С Плавной Походкой Шаманки* 19

Джёсёгёй (*Дьөһөгөй*) — божество лошадей; вар.: *Джёсёгёй-тойон* 11, 18

Джылга Тойон (*Дьылҕа Тойон*) — божество судьбы (*дьылҕа* 'рок, судьба, предсказание судьбы', *тойон* — составная часть имени божеств). В якутской мифологии Джылга Хаан — божество из разряда *айыы*, определяющее при рождении ребенка его судьбу [43, т. 1, с. 374] 21

Джэгэ Бааба (*Дьэгэ Бааба*) — женщина-*абаасы* от рус. Баба Яга 18

Догуолджуйа Саар Бёгё (*Догуолдьуйа Саар Бөҕө*) — жених *Ымалджыйи* (от *догулдьуй* 'ходить, идти быстро', *саар* — составная часть сложного имени, здесь в значении «большой», *бөҕө* 'сильный, силач'); в образе птицы он — *Ала Тойон* 21

Заячий Хвост (*Куобах Кутуруга*) — старик, главный персонаж 20

Илэ Хара — помощник, советчик и сват *Хараджын Мэргэна*, внук *Иэйэхсит* (*илэ* 'явно, открыто' [53, стлб. 912], *хара* 'черный') 18

Иннокентий (*Эгиэнтэй*) — понимающий речь животных, брат *Николая*, главный персонаж 12

Иэйэхсит — божество, выступающее посредником между людьми и другими божествами. В якутской мифологии ее представляли в виде богато одетой женщины, иногда кобылицы светлой масти. Согласно мифам, она принимает просьбы к божествам и извещает об их решениях. *Иэйэхсит* — покровительница счастливых людей, заботится о них с детства и охраняет их от злых духов *абаасы* [43, т. 1, с. 596] 17, 18

Кёссюё Кёдёкё (*Көссүө Көдөкө*) — старший брат *Мэник Мэнигийээна* (от прилагательного *көдөй* 'пузатый, коротконогий' или глагола *көдөй* 'выпятить брюхо; пузатеть' [53, стлб. 1127]) 30

Кыл Кюёмэй (*Кыл Күөмэй*) — дочь *Чаачахаан-Чаачахаан* (*кыл* 'конский волос', *күөмэй* 'горло') 13

Кынгкыллаан (*Кыҥкыллаан*) — шаман, второстепенный персонаж (от *кыҥкыныаа* 'звенеть (о бубенцах шаманского костюма)') 25

Кюн Айыы Тойон (*Күн Айыы Тойон*) — верховное божество (букв.: «солнце-*тойон* [племени] *айыы*») 21

Кюргюй Дохсун (*Күргүй Дохсун*) — сын старика *Букуйдаана* (*күргүй* 'резкий возглас, окрик', *дохсун* 'дерзкий, буйный, горячий') 27

Лыыбара — главный персонаж (возможно, от *лыыба* 'мелкая рыба') 15

Мэник Мэнигийээн — младший брат скромника *Кёссюё Кёдёкё* и умницы *Сэсэн Сэрбэкэ*, главный персонаж (значение имени переводят как Шалун Шалунишка) 30

Николай (*Ньукулай*) — младший брат *Иннокентия* 12

Николай (*Ньукулай*) — имя святого 18

Ньыы-Ньыы — старушка, главный персонаж (*ньыы-ньыы* — непереводимое слово, вероятно, звукоподражательное имя) 16

Олоон Долоон — главный персонаж (*олоон*, видимо, от *олоо* '1) следить, выслеживать, преследовать по следам; 2) доставать траву из-под снега' [53, стлб. 1816], *долоон* (*толоон*) 'широкое поле') 28

Оногостоон Чуокаан (*Оноҕостоон Чуокаан*) — женатый сосед *Олоон Долоона* (от *оноҕос* 'стрела', *чуокаан* — непереводимое слово) 28

От Сагынньах (*От Саҕыньньах*) — главный персонаж (*от* 'трава', *саҕынньах* 'доха') 25

От Сото — сын *Чаачахаан-Чаачахаан* (*от* 'трава', *сото* 'голень') 13

Пугливая Шаманка (*Үргүүк Удаҕан*) — дочь *Господина Плеяд*, одна из небесных жен *Славного Юджюйэна* 19

Резвый Бегун Медвежий Глаз (*Эһэ Харах Дьэллик Сүүрүк*) — заблудившийся мальчик, воспитанный медведем, главный персонаж 22

С Лунным Светом Шаманка (*Ыйдыҥалаах Удаҕан*) — дочь *Господина Месяца*, одна из небесных жен *Славного Юджюйэна* (*ыйдыҥалаах* от *ыйдаҥа* 'лунный свет, освещенный, озаренный луной, лунным светом' [92, с. 523]) 19

С Плавной Походкой Шаманка (*Күөгэл Удаҕан*) — дочь *Господина Солнце*, одна из небесных жен *Славного Юджюйэна* (*күөгэл* от *күөгэй* 'идти плавно, выказывать величавость в осанке' [53, стлб. 1307]) 19

Сабыйа Баай Тойон — богатый сосед (*сабыйа* — непереводимое слово, *баай* 'богатый', *тойон* 'господин'). В *олонхо* этот персонаж обычно выступает родоначальником *айыы* 30

Семен (*Сэмэн*) — старик, отец *Иннокентия* и *Николая* 12

Силлиргэх — дух-хозяин Земли, шаман (*силлиргэх* — синоним *силиргэх* 1) корень (идет на ручку горбуши); главный древесный корень; 2) корнистость [53, стлб. 2220]) 18

Симэхсин см. *Симээхсин*

Симээхсин — старушка-скотница, второстепенный персонаж; образ старушки *Симээхсин* в якутском героическом эпосе олонхо исследован И.В. Пуховым [62, с. 188–203]; вар.: *Симэхсин* 18, 28, 29, 32

Славный Юджюйэн (*Үчүгэй Үдьүйэн*) — брат *Худого Ходжугура*, главный персонаж (*үөдүйээн* от *үөдүй* 'пускать ростки, расти, произрастать, происходить, возникать, возрождать' [53, стлб. 3137], в данном случае имеет значение «хороший росток») 19

Сэбирдэх Тюёс (*Сэбирдэх Түөс*) — младший сын *Чаачахаан-Чаачахаан* (букв.: «лиственная грудь») 13

Сэсэн Сэрбэкэ (*Сэһэн Сэрбэкэ*) — старший брат *Мэник Мэнигийээна* (*сэһэн* используется в значении «предание», но в то же время является частью имени мифического мудреца; *сэрбэкэ* от глагола *сэрбэй* 'разбрасывать, растрепывать') 30

Сээкэрэ — чудесно рожденный сын старушки *Энгкээбил* 26

Сюём Тюёкэй (*Сүөм Түөкэй*) — старший брат *Тутум Тюёкэя* (*сүөм* 'мера длины, равная расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами, пядь', *түөкэй* — см. *Тутум Тюёкэй*) 29

Таал-Таал — старушка, главный персонаж (*таал* 'селезенка') 14

Таласа-Таласа (*Талаһа-Талаһа*) — чудесная помощница двух сестер (*талаһа* 'мостик') 23

Тутум Тюёкэй (*Тутум Түөкэй*) — младший брат *Харыс Тюёкэя* и *Сюём Тюёкэя*, главный персонаж (*тутум* 'мера длины, равная высоте кулака', *түөкэй* 'плутовство, мошенничество, обман, лесть' [53, стлб. 2900]) 29

Тэрэпиискэ — мать братьев *Мэник Мэнигийээна*, *Кёссюё Кёдёкё* и *Сэсэн Сэрбэкэ* (от заим. слова «тряпушка») 30

Тээллэй — старушка, главный персонаж (*тээллэй* 'гриб') 10

Тээп-Тээп — старик, забывавший свое имя, главный персонаж 34

Тюёнэн (*Түөнэн*) — сказочная птица, пострадавшая от обмана лисы, главный персонаж 3

Хаалджын Мэргэн (*Хаалдьын Мэргэн*), *Хараадын Мэргэн*, *Харадjын Мэргэн* (*Харадьын Мэргэн*) — жених дочери старушки *Бэйбэрикээн*, сын *Хара Хаана* 18

Хаан Харахаан-тойон — богач (*хаан* 'большой, великий, важный, знатный' [53, стлб. 3294], *харахаан* — слитное произношение двух слов *хара* и *хаан*) 28

Хабах Бас — старик, муж *Чаачахаан-Чаачахаан* (*хабах* 'пузырь', *бас* 'голова') 13

Хара Хасар (*Хара Хаһар*) — собака *Баай Хара Хаана* 29

Хараанай — старик, владеющий точилом, второстепенный персонаж (*хараанай* от *хараа* 'оскудевать, останавливаться, задерживаться' [53, стлб. 3332]; ср. *Алаанай*, *Болооной* и *Эрээнэй*) 15

Харах Хаан — эпизодический персонаж (*харах* 'глаза, взор, зрение' [53, стлб. 3345]) 2, 25

Харыаджа Бэргэн (*Харыадьа Бэргэн*) — сын *Хаан Харахаан-тойона*, убитый *Олоон Долооном* (*харыадьа* от *хоруо* 'сажа, копоть') 28

Харыс Тюёкэй (*Харыс Түөкэй*) — старший брат *Тутум Тюёкэя* (*харыс* 'мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и средним пальцами, большая пядь' [53, стлб. 3376], *түөкэй* — см. *Тутум Тюёкэй*) 29

Хонолджуйа (*Хонолдьуйа*) — брат *Ымалджыйи* (*хонолдьуйа* от *хоной* 'напряженно вытягивать шею и высоко поднимать голову (о человеке)' [92, с. 497]) 21

Хоп-Джип (*Хоп-Дьип*) — невестка старика *Букуйдаана* (*хоп-дьип* 'аккуратный') 27

Худой Ходжугур (*Куһаҕан Ходьугур*) — младший брат *Славного Юджюйэна* (*ходьугур* — звукоподражание, обычно употребляется, когда человек быстро, но внятно говорит) 19

Чаачахаан-Чаачахаан — главный персонаж 13

Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён (*Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн*) — главный персонаж 17

Чынгырыкаан голова (*Чыҥырыкаан кулуба*) — глава мышиного рода, помогающий старушке Ныы-Ныы, второстепенный персонаж 16

Чэм-Чэмиликээн — старушка, жена *Букуйдаана* (от *чэмилий* (вар.: *чэмэлий*) 'принаряжаться, принимать на лице веселый вид, веселое, жизнерадостное выражение' [53, стлб. 3602]) 27

Чээрэ Чээрэкээн — старик, главный персонаж 31

Ымалджыйа (*Ымалдьыйа*) — сестра *Хонолджуйа* (*ымалдьыйа* от *ымай* 'улыбаться, усмехаться') 21

Ыстыйбан — конь 28

Энгкээбил (*Энҥкээбил*) — охотница, главный персонаж; имя созвучно с именем героя хосунного эпоса Юнкээбил, однако функции их различны 26

Эрбэхтэй Бэргэн — недалекий парень, персонаж, ставший мужем умной девушки (*эрбэхтэй* от *эрбэх* 'большой палец', в *олонхо* имя богатыря *айыы*) 36

Эрэйдээх-Буруйдаах — главный персонаж (в *олонхо эрэйдээх-буруйдаах* — постоянный эпитет богатыря Эр Соготоха) 24

Эрээнэй — старик, владеющий пестрой волосяной веревкой, второстепенный персонаж; ср. *Алаанай, Болоной* и *Хараанай* 15

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ

Биэтилимэ — *алаас* и речка, где живет старушка Бэйбэрикээн 18

Киэнг Чэнгэлик (*Киэҥ Чэҥэлик*) — озеро (*киэҥ* 'широкий', *чэҥэлик* — непереводимое слово) 17

Кюёрэлээх (*Күөрэлээх*) — местность 7

Манчаарылаах — речка (*манчаарылаах* от *манчаары* 'осока', *лаах* — словообразовательный аффикс) 7

Тарагана́ (*Тараҕана*) — местность 18

Тёккёлёёх (*Төккөлөөх*) — *алаас* (*төккөлөөх* от *төлкө* 'судьба, участь, рок') 7

Тыымпы — озеро (так называют озеро с песчаным ложем и узкой береговой полосой [53, стлб. 2946]) 7

Хаангылыы (*Хааҥылыы*) — вымышленное название горы, где собираются охотиться герои 18

Хордонгноох (*Хордоҥноох*) — речка 18

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ СКАЗОК

Абрамов Н.А. 17, 18
Аввакумов П.И. 10
Афанасьев М.Д. 5
Бережнов С.С. 23 — самозапись
Васильев Г.А. 6
Дмитриев М.П. 30
Ермолаев Г.С. 11
Жерготов М.П. 33
Захаров П.В. 22
Иванов Г.Я. 8, 14, 26
Иванов П.С. 2
Кириллин С.Д. 7, 21
Колмогоров И.Г. 3
Корякина А.И. 24
Ларионов И.М. 34
Мальцев И.Т. 12
Никулин Г.Ф. 27, 31
Павлов М.И. 15
Слепцов Н.В. 1, 32 — самозапись
Соловьев Е.И. 25
Степанов В. 36
Степанов Н.И. 13
Томская Д.А. 16
Хабаров В.С. 29 — самозапись

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ СКАЗОК

Боло С.И. 35
Васильев Г.М. 24
Васильев Е.В. 12
Дмитриев В.Н. 30
Дмитриев П.Н. 13
Илларионов В.В. 5, 7, 8, 10, 14, 16, 21, 22, 26
Константинов Х.И. 17, 18
Ортоюков Н. 20
Попов В.М. 33
Попов П.Н. 25
Саввин А.А. 2, 3, 11, 15, 31
Старков А.П. 27
Степанов П.Т. 34
Степанов С. 36
Худяков И.А. 4, 9, 19, 28
Эргис Г.У. 6

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ СКАЗОК

Абыйский р-н
- Мугурдахский н-г 24
- Крест-Майорский н-г 1, 27, 31, 32
- Абыйский н-г 29

Вилюйский р-н
- Кыргыдайский н-г 2
- Борогонский н-г 12
- II Кюлятский н-г 15

Кобяйский р-н
- Ситтинский н-г 3
- II Ситтинский н-г 11

Мегино-Кангаласский р-н
- Нахаринский н-г 17
- II Нахаринский н-г 18
- I Холгуминский н-г 25
- Чемаикинский н-г 34
- с. Бёкё 13

Оленекский р-н
- Шологонский н-г 36

Орджоникидзевский р-н
- Немюгинский н-г 6
- IV Мальжегарский н-г 30

Сунтарский р-н
- с. Сунтар 5, 10, 22
- с. Кутана 7, 8, 14, 21, 26

Таттинский р-н
- с. Тыараса 33

Чурапчинский р-н
- с. Чурапча 23

Верхоянский округ 4, 9, 19, 28

г. Якутск 16

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ааҕар* кинигэ (Якутская хрестоматия) / Сост. комиссией по составлению учебников на якут. яз.; ред. С.А. Новгородов. — М.; Пг., 1923. — 168 с.
2. *Аламжи* Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос / Сост. М.И. Тулохонов. — Новосибирск: Наука, 1991. — 312 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
3. *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. — Новосибирск: Наука, 1975. — 200 с.
4. *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1980. — 318 с.
5. *Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1984. — 233 с.
6. *Алексеев Э.Е.* Проблемы формирования лада. — М.: Музыка, 1976. — 287 с.
7. *Алексеев Э.Е.* Раннефольклорное интонирование. Звуковысотный аспект. — М.: Сов. композитор, 1986. — 240 с.
8. *Алексеев Э.Е., Николаева Н.Н.* Образцы якутского песенного фольклора. — Якутск: Кн. изд-во, 1982. — 100 с.
9. *Андреев Б.Н.* Птицы Вилюйского бассейна. — Якутск: Кн. изд-во, 1987. — 192 с.
10. *Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / РГО. Отд-ние этнографии, Сказочная комиссия. — Л., 1929. — 120 с.
11. *Бурятские* народные сказки. Волшебно-фантастические / Под ред. Е.В. Баранниковой; Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1973. — 446 с.
12. *Бурятские* народные сказки. Волшебно-фантастические и о животных / Под ред. Е.В. Баранниковой; Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. — 446 с.
13. *Васильев Г.М.* Живой родник. Об устной поэзии якутов. — Якутск: Кн. изд-во, 1973. — 303 с.
14. *Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов / Под ред. Д.Г. Савинова. — Якутск: Бичик, 1995. — 224 с.
15. *Верхоянский* сборник: Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым // Зап. ВСОРГО. — Иркутск, 1890. — Т. 1, вып. 3. — 311 с.

16. *Виленская Э.С.* Худяков (1842–1876). — М.: Мол. гвардия, 1969. — 175 с.
17. *Виташевский Н.А.* К материалам о якутских сказках // Живая старина, 1912. — Пг., 1914. — Вып. 2–3. — С. 449–466.
18. *Воронкин М.С.* Северо-западная группа говоров якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1984. — 222 с.
19. *Гоголев А.И.* Историческая этнография якутов: (Учеб. пособие). — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1980. — 108 с.
20. *Гоголев А.И.* Историческая этнография якутов. Народное знание и обычное право: (Учеб. пособие). — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1983. — 103 с.
21. *Гоголев А.И.* Якуты: Проблемы этногенеза и формирования культуры. — Якутск, 1993. — 200 с.
22. *Григорьев Н.С.* Саха тылын сомоҕо тылдьыта // Фразеологический словарь якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1974. — 128 с.
23. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Изд. центр «Терра», 1994. — Т. 4. — 688 с.
24. *Диалектологический* словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — 392 с.
25. *Долганский* фольклор / Под общей ред. М.А. Сергеева, вступ. ст. и пер. А.А. Попова, лит. обработка Е.М. Тагер. — Л.: Сов. писатель, 1937. — 260 с.
26. *Дьяконова Ю.Н.* Якутская сказка: (Русско-якутские взаимосвязи). — Л.: Наука, 1990. — 183 с.
27. *Дьяконова Ю.Н.* Семейно-родовые обряды и обычаи в якутских сказках // Фольклор и современная культура: Сб. науч. тр. — Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. — С. 97–102.
28. *Еремеев В.П.* Мифологические персонажи в якутских сказках // Мифология народов Якутии. — Якутск, 1980. — С. 53–58.
29. *Ефименкова Б.* Ритмика русских традиционных песен: Учеб. пособие по курсу «Народное музыкальное творчество» / РАМ им. Гнесиных. — М.: Изд-во Мос. гос. ин-та культуры, 1993. — 154 с.
30. *Зыков Ф.М.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов. — Новосибирск: Наука, 1986. — 102 с.
31. *Игнатьева Т.И.* Музыкальный фольклор юкагиров // Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н. Курилов. — М.; Новосибирск: Наука, 2005. — С. 45–124. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).
32. *Игнатьева Т.И., Шейкин Ю.И.* Образцы музыкального фольклора верхнеколымских юкагиров. — Якутск: Ситим, 1993. — 46 с.
33. *Ионов В.М.* Орел в воззрениях якутов // Сб. тр. Музея антропологии и этнографии. — СПб., 1913. — Т. 1, вып. 14. — С. 5–28.
34. *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай сахалар: Очерки по древней истории якутов. — Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. — Т. 1. — 576 с.
35. *Ксенофонтов Г.В.* Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории. — М.: Наука, 1977. — 247 с.
36. *Кто* дал эвенкам солнце / Вступ. ст., зап., пер. и примеч. М.Г. Воскобойникова. — Иркутск, 1973. — 245 с.
37. *Кулаковский А.Е.* Научные труды / Подгот. к печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — 484 с.

38. *Кыыс* Дэбилийэ: Якутский героический эпос. — Новосибирск: Наука, 1993. — 330 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 4).
39. *Ларионова А.С.* Дэгэрэн ырыа: Песенная лирика якутов. — Новосибирск: Наука, 2000. — 152 с.
40. *Ларионова А.С.* Вербальное и музыкальное в якутском дьиэрэтии ырыа. — Новосибирск: Наука, 2004. — 324 с.
41. *Материалы* по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. — Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. — Вып. 1. — 290 с.
42. *Меткая* стрела: Бурятские сказки / Сост. Вл. Петонов. — Новосибирск, 1973. — 152 с.
43. *Мифы* народов мира: Энцикл.: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энцикл., 1987. — Т. 1: А–К. — 671 с.; 1988. — Т. 2: К–Я. — 719 с.
44. *Нелунов А.Г.* Глагольная фразеология якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1981. — 128 с.
45. *Нелунов А.Г.* Якутско-русский фразеологический словарь / Отв. ред. П.А. Слепцов. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. — Т. 1: А–К. — 286 с.; 2002. — Т. 2: Л–Э. — 418 с.
46. *Неустроев Б.Ф.* Саха орнаменнара. — Якутск: «Полиграфист» ЯНЦ СО АН, 1990. — 99 с.
47. *Новгородов С.А.* Сурук-бичик. — М.; Пг.: Госиздат, 1923. — 34 с.
48. *Образцы* народной литературы якутов, издаваемые под ред. Э.К. Пекарского: В 3 ч. — СПб., 1907–1918. — Ч. 1: Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. — Вып. 5. — 1911; Ч. 2: Образцы народной литературы якутов, собранные И.А. Худяковым. — Вып. 1. — 1913. — Вып. 2. — 1918.
49. *Павлова Т.В.* Образцы музыкального фольклора эвенов Якутии. — Якутск: Бичик, 1996. — 88 с.
50. *Пекарский Э.К.* Заметка по поводу редакции «Верхоянского сборника» И.А. Худякова // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1896. — Т. 26, № 4–5.
51. *Пекарский Э.К.* Чачахан. Якутская детская сказка. — СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (Т-ва И.Н. Кушнерова и К), 1906. — 5 с. Из журнала «Живая старина», 1906. — Вып. 2.
52. *Пекарский Э.К.* Якутская сказка // Сб. статей С.Ф. Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — С. 421–426.
53. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: В 3 т. — 1958. — Т. 1, вып. 1–4. — Стлб. 1–1279; 1959. — Т. 2, вып. 5–9. — Стлб. 1280–2508; Т. 3, вып. 10–13. — Стлб. 2509–3858.
54. *Петров Н.Е.* Частицы в якутском языке. — Якутск: Кн. изд-во, 1975. — 298 с.
55. *Петров Н.Е.* Модальные слова в якутском языке. — Новосибирск: Наука, 1984. — 207 с.
56. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1883. — Вып. 4: Этнографические материалы.
57. *Предания*, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. — Новосибирск: Наука, 1995. — 400 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

58. *Приклонский В.Л.* Якутские народные поверья и сказки: Приложение к этнографическим очеркам «Три года в Якутской области» // Живая старина. — 1891. — Вып. 3. — С. 165–179.
59. *Пропп В.Я.* Русская сказка / Вступ. ст. К.В. Чистова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 335 с.
60. *Протодьяконов В.А., Алексеев Н.М.* Писатели Якутии: Краткий библиографический справочник. — Якутск: Кн. изд-во, 1972. — 400 с.
61. *Пухов И.В.* Э.К. Пекарский и изучение якутского фольклора // Эдуард Карлович Пекарский: (К 100-летию со дня рождения). — Якутск, 1959. — С. 29–41.
62. *Пухов И.В.* Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 256 с.
63. *Пухов И.В.* Работа Э.К. Пекарского над текстом олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»: (К проблеме научного редактирования эпического текста) // Текстологическое изучение эпоса. — М., 1971. — С. 170–179.
64. *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1971. — 251 с.
65. *Самсонов Н.Г.* Слова из языков народов Якутии в русских текстах. — Якутск: Кн. изд-во, 1984. — 108 с.
66. *Саха* норуотун айымньыта (Творчество якутского народа) / Сост. Г.М. Васильев, Х.И. Константинов. — Якутск: Кн. изд-во, 1942. — 251 с.
67. *Саха* остуоруйалара (Якутские сказки) / Сост. Д.К. Сивцев — Суорун Омоллоон. — Якутск: Кн. изд-во, 1940.
68. *Саха* остуоруйалара (Якутские сказки) / Сост. и обраб. Д.К. Сивцев — Суорун Омоллоон. — Якутск: Кн. изд-во, 1954. — 148 с.
69. *Саха* сэһэннэрэ (Якутские предания и сказки) / Сост. Ф.С. Андросов. — М.: Учпедгиз, 1938.
70. *Саха* фольклора (Якутский фольклор): Хрестоматия / Сост. Д.К. Сивцев. — Якутск: Кн. изд-во, 1947. — 356 с.
71. *Саха* фольклора (Якутский фольклор): Хрестоматия / Сост. Д.К. Сивцев. — Якутск: Кн. изд-во, 1970. — 336 с.
72. *Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. — 2-е изд. — М.: Ассоц. полит. энцикл., 1993. — 736 с.
73. *Сивцев Г.Ф.* Сахалыы кылгыс тылдьыт (Краткий словарь якутского языка). — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — 224 с.
74. *Сказки* Чукотки / Зап. О.Е. Бабошиной. — М.: Гослитиздат, 1958. — 263 с.
75. *Слепцов П.А.* О работах Г.У. Эргиса по якутскому языку // Мифология народов Якутии. — Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1980. — С. 83–93.
76. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки, становление норм / Отв. ред. Е.И. Коркина. — Новосибирск: Наука, 1986. — 263 с.
77. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. — Новосибирск: Наука, 1990. — 277 с.
78. *Слепцов П.А.* Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX–XX вв.). — Якутск: Кн. изд-во, 1989. — 158 с.
79. *Смирнов Ю.И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. — М.: Наука, 1988. — 116 с.

28 Заказ № 61

80. *Сравнительный* указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. — Л.: Наука, 1979. — 438 с.
81. *Тувинские* народные сказки / Сост. И.А. Плоткина. — Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1955. — 96 с.
82. *Уваровскай А.Я.* Ахтыылар / А.Я. Уваровскай; Хомуйан оҥордулар Ю.И. Васильев, Л.В. Жожикова; Сахалыыттан немецтии тылб. О.Н. Бетлингк; Немецтиттэн нууччалыы тылб. В.И. Рассадин; Нууччалыы тылб. редакциялаата Е.И. Коркина. — Дьокуускай: Бичик, 2003. — 208 с. (На якут., нем. и рус. яз.)
83. *Фольклор* Восточной Сибири / Сост. А. Гуревич. — Иркутск, 1938. — 180 с.
84. *Хангалов М., Затопляев Н.* Бурятские сказки и поверья // Зап. ВСОРГО. — Иркутск, 1889. — Т. 1, вып. 1. — 160 с.
85. *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа / Под ред. В.Г. Базанова. — Л.: Наука, 1969. — 439 с.
86. *Шерхунаев Р.А.* Сказки и сказочники Тофаларии. — 2-е изд. — Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1977. — 322 с.
87. *Эвенский* фольклор / Сост. К.А. Новикова. — Магадан: Кн. изд-во, 1958. — 120 с.
88. *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. — М.: Наука, 1974. — 404 с.
89. *Якутские* сказки / Изд. подгот. Г.У. Эргис; отв. ред. Л.Н. Харитонов. — Якутск: Кн. изд-во, 1964. — Т. 1. — 309 с.; 1967. — Т. 2. — 284 с.
90. *Якутский* героический эпос. «Могучий Эр Соготох». — Новосибирск: Наука, 1996. — 440 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).
91. *Якутский* фольклор / Тексты и пер. А.А. Попова; лит. обраб. Е.М. Тагер; под общ. ред. М.А. Сергеева. — М.; Л.: Сов. писатель, 1936. — 322 с.
92. *Якутско-русский* словарь / Под ред. П.А. Слепцова. — М.: Сов. энцикл., 1972. — 608 с.
93. *Thomson S.* The Types of the Folktale: Third printing // FF Communications. — Helsinki, 1973. — Vol. 75, N 184.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	— Академия наук СССР
АТ	— указатель Аарне-Томсона [93]
АЯНЦ СО РАН	— Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук
бл.	— блок
бран.	— бранное
букв.	— буквально
бур.	— бурятский
вар.	— вариант
вм.	— вместо
Вост.-Сиб.	— Восточно-Сибирский
ВСОРГО	— Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
вступ. ст.	— вступительная статья
вып.	— выпуск
гл.	— главный
гос.	— государственный
д.	— дело
диал.	— диалектный
ДЭ 1986	— Диалектологическая экспедиция Института языка, литературы и истории СО АН СССР 1986 г.
заим.	— заимствованное
зап.	— записал
Зап.-Сиб.	— Западно-Сибирский
зд.	— здесь
Изв.	— Известия
изд-во	— издательство
индивид.	— индивидуальный
ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР	— Институт языка, литературы и истории Якутского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР
кн.	— книжный

коммент.	— комментарий
КФЭ 1986	— Комплексная фольклорная экспедиция 1986 г.
КФЭ 1987	— Комплексная фольклорная экспедиция 1987 г.
Л.	— Ленинград
л.	— лист
лит.	— литература, литературный
личн.	— личный
М.	— Москва
Мин. пут. сообщ.	— Министерство путей сообщения
н-г	— наслег
об.	— оборот
обл.	— областной
оз.	— озеро
ОИИФиФ СО АН СССР	— Объединенный институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
оп.	— опись
отв.	— ответственный
отд-ние	— отделение
пос.	— поселок
Пг.	— Петроград
пер.	— перевод
подгот.	— подготовил
подл.	— подлинник
примеч.	— примечания
публ.	— публикации, публикуется
р.	— река
разг.	— разговорный
РАМ им. Гнесиных	— Российская академия музыки им. Гнесиных
расш.	— расшифровал
РГО	— Русское географическое общество
ред.	— редактор
р-н	— район
рус.	— русский
с.	— село
с.	— страница
сб.	— сборник
Сиб.	— Сибирский
см.	— смотри
сокр.	— сокращенный
сост.	— составлено, составитель
СП СССР	— Союз писателей СССР
СПб.	— Санкт-Петербург
ср.	— сравни
стк.	— строка

стлб.	— столбец
СУС	— Сравнительный указатель сюжетов [80]
СЯС	— Сюжеты якутских сказок [89]
т.	— том
тип.	— типография
тр.	— труды
тув.	— тувинский
ф.	— фонд
ФК СК СССР	— Фольклорная комиссия Союза композиторов СССР
шутл.	— шутливое
ЯГОМИиКНС	— Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского
ЯГУ	— Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова
яз.	— язык
якут.	— якутский

ДОПОЛНЕНИЯ

ТААЛ-ТААЛ ЭМЭЭХСИН

Былыргы үйэҕэ, киһи-һүөһү* сүрэҕэ һуоҕу<н> һаҕана, аат-суол диэн иҥэ лигинэ*, күн-дьыл бүдүк-бадык һоҕус эрдэҕинэ, үгүс тойон диэн биллибэт эрдэҕинэ, үнэр таҥара үксээн турдаҕына, абааһы диэн дэлэй эрдэҕинэ, Таал-Таал эмээхсин диэн олорбута эбитэ үһү.

Дьэ, бу эмээхсин һассыарда а'а* уу баһар идэлээх, дьыбар буо* һаҕана. Ону отон* хайдах гыныай? Былыргы киһи отон даҕаны, аныгы да киһи һарсыарда даҕаны, күнүс да уу баһар баҕайыта.

Бу эмээххин*, оттон туос ыаҕастаах, дьэ, уу баһа, дьэ, дьэлэйэн-хотойон киирэн иһэн: «Мин Тааль-Тааль* эмээхшин* диэн буолабыы-ыын, — диир. — Ый кыыһа Ырбардыыра Ылдьаана кыыһабы-ыыын», — дии-дии, дьэ, айтальдийан испит.

Онтон уу баһан баран, дьэ:

— Ый кыыһа Айталлыына Ыдьдьаана-а*, дьэ, миигин эн тоҕо Таал-Таал диэн ааттаабытыҥ буолуой? Киһини таах ыт көрдүк*... Мин хайдах букатын олох туох да киһи дьалайбат баҕайытабыный*? — диэн, уу баһан баран, тэлээриҥнээн иһэн, хатты тэбинэн*, тиэрэ кэлэн түһэн баран, дьэ, манна шытар дии, дьэ.

Эмээххин турар кыаҕа һуох. Ээ, уо'нан ба'ан*, дьэ, дьэ, ырыалаах буола һытар өссө, пу* ылыыан, туксьарыан быатыгар, бу табаарыһыҥ:

1 — Баай-баай, баай-баай,
Ый кыыһа Ыдьдьаана ийэкэйиэ-иэ-йэм,
Дьэ-э, Таал-Таал эмээхшиэн, эн кыыһыҥ,
Бысьтарык быһыыга ылларда,
5 Куһаҕан дьүрсүн* буолла,
Муушка хаттыыйаммын

СТАРУШКА ТААЛ-ТААЛ

1 В стародавнее время, когда люди* еще не были крещеными*, до наречения [их христианскими] именами*, когда времена еще были сумеречными, когда еще не были известны многие, называемые *тойонами*, когда росло число почитаемых божеств*, когда не счесть было называемых *абаасы*, говорят, оказывается, жила-была старушка по имени Таал-Таал.

2 Ну вот, эта старушка имеет обыкновение ходить за водой по утрам, во время утреннего мороза. Ну что же поделать? Древний человек, потом же и нынешний человек обычно ходит за водой и утром, и днем.

3 Ну вот, эта старушка с берестяным ведерком, ну, за водой величавой поступью направляясь, ну: «Я Тааль-Тааль штарушкой зову-усь, — говорит. — Я дочери Луны — Ырбардыыра Ульяны до-о-чь», — приговаривая, ну вот, шествовала*.

4 Ну, потом, набрав воды:

— Дочь Луны Айталлыына Ульяна-а, ну, почему же ты мне дала имя Таал-Таал? Человека просто как собаку [назвали]... Почему же я не удостоена совсем никакого внимания с твоей стороны? — сказав, набрала воды, начала было плавно выступать, поскользнулась — упала на спину, ну, лежит же здесь, ну вот.

5 У старушки нет сил подняться. *Ээ*, однако, ну вот, ну, этот твой товарищ лежит да еще поет, для того чтобы спастись, напевает:

1 — *Баай-баай, баай-баай!*
Дочь Луны, матушка мо-я-я Ульяна,
Ну во-о-т, старушка Таал-Таал, твоя дочь,
Попала в трудное положение*,
5 Случилось несчастье*:
Поскользнувшись на льду,

Та-ас уорхабынан тиэрэ түһэммин*,
Ото* турбат кыахха киирди-эм.
Будулҕан тымныыгын тоҕо ыыттын,
Аан-дьаамнын кымньыылаан кэбистин? —
Диэн кэтэ-тыынан* олоробун.
Итии сальгынна ыыт эрэ,
Куйаас шалгынна аҕал эрэ,
Альааһа дьиэбэр тахсыахпы-ыа-ыа-ыан, — дии һыппыт.

6 Ол аам дьаам* кээттин кэннэ, ол Таал-Таал эмээххин төһө да аны көрдөспүтүн иһин, ый кыыһа Ырбайльдьыйа* Ыдьдьаана ол дэлэҕэ туруоран ыыта һыдьдьыа дуо? Ото<й> хам тоҥон хаалбыта үһү диэн буолар. Дьэ, һити курдук.

ЧУУЧУЙДААН

1 Арай биирдэ — үс бырааттыы үөһээттэн түспүттэрэ, аллараатган тахсыбыттара [биллибэт] — үс бырааттыылар олорбуттара эбитэ үһү. Улахан уол Үөлэччээн диэн, орто уол Чүчүүкээн диэн, аччыгый уоллара Чуучуйдаан диэн. Үһүөн буллунан* дьарыктаналлара эбитэ үһү. Аччыгый уоллара кыра эбит, аҕыстаах-сэттэлээх оҕо. Убайдара улахан, элбэх сылынан аҕа буоланнар, кинилэр кыыллыы-тайахтыы бараллара эбитэ үһү.

2 Бу баттарын* гиэннэ* бу уол дьиэтигэр хаалан баран, корсуокка* турар ууга һохо* түспүтүн, онон булкуна* турар эбит. Онтон иһин харыаннан*, һыр* харыаннан, һур харыаннан* һуруна-һуруна* турар эбит. Онтон биирдэ үөһээ көрбүтэ, кыталык олорор эбит, оһоххо. Оһох үөлэһигэр кыталык олорор эбит.

3 Былыр кыыс-кыталыктар*, кыргыттар кыталык буолан, көтө һыдьдьаллар диэн кэпсиллэр эбит. Көтө һыдьдьаллара* эбитэ үһү — ити остуоруйаҕа. Онон бу Чуучуйдаан кыргыттары күүтэ олордоҕо дии. Онтон утайбат*, үс кыыс күлсэ-күлсэ дьиэ'э* киирэн кэлэллэр. Киирэн кэлэн, билиги* Чуучуйдааны дэлби элэктиллэр, кинини дэлби күлэллэр, элэктиллэр. Чуучуйдаан идэлги* күнү дэлби кинилэри кытта, ээ, мосуһан баран*, дьиэтин хомуйбакка, убайдара кэлэллэригэр: баарын* кыргыттар тахсыбыттарын гэннэ, убайдара кэлэллэригэр — бары-барыта ыһыллан баран һытар эбит. Онтон убайдара кэлэн баран, таһыйбыттар.

— Дьэ, хайдах буолан, дьиэгин* хомумматаххыный? — диэн дэлби сэмэлээбиттэр уонна таһыйбыттар кинини.

Повалилась навзничь на обе лопатки,
Оказалась в таком состояни-и, что никак не подняться.
Почему напустила свой мороз с метелью,
Наслала лютый мороз? —
Так говоря-приговаривая, сижу. —
Отправь-ка теплый ветер,
Дай-ка горячий ветер,
Чтобы выйти к моему родному уютному дому! — так приговаривая, лежала.

6 Когда пришел лютый мороз — как ни просила эта старушка Таал-Таал, разве же Дочь Луны Ырбайльджыйа Ульяна подымет и отпустит? — крепко-накрепко примерзла, обычно говорят. Ну, вот так.

ЧУУЧУЙДААН

1 Вот однажды, говорят, оказывается, жили три брата — [неизвестно] спустились ли три брата сверху, вышли ли снизу. Старшего брата звали Ёлэччээн, среднего брата звали Чючююкээн, младшего их брата звали Чуучуйдаан. Втроем, говорят, оказывается, занимались охотой. Младший брат, оказывается, был маленьким, ребенком семи-восьми лет. Поскольку его братья были взрослыми, на много лет старше, они, говорят, оказывается, ходили охотиться на зверя-лося.

2 Вот, как ушли братья, этот мальчик, оставшись дома, оказывается, стоял, мешая воду в горшке, куда упал уголь. Затем, оказывается, стоял, разрисовывая-расписывая* свой живот углем, мелким углем*, мелким углем. Затем вдруг посмотрел наверх — на печи, оказывается, сидит стерх. Оказывается, на печной трубе сидит стерх.

3 В старину, оказывается, сказывали о том, что девушки-стерхи — девушки, превратившиеся в стерхов, — летают. Летают, говорят, оказывается, и в этой сказке. Потому-то ведь этот Чуучуйдаан сидел, ждал девушек. Потом сразу же со смехом-весельем в дом входят, заявляются три девушки. Войдя, заявились, над тем Чуучуйдааном всячески подтрунивают, вовсю над ним насмехаются, подтрунивают. Весь день парень Чуучуйдаан с ними, *ээ*, промучился, дом свой к приходу старших братьев не прибрал: после того, как те девушки ушли, к приходу старших братьев все-все, оказывается, было разбросано. Затем его братья пришли, выпороли его.

— Ну, как же это в доме своем не прибрался? — приговаривая, крепко его отругали и выпороли.

4 Онтон иккис күнүгэр эмиэ убайдара букка* бараллар.

— Хомунан олороор эрэ! — диэллэр.

Онтон бу уол эмиэ хомуммакка, иһин харыанан суруна-суруна турар эбит. Бу туран эмиэ үөлэһэ харанарбытыгар көрбүтэ, эмиэ баары кыыс-кыталыктар үөлэскэ көстүбүттэр. Онтон кинини көрөн баран, эмиэ дьиэҕэ көтөн түһэн баран, эмиэ бэгэһээҥҥи куддук* кинини дэлби мунһаан, оонньоон, кинини дэлби дьээбэлээн бараннар, эмиэ бараллар. Баарыҥ уол эмиэ дьиэтин хомуммакка, һолуурун уутун сылыппакка, уотун оттубакка олордоҕуна, убайдара көтөн түһэллэр. Эмиэ сэмэлээбиттэр уолу. Уол эмиэ эппэтэх туох буолбутун. Онтон убайдара бу һырыыга таһыйбатахтар кинини. Тоҕо эрэ муодарҕаабыттар. Атын, дьиэ иһигэр ону-маны бырахпыттара — атын. Туох эрэ бэлиэ баар курдугуттан — уолаттара саҥарбакка, бырааттарыттан саҥарбакка, кистээннэр, бырааттара таһырдьа тахсыбытын гэннэ — биир орон анныгар улахан уол Үөлэччээн саһан хаалар. Мантан орто уол Чүчүүкээн булка барар.

5 Чуучуйдаан буоллаҕына: «Мин соҕотоҕун хааллаҕым», — диир, дьэ. Мантан убайа саһа һытан көрдөҕүнэ: иһин харыаннан һуруна-һуруна, суруна-суруна бырааta турар эбит, остуол аттыгар. Онтон үөлэһинэн, үөлэс харанара түспүтүгэр, үөлэһи өнөйөн, хантайан Чуучуйдаан көрөр. Анарааттан күлсэр саҥа иһиллэр. Онтон тыас тыаһа тилигирии түһэн баран, аан аһылла түһэр. Үс кыыс... үс кыыс-кыталык киирэннэр, дьэ, эмиэ Чуучуйдааны дьээбэлээбитинэн бараллар.

6 Үөлэччээн орон анныттан, саһа һытар киһи, биир талбытын*: «Бу кыыс, бу кыыһы кэргэннэниэххэ», — диэн, биир кыыһ үрдүгэр, кыыс-кыталык* үрдүгэр түһэр. Атыттар таһырдьа куотан хаалаллар. Ол кыыһы кынатын куорсуннарын ылан, кистээн кэбиһэр Үөлэччээн. Бырааta идэлги соһуйан хаалар. Онтон бу дойдуга капсэтэ* олордохторуна, үһүө буолан олордохторуна, баарыҥ букка барбыт Чүчүүкээн* бырааттара кэлэр, оттоку* бырааt. «Бу дойдуга кэлэн, дьэ, бу иһин, бу уол маннык олорор эбит», — диэн буолар. Бу дойдуга кэргэннэһэллэр*. Онтон кэргэннэһэн баран, һассыҥҥытыгар* Үөлэччээн этэр:

— Бу... саҥаһын...* кынатын, куорсунун кистээтим, ону эн киниэхэ этимээр — көтөн хаалыаҕа, — диир.

— Ээх, — диир. — Этиэм һуоҕа, — диир.

4 Затем, на второй день, старшие братья опять уходят на охоту.

— Приберись-ка, — говорят.

А этот мальчик, опять не прибравшись, оказывается, стоит разрисовывает-расписывает свой живот углем. Стоял так, когда опять в трубе потемнело, увидел: в трубе показались те же девушки-стерхи. Затем, увидев его, опять в дом влетают, опять как вчера всячески его мучают, забавляются, вовсю над ним подшучивают и снова улетают. Когда тот мальчик сидел, опять не прибрав свой дом, не подогрев воду в ведре, не разведя огонь, влетают его братья. Опять попрекнули мальчика. Мальчик опять не сказал о том, что случилось. А его братья на этот раз не стали его пороть. Чему-то удивились. Другому: в доме по-другому разбросана всякая всячина. Кажется, какой-то знак — парни его промолчали, из-за брата промолчали, после того же, как их брат вышел на улицу, старший брат Ёлэччээн тайком спрятался под одним *ороном*. Ну, а средний брат Чючююкээн ушел на охоту.

5 Ну, а Чуучуйдаан же говорит: «Выходит, я остался один». Его старший брат спрятался, лежит и отсюда видит: стоит, оказывается, его младший брат у стола, разрисовывает-расписывает, разрисовывает-расписывает свой живот углем. Потом, когда дымовое отверстие потемнело, Чуучуйдаан заглядывает в дымовое отверстие, задрав голову, смотрит в дымовое отверстие*. Оттуда доносится смех. Потом как зашумело, застучало-забилось — открывается дверь. Входят три девушки... три девушки-стерха, ну, и снова начинают дразнить Чуучуйдаана.

6 Ёлэччээн, спрятавшийся лежащий человек, выбирает одну, думая: «На этой девушке, на этой девушке женюсь», — да из-под *орона* набрасывается на одну девушку, девушку-стерха. Остальные выбегают на улицу. Ёлэччээн забирает маховые перья с крыла той девушки, припрятывает их. Парень, брат его, оцепенел. Потом, когда сидели в том месте, разговаривали, когда уже втроем сидели, приходит их брат Чючююкээн, давеча ушедший на охоту, средний брат. [Старшие братья] думают: «Вот почему, оказывается, прибыв в это место, ведет себя так этот мальчик». [Ёлэччээн и девушка-стерх] становятся в том месте мужем и женой. Потом, когда стали мужем и женой, Ёлэччээн на следующий день говорит [Чуучуйдаану]:

— Вот... спрятал... крыло, маховое перо твоей *сангас*, про это ты ей не говори — улетит, — сказал.

— Ладно, — говорит. — Не скажу, — говорит [тот].

7 Онтон убайдара букка баран хаалаллар. Онтон Чуучуйдаан хаалтын гэннэ, саҥаһа ырыа ыллыыр:

— Чуучуйдаан, нохо,
Куорсуммун булан кулууй,
Тоҕустуур чохуну
Түһэрээхтээн биэриэм, — диир.

Онуоха:

— Тоҕус чохуну даа? — диир.

Чуучуйдаан истибэт. Онуоха: «Сөбүлээбэтэ», — диэн, иккиһин илльыыр* саҥаһа:

— Чуучуйдаан, нохо,
Куорсуммун булан кулууй,
Пэрчээкки үтүлүгү*
Тикээһийдээн биэриэм, — диир.

Онуоха Чуучуйдаан:

— Ээ, бэй, бэччээкки үтүлүгү кэтэн баран, Бэйбэлийиэх бэҕэччэҕим* да суох, — диир.

Онуоха:

— Чуучуйдаан, нохо,
Куорсуммун булан кулууй,
Тыҥырахтаах саарыны
Тигитэлээн биэриэм, — диир.

— Тыҥырахтаах саарыны кэтэн баран, куохалльыйыах* сотом да һуох.

Онуоха саҥаһа:

— Чуучуйдаан, нохо,
Түүлээммин* булан кулууй,
Оонньуургар, нохо,
Тоҕустуур чохуну
Түһэрээхтээн биэриэм, — диир.

— Тоҕус чохуну да? Оонньуурга да? Таваай*, булан биэриэм, — диир.

Мантан тоҕус чохуну билиги оонньообут солуурун иһигэр, ыаҕаһын иһигэр, саҥаһа түһэрэн биэрэр. Чохуннан күлэ-күлэ оонньообутунан барар. Уонна баары кистээбит куорсунун саҥаһыгар биэрэр. Саҥаһа куорсунун ылар даҕаны, көтөн хаалар.

8 Кэлбиттэрэ убайдара — бырааттара Чуучуйдаан тоҕус чохуну кытта оонньуу һытар. Маары куорсуна һуох... саҥаһа баран хаалбыт.

7 Потом его братья уходят на охоту. Потом, когда Чуучуйдаан остался, его *сангас* поет песню:

— Чуучуйдаан, *нохо*,
Найди-ка мое перо,
Девять водяных жучков
Спущу, дам, — говорит.

Тогда:

— Девять водяных жучков, что ли? — говорит.

Чуучуйдаан не послушался. Тогда подумав: «Не понравилось», — его *сангас* поет во второй раз:

— Чуучуйдаан, *нохо*,
Найди-ка мое перо,
Рукавицы-перчатки
Сошью, дам, — говорит.

Тогда Чуучуйдаан:

— *Ээ, бэй*, перчатки-рукавицы надевать гибкого запястья у меня нет, — говорит.

Тогда:

— Чуучуйдаан, *нохо*,
Найди-ка мое перо,
Торбаза из *саары* с узорами*
Сошью, дам, — говорит.

— *Торбаза* из *саары* с узорами надевать стройной голени у меня нет, — говорит.

Тогда его *сангас*:

— Чуучуйдаан, *нохо*,
Найди-ка мой пух,
Поиграть, *нохо*,
Девять водяных жучков,
Спущу, дам, — говорит.

— Девять водяных жучков, что ли? Поиграть, что ли? Давай найду и дам, — говорит.

После этого его *сангас* спускает в то ведро — берестяную посуду, с которой он играл, — девять водяных жучков. Со смехом-весельем [парень] начинает играть с водяными жучками. И отдает своей *сангас* перо, давеча спрятанное им. Его *сангас*, как только получает свое перо, улетает.

8 Вернулись братья — брат их Чуучуйдаан лежит играет с девятью водяными жучками. Того пера нет... его *сангас* ушла. Что его братья

Бу мантан убайдара хайыахтарай? Мантан бырааттарын сэмэлиилээр, сэмэлээн да хайыахтарай? Дэлби һаҥаран-һаҥаран бараннар, бу дойдыга* хоноллор.

9 Сарсыҥҥытыгар икки улахан уол Чүчүүкээн* икки Үөлэччээн икки сүбэлэһэллэр:

— Чэ, бэйэ, кэбиһиилээх от диэки* барыахха, кэбиһиилээх окко Чуучуйдааны* олордуохха, [кинини] онно олордон баран [барыахха]. Кыталыктар оччо'о киниэхэ кэлиэхтэрэ, — диэн буолар. — Онуоха [Чуучуйдааҥҥа] этиэххэ. «Бу аны биирдэ оонньуохпутун, дьиэбитигэр кэлин*», — диэн эттин диэн [Чуучуйдаан үс кыыс-кыталыкка]. [Кыталыктар]: «[Убайдарыҥ] аны кэлиэхтэрэ», — [диэхтэрэ]. Ону биирдэстэрэ*: «Наадалаах убайдарым суохтар», — диэн аҕаллын.

10 Онтон Чуучуйдаан кэбиһиилээх окко барар. Кэбиһиилээх окко һассыҥҥытыгар баран, онно олорор. Онно олорон баран, кыталыктар көтөн кэлбиттэригэр, кинини көрөннөр түспүттэригэр этэр:

— Убайым аах букка баттара, билигин антах дьиэбэр ким да һуох. Мин онно оонньуом, онно бардыбыт диэ диэн*, — диир.

11 Онтон Чуучуйдаан дьиэтигэр кэлэр. Онтон кыталыктартан ол биир кыталык, саҥаһа кыталык, кэлэр. Ол кэлбитигэр, дьиэҕэ киирбитигэр — ол Үөлэччээн саһа һытар эбит, ол саһа сытан — ол куорсунун үрдүгэр түһэн, эмиэ куорсунун ылан кэбиһэр. Онтон ол кэргэннэһэн олорбуттара эбитэ үһү.

сделают за это? За это попрекают своего брата, попрекают, да что сделают? Наговоривши всякого, ночуют в том месте.

9 На следующий день два старших брата, Чючююкээн и Ёлэччээн, советуются:

— Ну, погоди-ка, пойдем-ка к стогу сена, посадим на стог сена Чуучуйдаана, посадив там, посадив его там на стог сена, уйдем. Тогда к нему прилетят стерхи, — так рассуждают. — На это скажем-ка [Чуучуйдаану], — говорят. — «Вот, еще раз приходите поиграть в наш дом», — пусть так скажет Чуучуйдаан трем девушкам-стерхам. На то стерхи: «Вдруг придут твои братья», — скажут. — На то первый: «Братьев моих, которым [вы] нужны, нет», — пусть так скажет и приведет [их], — говорят.

10 Потом Чуучуйдаан идет к стогу сена. Назавтра идет к стогу сена и сидит там. Сидит там, когда же стерхи прилетели и, увидев его, опустились, говорит:

— Братья мои ушли на охоту, там, в моем доме, сейчас никого нет. Я буду там играть, пойдем туда, — сказал.

11 Потом Чуучуйдаан приходит к себе домой. Вот из стерхов один стерх, стерх — его *сангас*, приходит. Как вошла в дом, тот Ёлэччээн, — оказывается, лежал тихонько, спрятавшись, — кидается на нее, опять отбирает ее перо. Потом, говорят, оказывается, жили, став мужем и женой.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Таал-Таал эмээхсин (Старушка Таал-Таал). — АТ (2034 А*); СЯС 136. — Зап. В.В. Илларионов в 1986 г. от С.Д. Кириллина, 62 лет, в с. Кутана Сунтарского р-на (об исполнителе см. коммент. к тексту 7). Магнитофонную запись расш. В.В. Илларионов, С.Д. Мухоплева, Н.В. Павлова, песенную вставку — Л.Г. Ильина-Гольштейн, А.С. Ларионова. — Материалы КФЭ 1986. — Публ. впервые.

О вариантах см. коммент. к тексту 14.

В публикуемом тексте отсутствует диалог, направленный на поиски самого сильного, т.е. того, кто сможет освободить старушку, и главный персонаж умирает. Однако в отличие от других вариантов в нем есть песенная вставка (см. нотацию (нотный пример 1) и компакт-диск, 7).

1 — *...киһи-һүөһүү* (*...люди...*) — вм. *киһи-сүөһү*. Переход [*с*] в [*һ*] встречается также в бл. 1: *һуоҕу* (*не были*), *һаҕана* (*когда*); в бл. 2: *һассыарда* (*по утрам*); в бл. 5: *һуох* (*нет*), *һытар* (*лежит*); в бл. 6: *һыдьдьыа* (*отпустит*), *һити* (*вот*).

— *...лигинэ...* (*...до...*) — вм. *илигинэ*.

2 — *...а'а...* (*...по...*) — вм. *аайы*.

— *...буо...* (*...во время...*) — сокр. форма *буолуутун*.

— *...отон...* (*..что же...*) — вм. *онтон*.

3 — *...эмээххин...* (*...старушка...*) — вм. *эмээхсин*.

— *...Тааль-Тааль...* (*...Тааль-Тааль*) — вм. *Таал-Таал*. Смягчение согласных [*л*, *с*] встречается в бл. 3: *айтальдийан* (*шествовала*); в бл. 4: *Айталльыына*; в бл. 5: *ыльыан, туксьарыан* (*...поет, спастись*), *бысьтарык* (*трудное*), *сальгынна* (*ветер*), *альааһа* (*уютному*).

— *...эмээхшин...* (*...штарушкой...*) — вм. *эмээхсин*. Соответствия [*с*>*ш*] встречаются далее в бл. 4: *шытар* (*лежит*); в бл. 5: *Муушка* (*на льду*), *шалгынна* (*ветер*). Сказочник, смягчая согласные, а также шепелявя, передает своеобразие речи Таал-Таал, раскрывает ее образ.

4 — *...Ыдьдьаана-а...* (*...Ульяна-а...*) — вар. имени *Ылдьаана*.

— *...көрдүк...* (*...как...*) — вм. *курдук*.

— В фонозаписи: *Мин хайдах букатын олох туох киһи им дьалай суох баҕайытабыный?* — букв.: Почему я абсолютно совсем никакое что человек внимания не удостоена?

— *...хатты тэбинэн...* (*...поскользнулась...*) — вм. *халты*. Ассимиляция согласного [л] последующим [т] далее встречается в бл. 5: *хаттырыйаммын* (*Поскользнувшись*); в бл. 6: *кээттин* (*пришел*).

5 — *...уо'нан ба'ан...* (*...однако...*) — сокр. форма словосочетания *ол гынан баран*, в котором произошло выпадение согласного [л] в указательном местоимении (*ол*), первого слога [*гы*] и гласного в деепричастии *гынан*, а также согласного [*р*] в деепричастии *баран*.

— *...пу...* (*...этот...*) — вм. *бу*.

стк. 5 — *Куһаҕан дьүрсүн...* (*...несчастье*) — вм. *куһаҕан дьүһүн*.

стк. 7 — *Тас уорхабынан тиэрэ түһэммин* (*Повалилась навзничь на обе лопатки*) — фразеологический оборот; слово *уорҕабынан* заменено на *уорхабынан* [44, с. 118].

стк. 8 — *Ото...* (*...никак...*) — вм. *отой*.

стк. 11 — *...кэтэ-тыынан...* (*...говоря-приговаривая...*) — вм. *этэ-тыына*.

6 — *...аам дьаам* (*Когда...*) — лит. вар. *аан дьаам*.

2 — *...Ырбайльдьыйа...* (*...Ырбайльджыйа...*) — вар. *Ырбардыра*.

---

1 — *...люди...* (*...киһи-һүөһү...*) — букв.: «человек-скотина».

— *...не были крещеными...* (*...сүрэҕэ һуоҕу...* — букв.: «не имели сердца») — «крещение» якуты перевели как *сүрэхтэнэр* 'обретение сердца', *сүрэҕэ суох* 'некрещеный'.

— *...до наречения* [*их христианскими*] именами... (*...аат-суол диэн ингэ лигинэ...* — букв.: «до присвоения так называемого имени-пути») — после христианизации якутам давали в церквях русские фамилии и имена. В сказке речь идет об этом.

— *...когда росло число почитаемых божеств...* (*...үнэр таҥара үксээн турдаҕына...*) — т.е. во времена расцвета язычества.

3 — *...шествовала* (*...айтальдийан...* — букв.: «широко [раскидывая ноги]») — переведено по смыслу.

5, стк. 4 — *Попала в трудное положение* (*Быстарык быһыыга ылларда*) — *быстарык* от слова *быстарыы* 'время, когда очень трудно, когда всего в обрез'.

стк. 5 — *Случилось несчастье* (*Куһаҕан дьүрсүн буолла*) — букв.: «плохой вид стал».

Чуучуйдаан (Чуучуйдаан). — Зап. П.Н. Дмитриев в 1987 г. от Н.К. Винокурова, 1932 г. р., в с. Андрюшкино Нижнеколымского р-на. Расш. Т.В. Илларионова, С.Д. Мухоплева, Н.В. Павлова. — Материалы КФЭ 1987. — Публ. впервые.

О вариантах см. коммент. к тексту 19.

Сказка записана в местности, жители которой отличаются своим полилингвизмом — свободным владением до пяти языков (русским, якутским, эвенским, юкагирским и чукотским). От информатора Н.К. Винокурова кроме этой сказки с песенными вставками записан один образец эвенской песни-икэ «По Алазее, по тундре».

Публикуемая сказка является версией сказок о женитьбе героя на небесной деве-стерхе, ее потере и возврате. В опубликованном тексте главным героем являет-

ся младший «плохой» брат Чуучуйдаан, противопоставленный двум старшим братьям. Он нарушает запрет братьев, из-за которого во второй части сказки убегает чудесная жена старшего брата. Старший брат возвращает ее, не отлучаясь из дома, с помощью младшего брата. Последний выполняет функцию посредника.

В другой версии главным героем выступает старший брат. Здесь развернут мотив отлучки героя из дома в поисках убежавшей жены, отражающий старинные мифологические представления якутов, забытые современными сказочниками.

1 — *...буллунан...* (*...охотой*) — вм. *булдунан.*

2 — *...баттарын...* (*...ушли...*) — сокр. форма *барбыттарын*, вариант *баттара.*

— *...гиэннэ...* (*...как...*) — вм. *кэннэ.* См. вар. *гэннэ* в бл. 3.

— *...корсуокка...* (*...в горшке...*) — заим. русское слово.

— *...һохо...* (*...уголь*) — вм. *чох.*

— *...булкуна...* (*...мешая...*) — вм. *булкуйа.*

— *...харыаннан...* (*...углем...*) — вм. *хоруонан.*

— *...һыр...* (*...мелким...*) — диал. слово, лит. *бытархай.*

— *...һур харыаннан...* (*...мелким углем...*) — оговорка сказочника, повтор словосочетания с вариацией.

— *...һуруна-һуруна...* (*...разрисовывая-расписывая...*) — вм. *суруна-суруна.* Сказочник в бл. 4 употребляет лит. вар. *суруна-суруна.* Переход [*с*] в [*һ*] в тексте еще встречается в 10 словах. См. в блоке 2: *...һыр...* (*...мелким...*); в бл. 3: *көтө һыдьдьаллара* (*летают*), *...ыһыллан баран һытар...* (*...разбросано*); в бл. 4: *...һолуурун...* (*...в ведре...*), *...һырыыга...* (*...раз...*); в бл. 5: *...һытан...* (*...лежит...*); в бл. 6: *...кыыһ...* (*...девушку...*), *...һассынгытыгар...* (*...на следующий день...*), *...һуоҕа...* (*не*); в бл. 8: *һаҥаран-һаҥаран...* (*наговоривши*).

3 — В фонозаписи: *...кыыс-кыталык...* (*...девушка-стерх...*).

— *Көтө һыдьдьаллара...* (*Летают...*) — вм. *көтө сылдьаллар.*

— *...утайбат...* (*...сразу же...*) — от диал. слова *утай*, лит. *хойутаа, тардылын, уһаа* 'опаздывать, медлить, мешкать' [24, с. 265].

— *...дьиэ'э...* (*...в дом...*) — вм. *дьиэҕэ.* Выпадение [ҕ] еще встречается в слове *...оччо'о...* (*Тогда...*), см. бл. 9.

— *...билиги...* (*...тем...*) — вм. *били.*

— *...идэлги...* (*...парень...*) — вар. диал. слова *идэкки*, лит. *дьэт, киһи үгэн сааһа* 'цветущийся возраст' [24, с. 103].

— *...мосуһан баран...* (*...промучился...*) — от глагола *моһуй* 'затруднять, препятствовать, ставить препоны, ограждать; донимать; мучить' [53, стлб. 1594].

— *...баарын...* (*...те...*) — вм. *мааҕын.* В тексте встречаются следующие варианты этого слова: в бл. 4 — *баары, баарын*; в бл. 6 — *баарын*; в бл. 8 — *Маары.*

— *...дьиэгин...* (*...в доме...*) — вм. *дьиэҕин.* Замена [ҕ] в [*г*] еще встречается в слове *...бэгэһээҥги...* (*...вчера...*), см. бл. 4.

4 — *...букка...* (*...на охоту*) — вм. *булка.* Сказочник в конце данного бл. употребляет лит. вар. *булка.*

— *...куддук...* (*...как...*) — вм. *курдук.*

6 — В фонозаписи: *...талбыттарын...* (*...выбирают...*) — во множественном числе.

— В фонозаписи словосочетание *кыыс-кыталык* (*девушка-стерх*) стоит в конце предложения.

— *...капсэтэ...* (*...разговаривали...*) — вм. *кэпсэтэ*.

— В фонозаписи: *Чучуукаан*, оговорка.

— *...оттоку...* (*...средний...*) — вм. *ортоку*.

— *...кэргэннэһэллэр* (*...стали мужем и женой...*) — вм. *холбоһоллор*.

— *...һассынҥытыгар...* (*...на следующий день...*) — вм. *сарсынҥытыгар*.

— *Бу... саҥаһын...* (*Вот... сангас...*), в фонозаписи неразборчиво.

7 — *...иллыыр...* (*...поет...*) — вм. *ыллыыр*.

стк. 7 — *Пэрчээкки үтүлүгү...* (*Рукавицы-перчатки*) — вар. диал. слова *бэччээҥки үтүлүк* 'рукавицы, комбинированно сшитые из оленьих лапок, заячьей шкурки и ровдуги'. *Пэрчээкки* (*бэччээҥки*) — от рус. «перчатки». Сказочник далее употребляет вариант *бэччээкки үтүлүгү*.

стк. 10 — *...бэҕэччэҕим...* (*...запястья...*) — вм. *бэгэччэҕим*.

стк. 16 — *Куохалльыйыах...* (*Стройной...*) — вм. *куохалдьыйыах* от глагола *куохай*.

стк. 18 — *...Түүлээммин...* (*...мой пух*) — вм. *түүбүн*.

стк. 24 — *Таваай...* (*Давай...*) — заим. русское слово.

8 — В фонозаписи: *Саҥаһа һуо, саҥастар...* (*Жены старшего брата нет, жены старших братьев...*) — повтор.

— *...дойдыга...* (*...в... месте*) — вм. *дойдуга*.

9 — В фонозаписи: *...Чүүчүйдээн...* — оговорка.

— В фонозаписи: *...от диэки...* (*...в сторону стога сена...*) — оговорка.

— В фонозаписи: *...Чүүчүйдээни...* — оговорка.

— В фонозаписи: *...хэл...* (*...приходи...*) в единственном числе — оговорка.

— В фонозаписи: *...бииргэһэ...* (*...первый...*) — оговорка.

10 — В фонозаписи: *...диэ диэн...* (*...скажи так...*) — оговорка.

---

2 — *...разрисовывая-расписывая...* (*...һуруна-һуруна...* — букв.: «записывая-записывая себе»). Слово *сурун* в данном значении малоупотребительно, видимо, диалектизм.

— *...мелким углем...* (*...һыр харыаннан...*) — *һыр* — звукоподражательное слово, обозначает звук сыпучих тел и множества мелких предметов (ср. *сыр харчы* 'мелкие монеты').

5 — *...задрав голову, смотрит в дымовое отверстие* (*...үөлэһи... хантайан... көрөр*) — поскольку в тексте речь идет о старинной якутской печи-камельке (*көмүлүөк оһох*), обмазанном изнутри глиной, с короткой прямой выходной трубой, герой сказки имеет возможность стоя заглянуть в отверстие печи.

7, стк. 15 — *Торбаза из саары с узорами...* (*Тыҥырахтаах саарыны...* — букв.: «*торбаза* из *саары* с ногтями») — узор *тыҥырах* относится к «арочному» типу узора, распространенного среди тюркских народов. В прошлом мастера-горчешники вылепливали ногтями узор на сырой глиняной посуде [46, с. 5].

SUMMARY

This 27th volume of the series «Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East» is dedicated to Yakut folktales. It is the second scholarly publication of Yakut folktales after the edition prepared by G.U. Ergis in two volumes in 1964 and 1967 [89]. When preparing the texts, the compilers observed modern requirements for publishing folkloric materials, and followed the basic principles laid down by the series editors. Texts were selected according to their literary merit, content, completeness, and also with regard to such important criteria as whether they had previously appeared in print and were supported by sound recordings.

The volume contains 36 works reflecting the whole range of Yakut folktale genres. Twelve of the texts are animal tales, 15 are fairy tales, and 9 are tales of everyday life. Twenty two are published here for the first time, while 14 of the most notable works were selected from earlier publications.

Folktale «Who Will See the Sunrise First» (text 5), «Madam Frog» (text 7), «Why the Ermine's Tail Turned Black» (text 8), «Old Woman Teelei» (text 10), «Old Woman Nyy-Nyy» (text 16), «Honoljuya and Ymaljiya» (text 20), «Bear Eye, the Frisky Horse» (text 22), and «Engkeebil and Seekere» (text 26) derive from modern cassette recordings made in 1985 and 1986.

During preparation of the texts the compilers paid special to the auditory material reproduced here on the accompanying compact disk. For example, folklare «Madam Frog» (text 7), exists in four variants. Other tales with singing portions (21, 26) give the reader a full representation of how Yakut folktales were originally performed. Transcription of these tales from the cassette recordings was done by the folklorists P.N. Dmitriev (text 5) and V.V. Illarionov (text 14, 22). Recitative and sung fragment were transcribed by the ethnomusicologist A.S. Larionova (text 7, 21, 26).

All of the texts being published here are accompanied by scholarly commentary whose format is explained in the Foreword. The book reflects articles by two authors, Yu.I. Smirnov and N.V. Emelyanov. Because the articles by N.V. Emelyanov were unfinished due to the author's death, they have been amended by the volume's editor-in-chief Yu.I. Smirnov with an analytical article on the historiography of collecting, publishing and studying folktales, as well as their systematization, classification, and artistic structure and context.

In addition to folkloric articles, the volume describes research into the music of Yakut folktales. For many years, no one studied the musical aspect of folklore. The concept of the Siberian series, «Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East» is based on the principle of multidisciplinary analysis and publication of creative works of oral folk poetry. Guided by that principle, the Editorial Board of the present series and also the Folklore Section of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences regularly sponsors field research across Siberia to gather and produce quality documentation of folkloric materials using the best technology available. From these recordings the best examples are selected and placed on compact disk.

The basis for the musicological article and compact disk in the present volume derives from sound recordings made during multidisciplinary expeditions to various districts of Yakutia (Sakha Republic). As the study of texts containing singing portions has shown, the sung elements blend into the tale's narrative fabric, but their significance varies from tale to tale. In «Madam Frog» (text 7) and «Old Woman Taal-Taal» (text 14) the vocal portions are simply a reiteration of the tale's spoken introduction, though more elaborated. The remaining tales contain shorter insertions of song. «Honoljuya and Ymaljiya» contains three songs a supplication for a blessing, a spell, and a portion of *toyuk* (a Yakut genre of improvised singing). «Engkeebil and Seekere» contains a sung lament as its denouement. «Chuuchuydaan» contains sung dialog by one of the characters.

Tales with insertions of song reflect the stylistic diversity of the musical folklore of the Sakha (Yakut) people. Stylistic features of sung elements are reflected in the examples provided with musical notation that appear in the volume's musicological article. Each of the analyzed folktales demonstrates original forms of harmonic intonation and metric-rhythmic development, reflecting the strength of tradition and the individual mastery of the performer.

Among the Yakut, like any other nation, folktales that have long occupied a position of special affection. To this day they remain the most widespread folkloric genre and can be found in every district of Yakutia. As a name for this genre, contemporary Yakut has adopted the term *ostuoruya* from the Russian word *istoriya* (history).

Folk terminology differentiates the folktale from among other narrative genres of folklore, such as historical tales that reflect real events and details of true life from the past. Folktales differ from the heroic epic *Olonkho* in story line, form and the images included. *Olonkho* performances, as a rule, represent large-scale poetic texts in which the heroes sing their lines and narrative descriptions are conveyed by recitative in rapid tempo. Folktales do not resemble myths and legends.

In contrast to myths, which reflect peoples' age-old conceptualizations of the world and of nature, folktales talk about real social and everyday pheno-

mena. In other words, a conscious setting of make-believe predominates in folktales.

The pioneer in discovering Yakut folktales was I.A. Khudyakov (1842–1876), a well-known collector and scholar of Russian folklore. He was a prominent member of the revolutionary movement in the early 1860s who was exiled to Siberia for his political activity. He quickly mastered the Yakut language and began recording works of oral literature.

Beginning in the 1880s a number of other scholars collected Yakut folktales: V.L. Priklonsky, E.D. Borisov, N.A. Vitashevsky, M.P. Ovchinnikov, V.L. Seroshevsky, E.K. Pekarsky. Around 1900 there appeared collectors and scholars among the Yakut themselves who began to gather and publish examples of folklore, including folktales. These scholars were A.E. Kulakovsky, P.A. Oyunsky, and G.F. Ksenofontov.

The founding in 1935 of the Scholarly Research Institute of Language and Culture ushered in the start of methodical and organized study of the issues of alphabets, orthographies and terminology for Siberian languages and folklore. The institute's designated work included the collection and analysis of materials belonging to all genres of oral literature. The institute also contacted a wide variety of traditional experts, *Olonkho* singers, and performers of other works of folklore. Expeditions throughout all districts of Yakutia supported the creation of an extremely rich collection of folklore. Two outstanding collectors of folk literature, S.I. Bolo (1905–1948) and A.A. Savvin (1896–1951) played a significant role in the development of this collection.

Among publications of Yakut folktales, the «Verkhoyansk Collection» [15] occupies a special place. That volume contains eleven folktales and two long «Russian» tales, «Ilya Muromets» and «Old Man Pilgrim», current also among the Yakut. All of the texts were translated into Russian by I.A. Khudyakov himself. Paying I.A. Khudyakov his due, the compilers included four tales (our text 4, 9, 19, 28) recorded by Khudyakov and published under the editorship of e. K. Pekarsky in the book «Samples of Yakut Folk Literature» [48].

In 1936 in Leningrad there appeared the volume «Yakut Folklore» [91], prepared for publication by A.A. Popov. In addition to other works of folklore, the volume included six folktales that were previously unpublished and therefore new for a broad audience.

The 1960s witnessed the publication of the first large-scale edition of Yakut folktales, undertaken by G.U. Ergis [89]. This two-volume edition contained 132 folktales in the original Yakut with accompanying interlinear Russian translation. All of the published texts were recorded directly from their performers, which had a necessarily raised the quality of the published versions. The second volume contained important accompanying materials, along with a glossary of Yakut folktale plot lines. The appearance of this two-volume set was a milestone in the study of Yakut folklore.

As the extant collections of folklore demonstrate, the repertoire of Yakut storytellers contains all varieties of tales: animal tales, fairy tales, novelistic stories, tales of everyday life, and cumulative stories. Samples of each genre appear in our volume in the proper sections.

Animal tales fall into two groups: 1) tales in which only animals appear as characters, and 2) tales containing people as well as animals. Participating characters can include either wild or domestic animals and birds. Usually they are local fauna: fox, bear, wolf, ermine, crane, golden eagle, ducks, horse, ox, cow, dog, and others. Ail of these animals figure in the tales published here.

Animal tales reflect not only the characters and interactions of people, but also the collisions of opposing social forces. Often these tales contain etiological elements explaining the animals' habits and lifeways, their coloration, or the origin of particular distinguishing traits.

The tale «The Old Man and the Wolf» (text 11) deals with the idea that a wild animal is destined to remain untamed forever, so that people must avoid it and also be protective of their tame domestic animals which, as it is with humans, are strong when young but become weak with age and require more care. Such instructive tales are intended primarily to teach each new generation of children.

Yakut fairy tales resemble in their story line the tales of other peoples of Siberia. Their plots usually revolve around the conflict of «small heroes» with the cannibalistic monster Mangys (tales 13, 15, 16) or involve a miraculous spouse (text 18). This tale was performed by the famous *Olonkho* performer N.A. Abramov-Kynat. It is one of the best according to its content and stylistic mastery.

Among fairy tales a special place is occupied by so-called cumulative tales, which often are built around the idea of «who is stronger». One such story is «Old Woman Taal-Taal» (text 14), which represents an early type of fairy tale.

Tales of everyday life differ from fairy tales in their plots, images, and techniques of artistic expression. They are generally based on actual events of people's everyday life and reflect social ideals and the relation of the average person to reality. The events narrated in these tales deal with real life. The plots are varied, but the most common ones are stories about brothers (the older is smart, the younger stupid, or vice versa), or about a poor peasant and a rich, stingy and boastful person. One distinctive series of such tales involves smarts young women and brides, an example being text 36.

Yakut storytellers have thus created an original artistic world reflects their people's aspirations for a happy life.

Written by E.N. Kuz'mina
Translated by Edward J. Vajda

СОДЕРЖАНИЕ КОМПАКТ-ДИСКА

1. «Лягушка-госпожа» (*«Баҕа баҕылык»*), вариант 1. Нотный пример 4. Исп. Г.Я. Иванов.

2. «Лягушка-госпожа» (*«Баҕа баҕылык»*), вариант 2. Нотный пример 5. Исп. Г.Я. Иванов.

3. «Лягушка-госпожа» (*«Баҕа баҕылык»*), вариант 3. Текст 7. Нотный пример 2. Исп. С.Д. Кириллин.

4. «Лягушка-госпожа» (*«Баҕа баҕылык»*), вариант 4. Нотный пример 3. Исп. С.Д. Кириллин.

5. «Хонолджуйа и Ымалджыйа» (*«Хонолдьуйа уонна Ымалдьыйа»*). Текст 21. Нотные примеры 6–9. Исп. С.Д. Кириллин.

6. «Энгкээбил и Сээкэрэ» (*«Энгкээбил уонна Сээкэрэ»*). Текст 26. Нотный пример 10. Исп. Г.Я. Иванов.

7. «Старушка Таал-Таал» (*«Таал-Таал эмээхсин»*). Текст в дополнениях. Нотный пример 1. Исп. С.Д. Кириллин.

8. «Чуучуйдаан» (*«Чуучуйдаан»*). Текст в дополнениях. Нотный пример 11. Исп. Н.К. Винокуров.

9. «От Сагынньах» (*«От Саҕыньньах»*). Нотный пример 12. Исп. Н.К. Винокуров.

Общее время звучания 53.45

Исполнители

Иванов Григорий Яковлевич (1920 г. р., родился в Кангаласском (ныне Кутанинском) н-ге Сунтарского р-на. Охотник, исполнитель сказок, преданий 1, 2, 6

Кириллин Семен Дмитриевич (1924 г. р., родился в Кангаласском (ныне Кутанинском) н-ге Сунтарского р-на. Исполнитель сказок, преданий, анекдотов, запевала кругового танца *осуохай* 3—5, 7

Винокуров Н.К. (1932 г. р.) 8, 9

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7
Якутские сказки (*Ю.И. Смирнов*) 11
Народные сказки якутов (*Н.В. Емельянов*, *Е.Н. Кузьмина*) 37
Музыка якутских сказок (*А.С. Ларионова*) 57
Сведения о текстах и принципах их публикации (*С.Д. Мухоплева*) 98

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

ХАМСЫЫР ХАРАМАЙ ТУҺУНАН ОСТУОРУЙАЛАР
СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Эһэ уонна саһыл 108
Медведь и лиса 109
2. Саһыл туруйа икки 112
Лиса и журавль 113
3. Түөт сыымыыттаах Түөнэн кыыл 118
Птица Тюёнэн с четырьмя яйцами 119
4. Чаркый икки барыллыа (икки) 122
Чирок и беркут 123
5. Күн тахсарын хайабыт урут көрөр 130
Кто первым увидит восход солнца 131
6. Атыыр уонна атыыр оҕус (Кыһын уһаабыта, сайын кылгаабыта) 132
Жеребец и бык-пороз (Как зима стала длиннее, а лето короче) 133
7. Баҕа баһылык 132
Лягушка-госпожа 133
8. Кырынаас кутуруга тоҕо хараламмыта 134
Почему у горностая хвост почернел 135
9. Чыычаах икки маҥыс икки 136
Пташка и *маҥыс* 137
10. Тээллэй эмээхсин 138
Старушка Тээллэй 139

11. Бөрө уонна оҕонньор 142
Волк и старик 143

12. Өйдөөх ыт 154
Умная собака 155

АЛЫПТААХ-ДЬИКТИЛЭЭХ ОСТУОРУЙАЛАР
ВОЛШЕБНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

13. Чаачахаан-Чаачахаан 162
Чаачахаан-Чаачахаан 163

14. Таал-Таал эмээхсин 170
Старушка Таал-Таал 171

15. Лыыбара 172
Лыыбара 173

16. Ньыы-Ньыы эмээхсин 176
Старушка Ньыы-Ньыы 177

17. Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн 184
Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён 185

18. Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин 194
Старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами 195

19. Үчүгэй Үдьүйэн 218
Славный Юджюйэн 219

20. Куобах Кутуруга 228
Заячий Хвост 229

21. Хоноллуйа уонна Ымалдыйа 232
Хоноллжуйа и Ымалджыйа 233

22. Эһэ Харах Дьэллик Сүүрүк 244
Резвый Бегун Медвежий Глаз 245

23. Аҕас-балыс 252
Сестры 253

24. Баай Хара Хаан уола уонна Эрэйдээх-Буруйдаах 270
Сын Баай Хара Хаана и Эрэйдээх-Буруйдаах 271

25. От Саҕыньньах 274
От Сагынньах 275

26. Энгкээбил уонна Сээкэрэ 282
Энгкээбил и Сээкэрэ 283

27. Букуй-такый тайыылаах Букуйдаан оҕонньор 288
Старик Букуйдаан с гнутой-согнутой рогатиной 289

ОЛОХ-ДЬАҺАХ ОСТУОРУЙАЛАРА
БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

28. Оноҕостоон Чуокаан икки Олоон Долоон (икки) 292
Оногостоон Чуокаан и Олоон Долоон 293
29. Тутум Түөкэй 300
Тутум Тюёкэй 301
30. Мэник Мэнигийээн 310
Мэник Мэнигийээн 311
31. Чээрэ Чээрэкээн оҕоньньор 326
Старик Чээрэ Чээрэкээн 327
32. Кутурук Уоруйах 338
Вор Кутурук 339
33. Дьаданы бааһынай 346
Бедный крестьянин 347
34. Үс ынахтаах, үс ойохтоох Тээп-Тээп оҕоньньор 350
Имеющий трех коров и трех жен старик Тээп-Тээп 351
35. Уустук үллэрии 356
Сложная дележка 357
36. Өйдөөх кыыс 358
Умная девушка 359

ПРИЛОЖЕНИЯ

Памяти Ю.Н. Дьяконовой (1953–1986) (*С. Ойунская*) 366
Примечания и комментарии 369
Словарь непереведенных слов 416
Указатель персонажей 424
Указатель топонимов 428
Указатель исполнителей сказок 428
Указатель собирателей сказок 429
Указатель мест записи сказок 429
Список литературы 430
Список сокращений 435

ДОПОЛНЕНИЯ

Таал-Таал эмээхсин 440
Старушка Таал-Таал 441
Чуучуйдаан 442
Чуучуйдаан 443
Примечания и комментарии 450
Summary 454
Содержание компакт-диска 458

Научное издание

ЯКУТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Редактор *Н.И. Коновалова*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Горбунова*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

Изд. лиц. № 020297 от 23.06.97 г. Сдано в набор 28.03.08. Подписано в печать 01.10.08.
Бумага ВХИ. Формат 75×90 1/16. Офсетная печать. Гарнитура Лазурского.
Уч. печ. л. 36,3+0,6 вкл. на мел. бум. Уч.-изд. л. 23,0. Тираж 2500 экз. Заказ № 61.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН. 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.
СП «Наука» РАН. 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ISBN 978-5-02-028691-7

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ!

Сибирская издательская фирма «Наука» Российской академии наук

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ

индивидуальным и коллективным заказчикам следующие услуги:

Книжные редакции

готовят к изданию литературу практически по всем направлениям фундаментальной науки — математике, геологии, химии, физике, биологии, медицине, физиологии, истории, философии, экономике, русской литературе и языку; помогают в оформлении и редактировании диссертаций и других материалов.

Отдел допечатной подготовки изданий

выполняет компьютерный набор и верстку; сканирование и цветоделение; техническую и художественную ретушь; изготовляет оригинал-макеты любой сложности.

Мы рассмотрим любые предложения и программы!

Об условиях размещения заказов и их оплате можно узнать по адресу:

630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.
Звоните по телефонам: (383) 266-73-18 (приемная), e-mail: info@spc.nsc.ru;
(383) 266-73-18 (первый зам. директора), e-mail: info@spc.nsc.ru;
(383) 266-73-52 (редакция естественно-научной и технической литературы), e-mail: tech@spc.nsc.ru;
(383) 266-73-52 (редакция литературы по гуманитарным наукам), e-mail: gum@spc.nsc.ru;
(383) 266-73-52 (художественно-графический отдел), e-mail: Natalya@spc.nsc.ru

Адреса книготорговых предприятий Российской торговой фирмы «Академкнига»

Магазины «Книга — почтой»

121009, Москва, Шубинский пер., 6
197345, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088, Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»)
620151, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)
660049, Красноярск, ул. Сурикова, 45
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192, Москва, Мичуринский проспект, 12
103642, Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091, Новосибирск, Красный проспект, 51 («Книга — почтой»)
630090, Новосибирск, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
142292, Пущино Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»)
443022, Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»)
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104, Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164, Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050, Томск, наб. реки Ушайки, 18 («Книга — почтой»)
450059, Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
450025, Уфа, ул. Коммунистическая, 49

820 ~

Р-28
Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока
Якутские народные сказки
COMPACT disc DIGITAL AUDIO
Российская академия наук
Сибирское отделение
© Институт филологии
Manufactured by UEP-CD
Ekaterinburg, Russia

82
Я 498

820-00
+ СД

ЯКУТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА